

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,
Издательство «ЮРКОМПАНИ»
Издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»
Основан в 2009 году
Выходит один раз в месяц
ISSN 2076-1503
Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и
«Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием
(Свидетельство о регистрации СМИ
Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
доктора наук (список ВАК при Министерстве
образования и науки РФ) по отраслям науки:
12.00.01, 12.00.02.

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в
Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2021

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
социологии, педагогики, юриспруденции,
образования, а также правовому
мониторингу, инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Дмитрий Пашенцев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Home page:
www.education.law-books.ru

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

E-mail:
mail@law-books.ru

Дизайн:
Александр Черкасов

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керва Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: С.А. Иванова – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологической педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Ю.М. Алпатов – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов», Почетный адвокат России

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волков – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета

(США), Почетный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО «Казанский Государственный Институт Культуры»

Р.М. Мырзалимов – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.Г. Осипова – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

Ф.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Д.А. Пашенцев**, доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института
законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
профессор Московского городского педагогического университета

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук,
доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского
научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: **Р.Б. Гандалоев**,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального
управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического
государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук,
профессор, профессор Департамента правового
регулирования экономической деятельности ФГОБУ
ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»

А.В. Барков - доктор юридических наук, про-
фессор, профессор кафедры гражданского права Сара-
товской государственной юридической академии,
Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических
наук, доцент, доцент Департамента правового ре-
гулирования экономической деятельности ФГОБУ
ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»

Е.В. Богданов - доктор юридических наук, про-
фессор, профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Российского экономического Универси-
тета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, про-
фессор

Е.В. Виноградова - доктор юридических наук,
профессор. И.о. первого заместителя директора
Института государства и права Российской академии
наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук,
доцент, заведующая кафедрой педагогики и психоло-
гии, профессор кафедры английского языка № 2
Московского государственного института междуна-
родных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук,
профессор, действительный член АПСН, заведующий
кафедрой теории и методики воспитания Владимир-
ского института развития образования им. Л.И. Нови-
ковой

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических
наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и
криминологии Института финансов и права, член
Ассоциации юристов России, член-корреспондент
Российской академии естественных наук, Почетный
профессор права Института адвокатуры, нотариата и
международных отношений

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук,
доцент, директор Института «Высшая школа образо-
вания», профессор кафедры педагогики Института
«Высшая школа образования» Московского педаго-
гического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических
наук, доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансо-
вый университет при Правительстве Российской Фе-
дерации»

И.В. Дойников – доктор юридических наук, про-
фессор, профессор Московского городского универси-
тета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, про-
фессор, заведующая кафедрой международного права
Российского государственного педагогического уни-
верситета им. А.И. Герцена

С.О. Елишев – доктор социологических наук,
доцент, ученый секретарь, профессор кафедры совре-
менной социологии социологического факультета Мо-
сковского государственного университета имени М.В.
Ломоносова

В.Б. Израелян – кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры юриспруденции Москов-
ского городского университета управления Прави-
тельства Москвы

А.С. Кагосян – доктор педагогических наук,
доцент, профессор РАО, проректор по научной и вос-
питательной работе Гжелского государственного
университета, Почетный работник среднего профес-
сионального образования РФ

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник сектора меж-
дународно-правовых исследований Института госу-
дарства и права Российской академии наук, профес-
сор кафедры международного права Российского уни-
верситета дружбы народов

В.П. Камышанский - доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой гражданского
права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
аграрный университет», заведующий кафедрой граж-
данского права и процесса Института международ-
ного права, экономики, гуманитарных наук и управ-
ления имени К.В. Россинского, Почётный работник
высшего профессионального образования Российской
Федерации

И.А. Конохова – доктор юридических наук,
профессор, руководитель отдела конституционного
права и профессор кафедры конституционного права
Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжельского государственного университета

Т.А. Сошникова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член-корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Шельшакова Н.Н.** * Система безопасности в мире: описание 11
- Абрамова О.К.** * Интеграционные процессы на постсоветском пространстве конца XX начала XXI веков . . 17
- Трифорова И.А.** * ЕС: от объединения угля и стали до климатической нейтральности 21
- Маланичева Н.В.** * Правовые основы и особенности международного оказания услуг в условиях пандемии COVID-19 25
- Альпидовская М.Л., Трифорова Т.А., Бухаров Д.Н., Аракелян С.М.** * Уроки пандемии и перезагрузка общества в условиях тотального психоза и без юридического обоснования ограничительных мер: отсутствие доказательной медицины и предсказательного моделирования (часть 2) 32
- Арутюнян Р.Э., Бабаян Р.А.** * Критерии сохранения подводного культурного наследия: международно-правовая практика 42

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Федулов В.И.** * Современные международно-правовые стандарты экологических прав 47
- Радаева С.В., Агафорова Н.Ю.** * Актуальные проблемы реализации конституционного права на высшее образование 54
- Игнатьева М.В.** * Проблемы эффективной реализации норм в сфере защиты прав человека 59

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

- Комарова В.В., Садовникова Г.Д., Таева Н.Е.** * Конституционные основы транспортного права 64
- Михеева Т.Н., Целищев А.А.** * О правовой природе государственных полномочий, передаваемых негосударственным организациям 76
- Занин В.Е.** * Преклюзия в российской процессуальной доктрине: перспективы и проблемы рецепции 80
- Баймаханова Д.М., Ибраева А.С., Есетова С.К., Конарбаева М.М.** * Понятие и принципы слышащего государства, соотношение с демократическим, правовым, социальным государством 87
- Колесников А.В.** * Специфика статуса должностного лица у муниципального депутата и служащего: отраслевые подходы и необходимость их унификации . . 100
- Атабекова Н.К., Болотбекова Э.К., Урисбаева А.А.** * Конституционно-правовая регламентация института семьи: сравнительно-правовое исследование 105
- Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А.** * Систематизация законодательства и её значение для совершенствования правового регулирования 113

ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Ягофарова И.Д.** * Тенденции и перспективы правового регулирования малого и среднего бизнеса в России 117

POLICY AND LAW

- Shelshakova N.N.** * Safety system in the world: description 11
- Abramova O.K.** * Integration processes in the post-Soviet space of the late 20th and early 21st centuries 17
- Trifonova I.A.** * EU: from the unification of coal and steel to climate neutrality 21
- Malanicheva N.V.** * Legal framework and features of international service delivery in pandemic conditions COVID-19 25
- Alpidovskaya M.L., Trifonova T.A., Bukharov D.N., Arakelyan S.M.** * Pandemic lessons and society reset in conditions of total psychosis and without legal justification of restrictive measures: lack of evidence-based medicine and predictive modeling (part 2) 32
- Harutyunyan R.E., Babayan R.A.** * Criteria for the preservation of underwater cultural heritage: international legal practice 42

HUMAN RIGHTS

- Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Fedulov V.I.** * Modern international legal standards of environmental rights . . 47
- Radaeva S.V., Agafonova N.Y.** * Topical problems of realization of constitutional right to higher education . . 54
- Ignatieva M.V.** * Problems of effective implementation of norms in the field of human rights protection 59

PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW

- Komarova V.V., Sadovnikova G.D., Taeva N.E.** * Constitutional foundations of transport law 64
- Mikheeva T.N., Tselishchev A.A.** * On the legal nature of state powers transferred to non-state organizations . . 76
- Zanin V.E.** * Preclusion in the Russian procedural doctrine: prospects and problems of reception 80
- Baimakhanova D.M., Ibraeva A.S., Esetova S.K., Konarbayeva M.M.** * Concept and principles of the hearing state, relationship with the democratic, legal, social state 87
- Kolesnikov A.V.** * Specifics of the status of an official with a municipal deputy and an employee: sectoral approaches and the need for their unification 100
- Atabekova N.K., Bolotbekova E.K., Urisbaeva A.A.** * Constitutional and legal regulation of the family institute: a comparative legal study 105
- Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Y.A.** * Systematization of legislation and its importance for improving legal regulation 113

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

- Yagofarova I.D.** * Trends and prospects of legal regulation of small and medium-sized businesses in Russia 117

Рабданова З.К. * Реализация доли в праве долевой собственности на жилое помещение: проблемные аспекты 122

Браженская Н.Е., Османов М.М. * Трансформация семейных ценностей в условиях цифрового общества 126

Звонарев А.А. * Обязательства вследствие причинения вреда государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами при осуществлении мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций 132

Грудцына Л.Ю., Чернявский А.Г. * Защита прав интеллектуальной собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации 136

Васильев И.А. * Многомерная «справедливость» при разрешении спортивных споров 145

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Бабаева Ю.Г., Пашенцев Д.А. * Диалог как основа права: использование диалогической теории в совершенствовании законодательства города Москвы 156

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Зарубин М.Ю., Булгакова Н.А. * Тенденции развития и особенности правового регулирования национальной платежной системы 160

Джиоева Е.А. * Особенности политико-экономических ограничений непризнанных или частично признанных государств 165

Антипин В.С. * Доктрина «снятия корпоративной вуали»: проблемы правоприменения 169

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Синина А.И. * Заключительная речь адвоката защиты: стратегии и тактики (на материале англоязычных видеофрагментов) 173

Виноградова Е.В., Михайлова Е.В. * Институционализация цифровой формы реализации и судебной защиты прав в современной России 178

Петручак Р.К. * Как вернуть уплаченный штраф за нарушение правил остановки или стоянки в судебном порядке 186

Эриашвили Н.Д. * Федеративное устройство и административно-территориальное деление как основа системы судебных органов общей юрисдикции Российской Федерации 195

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Слоик М.И. * Школьная медиация в начальной школе 199

Черных К.И. * Роль службы постинтернатного сопровождения на базе учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в успешной социальной адаптации в период постинтернатного сопровождения 209

Половникова А.В., Звонарева Н.А., Лапина В.А., Камнева А.С. * Опыт подготовки и анализ результатов участия студентов-педагогов во Всероссийском конкурсе «Учитель будущего. студенты» 217

ИННОВАЦИИ

Семина Т.В. * Социальный феномен медицинской биоэтики в контексте междисциплинарных правовых стратегий 221

Грудцына Л.Ю., Чернявский А.Г. * К вопросу о сущности и природе интеллектуальной собственности . . . 230

Rabadanova Z.K. * Realization of a share in the right of shared ownership of housing: problematic aspects . . . 122

Brazhenskaya N.E., Osmanov M.M. * Transformation of family values in a digital society 126

Zvonarev A.A. * Obligations due to harm caused by state bodies, local self-government bodies and their officials in the implementation of measures for the prevention and elimination of emergency situations 132

Grudtsina L.Yu., Chernyavsky A.G. * Protection of intellectual property rights in the civil law of the Russian Federation 136

Vasiliev I.A. * Multidimensional “justice” in the resolution of sports disputes 145

THEORY OF CONTROL

Babaeva Yu.G., Pashentsev D.A. * Dialogue as the basis of law: the use of dialogic theory in improving the legislation of the city of Moscow 156

LAW AND ECONOMICS

Zarubin M.Yu., Bulgakova N.A. * Trends of development and peculiarities of legal regulation of the national payment system 160

Dzhioeva E.A. * Peculiarities of political and economic restrictions of unrecognized or partially recognized states 165

Antipin V.S. * The doctrine of “removing the corporate veil”: problems of law enforcement 169

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Sinina A.I. * Final speech by defense counsel: strategies and tactics (based on English-language video clips) . . 173

Vinogradova E.V., Mikhailova E.V. * Institutionalization of the digital form of realization and judicial protection of rights in modern Russia 178

Petruchak R.K. * How to return the paid fine for violation of the rules of stopping or parking in court 186

Eriashvili N.D. * Federal structure and administrative-territorial division as the basis of the system of judicial bodies of general jurisdiction in the Russian Federation 195

EDUCATION MANAGEMENT

Sloik M.I. * School mediation in elementary school . . 199

Chernykh K.I. * Role of the post-online support service on the basis of institutions for orphans and children left without parental care in successful social adaptation during post-online support 209

Polovnikova A.V., Zvonareva N.A., Lapina V.A., Kamneva A.S. * Training experience and analysis of the results of participation of student teachers in the All-Russian competition “Teacher of the Future. students “ . . 217

INNOVATIONS

Semina T.V. * Social phenomenon of medical bioethics in the context of interdisciplinary legal strategies 221

Grudtsyna L.Yu., Chernyavsky A.G. * On the essence and nature of intellectual property 230

Ковалев С.В. * Применение технических средств рентгеноскопического контроля в служебной деятельности специалистов взрывотехников 237

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Браженская Н.Е., Османов М.М. * Развитие харизмы у сотрудников полиции 240

Яковец Т.Я., Таджибова А.Н. * Организация самостоятельной работы по изучению иностранного языка посредством электронной платформы MOODLE 245

Ковалькова Е.Ю., Смелкова Е.В. * Правовое регулирование и организация учебного процесса в высшей школе с использованием здоровьесберегающих технологий 252

Гончаренко Е.С., Черниченко И.А., Яковлева П.П. * Формирование иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза 257

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Майстренко Г.А. * Принцип вины в уголовном праве России: содержание и значение 264

Шельшакова Н.Н. * Описание заказного преступления в отношении руководителей ВУЗов: от причин (обоснованного выговора и невыдачи проекта) к заказчикам 268

Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. * Убийства, регламентированные правом 274

Юрчак Е.В. * К вопросу о реализации принципа вины при рассмотрении судами дел о взыскании компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием по делам частного обвинения 280

Неупокоев А.П. * Исторические аспекты уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в российском законодательстве 287

Шагбанова Х.С. * Место и роль переводчика в уголовном процессе 291

Майстренко Г.А. * Право осужденных на личную безопасность: правовая регламентация и проблемы обеспечения 295

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ

Бештоев Р.О., Кодзиков А.Х., Доттуев Т.И. * Радикализация молодежи. Причины и тенденции 299

Гедгафов М.М. * Развитие кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства 304

Кануков А.М., Настуев Э.Б., Черкесов Р.М. * Основные направления профилактики экстремизма в молодежной среде 309

Коркмазов А.В., Газдиева Е.Х. * Предпосылки и источники молодежного экстремизма в современных условиях 314

Люев Р.Х. * Технологии распространения идеологии экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве 319

Мешев И.Х. * Правовая политика государства в сфере противодействия терроризму 324

Настуев Э.Б. * Экстремизм и терроризм: дифференцированный подход к соотношению понятий 330

Таков А.З. * Интернет как фактор распространения экстремизма в молодежной среде 336

Kovalev S.V. * Use of technical means of X-ray control in the performance of specialists of explosive technicians 237

PEDAGOGICAL SCIENCES

Brazhenskaya N.E., Osmanov M.M. * Development of charisma among police officers 240

Yakovets T.Ya., Tajibova A.N. * Organization of independent work on learning a foreign language through the electronic platform MOODLE 245

Kovalkova E.Yu., Smelkova E.V. * Legal regulation and organization of the educational process in higher school using health-saving technologies 252

Goncharenko E.S., Chernichenko I.A., Yakovleva P.P. * Formation of foreign-language communicative competence of a technical university graduate 257

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Maistrenko G.A. * The principle of guilt in the criminal law of Russia: content and meaning 264

Shelshakova N.N. * Description of contract crime against university managers: from reasons (justified reprimand non-delivery of the project) to customers 268

Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. * Killings regulated by law 274

Yurchak E.V. * On the implementation of the principle of guilt in the consideration by the courts of cases on the recovery of compensation for damage caused by unjustified criminal prosecution in cases of private prosecution 280

Neupokoev A.P. * Historical aspects of criminal liability for falsification of evidence in Russian legislation 287

Shagbanova H.S. * Place and role of translator in criminal proceedings 291

Maistrenko G.A. * Right of convicts to personal security: legal regulation and security problems 295

COMBATING EXTREMISM AND TERRORISM

Beshtoev R.O., Kodzokov A.H., Dottuev T.I. * Radicalization of youth. Causes and trends 299

Gedgafov M.M. * Development of cyberterrorism in the context of globalization of the information space 304

Kanukoev A.M., Nastuev E.B., Cherkessov R.M. * Main directions of extremism prevention in the youth environment 309

Korkmazov A.V., Gazdieva E.H. * Prerequisites and sources of youth extremism in modern conditions 314

Luev R.H. * Technologies for spreading the ideology of extremism and terrorism in the global information space 319

Meshev I.H. * State's legal policy in countering terrorism 324

Nastuev E.B. * Extremism and terrorism: a differentiated approach to the relationship of concepts 330

Takov A.Z. * Internet as a factor in the spread of extremism in the youth environment 336

Тамбиев С.А. * Экстремизм: криминологические аспекты противодействия 341

Тарчоков Б.А., Тарчокова М.А. * О факторах, детерминирующих современный экстремизм в условиях глобализации 347

Хажироков В.А. * Правовые аспекты Формирования профессиональной Готовности у сотрудников полиции к силовому задержанию правонарушителя 352

Хамурзов А.Т., Газдиева Е.Х. * Международное сотрудничество в сфере противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации 358

Хачидогов Р.А. * Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве: новые вызовы и меры противодействия 362

Черкесов А.Ю. * Глобализационные факторы, благоприятствующие распространению информационного экстремизма и терроризма: проблемы и пути противодействия 367

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Плотников И.Н. * «Самозанятость» - одна из причин кризиса в России 372

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Васильева Е.Н. * Единство задач правовой политики и искусства: теоретико-методологический дискурс .. 379

Трибуна молодого ученого

Марковский А.В. * Актуальные вопросы защиты законных интересов несовершеннолетних в алиментных правоотношениях 384

РЕЦЕНЗИЯ

Мельник В.В. * О внедрении фундаментальных разработок при правоприменении в Российской Федерации (рецензия на книгу: «Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. 416 с.») 388

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Попова М.Д., Шехматова Е.С. * Судебный прецедент как источник права в правовой системе США 393

Данилевская И.Л. * О конституционных идеях М.А. Рейснера 397

Юшин Г.С. * Правовые и организационные основы социальной деятельности российского государства в делах призрения несовершеннолетних в начале XX века 402

Иванов А.А., Матиенко Т.Л., Эриашвили Н.Д. * О важном значении римского права для современной юриспруденции 407

Крижус И.К. * Вопросы права и государства в статье Ф. Энгельса и К. Каутского «Юридический социализм» 411

Tambiev S.A. * Extremism: criminological aspects of countering 341

Tarchokov B.A., Tarchokova M.A. * On the factors determining modern extremism in the context of globalization 347

Khazhirokov V.A. * Legal Aspects of the Formation of Professional Readiness for Police Officers to Forcibly Detain an Offender 352

Khamurzov A.T., Gazdieva E.H. * International cooperation in countering extremism and terrorism in the context of globalization 358

Khachidogov R.A. * Cyberterrorism in the global information space: new challenges and countermeasures .. 362

Cherkesov A.Yu. * Globalization factors that favor the spread of information extremism and terrorism: problems and ways to counter 367

LABOUR LAW

Plotnikov I.N. * “Self-employment” is one of the reasons for the crisis in Russia “ 372

PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Vasilyeva E.N. * Unity of tasks of legal policy and art: theoretical and methodological discourse 379

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

Markovsky A.V. * Topical issues of protection of legal interests of minors in maintenance legal relations 384

REVIEW

Melnik V.V. * On the introduction of fundamental developments in law enforcement in the Russian Federation (review of the book: “Proof in law enforcement through justice in the Russian Federation: Monograph. 5th ed., Corrected and additional/Ed. V.N. Galuzo. M.: THEIS, 2021. 416 pages”) 388

LEGAL ARCHIVE

Popova M.D., Shekmatova E.S. * Judicial precedent as a source of law in the US legal system 393

Danilevskaya I.L. * On the constitutional ideas of M.A. Reisner 397

Yushin G.S. * Legal and organizational foundations of social activity of the Russian state in cases of charity of minors at the beginning of the twentieth century 402

Ivanov A.A., Matienko T.L., Eriashvili N.D. * On the importance of Roman law for modern jurisprudence ... 407

Krizhus I.K. * Issues of law and state in the article by F. Engels and K. Kautsky “Legal socialism” 411

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-11-16

ШЕЛЬШАКОВА Наталья Николаевна,
кандидат психологических наук,
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В МИРЕ: ОПИСАНИЕ

Аннотация. В статье представлена основная информация о системах безопасности среди разных стран. Международная безопасность - это система межгосударственных отношений, которая формируется на основе всех государств в соответствии с убеждениями и нормами международного права и не признает урегулирование споров и разногласий между ними посредством насилия или угроз насилия.

В таких условиях каждая страна имеет наилучшие возможности для проведения политики, направленной на повышение материального уровня жизни своих граждан, формирование их личности и полную гарантию прав и свобод людей, и граждан.

Ключевые слова: безопасность, мировая безопасность, система безопасности, анализ, законодательство.

SHELSHAKOVA Natalya Nikolaevna,
candidate of psychological sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia,

THE SECURITY SYSTEM IN THE WORLD: DESCRIPTION

Annotation. The article provides basic information about security systems among different countries. International security is a system of interstate relations that is formed on the basis of all States in accordance with the beliefs and norms of international law and does not recognize the settlement of disputes and disagreements between them through violence or threats of violence. In such conditions, each country has the best opportunities to pursue a policy aimed at improving the material standard of living of its citizens, forming their personality and fully guaranteeing the rights and freedoms of people and citizens.

Key words: security, world security, security system, analysis, legislation.

Система безопасности - это комплекс мер, направленных на защиту или снижение риска для человека, общества или других элементов и их систем. В современном мире система безопасности играет решающую роль в жизни человека или компании, с помощью определенных действий можно обезопасить существование различных субъектов и объектов.

Определение безопасности тесно связано с понятием «национальный интерес». Националь-

ная безопасность необходима для обеспечения защиты основных интересов государства - национального суверенитета, территориальной целостности и защиты своего народа. То есть национальная безопасность - это стратегия защиты основных интересов страны.

Основными источниками права глобальной безопасности являются международный договор, обычаи и неизменные решения международных организаций, особенно Совета Безопасности ООН [1].

Ядром международного права безопасности являются общепризнанные принципы международного права: территориальная целостность государств и нерушимость государственных границ, невмешательство во внутренние дела государств, мирное урегулирование споров, сотрудничество между государствами, неприменение силы. или угроза применения силы [3].

Помимо этих принципов, у глобальной безопасности есть свои принципы:

- принцип целостности означает, что в 21 веке большинство стран на земле взаимозависимы. Любой кризис в любой части мира (вооруженная агрессия или терроризм) немедленно оказывает негативное влияние на другие части мира;

- принцип наблюдения за безопасностью других государств основан на формировании государством внешней политики, учитывающей безопасность не только своей страны, но и всего международного сообщества.

Основные способы обеспечения международной безопасности:

- создание международных организаций и институтов для поддержания безопасности;

- двусторонние соглашения об организации общей безопасности между заинтересованными странами;

- формирование многосторонних альянсов;

- разоружение, демократизация и гуманизация международного политического порядка [5].

Безопасность всегда была одним из главных вопросов в системе международных отношений. С момента своего основания державы были озабочены сохранением своего суверенитета, национальной безопасностью, то есть невмешательством других государств. В этом заявлении сейчас также содержатся вопросы, связанные с необходимостью своевременного выявления факторов внутренней дестабилизации государства. В связи с усилением глобализации мира тема получила дальнейшее развитие в системе национальной и международной безопасности.

В качестве приоритетных направлений глобальной стратегии безопасности (по Н. Н. Шельшаковой) целесообразно выделить следующие:

1. Военная безопасность, разоружение и демилитаризация экономики.

2. Обеспечение биосферной совместимости человека и природы.

3. Преодоление системного кризиса культуры.

4. Преодоление надвигающегося антропологического кризиса.

Каждое из вышеперечисленных направлений стратегии сложное, включает в себя ряд достаточно сложных задач, наиболее важные из которых следует выделить.

Например, информационные потребности руководства США в разработке и принятии решений удовлетворяются централизованной информационно-аналитической системой, в которой все функциональные элементы (ЦРУ, Государственный департамент, ФБР, Разведывательное управление обороны, управление национальной безопасности, различные аналитические центры), службы обмена научной информацией, «мозговые центры» экономики) находятся во взаимосвязи, которая определяется реализуемыми на данный момент целевыми программами и проектами. В контексте решения конкретной задачи формируются проблемные группы, позволяющие использовать знания, квалификацию и компетенции специалистов, задействованных в группе, без жесткого распределения функций между руководителями.

Под руководством директора ЦРУ, Национального разведывательного совета и Главного управления национальной разведывательной информации, в состав которого входят аналитики по различным темам (региональные вопросы, борьба с терроризмом, борьба с наркотиками, стратегические, экономические и научные, технические области).

С.П. Никаноров выделяет важнейшие документы, составляющие информационную основу для разработки и принятия оперативных решений руководством США: «Национальная разведка», «Разведывательный брифинг для президента», «Ежедневный брифинг национальной разведки», «Национальная разведка» [4].

У директора ЦРУ есть группа стратегического предупреждения, в задачу которой входит определение уровня угрозы национальной безопасности в случае возникновения кризисной ситуации в любой части мира, режима оперативных органов в соответствии с угрозой и развития событий. Для оценки угроз созданы оперативные центры системы разведки и информационного обеспечения военно-политического руководства США, которые функционируют в повседневной деятельности; в кризисе, который не представляет серьезной угрозы национальной безопасности США.

Помимо «разведывательного сообщества», независимые исследовательские центры и научное сообщество обязуются предоставлять информацию руководству США.

Безопасность личности, общества, государства как субъектов обеспечения безопасности достигается посредством единой государственной политики в области их безопасности, системы мер политического, организационного и иного характера [7].

В соответствии с законодательством Российской Федерации система безопасности Российской Федерации состоит из органов законодательной, исполнительной и судебной власти, государственных, общественных и иных организаций и объединений, граждан, участвующих в обеспечении безопасности и соблюдении законов, а также законодательства, регулирующего отношения в область безопасности. Правительство Российской Федерации консультирует органы государственной безопасности в рамках установленных законом обязанностей, организует и контролирует разработку и реализацию мер безопасности подчиненными федеральными органами по соответствующим вопросам.

На основании действующего законодательства и в пределах своей ответственности министерства и другие органы исполнительной власти федерального правительства обеспечивают реализацию федеральных программ по защите жизненно важных интересов объектов безопасности.

Примером может послужить Франция, которая также рассматривает военные инструменты как основу для обеспечения политики безопасности.

Министерство иностранных дел, в котором работает Центр анализа и прогнозов, а также Министерство национальной обороны и Генеральный штаб, отвечающие за разработку национальной военной доктрины, играют важную роль в формировании национальной безопасности Франции.

Японский пример обеспечения национальной безопасности, как указывает В.И. Карпов, интересен тем, что на протяжении длительного исторического периода лидеры не только предотвращали территориальную раздробленность государства, но и успешно решали задачи укрепления национальной безопасности. Японский политолог Т. Иногути понимает безопасность государства как «наличие пространства для маневра в достижении целей, которые государство в случае скрытой или реальной, в основном внешней и вторичной внутренней угрозы» [3].

Самый важный закон Японии - вступившая в силу в 1947 году конституция, провозглашающая неприкосновенность и вечность прав и свобод граждан, поддерживаемых постоянными усилиями народа. В преамбуле к Конституции Японии содержится напоминание о решимости японского народа «обеспечивать безопасность и существование, опираясь на справедливость и честь миролюбивых народов мира».

В 2015 году была принята следующая Белая книга по обороне Японии - отчет об изменениях в политике безопасности и системах защиты. Он состоит из следующих разделов:

- 1) ситуация с безопасностью в Японии;
- 2) оборонная политика Японии и японо-американская система мер безопасности;
- 3) Национальная оборонная политика Японии.

Система обеспечения национальной безопасности - это элемент координирующей (объединяющей) силы, компонент единой силы, необходимый для координации использования и построения ее материальной и духовной составляющих.

Система полиции Италии как составная часть правоохранительных органов страны имеет следующие отличительные особенности.

Наличие нескольких независимых полицейских органов с особым правовым статусом разного подчинения, обладающих частично совпадающими полномочиями в области общественной безопасности: государственной полиции (этот государственный орган выполняет задачи по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности (Безопасность как часть гражданской администрации) и жандармерия, представленная Корпусом карабинеров и Корпусом финансовой гвардии (эти государственные органы специальных полицейских сил вооруженных сил выполняют задачи по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности в военном и гражданском секторах, находящиеся под общим руководством гражданской администрации, но под непосредственным командованием их командиров).

Парадоксально на первый взгляд: вмешательство армии в «гражданскую сферу» формально противоречит основным принципам демократии. Но в данном случае среди политического руководства Италии преобладают прагматические настроения. Параллелизм государственной полиции и жандармерии признан значимым и целесообразным. Множественность полицейских организаций разного подчинения дает возможность их взаимного контроля, нейтрализации лоббирования узколюбых интересов и становится определенным гарантом внутривнутриполитической стабильности.

Современная система безопасности (по Н. Н. Шельшаковой) может базироваться на понимании законов мироздания.

1. Система безопасности строится по принципу охраны правопорядка сотрудниками, которые изначально готовы к предотвращению преступлений. На границах с населенной местностью четко ведется наблюдение за вновь прибывшими в город, по мере обнаружения незаконных действий, их обезвреживают подставные «преступники». Организация такой системы возможна при сотрудничестве мировых систем правопорядка.

Система государственного обеспечения взаимосвязаны с правоохранительной деятельностью и здравоохранением. Создание единой базы правонарушителей, людей с различными медицинскими показаниями с целью сохранения правопорядка в той или иной местности.

2. В преступном государстве поимка особо опасных преступников была возможна при полном открытии границ к лицу, которое является объектом преступления.
3. При работе с военнослужащими, полицейскими, спасателями, а также с нарушителями личного пространства (в прошлом «преступниками») работа ведется в нескольких направлениях: философском, психологическом и медицинском.
4. Философский аспект работы:

- Не ощущая и не помня обиды, ты избавляешься от болезней. Находясь в состоянии очищения от негативных эмоций, чистый духом, организм (материальное) находится в гармоничном состоянии с нематериальным (давлением, температурой окружающей среды, всем, что оказывает влияние на возникновение болезней), в этом случае человек не болеет: разжигается кровь, тело наполняется энергией.

- Душа человека проявляется в положительных эмоциях (материальными компонентами являются глаза, взгляд, телодвижения, тембр голоса). Речь является проявлением материального в человеке, его опыта, отношений с близкими и т. д. Внутренняя речь есть проявление мышления. Внешняя речь есть проявление разных сторон духовного мира человека: любовного (стремление к созерцанию, распространению мира, тепла, сохранению, гармонии)– стремление к любви-проявление божественного в человеке); защитного (стремление к молчанию, уединению); самоуничтожение (агрессия, злопамятство на ближнего и т. д.).

- Человек в системе мира является его частицей, которую система обязана сохранить, поэтому на внутренние мысли человека всегда есть ответ ближнего в случае, если он находится один на открытом пространстве (например, на улице), а значит не может найти ответа в собственном опыте. Ты думаешь о себе, не находишь положительного ответа, тревожен и вслух слышишь рядом вслух необращенное к тебе слово или фразу (мама говорит малышу: «Отстань или беги»). Поэтому особое внимание надо уделять в воспитании детей: вежливому обращению и общению друг с другом, важно помнить, что нечаянно брошенное слово может отразиться на психоэмоциональном состоянии чужого человека, повыше-

нию стрессоустойчивости («чтобы ты рядом не услышал, не обращай внимание на негативные фразы других людей (родители, коллеги и др.), будь избирателен в контактах, избегай агрессивных, критичных, равнодушных людей. На свою негативную мысль человек получает ответ извне: вниз опущена голова другого, неприятный звук, человек (например, ребенок) отворачивается или убегает. На добрую мысль о другом: слышим смех, видим улыбку, слышим звуки природы.

5. Психологический аспект работы:

- В изведенном пространстве (квартире, в кругу друзей) приятное и неприятное является безопасным, снижается уровень тревоги, на улице система безопасности человек находит (особенно после стресса (у военнослужащих)) невербальные знаки, позволяющие адаптироваться:

- навстречу человек поворот головы влево – службу;

- поднятие трубки – защитник;

- дотрагиваться до кепки, головы, плеча (неосознанно) – приветствие старшего по заслугам (неосознанно) и при подготовке (по старшему по званию);

- один ребенок на улице, громко кричащих подростки – опасность;

- машины во дворах – защита;

- мужчина с пакетом с продуктами, пара с коляской, дети на самокатах, семейная пара – безопасность и многие другие сигналы.

6. На открытом пространстве все движется по принципам гравитации: при взгляде на близ проходящего человека взгляд задерживается на каком-то важном на данный момент признак, этот признак, например, услышанная вами речь должна восприниматься вами – как сигнал безопасности, помогающий расслабиться, снизить давление, повысить уровень серотонина и т. д. Это касается как приятных, так и неприятных моментов (если вы идете злой, у вас низкое давление, крики детей во дворе, вас могут раздражать, но при этом уровень давления у вас повысится, и в целом общая картина мира, такая как живые здоровые дети, повысят уровень серотонина в крови. Исходя из этого слово, взгляд чужого человека выступает сильнейшим раздражителем для людей, особенно для женщин, поэтому во многих мусульманских странах женщины носят хиджаб и длинную закрытую одежду. На Руси носили платки и длинные платья в пол. Все это было обусловлено необходимостью защиты людей от негативных эмоций, громкого агрессивного слова. На сегодня в современном мире любой другой не должен осу-

ждаться за открытые наряды, так как окружающие не знают причину такой одежды или в целом внешности (татуировки, дреды, общенность к музыкальным группам - все это может быть обусловлено необходимостью по медицинским показателям: так при некоторых заболеваниях татуировки, волосы выполняют функцию «согревающих элементов», яркий лак на ногтях – поднимает давление, открытая одежда – способствует снижению кислородного голодания и т.д.

Для сохранения гармонии природы в человеке, соблюдаются следующие правила:

- если человек находится в полном здравии, то на рабочем месте принимает условия трудового договора или выясняет несогласованность действий напрямую с работодателем. Методы: «молчание», «замена инакомыслящего на руководителя со связями (чаще порочащего честь и свободу гражданина), «намеки», «распространение слухов», «объединение вокруг руководителя для сохранения рабочего места и привилегий против любого инакомыслящего», «использование служебных и личных связей для решения личных проблем» - все это противоречит любому вероисповеданию, и не относится к функциям руководителей. К сожалению, многие прошедшие тренинги по подготовке руководителей и не предполагали, что все выше описанные методы воздействия были опубликованы представителями группировок для стравливания сообщества людей. Настоящие методы руководства описаны в литературе, которая издавалась малыми тиражами и была мало доступна для широкой аудитории, но важным условием является - соответствие нравственным законам жизни человека.

Соблюдение инструкции - это прерогатива самого работника и руководителя, указанного в трудовом договоре, все остальные специалисты, поставленные на должности, воспринимаются только как коллеги.

- психоактивные вещества подавляют психику человека, разрушают связь с миром. Современная медицина может помочь в решении лечения многих заболеваний, особенно алкоголизма.

7. Соблюдение закона как основы здоровья человека. И несмотря на какой вере ты принадлежишь, нравственные законы для всех равны.
8. Проявление Бога в каждом человеке, особенно по отношению к самому себе (руководству своим здоровьем). Чем меньше негативных эмоций (грехов), легче дышится человеку, и тем больше у него энергии (полнее его душа), которая найдет свое пристанище после старения тела (материального),

при этом, как установили психофизиологи большое облако энергии (души) переходит в того, кто рядом.

9. Безопасность начинается с ограничения внешних источников информации, которые могут быть неконтролируемыми системой безопасности (интернета, ТВ и т. д.).
10. Дети являются самым ценным источником здоровья всего человечества, поэтому должны находиться под усиленным контролем.
11. Ложь и собственная безопасность могут восприниматься как разные вещи. В целях безопасности человек вправе не разглашать информацию посторонним. Поэтому если вам подруга воодушевленно рассказывает о своем новом парне, для вас как для приятеля это правда, и не имеет значения наличия самого факта. Близкий человек – это и есть правда, вне зависимости от его настроения, заболеваний, характера. Критерием близости является понимание и полное принятие без осуждения выше указанных особенностей. Если возникают негативные эмоции - важно своевременный доброжелательный диалог с тем, кто выводит на негативные эмоции. Чаще всего фактором негативных эмоций является не другой, а мы сами – с завистью, обидой на самих себя. Единственное, важно понять, когда этот близкий полностью поглощает тебя истинного, и возникает зависимость от него. Ложью является страх задать вопрос о необходимости помощи другому человеку.
12. Осуждение и воспитание чужого человека – это есть ложь, так как не познав себя полностью, не знаешь полной правды о себе, не познаешь другого, а значит воспитывая другого непознанного-обманываешь себя. Проверка интеллектуальных способностей – это необходимость для тех, кто не стоял у истоков разработки системы (например, в электронном письме не указать время встречи и ждать от подчиненных ответного письма с определением признаков нормальности). При отправке писем руководствоваться алфавитом, в письмах стараться не огорчить ближнего, соблюдение намеченного плана – все это необходимость до момента отграничения человеком нормальной жизненной ситуации от другой жизненной ситуации.
13. Воспитание - это процесс любви к себе. Если другой видит рядом проявление духовного, появляются искренние эмоции, так и проис-

ходит процесс образования, то есть познания нового.

14. Медицинский аспект:

- доверие к специалистам- основа здоровья;
- раздражение – главный признак болезни;
- запрет на самолечение.

Таким образом система безопасности, начинается с человека.

Таким образом, анализ механизма обеспечения международной безопасности и изучение принципов формирования этого механизма показывают, что разделенное человечество еще не полностью готово к созданию этого механизма. Он не готов действовать как единый субъект. Разделенное на сотни народов человечество более или менее полностью освоило механизм обеспечения национальной безопасности, и с помощью этого инструмента мировое сообщество пытается использовать этот механизм для обеспечения безопасности на совершенно ином уровне - международном.

Список литературы:

[1] Агеев А. А. Международно-правовое и военно-правовое измерение государственной безопасности / Агеев А. А. – М., 2019. № 2(54). - С.10–20

[2] Мишальченко Ю. В. Понятие и сущность международной безопасности / Ю. В. Мишальченко, В. А. Шашин. — М., 2019. — № 52 (290). — С. 152-155

[3] Пыльцина М. В. Российская Федерация как субъект международного взаимодействия по обеспечению общественной безопасности / Пыльцина М. В. - М., 2019. - С.40–45

[4] Труханов В. А. О возможности использования понятийного аппарата теории националь-

ной безопасности в политической теории / Труханов В. А. – М., 2020. - С. 136–142

[5] Чапчиков С. Ю. Предмет правового регулирования права национальной безопасности / Чапчиков С. Ю. – М., 2018. - С.191–204

[6] Шамаров П. В. Обеспечение национальной безопасности России: сущностное содержание и проблема миротворчества / Шамаров П. В. – М., 2019. - С.1041–1048

[7] Hampson F. O. A Concept in Need of a Global Policy Response // Security Dialogue. Vol. 35. N. 3. 2020. P. 349-350.

Spisok literatury:

[1] Ageev A.A. Mezhdunarodno-pravovoe i voenno-pravovoe izmerenie gosudarstvennoj bezopasnosti / Ageev A. A. – М., 2019. № 2(54). - S.10–20

[2] Mishal'chenko Yu. V. Ponyatie i sushchnost' mezhdunarodnoj bezopasnosti / Yu.V. Mishal'chenko, V. A. Shashin. — М., 2019. — № 52 (290). — S. 152-155

[3] Pyl'cina M.V. Rossijskaya Federaciya kak sub"ekt mezhdunarodnogo vzaimodejstviya po obespecheniyu obshchestvennoj bezopasnosti / Pyl'cina M. V. - М., 2019. - S.40–45

[4] Truhanov V.A. O vozmozhnosti ispol'zovaniya ponyatijnogo apparata teorii nacional'noj bezopasnosti v politicheskoy teorii / Truhanov V. A. – М., 2020. - S. 136–142

[5] Chapchikov S. Yu. Predmet pravovogo regulirovaniya prava nacional'noj bezopasnosti / Chapchikov S. Yu. – М., 2018. - S.191–204

[6] Shamarov P.V. Obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossii: sushchnostnoe sodержanie i problema mirotvorchestva / Shamarov P. V. – М., 2019. - S.1041–1048

[7] Hampson F.O. A Concept in Need of a Global Policy Response // Security Dialogue. Vol. 35. N. 3. 2020. P. 349-350.

АБРАМОВА Ольга Кузьминична,
старший преподаватель кафедры
международного права и внешнеэкономической деятельности
Юридического института Владимирского государственного университета
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
e-mail: oka-28@mail.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Аннотация. Актуальность темы вызвана исследованием перспектив развития межгосударственных процессов в постсоветском пространстве. Цель: проанализировать эффективность создания новых объединений СНГ и ГУАМ. Исследование проводилось с использованием историко-правового, формально-юридического и других методов. В результате обосновано современное состояние интеграционных процессов между РФ и бывшими республиками СССР. Автор констатирует важнейшую роль СНГ, создание которого повлекло укрепление межгосударственных связей на постсоветском пространстве и образование новых международных региональных объединений: ОДКБ, ШОС и др.

Ключевые слова: постсоветское пространство, СНГ, ГУАМ, региональная интеграция, интеграционное право.

ABRAMOVA Olga Kuzminichna,
Senior Lecturer of the Department of International Law
and Foreign Economic Activity of the Law Institute
of the Vladimir State University named after
Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

INTEGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE OF THE LATE XX AND EARLY XXI CENTURIES

Annotation. The relevance of the topic is due to the study of the prospects for the development of interstate processes in the post-Soviet space. Purpose: to analyze the effectiveness of the creation of new associations of the CIS and GUAM. The research was carried out using historical-legal, formal-legal and other methods. As a result, the author substantiates the current state of integration processes between the Russian Federation and the former republics of the USSR. The author notes the crucial role of the CIS, the creation of which led to the strengthening of interstate ties in the post-Soviet space and the formation of new international regional associations: the CSTO, SCO, etc.

Key words: post-Soviet space, CIS, GUAM, regional integration, integration law.

XX век, на всем протяжении, ознаменовался серьезными изменениями на карте мира: исчезали старые, появлялись новые государства, образовывались и распадались межгосударственные объединения [6; 9; 10]. Однако, на наш взгляд, основная часть событий все-таки проходила на евразийском континенте. Так, начало века связано с образованием СССР – государства нового типа с политической, экономической и социальной системами, а в 90-е годы прошлого века, благодаря недальновидной политике руководства этой страны, весь мир наблюдал за ее развалом. В результате в 1991 г. появляется ближнее зарубежье, ставшее новым геополитическим пространством, на котором расположились новые суверенные государства – бывшие союзные республики, каждая из которых стремилась выбрать собствен-

ный путь дальнейшего самостоятельного развития. На его выбор влияли внешнеполитические события, в т.ч. и конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, консолидация европейских стран, политика, на тот период «большой шестерки» наиболее развитых, сильных государств мира и т.д. В период распада СССР Российская Федерация могла оказаться в окружении недружественных соседей, в силу чего возникла необходимость образования новой системы коллективной безопасности, формирования нового социально-экономического пространства, т.к. были нарушены не только политические, экономические, но и, в первую очередь, социальные, в т.ч. и родственные связи населения, ставшего гражданами разных государств. Поэтому уже в 1991 г. подписывается Беловежское соглашение с Рос-

сией, Украиной и Белоруссией, а затем в Алматы к Декларации СНГ присоединяется Казахстан.

Главным инициатором, вокруг которого было организовано объединение, стала Россия. Это вполне объяснимо, т.к. именно РФ в силу имеющегося у нее авторитета, обладая большей частью экономических ресурсов, была центром притяжения международных контактов и дипломатических связей по экономическим, социальным, политическим и культурным вопросам. К концу 1991 г. наибольший интерес к СНГ, помимо России, проявляли страны Средней Азии, Казахстан, Азербайджан и Армения. Особым прагматизмом отличались лидеры Казахстана, Узбекистана и Киргизии, которые начали борьбу за лидерство стран в региональных позициях. В целом, сообщество стран Центральной Азии, в свете разразившихся на их территории социально-экономического и политического кризисов, оказались в наихудшем положении, поэтому очень рассчитывали на плодотворное сотрудничество с Российской Федерацией. На начальном этапе (конец 1991 – первая половина 1992 г.) в рамках интеграционного пространства стали складываться важнейшие пакеты соглашений, послужившие нормативно-правовой базой организации. К числу таковых следует отнести Временное соглашение о Совете глав государств и Совете глав высших исполнительных органов государственной власти Содружества и т.д. Изначально организация преследовала цели организации структурно-управленческого подразделения, формирование коллективной безопасности и затем уже регламентации экономической интеграции стран-участниц сообщества. Из основных организационных нормативно-правовых актов были приняты такие как: Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 г.) [1] и Устав Содружества Независимых Государств (22 января 1993 г.) [3]. Что касается Договора о коллективной безопасности, то согласно ст. 5 ответственность за функционирование в данной военно-политической сфере государств «берет на себя Совет коллективной безопасности государств – участников и создаваемые им органы. До создания указанных органов координацию деятельности Вооруженных Сил государств – участников осуществляет Главное командование Объединенных Вооруженных Сил Содружества» [1]. Всего число подписавшихся под данным договором стран ближнего зарубежья составляет 8 (не считая РФ). Срок его действия с момента вступления в силу составлял 5 лет. Однако, в дальнейшем Азербайджан, Грузия, Узбекистан и Молдова не стали пролонгировать собственное участие, поскольку стали членами другого интеграционного объединения ГУАМ. Относительно Устава СНГ можно сказать, что документ утвердил цели, задачи и сферы

сотрудничества, деятельности организации. Ключевым аспектом, отмеченным в ст. 4 Устава, является то, что все вопросы решаются «на равноправной основе через общие координирующие институты в соответствии с обязательствами, принятыми государствами-членами в рамках Содружества» [2]. Согласно учредительному документу, СНГ организация, которая не обладает наднациональным уровнем полномочий, а действует в пределах всестороннего взаимного сотрудничества государств, уважает нормы и принципы международного права. Также, помимо подписавших Устав 7 республик за осуществлением активности организации могли смотреть государства-наблюдатели. Так как Грузия воспользовалась правом выхода из СНГ, всего осталось 6 стран-учредительниц данного нормативного документа. Собственно, окончательным решением, принятым во время объединительного этапа, считается принятие договора о создании Экономического союза (24 сентября 1993 г.). Акт предусматривал формирование трехступенчатой платформы экономической интеграции: платежный и таможенный союзы, введение единой валюты. Все эти факторы перечислены в ст. 4. Также, важной отличительной особенностью договора о создании Экономического союза является то, что «экономические отношения между Договаривающимися Сторонами и их хозяйствующими субъектами регулируются настоящим Договором» [2], как гласит ст. 25. Таким образом, 10 государствам – членам СНГ удалось воссоздать то единое экономическое, военно-политическое пространство, которое было подвергнуто угрозе исчезновения после распада СССР. Но как выяснилось по ходу реорганизации общей не наднациональной площадки, далеко не каждая из стран на территории ближнего зарубежья была готова пойти на полноформатное сотрудничество с Российской Федерацией. Еще лучше это стало проследиваться во время второго этапа образования Содружества (1994–1996 гг.), когда происходит относительное выравнивание экономической ситуации внутри отдельных стран и они стремятся к расширению интеграционных связей, что напрягало ряд участников объединения, где ситуация с экономикой оставляла желать лучшего.

Альтернативной силой из среды бывших советских республик стала Украина, не желавшая поступаться собственными интересами и принимать главенствующий статус РФ [7]. Во многом этому поспособствовала политика руководящих лиц РФ. В сентябре 1995 г. Б.Н. Ельцин утвердил «Стратегический курс России с государствами – участниками СНГ» [5], тем самым выделив Россию из общего круга участников. Данная инициатива привела к охлаждению отношений России со

странами Ближнего зарубежья. Ярким иллюстрирующим примером стало образование ГУАМ, под предводительством Украины.

О возникновении ГУАМ как политико-консультативного механизма было объявлено на встрече глав государств и правительств государств-членов Совета Европы в Страсбурге 10 октября 1997 г. Основным курсом внешней политики данной организации выступила выработка программы действий по поддержанию мира и безопасности в Европе. Если проводить аналогию с тем, как образовался СНГ, то учредители данного объединения воспользовались тем же самым планом осуществления действий. Но существенное, фундаментальное расхождение заключается в векторах процесса осуществления «интеграции». Если СНГ ориентирован на сотрудничество в рамках ближнего зарубежья и территории России, то ГУАМ это сугубо прозападный продукт. Если смотреть на экономическую сторону, то ухудшение отношений с РФ в энергетической области привело к обсуждению проектов «обхода России» через Азербайджан, Грузию и Турцию на пути нефти и газа в Европейский Союз. Существенная претензия на роль СНГ в странах ближнего зарубежья выявилась у ГУАМ, когда к организации присоединился Узбекистан на Вашингтонском саммите в апреле 1999 г. Возникла инициатива образования транспортного коридора между странами Европы, Кавказом, Центральной Азией и Китаем. Значительнейшим событием в истории ГУАМ является принятие уставного документа хартии. Фактически это означало формирование ГУАМ как международной политической структуры. Она призвана вносить «вклад в укрепление суверенитета, независимости, территориальной целостности государств ГУАМ, содействовать мирному урегулированию конфликтов и улучшить благосостояние их народов» [4]. Говоря о деятельности, отмечу, что к началу 2000-х гг., ГУАМ не претворил в жизнь какого-либо грандиозного проекта, напротив организация начала претерпевать кризис и интерес к ней постепенно стал угасать. Так её в 2002 г. покинул Узбекистан, надолго там не задержавшись. Политическая обстановка внутри стран-организаторов оставляла желать лучшего, пошёл виток «цветных революций». Тогда же, в целях активизации деятельности СНГ В.В. Путин слагает с себя полномочия председателя СНГ, передав их Л.Д. Кучме – главе государства Украина. В итоге, СНГ и ГУАМ начали переживать период спада. Это было связано и с тем, что новый руководитель Содружества оказался лично не заинтересованным в развитии первого объединения, поскольку для Украины внешнеполитическим приоритетом пространство ближнего зарубежья не являлось. К тому же, это шло вразрез с

принципами другой новой международной структуры (ГУАМ), где ведущие позиции занимала она. Ко всему перечисленному добавилась дестабилизирующая обстановка из-за выборов в Украине, что повлияло на дальнейшую внутреннюю политику в стране, развязыванию гражданской войны Украины привела к событиям 2014 г., в итоге приведшим к фактически внешнему управлению страной.

Касаемо дальнейшего развития деятельности, указанных выше межгосударственных объединений, на которые также повлиял мировой экономический кризис 2007–2008 гг. следует отметить, что в СНГ было отмечено усиление интеграционных процессов стран-участниц, где лидирующую роль играла Российская Федерация. Результатом стало возникновение региональных организационных подразделений к 2010 г. Обусловлено это тем, что свою основную задачу за период 1990–2000-х гг. Содружество выполнило умеренный развод бывших союзных республик. Жизненно необходимым являлся подступ к новому уровню развития интеграции между странами ближнего зарубежья и России. Поэтому создание Таможенного союза и Евразийского экономического пространства, а также принятие решения о создании Евразийского экономического союза было в приоритете деятельности стран-участниц СНГ вплоть до настоящего времени. В свою очередь, ГУАМ не нашёл себе более масштабного предназначения и на сегодняшний день данная структура представляется рудиментом, не подлежащим какому-либо реформированию и неизбежно обреченным на угасание [8].

Список литературы:

- [1] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odkb.gov.ru/b/azb.htm> (дата обращения: 08.05.21).
- [2] О реализации Договора о создании Экономического союза [Электронный ресурс] // Международные договоры, соглашения и конвенции. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P000000547_ (дата обращения: 08.05.21).
- [3] Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/180> (дата обращения: 06.05.21).
- [4] Ялтинская хартия ГУУАМ от 7 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guam-organization.org/yaltinskaya-hartiya-guam-2001/> (дата обращения: 06.05.21).
- [5] Мещеряков К.Е., Трещенков Е.Ю. Евразийская интеграция и Россия. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2014. – 258 с.

[6] Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций [Электронный ресурс] // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 1. – С. 29–44. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (дата обращения: 08.05.21).

[7] Рыжов В.Б. Отношения Украины и Европейского союза: исторический опыт перспективы // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. - 2020. - № 1–2 (176–177). – С. 48–52.

[8] Толстов С. Феномен ГУАМ: опыт структуры регионального сотрудничества и перспективы в статусе международной организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18850819&> (дата обращения: 08.05.21).

[9] Шинкарецкая Г.Г. Евразийский экономический союз и некоторые вопросы правопреемства международных организаций // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2018. - № 3. – С. 172–194.

[10] Шинкарецкая Г.Г. Россия в интеграционных объединениях: приобретения и потери [Электронный ресурс] // NB: Международное право. - 2014. - № 1. – С. 16–40. – Режим доступа: https://e-notabene.ru/wl/article_11600.html (дата обращения: 08.05.21).

Spisok literatury:

[1] Dogovor o kolektivnoj bezopasnosti ot 15 maya 1992 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.odkb.gov.ru/b/azb.htm> (data obrashcheniya: 08.05.21).

[2] O realizacii Dogovora o sozdanii Ekonomicheskogo soyuza [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnye dogovory, soglasheniya i konvencii. – Rezhim

dostupa: [http://adilet.zan.kz/rus/docs/P000000547_\(data obrashcheniya: 08.05.21\)](http://adilet.zan.kz/rus/docs/P000000547_(data obrashcheniya: 08.05.21)).

[3] Ustav Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 22 yanvarya 1993 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cis.minsk.by/page/180> (data obrashcheniya: 06.05.21).

[4] YAltinskaya hartiya GUUAM ot 7 iyunya 2001 g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://guam-organization.org/yaltinskaya-hartiya-guam-2001/> (data obrashcheniya: 06.05.21).

[5] Meshcheryakov K.E., Treshchenkov E.YU. Evrazijskaya integraciya i Rossiya. – SPb: OOO «Ski-fiya-print», 2014. – 258 s.

[6] Ryzhov V.B. Dialektika globalizacii i regionalizacii v pravovom prostranstve gosudarstv i mezhdunarodnyh organizacij [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii / International Law and International Organizations. 2020. № 1. – S. 29–44. – Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (data obrashcheniya: 08.05.21).

[7] Ryzhov V.B. Otnosheniya Ukrainy i Evropejskogo soyuza: istoricheskij opyt perspektivy // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, komentarii, problemy. - 2020. - № 1–2 (176–177). – S. 48–52.

[8] Tolstov S. Fenomen GUAM: opyt struktury regional'nogo sotrudnichestva i perspektivy v statuse mezhdunarodnoj organizacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18850819&> (data obrashcheniya: 08.05.21).

[9] SHinkareckaya G.G. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz i nekotorye voprosy pravopreemstva mezhdunarodnyh organizacij // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. - 2018. - № 3. – S. 172–194.

[10] SHinkareckaya G.G. Rossiya v integracionnyh ob"edineniyah: priobreteniya i poteri [Elektronnyj resurs] // NB: Mezhdunarodnoe pravo. - 2014. - № 1. – S. 16–40. – Rezhim dostupa: https://e-notabene.ru/wl/article_11600.html (data obrashcheniya: 08.05.21).

ЕС: ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ УГЛЯ И СТАЛИ ДО КЛИМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены этапы трансформации Европейского союза от Объединения угля и стали до Европейского союза, стремящегося к климатической нейтральности. Продолжая осуществление «Европейской зеленой сделки», был принят Европейский климатический закон, который создаст новый этап развития экономики, инновационных технологий и образа жизни 27 стран ЕС.

Ключевые слова. Европейский союз, Парижское соглашение, Европейский климатический закон, Европейская зеленая сделка, климатические амбиции.

TRIFONOVA Inna Anatolyevna,
PhD, Master of International Law

EU: FROM THE EUROPEAN COAL AND STEEL COMMUNITY TO CLIMATE NEUTRALITY

Annotation. The article considers the stages of the transformation of the European Union from the Coal and Steel Community to the European Union, striving for the climate neutrality. Continuing the implementation of the "European Green Deal", the European Climate Law was adopted, which will create a new stage in the development of the economy, innovative technologies and lifestyle of the 27 EU countries.

Key words. European Union, Paris Agreement, European Climate Law, European Green Deal, climate ambitions.

Европейский союз (Евросоюз, ЕС), являясь самым активным участником Парижского соглашения¹ четко выполняет свои намерения стать климатически нейтральным континентом к 2050 году [1].

Объявив в марте 2020 года о «Новом зеленом курсе» [9], утвердив план «Европейской зеленой сделки» (The European Green Deal) [6], а в июне 2021 г. Евродепутаты приняв Европейский климатический закон (The European Climate Law) [8], согласно п.4 с.4 Парижского соглашения ЕС «продолжает выполнять ведущую роль путем установленных целевых показателей» [3], сокращая потребление нефти и газа до полной декарбонизации энергосистемы стран ЕС.

¹ Парижское соглашение принятое 12.12.2015 г. на 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, пришло на смену Киотскому протоколу к Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 11 декабря 1997 г. о сокращении выбросов парниковых газов в атмосферу Земли для противодействия глобальному потеплению, действие которого закончилось в 2020 г., определила рамки дальнейшего сотрудничества сдерживанию климатических изменений для 189 государств.

Подписание Европейского климатического закона создаст новый этап развития экономики, инновационных технологий и образа жизни 27 стран ЕС, включая другие страны мира, вовлеченных в энергетические проекты со странами Евросоюза. В ст.16 и ст.17 Европейского климатического закона прописаны климатические амбиции ЕС, что «Союз является мировым лидером в переходе к климатической нейтральности», и защитником природоохранной политики в мире до 2050 г. и после, «используя все имеющиеся в его распоряжении инструменты, включая климатическую дипломатию» [4].

ЕС «полон решимости помочь повысить глобальные амбиции и усилить глобальные ответные меры на изменение климата» [4], что выводит Союз на новый виток своего исторического развития, пройдя за 70 лет путь от Европейского объединения угля и стали до Европейского союза, стремящегося к нейтральности своих территорий.

Договор о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанный 18 апреля 1951 г., целью создания которого было экономическое взаимодействие стран Европы (ФРГ, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга), рассчитанное на 50 лет, стал фундаментом

ным камнем ЕС. Затем в Риме 25 марта 1957 г. были подписаны 2 акта, призванных сыграть важнейшую роль в развитии процессов интеграции: Договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС); и Договор о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) [2].

Евратом напоминал по своему функциональному назначению ЕОУС, продолжая регулировать энергетическую область международного сотрудничества.

Создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) имело чрезвычайно важное не только экономическое, но и политически-правовое значение. Речь шла о создании интеграционного объединения универсального характера. В состав ЕЭС вошли страны с высоким уровнем развития, что во многом предопределило значительные темпы его экономического роста на протяжении последующих лет.

В Договоре об ЕЭС выдвигалась задача создания общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, основанного на таможенном союзе. В ходе построения общего рынка должна была быть обеспечена экономическая интеграция государств, создана основа для будущего экономического и валютного сообщества, созданы механизм для управления интеграционными процессами и поэтапное строительство общего рынка.

В ЕЭС были предусмотрены 4 главных института: 1. Совет; 2. Комиссия; 3. Парламентская ассамблея; 4. Суд Европейских сообществ.

Инициаторы ЕОУС сконцентрировались на экономической интеграции, но впоследствии стремились и к политической. Поэтому следующим шагом к оформлению Евросоюза в политическом плане стало создание в 1970 г. Европейского политического сотрудничества (ЕПС) – системы консультаций между министрами иностранных дел по насущным политическим проблемам современности. Для практического обеспечения ЕПС впервые был создан координационный орган – Политический комитет, состоявший из представителей министерств иностранных дел стран-членов. Говорить о единой внешней политике пока не приходилось, тем не менее, ЕПС всё же принимал достаточно масштабные решения: например, создание Венецианской декларации 1980 г., где ЕС впервые признал право палестинцев на свое государственное образование.

Несмотря на достаточно продолжительный период существования объединения стран Европы, официально намерение о создании общей внешней политики Евросоюза не провозглашалось, европейская интеграция развивалась в своем первостепенном направлении – экономическом. Экономическая интеграция становилась

все более зрелой и объективно выходила на внешнеполитические рубежи, и для повышения значения в мире, ЕЭС нуждался в выработке совместной внешнеэкономической, а также военной и социальной политики, требовалось организационное оформление, создание структур планирования и реализации этих нововведений.

7 февраля 1992 г. в г. Маастрихт (Нидерланды) был подписан «Договор о Европейском союзе». Согласно договору сторонами учреждался Европейский союз на базе Европейского экономического сообщества.

«Договор о Европейском союзе» завершил дело предыдущих лет по урегулированию денежной и политической систем европейских стран. Он ввел две новые важные сферы сотрудничества государств-членов: в области выработки и проведения единой внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и в сфере юстиции и внутренних дел.

Знаменательным этапом в оформлении ЕС как единого субъекта, а не группы государств, стало формирование в 1999 г. экономического и валютного союза и введение единой европейской валюты.

В 1998 г. Президент Франции Жак Ширак и премьер-министр Великобритании Тони Блэр призывали к созданию Общей политики безопасности и обороны ЕС – в январе 2001 г. под эгидой Совета ЕС был создан первый в истории объединения орган непосредственной разработки внешней (а впоследствии и военной) политики – Комитет по политике и безопасности, положивший начало развитию сложной и многогранной системы непосредственного руководства внешнеполитической деятельностью ЕС. Вслед за ним учрежден Военный комитет ЕС и Военный штаб ЕС.

В начале 21 века Евросоюз сделал акцент на безопасность Европы и укрепления международного порядка и борьбы с такими угрозами, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты, коллапс государств и организованная преступность. Поэтому Европейская комиссия в декабре 2003 г. утвердила первую в истории ЕС Стратегию безопасности, основанную на доктрине «Европейской политики соседства» (European neighbourhood policy), способствовавшая повышению качества управления в государствах-соседах посредством предоставления программ помощи целевых торгово-экономических мероприятий. При этом в качестве наилучшего средства обеспечения безопасности ЕС обозначена международная среда, состоящая из демократических государств, которые имеют качественные системы управления.

Система управления внешней и внутренней политикой развивалась очень стремительно, и на саммите Европейского Союза в декабре 2007 г. был подписан «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» (Лиссабонский договор) [7], который юридически закрепил правосубъектность ЕС, внес изменения в действующие Договоры в целях реформирования системы управления ЕС и укрепления его роли и позиций на мировой арене в условиях резких, глобальных изменений. Это позволило сделать внешнюю политику ЕС более согласованной. Договор также отменил систему трех опор (1. Европейские сообщества (ЕС), 2. Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), 3. Полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам), введенную Маастрихтским договором правовую структуру, определяющую основы функционирования Европейского союза с 1993 по 2009 г.

Лиссабонский договор расширил компетенцию ЕС, особенно в сфере свободы, безопасности и правосудия, учредил пост Председателя Европейского совета, наделил Европарламент дополнительными законодательными и бюджетными функциями, а также функцией политического контроля, расширил компетенцию Суда ЕС, усилил роль национальных парламентов в процессе принятия решений, придал обязательную силу Хартии основных прав и свобод.

Целью Лиссабонского договора сделать ЕС более демократичным, более эффективным и более способным решать глобальные проблемы, такие как изменение климата, одним голосом [2].

На протяжении всех этапов трансформации ЕС, из экономического в политическое объединение, повестка защиты окружающей среды не выходила из поля зрения Союза. Еще в Договоре об учреждении Европейского сообщества в 1957 г., который затем Лиссабонским договором 2007 г. был переименован в Договор о функционировании Европейского союза, существовал раздел регулирования охраны окружающей среды.

В редакции Лиссабонского договора происходит уточнение целей политики ЕС в сфере охраны окружающей среды и включение в их число противодействие изменению климата [10]. Согласно ст. 191 Договора о функционировании Европейского союза «политика Союза в сфере окружающей среды стремится к достижению высокого уровня ее охраны с учетом разнообразия ситуаций в различных регионах Союза» [7].

С 2008 г. по настоящее время Евросоюз показывает непреклонность в реализации специальных комплексных программ ЕС по борьбе с климатическими изменениями и приверженность

в сфере охраны климата. План «Европейской зеленой сделки» становится основной для европейской интеграции, хотя темпы слишком быстрые и показатели снижения уровня выбросов очень высокие, поэтому многие страны Евросоюза говорили о неприемлемости этого плана [11]. В итоге Европейской климатический закон одобрили министры 27 государств, за исключением воздержавшейся Болгарии [12].

Согласно ст. 6 Европейского климатического закона «Настоящий Регламент уважает основные права и соблюдает принципы, признанные Хартией основных прав Европейского Союза, в частности ее статьей 37, которая направлена на содействие интеграции в политику Союза высокого уровня охраны окружающей среды и повышению качества окружающей среды в соответствии с принципом устойчивого развития.» [4], что в целом показывает, что руководство ЕС будет жестко заниматься углеродным регулированием, чтобы к 2050 г. дойти до поставленных для ЕС климатических амбиций, и стать лидером в защите природоохранной политики в мире, не сдавая своих позиций и после 2050 г. [5].

Список литературы:

[1] Официальный сайт ООН. URL: The Paris Agreement | United Nations (дата обращения: 05.04.2021).

[2] Официальный сайт ЕС. URL: EU law | European Union (europa.eu) (дата обращения: 05.04.2021).

[3] PARIS AGREEMENT (Парижское соглашение). Официальный сайт ООН. URL: ADOPTION OF THE PARIS AGREEMENT - Paris Agreement text English (unfccc.int). (дата обращения: 18.04.2021).

[4] Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ('European Climate Law') (Постановление (ЕС) 2021/1119 Европейского парламента и Совета от 30 июня 2021 года, устанавливающее рамки для достижения климатической нейтральности и вносящее поправки в Правила (ЕС) № 401/2009 и (ЕС) 2018/1999 («Европейское законодательство о климате»). Официальный сайт Европейской Комиссии. URL: EUR-Lex - 32021R1119 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 02.07.2021).

[5] European Climate Law (Европейский климатический закон). Официальный сайт Европейской Комиссии. URL: European Climate Law | Climate Action (europa.eu) (дата обращения: 18.04.2021).

[6] The European Green Deal (Европейская зеленая сделка). Официальный сайт Европейской

Комиссии URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 14.04.2021).

[7] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. («Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»). Официальный сайт ЕС. URL: EUR-Lex - C:2007:306:TOC - EN - EUR-Lex (europa.eu)

[8] Принят Европейский климатический закон. EURONEWS. 24 июня 2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/06/24/eu-parliament-climate-law> (дата обращения: 25.06.2021).

[9] Ермакова Е.П. О проекте Общеευропейского закона о климате и проблемах нормативного регулирования «зеленого финансирования в Европейском союзе» // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 96-107

[10] Семенихина В.А. Правовое регулирование охраны климата в Европейском союзе // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 5. – С. 174-187.

[11] Трифонова И.А. Подходы к реализации первых этапов Парижского соглашения // Образование и право. – 2020. – № 12. – С. 329-331

[12] Страны Европы заставят «позеленеть» // Lenta.ru. 28 июня 2021 URL: Страны Европы заставят «позеленеть»: Климат и экология: Среда обитания: Lenta.ru (дата обращения: 28.06.2021)

Spisok literatury:

[1] Oficial'nyj sayt OON. URL: The Paris Agreement | United Nations (data obrashcheniya: 05.04.2021).

[2] Oficial'nyj sayt ES. URL: EU law | European Union (europa.eu) (data obrashcheniya: 05.04.2021).

[3] PARIS AGREEMENT (Parizhskoe soglaszenie). Oficial'nyj sayt OON. URL: ADOPTION OF THE PARIS AGREEMENT - Paris Agreement text English (unfccc.int). (data obrashcheniya: 18.04.2021).

[4] Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and

(EU) 2018/1999 ('European Climate Law') (Postanovlenie (ES) 2021/1119 Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 30 iyunya 2021 goda, ustanavlivayushchee ramki dlya dostizheniya klimaticheskoy nejtral'nosti i vnosyashchee popravki v Pravila (ES) № 401/2009 i (ES) 2018/1999 («Evropejskoe zakonodatel'stvo o klimate»). Oficial'nyj sayt Evropejskoj Komissii. URL: EUR-Lex - 32021R1119 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (data obrashcheniya: 02.07.2021).

[5] European Climate Law (Evropejskij klimaticheskij zakon). Oficial'nyj sayt Evropejskoj Komissii. URL: European Climate Law | Climate Action (europa.eu) (data obrashcheniya: 18.04.2021).

[6] The European Green Deal (Evropejskaya zelenaya sdelka). Oficial'nyj sayt Evropejskoj Komissii URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (data obrashcheniya: 14.04.2021).

[7] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. («Lissabonskij dogovor o vnesenii izmenenij v Dogovor o Evropejskom soyuze i Dogovor ob uchrezhdenii Evropejskogo soobshchestva»). Oficial'nyj sayt ES. URL: EUR-Lex - C:2007:306:TOC - EN - EUR-Lex (europa.eu)

[8] Prinyat Evropejskij klimaticheskij zakon. EURONEWS. 24 iyunya 2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/06/24/eu-parliament-climate-law> (data obrashcheniya: 25.06.2021).

[9] Ermakova E.P. O proekte Obshcheevropejskogo zakona o klimate i problemah normativnogo regulirovaniya «zelenogo finansirovaniya v Evropejskom soyuze» // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – № 5. – С. 96-107

[10] Semehihina V.A. Pravovoe regulirovanie ohrany klimata v Evropejskom soyuze // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2010. – № 5. – С. 174-187.

[11] Trifonova I.A. Podhody k realizacii pervyh etapov Parizhskogo soglasheniya // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 12. – С. 329-331

[12] Strany Evropy zastavyat «pozelenet'» // Lenta.ru. 28 iyunya 2021 URL: Strany Evropy zastavyat «pozelenet'»: Климат и экология: Среда обитания: Lenta.ru (data obrashcheniya: 28.06.2021)

МАЛАНИЧЕВА Н.В.,
кандидат экономических наук,
доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Одним из ключевых факторов пандемии стало ее влияние на жизнь людей по всему миру: необходимость адаптировать экономику под новые условия. Из-за этого многие услуги, о которых стороны договорились ещё до введения ограничений, оказалось невозможным предоставить. В статье автор рассуждает, что, в первую очередь, это транспортные и развлекательные услуги, так как билеты на поезда, самолёты и различные мероприятия обычно бронируются заранее. Многие потребители справедливо потребовали возврата потраченных средств, но в случае немедленного удовлетворения всех запросов компании бы обанкротились, потому те пытались либо отсрочить возврат, либо выдать людям ваучеры вместо денег.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция, сфера услуг, предприниматель, покупатель, развлекательные услуги, мировая экономика.

MALANICHEVA N.V.,
candidate of economic sciences,
associate professor of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

LEGAL FRAMEWORK AND FEATURES OF INTERNATIONAL SERVICE DELIVERY IN PANDEMIC SETTINGS COVID-19

Annotation. One of the key factors of the pandemic was its impact on the lives of people around the world: the need to adapt the economy to new conditions. Because of this, many of the services that the parties agreed on even before the introduction of restrictions turned out to be impossible to provide. In the article, the author argues that, first of all, these are transport and entertainment services, since tickets for trains, aircraft and various events are usually booked in advance. Many consumers rightly demanded a refund of the funds spent, but if all requests were immediately satisfied, the companies would go bankrupt, because they tried to either delay the return or give people vouchers instead of money.

Key words: pandemic, coronavirus infection, service sphere, entrepreneur, buyer, entertainment services, the world economy.

Пандемия COVID-19, продолжающаяся и по сей день (по состоянию на июнь 2021 года), привела к стагнации мировой экономики. Так, по оценкам МВФ (Международного Валютного Фонда), в 2020 году мировой ВВП (Валовый Внутренний Продукт) сократился на 4,4 %, а ВВП «передовых» экономик (экономик стран-членов ОЭСР – Организации Экономического Сотрудничества и Развития) – на 5,8 %¹. Помимо нагрузки на систему здравоохранения и фармацевтов в целом, это падение вызвано ограничениями, наложенными многими странами на торговые отношения. Так, в период пиковой актив-

ности коронавируса в некоторых городах объявлялся полный локдаун, что приводило к значительному ограничению к экономической активности резидентов. Многие страны также ограничили международное транспортное сообщение, что привело к разрыву многих производственных цепочек. Наконец, даже в отсутствие полного локдауна в городах закрывались многие заведения, оказывающие различные услуги.

Именно сфера услуг оказалась более уязвимой к введённым ограничениям. В современном мире существует ряд средств, благодаря которым многие экономические отношения можно перевести в дистанционный формат: безналичный расчёт, дистанционные встречи благодаря сервисам аудио- и видеоконференций, дистанционная

¹ https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD

работа с использованием облачных хранилищ, интернет-заказы с доставкой товаров на дом и другие возможности, предоставляемые совершенными электронными устройствами и средствами связи. Тем не менее, многие экономические отношения по-прежнему включают в себя физический контакт и/или личное физическое присутствие агентов: например, физический труд или же многие предоставляемые услуги.

Так, развлекательные услуги обычно предоставляются в местах большого скопления людей (кинотеатры, тематические парки, и т.д.), и большая часть подобных заведений была закрыта в период пандемии или сильно ограничена в своём режиме работы. То же относится к заведениям общественного питания и транспортным услугам. Многие представители бытовых услуг (например, парикмахерские, салоны красоты и др.), для оказания которых необходим прямой контакт, были вынуждены либо временно закрыть свои предприятия, либо перейти в режим работы на дому. Хотя некоторые сектора сферы услуг сумели лучше адаптироваться к новым условиям (например, представители юридических услуг практически не пострадали), многие из них, включая уже упомянутые, испытали значительные проблемы, которые привели к сокращению числа клиентов и, как следствие, доходов¹. Лучше адаптировавшиеся отрасли также испытали косвенные проблемы из-за падения «соседних» секторов и разрыва экономических цепочек.

Как уже упоминалось выше, в 2020-2021 годах многие государства ввели строгий контроль на границах, иногда доходящий до полного запрета въезда в страну. Подобные меры помогли предотвратить распространение вируса быстрыми темпами, но в то же время нанесли сильный удар по международной торговле товарами и услугами. Именно влияние COVID-19 на международную торговлю услугами, как наиболее существенное, мы и рассмотрим в данной статье. Часть исследования будет также посвящена то, как упомянутые ограничения отразились в правовом поле государств и международных организаций (в первую очередь – ЕС, как уникального международного актора)². Хотя закрытие границ во время пандемии и стало самым жёстким за долгие годы, охватив огромное число стран, подобные ограничения не являются чем-то новым как таковые. В своей статье «COVID-19 и международные ограничения на перемещение: геополитика

здоровья и туризма» (2020) Сиамак Сейфи, Майкл Холл и Бардия Шабани рассматривают то, как нововведенные ограничения соотносятся с уже существующими. Среди примеров авторы приводят санкционные ограничения, экономические (протекционистские) ограничения и миграционные ограничения. Делаются выводы в первую очередь о воздействии на туристический сектор, как один из наиболее пострадавших секторов услуг³.

Целый ряд авторов рассматривает вопрос того, что ограничения, введенные из-за пандемии, разрывают международные производственные цепочки. Так, Мария Пинна и Лока Лоди в своей статье «Торговля и глобальные производственные цепочки во время пандемии COVID-19» (2021) ставят этот вопрос в контексте продолжавшегося вплоть до 2020 года процесса глобализации. Авторы делают вывод о том, что кризис, последовавший за пандемией, сильно отличается от своих предшественников, и для выхода из него и возвращении экономики к приемлемому состоянию и темпам роста 2010-х годов требуются новые соответствующие меры со стороны государств и международных организаций⁴. Напротив, Пол Антракс в своей работе «Деглобализация? Глобальные производственные цепочки в постковидную эпоху» утверждает, что государства преодолевают последствия пандемии, и та не успела оказать серьёзного воздействия на экономические процессы глобализации. В то же время исследователь находит важным то, что пандемия наиболее сильно ударила по слоям населения с небольшими доходами. В ближайшем будущем их недовольство может привести к смене власти в некоторых странах и, как следствие, проведение этими странами более изоляционистской политики⁵.

Одним из ключевых факторов пандемии стала её неожиданность или, если быть более точным, неожиданным стало её влияние на жизнь людей по всему миру: необходимость адаптировать экономику под новые условия. Из-за этого многие услуги, о которых стороны договорились ещё до введения ограничений, оказалось невозможным предоставить. Так, в первую очередь это транспортные и развлекательные услуги, так как билеты на поезда, самолёты и различные мероприятия обычно бронируются заранее. Многие потребители справедливо потребовали возврата

³ Seyfi S., Hall C. M., Shabani B. COVID-19 and international travel restrictions: the geopolitics of health and tourism //Tourism Geographies. – 2020. – С. 1-17.

⁴ Pinna A. M., Lodi L. Trade and Global Value Chains at the Time of Covid-19//The International Spectator. – 2021. – Т. 56. – №. 1. – С. 92-110.

⁵ Antràs P. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w28115.

¹ Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research //Journal of business research. – 2020. – Т. 117. – С. 312-321.

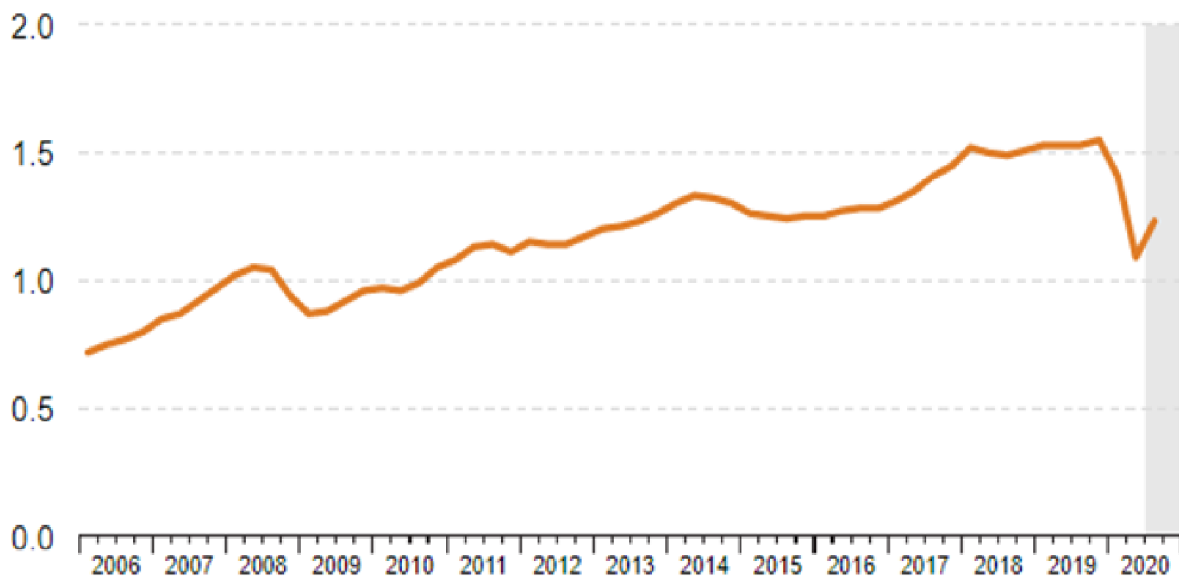
² Alvarez F. E., Argente D., Lippi F. A simple planning problem for covid-19 lockdown. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w26981.

потраченных средств, но в случае немедленного удовлетворения всех запросов компании бы обанкротились, потому те пытались либо отсрочить возврат, либо выдать людям ваучеры вместо денег. В то же время потребители накапливали значительные долги, которые не могли отдать. Перед государствами встала задача решения этих новых проблем. В статье «Потребительское право и решения, связанные с изменением обстоятельств в свете пандемии COVID-19», опубликованной в «Журнале потребительской политики», авторы рассматривают различные меры, принятые правительствами (в основном европейскими) по этому поводу¹.

Несколько авторов фокусируются конкретно на туристической индустрии, международной по своей природе и наиболее пострадавшей во время пандемии. Ещё в апреле 2020 года Стефан Гёсслинг, Даниэль Скотт и Майкл Холл опубликовали статью «Пандемия, туризм и глобальные изменения: быстрая оценка последствий COVID-19»². Многие выводы этой статьи уже устарели в связи с быстрым развитием ситуации, однако она может служить примером эволюции оценок ситуации исследователями и не допускать некоторые ошибки в новых работах. Более новым исследова-

нием по этой теме может служить статья «Национальные туристические стратегии во время пандемии COVID-19» Ноги Коллинс-Крейнер и Яэль Рам, вышедшая уже в разгар пандемии, когда государства уже успели отреагировать на возникшие экономические проблемы. В статье авторы рассматривают шесть различных подходов к проблеме со стороны правительств стран Европы и соотносят эти подходы с рекомендациями Всемирной Туристской Организации³.

Прежде чем перейти к исследованию того, как на проблемы, вставшие перед сферой услуг, реагировали государства и организации, мы должны оценить масштаб этих проблем. По статистике Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), мировой объём торговли услугами упал с более чем полутора триллионов долларов (если быть точным – 1,55) США в четвертом квартале 2019 до 1,09 триллионов во втором квартале 2020 (когда большая часть стран, участвующих в этой торговле, объявила локдаун и/или ввела другие серьёзные ограничения). Впрочем, уже в третьем квартале было отмечено постепенное восстановление показателя до 1,23 триллиона долларов⁴.

Илл. 1. Ежеквартальный объём мировой торговли услугами в 2006-2020 годах.

¹ COVID-19-Consumer Law Research Group et al. Consumer Law and Policy Relating to Change of Circumstances Due to the COVID-19 Pandemic //Journal of consumer policy. – 2020. – С. 1

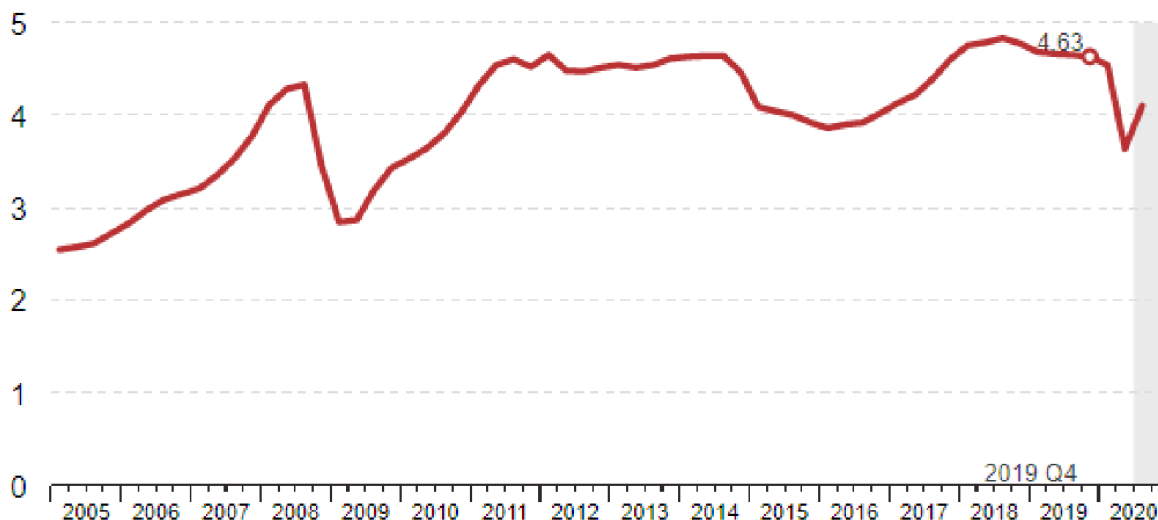
² Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 //Journal of Sustainable Tourism. – 2020. – Т. 29. – №. 1. – С. 1-20.

³ Kreiner N. C., Ram Y. National tourism strategies during the Covid-19 pandemic //Annals of Tourism Research. – 2020.

⁴ <https://stats.unctad.org/handbook/Services/Total.html>

Для сравнения, объём мировой торговли в абсолютных числах пострадал сопоставимым образом, снизившись с 4,63 триллиона долларов в четвертом квартале 2019 до 3,64 триллиона долларов во втором квартале 2020. В третьем квартале 2020 аналогично торговле услугами началось восстановление до 4,1 триллиона дол-

ларов. Впрочем, если сравнивать относительные изменения, то видно, что торговля услугами пострадала сильнее: за полгода её объём снизился на 29,7 %, когда как объём торговли товарами за аналогичный период снизился лишь на 21,4 %¹.

Илл. 2. Ежеквартальный объём мировой торговли товарами в 2006-2020 годах.

Помимо понимания того, насколько сильно пандемия COVID-19 повлияла на международную торговлю, графики выше дают нам ещё некоторую информацию: мы можем заметить, что торговля товарами не показывает значительного роста (не считая периодов восстановления после кризисных падений) уже более 10 лет, а торговля услугами стагнирует последние пару лет. Помимо общемировых и локальных экономических кризисов, на эту стагнацию повлияли и политические факторы. В середине 2010-х произошёл ряд событий, подтолкнувших целый ряд стран к изоляционизму и протекционизму: в первую очередь это референдум по выходу Великобритании из Европейского Союза, закончившийся победой евроскептиков, введение большого числа экономических санкций в отношении некоторых стран, а также избрание Дональда Трампа на пост президента США. Brexit сам по себе негативно повлиял на международную торговлю, а также косвенно вызвал усиление протекционистской политики многих правительств. Дональд Трамп же за своё

четырёхлетнее президентство успел принять ряд неоднозначных решений во внешней экономической политике, среди которых выход из Транстихоокеанского Партнёрства, начало торговой войны с Китаем и ухудшение экономических связей со странами Европы. Наконец, он же серьёзно ограничил иммиграцию в США со стороны некоторых стран и вновь наложил санкции на Иран, разорвав с ним ядерную сделку². Помимо санкций, введенных Дональдом Трампом, можно отметить экономические санкции, наложенным рядом стран Запада (в том числе и членов ЕС) на Россию (и соответствующие контрсанкции) ещё в 2014 году³. Все эти события отрицательно влияют на объём международной торговли товарами и услугами (в случае ограничения миграции и санкций – особенно на туристическую отрасль)⁴.

Рассмотрев предшествующие события, перейдем к анализу первичной реакции государств на немедленно возникшие после начала пандемии экономические проблемы. Как уже упоминалось выше, главной проблемой стала невоз-

¹ <https://stats.unctad.org/handbook/MerchandiseTrade/Total.html>

² Bergeijk P. Deglobalization 2.0. – Edward Elgar Publishing, 2019.

³ Nelson R. M. US sanctions on Russia: Economic implications. – Washington, DC : Congressional Research Service, 2015.

⁴ Seyfi S., Hall C. M., Shabani B. COVID-19 and international travel restrictions: the geopolitics of health and tourism // Tourism Geographies. – 2020. – С. 1-17.

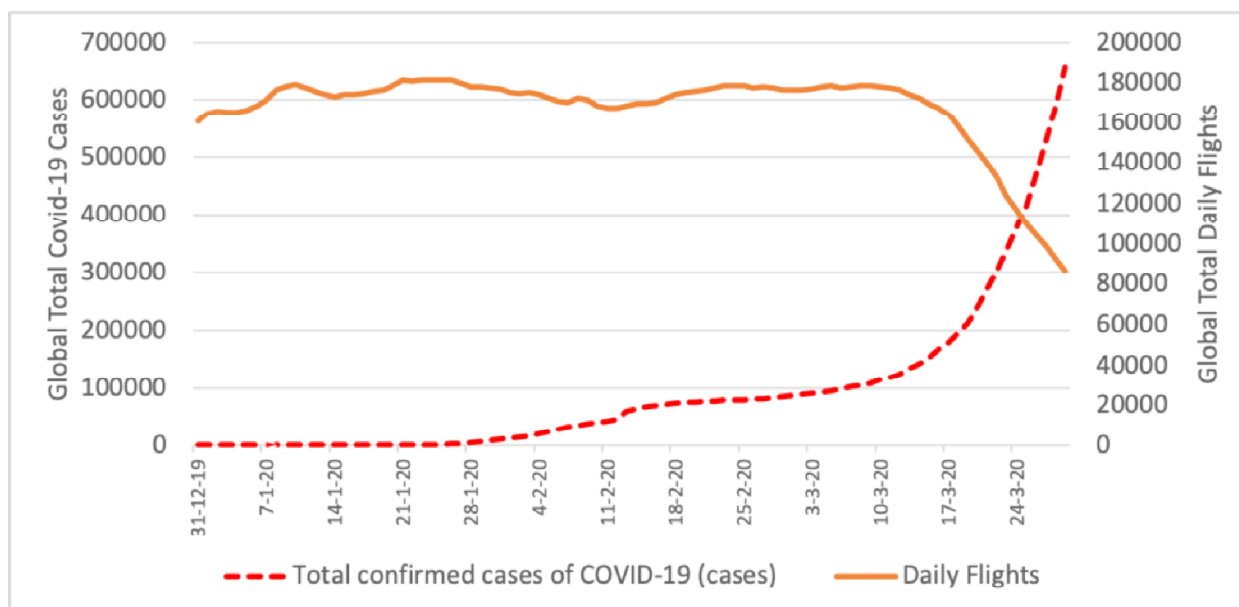
возможность соблюдения условий заключенных сделок со стороны потребителя и/или производителя. В большинстве стран правовое законодательство не предусматривало обязательный пересмотр этих условий в случае экстренной ситуации (которой, несомненно, является пандемия). Хотя и существуют законы, разрешающие подобные решения в индивидуальном порядке в конкретных секторах (например, Директива ЕС о «паушальных» или «пакетных» путешествиях), обычно для подобных изменений требуются либо успешные переговоры сторон, либо судебные разбирательства. Переговоры часто заканчиваются безрезультатно, а в условиях огромного числа споров о контрактах в начале пандемии судебная система большинства стран просто бы не справилась со всеми исками.

Таким образом, многим правительствам пришлось искать решения в обход существующей системы. Многие (Германия, Великобритания, ЮАР) заморозили потребительские долги, наложив мораторий или ограничения на их взыскание на несколько месяцев. Впрочем, пандемия не закончилась через эти несколько месяцев, что вынудило правительства вновь решать сходный вопрос, на этот раз – продлевать мораторий или же прекращать его действие.

Вопрос с возвращением денег за отмененные поездки и мероприятия тоже решался по-разному. По законодательству большинства развитых

стран, авиаперевозчики и организаторы обязаны в подобном случае вернуть потребителям потраченные деньги, если те этого потребуют. Но такие страны, как Бельгия и Италия, опасаясь банкротства продавцов, официально разрешили им вместо этого выдавать покупателям ваучеры, которыми те смогут воспользоваться в будущем, дабы приобрести услуги компаний. Правительство Южноафриканской Республики попыталось выбрать промежуточное решение, признав право потребителей на денежное возмещение, но попросив тех выбирать вместо этого ваучеры, если таковое возможно. Наконец, в масштабах Европейского Союза началась разработка целого документа «Принципы борьбы с кризисом, вызванным пандемией COVID-19», в котором отдельно отмечены необходимость моратория на регулярные платежи и приостановку/замену выплат в связи с форс-мажорными обстоятельствами и трудностями¹.

Однако помимо решения краткосрочных проблем, перед правительствами по всему миру встала более долгосрочная задача: необходимость поддержать наиболее пострадавшие от пандемии отрасли, в первую очередь туристическую. На *Илл. 3* мы можем видеть, как быстро в марте сократилось дневное число авиаперелетов в мире в связи с повышением числа зарегистрированных случаев COVID-19².

Илл. 3. Число зарегистрированных случаев COVID-19 в мире и число авиарейсов в мире за день, январь – апрель 2020.

¹ COVID-19-Consumer Law Research Group et al. Consumer Law and Policy Relating to Change of Circumstances Due to the COVID-19 Pandemic // Journal of consumer policy. – 2020. – С. 1.

² Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // Journal of Sustainable Tourism. – 2020. – Т. 29. – №. 1. – С. 1-20.

Таким образом, помимо необходимости тем или иным образом возместить потребителям потраченные на невыполнимые в новой ситуации услуги средства, многие поставщики туристических услуг оказались в глубочайшем кризисе, который длится до сих пор. Все планы роста индустрии на 2020 год стали невыполнимыми, а предприятия оказались перед выбором: временно или навсегда закрыться, оптимизировать издержки или же обратиться за государственной помощью. Всемирная Туристская Организация опубликовала сразу три рекомендации для правительств по поддержке индустрии, которые она назвала «стратегиями» и разделила по срочности и необходимости имплементации.

Первая стратегия «Управление кризисом и смягчение последствий» предусматривает целый комплекс различных мер. В отношении работников предусматривалась как поддержка самозанятых в индустрии, так и забота об обычных служащих, дабы те сохранили свои места, а также защита наиболее уязвимых работников. Чтобы сохранить «на плаву» компании, предусматривалась прямая поддержка их ликвидности с помощью различных инструментов, а также облегчение различных регуляционных мер (налогов, правил и др.). Помощь туристической отрасли также должна быть включена в экстренный пакет как на глобальном, так и национальном и региональном уровне. Чтобы позволить отрасли адаптироваться к новым условиям, государства также должны предоставить помощь с переобучением кадров (в первую очередь в связи с диджитализацией индустрии, будь та временной или постоянной) и создать механизмы по управлению кризисом и собственные планы по его преодолению с учётом местной специфики. В то же время государство не должно забывать и о потребителях, показывая, что оно готово защищать их и заботиться об их интересах. По состоянию на конец 2020 года, ни одна страна полностью не выполнила рекомендации, заложенные в первую стратегию, но практически все развитые страны последовали им хотя бы частично. Наибольших успехов добились Австралия, Великобритания и Япония.

Вторая и третья стратегия предусматривают оздоровление и вывод туристической индустрии из кризиса путём финансового стимула, дальнейших изменений в регуляционных актах, а также инвестициях в человеческий капитал и управление. Однако говорить о том, что государства приступили в достаточной мере к выполнению этих рекомендаций, невозможно: некоторые успехи были достигнуты лишь в увеличении гибкости реагирования на ситуацию в мире и на рынке. Нельзя также не отметить пример Италии, заранее создавшей для своей туристической индустрии

целую программу по восстановлению и выхода из кризиса, а также сделала значительные инвестиции в человеческий капитал. Более того, национальные правительства по всему миру продолжают изменять свои планы по отношению к туристической индустрии, но уже сейчас можно сделать вывод, что практически каждое правительство в мире избрало свою уникальную стратегию. Эта стратегия может быть частично основана на рекомендациях ВТО, но отбрасывает часть из них, а также добавляет что-то своё с учётом местной специфики¹.

В заключение мы можем отметить, что вопрос влияния COVID-19 на международную торговлю услугами – довольно обширная тема. В нашем исследовании мы затронули лишь часть литературы, посвящённой этой тематике и рассмотрели причины анализируемого нам явления, а также то, насколько неожиданным и отличающимся стал текущий кризис для мировой экономики и национальных правительств. Мы также рассмотрели краткосрочные и долгосрочные проблемы, вставшие перед пострадавшими от пандемии индустрией и то, как эти проблемы попытались сгладить государства и международные организации. Однако, как мы уже заметили, планы, составленные государствами, постоянно меняются, как ситуация с самой пандемией (будь то в негативную сторону – как, например, появление новых штаммов, так и в позитивную – как, например, распространение вакцин). Возможно, будущим исследователям этого вопроса стоит проанализировать то, насколько оперативно и точно правительства реагировали на течение пандемии.

Список литературы:

- [1] Alvarez F. E., Argente D., Lippi F. A simple planning problem for covid-19 lockdown. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w26981.
- [2] Antràs P. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w28115.
- [3] Bergeijk P. Deglobalization 2.0. – Edward Elgar Publishing, 2019.
- [4] COVID-19-Consumer Law Research Group et al. Consumer Law and Policy Relating to Change of Circumstances Due to the COVID-19 Pandemic // Journal of consumer policy. – 2020. – С. 1.
- [5] Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // Journal of Sustainable Tourism. – 2020. – Т. 29. – №. 1. – С. 1-20.

¹ Kreiner N. C., Ram Y. National tourism strategies during the Covid-19 pandemic // Annals of Tourism Research. – 2020.

[6] Kreiner N. C., Ram Y. National tourism strategies during the Covid-19 pandemic //Annals of Tourism Research. – 2020.

[7] Nelson R. M. US sanctions on Russia: Economic implications. – Washington, DC : Congressional Research Service, 2015.

[8] Pinna A. M., Lodi L. Trade and Global Value Chains at the Time of Covid-19 //The International Spectator. – 2021. – Т. 56. – №. 1. – С. 92-110.

[9] Seyfi S., Hall C. M., Shabani B. COVID-19 and international travel restrictions: the geopolitics of health and tourism //Tourism Geographies. – 2020. – С. 1-17.

[10] Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research //Journal of business research. – 2020. – Т. 117. – С. 312-321.

[11] Сайт МВФ. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD

[12] Сайт ЮНКТАД. <https://stats.unctad.org/handbook/Services/Total.html>

[4] COVID-19-Consumer Law Research Group et al. Consumer Law and Policy Relating to Change of Circumstances Due to the COVID-19 Pandemic // Journal of consumer policy. – 2020. – С. 1.

[5] Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 //Journal of Sustainable Tourism. – 2020. – Т. 29. – №. 1. – С. 1-20.

[6] Kreiner N. C., Ram Y. National tourism strategies during the Covid-19 pandemic //Annals of Tourism Research. – 2020.

[7] Nelson R. M. US sanctions on Russia: Economic implications. – Washington, DC : Congressional Research Service, 2015.

[8] Pinna A. M., Lodi L. Trade and Global Value Chains at the Time of Covid-19 //The International Spectator. – 2021. – Т. 56. – №. 1. – С. 92-110.

[9] Seyfi S., Hall C. M., Shabani B. COVID-19 and international travel restrictions: the geopolitics of health and tourism //Tourism Geographies. – 2020. – С. 1-17.

[10] Sigala M. Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and resetting industry and research //Journal of business research. – 2020. – Т. 117. – С. 312-321.

[11] Сайт МВФ. https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD

[12] Сайт ЮНКТАД. <https://stats.unctad.org/handbook/Services/Total.html>

Spisok literary:

[1] Alvarez F. E., Argente D., Lippi F. A simple planning problem for covid-19 lockdown. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w26981.

[2] Antràs P. De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. – National Bureau of Economic Research, 2020. – №. w28115.

[3] Bergeijk P. Deglobalization 2.0. – Edward Elgar Publishing, 2019.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-32-41

АЛЬПИДОВСКАЯ Марина Леонидовна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор Департамента экономической теории
Финансового университета,
e-mail: morskaya67@bk.ru
SPIN-код: 1958-7585, AuthorID: 691188

ТРИФОНОВА Татьяна Анатольевна,
доктор биологических наук,
профессор кафедры географии почв Московского
государственного университета им. Ломоносова,
e-mail: tatrifon@mail.ru
SPIN-код: 7747-6193, AuthorID: 60219

БУХАРОВ Дмитрий Николаевич,
старший научный сотрудник
кафедры физики и прикладной математики
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: buharovdn@gmail.com
SPIN-код: 9141-6061, AuthorID: 944976

АРАКЕЛЯН Сергей Мартиросович,
доктор физико-математических наук, профессор,
заведующий кафедрой физики и прикладной математики
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
e-mail: arak@vlsu.ru
SPIN-код: 6827-0752, AuthorID: 16343

УРОКИ ПАНДЕМИИ И ПЕРЕЗАГРУЗКА ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОГО ПСИХОЗА И БЕЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР: ОТСУТСТВИЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ И ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. В этой второй части единой работы проводится дальнейший анализ ситуации, рамочно очерченной в первой части и представленной в номере 5 данного издания.

Ключевые слова: пандемия, ограничительные меры, доказательная медицина, моделирование, безопасность, инфекция, здоровье, закон..

ALPIDOVSKAYA Marina Leonidovna,
Doctor of Economics, Professor, Department
of Economic Theory, Financial University

TRIFONOVA Tatyana Anatolyevna,
Doctor of Biological Sciences, Professor,
Department of Soil Geography, Lomonosov Moscow State University

BUKHAROV Dmitry Nikolaevich,
Senior Researcher, Department of Physics and Applied Mathematics,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

ARAKELYAN Sergey Martirosovich,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor,
Head of the Department of Physics and Applied Mathematics

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 6 • 2021

**PANDEMIC LESSONS AND SOCIETY RESET IN TOTAL
PSYCHOSIS AND WITHOUT LEGAL JUSTIFICATION
FOR RESTRICTIVE MEASURES: LACK OF EVIDENCE-BASED
MEDICINE AND PREDICTIVE MODELING
(PART 2)**

Annotation. *In this second part of the unified work, a further analysis of the situation outlined in the first part and presented in issue 5 of this publication is carried out.*

Key words: *pandemic, restrictive measures, evidence-based medicine, modeling, safety, infection, health, law.*

**2. Юридические нормы и практика
их применения в хаотическом аспекте мнений
и действий**

Прежде всего, сделаем весьма непопулярное утверждение – надо закрыть широкую дискуссию по эпидемии, закрыть ее для массовой публики, оставив обсуждение всех проблем – специалистам. Это имеет под собой веское основание в связи с адаптационным синдромом стресса [1]. Действительно, здесь все очевидно! Ни один организм не может постоянно находиться в состоянии тревоги. Но даже на первой ее стадии организм может погибнуть (за часы, дни), если стресс-агент очень сильный. На второй стадии используются возможности адаптации организма, но если они не сбалансированы, то наступает критическая стадия истощения. Во всех этих случаях ответы организма требуют внешней помощи; при их недостаточности наступают необратимые физиологические, психологические и социально-психологические изменения – организм гибнет. Нашим тотальным информаторам по COVID-19, по-видимому, эти простые истины, то ли не известны, то ли они сориентированы на специальное провоцирование трагического исхода для определенных групп населения ...

После принятия поправок к Конституции РФ (ст.79 КРФ в части 4 ст. 15 КРФ о приоритете национального законодательства над международным) становится бессмысленным апеллировать к международному праву. Кстати, это снижает всякие наши возможности о защите прав русскоязычного населения в Прибалтике и на Украине, обесценивает дееспособность ООН и Совета Безопасности – никого осуждать не сможем – у них такое национальное законодательство с его приоритетом над международным. О национальном законодательстве великой европейской страны о превосходстве арийской нации – промолчим. Да и про нынешний санкционный экономико-политический период жизни нет оснований возмущаться. Это опять о том же – профессиональной некомпетентности «ура-патриотов», да еще, по-видимому, с юридическим образованием.

Кратко перечислим очевидный перечень нарушений Российского законодательства в связи с ограничениями из-за пандемии [2]. Кстати, в прагматическом аспекте – бессмысленных для здоровья людей в общей их жизнедеятельности с учетом экономических стимулов.

В статье 55 Конституции РФ основание для ограничений прав и свобод граждан реализуется по федеральным законам – только для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Справедливо и понятно. Но при этом в правовом аспекте – нет единого толкования понятия «ограничение прав» без судебного решения по конкретным действиям людей. Про «здоровье» – тоже неоднозначно: иначе за курение и выпивку тоже можно сажать, поскольку дышим на окружающих.

Продолжим экскурс дальше.

В ч.3 ст. 56 – это регулируется режимом ЧС, – но он не объявлялся.

Ст. 19 – все равны перед законом, а где же здесь 65+ и/или даже люди с хроническими заболеваниями. Так и хочется сказать по аналогии – это что ли «black lives matter».

Ст.21. Достоинство личности охраняется государством – а у нас на улице и в метро могут из-за решений каких-то локальных функционеров власти и ведомств «хватать» людей за нарушения незаконной (придуманной самими властями) самоизоляции и организацией каких-то обсерваторов и зон отчуждения и/или зон превосходства (COVID-free zones – «только для белых»).

Далее – в информационном аспекте под те же проблемы, но с жесткими аналогами (для законопослушных граждан) в условиях пандемии.

Ст. 22:

(1) каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни;

(2) арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. До судебного решения лицо не может

быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УИК РФ) – только она регулирует ограничения свободы передвижения.

С 27.01.2021 ФСИН массово запретило свидания заключённых с родственниками СУС в тюрьме строгих условий содержания (ст. 115, 118 УИК РФ), но в приказе Минюста РФ от 16.12.2016 № 295, утверждающего правила внутреннего распорядка исправительного учреждения, говорится о ежедневных (от 1 до 2 часов) прогулках.

Более того, заключение в ШИЗО (штрафной изолятор) и QR-код (Quick Response Code), статус которого не прописан на сегодняшний день на законодательном уровне, противозаконны: легального определения QR-кода нет, а тем более правоприменительной практики его использования. Нет этого и в ФЗ о полиции, как и в №236 УК – нарушение сан-эпидемиологических правил.

Всякие постановления мэра и губернатора об ограничениях прав граждан на передвижение и самоизоляцию не законно – без ФЗ прямого действия или указа Президента. Это их должностные правонарушения в соответствии с ФЗ-68. А диктаторские полномочия такого неясного (в структуре фискальной власти) ведомства как Роспотребнадзор – это вне законодательного поля.

Дикое и преступное решение мэрии Москвы в недалеком прошлом о блокировании социальной карты москвичей для тех, кто не прошел вакцинацию – это бред, экономия или воровство, или все вместе. По этой наглой и противозаконной логике, следующий их шаг – отменить пенсии для данной категории людей. По-видимому, потери около 1 трлн. руб. в бюджете г. Москва [3] из-за неадекватной политики при коронавирусе и в отсутствии китайских туристов совсем «сдвинуло» московские власти – их дело надо передавать в суд, даже хотя они и отменили сейчас такое преступное решение (то отменяют, то вводят – по сути без всяких объективно обоснованных причин). Для него срока давности не существует.

Самое «безобидное» последнее достижение в этом ряду – произвольное назначение нерабочих дней (вторая неделя мая в г. Москва и т.д.), хотя это не прерогатива какого-то мэра, а требует законодательного решения высших ветвей власти.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством карантин, режим самоизоляции, повышенная ЧС-готовность на территории всей РФ не вводилась по корректной процедуре, и поэтому уже было зарегистрировано в ФСБ РФ от 14.08.2020 № В-1910 рассмотрение обращения граждан, что действия Роспотребнадзора и Минздрава подпадают под тяжелую статью

типа госизмены. Нарушение 11 статей Конституции РФ бездумны из-за COVID-19; при этом выпускаются неграмотные противозаконные распоряжения с перепрофилированием стационаров больниц и госучреждений, фактически обрекающих на гибель «обычных» больных.

О штрафах и т.д. – говорить не будем. Они должны носить только методологический характер при формулировании муниципальными властями. О предсказательном моделировании и научном прогнозе складывающейся эпидемиологической ситуации, вообще промолчим – это вне уровня понимания чиновников.

Даже в литературно-художественном ландшафте элементы такого прогноза (и они – достаточно высокого уровня хотя бы в плане состоятельности решений властей в нынешней ситуации) имеются на сегодняшний день. Подчас складывается впечатление, что решения принимаются ответственными товарищами без всякого предварительного анализа и прогнозирования их последствий, но под конъюнктуру и желания властей и олигархов... Иногда художественный вымысел более соответствует профессионализму в оценке ситуации, чем рекомендации этих структур.

Действительно, достаточно вспомнить такие фильмы как «Вторжение» (2007 г., с Николь Кидман) – про эпидемию и реакцию властей с их вакцинацией. Здесь – это один к одному наш случай! Но далее: «Матрица» (1999, Киану Ривз) – человек должен прежде всего сам в себя верить и заниматься креативной деятельностью даже в непростых условиях; «Пятый элемент» (1997, Брюс Уиллис, Милла Йовович) – необходимость принятия решений даже в сложных комплексных ситуациях с учетом возможных последствий их реализации; «Терминатор – Генезис» с его Skynet (2015, Арнольд Шварцнегер) – определение реальных возможностей искусственного интеллекта без романтических иллюзий об его универсальных возможностях на пользу человека и о перестройке, в связи с этим, всего образовательного процесса на разных уровнях.

Так, с чем же мы сталкиваемся все-таки в нынешних реалиях, когда отсутствует элементарное предсказательное моделирование – это художественный вымысел, или прогноз, или реальность, или тотальные правонарушения, или полная некомпетентность.

Далее, анализируя разные утверждения таких, что оказалось на практике, сомнительных по профессионализму организаций как международных – например, ВОЗ, так и отечественных – Роспотребнадзор, в разные временные промежутки динамики развития/распространения COVID-19, диву даешься их противоречивости и отсутствию разумности в условиях понимания

складывающейся ситуации. При этом акцент делается на спешном принятии карательного законодательства, но с селективным выбором субъектов и объектов его правоприменения без учета их последствий как для населения в целом и отдельного человека, так и для экономической инфраструктуры государства и его места в мире. По этой логике и чемпионат Европы по футболу, и Олимпийские игры, и всякие другие массовые мероприятия (например, в Артеке) надо отменять. Это касается также странного решения об открытии массовых выездов на отдых наших граждан в ковидно-опасные зарубежные страны с их неясным законодательством.

Для иллюстрации этого приведем без комментариев ряд событий в регламенте понимания ситуации с пандемией со стороны Роспотребнадзора (его главы Анны Поповой), и других ведомств, в утверждениях которых оптимистические и пессимистические утверждения (непонятно, на чем основанные в условиях бездоказательной медицины) последовательно сменяют друг друга, похоже, в зависимости от желания угодить то ли властям, то ли «пострадавшим» бюджетам от неумных панических решений властей разного ранга, то ли с целью зомбирования людей и блокирования их дееспособности и мыслительной деятельности.

Хронология – для краткости – только заготовки (цитаты – это высказывания чиновников) для удобства восприятия – без указания ссылок (их легко найти в Интернет поисковой системе по ключевым приведенным ниже фразам).

11.09.2020. «В России госпитальные эпидемиологи работают неэффективно».

15.09.2020. «Переболевший коронавирусом человек может заражать других еще в течении 90 дней».

16.10.2020. Обвинения россиян в безответственности отношения к угрозе распространения коронавируса.

27.10.2020. COVID-19 диссидентство составляет 10% населения. Опять напомним, что при этом считается коэффициент заболеваемости не по возрастам, а на 100 тыс. населения количества всех людей с конкретными возрастными (при этом не берутся абсолютные цифры). С произвольными утверждениями типа, что, например, люди в возрасте 30–49 лет хуже соблюдают требования в части масочного режима. В этом раскладе – самые низкие цифры заболеваемости для детей (но это было на раннем этапе, но уже не сейчас) без учета их доли в этом пресловутом базисе 100 тыс.

16.11.2020. Продлевается действие санитарных правил на фоне COVID-19 до 2022 года.

20.11.2020. «Несмотря на отсутствие взрывного роста заболеваемости коронавирусом в реги-

онах, ухудшение ситуации с COVID-19 в стране очевидно».

12.12.2020. «Делается признание, что COVID-19 – это обычное сезонное ОРВИ, не требующее масок и карантина».

15.12.2020. Была провозглашена стабилизация ситуации с коронавирусом, но она была названа хрупкой.

19.12.2020. «Это закончится к весне».

29.12.2020. Не пить 56 дней после вакцинации.

30.12.2020. «Иммунитет точно сохраняется 6 месяцев после перенесенного заболевания».

30.12.2020. Сотня врачей пришла в Роспотребнадзор с требованием конкретных ответов по ситуации с пандемией.

11.01.2021. «Снижение заболеваемости связано с тем, что профилактические меры все-таки в большинстве случаев стали выполняться».

15.01.2021. «Сейчас нет никаких оснований говорить о том, что циркуляция COVID-19 прекратится».

18.02.2021. «В России все еще остается риск заразиться коронавирусом».

27.02.2021. Во всем мире до сих пор не существует лекарственного препарата, который мог бы вылечить пациента от нового коронавируса.

07.03.2021. Российские врачи ожидают роста заболеваемости COVID-19 в середине весны.

Этот секторальный список можно продолжать до бесконечности, а в настоящее время – противоречивая информация сбрасывается и тиражируется ежедневно разными структурами и людьми во всех средствах информации.

Приведу для полноты картины официальные данные на 08.04.2021 (11:10 мск) по России: тесты прошли – более 122,6 млн. чел.; выявлено случаев заболевания – 4 614 834 чел.; заболело (за последние сутки) – 8 672 чел.; выздоровело – 4 239 038 чел.; Умерло – 101 845 чел. <https://coronavirus-tracking.ru/statistika-russia-27-02-2021/>.

Последующие данные на 22.07.2021 (11:30 мск) по России: проведено тестов более 160,8 млн.; выявлено случаев – 6 054 711 чел.; выявлено случаев за последние сутки – 24 471 чел.; человек выздоровело – 5 427 457 чел.; человек умерло – 151 501 чел.

На эту же дату 09.04.2021 (07:10 GMT) институт Джона Хопкинса дает следующие данные по миру <https://studylib.net/coronavirus/>:

Global cases – 134 564 314;

Global deaths – 2 915 913.

На сегодняшний день (21.06. 2021 г.) из этого же источника:

Total Confirmed – 179 317 266;

Total Deaths – 3 883 375, и т.д. на каждый день.

Данные на 22.07.2021 (11:21мск)

Total Confirmed – 192 027 538;

Total Deaths – 4 127 251.

Эти данные говорят о проценте летальности за весь период пандемии – не более 2.5% за каждый временной мониторинг (опять полезно сравнить с данными, приведенными в Табл.1 для других эпидемий в первой части статьи).

Хочется спросить, что дают эти, специального назначения и не для широкой общественности противоречивые данные (даже если им верить) для простого человека в аспекте его здоровья и защиты от коронавируса. Напугать и сделать управляемым? Второй закономерный вопрос – нагнетание такого психоза в условиях тотального перепрофилирования лечебных учреждений, которое по некоторым оценкам обошлось в 500 тыс. жизней россиян (болеющих обычными/другими болезнями), требует серьезной юридической ответственности лиц, принимающих подобное решение – уж лучше бы они помолчали, а не способствовали развитию паранойи и дополнительным смертям.

Более того, в условиях такой неопределенности Госдума оперативно принимает 31.03.2020 карательные законы за нарушение правил карантина: 15-40 тыс. руб. физическим лицам, 200-500 тыс. руб. юридическим лицам, а если эти нарушения привели к смерти человека или создало угрозу массового заболевания – штраф до 2 млн. руб., лишение свободы либо принудительные работы на срок до 5 лет, а в случае повинности в смерти 2-х и более людей – до 7 лет лишения свободы [4]. Как и кто это будет определять? А тем более, будет осуществлять экспертную оценку последствий во времени этих «провинностей» в плане таких тяжелых обвинений по неясной пандемии.

Хотя в одном случае правоприменение такого закона легко было бы осуществить: при введении QR-кода в Москве 15.04.2020 (спустя несколько дней после принятия закона!). Именно в этот день в Москве наблюдалось столпотворение при входе в метро при плотном контакте людей без всяких санитарных норм. На этот счет имеется много объективных доказательств, даже с фото- и видеофиксацией, т.е. по стандартным юридическим нормам имеется масса доказательств подобного правонарушения «при взятии с поличным». Но кто оценивал последствия этой «черной среды» электронного концлагеря, и кого привлекли к ответственности из мэрии г. Москвы за такое по сути преступление? То, что последствия введения QR-кодов были тяжелыми нетрудно определить по темпу роста заболеваемости в г. Москва «до» и «после» этой «черной

среды» 15.04.2020. Это легко проследить по официальным данным, приводимым ежедневно и доступными из Интернет.

Действительно, на 15.04.2020 г. количество заболевших составляло 14 776 чел., за сутки заразились 17 074 чел., умерло – 11 чел.; вылечилось – 189 чел. <https://infotables.ru/meditsina/1197-tablitsa-koronavirusa> .

Но уже на 20.04.2020 был зарегистрирован резкий скачок: число заболевших – 26 350 чел., за сутки заразились – 20-26 чел., умерло – 28 чел., вылечилось – 75 чел. <https://1maps.ru/statistika-koronavirusa-v-rossii-i-mire-na-20-aprelya-2020-skolko-segodnya/> .

Для этого простого сравнительного анализа полезно привести данные за день до принятия этого по сути преступного решения о введении QR-кодов – на 14.04.2020: число заболевших – 13 002 чел.; за сутки заразились – 1 489 чел., умерло – 13 чел., вылечилось – 179 чел. <https://www.rbc.ru/society/14/04/2020/5e9567689a794711e8bdc064>.

Какие еще данные нужны для доказательства очевидной виновности московских властей? Но сейчас – опять те же цифры, угрозы и карательные меры в еще большем объеме для непрощедших вакцинацию, так называемых ковид-диссидентов, и снова в реализации QR-допусков и прохождения вакцинации в форсированном временном отрезке, спровоцированном властями, с огромными очередями, да еще с нехваткой номенклатуры вакцин.

Сейчас мы не останавливаемся на таком важном аспекте обсуждаемой проблемы как психологическом срыве людей, находящихся непрерывно под негативным прессом подобной, по-сути, служебной и часто недостоверной информации, обрушивающейся на них со всех сторон, которая также способствует росту рисков заболевания. Любой кризисный психолог подтвердит такую элементарную истину, что психоз – это группа серьезных психических расстройств, которые вызывают искаженное восприятие картины мира, когда человек ведет себя неадекватно ситуации. И это «наш случай» с COVID-19. Опять вспомним стресс-синдром [1], да еще в совокупности с такой глупостью, как введение паспортов вакцинации COVID-19 (<https://habr.com/ru/post/550712/>, 09.04.2021). Что-то про мировую панику со СПИ-Дом как-то забылось, а вакцины и лекарств до сих пор нет (это болезнь также имеет отношение к иммунной системе человека и не менее трагична по имеющимся цифровым данным) ...

Действительно, коронавирусная депрессия и подавленное состояние – это как раз тот случай, когда якобы в условиях объективной картины роста заболеваемости резко повышается уровень тревожности и дискомфорта, приводящие к

общему физическому ухудшению самочувствия. При этом не только надо фильтровать получаемую информацию, даже если ее и считать правдивой, но и обладать специальными знаниями и технологиями прогнозирования развития динамической ситуации и «включать мозги» для анализа и адекватной оценки ситуации. Это не все могут, да еще и в условиях нагнетаемой паранойи. Если только не считать, что цель состоит в другом – в ожидании болезни человек становится тотально управляемым, и ни о чем другом не думающем...

3. Моделирование процесса распространения эпидемии на определенной территории в относительных единицах

Для моделирования процесса распространения коронавирусной инфекции применим известную довольно простую модель SIR в соответствующих терминах [5]. Более сложные нелинейные модели [1,6] можно также спроецировать на данную проблему (мы это делали для других задач, например, в [7,8]).

В этом случае рассматриваемый агент-ориентированный подход оперирует с населением/популяцией на отдельной территории, на которой распространяется коронавирусная инфекция. Население делится на 3 класса: $S(t)$ – восприимчивые к инфекции (уязвимые), но еще не зараженные в текущий момент времени t люди; $I(t)$ – зараженные ко времени t индивиды, способные передавать инфекцию восприимчивым к ней лицам; $R(t)$ – вылечившиеся и приобретшие иммунитет к данному заболеванию ко времени t , неспособные более заболеть или передать инфекцию, с очевидным условием $S(t) + I(t) + R(t) = const = N$, где N – число индивидов на данной территории. При этом ключевыми параметрами являются следующие: β – представляет собой частоту контактов (вероятность того, что кто-то заразится этой болезнью при контакте с кем-то, кто болен) и γ – скорость восстановления, которая показывает, насколько быстро люди выздоравливают (и становятся иммунными). Решение соответствующей системы уравнений по методу клеточного автомата, описывающей динамику этих трех обозначенных классов (мы ее для краткости не приводим) – см. [5,9], обеспечивает временной ход и наглядную пространственную оценку процесса распространения эпидемии.

Мы сфокусируем свое обсуждение только на общих тенденциях и ключевых параметрах. При этом в этой модели мы не учитываем чисто медицинские факторы: причины восприимчивости к инфекции у людей, разную степень остроты заболевания (тяжелая/легкая форма) и возможные осложнения на другие типы заболеваний (имею-

щиеся до эпидемии заболевания другого типа), а также возрастные и социальные факторы у разных групп населения, долговременные последствия болезни, и как следствие всех этих факторов – смертность.

При рассмотрении процесса распространения эпидемии на удаленных друг от друга территориях, связанных транспортными путями и/или другими типами контактов, применялось моделирование сети контактов индивидов в виде ориентированного графа [10] с весами, определенными по гравитационной модели [11]. Такой подход позволяет оценить кратчайшие маршруты распространения инфекции по критерию минимального суммарного веса с использованием алгоритма Дейкстры [12]. Не останавливаясь на этих специальных математических вопросах, не важных для широкой публики, обсудим только ряд полученных результатов.

Предложенная модель была реализована [13] с параметрами, характерными для коронавирусной инфекции для случая начального экспоненциального ее роста, присущего пандемии. Кратко отметим, что расчет основывался на продолжительности протекания болезни для отдельного человека (например, по имеющейся практике – 22 дня) и базового репродуктивного коэффициента (скорость распространения инфекции – $R_0=2.5$). Тогда имеем в относительных единицах для обозначенных выше параметров: $\beta=0.1125$, $\gamma \approx 0.045$. При этом, для крайне заразных случаев заболеваний β стремится к максимуму 1, а γ – к минимуму 0. Это, кстати, позволяет учитывать и мутации вирусов, об опасности которых панически рассуждают сейчас с вариантами разновидностей, но без реальных обсуждений как с ними бороться в каждом конкретном случае.

3.1. Результаты по агент-ориентированной модели распространения инфекции

Постановка задачи при данном подходе заключается в следующем.

Агенты (Agents) в определенном количестве находятся в замкнутой расчетной области (аналог замкнутой территории проживания) размером R^*R в отн. ед. Среди них находятся Infected – инфицированные агенты. Инфицированный агент заражает индивидов, находящихся от него на некотором расстоянии h , причем вероятность передачи инфекции составляет величину P_{Inf} . Агенты располагаются в расчетной области случайным образом и совершают случайные движения по ней с заданной вероятностью – range M . При этом можно ввести ограничение – движение на расстояние, не превосходящее S , но также с некоторой вероятностью pnf , при каждой итерации в динамическом процессе, т.е. за много циклов. Восприимчивость агентов к инфекции также определяется

вероятностью из определенного промежутка rangel . Рассматриваемая система агентов проходит maxim временных итераций, выбранных в рассмотренной задаче по адекватной экспертной оценке.

Схематически данную модель представим следующим образом (см. рис. 1).

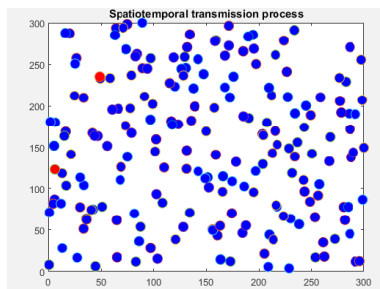

Рис. 1. Начальное распределение на площади в отн. ед. 300x300 (пояснения см. ниже в тексте).

Территория обозначена в относительных единицах с площадью размером $R \times R = 300 \times 300$. При этом начальное распределение агентов: красные точки – инфицированные в количестве 2-х агентов, синие точки – восприимчивые к инфекции агенты. Общее число рассматриваемых нами агентов 200.

Параметры расчёта для обозначенных выше индикаторов:

Maxim временных итераций = 1000;
 $h = 4$;
 $\text{PrInf} = 0.2$;
 rangel = диапазон [0.1 - 0.3];
 rangeM = диапазон [0.2 - 0.4];
 $\text{rnd} = 0.8$.

На рис. 2 показано конечное распределение по времени (при $\text{Maxim} = 1000$).

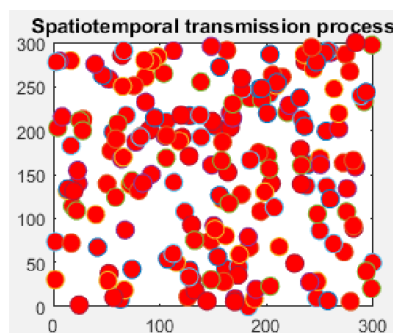
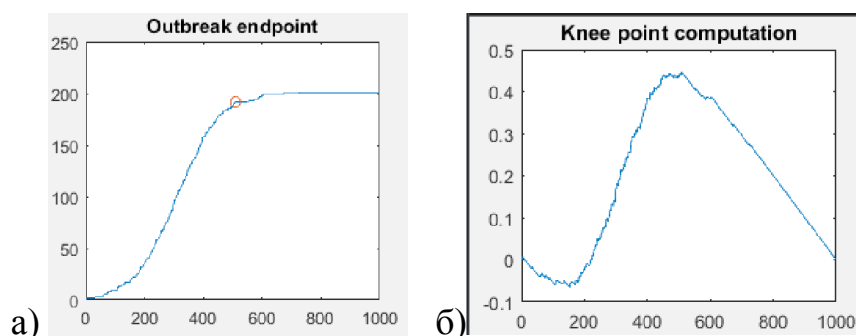

Рис. 2. Финальное распределение (обозначения – те же, что и на рис. 1).

Обработка полученных данных приводит к следующим зависимостям – рис. 3 а, б, в.

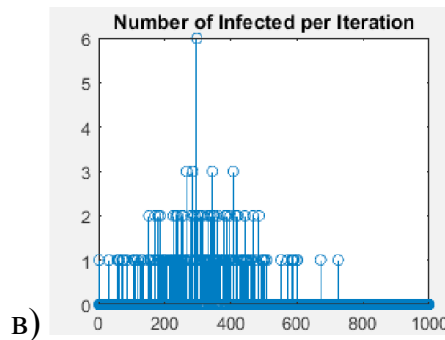

Рис. 3. Количество заболевших в разных анализируемых параметрах (приведено по отдельности для каждого фрагмента):

- (а) количество заболевших от времени (в единицах агентов);
 - (б) прирост заболевших в долях единицы по времени. Максимум соответствует ~ 45%;
 - (в) количество заболевших агентов при каждой временной итерации (в %).
- Время – по оси абсцисс; обозначенные параметры – по оси ординат (они написаны сверху рисунков).

Таким образом, модель позволяет определять ключевые параметры эпидемии в динамике ее развития для принятия соответствующих управленческих решений с учетом объективных текущих параметров эпидемии для непрерывной корректировки модели и ее следствий по реально складывающейся ситуации.

3.2. Модель упругих столкновений

Модифицируем рассматриваемую модель с учетом реальных контактов людей, представляемых как кратковременную их случайную встречу с последующим прекращением контакта.

Модель описывает распространение инфекции как стандартное для физики упругое взаимодействие/столкновение, описывающееся уравнениями динамики.

В расчётной области задается система хаотически движущихся восприимчивых к инфекции и зараженных агентов-частиц. В нашем случае при столкновении восприимчивой агента-частицы

с зараженной восприимчивая частица становится зараженной с заданной вероятностью. Определение этой вероятности – связано с требуемой квалификацией ответственного лица, принимающего решения.

В такой модели механики столкновений (т.е. заражений в нашем случае) имеется возможность варьирования скоростью движения, диаметром и массой частиц. Для эпидемии последние 2 параметра также можно соотнести с мобильностью при столкновении агентов при каких-то дополнительных условиях – формально, через введение весовых статистических коэффициентов (возраст, состояние здоровья и др.). Для реальных частиц – это и есть их масса и диаметр/форма – ключевые параметры для определения мобильности объектов с учетом столкновений.

Результаты приведены на рис. 4-6 с поясняющими подписями.

Мы не будем более подробно их обсуждать; смысл полученных результатов, по-видимому, понятен.

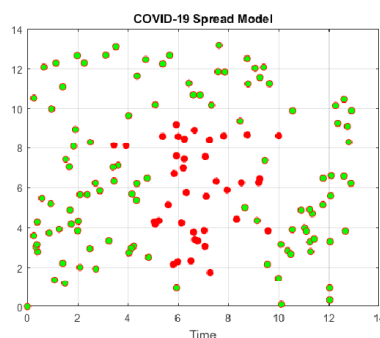

Рис. 4. Финальное распределение по времени (ось абсцисс) числа инфицированных агентов-частиц (ось ординат) от одной инфицированной частицы – начальный источник заражения (красные точки – инфицированные, зеленые – восприимчивые агенты-частицы).

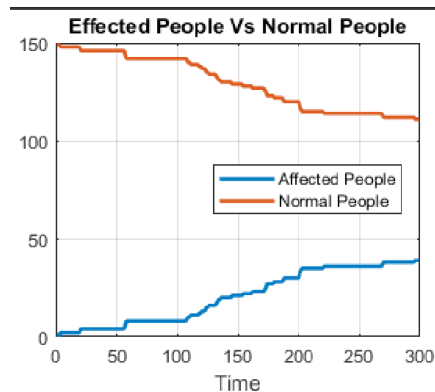

Рис. 5. Соотношение количества восприимчивых (normal) и зараженных (affected) агентов по времени.

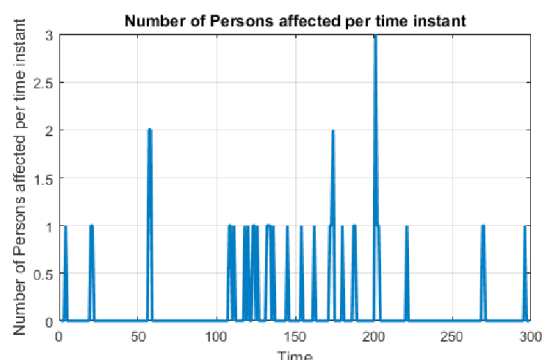

Рис. 6. Количество непрерывно заражаемых агентов (ось ординат) при каждой временной итерации (ось абсцисс).

Данная модель и ее модификация с требуемыми уточнениями позволяет анализировать процесс распространения эпидемии с учетом ряда особенностей состояний отдельных людей при их взаимном контакте в динамике.

Конечно, как и любая модель – она дает тренд и тенденцию, которые должны учитываться при принятии управленческих решений в условиях непрерывной корректировки (по реально развивающейся ситуации) ключевых параметров, используемых в данной динамической модели (в физике – это стандартная процедура поиска подгоночных (adjustable) параметров).

Проблема состоит в том практическом аспекте современных реалий, что ни соответствующие профильные службы, ни власти даже не думают об использовании подобных технологий прогнозирования, а действуют в примитивном двоичном коде – «можно»/«нельзя» с репрессиями.

Список литературы

[1] Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. пер. с англ.: В.И. Кандрора, А.А. Рогова. Издательство медицинской литературы. Москва: МЕДГИЗ, 1960. 253 с.

[2] Лунгу Е.В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным отношениям/ Правоприменение. 2020. №4(3) С. 69-75.

[3] В мэрии Москвы оценили в Р800 млрд потери для бюджета из-за пандемии [Электронный ресурс]/Сайт «Рbc». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/05/10/2020/5f7b55ae9a79470d9bb98575> (дата обращения: 05.10.2020 г.)

[4] Госдума утвердила штрафы за нарушение карантина [Электронный ресурс]/Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4309170> (дата обращения: 31.03.2020 г.)

[5] Шабунин А. В. SIRS-модель распространения инфекций с динамическим регулированием численности популяции: исследование методом вероятностных клеточных автоматов. Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика, 2019. №27(2). С. 5-20 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/sirs-model-rasprostraneniya-infektsiy-s-dinamicheskim-regulirovaniem-chislennosti-populyatsii-issledovanie-metodom-veroyatnostnyh> (дата обращения: 24.06.2021).

- [6] Рабинович М.И., Трубецков Д.И. Введение в теорию колебаний и волн, 1-е изд. Москва: Наука, 1984. 432 с.
- [7] Бухаров Д.Н., Аракелян С.М. Математическое моделирование диффузии инноваций в контексте анализа угроз национальной безопасности Российской Федерации. Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 3. [Электронный ресурс] <https://1economic.ru/lib/110455> (дата обращения: 31.03.2020 г.)
- [8] Arakelian S. M., Chestnov I. Yu., Istratov A. V., Khudaiberganov T. A., and Butkovskiy O.Ya. Nonlinear Dynamic Modeling for High Temperature Superconductivity in Nanocluster Topological Structures on Solid Surface// Proceedings of the First International Nonlinear Dynamics Conference (NODYCON 2019), Springer Nature Switzerland AG 2020. Eds. W. Lacarbonara, B. Balachandran, Jun Ma, J. A. T. Machado, G. Stepan. Vol. III. 2020. P.121-130.
- [9] Петерс Э. Фрактальный анализ финансовых рынков: Применение теории Хаоса в инвестициях и экономике/ Москва: Интернет-тренд, 2004. 304 с
- [10] Claire Seibold, Hannah L. Callender. Modeling epidemics on a regular tree graph. Letters in Biomathematics. 2016. V. 3:1, P. 59-74.
- [11] Poot J., Alimi O., Cameron M. P., Maré D. C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science. Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research. 2016. V. 36. P. 63-86.
- [12] Van Kampen N.G. Stochastic Processes in Physics and Chemistry. NorthHolland Physics Publishing, Amsterdam. 1981. 376 p.
- [13] Бухаров Д.Н., Трифонова Т.А., Аракелян С.М. Моделирование процесса распространения COVID-19 – сигнал для перезагрузки социально-экономических ориентиров России. Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования. 2020. № 4 [Электронный ресурс] <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=90> (дата обращения: 31.07.2020 г.)
- [4] Gosduma utverdila shtrafy za narushenie karantina [Elektronnyj resurs]/Sajt «Kommersant»». – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/4309170> (data obrashcheniya: 31.03.2020 g.)
- [5] Shabunin A. V. SIRS-model' rasprostraneniya infekcij s dinamicheskim regulirovanem chislennosti populyacii: issledovanie metodom veroyatnostnyh kletochnyh avtomatov. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Prikladnaya nelinejnaya dinamika, 2019. №27(2). S. 5-20 [Elektronnyj resurs] <https://cyberleninka.ru/article/n/sirs-model-rasprostraneniya-infektsiy-s-dinamicheskim-regulirovanem-chislennosti-populyatsii-issledovanie-metodom-veroyatnostnyh> (data obrashcheniya: 24.06.2021).
- [6] Rabinovich M.I., Trubeckov D.I. Vvedenie v teoriyu kolebanij i voln, 1-e izd. Moskva: Nauka, 1984. 432 s.
- [7] Buharov D.N., Arakelyan S.M. Matematicheskoe modelirovanie diffuzii innovacij v kontekste analiza ugroz nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2020. T. 10. № 3. [Elektronnyj resurs] <https://1economic.ru/lib/110455> (data obrashcheniya: 31.03.2020 g.)
- [8] Arakelian S. M., Chestnov I. Yu., Istratov A. V., Khudaiberganov T. A., and Butkovskiy O.Ya. Nonlinear Dynamic Modeling for High Temperature Superconductivity in Nanocluster Topological Structures on Solid Surface// Proceedings of the First International Nonlinear Dynamics Conference (NODYCON 2019), Springer Nature Switzerland AG 2020. Eds. W. Lacarbonara, B. Balachandran, Jun Ma, J. A. T. Machado, G. Stepan. Vol. III. 2020. P.121-130.
- [9] Peters E. Fraktal'nyj analiz finansovyh rynkov: Primenenie teorii Haosa v investiciyah i ekonomike/ Moskva: Internet-trend, 2004. 304 s
- [10] Claire Seibold, Hannah L. Callender. Modeling epidemics on a regular tree graph. Letters in Biomathematics. 2016. V. 3:1, P. 59-74.
- [11] Poot J., Alimi O., Cameron M. P., Maré D. C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science. Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research. 2016. V. 36. P. 63-86.
- [12] Van Kampen N.G. Stochastic Processes in Physics and Chemistry. NorthHolland Physics Publishing, Amsterdam. 1981. 376 p.
- [13] Buharov D.N., Trifonova T.A., Arakelyan S.M. Modelirovanie processa rasprostraneniya COVID-19 – signal dlya Perezagruzki social'no-ekonomicheskikh orientirov Rossii. Nauchnoe obozrenie. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. 2020. № 4 [Elektronnyj resurs] <https://scientificreview.ru/ru/article/view?id=90> (data obrashcheniya: 31.07.2020 g.)

Spisok literatury:

- [1] Sel'e G. Ocherki ob adaptacionnom sindrome. per. s angl.: V.I. Kandrora, A.A. Rogova. Izdatel'stvo medicinskoj literatury. Moskva: MEDGIZ, 1960. 253 s.
- [2] Lungu E.V. Pandemiya COVID-19. Novyj vyzov konstitucionnym otnosheniyam/ Pravoprime-nenie. 2020. №4(3) S. 69-75.
- [3] V merii Moskvy ocenili v P800 mlrd poteri dlya byudzheta iz-za pandemii [Elektronnyj resurs]/Sajt «Rbc». – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/economics/05/10/2020/5f7b55ae-9a79470d9bb98575> (data obrashcheniya: 05.10.2020 g.)

АРУТЮНЯН Радмила Эдуардовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
e-mail: kaf.teorgos@pgu.ru

БАБАЯН Рузанна Аркадьевна,
старший преподаватель
кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
e-mail: babayan_ruzanna@mail.ru

КРИТЕРИИ СОХРАНЕНИЯ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Авторы отмечают актуальность разработки критериев культурной, исторической и археологической значимости для объектов подводного культурного наследия с целью совершенствования их охраны. В статье рассматриваются способы и подходы по обеспечению сохранности объектов подводного культурного наследия. Исследуются физиологические особенности объектов, находящихся в водной среде, а также анализируется международно-правовая практика сохранения и регулирования объектов подводного культурного наследия. Констатируется, что подводное культурное наследие является составной частью всемирного культурного наследия человечества.

Ключевые слова: подводное культурное наследие, морское наследие, сохранность объектов, подводная среда, археологические объекты, перезахоронение, правовое регулирование.

HARUTYUNYAN Radmila Eduardovna,
PhD in Law,
Associate Professor head
Department of theory of state and law,
Law Institute Pyatigorsk State University

BABAYAN Ruzanna Arkadyevna,
senior lecturer of the Department constitutional and municipal law,
Law Institute Pyatigorsk State University

CRITERIA FOR PRESERVATION OF THE UNDERWATER CULTURAL HERITAGE: INTERNATIONAL LEGAL PRACTICE

Annotation. The authors note the relevance of developing criteria of cultural, historical and archaeological significance for objects of underwater cultural heritage in order to improve their protection. The article discusses methods and approaches to ensure the preservation of objects of underwater cultural heritage. The physiological characteristics of objects in the aquatic environment are investigated, and the international legal practice of preserving and regulating objects of underwater cultural heritage is analyzed. It is stated that the underwater cultural heritage is an integral part of the world cultural heritage of mankind.

Key words: underwater cultural heritage, marine heritage, preservation of objects, underwater environment, archaeological sites, reburial, legal regulation.

Вопрос сохранения подводного культурного наследия является на сегодняшний день достаточно актуальным [3, с. 996–1004; 5, с. 262–266; 10, с. 4; 12, с. 112–127].

Степень, в которой останки сохраняются или уничтожаются в конкретном подводном месте, зависит от сложных и специфических для конкретного места взаимодействий между материалом

останков и их физической и биогеохимической средой захоронения с течением времени. Сохранение или уничтожение останков может также зависеть от того, как люди взаимодействуют с ними и как хотят их использовать. Если останки удаляются из подводной среды без соответствующих мер по сохранению, в результате они могут быть уничтожены, а не сохранены [6, с. 331].

Физические останки прошлого в виде культурного наследия могут дожить до настоящего времени в различных подводных средах, таких как океаны, море, в том числе в реках, озерах и океанах, либо частично на суше, отложившись ниже уровня грунтовых вод, но находясь в подводной среде, например, в заболоченных землях, или в тех, которые являются искусственными, такими как набережные, колодцы, каналы, уборные, ямы для хранения или могилы. При этом, подводная среда может либо уничтожить, либо сохранить подобное культурное наследие. Воздействие конкретной среды на останки зависит от материалов, из которых они сделаны, и взаимодействия между этими материалами и физической, биогеохимической природы окружающей среды.

Так, остатки подводного культурного наследия могут быть сделаны из металлов, органических или неорганических материалов. Металлы включают железо, медь, свинец, серебро, золото, алюминий и их сплавы. Органические материалы основаны на углероде и получены из животных (например, кости, кожа, шерсть) или растений (например, древесины и конопли) [6, с. 326]. Неорганические материалы включают материалы на основе диоксида кремния и карбонатов, такие как керамика, стекло и камень. Влажная среда характеризуется: содержанием воды и кислорода; концентрация водородных ионов; окислительно-восстановительный потенциал; наличие разновидностей ионов; макро и микробная активность; температура и соленость.

В любой подводной среде уровни воды и кислорода являются ключевыми факторами, определяющими разложение или сохранность останков. Присутствие воды может привести к разрушению в результате растворения, гидролиза или электрохимической коррозии в зависимости от материала. В бескислородной заболоченной среде органические материалы могут выжить тысячи лет, поскольку недостаток кислорода может препятствовать химическому и биологическому разложению. Если условия не меняются, материал может достичь состояния равновесия с окружающей средой, так что скорость его распада минимальна, а его состояние можно охарактеризовать как стабильное. Останки, обнаруженные в подводной среде, могут казаться в хорошем состоянии, но внешний вид может быть обманчи-

вым. Неорганические материалы могут оставаться относительно стабильными и неизменными в подводной среде, но органические вещества подвержены биоразложению и структурным изменениям, а металлы - коррозии.

Ухудшение органических материалов, таких как дерево, в подводной среде может происходить как на микро, так и на макроуровне. При обнаружении они могут быть физически, химически или структурно ненадежными. Также в подводной среде все металлы, кроме золота, в той или иной степени подвержены коррозии. Металлические предметы могут подвергнуться коррозии и стать полностью минерализованными без остатка металла.

Таким образом, остатки исторических кораблекрушений, обнаруженные в подводной среде, представляют особые проблемы для сохранения не только из-за их размера, сложности и местоположения, но и в материальном отношении как составные объекты, сделанные из различных материалов. Все они могут иметь разную степень разложения в зависимости от условий местонахождения. Степень сохранности может зависеть от того, как быстро затонувший корабль изначально был покрыт отложениями, как долго он остается покрытым и на какой глубине. Осадки над обломками могут защитить его от сил, которые могут нанести физический ущерб. По мере накопления отложений аэробные биологические и химические процессы ограничиваются из-за уменьшения поступления кислорода. По мере того, как глубина захоронения под отложениями увеличивается, окружающая среда становится все более аноксичной - до такой степени, что может появляться биоразложение органических веществ и коррозия металлов. Было обнаружено, что скорость коррозии железа также снижается с увеличением глубины воды из-за уменьшения содержания кислорода в воде.

Когда затонувшее судно тонет и останавливается на морском дне, это может нарушить нормальные процессы образования отложений в этом месте, создавая препятствие для переноса данных отложений. Чем больше глубина отложений и чем быстрее они покрывают обломки, тем лучше они сохраняются. Скорость и степень седиментации будут определять скорость разрушения из-за биологических, химических и физических факторов [7, с. 8].

Начиная с середины 19 века археологи, ученые и реставраторы изо всех сил пытались сохранить останки культурного наследия, обнаруженные в подводной среде и извлеченные из нее. Первоначально методы консервации, разработанные для археологических находок с земельными

участков, были адаптированы для обработки находок, обнаруженных на подводных участках.

Однако подобные подходы не могли в полной мере обеспечить сохранность подводного культурного наследия. В связи с ограниченными ресурсами для исследования была доступна лишь небольшая часть археологических останков на суше или под водой, не говоря уже о возможности их сохранении. Именно поэтому были изысканы другие варианты сохранения подводного культурного наследия для будущих поколений.

Из возможно способов сохранения подводного культурного наследия видится важным выделить два основных: сохранение *ex situ* и перезахоронение.

Сохранение *ex situ* означает сохранение объектов вне их естественного места обитания, иными словами удаляют находку из ее подводного контекста, а затем обрабатывают ее, чтобы предотвратить ухудшение в новом месте обитания. С начала 20-го века методы сохранения *ex situ* применялись к останкам судов, извлеченным из подводной среды с разной степенью успеха, включая, например, корабль викингов *Осеберг* в Норвегии, извлеченный в 1904 году и корабли *Roskilde Viking* в Дании в 1950-х гг. В течение 1960-х и 1970-х гг. открытие и обнаружение *Vasa* (1655) в Швеции, *Mary Rose* (1562) в Англии и *Vremen Cog* (1380) в Германии привело и до сих пор ведет к разработке методов сохранения судовых останков *ex situ* [13].

В соответствии с профессиональной этикой, стандартами и руководящими принципами сохранения, включая Американский институт охраны природы, Институт охраны природы и Комитет по сохранению Международного совета музеев, процесс археологической консервации находок заключается в извлечении объектов из подводной среды и направлен на следующее [9]:

- сохранить их, контролируя среду, чтобы минимизировать ухудшение, потерю информации и исторических свидетельств;
- остановить разложение и стабилизировать их от дальнейшего разрушения посредством интервенционной обработки по мере необходимости. Выявить, восстановить и сохранить целостность, археологического свидетельства и информацию;
- восстановить объект до состояния, в котором его можно понять, изучить и выставить на обозрение;
- документировать и записывать информацию как часть публичного архива, а также распространять результаты и открытия.

Под водой в течение десятилетий, если не сотен или даже тысяч лет, все останки культурного наследия претерпевают в той или иной степени физические и химические изменения к тому времени, когда они будут обнаружены и извлечены.

Задачи сохранения подводного культурного наследия *ex situ* включают: предотвращение порчи материалов при извлечении; раскрытие «истинной природы» находки; предотвращение ухудшения состояния при обезвоживании и достижение долгосрочной стабильности и доступности.

Процесс сохранения подводного культурного наследия может занять несколько десятилетий, по разным причинам из-за: необходимости исследования и поиска подходящих методов и материалов для обработки объектов; собрать ресурсы (персонал, помещения, оборудование); и длительное время непосредственно самой обработки объекта. Обработка конкретного артефакта и ее продолжительность зависит от типа артефакта и материала (ов), из которого он сделан; имеющихся ресурсов (в том числе количество консерваторов) и т.д.

Сохранение *ex situ* - это непрерывный процесс. После обработки условия хранения и демонстрации, подходящие для различных материалов (особенно для дерева и железа), чтобы свести к минимуму их порчу, по-прежнему необходимо будет создавать, контролировать и поддерживать в рабочем состоянии в течение длительного времени. Например, учитывая сложность удаления всех хлоридов из железа, среда с очень низкой относительной влажностью (менее 12 процентов) оказалась эффективной в предотвращении продолжающейся коррозии. Со временем консервационные материалы также могут испортиться, что потребует повторной обработки находки, например, для каноэ из озера Фелпс, обработанных сахарозой в середине 1980-х гг. [8, с. 3].

Перезахоронение как вариант сохранения включает в себя раскопки, восстановление, влажное хранение, изучение и регистрацию находок *ex situ* с последующим их возвратом в ту же или аналогичную заболоченную среду захоронения. Постоянный мониторинг среды захоронения и останков после перезахоронения должен быть частью стратегии сохранения в соответствии с хранением археологических архивов в хранилищах *ex situ*. Двумя примерами этого подхода являются баскские китобойные суда 16 века в Ред-Бей, Канада и находки на судне *Fredericus* (1719 г.) в гавани Марстранд, Швеция.

В 1985 г. бревна баскских китобойных судов XVI века были перезахоронены в перемычке, построенной на месте раскопок в Ред-Бей, Канада. Бревна были погребены под мешками из песка, камня и ила. Мониторинг этого участка, проведенный археологами Парк Канады в 1986, 1988 и 1992 гг., показал, что была достигнута анаэробная восстановительная среда и сохранение было признано эффективным.

В 2002 г. около 9000 находок из *Фредерикуса* (1719) были перезахоронены в гавани Марстранд,

Швеция, в рамках международного исследовательского проекта - проекта RAAR (Перезахоронение и анализ археологических останков). Находки, а также различные упаковочные и маркировочные материалы были закопаны в траншеи и покрыты слоем песка и глины не менее 1,5 футов (50 см). Целью проекта было периодически обнаруживать и исследовать образцы находок до 2050 г. На данный момент полученные данные указывают на то, что перезахоронение материалов в гавани Маарстранд может быть долгосрочным вариантом только для больших деревянных бревен. Судя по изучению материалов через семь лет, перезахоронение не рекомендовалось для железа, фаянса, стекла, растительного волокна или рога. В отношении дубленой кожи, костей животных и рогов может считаться срок до семи лет. Возможность более длительного перезахоронения медного сплава (бронзы), керамики среднего и высокого обжига и дерева постоянно изучается. Упаковочные материалы на основе полиэтилена, графитовые карандаши и перманентные чернила для маркеров хорошо сохранились, о чем сообщалось в 2012 г.

Традиционно сохранение материального наследия направлено на «продление жизни объекта, предотвращая на более или менее длительный период времени его естественное или случайное ухудшение» [11, с. 1058].

Сохранение материального культурного наследия становится все более сложным и даже противоречивым под влиянием современных тенденций. Помимо управления изменениями, менеджеры по сохранению наследия должны также принимать во внимание, как нематериальные аспекты материальных остатков, так и материальные.

Физические останки прошлого становятся наследием, когда приобретают ценность. Как нечто ценное, его необходимо защищать, регулировать и сохранять. Таким образом, сохранение связано не только с сохранением физических останков, но и с защитой их ценностей и значимости.

Принципы ценностных подходов к сохранению наследия воплощены в ряде международных хартий и организаций, как, например, в Австралии в соответствии с Хартией ИКОМОС Вигга. Со своей базой в США Институт охраны природы Гетти, также разработал и продвигал этот подход на международном уровне.

Необходимо отметить, что при сложившейся сложной ситуации вокруг объектов подводного культурного наследия, возникла необходимость создания международного правового акта, который мог бы обеспечить в интересах всего человечества его сохранность. И спустя почти два десятка лет после принятия Конвенции по мор-

скому праву 1982 г., на 31-й сессии Генеральной конференции в 2001 г. государствами – членами ЮНЕСКО была разработана Конвенция «Об охране подводного культурного наследия», которая вступила в силу только 2 января 2009 г. [1]. Данная Конвенция делает основной упор на защиту и сохранность подводного культурного наследия. Ее жесткие нормы охраны подводного культурного наследия являются общими для всех государств, ратифицировавших Конвенцию, и соответственно данные нормы применяются только по отношению к государствам – участникам Конвенции. При этом Конвенция не затрагивает регулирование права собственности и суверенные права государства. Каждое государство – участник имеет право по-своему усмотрению установить более жесткие нормы охраны и защиты подводного культурного наследия, чем они предусмотрены Конвенцией [1; 4, с. 157].

При этом, несмотря на наличие правового регулирования исследуемой сферы, многие вопросы на практике остаются открытыми и сложно решаемыми. В связи с чем, возникает необходимость более детального рассмотрения вопроса сохранения объектов подводного культурного наследия [2].

На разных этапах своего существования (включая создание, использование в прошлом, утрату, настоящее и предполагаемое использование в будущем) подводное культурное наследие может иметь один или несколько типов ценности, включая: историческую, практическую, исследовательскую, образовательную, денежную, ассоциативную, типологическую и символическую.

Анализ ценностей может определить критические этапы существования останков, их состояния и связанные с ними ценности на каждом этапе. Сравнение текущего состояния с идеальным, может помочь определить реалистичные цели спасения и сохранения объектов подводного культурного наследия. Определение значений также дает ориентир, по которому можно судить о целесообразности «лечения» и возможности достижения желаемых результатов.

Список литературы:

[1] Конвенция «Об охране подводного культурного наследия» (ЮНЕСКО, Париж, 2 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/underwater_heritage.shtml (дата обращения: 12.05.2021).

[2] Декларация сохранения и подводного культурного наследия России (VI Санкт-Петербургский международный культурный форум, Санкт-Петербург, 16 ноября 2017 г.) // Вопросы подводной археологии. 2017. № 8. – С. 4-5.

[3] Анисимов И.О. Соотношение понятий «подводное культурное наследие» и «всемирное

культурное и природное наследие» // Право и политика. 2014. № 7. – С. 996-1004.

[4] Анисимов И.О. Подводное культурное наследие. Актуальные проблемы международно-правовой охраны: Монография / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Перо, 2015. – 267 с.

[5] Анисимов И.О. Юридические аспекты изучения и сохранения объектов подводного культурного наследия // Морские исследования и образование (MARESEDU-2018). Труды VII Международной научно-практической конференции. – Тверь: ПолиПресс, 2019. – С. 262-266.

[6] Бабаян Р.А. Международно-правовая кодификация института подводного культурного наследия // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Грозный, 30 апреля 2012 г. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 325-332.

[7] Бабекин Д.В. Участие Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам сохранения подводного культурного наследия // Вопросы подводной археологии. 2017. № 8. – С. 6-12

[8] Мадикова Л.В. Международный и российский опыт исследования и сохранения подводного культурного наследия // Журнал института наследия. 2019. № 3 (18). – С. 3-5.

[9] Подводное культурное наследие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/underwater-cultural-heritage/> (дата обращения: 12.05.2021).

[10] Фазлуллин С.М. Изучение и сохранение подводного историко-культурного наследия России // Культурологический журнал. 2012. № 2 (8). – С. 4.

[11] Фазлуллин С.М. Подводное культурное наследие России: проблемы изучения и сохранения // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 02-07 октября 2017 г. Сборник научных трудов. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 1058-1059.

[12] Фазлуллин С.М. Подводные парки и сохранение объектов подводного культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). – С. 112-127.

[13] Welcome at the Viking Ship museum in Roskilde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vikingskibsmuseet.dk/en/> (дата обращения: 12.05.2021).

Spisok literatury:

[1] Konvenciya «Ob ohrane podvodnogo kul'turnogo naslediya» (YUNESKO, Parizh, 2 noyabrya 2001 g.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_

conv/conventions/underwater_heritage.shtml (data obrashcheniya: 12.05.2021).

[2] Deklaraciya sohraneniya i podvodnogo kul'turnogo naslediya Rossii (VI Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kul'turnyj forum, Sankt-Peterburg, 16 noyabrya 2017 g.) // Voprosy podvodnoj arheologii. 2017. № 8. – С. 4-5.

[3] Anisimov I.O. Sootnoshenie ponyatij «podvodnoe kul'turnoe nasledie» i «vsemirnoe kul'turnoe i prirodnoe nasledie» // Pravo i politika. 2014. № 7. – С. 996-1004.

[4] Anisimov I.O. Podvodnoe kul'turnoe nasledie. Aktual'nye problemy mezhdunarodno-pravovoj ohrany: Monografiya / 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Pero, 2015. – 267 s.

[5] Anisimov I.O. Yuridicheskie aspekty izucheniya i sohraneniya ob»ektov podvodnogo kul'turnogo naslediya // Morskie issledovaniya i obrazovanie (MARESEDU-2018). Trudy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Tver': PoliPress, 2019. – С. 262-266.

[6] Babayan R.A. Mezhdunarodno-pravovaya kodifikaciya instituta podvodnogo kul'turnogo naslediya // Puti povysheniya urovnya pravosoznaniya i pravovoj gramotnosti v sovremennom grazhdanskom obshchestve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu so dnya okonchaniya Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.). Groznyj, 30 aprelya 2012 g. – Mahachkala: ALEF, 2020. – С. 325-332.

[7] Babekin D.V. Uchastie Rossijskoj Federacii v mezhdunarodnom sotrudnichestve po voprosam sohraneniya podvodnogo kul'turnogo naslediya // Voprosy podvodnoj arheologii. 2017. № 8. – С. 6-12

[8] Madikova L.V. Mezhdunarodnyj i rossijskij opyt issledovaniya i sohraneniya podvodnogo kul'turnogo naslediya // Zhurnal instituta naslediya. 2019. № 3 (18). – С. 3-5.

[9] Podvodnoe kul'turnoe nasledie [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/underwater-cultural-heritage/> (data obrashcheniya: 12.05.2021).

[10] Fazlullin S.M. Izuchenie i sohranenie podvodnogo istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii // Kul'turologicheskij zhurnal. 2012. № 2 (8). – С. 4.

[11] Fazlullin S.M. Podvodnoe kul'turnoe nasledie Rossii: problemy izucheniya i sohraneniya // V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s»ezd. Barnaul, 02-07 oktyabrya 2017 g. Sbornik nauchnyh trudov. – Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2017. – С. 1058-1059.

[12] Fazlullin S.M. Podvodnye parki i sohranenie ob»ektov podvodnogo kul'turnogo naslediya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2015. № 2 (18). – С. 112-127.

[13] Welcome at the Viking Ship museum in Roskilde [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.vikingskibsmuseet.dk/en/> (data obrashcheniya: 12.05.2021).

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-47-53

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
 профессор кафедры гражданского и трудового права,
 гражданского процесса Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
 кандидат исторических наук, профессор,
 e-mail: professor60@mail.ru.

САРБАЕВ Григорий Михайлович,
 адвокат, общественный деятель,
 член Европейской ассоциации юристов, доктор права,
 e-mail: Greg@zakonoved.com

ФЕДУЛОВ Вячеслав Ильич,
 кандидат юридических наук,
 доцент Департамента правового регулирования
 экономической деятельности Финансового университета
 при Правительстве Российской Федерации,
 e-mail: Fmgouvi@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ

Аннотация. В представленной статье рассмотрены проблемы международно-правового регулирования деятельности государств по установлению экологических стандартов с целью обеспечения благополучия населения и охраны окружающей природной среды. Автор статьи анализирует механизм международного сотрудничества государств, исторические этапы развития международного экологического права, а также особенности имплементации международных и европейских стандартов в законодательство различных государств.

Ключевые слова: международное экологическое право; экологические стандарты; механизм международного сотрудничества; имплементация международных норм; охрана окружающей природной среды.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
 professor department of the civil and labor law,
 civil process of the «Moscow University of the Ministry
 of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot»,
 doctor of economics, candidate of law, candidate of historical, professor

SARBAYEV Grigory Mikhailovich,
 lawyer, public figure, member of the European Association of Lawyers,
 Doctor of Law

Vyacheslav I. FEDULOV,
 PhD in law, associate Professor of the Department
 of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University
 under the Government of the Russian Federation

CONTEMPORARY INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS ON ENVIRONMENTAL RIGHTS

Annotation. *The present article addresses the problems of international legal regulation of the activities of States to establish environmental standards in order to ensure the well-being of the population and the protection of the natural environment. The author of the article analyzes the mechanism of international cooperation of states, the historical stages of the development of international environmental law, as well as the features of the implementation of international and European standards in the legislation of various states.*

Key words: *international environmental law; environmental standards; a mechanism for international cooperation; implementation of international norms; environmental protection.*

Вторая половина XX века привела к появлению актуальных проблем, связанных с экологическими последствиями индустриального роста в государствах, и необходимостью предотвращения загрязнения, а также деградации окружающей природной среды. Определенные попытки привлечь внимание мирового сообщества к проблемам экологии были предприняты в 40-х годах прошлого века. В 1948 г. по инициативе ЮНЕСКО была создана международная неправительственная организация Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) с целью проведения научных исследований в сфере экологии, пропаганды охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Организация включает в себя около 1400 ассоциированных членов в лице правительств государств, неправительственных организаций, ученых, специалистов по охране природы в задачу которых включены: контроль за состоянием современных экосистем; осуществление действий по охране природы на универсальном, региональном и национальном уровнях; ведение списка растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения.

В последние десятилетия в большей степени стал признаваться тот факт, что успех в области охраны и укрепления здоровья населения во многом зависит от условий окружающей среды, в которой живет нынешнее поколение и будут жить будущие поколения людей. Дорога к устойчивому развитию в области экологического развития была обозначена в 1972 г. когда представители 113 государств собрались на Стокгольмской конференции по среде обитания.

В 1972 г. по итогам Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды была принята одноименная Декларация которая провозгласила постулат о том: что: «Человек является творением и одновременно создателем своей окружающей среды, которая обеспечивает его физическое существование и предоставляет ему возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития. В ходе долгой и мучительной эволюции человечества на нашей планете была достигнута такая стадия, на которой в результате ускоренного развития науки и техники человек

приобрел способность преобразовывать многочисленными путями и в невиданных до сих пор масштабах свою окружающую среду. Оба аспекта окружающей человека среды, как естественной, так и созданной человеком, имеют решающее значение для его благосостояния и для осуществления основных прав человека, включая даже право на саму жизнь» [2].

В 1983 г. Организация Объединенных Наций создала Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию. По итогам работы этой комиссии был опубликован доклад «Наше общее будущее», в котором содержался настоятельный призыв к тому, чтобы все виды человеческой деятельности осуществлялись в соответствии с принципами устойчивого развития, которое было определено как развитие, позволяющее удовлетворить потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять их собственные потребности [3]. Вопросы экологического благополучия затрагивают целый пласт отношений (политических, экономических, социальных, гуманитарных), но вместе с тем, ключевое значение приобретают именно правоотношения, поскольку устанавливаемые государствами, международными организациями, сообществами стандарты в области экологии должны рассматриваться в качестве норм «*ius cogens*», так как от их реализации зависит благополучие всего человечества.

В настоящее время государствами признано, что ни одно государство или группа государств не может эффективно образом решить проблемы, связанные с трансграничным загрязнением окружающей природной среды. Даже если экологические проблемы воспринимаются как локальные, сотрудничество между правительствами государств и помощь со стороны международных межправительственных и неправительственных организаций могут позволить выработать правильные и обоснованные решения.

В 1989 г. по итогам проведения Европейской конференции по окружающей среде и развитию (UNCED) была принята «Повестка дня на XXI век» в соответствии с которой, государствам было предложено разработать национальные планы действий по устойчивому развитию в социальной, экономической и экологической сферах. На этой

основе многими государствами были разработаны национальные планы охраны окружающей среды как неотъемлемой части данного процесса.

Европейская конференция стала важным шагом на пути принятия Европейской Хартии по окружающей среде и охране здоровья. В Хартии признается тот факт, что каждый человек имеет право на окружающую среду, способствующую достижению им наиболее высокого возможного уровня здоровья и благополучия; подчеркивается совместная ответственность отдельных лиц, органов власти и экономических секторов в обществе за охрану такой окружающей среды; приводятся основные принципы политики в области общественного здравоохранения [3].

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция по итогам которой была принята «Повестка дня на 21 век». В Повестке нашло отражение растущее сознание того факта, что для обеспечения устойчивого развития как правительствам, так и населению необходимо изменить свои подходы к окружающей среде. Без существенных изменений окружающая среда будет подвергнута большому давлению, что приведет к ухудшению качества жизни и здоровья населения. Основываясь на результатах Конференции в Рио-де-Жанейро Всемирная Организация Здравоохранения сформулировала новую глобальную стратегию по охране здоровья и окружающей среде. Она является концептуальной основой для планов работы организации в целях достижения тех планов и проведения необходимых мероприятий в области экологической безопасности и здоровья населения.

Толчком к принятию наднационального экологического законодательства послужила Декларация глав государств и правительств принятая в Париже в 1972 г. Сразу после этого в 1973 г. была принята первая программа действий Сообщества по окружающей среде за которой последовало принятие еще 5 программ.

Несмотря на то, что Европейское сообщество активно занималось экологическими вопросами, реализуя свои программы действий путем принятия значительного количества законодательных актов, окончательную свою форму в качестве актов Сообщества они обрели в 1987 г. когда в действие вступил Единый Европейский Акт (ЕЕА).

В 1992 г. Европейский Союз принял программу политических и практических действий применительно к окружающей среде и устойчивому развитию на 1993-2000 гг. «К устойчивому развитию», называемую также Пятой программой по охране окружающей среды [5]. Эта программа ориентирована на широкое вовлечение всех секторов Сообщества в духе партнерства и совмест-

ной ответственности для достижения устойчивого развития.

Договор о Европейском Союзе, вступивший в силу в ноябре 1993 г., включает в основные цели ЕС такую цель, как содействие устойчивому экономическому росту и в значительной степени укрепляет юридическую платформу Европейской Комиссии в плане проведения Пятой программы. Следует особо отметить тот факт, что этот договор предусматривает, чтобы соображения, относящиеся к охране здоровья и окружающей среде, всегда учитывались при определении и осуществлении других стратегий организации.

Одна из последних программ действия Сообщества в области окружающей среды была утверждена Решением Европейского парламента и Совета № 1600/2002/ЕС от 22 июля 2002 г. Программа охватывает инициативы государств по выполнению задач в различных политических сферах, которые должны заключаться в круге мероприятий, включающем законодательство и стратегические подходы в области экологии. Задачи охватывают ключевые экологические приоритеты, претворяемые Сообществом в следующих сферах: изменение климата; природа и биологическое разнообразие; окружающая среда, здоровье и качество жизни; природные ресурсы и отходы [4].

В Европейском регионе Всемирной Организации Здравоохранения в рамках Европейского регионального бюро ВОЗ (ЕРБ ВОЗ) был создан Европейский центр по окружающей среде и здоровью в целях укрепления сотрудничества по связанным со здравоохранением аспектам природоохранной деятельности с особым упором на информационные системы, механизмы по обмену опытом и координированные действия. Центр подготовил всесторонний обзор гигиенического состояния окружающей среды в государствах Европы, который лег в основу Европейского плана действий по гигиене окружающей среды для национальных планов отдельно взятых государств [5].

С целью соблюдения высоких стандартов экологического благополучия многими европейскими государствами (Франция, Бельгия, Германия, Италия, Австрия, Швейцария) используются новые подходы к гигиене окружающей среды, которые включает в себя следующие основные аспекты: развитие планов действий на уровне государств, которые предусматривают поэтапное достижение целей долгосрочной политики; определение институциональных субъектов в механизме экологической модели стандартизации для разграничения ответственности; постановку задач на уровне правительств государств с целью оценки достижимой выгоды от соблюдения высо-

ких экологических стандартов субъектами хозяйствующей деятельности, а также ресурсов, имеющих для проведения их в жизнь; мониторинг и оценку экологического благополучия населения, посредством инновационных систем моделирования и использования нейросетей; информатизацию экологического кластера отношений посредством современных информационных технологий.

Анализ институционально-правовых факторов обеспечения высоких экологических стандартов включает в себя исследование внутригосударственных правовых механизмов правоприменения действующих международных соглашений в сфере экологии и национальных актов по охране окружающей среды и здоровья человека.

Существующие модели правоприменения в основном предусматривают имплементацию международных экологических стандартов в национальное законодательство, посредством принятия внутригосударственных актов по защите и охране окружающей среды, или отдельных норм в систему действующих нормативно-правовых актов непосредственно затрагивающих вопросы экологии.

Законодательство Соединенных Штатов Америки предусматривает закрепление высоких стандартов экологического благополучия посредством федерального уровня и последующей их детализацией на уровне отдельных штатов. Действующие правила в области окружающей природной среды кодифицированы в разделе 40 Кодекса федеральных нормативных актов (CFR).

Нормативная структура правил включает в себя основополагающие акты затрагивающие вопросы окружающей природной среды и охраны здоровья человека. К ним можно отнести: Закон о чистом воздухе (1970 г.); Закон о чистой воде (1972 г.); Закон о контроле за токсичными веществами (1976 г.) дополненный законом о химической безопасности для XXI века от 2016 г.; Закон о сохранении и восстановлении ресурсов (1976 г.); Закон о комплексном экологическом реагировании, компенсации и ответственности (1980 г.) и федеральный закон о инсектицидах, фунгицидах и родентицидах 1996 г. [8]

Закон о чистом воздухе 1990 г. (CAA) с последующими поправками в 1990 г. устанавливает стандарты выбросов опасных загрязнителей воздуха в атмосферу из стационарных и мобильных источников, а также наделяет полномочиями Агентство по охране окружающей среды (EPA) осуществлять стандартизацию качества окружающего воздуха для охраны здоровья населения и общественного благосостояния посредством регулирования выбросов опасных загрязнителей воздуха.

Основная цель принятия закона заключалась в создании рамочного стандарта выбросов опасных загрязнителей воздуха для каждого из штатов, чтобы к 1975 г. устранить риски связанные со здоровьем и благосостоянием населения. В целях разработки единого стандарта в отдельные штаты были направлены планы по сокращению выбросов опасных загрязнителей воздуха в зависимости от имеющихся источников промышленного загрязнения.

В закон неоднократно вносились поправки направленные на установление новых целей и сроков, поскольку большая часть штатов не смогла уложиться в предусмотренные планы по стандартизации.

На основе поправок в Закон о чистом воздухе от 1990 г. США изменили свой подход к стандартизации, который применяется и в настоящее время. Для целей выполнения требования закона первоначально осуществляется выпуск технологических стандартов для основных или отдельных районов с источниками загрязнения. К наиболее опасным отнесены стационарные источники загрязнения воздуха, которые осуществляют выброс опасных загрязнителей в атмосфере превышающих 25 тонн в год.

Закон о чистой воде 1972 г. (CWA) устанавливает правовую основу регулирования классов загрязняющих веществ в воде, а также стандарты качества поверхностных вод. Принятию Закона о чистой воде способствовал ранее действующий федеральный закон об ограничении загрязнения вод, который был отменен в 1972 г. за счет расширения сферы регулирования посредством принятия нового акта.

Законом определяются стандарты в отношении сточных вод для промышленности, а также критерии определения качества воды в зависимости от находящихся в ней загрязнителей, включая поверхностные воды. Промышленные, муниципальные и иные объекты хозяйственного назначения должны получать специальные разрешения, если их инфраструктура имеет водоотведение или связана с необходимостью использования поверхностных вод. Исключение из этого правила составляют отдельные дома, имеющие систему септиков или подключенных к муниципальной водопроводной системе.

В рамках реализации Закона о чистой воде в США дополнительно была разработана программа, включающая в себя национальную систему предотвращения сбора загрязняющих веществ (NPDES), которая устанавливает ограничения в отношении сточных вод. Существующие ограничения непосредственно связаны с имеющимися технологиями, доступными для контроля загрязняющих веществ в сточных водах на основе анализа качества воды, поступающей в систему

водоснабжения. Стандарты по ограничению, применимые в отношении сточных вод, различаются в зависимости от категории объектов и их правового статуса. Вместе с тем, основная задача заключается в снижении степени загрязняющих веществ в сточных водах посредством оценки качества на основе имеющихся современных технологий контроля.

Контроль за исполнением закона возлагается на Управление водных ресурсов США (OW) которое обеспечивает безопасность питьевой воды, восстанавливает и поддерживает экологический баланс водосборных бассейнов и водных экосистем в целях охраны здоровья человека, поддержки экономической и рекреационной деятельности, обеспечения здоровой среды обитания для рыб, растений и дикой природы.

Закон о контроле за токсичными веществами 1976 г. (TSCA) наделяет Агентство по охране окружающей среды (EPA) полномочиями требовать соблюдения отчетности в отношении учета и испытаний, а также ограничений, касающихся химических веществ и смесей. Исключение из действия закона составляют продукты питания, лекарства, косметика и пестициды.

В 2016 г. данный закон был дополнен актом о химической безопасности в XXI веке который наделил дополнительными полномочиями органы власти в целях соблюдения высоких стандартов экологической безопасности и благополучия населения. Органы государственной власти наделены правом требовать проведения испытаний новых химических веществ, которые заявлены к применению изготовителями, импортерами или переработчиками при наличии предварительного уведомления и если эти химические вещества вызывают особую озабоченность. В настоящее время государством ведется реестр подобных химических веществ, включающий в себя более 83 000 позиций и при появлении новых они подлежат обязательному включению.

Компетентные органы также вправе требовать от лиц импортирующих или экспортирующих химические вещества соблюдение требований в отношении отчетности о сертификации, а также о возможном использовании данных веществ в торговле. Любое лицо, которое производит (включая импорт), обрабатывает или распространяет в торговле химическое вещество или смеси, а также обладает информацией, которая обоснованно подтверждает вывод о том, что такое вещество или смесь представляет значительный риск причинения вреда здоровью или окружающей среде должно незамедлительно информировать компетентные органы государственной власти за исключением случаев, когда органы власти были надле-

жащим образом проинформированы посредством других официальных источников [6].

Закон о сохранении и восстановлении ресурсов 1976 г. (RCRA) наделяет Агентство по охране окружающей среды (EPA) компетенцией по контролю за опасными отходами, в частности, производством, транспортировкой, обработкой, хранением и удалением опасных отходов. В рамках закона также определены стандарты в отношении неопасных твердых отходов. В 1986 г. в закон были внесены поправки благодаря которым агентство во многом смогло решить экологические проблемы, которые возникали или могут возникнуть в результате хранения нефти и других опасных веществ в подземных резервуарах. Внесенные поправки в основной закон были направлены на минимизацию отходов и поэтапное удаление опасных отходов на суше, а также меры по исправлению выбросов. Отдельные поправки также расширяют полномочия органов государственной власти в отношении введения более строгих стандартов регулирования опасных отходов, включая комплексную программу в отношении подземных резервуаров мест хранения [8].

Закон о комплексном экологическом реагировании, компенсации и ответственности 1980 г. (CERCLA) предусматривает обязанность государства по созданию специального фонда, посредством которого обеспечивается покрытие расходов, связанных с проведением аварийных и спасательных работ, вызванных разливом опасных отходов, выбросом отравляющих веществ в атмосферу и необходимостью восстановления нарушенной экологии. Агентству предоставляется право осуществлять поиск лиц, ответственных за экологические правонарушения и привлечения их к материальной ответственности с целью восстановления окружающей природной среды. Кроме того, посредством созданного фонда компенсируются расходы частных лиц, участвующих в деятельности по восстановлению нарушенного экологического баланса.

Отличительная особенность данного закона проявляется в его имплементации всеми штатами в США посредством обеспечения контроля со стороны Агентства по охране окружающей среды.

Федеральный закон о инсектицидах, фунгицидах и родентицидах 1996 г. (FIFRA) закрепляет федеральное регулирование правового механизма продажи и использования пестицидов. Все пестициды, распространяемые или продаваемые на территории Соединенных Штатов Америки, должны быть зарегистрированы и пройти процедуру лицензирования со стороны Агентства по охране окружающей среды (EPA). Прежде чем агентство сможет зарегистрировать пестицид в соответствии с данным федеральным законом,

заявитель должен доказать, что использование пестицида в соответствии с имеющими спецификациями не вызовет необоснованных неблагоприятных последствий для окружающей природной среды [8].

Таким образом, охрана здоровья человека в современных условиях требует не только сохранения окружающей природной среды но и ее восстановления, поскольку губительное влияние человека на нее до настоящего времени объективно не исследовано. Субъекты несущие ответственность за окружающую среду и здравоохранение должны работать в тесном контакте друг с другом, оперативно обмениваться информацией и обеспечивать выполнение необходимых задач на внутригосударственном уровне. В связи с тем, что санитарное состояние окружающей среды, а также существующие культурные и экономические различия на локальном уровне предопределены сферами экономики и политики, то потребуются меры направленные на приоритизацию экологических проблем с целью планирования и осуществления контроля за принятыми решениями.

Принятые национальные стандарты в области экологии предусматривают необходимость обеспечения сохранения и улучшения жизненной и природной среды, сокращения отходов, устойчивого использования водных, воздушных, минеральных ресурсов, лесного хозяйства с необходимостью сохранения разнообразия природы и ландшафтов [7].

Немаловажное значение национальные стратегии развития экологической чистоты придают безопасности пищевых продуктов с целью устранения загрязнителей в пищевой цепочке и не допущения нанесения ущерба здоровью человека. Современные информационные технологии мониторинга на основе анализа данных полученных с помощью нейросетей, а также обработки больших массивов данных, позволяют создать целые информационные кластеры по совершенствованию экологических стратегий анализа с целью принятия обоснованных решений и информирования населения.

Отдельными блоком системы современных экологических стандартов выступает разработка и внедрение нормативов для сокращения выбросов загрязняющих веществ в окружающую природную среду, и в частности, в питьевую воду, повышение уровня компетентности должностных лиц по работе с данными стандартами и их правильным применением к правонарушителям. Действующими международными и национальными стандартами должно обеспечиваться хорошее состояние поверхностных вод (включая прибрежные воды), грунтовых вод, предотвращение загрязнения и оценка состояния водной среды;

поощрение рационального и устойчивого использования многофункциональных лесов, сокращение масштабов их незаконного использования; устойчивое управление рыбными ресурсами, обеспечение биоразнообразия животного и растительного мир; экологически устойчивое использование почвы, сохранение и повышение их плодородия; функциональное и устойчивое использование природных и культурных ландшафтов, разработка и осуществление ландшафтной политики с учетом наднациональных и внутригосударственных стандартов, сохранение разнообразия ландшафтов и различных типов местообитаний; обеспечение качественного систематического просвещения по вопросам природы и экологии; разработка и дополнение действующего законодательства, касающегося защиты атмосферного воздуха, развития системы долгосрочного планирования регулирования отходами, сокращение образования отходов и развитие системы управления.

Список литературы

[1] Официальный сайт Международного союза охраны природы и природных ресурсов // <https://www.iucn.org/about/union/members> (дата обращения: 20.03.2021 г.).

[2] Официальный сайт Организации Объединенных наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 20.03.2021 г.).

[3] Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию. Our common future (Наше общее будущее). Oxford. Oxford University Press. 1987 г.

[4] Европейская Хартия по окружающей среде и охране здоровья // https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0004/114088/ICP_RUD_113_rus.pdf?ua=1 (дата обращения: 21.03.2021).

[5] Towards sustainability: A European Community program of policy and action in relation to the environment and sustainable development. Vol. 2. Brussels, Commission of the European Community, 1992 г.

[6] Официальный сайт European Environment Agency // <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/1600-2002-ec> (дата обращения: 20.03.2021).

[7] Официальный сайт Агентства по охране окружающей среды (EPA) США // <https://www.epa.gov/laws-regulations> (дата обращения: 20.03.2021).

[8] Официальный сайт Агентства по охране окружающей среды <https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-resource-conservation-and-recovery-act> (дата обращения: 20.03.2021).

Spisok literatury:

[1] Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnogo soyuza ohrany prirody i prirodnyh resursov // <https://www.iucn.org/about/union/members> (data obrashcheniya: 20.03.2021 g.).

[2] Oficial'nyj sajt Organizacii Ob"edinennyh nacij // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (data obrashcheniya: 20.03.2021 g.).

[3] Vsemirnaya komissiya po okruzhayushchej srede i razvitiyu. Our common future (Nashe obshchee budushchee). Oxford. Oxford University Press. 1987 g.

[4] Evropejskaya Hartiya po okruzhayushchej srede i ohrane zdorov'ya // https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/114088/ICP_RUD_113_rus.pdf?ua=1 (data obrashcheniya: 21.03.2021).

[5] Towards sustainability: A European Community program of policy and action in relation to the environment and sustainable development. Vol. 2. Brussels, Commission of the European Community, 1992 g.

[6] Oficial'nyj sajt European Environment Agency // <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/1600-2002-ec> (data obrashcheniya: 20.03.2021).

[7] Oficial'nyj sajt Agentstva po ohrane okruzhayushchej srede (EPA) SSHA // <https://www.epa.gov/laws-regulations> (data obrashcheniya: 20.03.2021).

[8] Oficial'nyj sajt Agentstva po ohrane okruzhayushchej srede <https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-resource-conservation-and-recovery-act> (data obrashcheniya: 20.03.2021).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РАДАЕВА Светлана Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Российского государственного университета правосудия
(Северо-Кавказский филиал в г. Краснодар),
e-mail: 1974403@mail.ru

АГАФОНОВА Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Российский государственный университет правосудия
(Северо-Кавказский филиал в г. Краснодар),
e-mail: agafonovanatalia@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации права на высшее образование. Отмечается, что образование как единый и целенаправленный процесс воспитания и обучения является общественно значимым благом. Говорится, что данный процесс осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства. Следовательно, государство наиболее заинтересовано в создании реально действующих механизмов для реализации членами общества права на образование. Авторами констатируется, что особенности реализации права на высшее образование зависят от государственных программ, предназначенных для стратегического развития сферы образования.

Ключевые слова: конституционное право на образование, право на высшее образование, формы образования, уровни образования, субъективное право, реализация права на высшее образование.

RADAEVA Svetlana Vladimirovna,
PhD in law,
associate Professor of the Department of state and legal disciplines
Russian state University of justice
(North Caucasus branch in Krasnodar)

AGAFONOVA Natalia Yuryevna,
PhD in law,
associate Professor of the Department of state and legal disciplines
Russian state University of justice
(North Caucasus branch in Krasnodar)

ACTUAL PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HIGHER EDUCATION

Annotation. This article discusses some problems of the realization of the right to higher education. Education as a single and purposeful process of education and training is a socially significant good. It is carried out in the interests of the individual, the family, society and the state. Consequently, the State is most interested in creating real mechanisms for the realization of the right to education by members of society. The specifics of the realization of the right to higher education depend on state programs designed for the strategic development of the education sector.

Key words: constitutional right to education, right to higher education, forms of education, levels of education, subjective right, realization of the right to higher education.

Право на образование - одно из неотъемлемых социальных прав человека и гражданина, нашедшее свое закрепление в Основном Законе государства [2]. Особенности реализации конституционно закрепленного права на образование определяются правовой природой данного права, наличием необходимых законодательных норм и правоприменительной практикой. Право на образование носит многоаспектный характер, в связи с чем, в литературе имеется большое количество мнений по этому вопросу. Так, например, Е.В. Курицына, под правом на образование понимает субъективное право личности, которое представляет собой реально существующую, гарантированную государством и международным сообществом фактическую возможность лица обладать и пользоваться знаниями, умениями и навыками в целях повышения своего культурного уровня в личных интересах и в интересах всего общества [5, с. 7].

О.А. Теплякова полагает, что право на образование, будучи одним из наиболее существенных конституционных, социальных, культурных прав человека, создает предпосылки для развития личности и общества в целом. Предполагаются обязанности государства по обеспечению данного права для каждого человека [11, с. 27].

М.В. Смирнова отмечает, что право на образование рассматривалось в качестве фундаментального права в сфере культуры, считалось, что образование открывает доступ к культурным ценностям своего и других народов, цивилизации, гарантирует духовное развитие человека, способствует формированию у трудящихся высокого уровня общей и профессиональной культуры, способности к творчеству и т.д. [10, с. 31].

С.Л. Серегина высказывает мнение, что право на образование является составной частью общего права – права человека на развитие [9, с. 6].

Отсюда мы видим, что многочисленные исследователи проблем реализации конституционного права на образование, обозначая различные подходы к определению понятия и содержания конституционного права на образование, так или иначе, отмечают в качестве главной цели реализации данного права – развитие личности, общества, государства, повышения уровня культуры в целом, и правовой культуры, в частности.

Эта же мысль законодателя прослеживается в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ № 273-ФЗ),

который, определяя образование как процесс воспитания и обучения, единый и целенаправленный, называет его общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства.

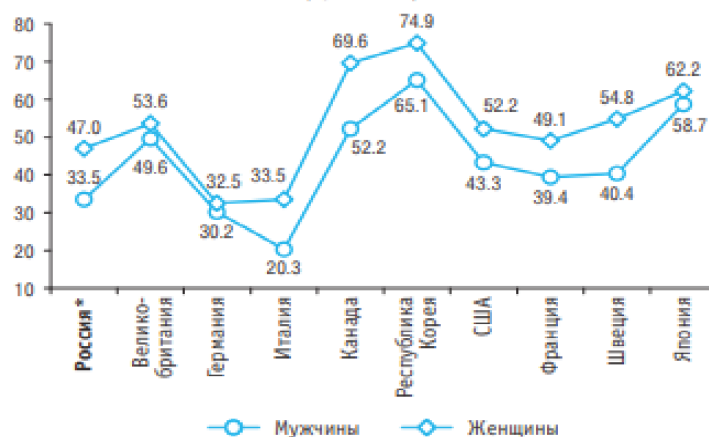
То есть стоит отметить, что государство наиболее заинтересовано в создании реально действующих механизмов для реализации членами общества права на образование.

Высокая социальная значимость образования подчеркнута в ч. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в которой говорится, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и создание ее достоинства [1]. Таким образом, право на образование является одним из основополагающих прав человека. При этом важно осознавать, что интеллектуальные возможности образования создают предпосылки реализации принципов демократии, равенства, прав человека, толерантности и межкультурного взаимопонимания [8, с. 43].

ФЗ № 273-ФЗ в числе уровней профессионального образования называет высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации). Цель высшего образования, безусловно, согласуется с основной целью образования вообще. Она состоит в необходимости обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации. В связи с появлением новых форм образования, в т.ч. высшего, интерес к последнему увеличивается. Однако стоит отметить, что все-таки уровень населения, желающего повысить свой уровень образования, получив профессиональное высшее образование, все-таки остается низким.

На представленном ниже графике [7] видно, что по результатам переписи населения в России только 33.5% населения в возрасте от 30 до 40 лет и 47% в возрасте от 40 до 50 лет имеют высшее образование. По сравнению с другими государствами это средняя позиция. Лидером в вопросах получения высшего образования является Канада и Республика Корея.

1.4. Удельный вес населения в возрасте 25–34 лет, имеющего высшее образование (МСКО 6, 7 и 8), в общей численности населения данной возрастной группы по полу и странам: 2017 (проценты)

* По России – данные микропереписи населения 2015 г.

При этом стоит отметить, что уровень образования [7] взрослого населения в расчете на 1000 человек населения каждой возрастной группы составляет:

	Население в возрасте 25-64 лет	Мужчины	Женщины
Высшее образование	304	264	339
Среднее профессиональное	347	331	361
Среднее общее	168	187	152

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что уровень лиц, имеющих высшее образование, среди общего числа населения России значительно низок, он даже не достигает 50%, в особенности среди молодого населения.

Следовательно, детальное внимание должно быть уделено вопросам, связанным с реализацией права на высшее образование. Говоря о его реализации, под таковым мы понимаем именно субъективное право. Среди ключевых факторов, оказывающих воздействие на его реализацию, можно выделить: сочетание диспозитивных и императивных начал, отнесение вопросов образования к сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ, неравномерность соотношения положений Конституции РФ и ФЗ № 273-ФЗ, необходимость обеспечения реализации права на образование в течение всей жизни человека.

В соответствии с новой редакцией п. «е» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федера-

ции находится установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в т.ч. непрерывного образования [2]. Однако регулирование отношений, возникающих в связи с реализацией права на образование, осуществляется как на федеральном и региональном, так и на муниципальном уровнях, поскольку согласно ч. 1 ст. 9 ФЗ № 273-ФЗ муниципальные районы, муниципальные и городские округа имеют ряд полномочий по вопросам местного значения в сфере образования. Допускается создание муниципальных организаций высшего образования, однако такая практика не является распространенной [3]. Основная проблема состоит в том, что в ФЗ № 273-ФЗ дается иной подход к понятиям права на образование и его реализацию. Так, согласно в ч. 4 ст. 5 данного нормативно-правового акта реализация права на образование обеспечивается путем создания государственными и муниципальными органами

социально-экономических условий для получения образования [3]. Подобный подход следует считать ошибочным, поскольку реализация субъективного права осуществляется посредством волевых действий субъекта права, выраженных в определенных действиях, имеющих юридическое значение. Создание необходимых социально-экономических условий является не реализацией права, а гарантией его реализации. Между тем, без соответствующих социально-экономических условий невозможна реализация права на образование в течение всей жизни, т.к. здесь требуется гибкое сочетание коммерческих и некоммерческих механизмов.

Серьезный отпечаток на реализацию права на образование оказывает то, что в Конституции РФ не установлена система образования [2]. Системообразующие принципы заложены в ФЗ № 273-ФЗ, причем данные принципы претерпели серьезные изменения в связи с принятием новой редакции данного закона [3]. С одной стороны, это обеспечивает адаптивность системы образования, с другой – при внесении изменений в законодательство механизм реализации права на образование претерпевает существенные изменения. Т.Н. Матюшева считает, что в российской системе образования наличествуют две явных тенденции: стремление к сохранению самобытности и глобализация образования [9, с. 113—117].

Большое количество споров возникает в связи с Болонским процессом, изменившим структуру высшего образования. Помимо этого, происходит нарастающая коммерциализация высшего образования, несмотря на то, что органы публичной власти обязаны обеспечивать социально-экономические условия, позволяющие реализовать право на образование, в т.ч. на высшее. В Конституции РФ закреплён принцип получения высшего образования на конкурсной основе бесплатно, однако, о количестве мест, обучение по которым оплачивается из средств бюджета, ничего не говорится, а также не поясняются условия проведения конкурса [2]. Поступление в высшие учебные заведения проводится на основании результатов Единого государственного экзамена. Из очевидных достоинств этой системы отметим независимую от образовательных организаций систему оценки знаний, что как юридически, так и фактически гарантирует абитуриентам равные возможности для поступления в вуз. Одним из существенных недостатков ЕГЭ является то, что для поступления в ВУЗ прохождение экзамена требуется как выпускникам школ, так и выпускникам училищ и колледжей, которые, в отличие от школьников, параллельно с ЕГЭ проходят итоговую государственную аттестацию. Сложившееся противоречие в рамках системы ЕГЭ неустранимо, поскольку

данная система не допускает широкой дифференциации.

Некоторые особенности реализации права на высшее образование зависят от государственных программ, предназначенных для стратегического развития сферы образования. В настоящее время действует образовательная программа «Развитие образования», одним из основных направлений которой является развитие цифровой образовательной среды, облегчающей доступ к высшему образованию путем повышения численности обучающихся образовательных организаций, прошедших обучение на онлайн-курсах [4]. Подобная цель стала возможна за счет развития технического обеспечения учебного процесса и технологической оснащённости пользователей, что является примером того, как отдельные особенности реализации образования появляются благодаря общественно-технологическому развитию, возведенный впоследствии в правовые рамки.

Таким образом, реализация конституционного права на образование сопряжена с существенными проблемами, находящимися в областях материального права, процессуального права и правоприменительной деятельности. Несмотря на имеющиеся недостатки, российская система образования стабильно функционирует за счет базирования на международно-правовом и конституционном нормативном ядре. В целях совершенствования реализации права на образование необходимо устранить выявленные противоречия в понятийном аппарате, усилить регламентацию процедурного аспекта образовательной деятельности, расширить основания применения юридической ответственности по отношению к участникам образовательного процесса, совершающих правонарушения, препятствующие реализации права на образование.

Список литературы:

- [1] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1994. - № 12.
- [2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2021).
- [3] Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (посл. ред.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.05.2021).

[4] Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (в ред. 2018 года) [Электронный ресурс]. — URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 15.05.2021).

[5] Курицына Е.В. Конституционное право на образование в Российской Федерации: понятие и содержание // Наука. Общество. Государство. - 2014. - № 1 (5). - С. 1–11.

[6] Матюшева Т.Н. Образование как общая ценность международного права // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 14. — С. 113—117.

[7] Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 96 с.

[8] Рыжов В.Б. Сотрудничество Европейского Союза с государствами постсоветского пространства в области образования (на примере программы Erasmus+) [Электронный ресурс] // Международное право. - 2019. - № 2. — С. 42—50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29830 (дата обращения: 15.05.2021).

[9] Серегина С.Л. Конституционное право на высшее образование в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2006. — 198 с.

[10] Смирнова М.В. Конституционное право на образование и гарантии его реализации в негосударственных общеобразовательных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 201 с.

[11] Теплякова О.А. Конституционное право на образование и его обеспечение в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2005. — 200 с.

Spisok literatury:

[1] Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nykh i kul'turnykh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g. // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. - 1994. - № 12.

[2] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami,

odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 15.05.2021).

[3] Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya: 15.05.2021).

[4] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 dekabrja 2017 g. № 1642 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» (v red. 2018 goda) [Elektronnyj resurs]. — URL: www.pravo.gov.ru. (data obrashcheniya: 15.05.2021).

[5] Kuricyna E.V. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie v Rossijskoj Federacii: ponyatie i sodержanie // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. - 2014. - № 1 (5). - S. 1–11.

[6] Matyusheva T.N. Obrazovanie kak obshchaya cennost' mezhdunarodnogo prava // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. - 2014. - № 14. — S. 113—117.

[7] Obrazovanie v cifrah: 2019: kratkij statisticheskij sbornik / N.V. Bondarenko, L.M. Gohberg, N.V. Kovaleva i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — М.: NIU VShE, 2019. — 96 с.

[8] Ryzhov V.B. Sotrudnichestvo Evropejskogo Soyuzs s gosudarstvami postsovetского prostranstva v oblasti obrazovaniya (na primere programmy Erasmus+) [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnoe pravo. - 2019. - № 2. — S. 42—50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29830 (data obrashcheniya: 15.05.2021).

[9] Seragina S.L. Konstitucionnoe pravo na vysshee obrazovanie v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2006. — 198 s.

[10] Smirnova M.V. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie i garantii ego realizacii v negosudarstvennykh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyah: dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 2006. — 201 s.

[11] Teplyakova O.A. Konstitucionnoe pravo na obrazovanie i ego obespechenie v deyatelnosti organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii i organov mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. jurid. nauk. — Tyumen', 2005. — 200 s.

ИГНАТЬЕВА Марина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
ФГБОУ «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования
и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

Аннотация. В статье автор делает попытку проанализировать эффективность правовых норм в регулировании вопросов в сфере прав человека. Рассмотрены различные взгляды и точки зрения на проблему эффективности норм в регулировании рассматриваемых вопросов. Исследуются причины неэффективности регулирования защиты прав человека. Автор рассматривает способы преодоления проблем в данной сфере, изучает возможные варианты способов обеспечения эффективной реализации норм по защите прав человека, опираясь на различные мнения и современный опыт регулирования.

Ключевые слова: правовая норма, правовое регулирование, права человека и гражданина, эффективность правового регулирования, защита прав человека, реализация норм, законодательство.

IGNATIEVA Marina Valeryevna,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of International Law,
Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

PROBLEMS OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF NORMS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework
of the scientific project No. 20-011-00770 “The effectiveness of legal regulation
and overcoming crises in law: theoretical and historical-legal dimensions”.

Annotation. In the article, the author makes an attempt to analyze the effectiveness of legal norms in regulating issues in the field of human rights. Various views and points of view on the problem of the effectiveness of norms in regulating the issues under consideration are considered. The reasons for the ineffectiveness of the regulation of the protection of human rights are investigated. The author explores ways to overcome problems in this area, considers possible options for ensuring the effective implementation of norms for the protection of human rights, relying on different opinions and modern experience of regulation.

Key words: legal norm, legal regulation, human and civil rights, efficiency of legal regulation, protection of human rights, implementation of norms, legislation.

Основная задача каждого государства - гарантия прав и свобод и эффективная их реализация [9; 10].

Проблема защиты прав человека возникла в международных отношениях достаточно рано [1]. Первые шаги в становлении системы защиты прав человека появились в средневековой Западной Европе. Уже в XVI - XIX вв. стало формироваться более четкое представление о правах человека.

Постепенно стали вырабатываться основные элементы механизма защиты прав человека [4, с. 96; 11].

Первым международно-правовым документом, принятым мировым сообществом, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Были сформированы стандарты в этой области. Позже было принято еще два важнейших документа - Международные пакты 1966 г., закрепившие гражд-

данские и политические права, а также экономические, социальные и культурные права.

В условиях формирования правового государства основной и наиболее значимой проблемой становится реализация прав человека. Её решение зависит от разных факторов.

Так, например, это может зависеть от области общественных отношений, характера их регулирования, от того, кто конкретно применяет норму для реализации защиты прав. Естественно, что в современном мире формирование гражданского общества становится невозможным без эффективного регулирования различных сфер общественной жизни.

Есть и еще одна проблема, которая связана с реализацией правовых норм, гарантирующих права и свободы. Это отношение населения к праву. В данном случае исход может быть разным, например:

- общество будет признавать определенную норму права и соблюдать ее;
- граждане соблюдают определенные правила поведения, но при этом не используют эту норму;
- последний вариант — это когда норму не только не поддерживают, но и выступают категорически против нее [2, с. 12].

Естественно, все это требует принятия определенных мер, таких как: изменение и совершенствование нормативной базы, гарантия соблюдения прав человека, ну и последней мерой должно быть правовое образование населения.

Многие ученые утверждают, что основной проблемой эффективности реализации норм является так называемая отдаленность народа от права. Реализация норм тесно связана и зависит от развития государства в целом и общества в нем. Без этого тандема невозможно выполнение эффективной реализации норм права.

А вот недоверие, которое испытывает общество, приводит к непоправимым последствиям и усиливает деформацию общественного правосознания.

Наверное, прежде чем приступить к решению проблем, связанных с реализацией норм, нужно понять, какой смысл несет в себе термин «реализация прав и свобод».

Существуют разные определения этого термина: это и поведение человека, которое позволяет норме права работать, это и процесс, который способствует материализации благ. Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что реализация права — это осуществление гражданами на практике своих потребностей для удовлетворения различных запросов.

Проанализировав мнения различных ученых, становится ясно, что механизм реализации

норм по правам человека обладает рядом признаков:

- реализация осуществляется на основе норм права, в которых содержатся права человека, и происходит это при фактическом поведении людей;
- в процессе реализации происходит применение специальных юридических действий;
- гарантии государства по соблюдению и защите основных прав и свобод [3, с. 28].

Следует отметить, что вопрос гарантий прав стоит достаточно остро. Выделяется несколько групп гарантий: общие (действие Конституции), политические, социальные и ряд других. Есть группа специальных гарантий, которые работают на восстановление нарушенных прав и свобод.

Анализируя формы реализации прав человека, обычно выделяют позитивную и негативную реализацию. Позитивная — это, как правило, реализация, которую гражданин осуществляет самостоятельно. Что касается негативной, то это прерванная каким-либо нарушением реализация права.

Основой прав человека являются общепризнанные принципы и нормы о правах человека, которые образуют стандарты в этой сфере. Стандарты представляют собой основное содержание принципов права, которые присущи как международному, так и внутреннему праву.

Необходимо отметить, что в области прав человека основные направления формирования стандартов для эффективной реализации норм зависят в значительной степени от наличия соответствующих инструментов для разработки определенной политики в данной сфере. Естественно, что такие показатели, как количественные и качественные, являются одними из важнейших инструментов в этом вопросе.

Несмотря на то что такие показатели для реализации норм в сфере защиты прав человека широко признаны и даже закреплены в договорах в области прав человека, их использование пока не носит системного характера.

Важным обстоятельством является и то, что нормативное регулирование сферы защиты прав человека тесно связано со статистическими данными, которые, естественно, должны взаимодействовать между собой и способствовать обеспечению благосостояния людей во всём мире. Разработка этих данных и показателей, как всем известно, не является нормативным мероприятием. Однако интеграция прав человека в этот процесс есть важное нормативное требование, имеющее практическое значение.

Такая потребность в статистических показателях в сфере защиты прав человека и их эффективного применения необходима для осуществле-

ния мониторинга и реализации таких прав. Наряду с внутригосударственными положениями по правам человека исследованиями в этой области происходит контроль за осуществлением механизмов ООН в сфере прав человека. Эти показатели также обеспечивают конкретные практические инструменты для соблюдения прав человека и контроль за их осуществлением.

Стандарты и принципы в области прав человека в том формате, который основан на ценностях нормативного изложения, не всегда можно использовать при разработке конкретных механизмов. Их необходимо преобразовать в более эффективную концепцию и приспособлять к реальным обстоятельствам.

В действительности, правозащитникам необходим подход и конкретные инструменты, которые могли бы позволить улучшить сферу защиты с более широким кругом заинтересованных сторон. В то же время немаловажно, чтобы концепция, выработанная таким образом, была тщательно проанализирована и отработана правозащитным сообществом.

В последние годы в рамках ООН происходит поиск инструментов и методов контроля, которые могли бы помогать в эффективности соблюдения норм в сфере защиты прав человека. Ежегодно проводятся мероприятия и утверждаются программы в целях развития сотрудничества в данной деятельности. Такие инструменты необходимы, и это доказывается тем, что различные категории граждан нуждаются в получении помощи и заявляют об этом.

Следует отметить, что в таких случаях используются общие нормы в области прав человека, такие как недискриминация и равенство. Кроме того, предпринимались попытки изменить или составить новые цели по программам с указанием на конкретные стандарты в области прав человека.

В результате всех мероприятий были разработаны новые инструменты, которые были бы основаны на показателях эффективности реализации норм. Основная цель показателей эффективности заключается в обеспечении возможности проверять соответствие норм в области защиты прав человека. Такие показатели можно использовать для оценки соответствия общим нормам в области прав человека.

Существует и обратная сторона показателей эффективности. Так, являясь необходимыми при разработке программ в области защиты прав человека, они отражают лишь малую часть общих норм в данной сфере. Охват стандартов в области прав человека, в соответствии с их содержанием в различных международных договорах, является ограниченным и часто несистемным.

Таким образом, использование общих показателей эффективности не может являться полноценным способом развития показателей осуществления защиты прав человека.

Есть и еще один немаловажный момент. В отличие от общих показателей эффективности показатели соблюдения прав человека закреплены в стандартах.

Повышение эффективности реализации норм в сфере защиты прав человека невозможно без приведения этих норм в соответствие с требованиями развития международных отношений.

Для установления межгосударственного сотрудничества необходимо, чтобы государства соблюдали свои обязательства согласно международным договорам. Как известно, высокая эффективность реализации норм возможна при максимальном доверии государств к международному праву.

В некоторых сферах эффективность международно-правовых норм оставляет желать лучшего. И связано это, чаще всего, с нарушением своих обязательств государствами, что и приводит к снижению эффективности при реализации норм.

Эффективность международных норм в области прав человека по-прежнему важная проблема, которая затрагивает все государства. Это происходит из-за нарушений прав человека, которые встречаются постоянно.

Основной задачей для повышения эффективности реализации норм международного права должно стать совершенствование норм путем их конкретизации, а также создания новых международно-правовых норм, которые регулировали бы новые потребности и могли подстраиваться к изменяющимся в мире условиям. Это позволило бы достичь нового качества отношений между государствами, дало толчок для формирования новых международных и национальных механизмов имплементации.

Наряду с теоретическими проблемами, а именно показателями эффективности, нужно обратить внимание и на исследование более конкретных вопросов, таких как:

- формирование государствами своей позиции в отношении социальной действительности;
- определение общих для всех государств интересов;
- определение уровня влияния политических, экономических и иных факторов на эффективность реализации норм;
- установление эффективных средств и механизмов осуществления международно-правовых норм.

Именно недостаточная разработанность вышеуказанных пунктов определила, в каком направлении необходимо действовать для исследования теоретических и практических аспектов проблемы эффективности норм международного права [6, с. 836].

Среди всех вызовов и угроз в отношении прав человека основными являются право на мир, безопасность, жизнь человека и др. В современных условиях необходимо сосредоточиться на объединении внутренних сил государств, что дало бы возможность обеспечить соблюдение прав и свобод граждан, а также усилило бы развитие взаимодействия и сотрудничества с омбудсменами зарубежных стран.

Доминирующим международным явлением в последнее время является активный процесс глобализации. Его основным направлением стало формирование и развитие международного компонента прав человека, который стал камнем преткновения для всего мирового сообщества. При этом принципы прав человека становятся основой свободы, справедливости и мира только в рамках международной безопасности. Это положение признается всеми государствами.

Именно в рамках данной проблемы осуществляется деятельность по взаимодействию и сотрудничеству с международными организациями и национальными учреждениями в сфере защиты прав человека.

Выделим ряд критериев, которые могли бы решить данную проблему обеспечить: во-первых, это уровень правовой культуры, правового воспитания населения, которые необходимо повышать, что позволит гражданам в полной мере защищать свои нарушенные права, во-вторых, это расширение международного сотрудничества в сфере защиты прав человека. Это будет весомой гарантией в области прав человека. Однако осуществлению этих мер в полном объеме мешают негативные ситуации, происходящие в мире, которые приходится учитывать [7, с. 51].

Безусловно, защита прав человека и соблюдение определенных условий и договоров, зависит от государства и от механизмов, существующих в этом государстве. Естественно, что национальные стандарты и процессуальные нормы ближе и более доступны для защиты прав в сравнении с международными. Отметим, что защита прав человека — это первостепенная обязанность любого государства.

Главный аспект в рассматриваемом вопросе — это скорее не теоретическая разработка прав и свобод граждан, а практическая сфера, т.е. гарантии и отлаженные механизмы для реализации.

Есть мнение, что ненадлежащая защита прав человека происходит от отсутствия надеж-

ного механизма. Исправить это можно, если государства будут гарантировать права человека, прежде всего, на национальном уровне и разработают механизм, который устранял бы все нарушения. Параллельно нужно обязать государства дать обязательства, а механизмы при этом должны предусмотреть санкции за несоблюдение таких обязательств.

Есть и еще одна проблема, с которой сталкиваются граждане при защите своих прав. Это сложность судебных процедур. Помимо этого, это еще и достаточно затяжной и не всем доступный процесс.

Несмотря на то, что защита прав человека и гражданина должна, в первую очередь, осуществляться внутригосударственным механизмом, не всегда это остается внутри государства [8, с. 45].

Российские правовые традиции и развивающаяся система прав человека находятся в постоянном противоречии и при этом не перестают взаимодействовать между собой [5, с. 95].

Существующее многообразие способов защиты прав человека и есть механизм, который обеспечивает эту защиту. Но для того чтобы этот механизм функционировал, необходимо, чтобы государством предусматривался достойный уровень жизни граждан, свободное их развитие и реализация.

Следует понимать, что нормы, которые принимаются компетентными органами, в т.ч. и в сфере прав и свобод человека, могут быть эффективными в случае правильного формирования механизмов для их реализации.

Как известно, без действенного механизма, любая норма, даже самая «идеальная», не будет работать.

Делая вывод, можно сказать, что процесс отношений гражданина и государства — это сложная проблема, которая требует постоянного внимания. Вопросы эффективной реализации норм в сфере защиты прав человека стоят остро и актуальны по сей день, поэтому важнейшей задачей является работа по поиску эффективного механизма реализации и механизма защиты прав и свобод человека.

Список литературы:

[1] Волкова С.В., Глухарева Л.И., Долгополова Т.А. и др. Идея международного права в истории политических и правовых учений: монография / отв. ред. А.А. Дорская. - СПб.: Астерион, 2011. - 312 с.

[2] Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Lex Russica. - 2016. - № 2 (111). - С. 10-28.

[3] Глушкова С.И. Права человека и гражданина в контексте глобализации // Правовая система России в условиях глобализации: сб. материалов круглого стола. - М., 2005. - С. 58.

[4] Дорская А.А. Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2010. - № 134. - С. 88 - 101.

[5] Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие системы прав человека: диалектика взаимодействия // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Междунар. науч. конф. памяти Ф.М. Рудинского. - Рязань: Издательство «Концепция», 2017. - С. 95 - 97.

[6] Медведева О.И. Проблемы реализации конституционных прав и свобод личности // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. - 2015. - № 3-4. - С. 835 - 839.

[7] Сенников И.Е. Правовое регулирование и реализация права: проблемы взаимодействия // Пробелы в российском законодательстве. - 2011. - № 5. - С. 50 - 52.

[8] Суровова Ю.С. Проблемы реализации прав человека и гражданина Российской Федерации и способы их устранения // Юридические науки. - 2017. - № 7. - С. 44 - 48.

[9] Кроткова Н.В. «Круглый стол»: «Права человека и стратегия устойчивого развития» // Государство и право. - 1998. - № 11.- С. 103–119.

[10] Кроткова Н.В. Права человека и новое российское законодательство (Материалы «круглого стола») // Государство и право. 2003. № 6.

[11] Кроткова Н.В. Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. - 2020. - № 2. - С. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212

Spisok literatury:

[1] Volkova S.V., Gluhareva L.I., Dolgopolova T.A. i dr. Ideya mezhdunarodnogo prava v istorii polit-

icheskikh i pravovykh uchenij: monografiya / otv. red. A.A. Dorskaya. - SPb.: Asterion, 2011. - 312 s.

[2] Galkin I.V. Problema obespecheniya effektivnoj realizacii zakonodatel'stva v sfere zashchity prav cheloveka v Rossijskoj Federacii // Lex Russica. - 2016. - № 2 (111). - С. 10-28.

[3] Glushkova S.I. Prava cheloveka i grazhdanina v kontekste globalizacii // Pravovaya sistema Rossii v usloviyah globalizacii: sb. materialov kruglogo stola. - М., 2005. - С. 58.

[4] Dorskaya A.A. Institut mezhdunarodnogo prava: opyt neoficial'nogo nauchnogo soobshchestva // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. - 2010. - № 134. - С. 88 - 101.

[5] Dorskaya A.A. Pravovye tradicii Rossii i razvitie sistemy prav cheloveka: dialektika vzaimodejstviya // Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i yuridicheskaya praktika: materialy ezhegodnoj Mezhdunar. nauch. konf. pamyati F.M. Rudinskogo. - Ryazan': Izdatel'stvo «Konceptiya», 2017. - С. 95 - 97.

[6] Medvedeva O.I. Problemy realizacii konstitucionnyh prav i svobod lichnosti // Elektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-ekonomicheskogo instituta. - 2015. - № 3-4. - С. 835 - 839.

[7] Sennikov I.E. Pravovoe regulirovanie i realizaciya prava: problemy vzaimodejstviya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2011. - № 5. - С. 50 - 52.

[8] Surovova Yu.S. Problemy realizacii prav cheloveka i grazhdanina Rossijskoj Federacii i sposoby ih ustraneniya // YUridicheskie nauki. - 2017. - № 7. - С. 44 - 48.

[9] Krotkova N.V. «Kruglyj stol»: «Prava cheloveka i strategiya ustojchivogo razvitiya» // Gosudarstvo i pravo. - 1998. - № 11.- С. 103–119.

[10] Krotkova N.V. Prava cheloveka i novoe rossijskoe zakonodatel'stvo (Materialy «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 6.

[11] Krotkova N.V. Mezhdunarodnye sposoby zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: konstitucionno-pravovoj aspekt // Obrazovanie i pravo. - 2020. - № 2. - С. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-64-75

КОМАРОВА Валентина Викторовна,
заведующий кафедры
конституционного и муниципального права
Университета имени О.Е. Кутафина,
доктор юридических наук, профессор, Россия, г. Москва,
e-mail: vvalentinak@ya.ru

САДОВНИКОВА Галина Дмитриевна,
профессор кафедры
конституционного и муниципального права
Университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук,
профессор, Россия, г. Москва,
e-mail: sadovnikovag@inbox.ru

ТАЕВА Наталья Евгеньевна,
Профессор, заместитель заведующего кафедры
конституционного и муниципального права
Университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук,
доцент, Россия, г. Москва,
e-mail: tayeva@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

Аннотация. Целью данного исследования является формирование аргументированных предложений по выделению и наполнению конституционных основ комплексной отрасли транспортного права; анализ существующего порядка обеспечения прав человека транспортным правом, реализации публичной властью внутренней политики в сфере транспорта. Проведя сравнительное исследование основных направлений реализации норм транспортного права в сфере внутренней политики и реализации конституционных прав человека в сфере транспорта, некоторых доктринальных подходов в обозначенных рамках, авторами выявлены проблемы в системе правового регулирования с точки зрения конституционных принципов и ценностей в транспортном праве; предложено авторское видение и сформулированы предложения по наполнению конституционных основ комплексной отрасли транспортного права России; направления отраслевого развития в российской правовой системе посредством совершенствования полномочий органов публичной власти и механизмов реализации прав человека в сфере транспорта.

Материалы и методы. Методология настоящей работы представляет собой систему принципов построения исследования, а также конкретные способы познания предмета исследования. Методологическими принципами являются: законность, исключение субъективных оценок, системность. Законность предусматривает строгое следование при проведении исследования букве и духу закона. Объективная оценка правовых явлений достигается благодаря исключению субъективных оценок. Системность обеспечивает полноту проводимого исследования, изучению подлежат все аспекты рассматриваемого предмета. Методами настоящего исследования выступают анализ, синтез, сравнение. Анализ позволяет рассмотреть составные части изучаемого явления. Объединение полученных результатов в целостные умозаключения возможно благодаря синтезу. Сравнение позволяет провести сопоставление различных точек зрения на рассматриваемую проблему.

Результаты и обсуждение. Содержание конституционных основ комплексной отрасли транспортного права.

КОМАРОВА Valentina Viktorovna,
Head of the Department of Constitutional and Municipal Law,
O.E. Kutafin University, Doctor of Law, Professor, Russia, Moscow

SADOVNIKOVA Galina Dmitrievna,
Professor, Department of Constitutional and Municipal Law,
O.E. Kutafin University, Doctor of Law, Professor, Russia, Moscow

TAEVA Natalya Evgenievna,
Professor, Deputy Head of the Department of Constitutional
and Municipal Law, O.E. Kutafin University, Doctor of Law,
Associate Professor, Russia, Moscow

CONSTITUTIONAL FRAMEWORK OF TRANSPORT LAW

Annotation. *The purpose of this study is to form reasoned proposals for highlighting and filling the constitutional foundations of the complex branch of transport law; analysis of the existing procedure for ensuring human rights by transport law, implementation of domestic transport policy by public authorities. Having conducted a comparative study of the main directions of the implementation of transport law in the field of domestic policy and the implementation of constitutional human rights in the field of transport, some doctrinal approaches within the specified framework, the authors identified problems in the legal regulation system in terms of the implementation of constitutional principles and values in transport law; proposed an author's vision and formulated proposals to fill the constitutional foundations of the integrated transport law industry of Russia; directions of sectoral development in the Russian legal system by improving the powers of public authorities and mechanisms for the realization of human rights in the field of transport.*

Materials and Methods. *The methodology of the present work is a system of principles for constructing a study, as well as specific ways of knowing the subject of the study. The methodological principles are: legality, exclusion of subjective assessments, systemic. The law provides for strict adherence to the letter and spirit of the law when conducting the study. Objective assessment of legal phenomena is achieved by excluding subjective assessments. Systemality ensures the completeness of the study, all aspects of the subject are subject to study. The methods of the present study are analysis, synthesis, comparison. Analysis allows you to consider the components of the studied phenomenon. Combining the results into holistic conclusions is possible due to synthesis. The comparison allows you to compare different points of view on the problem under consideration.*

Results and Discussion. *The content of the constitutional foundations of the complex branch of transport law.*

Россия, наравне с большинством современных стран, выдвигает на первое место социальную политику, в основе которой лежит обеспечение прав человека на стандарт благополучия и социальную защиту в данном обществе. Конституцией РФ (ст.7) провозглашается, что наша страна – «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Исследуя механизм реализации упомянутой конституционной нормы, первичным видится прямое закрепление конституционной ценности в России: прав и свобод человека; опосредованное толкование Конституционным судом РФ, работы конституционалистов в сфере прав человека позволяют сделать вывод о социальном благополучии человека как новой, формирующейся конституционной ценности.

Одним из ведущих элементов обеспечения достойной жизни и свободного развития человека безусловно является транспорт.

Комплекс отечественного транспорта состоит из транспорта общего пользования, необщего пользования, а также технологического транспорта организаций, предназначенного для перемещения товаров на территориях указанных организаций для их собственных нужд.

Современный транспорт, все его виды без исключения, не только способствует решению хозяйственных, экономических и стратегических задач государства, но и влияет на другие стороны общественной жизни страны, принимает активное участие в межрегиональных связях в области культуры, социальных преобразований, в международном сотрудничестве и т.д. В этом аспекте при рассмотрении значения транспортной инфраструктуры в глобальном масштабе необходимо отметить, что в ее функционировании задействовано множество государственных органов, должностных и юридических лиц, миллионы людей. Деятельность всех видов транспорта осуществляется непрерывно, в ней используются разнообразные дорогостоящие материальные, финансовые

и интеллектуальные ресурсы, обширная информация.

Ежедневная организация пассажиропотока и грузооборота, функционирование всех видов транспорта в необходимом русле невозможна без системного управления, в том числе обеспечения его безопасности, что сегодня, в условиях пандемии, чрезвычайно актуально.

Нормы Конституции РФ (ст. 71), устанавливающие предметы федерального ведения в системе разделения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и её субъектов закрепляют федеральный транспорт, пути сообщения. Следовательно, транспорт разделен на федеральный и субъектов федерации, муниципальный.

Согласимся: «основным законом созданы базисные программно-правовые условия для развития социально ориентированной, рыночной, демократической экономики, со здоровой конкуренцией и балансом между частными и публичными интересами» [2. С. 1153.]. Транспортная сфера, будучи элементом конституционной экономики, должна исходить из базовых конституционных норм и конституционно закрепленных ценностей.

В транспортной сфере, как предмете комплексной отрасли транспортного права, целесообразно учитывать и новые направления: прежде всего теорию социально ориентированной экономики, «экономики гражданского общества», социальное партнерство и социальную ответственность, социальное благополучие и социальную справедливость; повышение конкурентоспособности национальной экономики и обеспечение экономической безопасности [7. С. 104.].

В сфере транспорта государством обеспечивается единый стандарт предоставления государственной и (или) муниципальной услуги (более 50 актов было издано Минтрансом России [22]). Справедливо указание на цели публичных услуг (государственных и муниципальных): «Конечной целью данного правового института является повышение комфортности жизни граждан, повышение их удовлетворенности деятельности органов публичной власти» [8. С. 5843.].

Таким образом, конституционно закрепленные основы правового, социального, федеративного государства, основы гражданского общества и правового статуса человека, провозглашение конституционных ценностей и государственных приоритетов, в том числе в результате конституционной реформы 2020 г., безусловная база для новой отрасли транспортного права.

Конституционные нормы, составляющие основы для отраслевого регулирования ком-

плекса отечественного транспорта, выступают необходимой предпосылкой формирования и развития транспортного права и определяют его конституционно-правовое основание, его конституционно-правовую базу.

Транспортное право в обеспечении прав человека

Транспортное право, как комплексная отрасль российского права регулирует общественные отношения между самыми разнообразными субъектами. Эти отношения возникают в связи с оказанием услуг по использованию транспортных средств для осуществления перевозочного процесса [5. С. 177]. Их субъектами могут быть перевозчики, пассажиры, грузоотправители, грузополучатели, владельцы транспортной инфраструктуры, другие лица. К субъектам транспортных правоотношений относятся и органы публичной власти, что объясняется тем, что в данной отрасли возникают как имущественные (гражданско-правовые отношения), так и отношения административно-правового характера. Объем и содержание правосубъектности данных лиц существенно различается, имеет свою специфику. Между тем, конституционные права и свободы составляют основу правового статуса любого участника транспортных правоотношений, независимо от особенностей его правосубъектности. Именно Конституция РФ 1993 года впервые закрепила основополагающий принцип, являющийся не только ядром правового статуса личности, но и лежащий в основе деятельности всех органов публичной власти, должностных лиц, предприятий и организаций – это принцип признания прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Конституционные права и свободы, согласно ст. 17 Конституции РФ являются неотчуждаемыми, имеют естественный характер происхождения. В соответствии со ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Важнейшим правом в системе конституционных прав и свобод является **право на жизнь**, с которым непосредственно связано и **право на охрану здоровья**. В Программе профилактики нарушения обязательных требований Ространснадзора на 2021 год к наиболее значимым рискам в сфере транспорта относятся риск гибели человека и риск причинения вреда здоровью человека [29]. Следует отметить, что нормами транспортного права обеспечивается право на жизнь всех

физических лиц – участников транспортных правоотношений (и пассажиров, и работников транспортных организаций, грузоотправителей и грузополучателей, фрахтовщиков, владельцев транспортных организаций и т.п.). Но, безусловно, наиболее многочисленным участником транспортных правоотношений являются пассажиры. Практически каждый человек ежедневно пользуется различными видами транспорта. В условиях мегаполиса только дорога на работу /с работы зачастую требует смены нескольких их видов. Но, к сожалению, транспорт – не только условие мобильности пассажиров. Являясь источником повышенной опасности, любое транспортное средство может создавать угрозу жизни человека (аварии, транспортные происшествия), а также несет риск причинения вреда здоровью человека. Большое количество пассажиров, скопление людей делает транспорт уязвимым для террористических угроз, транспорт зачастую становится объектом преступной деятельности. По данным ГУОБДД МВД РФ за 9 месяцев 2020 г. в результате ДТП погибло 11 тыс. 396 чел., ранено – 134 тыс. 547 чел., при этом 9703 человека погибли из-за нарушений правил дорожного движения водителями транспортных средств [29]. В 2020 году на гражданской воздушной авиации произошло 36 авиа-происшествия, в которых погибло 35 человек, травмировано 29 человек. Для сравнения, в 2019 году было 27 авиа-происшествий, в которых погибло 70 человек, травмировано 142 человека [4]. Таким образом, мы видим, что аварийность на воздушном транспорте за год возросла на 33,3 %.

Обеспечение конституционного права человека на жизнь в транспортных правоотношениях связано с созданием условий транспортной безопасности. Нормативное правовое регулирование в области обеспечения транспортной безопасности осуществляется, прежде всего, Федеральным законом от 09.02.2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [19], в котором определено, что целями обеспечения транспортной безопасности является не только устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, но также и защита интересов личности в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства. Конкретные требования по обеспечению безопасности на отдельных видах транспорта, в том числе касающиеся и антитеррористической защищенности объектов, устанавливаются отдельными постановлениями Правительства РФ [20]. Охрана жизни и здоровья граждан, защита их прав и законных интересов осуществляется также путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий. Достижению этой цели способствуют нормы Федерального

закона от 10.12.1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Конституционная основа признания прав человека высшей ценностью конкретизирована в ст. 3 данного закона, согласно которой, одним из важнейших принципов обеспечения безопасности дорожного движения является приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности. Нормами транспортного права устанавливаются требования безопасности пассажиров и других лиц - субъектов транспортных правоотношений на отдельных видах транспорта. Так, к примеру, ст. 80 Федерального закона от 10.01.2003 г. N 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» устанавливает обязанность перевозчиков и владельцев транспортных инфраструктур обеспечивать безопасность перевозок пассажиров. Нормативное обеспечение безопасности на транспорте предполагает закрепление соответствующих мер ответственности. Так, в настоящее время в Уголовном кодексе РФ есть специальная глава «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», в Кодексе об административных правонарушениях РФ ответственность за административные правонарушения на транспорте устанавливаются главой 11.

В условиях развития информационных технологий в науке начинает уделяться внимание проблемам транспортной безопасности в связи с возможностью кибератак на транспортные информационные системы. Любой сбой в функционировании информационных систем в сфере транспорта, будь то система реализации билетов или система управления светофорами и различными информационными табло, информационная система на авиатранспорте либо система управления высокоскоростных поездов, может не просто парализовать транспортную структуру конкретного города, субъекта федерации либо, в целом, России. Вероятность такого сбоя – потенциальная угроза жизни и здоровью многих людей [10. С.45]. В целях установления степени защищенности объекта транспортной инфраструктуры от потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства нормативно определен порядок оценки его уязвимости [24].

Важным значением обладают создаваемые нормами транспортного права дополнительные гарантии реализации конституционного права каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, а также право на свободный въезд в РФ и выезд за ее пределы. Очевидно, что в условиях российской действительности, огромной по площади территории нашего государства данное право может быть

реализовано путем использования гражданами различных видов транспорта. Так, по итогам 2020 года общее число перевезенных железнодорожным транспортом пассажиров составило 869, 4 млн. человек, воздушным транспортом – более 69 млн. человек [4]. В данном контексте нормами транспортного права предусматриваются условия доступности различных видов транспорта.

Транспортная доступность является гарантией реализации ряда иных конституционных прав. Так, транспортная доступность учитывается при создании муниципальных образований и способствует обеспечению права населения на осуществление местного самоуправления. В соответствии с п. 11 ст. 11 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» границы муниципального округа, городского округа, муниципального района устанавливаются с учетом транспортной доступности до их административных центров и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов (поселений), входящих в их состав.

Реализация права на образование (ст. 43 Конституции РФ) и права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) также имеет прямую связь с нормами транспортного права, определяющими условия доступности различных видов транспорта.

Говоря о транспортной доступности как условии реализации конституционного права граждан на свободу передвижения, следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации особое внимание уделяется правам инвалидов и лиц с ограниченными возможностями. Еще в 2012 году Россия ратифицировала «Конвенцию о правах инвалидов» (Заклучена в г. Нью-Йорке 13.12.2006, нормы которой были имплементированы в российское транспортное законодательство, стали международной основой развития транспортного права. В частности, в Воздушный кодекс РФ были внесены изменения, согласно которым на перевозчика возлагается ответственность за повреждение либо утрату вспомогательных средств передвижения инвалидов. Согласно ст. 106.1 Воздушного кодекса РФ [16] авиаперсонал должен оказывать помощь инвалидам в передвижении: помощь в регистрации на рейс, сопровождение при перемещении по зданию аэропорта, помощь в сдаче и получении багажа, предоставление средств передвижения (кресла-коляски), помощь в посадке (высадке) на воздушное судно. Отказ в предоставлении такого рода помощи по причине отсутствия специальных средств не допускается [3. С 197]. На водном транспорте Приказом Минтранса России от

05.05.2012 г. N 140 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и их багажа на внутреннем водном транспорте» установлен порядок обеспечения условий доступности для пассажиров из числа инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности, а также оказания им при этом необходимой помощи. Федеральным законом от 10.01.2003 г. N 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» гарантии обеспечения инвалидам доступности железнодорожных перевозок закреплены в ст. 80.1.

Нельзя не затронуть еще одно конституционное право – **право граждан на информацию**. Нормами транспортного права создаются дополнительные гарантии его реализации. К примеру, Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации [17] закрепляет, что владельцы инфраструктур обязаны предоставлять организациям связи помещения для оказания пассажирам услуг почтовой, телеграфной и телефонной связи на основании договоров аренды на равных с другими арендаторами условиях. Также в непосредственной близости от вокзалов должны находиться почтовые отделения. Помещения, предназначенные для почтамтов и отделений перевозки почты и размещенные вне зданий вокзалов должны находиться в непосредственной близости от зданий вокзалов.

Отдельно следует сказать о реализации политических прав граждан, основным из которых является **право избирать и быть избранным, а также право на участие в референдуме**. В Российской Федерации законодательно закреплён принцип всеобщего избирательного права, который предполагает, что каждый гражданин РФ, достигший определенного возраста, может избирать и быть избранным, независимо от пола, расы, национальности, имущественного и должностного положения и других обстоятельств. В связи с этим существует необходимость обеспечения возможности проголосовать гражданам, которые в день голосования будут находиться на железнодорожных вокзалах, в аэропортах, на судах, находящихся в плавании. Нормами избирательного законодательства вокзалы, аэропорты, суда отнесены к местам временного пребывания, на которых законодательно предусмотрено создание избирательных участков по особым правилам, а списки избирателей на них составляются в день голосования [18].

Нормами транспортного права устанавливаются особенности трудовой деятельности работников транспорта, что способствует обеспечению их **конституционных прав в сфере трудовых отношений** (ст. 36 Конституции РФ). В частности, это нормы об особенностях режима рабочего вре-

мени и времени отдыха, условиях отдыха отдельных категорий работников транспорта (машинистов, водителей, пилотов), условия профессионального отбора работников транспорта, в том числе определения их профессиональной пригодности [16]. Правовое регулирование договорных обязательств в рамках транспортного права, направлено на реализацию не только личных (например, свобода передвижения), но и экономических прав граждан (например, **право на свободное использование своих способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности**).

Огромное значение для развития транспортного права имеют конституционные нормы, устанавливающие **пределы ограничения конституционных прав и свобод** (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Конституцией определено, что угроза нравственности, здоровью, правам и законным интересам других лиц может стать основанием ограничения конституционных прав человека и гражданина. Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 02.04.2020 г. N 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» нормативными актами субъектов РФ в регионах устанавливался особый порядок передвижения граждан и транспортных средств. В целом, в условиях пандемии, наибольшее число ограничительных мер пришлось именно на долю транспорта. Это и меры дезинфекции, и требования использования индивидуальных средств защиты, соблюдения социальной дистанции, внесение изменений в расписание движения транспорта, вплоть до отмены транспортных маршрутов, запрет на деятельность отдельных видов транспорта в период действия карантина [14]. Так, к концу марта 2020 г. стремительное распространение коронавируса по всему миру привело к повсеместному вводу жестких ограничений на международное авиа-сообщение вплоть до закрытия государственных границ. В ряде случаев были ограничены или запрещены и внутренние перелеты [11, 6]. В современных условиях продолжения ухудшения ситуацией с коронавирусом можно прогнозировать введение новых ограничительных мер, таких, как отражение в системе бронирования билетов на транспорт информации о вакцинации или медицинском статусе пассажира. Нормы, предусматривающие введение ограничений прав и свобод предусмотрены транспортным законодательством. Так, ст. 82 Устава железнодорожного транспорта РФ устанавливает, что Правительство РФ при угрозе воз-

никновения чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации вправе установить на соответствующей территории особенности исполнения договора перевозки пассажира, в том числе право перевозчика в одностороннем порядке изменить условия такого договора или отказаться от его исполнения и возратить плату за проезд пассажира и за провоз его багажа в порядке и сроки, которые установлены Правительством Российской Федерации.

Публичная власть в реализации внутренней политики в сфере транспорта

Основы внутренней политики государства в сфере транспорта заложены Конституцией Российской Федерации. Так, статья 71 Конституции относит федеральный транспорт к предметам исключительного ведения РФ. Конституция не упоминает о транспорте субъектов РФ и муниципальном транспорте, но исходя из принципа разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ (ст. 5 Конституции) можно сделать вывод о том, что к ведению субъектов Федерации относится региональный транспорт, к ведению муниципальных образований - муниципальный транспорт. Причем в данном случае речь идет не только о том, какому уровню публичной власти принадлежат те или иные транспортные средства на праве собственности, а скорее о том, что все органы публичной власти так или иначе участвуют в реализации внутренней политики Российской Федерации в сфере транспорта.

Внутренняя политика в сфере транспорта – элемент общей внутренней политики России, реализуемой органами публичной власти. Единую систему публичной власти составляют в соответствии со ст. 132 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления. В демократическом правовом государстве органы публичной власти выполняют свои функции и полномочия в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Будучи элементом внутренней политики государства, политика в сфере транспорта – само по себе сложное политико-правовое явление, включающее в себя политику развития транспортных услуг, политику инновационного развития транспорта, политику транспортной безопасности, политику развития транспортной инфраструктуры. По видам транспорта можно также выделить в общей политике государства политику в сфере автомобильного, железнодорожного, морского, речного, воздушного, трубопроводного

видов транспорта. Учитывая темпы развития космической отрасли и международное сотрудничество, включающее договоры о сотрудничестве в сфере космоса, в том числе о доставке российскими кораблями грузов на космическую орбиту и к космическим кораблям, можно уже говорить о развитии космического транспорта. В СМИ появляются сообщения о научных исследованиях в сфере создания вакуумного транспорта [27]. Общая внутренняя политика в сфере транспорта также включает в себя политику в сфере внутрироссийского транспорта и в сфере международного транспорта. Немаловажно выделить в транспортной сфере промышленную, налоговую, правовую политику. Учитывая, что в транспорте трудится порядка 10% трудоспособного населения России [28], немаловажно выделить такое направление, как кадровая политика. Многообразие направлений внутренней политики в сфере транспорта диктует многообразие задач, и прежде всего – задач правового регулирования.

Внутренняя политика в сфере транспорта направлена, прежде всего, на обеспечение конституционных прав человека, в том числе права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, свободу труда. Прямо или косвенно, внутренняя политика государства в сфере транспорта оказывает влияние на пользование такими правами, как право на образование, на охрану здоровья, на здоровую и безопасную окружающую среду. По большому счету, транспорт обеспечивает охрану суверенитета государства, оборонные функции и многое другое.

Современные ученые выделяют **экономическое значение транспорта** в жизни общества (связь и координация работы всех отраслей экономики); **культурное значение** (возможность создания и распространения культурных ценностей); **социологическое значение** (экономия времени, облегчение труда и повышение его производительности, организация досуга), **научное значение** (потребность в совершенствовании транспорта ставит перед наукой новые задачи, а развитие науки позволяет транспорту оказывать услуги населению на более высоком уровне при уменьшении затрат), **оборонное значение** (возможность быстрой передислокации населения, войск, производства) [9. с.8].

Главную роль в реализации внутренней политики государства в сфере транспорта играют органы публичной власти. Ключевое звено публичной власти – федеральные органы государственной власти и иные государственные органы. Определение основных направлений внутренней и внешней политики государства (а значит, и политики в сфере транспорта) Конституция Российской Федерации отводит главе государства – Президенту России.

Федеральное Собрание – парламент России осуществляет законодательную политику. Правовое регулирование в сфере транспорта осуществляется следующими законами: Федеральный закон от 09.02.2007 N 16-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О транспортной безопасности»; Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О транспортно-экспедиционной деятельности»; Федеральный закон от 03.08.2018 N 283-ФЗ (ред. от 30.07.2019) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»; Федеральный закон от 13.07.2015 N 221-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений, возникающих в связи со строительством, с реконструкцией объектов транспортной инфраструктуры федерального и регионального значения, предназначенных для обеспечения транспортного сообщения между Таманским и Керченским полуостровами, и объектов инженерной инфраструктуры федерального и регионального значения на Таманском и Керченском полуостровах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также законодательными актами, регулирующими функционирование отдельных видов транспорта, в том числе: Федеральным законом от 08.11.2007 N 259-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» Федеральным законом от 10.01.2003 N 17-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»; «Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации» от 07.03.2001 N 24-ФЗ (ред. от 08.06.2020) и рядом других законов. Как видим, каждый из этих законов регулирует одну из сторон функционирования транспортного комплекса.

Правительство Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти (прежде всего, Министерство транспорта России) осуществляют исполнительно-распорядительную

деятельность по осуществлению внутренней политики в сфере транспорта. Так, Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 N 1734-р (ред. от 12.05.2018) «О Транспортной стратегии Российской Федерации» [26] конкретизирует основные направления государственной политики в сфере транспорта на период до 2030 года.

Не менее важная роль в реализации транспортной политики принадлежит государственным органам субъектов Российской Федерации. В субъектах РФ принимаются законы, нормативные правовые акты органов исполнительной власти. Так, Закон города Москвы от 17.01.2001 N 3 (ред. от 20.02.2019) «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и иных маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур города Москвы» [25] выполняет важную социальную роль по адаптации инвалидов, повышению качества их жизни.

Немаловажные задачи стоят и перед органами местного самоуправления. В соответствии со ст. 133 Конституции РФ органы местного самоуправления выполняют во взаимодействии с органами государственной власти публичные функции, в том числе участвуют в осуществлении внутренней политики в сфере транспорта. Согласно Федеральному закону от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения поселения, муниципального, городского округа относится создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения в границах поселения, муниципального, городского округа; к вопросам местного значения муниципальных районов - создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания населения между поселениями в границах муниципального района. Аналогичные нормы действуют и в отношении других видов муниципальных образований, находят отражение в уставах муниципальных образований, иных муниципальных правовых актах.

Успешная реализации внутренней политики в сфере транспорта возможна лишь при наличии должного правового регулирования, учитывающего как общие принципы транспортной политики, так и особенности ее реализации по отдельным направлениям, по видам транспорта, по регионам.

Братановский С.Н. и Остапец О.Г. формулируют следующие принципы государственной политики в сфере транспорта России: а) непосредственная связь транспортной инфраструк-

туры с политической ориентацией государства; б) органичная связь перевозки пассажиров и грузов с другими видами услуг; в) тесная связь транспорта с другими отраслями экономики; г) активное взаимодействие с производственной практикой и наукой; д) нормативное обеспечение инновационного процесса. Принципы, по мнению указанных ученых, должны отражать специфические особенности транспортного комплекса как объекта государственного регулирования, воссоздавать структуру закономерностей его развития в обществе [1. с.4].

Соглашаясь в целом с подбором принципов государственной политики РФ в сфере транспорта, следует добавить к ним принципы, вытекающие из конституционных норм.

Выводы.

Конституционными основами транспортного права могут стать объединенные в следующие блоки нормы, устанавливающие основы регулирования:

1) **отношений внутри** самого комплекса отечественного транспорта, его видов и взаимоотношения между ними, а также взаимодействие в трехуровневой системе; деятельность в нем по инвестированию и цифровизации, безопасности и т.д.;

2) **отношений предприятий и организаций** комплекса отечественного транспорта с **внешней средой**, под которой понимаются его поставщики и потребители, финансово-кредитные и другие организации, составляющие инфраструктуру рынка, - определяющие место транспорта в системе конституционной экономики; отношения в сфере общественного контроля;

3) **отношений между органами публичной власти и предприятиями, организациями** комплекса отечественного транспорта по регулированию его деятельности, оказанию публичных услуг, качеству и безопасности, т.д.

В структуре последнего блока можно выделить следующие элементы:

конституционные основы государственной политики в сфере транспорта, основы отраслевого правового регулирования; конституционно-правовые основы взаимодействия государства, гражданского общества и личности в сфере транспорта (в том числе правовой статус человека, индивидуальные и коллективные права); компетенция органов публичной власти в сфере транспорта (в том числе основы государственного, муниципального и общественного контроля, юридической ответственности), формы взаимодействия.

В научно-учебной литературе по транспортному праву характеристика конституционных основ данной комплексной отрасли, как правило,

ограничивается анализом предметов ведения Российской Федерации в области транспорта и путей сообщения, а также конституционно закрепленных принципов верховенства Конституции РФ, свободного перемещения товаров и услуг [5,12,13]. Представляется, что необходим более основательный подход к пониманию значения конституционных основ и, прежде всего, это касается такой сферы, как обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина нормами транспортного права.

Предлагается к принципам государственной политики РФ в сфере транспорта, добавить принцип взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества и принцип системного правового регулирования транспортной сферы (указанные выше авторы уделяют внимание лишь нормативному обеспечению инновационного процесса, что сужает подходы к правовой политике в транспортной сфере). Данные принципы должны найти нормативное закрепление в правовом акте, регулирующем политику органов публичной власти в сфере транспорта и относиться ко всем видам транспорта. Представляется целесообразным принять единый нормативный правовой акт под условным названием «Основы законодательства Российской Федерации в сфере транспорта, который будет включать общие принципы внутренней политики РФ в сфере транспорта, особенности правового регулирования отношений применительно к разным видам транспорта, пределы регулирования отношений в данной сфере для регионального законодателя, муниципальных образований. Это придаст правовому регулированию в этой важнейшей сфере российской экономики системность, упорядоченность, согласованность, что непременно сыграет положительную роль в реализации внутренней политики России в сфере транспорта.

Список литературы:

- [1] Братановский С.Н., Остапец О.Г. Концептуальные подходы к понятию принципов государственной политики в сфере транспортного комплекса России // *Транспортное право*. 2017. N 2. С. 3 - 6.
- [2] Гошуляк В.В., Комарова В.В., Феоктистов Д.Е., Синцов Г.В. Конституционная экономика и стабильность развития экономических отношений. *Constitutional Economics and Stability of Development of Economic Relations* (Статья) // *Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: 32nd the International Business Information Management Conference* (Spain, Seville, 15-16 November 2018). – Seville: International Business Information Management Association, 2018. –P. 1552-1556.
- [3] Дадашева Р.А. Влияние норм международного права на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина // *Актуальные проблемы российского права*. - 2017. - N 1. - С. 193 - 202.
- [4] Доклад об итогах профилактической работы Федеральной службы по надзору в сфере транспорта за 2020 год // <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatel-nost/profilaktika-narushenij>
- [5] Егизаров В.А. *Транспортное право: учебник*. 8-е изд., доп. и перераб. - М.: Юстицинформ, 2015. - 736 с.
- [6] Как пандемия изменила российский рынок авиатранспортных услуг. *Авиатранспортное обозрение* // <http://www.ato.ru/content/kak-pandemiya-izmenila-grossiyskiy-gynok-aviatransportnyh-uslug>
- [7] Комарова В.В. Правовое закрепление конституционной экономики в современной России: опыт сравнительного исследования. *Ежегодник Конституционной Экономики*. 2018 / Отв. ред. С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. – М. : ЛУМ, 2018. – С. 105-106.
- [8] Комарова В., Смирнова Т., Яхина О. Регламентация муниципальных услуг как способ противодействия коррупции. *Valentina Komarova, Olga Yakhina, Tatiana Smirnova. Regulation of Municipal Services as a Way of Combating Corruption* // *30th IBIMA Conference Proceedings* (2017 - Volume II) (1).pdf (194.9 Мб) с. 5843-5846.
- [9] Майборода М. Е., Беднарский В. В. Грузовые автомобильные перевозки. Учебное пособие — Изд. 2-е. — Ростов на Дону: Феникс, 2008. — 442 с. – С. 8 – 10.
- [10] Мотин В.В. Проблемы обеспечения транспортной безопасности в условиях развития информационных технологий // *Административное и муниципальное право*. - 2012. - N 9. - С. 44 - 48.
- [11] Ползикова Е. В., Юрченко А.А. Анализ влияния пандемии на сферу авиаперевозок и туризм в России // *Научный вестник Южного института менеджмента*. - 2020. - №2. - С. 98-103.
- [12] *Транспортное право: учебное пособие / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2016. – С. 35-36.*
- [13] *Транспортное право. Общая часть: учебник / отв. ред. Н. А. Духно, А. И. Землин. — М. : Юридический институт МИИТа, 2017. С. 41-42.*
- [14] *Транспортная сфера в контексте COVID -19. Дайджест департамента международного и*

регионального сотрудничества // <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-transport.pdf>

[15] Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ // <http://pravo.gov.ru>

[16] Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. N 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. N 12. Ст. 1383.

[17] Федеральный закон от 10.01.2003 N 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

[18] Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru>

[19] Федеральный закон от 09.02.2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. 12.02.2007. N 7. Ст. 837

[20] Постановление Правительства РФ от 21.12.2020 г. N 2201 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры дорожного хозяйства». // <http://www.pravo.gov.ru>

[21] Постановление Правительства РФ от 10.12.2020 г. N 2070 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры дорожного хозяйства, не подлежащих категорированию» // <http://www.pravo.gov.ru>

[22] Приказ Министерства транспорта РФ от 24 декабря 2020 г. № ВБ-908фс «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере транспорта предоставления государственной услуги по выдаче заключения, удостоверяющего выполнение условий регистрации остановочных пунктов в реестре остановочных пунктов по межрегиональным маршрутам регулярных перевозок, установленных в отношении остановочного пункта» // <http://www.pravo.gov.ru>.

[23] Приказ Министерства транспорта Российской Федерации (Минтранс России) от 6 марта 2013 г. N 74 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства железнодорожного транспорта предоставления государственной услуги по утверждению планов обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в установленной сфере деятельности» // «Российская газета», N 154, 17.07.2013.

[24] Приказ Министерства транспорта РФ от 12 апреля 2010 г. N 87 «О порядке проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» // <http://www.pravo.gov.ru>

[25] Закон города Москвы от 17.01.2001 N 3 (ред. от 20.02.2019) «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и иных маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур города Москвы» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы <http://www.mos.ru> – 23. 06.2021.

[26] Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 N 1734-р (ред. от 12.05.2018) «О Транспортной стратегии Российской Федерации» // СЗ РФ», 15.12.2008, N 50, ст. 5977; 29.12.2008, N 52 (ч. 2).

[27] <https://invlab.ru/technologii/vakuumnyy-poezd-hyperloop/> - 23.06.2021

[28] <https://gruzoved.com/blog/post/mesto-transporta-v-ekonomike-rossii/> - 23.06.2021

[29] <file:///C:/Users/Sony/Downloads/Программы+профилактики+нарушений+обязательных+требований+Ространснадзора+на+2021+год.pdf>

Spisok literatury:

[1] Bratanovskij S.N., Ostapec O.G. *Konceptual'nye podhody k ponyatiyu principov gosudarstvennoj politiki v sfere transportnogo kompleksa Rossii* // *Transportnoe pravo*. 2017. N 2. S. 3 - 6.

[2] Goshulyak V.V., Komarova V.V., Feoktistov D.E., Sincov G.V. *Konstitucionnaya ekonomika i stabil'nost' razvitiya ekonomicheskikh otnoshenij. Constitutional Economics and Stability of Development of Economic Relations (Stat'ya)* // *Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: 32nd the International Business Information Management Conference (Spain, Seville, 15-16 November 2018)*. – Seville: International Business Information Management Association, 2018. –P. 1552-1556.

[3] Dadasheva R.A. *Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na sodержanie i razvitie rossijskogo zakonodatel'stva v sfere deyatel'nosti po zashchite prav cheloveka i grazhdanina* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. - 2017. - N 1. - S. 193 - 202.

[4] *Doklad ob itogah profilakticheskoy raboty Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere transporta za 2020 god* // <https://rostransnazor.gov.ru/deyatelnost/profilaktika-narushenij>

[5] Egiazarov V.A. *Transportnoe pravo: ucheb. 8-e izd., dop. i pererab.* - M.: Yusticinform, 2015. - 736 s.

[6] *Kak pandemiya izmenila rossijskij rynek aviatsionnykh uslug. Aviatransportnoe obozrenie* // <http://www.ato.ru/content/kak-pandemiya-izmenila-rossiyskiy-rynok-aviatransportnykh-uslug>

[7] Komarova V.V. Pravovoe zakreplenie konstitucionnoj ekonomiki v sovremennoj Rossii: opyt sravnitel'nogo issledovaniya. Ezhegodnik Konstitucionnoj Ekonomiki. 2018 / Otv. red. S.A. Avak'yan, P.D. Barenbojm, V.V. Komarova. – M. : LUM, 2018. – S. 105-106.

[8] Komarova V., Smirnova T., YAhina O. Reglamentaciya municipal'nyh uslug kak sposob protivodejstviya korrupcii. Valentina Komarova, Olga Yakhina, Tatiana Smirnova. Regulation of Municipal Services as a Way of Combating Corruption // 30th IBIMA Conference Proceedings (2017 - Volume II) (1).pdf (194.9 Mb) s. 5843-5846.

[9] Majboroda M. E., Bednarskij V. V. Gruzovye avtomobil'nye perevozki. Uchebnoe posobie — Izd. 2-e. — Rostov na Donu: Feniks, 2008. — 442 s. – S. 8 – 10.

[10] Motin V.V. Problemy obespecheniya transportnoj bezopasnosti v usloviyah razvitiya informacionnyh tekhnologij // Administrativnoe i municipal'noe pravo. - 2012. - N 9. - S. 44 - 48.

[11] Polzikova E. V., Yurchenko A.A. Analiz vliyaniya pandemii na sferu aviaperevozok i turizm v Rossii // Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. - 2020. - №2. - S. 98-103.

[12] Transportnoe pravo: uchebnoe posobie / YUzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet (NPI) imeni M.I. Platova. – Novocherkassk: YURGPU (NPI), 2016. – S. 35-36.

[13] Transportnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / otv. red. N. A. Duhno, A. I. Zemlin. — M. : YUridicheskij institut MII TA, 2017. S. 41-42.

[14] Transportnaya sfera v kontekste COVID-19. Dajdzhest departamenta mezhdunarodnogo i regional'nogo sotrudnichestva // <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-transport.pdf>

[15] Kodeks torgovogo moreplavaniya RF [ot 30.04.1999 № 81-FZ // <http://pravo.gov.ru>

[16] Vozdushnyj kodeks RF ot 19 marta 1997 g. N 60-FZ // SZ RF. 1997. N 12. St. 1383.

[17] Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 N 18-FZ «Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>

[18] Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 N 67-FZ «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» // <http://pravo.gov.ru>

[19] Federal'nyj zakon ot 09.02.2007 g. N 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» // SZ RF. 12.02.2007. N 7. St. 837

[20] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.12.2020 g. N 2201 «Ob utverzhenii trebovanij po obespecheniyu transportnoj bezopasnosti, v tom

chisle trebovanij k antiterroristicheskoj zashchishchennosti ob»ektov (territorij), uchityvayushchih urovni bezopasnosti dlya razlichnyh kategorij ob»ektov transportnoj infrastruktury dorozhnogo hozyajstva». // <http://www.pravo.gov.ru>

[21] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.12.2020 g. N 2070 «Ob utverzhenii trebovanij po obespecheniyu transportnoj bezopasnosti, v tom chisle trebovanij k antiterroristicheskoj zashchishchennosti ob»ektov (territorij), uchityvayushchih urovni bezopasnosti dlya ob»ektov transportnoj infrastruktury dorozhnogo hozyajstva, ne podlezhashchih kategorirovaniyu» // <http://www.pravo.gov.ru>

[22] Prikaz Ministerstva transporta RF ot 24 dekabrya 2020 g. № VB-908fs «Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere transporta predostavljeniya gosudarstvennoj uslugi po vydache zaklyucheniya, udostoverayushchego vypolnenie uslovij registracii ostanovochnykh punktov v reestre ostanovochnykh punktov po mezhregional'nym marshrutam regul'yarnykh perevozok, ustanovlennykh v otnoshenii ostanovochnogo punkta» // <http://www.pravo.gov.ru>.

[23] Prikaz Ministerstva transporta Rossijskoj Federacii (Mintrans Rossii) ot 6 marta 2013 g. N 74 «Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta Federal'nogo agentstva zheleznodorozhnogo transporta predostavljeniya gosudarstvennoj uslugi po utverzheniyu planov obespecheniya transportnoj bezopasnosti ob»ektov transportnoj infrastruktury i transportnykh sredstv v ustanovlennoj sfere deyatel'nosti» // «Rossijskaya gazeta», N 154, 17.07.2013.

[24] Prikaz Ministerstva transporta RF ot 12 aprelya 2010 g. N 87 «O poryadke provedeniya ocenki uyazvimosti ob»ektov transportnoj infrastruktury i transportnykh sredstv» // <http://www.pravo.gov.ru>

[25] Zakon goroda Moskvy ot 17.01.2001 N 3 (red. ot 20.02.2019) «Ob obespechenii besprepyatstvennogo dostupa invalidov i inyh malomobil'nykh grazhdan k ob»ektam social'noj, transportnoj i inzhenernoj infrastruktur goroda Moskvy»// Oficial'nyj portal Mera i Pravitel'stva Moskvy <http://www.mos.ru> – 23.06.2021.

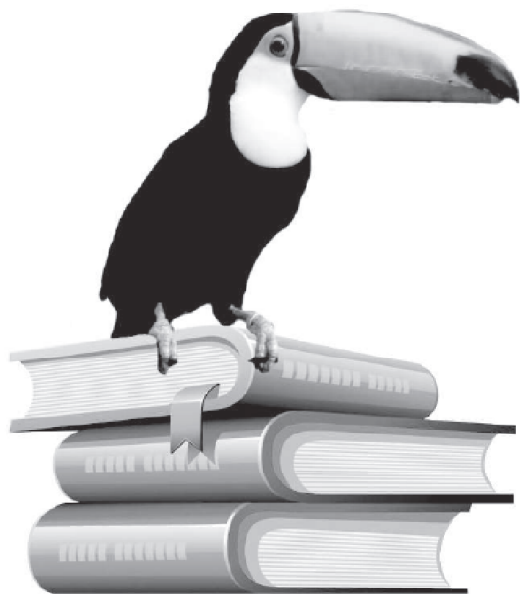
[26] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.11.2008 N 1734-r (red. ot 12.05.2018) «O Transportnoj strategii Rossijskoj Federacii» // SZ RF», 15.12.2008, N 50, st. 5977; 29.12.2008, N 52 (ch. 2).

[27] <https://invlab.ru/tekhnologii/vakuumnyy-poezd-hyperloop/> - 23.06.2021

[28] <https://gruzoved.com/blog/post/mesto-transporta-v-ekonomike-rossii/> - 23.06.2021

[29] file:///C:/Users/Sony/Downloads/Programmy+profilaktiki+narushenij+obyazatel'nyh+trebovanij+Rostransnadzora+na+2021+god.pdf

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-76-79

УДК 342
ББК X 400 (2 Рос)

МИХЕЕВА Татьяна Николаевна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и административного права
Марийского государственного университета,
e-mail: tnmiheeva14@mail.ru
SPIN-код: 1737-2382

ЦЕЛИЩЕВ Антон Александрович,
аспирант кафедры конституционного и административного права
Марийского государственного университета,
e-mail: 523232@bk.ru
SPIN-код: 9204-0475

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Аннотация. В отечественном праве институт передачи отдельных государственных полномочий негосударственным организациям не является абсолютно новым. Однако в нем отсутствует единообразное понимание объекта передачи, его правовой природы. Авторами на основе проведенного анализа и оценки сложившихся подходов к данной проблеме обоснована собственная научная позиция, предложено авторское видение исследуемых полномочий.

Ключевые слова: полномочие, компетенция, услуга, субъективное право, взаимная обязанность, функция, компетенция, государственный орган, публичная власть, делегирование, передача полномочий.

MIKHEEVA Tatyana Nikolaevna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law of the Mari State University

TSELISHCHEV Anton Alexandrovich,
Postgraduate student of the Department of Constitutional
and Administrative Law of the Mari State University

ON THE LEGAL NATURE OF STATE POWERS TRANSFERRED TO NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS

Annotation. In Russian law, the institution of transferring certain state powers to non-governmental organizations is not absolutely new. However, there is no uniform understanding of the object of transfer, its legal nature. The authors, based on the analysis and evaluation of existing approaches to this problem, substantiate their own scientific position, offer the author's vision of the powers under study.

Key words: authority, competence, service, subjective right, mutual obligation, function, competence, state body, public authority, delegation, transfer of authority.

Анализируя причины периодически случающихся кризисов в отечественной экономике, Р.С. Гинберг в 2015 г. сделал интересное наблюдение о том, что рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства с ясными критериями участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества [Гринберг, с. 24].

В 2021 г. такое наблюдение не кажется архаичным, более того, приобретает особый смысл на фоне ежемесячного повышения цен на товары народного потребления в России, учитывая то, что отечественное законодательство, как и прежде, остается в ряде случаев непоследовательным, а иногда – довольно противоречивым, когда речь идет о регулировании частно-государственной хозяйственной деятельности.

Так, до настоящего времени не имеется полноценного законодательного закрепления института передачи и осуществления отдельных государственных полномочий негосударственными организациями, как коммерческими, так и некоммерческими, в т.ч. порядка передачи данных полномочий и их обратной передачи или отзыва, контроля над их осуществлением. О.В. Романовская, в этой связи, отмечает, что благодаря правотворческой и судебной практике открыта дорога делегированию властных полномочий негосударственным организациям, при этом концепция, которая определяла бы условия и правила такого перераспределения властной компетенции, не разработана современными отечественными конституционалистами, отсутствует четкая позиция и у российского законодателя [8, с. 83]. При этом некоторые аспекты указанного института действительно можно обнаружить в п. 2 ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, согласно которому арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела об оспаривании ненормативных правовых актов организаций, должностных лиц, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями. По правилам гл. 25 ГПК РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ рассматриваются дела об оспаривании решений, действий (бездействия) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, принятых, совершенных при осуществлении ими переданных в установленном порядке конкретных государственно-властных полномочий, что подтверждается п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих».

Материально-правовым основанием передачи и осуществления отдельных государственно-властных полномочий негосударственным организациям являются ст. 78 и ст. 132 Конституции РФ, дополняемые позицией, выраженной в п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате». Отсылку к указанному институту можно заметить, кроме прочего, в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», указывающей, что под

общественным контролем понимается деятельность, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью, помимо прочих субъектов, органов и организаций, не являющихся государственными и муниципальными, которые осуществляют в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. В этом случае, возможно, основным недостатком законодательного регулирования является отсутствие легального определения категории «полномочия» (государственные полномочия), без чего крайне проблематично не только идентифицировать институт передачи и осуществления отдельных государственно-властных полномочий негосударственными организациями, но и реализовывать его на практике.

Л.И. Гаделшина при этом напрямую высказывается, что исследованием правовой природы категории «государственное полномочие» занимались многие ученые-конституционалисты, однако единой точки зрения по данному вопросу в правовой доктрине так и не сложилось [1, с. 121]. В.В. Елистратова разделяет такую позицию, указывая на отсутствие единой правовой традиции в использовании таких терминов, как «компетенция», «предметы ведения», «полномочия», в результате чего возникает терминологическая путаница [4, с. 212].

В соответствии со ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в России является многонациональный народ, который может осуществлять ее как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. По замечанию К.В. Черкасова, орган государственной власти в общем виде можно рассматривать как организованную часть государственного механизма, наделенную властными полномочиями, определенной компетенцией и необходимыми средствами для осуществления задач, стоящих перед государством на конкретном участке государственного руководства обществом [9, с. 85]. Не комментируя точность дефиниции, укажем на то, что государственные полномочия есть следствие власти многонационального народа России, при этом они изначально определяются и передаются государственным органам, которые их осуществляют или передают для осуществления, в т.ч. негосударственным организациям.

В общем смысле, А.В. Кнутов и Л.Х. Синятуллина полномочием называют указатель того, каким образом и какими юридически значимыми действиями при реализации функций субъект права достигает ожидаемого результата, учитывая, что полномочие является юридической формой, а функция - содержанием деятельности [5, с. 113]. В этой связи, сложно согласиться с Д.Д. Яка-

диным, утверждающим, что юридическое делегирование предусматривает процесс передачи государственных функций от одного субъекта другому в определенном объеме [10, с. 721]. Будучи деятельностью или совокупностью действий и бездействия, выполняемой по обусловленному предмету ведения (компетенции), функция не может быть объектом передачи, в отличие от полномочий. Примерно об этом пишет Т.А. Коваль, отмечая, что полномочия органа исполнительной власти направлены на выполнение его функций, которые определяют объем и характер полномочий и задач [6, с. 80].

Н.Е. Косач дефинирует полномочие в качестве права и одновременно обязанности соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом, при этом автор указывает, что орган в данном случае получает возможность самостоятельной оценки ситуации и принятия решений и осуществления управленческих действий [7, с. 120]. Данное замечание имеет существенное значение, поскольку указывает на то, что принятые субъектом полномочия могут не осуществляться, если этого не требует конкретная ситуация в рамках функционирования данного субъекта права.

Похожее определение дает Л.И. Гаделшина, которая рассматривает государственное полномочие как права и обязанности органа государственной власти и должностных лиц органа государственной власти по предметам ведения Российской Федерации и предметам ведения субъектов Российской Федерации, связанные с осуществлением государственно-властных действий в сфере определенных общественных отношений [1, с. 123]. Автор при этом не объясняет механику осуществления конкретного полномочия, когда оно воспринимается государственным органом как право, а когда – как обязанность, вследствие чего принципиально по-разному происходит оценка функций полномочного субъекта.

Нет ответа на данный вопрос у Г.Д. Денисовой, которая отмечает, что понятие «государственные полномочия» понимается неоднозначно, как характеристика прав и обязанностей конкретного органа, как характеристика совокупных прав и обязанностей, как конкретных полномочий, которые, являясь юридически закрепленным правом, одновременно представляют собой обязанность по принятию правовых актов и иных действий, направленных на исполнение поставленных перед данным органом задач и функций [3, с. 192].

Аналогичным образом высказывается В.В. Елистратова, определяя компетенцию публичного органа в качестве совокупности полномочий по соответствующему предмету ведения и дефини-

руя полномочие в качестве властвующей возможности публичного управления и обязанности полномочного субъекта в отношении сфер общественной жизни и государственного устройства, составляющих предмет ведения [4, с. 213]. При этом, как представляется, автором не конкретизируется, что понимается под «властвующей возможностью», при этом под правом в субъективном смысле хрестоматийно имеется в виду общеобязательное формально определенное правило, определяющее меру возможного поведения субъекта, которое обеспечивается санкционированной обязанностью конкретного лица или лиц при относительном праве и неопределенного круга лиц при абсолютном праве. Исходя из этого, возникает вопрос не только о возможности рассмотрения полномочия как совокупности прав, но и об отсутствии в ряде случаев очевидных корреспондирующих обязанностях, соответственно.

Очевидно, сейчас отсутствует бесспорное определение категории «государственные полномочия», как и в этой связи, возможность корректной интерпретации института передачи отдельных государственных полномочий негосударственным организациям.

На наш взгляд, перспективным направлением исследования следует считать рассмотрение вопроса о существовании публичного правоотношения как такового при его сопоставлении с частноправовым аналогом, рассмотрение государственного полномочия в качестве субъективного публичного права как меры разрешенного поведения субъекта, которое обеспечивается санкционированной обязанностью конкретного лица или лиц при относительном праве и неопределенного круга лиц при абсолютном праве.

Список литературы:

- [1] Гаделшина Л.И. К вопросу о понятии «государственное полномочие» // Вестник экономики, права и социологии. - 2012. - № 2. - С. 121 - 124.
- [2] Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник ИЭ РАН. - 2015. - № 1. - С. 10 - 29.
- [3] Денисова Г.Д. Публично-правовые аспекты передачи властных полномочий: понятие, принципы, формы // Вестник ВГУ. - 2010. - № 2. - С. 190 - 199.
- [4] Елистратова В.В. О разграничении понятий «компетенция», «предметы ведения», и «полномочия» // Правовая политика и правовая жизнь. - 2010. - № 2. - С. 212 - 213.
- [5] Кнутов А.В., Синятуллина Л.Х. Полномочия федеральных органов исполнительной власти: количественный анализ и классификация //

Вопросы государственного и муниципального управления. - 2018. - № 1. - С. 109 - 125.

[6] Коваль Т.А. Исполнительная власть: анализ понятия, сущность // Вестник ЧГУ. - 2011. - № 10. - С. 77 - 81.

[7] Косач Н.Е. О взаимосвязи понятий «компетенция» и «управленческие функции» // Вестник Института экономических исследований. - 2016. - № 4. - С. 116 - 121.

[8] Романовская О.В. О приватизации государственной власти // Вестник СГЮА. - 2018. - № 6. - С. 76 - 84.

[9] Черкасов К.В. К вопросу о соотношении понятий «орган государственной власти» и «государственный орган» // Пробелы в российском законодательстве. - 2008. - № 2. - С. 84 - 85.

[10] Якадин Д.Д. Коллизии делегирования полномочий на различных уровнях // Юридическая техника. - 2017. - № 11. - С. 719 - 722.

Spisok literatury:

[1] Gadelshina L. I. K voprosu o ponyatii «gosudarstvennoe polnomochie» // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. - 2012. - № 2. - S. 121 - 124.

[2] Grinberg R. S. Ekonomika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy // Vestnik IE RAN. - 2015. - № 1. - S. 10 - 29.

[3] Denisova G. D. Publichno-pravovye aspekty peredachi vlastnyh polnomochij: ponyatie,

principy, formy // Vestnik VGU. - 2010. № 2. – S. 190 - 199.

[4] Elistratova V. V. O razgranichenii ponyatij «kompetenciya», «predmety vedeniya», i «polnomochiya» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. - 2010. - № 2. - S. 212 - 213.

[5] Knutov A. V., Sinyatullina L. H. Polnomochiya federal'nyh organov ispolnitel'no j vlasti: kolichestvennyj analiz i klassifikaciya // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. - 2018. - № 1. - S. 109 - 125.

[6] Koval' T. A. Ispolnitel'naya vlast': analiz ponyatiya, sushchnost' // Vestnik CHGU. - 2011. - № 10. - S. 77 - 81.

[7] Kosach N. E. O vzaimosvyazi ponyatij «kompetenciya» i «upravlencheskie funkcii» // Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanij. - 2016. - № 4. - S. 116 - 121.

[8] Romanovskaya O. V. O privatizacii gosudarstvennoj vlasti // Vestnik SGYUA. - 2018. - № 6. - S. 76 - 84.

[9] Cherkasov K. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «organ gosudarstvennoj vlasti» i «gosudarstvennyj organ» // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2008. - № 2. - S. 84 - 85.

[10] Yakadin D. D. Kollizii delegirovaniya polnomochij na razlichnyh urovnyah // Yuridicheskaya tekhnika. - 2017. - № 11. - S. 719 - 722.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЗАНИН Вадим Евгеньевич,
студент 4 - го курса специальности
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
Института комплексной безопасности и специального приборостроения
МИРЭА – Российский технологический университет,
член Студенческого научного бюро кафедры
«Правовое обеспечение национальной безопасности»,
e-mail: vaduszan@yandex.ru

Научный руководитель:
ПОРТНАЯ Елизавета Борисовна,
доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности»
Института комплексной безопасности и специального приборостроения
«МИРЭА-Российский технологический университет»,
кандидат социологических наук, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
e-mail: portnaya.elizaveta@list.ru

ПРЕКЛЮЗИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. Принцип процессуальной экономии в сочетании с принципами законности и справедливости детерминирует ряд вопросов, в том числе, сопряженных с проблемой рецепции германского института процессуальной экономии – преклюзии в российский гражданский и административный процесс. В связи с чем, автор исследует правовую природу этого института, подвергает анализу национальный и зарубежный опыт нормативно-правового регулирования данной проблемы, а также предлагает авторское видение тенденций совершенствования российского законодательства в данной сфере, рассматривает перспективы дальнейшей рецепции исследуемого процессуально – правового института.

Ключевые слова: Преклюзия, средства процессуальной экономии, гражданский процесс, административный процесс, принцип процессуальной экономии, процессуальные сроки.

Zanin Vadim Evgenyevich,
4th year student of the specialty “Legal support of national security”
of the Institute of Complex Security and Special Instrumentation
MIREA - Russian Technological University,
Member of the Student scientific bureau
of the Department of Legal Support of National Security

Research supervisor: **E. B. Portnaya**
Associate Professor of the Department «Legal Support
of National Security» of the Institute of Integrated Security and Special Instrumentation
of the MIREA Federal State Budgetary Educational Institution,
Candidate of Sociological Sciences,
Lawyer of the Moscow Chamber of Lawyers

PRECLUSION IN RUSSIAN PROCEDURAL DOCTRINE: PROSPECTS AND PROBLEMS OF RECEPTION

Annotation. The principle of procedural economy in combination with principles of legality and justice determines a number of issues including those associated with the problem of reception of the German institution of procedural economy – preclusion in Russian civil and administrative process. In this regard, the author examines the legal nature of this institution, analyzes national and foreign experience of legal regulation of this problem, and also offers the author's vision of the tendencies in improving Russian legislation in this area, considers the prospects for further reception of the investigated procedural institution.

Key words: Preclusion, means of procedural economy, civil procedure, administrative procedure, the principle of procedural economy, procedural terms.

Одна из наиболее актуальных проблем российского процессуального права – необходимость соблюдения принципа осуществления судопроизводства в разумный срок, обусловленное множеством различных факторов, к которым можно отнести недостаточный уровень правосознания и правовой культуры населения, высокая загруженность судебного аппарата, усложнение социально-экономических отношений, развитие научно технического прогресса, унификационные процессы. Решение проблемы требует комплексного подхода, сочетающего средства практического характера и методы, позволяющие как системно влиять на средние сроки рассмотрения дел, так и формировать различные правовые инструменты ускорения производства с учетом индивидуальных особенностей конкретного правового спора. Одним из эффективных решений для смягчения остроты данной проблемы может являться рецепция и вживление в национальную правовую систему такого немецкого института процессуальной экономии, как преклюзия.

Указанная задача сопряжена, в первую очередь, с необходимостью исследования правовой природы этого института. Под преклюзией в системе немецкого процессуального права подразумевается невозможность совершения стороной юридически значимых процессуальных действий в ходе рассмотрения дела по истечении установленного законом или судом процессуального срока. Иначе говоря, преклюзия выражается в запрете на представление доказательств, возражений и использовании других средств защиты в случае пропуска процессуального срока по неважным причинам. Преклюзия ограничивает не доступ к судебному процессу в целом, а процесс представления аргументов при рассмотрении соответствующего дела. Преклюзия, как верно отмечает Е.В. Гриценко [9, с. С. 733-755], в сущности, является процессуально установленной мерой ограничения прав лица на доступ к правосудию и на судебную защиту, направленная на борьбу с недобросовестным отношением процессуальных сторон в судебном процессе и затягиванием процессуальных сроков, что соответствует принципу своевременности и эффективности судебного разбирательства, которому придается большое значение в немецком праве. Так как институт преклюзии значительно влияет на основополагающие процессуальные права, применение данного механизма обуславливает необходимость создания точной системы определения разумных границ его применения, препятствующих злоупотреблению.

Значительную роль в формировании системы определения правовых границ функцио-

нирования преклюзии играет система процессуальных правовых принципов Германии, так как дуализм принципов позволяет определять крайние границы, в пределах которых применение преклюзии не нарушало бы существенным образом ни один из затрагиваемых принципов. Необходимо понимать, что формы и границы применения преклюзии в значительной степени зависят от особенностей конкретной отрасли права, предусматривающей возможность применения данного средства процессуальной экономии. Как отмечает М. Хайнтцен, границы применения преклюзии в административном процессе Германии шире, чем в гражданском процессе в силу распространения влияния данного процессуально-правового механизма на не имеющие аналога в гражданском процессе административно-публичные процедуры, предшествующие судебному заседанию. Другой особенностью, осложняющей систему функционирования преклюзивных мер в административном процессуальном праве Германии, является наличие усложненных форм преклюзии, среди которых выделяют формальную преклюзию, действующую только в рамках производства в административном органе и предполагающую возможность использования исключенных применением данной меры фактов и сведений в последующем судебном процессе, и материальную преклюзию, распространяющую свое влияние как на досудебное производство в административном органе, так и на дальнейший судебный процесс.

Наконец, рассматривая особенности функционирования процессуального механизма преклюзии необходимо отметить, что по степени обязательности применения преклюзии судом выделяют императивную преклюзию, обязательную для применения судом и применяемую при простой форме вины, в случае пропуска стороной или ее представителем процессуального срока, и факультативную преклюзию, применяемую по усмотрению суда в случаях, когда совершение процессуальных действий сторонами было сопряжено с нарушениями общих обязанностей по ведению судебного процесса, т.е. было совершено с грубой небрежностью [17, с.77-83.]. При этом возможности судьи при применении данной меры процессуальной экономии значительно ограничены законом, к срокам, устанавливаемым судьей применимы строгие требования, согласно которым срок должен быть разумным и достаточным для совершения процессуального действия, должен быть установлен уполномоченным на то судьей и закреплен в судебном акте, официально вручаемом стороне, участвующей в деле, либо объявляемым устно.

Важно понимать, что разъяснение возможности применения преклюзии и ее последствий не

является обязанностью суда, осведомленность сторон о применении процессуальных санкций презюмируется с момента объявления срока судебного разбирательства и в самом судебном решении. Анализ института преклюзии в германском процессуальном праве позволяет заключить, что его применение и функционирование во многом требует высокого уровня развития правовой культуры и в значительной степени – развитого правосознания населения, обеспечивающих понимание высокой значимости процессуальной формы при сохранении материального содержания права. Рассматривая вопрос о перспективах рецепции института преклюзии национальным правом РФ, необходимо отметить весьма позитивные тенденции в развитии данного направления, так как институт преклюзии в некоторой степени уже был воспринят в рамках ч.4 и ч.5 ст.65 а также ч.2 ст.111 АПК РФ, установивших право сторон ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле были ознакомлены заблаговременно, а также возможность отнесения судебных расходов по усмотрению суда вне зависимости от результатов дела на сторону, представившую доказательства с нарушением установленных судом сроков представления доказательств или процессуального порядка представления доказательств, таким образом можно говорить о том, что факультативная материальная преклюзия была воспринята российским арбитражным процессом еще в 2010 году. Важно отметить: процессуально институт был рецептирован российским арбитражно-процессуальным законодательством в смягченной форме по сравнению с немецкой моделью: в российской модели преклюзии не налагается полного ограничения на использование и приведение лицом, участвующим в процессе аргументов по существу дела, более того, в национальной практике применения института преклюзии в РФ преобладают имущественные санкции над процессуальными, поэтому на лицо представившее доказательства с нарушением установленного процессуального срока и порядка судом может быть отнесено бремя уплаты судебных расходов, независимо от исхода дела. Причиной, по которой данный институт был рецептирован в смягченной форме вероятно являлась необходимость адаптации данного правового института к особенностям правовой системы РФ.

В настоящее время в силу влияния широкой совокупности различных факторов к которым можно отнести стремительное развитие научно-технического прогресса, усложнение социально-экономических отношений, а также развитие транснациональных культурно-экономических процессов правоотношения во многих отраслях

права существенно усложнились, как и возникающие в связи с ними юридические конфликты, что закономерно повлекло увеличение длительности и сложности рассмотрения дел, связанных с подобными спорами, это обусловило все более возрастающую потребность в развитии системы средств процессуальной экономии, которая позволила бы обеспечить объективность процесса при оптимальных затратах ресурсов судебной системы и непосредственных участников процесса.

В значительной мере данной цели может непосредственно способствовать дальнейшее развитие процессуально-правового института преклюзии, который, с одной стороны, уже продемонстрировал свою функциональную эффективность в рамках арбитражного процесса, а с другой стороны – имеет значительный потенциал для дальнейшего системного развития в рамках российской процессуальной доктрины.

Одним из наиболее значимых факторов, требующих дальнейшего анализа в целях эффективной рецепции процессуально-правового института преклюзии является значительная разница в доктринальном понимании сущности процессуальных отношений, определяющая назначение и основные принципы и формы функционирования всех процессуально-правовых институтов.

Таким образом, если в российских доктринальных воззрениях процессуальное правоотношение раскрывается через системное взаимодействие таких понятий как субъективные права и обязанности участников правоотношений, а также их процессуальные действия, в германской правовой доктрине, во многом воспринявшей идеи Д. Гольдшмидта, процесс рассматривается как объективный процесс смены процессуальных положений (состояний) в которых находятся процессуальные субъекты. Подобное различие в подходах к определению юридической природы и содержания процессуальных отношений фактически обуславливает весомые различия в воззрениях о наиболее эффективных способах организации правосудия.

Так, германская процессуальная доктрина одной из целей процессуального права, способствующей достижению справедливого и своевременного разрешения юридических конфликтов, видит ограничение влияния сторон и суда на процесс, чему во многом способствует преклюзия, направленная не только на непосредственное регулирование соблюдения процессуальных сроков, но и на повышение степени объективности самого процесса в целом.

Российская процессуальная доктрина полагает, что процессуальные отношения имеют дуалистическую природу и проистекают не только из

юридического, но и из материального содержания процессуальных правоотношений, в том числе, во многом именно из элемента волевого участия и непосредственного взаимодействия процессуальных сторон и суда в процессе рассмотрения дела, это, в свою очередь, заставляет задуматься над вопросом целесообразности восприятия немецкой модели реализации процессуального института преклюзии, которая может фактически ограничить основополагающие с точки зрения национальных научных воззрений аспекты процессуальных отношений, что поставит под сомнение объективность и эффективность правосудия, организуемого в контексте подобных процессуальных форм.

Дополнительную сложность в разрешении данного вопроса порождает такой фактор, как общая неопределенность, возникшая в отечественной процессуальной доктрине относительно принципа процессуальной экономии и его реализации, что значительно затрудняет выработку критериев и подходов к эффективной рецепции зарубежных процессуальных институтов в силу недостаточной конкретизации положений, закрепляющих принцип процессуальной экономии и отсутствия общего доктринального понимания характера и направлений дальнейшего развития процессуальных институтов, направленных на эффективную организацию правосудия. Примером широкого плюрализма мнений, существующих в российской процессуальной доктрине относительно принципа процессуальной экономии может служить обширный спектр научных воззрений исследователей, включающий кардинально противоположные позиции: от воззрений Т.В. Сахановой и Д.А. Фурсова, отрицающих сущность принципа процессуальной экономии как самостоятельного принципа гражданского процессуального права, до позиций других исследователей таких как А.Г. Плешанов, Г.Л. Осокина, М. М. Усольцев и многих других ученых, признавших закрепление принципа процессуальной экономии в той или иной форме и представивших различные точки зрения о наиболее подходящих путях развития и реализации данного принципа [14].

Важно отметить: несмотря на то, что принцип процессуальной экономии нашел свое признание на государственном уровне в рамках Постановления Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 N 2-П, данный принцип не получил должной конкретизации, которая хотя бы в общих чертах позволяла бы определять наиболее оптимальные пути развития системы средств процессуальной экономии, что на данный момент затрудняет качественную рецепцию зарубежного процессуально правового опыта в данной области.

Несмотря на вышеобозначенные факторы, затрудняющие восприятие немецкой модели процессуального института преклюзии российской процессуальной доктриной, следует отметить сохраняющуюся актуальность развития данного института процессуальной экономии, указанные факторы свидетельствуют лишь о значимости продуманного подхода к дальнейшему восприятию системы преклюзивных мер. Проведя анализ факторов, влияющих на рецепцию преклюзии следует сформулировать определенные рекомендации, способствующие более эффективному применению зарубежного опыта и функциональному применению института преклюзии в российской правовой системе.

В первую очередь, следует отметить необходимость доктринальной гармонизации преклюзии в соответствии с основополагающими принципами и задачами российского процессуального законодательства, что позволит в некоторой степени разрешить проблему сохранения объективности процесса при процессуально обоснованном ограничении доступа сторон к правосудию. Опыт функционального применения подобных ограничений в значительной степени наработан в зарубежной практике по сравнению с национальной практикой, не отличающейся системностью реализации преклюзивных институтов и порой запутывающей, включающей опыт применения различных норм, сочетающих различные преклюзивные элементы.

Примером подобной нормы в гражданском праве может служить ч.1 ст.161 ГК РФ согласно которой, стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания в подтверждение сделки и ее условий в случае несоблюдения простой письменной формы сделки, но не лишаются права приводить письменные и другие доказательства, с одной стороны данная норма включает процессуальное ограничение права стороны на представление доказательств при нарушении юридически значимого условия, что в какой то мере как и преклюзия отвечает цели возложения негативных дисциплинирующих правовых последствий правового характера на недобросовестного участника правоотношения, но с другой стороны, данная норма содержит строгие ограничения, включая прямое указание на сохранение права приводить допустимые доказательства, таким образом стороны фактически не лишаются права на представление доказательств.

В отличие от полноценных преклюзивных норм, данная норма содержит не только процессуальное правовые основания, но и материально правовое основание, которое согласно С.А. Степанову [8, с. 432], направлено на предотвращение возникновения коллизий, так как возможность

ссылаться на свидетельские показания в подтверждение сделки, требующей простой письменной формы, либо ее условий фактически означало бы признание возможности ее письменного оформления, что являлось бы серьезной юридической коллизией.

Таким образом, конструкция может быть ошибочно воспринята некоторыми исследователями в качестве преклюзии, но несмотря на преклюзивные элементы, таковой она по своей цели и основанию не может считаться, учет подобных норм может быть полезен во избежание формирования вредоносной практики и соответствующих юридических коллизий в будущем при внедрении системы преклюзий в другие отрасли права РФ.

Во-вторых, следует отметить, что наиболее эффективная рецепция такого института процессуальной экономии как преклюзия потребует постепенного и системного подхода, который позволит более детально подойти к адаптации данного процессуального института к особенностям отдельных отраслей российского права. Поэтапное создание системы преклюзивных мер позволит постепенно накапливать практику применения преклюзивных мер и на основе ее научного анализа вырабатывать дальнейшую стратегию системного развития подсистемы средств процессуальной экономии, более того, именно постепенный подход позволяет во многом более целостно воспринять немецкий процессуальный опыт за счет последовательного перехода от более простых форм и конструкций к более сложным системным взаимодействиям, данных норм.

Последовательность в рецепции данного процессуального института в гражданский и административный процесс РФ позволит динамичнее выработать на практике необходимую систему процессуальных ограничений, которые будут служить гарантией превенции злоупотребления участниками процесса подобными процессуальными средствами во вред объективности самого судебного процесса.

Наконец, важно отметить что в настоящее время в силу различных факторов наиболее востребованной является рецепция преклюзии не в форме частных обособленных норм, пополняющих инструментарий средств процессуальной экономии доступных участникам процесса, а в форме системы, сочетающей различные взаимодействующие нормы.

Одним из самых значительных преимуществ рецепции данного процессуально правового института именно в форме системы является его гибкость и многофункциональность, обусловленные наличием в данной системе как диспозитивных норм, так и императивных норм.

На данный момент в национальном процессуальном праве представлены лишь факультативные преклюзии, определенные диспозитивными нормами, применение которых зависит от усмотрения участников процесса, из-за этого потенциал дисциплинирующего воздействия преклюзий реализуется не в полной мере, в силу некоторой казуальности наступления негативных последствий для провинившейся стороны. Подобная казуальность наступления негативных последствий обусловлена различными факторами, к которым, в первую очередь, следует отнести сложность выявления именно недобросовестного отношения стороны к организации процесса, соблюдению процессуальных сроков и т.д. Рецепция императивных преклюзий могла бы способствовать дальнейшему внедрению преклюзивных мер, как института процессуальной экономии, повышению юридической грамотности и процессуальной дисциплины, строгость и системность санкций, которые будут обязательными для применения в случае нарушения установленных в рамках подобных норм ограничений должны оказать положительный организующий эффект.

Важно учитывать значительные различия правовых систем, а также российского и немецкого социокультурного контекста при дальнейшем развитии преклюзивных норм, как подсистемы в рамках общей системы средств процессуальной экономии, понимать, что баланс императивных и диспозитивных преклюзивных норм в российской правовой системе будет значительно отличаться в силу меньшей ориентированности российского законодательства на сохранение строгости процессуальных форм, и придания большего значения материально-правовым аспектам в рамках юридического спора.

Необходимо отметить, что разнообразие элементов в рамках подсистемы преклюзивных норм не ограничивается только разновидностями преклюзии, система также может включать различные вспомогательные нормы и юридические конструкции, которые могут иметь преклюзивные элементы выполняя при этом различные функции. Примером подобной нормы может служить немецкая административная фикция выдачи разрешения, являющаяся аналогом преклюзии и заключающаяся в признании разрешения выданным, в случае если орган не ответил на заполненную и поданную в соответствии с процессуальными правилами заявку, в течение закрепленного в законе процессуального срока, данная конструкция отражает одинаковую значимость процессуальных сроков как для физических лиц, так и для публично-правовых образований и их взаимную ответственность по соблюдению данных сроков.

Главное достоинство системной рецепции процессуального института преклюзии – многообразие элементов в рамках образуемой системы, что позволит обеспечить многофункциональность, гибкость и большую эффективность функционирования данного института процессуальной экономики в будущем.

В текущих условиях, при влиянии совокупности различных факторов, обуславливающих увеличение сроков и усложнение процесса разрешения юридических конфликтов существует и продолжает увеличиваться запрос на развитие и оптимизацию российской системы средств процессуальной экономики, которая позволила бы максимально объективно и эффективно разрешать юридические споры: не только сократить реальные сроки рассмотрения судебных дел, но и количество злоупотреблений правом, направленных на затягивание судебного разбирательства, оказать позитивное влияние на развитие правовой культуры, повысив значимость соблюдения процессуальных сроков, но рецепция настолько сложной системы потребует поэтапного подхода, учитывающего уже накопленный зарубежный практический опыт применения преклюзий и специфику российской правовой системы: необходимо соблюсти баланс интересов личности, общества и государства, чему могут способствовать различные дополнительные правовые конструкции, взаимодействующие с преклюзией на уровне единой системы.

Важно на практике выработать систему функциональных гарантий, которые не позволят в силу данной процессуальной меры игнорировать или нарушать объективность судебного процесса за счет игнорирования материально правовой стороны, рассматриваемого вопроса, порождая тем самым примат процессуального права над материальным.

Список литературы

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020). // Собрание законодательства РФ. – 2002. - №30. – С. 3012.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // [Электронный ресурс] URL: – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17706/>(дата обращения 23.04.2021г.)

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскне-

фтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан»// [Электронный ресурс] URL: – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/(дата обращения 23.06.2021г.)

[4] Административное судопроизводство. Ярков В.В. и др. - М., 2016. -560 с.

[5] Васильева А. Ф. Административные иски общественных объединений в защиту чужих интересов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Том 9. Вып. 3. – С. 291-309.

[6] Веде Ю. В. Преклюзия в гражданском процессе германии: значение, перспективы, риски. // Российский юридический журнал. -2020.- №2. – С. 43.47.

[7] Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Издательский Дом «Городец», 2019. — 784 с.

[8] Гражданское право: Учебник в 3 т. Т1. 2-е изд., / Под ред. проф. Степанова С.А. М.: «Прспект»; «Институт частного права», 2019 г. – 702 с.

[9] Гриценко Е. В., Хайнтцен М. Доступ к судебной защите в России и Германии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Том 10. Вып. 4. – С. 733-755.

[10] Изотов Ю. Г. Принцип процессуальной экономики [Электронный ресурс] UR: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-protsessualnoy-ekonomii/> дата обращения 02.06.2021г.)

[11] Колосова Т. О. Действие принципа процессуальной экономики в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36888891/> дата обращения 01.07.2021г.)

[12] Лобанова Е. И. Проблемы реализации процессуальной экономики в гражданском процессуальном праве [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45703102/> дата обращения 22.06.2021г.)

[13] Лошкарев А.В., Спиридонова М.А. Действие принципа процессуальной экономики в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46172632/> дата обращения 28.06.2021г.)

[14] Осеева Е. А. Реализация принципа процессуальной экономики в гражданском процессуальном праве [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-protsessualnoy-ekonomii-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave/> дата обращения 02.06.2021г.)

[15] Рыбкин Ю. В. Принцип процессуальной экономики в арбитражном процессе [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44707151/> дата обращения 12.06.2021г.)

[16] Филь Г.Г. Тенденции развития принципа процессуальной экономики [Электронный ресурс]

URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42517306>// дата обращения 12.05.2021г.)

[17] Хайнтцен М. Запрет представления доказательств при пропуске процессуального срока (преклюзия) в системе административно-судебной защиты в Германии. // *Правоприменение*. - 2019. - Т.3. - №2. - С.77-83.

[18] Чубарова Е.В. Соотношение принципа концентрации доказательственного материала и принципа процессуальной экономии. [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11673706>// дата обращения 22.05.2021г.)

Spisok literatury:

[1] Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 08.12.2020). // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2002. - №30. – S. 3012.

[2] Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 28.06.2021) // [Elektronnyi resurs] URL: – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17706/> (data obrashcheniia 23.04.2021g.)

[3] Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.02.2007 N 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkrytykh aktsionernykh obshchestv «Nizhnekamskneftekhim» i «Khakasenergo», a takzhe zhalobami riada grazhdan»// [Elektronnyi resurs] URL: – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/(data obrashcheniia 23.06.2021g.)

[4] *Administrativnoe sudoproizvodstvo*. Iarkov V.V. i dr. - M., 2016. -560 s.

[5] Vasil'eva A. F. Administrativnye iski obshchestvennykh ob"edinenii v zashchitu chuzhikh interesov. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Pravo. – 2018. – Tom 9. Vyp. 3. – S. 291-309.

[6] Vede Iu. V. Prekliuziia v grazhdanskom protsesse germanii: znachenie, perspektivy, riski. // *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*. -2020.-№2. – S. 43.47.

[7] *Grazhdanskii protsess: Uchebnik*. 2-e izd., pererab. i dop. / Pod red. M.K. Treushnikova. M.: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2019. — 784 s.

[8] *Grazhdanskoe pravo: Uchebnik v 3 t. T1*. 2-e izd., / Pod red. prof. Stepanova S.A. M.: «Prospekt»; «Institut chastnogo prava», 2019 g. – 702 s.

[9] Gritsenko E. V., Khainttsen M. Dostup k sudebnoi zashchite v Rossii i Germanii. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Pravo. – 2019. – Tom 10. Vyp. 4. – S. 733-755.

[10] Izotov Iu. G. Printsip protsessual'noi ekonomii [Elektronnyi resurs] UR: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-protsessualnoy-ekonomii/> data obrashcheniia 02.06.2021g.)

[11] Kolosova T. O. Deistvie printsiipa protsessual'noi ekonomii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36888891>//data obrashcheniia 01.07.2021g.)

[12] Lobanova E. I. Problemy realizatsii protsessual'noi ekonomii v grazhdanskom protsessual'nom prave [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45703102>// data obrashcheniia 22.06.2021g.)

[13] Loshkarev A.V., Spiridonova M.A. Deistvie printsiipa protsessual'noi ekonomii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46172632>// data obrashcheniia 28.06.2021g.)

[14] Oseeva E A. Realizatsiia printsiipa protsessual'noi ekonomii v grazhdanskom protsessual'nom prave [Elektronnyi resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsiipa-protsessualnoy-ekonomii-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave/> data obrashcheniia 02.06.2021g.)

[15] Rybkin Iu. V Printsip protsessual'noi ekonomii v arbitrazhnom protsesse [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44707151>// data obrashcheniia 12.06.2021g.)

[16] Fil' G.G. Tendentsii razvitiia printsiipa protsessual'noi ekonomii [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42517306>// data obrashcheniia 12.05.2021g.)

[17] Khainttsen M. Zapret predstavleniia dokazatel'stv pri propuske protsessual'nogo sroka (prekliuziia) v sisteme administrativno-sudebnoi zashchity v Germanii. // *Pravoprimenenie*. - 2019. - Т.3. - №2.- S.77-83.

[18] Chubarova E.V. Sootnoshenie printsiipa kontsentratsii dokazatel'stvennogo materiala i printsiipa protsessual'noi ekonomii. [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11673706>// data obrashcheniia 22.05.2021g.)

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-87-99
MPHTI 10.07.53

БАЙМАХАНОВА Д.М.,
доктор юридических наук, профессор,
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
e-mail: dina405@mail.ru

ИБРАЕВА А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

ЕСЕТОВА С.К.,
кандидат юридических наук,
Академия Кайнар, Алматы, Казахстан,
e-mail: saltanat.yessetova@gmail.com

КОНАРБАЕВА М.М.,
магистр юридических наук,
Академия Кайнар, Алматы, Казахстан,
e-mail: madina.konarbayeva@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ СЛЫШАЩЕГО ГОСУДАРСТВА, СООТНОШЕНИЕ С ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ, ПРАВОВЫМ, СОЦИАЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВОМ

Аннотация. В современных условиях развития казахстанской государственности важнейшей конституционной ценностью является демократия, а главным компонентом правовой реформы стало принятие концепции «Слышащего государства». Развитие слышащего государства напрямую связано с активностью гражданского общества, его участием в процессе принятия значимых решений.

Актуальность данного исследования определяется значением и ролью слышащего государства в жизни граждан, наличием объемного нормативного материала, особой новизной самой формулировки «слышащее государство» в конституционно-правовой науке.

Было проанализировано большое количество источников по вопросам слышащего государства, проведена масштабная работа по поиску исходных материалов, и сделан вывод, что на настоящий момент отсутствуют исследования становления и развития слышащего государства в Казахстане.

Методологической основой данной работы выступает эмпирический метод получения знаний и метод сравнительного правоведения.

Таким образом, мы пришли к выводу, что категория «слышащее государство» не разработана в конституционно-правовой науке. Необходима теоретическая разработка данного понятия для глубокого понимания закономерностей развития слышащего государства, выработки научно обоснованных рекомендаций по формированию модели государства, закрепленной в Конституции Республики Казахстан.

Ключевые слова: слышащее государство, обращения граждан, демократическое государство, правовое государство, социальное государство.

BAIMAKHANOVA D.M.,
Doctor of Law, Professor,
KazNU named after al-Farabi,
Almaty, Kazakhstan

IBRAEVA A.S.,
Doctor of Law, Professor,
KazNU named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

YESSETOVA S.K.,
PhD in Law, Kainar Academy, Almaty, Kazakhstan

KONURBAEVA M.M.,
Master of Laws, Kainar Academy, Almaty, Kazakhstan

CONCEPT AND PRINCIPLES OF A HEARING STATE, RELATIONSHIP WITH A DEMOCRATIC, LEGAL, SOCIAL STATE

Annotation. *In modern conditions of development of Kazakhstani statehood, the most important constitutional value is democracy, and the main component of legal reform was the adoption of the concept of "Hearing State". The development of the listening state is directly related to the activity of civil society, its participation in the process of making significant decisions.*

The relevance of this study is determined by the meaning and role of the hearing state in the life of citizens, the presence of voluminous normative material, the special novelty of the very formulation "hearing state" in constitutional and legal science.

A large number of sources on the issues of the hearing state were analyzed, a large-scale work was carried out to search for source materials, and it was concluded that at the moment there are no studies of the formation and development of the hearing state in Kazakhstan.

The methodological basis of this work is the empirical method of obtaining knowledge and the method of comparative jurisprudence.

Thus, we came to the conclusion that the category "hearing state" has not been developed in constitutional and legal science. A theoretical development of this concept is necessary for a deep understanding of the laws of development of the hearing state, the development of scientifically based recommendations for the formation of a model of the state, enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan.

Key words: *hearing state, appeals of citizens, democratic state, legal state, social state.*

Введение

В современных условиях развития казахстанской государственности важнейшей конституционной ценностью является демократия. Данная конституционная ценность предполагает, что государственная власть осуществляется в представительной форме через избранных народом органов и должностных лиц, которые самостоятельно принимают решения от имени и в интересах народа, во взаимодействии с гражданским обществом [1, с. 327].

Важнейшим компонентом конституционно-правовой реформы стало принятие концепции «Слышащего государства», которая впервые была озвучена Президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым в Послании народу Казахстана 2019 г. «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» [2].

Основной посыл концепции слышащего государства – усиление коммуникации и оперативное взаимодействие между государством и гражданским обществом.

Следующее Послание «Казахстан в новой реальности: время действий» вновь актуализировало необходимость повышения эффективности государственного управления, а также повышения

уровня участия граждан в управлении делами государства [3].

Слышащее государство – это формула развития эффективной государственности, которое оперативно и конструктивно реагирует на каждый запрос своих граждан [4]. В этой связи, разрабатываются конкретные планы по решению проблем. Так, например, крупные резонансные события, которые произошли в Казахстане в последнее время, привели к ужесточению законодательных норм в сфере борьбы с насилием против личности [5], повышению социального пакета для многодетных семей [6], разработке концепции по развитию гражданского общества [7], усилению институтов непосредственной демократии [8] и т.д.

В 2020 г. все мы стали свидетелями беспрецедентного стресс-теста для всех государств мира – чрезвычайной ситуации, пандемии COVID-2019, вызванной вирусом SARS-Cov2. Ситуация не стабилизировалась до сих пор, возникает множество трудностей, появляются новые вспышки, правительству приходится перестраиваться в режиме реального времени. В этих условиях крайне сложно выстраивать диалог между государством и гражданским обществом.

Население Казахстана составляет 19 027 823 человек [9]. У каждого человека, семьи,

коллектива, организации – особенные потребности. Естественно, государственная политика не формируется под каждый субъект, она ориентирована на удовлетворение различных социальных групп в здравоохранении, занятости, безопасности, образовании и т.д.

И как бы парадоксально это не звучало, одинаковые права для разных граждан предопределяют неравенство возможностей при повседневном пользовании ими.

Так, к примеру, лица с ограниченными возможностями, не могут в полной мере воспользоваться конституционными правами на свободу труда, например, или на образование. Ведь им необходимы дополнительные возможности: дорожки, пандусы, приспособления, помещения, конструкции и оборудование.

Другой пример: жители городских окраин, отдаленных населенных пунктов не имеют равного доступа к государственным и социальным услугам, поскольку не имеют соответствующей инфраструктуры. Это наглядно продемонстрировала пандемия: если городские обучающиеся смогли легко перейти на дистанционное образование, то для огромной части населения Казахстана отсутствие качественного интернета и связи стало огромной проблемой.

Примеров – огромное множество, но основная мысль ясна. Предназначение слышащего государства – разработка и реализация дополнительных или особенных мер для того, чтобы каждый гражданин имел возможность пользоваться всеми правами.

Развитие слышащего государства в Казахстане напрямую связано с активностью гражданского общества, его участием в процессе принятия значимых решений. Не случайно, в Плате Нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ указаны меры по повышению роли гражданских институтов и формированию подотчетного обществу государства (шаг 97 - расширение возможности граждан участвовать в процессе принятия решений через развитие саморегулирования и местного самоуправления; шаг 98 - внедрение самостоятельных бюджетов местного самоуправления; шаг 99 - усиление роли общественных советов при государственных органах и акимах) [10].

В качестве реальных примеров реализации таких мер можно привести следующие: созданы и функционируют диалоговые площадки на уровне аулов, районов, городов, областей, общественные советы при министерствах и Главе государства [11]. Так, Общественная приемная акимата Орел Алматы отмечена наградами за эффективность взаимодействия граждан с государством, в

т.ч. награда в номинации «Будущее городов» в рамках «Любляна Форум–2017», награда в номинации «Лучшая трансформация клиентского опыта» на конкурсе IDCCIO Excellence Awards–2019, победитель Международного конкурса городских практик городов СНГ и ЕАЭС «Город, где хочется жить – 2017» [12].

Однако, несмотря на определенные успехи, проблем в рассматриваемой сфере еще немало. В Казахстане общество не привыкло доверять государству, а государственные органы не имеют четкого видения как изменить коммуникацию. Большинство программных документов и стратегий терпят неудачу на этапе реализации и остаются «красивыми на бумаге».

Причинами такой ситуации, по нашему мнению, являются:

- беспрецедентный уровень коррупции;
- одномоментное появление разноплановых инициатив;
- погоня за сиюминутными результатами;
- отсутствие должной координации процесса реализации инициатив.

В зарубежной научной литературе большинство казахстанских государственных программ характеризуются определениями «незавершенные», «имитация», «отсутствие четкого видения в служении обществу» [13].

Как следствие, неэффективные госпрограммы, отсутствие должной коммуникации о результатах работы, снижают доверие населения, приводят к потере общественной поддержки и даже цинизму, сводят на нет реализацию политических решений. Такая картина наблюдается в любой области - экономике, аграрном секторе, социальной работе, образовании.

В развитых странах коммуникация с общественностью является обязательным компонентом работы государственных органов. Причем набор средств коммуникации не ограничен, это может быть опрос мнений населения, открытые дебаты между оппонентами, обсуждение в средствах массовой информации. В Казахстане граждане практически не информированы о государственных инициативах – поэтому отсутствует ключевой компонент для коммуникации с государственными органами.

Таким образом, актуальность исследования определяется значением и ролью слышащего государства в жизни граждан, наличием объемного нормативного материала, особой новизной самой формулировки «слышащее государство» в правовой науке.

Обзор предыдущих исследований. Исследование правовых основ становления и развития слышащего государства в Казахстане осуществлено на основе нормативных материалов

последних лет, теоретических работ, диссертационных исследований и научной публицистики. Были изучены труды современных казахстанских правоведов по вопросам реализации конституционно-правового законодательства, содержащие концептуальные толкования понятий отдельных институтов слышащего государства: С.З. Зиманова, Г.С. Сапарғалиева, М.Т. Баймаханова, С.С. Сартанова, Д.М. Баймахановой, Ж.Н. Байшева, О.К. Копабаяева, А.К. Котова, В.А. Малиновского, Э.Б. Мухамеджанова, С.К. Амандыковой, А.С. Ибраевой [14] и др.

Некоторые теоретические вопросы становления и развития слышащего государства освещают диссертационные исследования о проблемах эффективности управленческой деятельности акимов сельских территорий – Е.А. Садырбаева [15], о культурном пространстве цифрового поколения – Д.Р. Сапаровой [16], о праве граждан на обращение в органы государственной власти – А.А. Титова [17], о проблемах развития институтов непосредственной демократии – К.С. Ахметовой [18], о практических проблемах отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти – Л.Н. Верещагиной [19].

Практические вопросы реализации слышащего государства подробно рассмотрены в методическом пособии Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан «Послание Президента Республики Казахстан К.К. Токаева «Казахстан в новой реальности: время действий» [20].

Несомненный интерес представляет небольшое исследование «Работает ли в Казахстане слышащее государство?» члена общественного совета города Алматы М. Шибутова, который направил восемь писем в различные казахстанские ведомства и проанализировал кто, когда и как ему ответил [21].

В процессе анализа источников по вопросам слышащего государства нами отмечено большое количество материалов научной публицистики в период 2019-2021 годы, в т.ч. таких как: Концепция «слышащее государство»: от слов к действию (июнь, 2020) [22], Как включить «слышащее государство» (февраль, 2021) [23], «Слышащее государство» – полноправный диалог общества и власти (январь, 2021) [24], Почему Казахстану важно стать «слышащим государством»? (октябрь, 2020) [13], «Слышащее государство» - формула эффективного управления (март, 2020) [4].

При выполнении дипломной работы нами была проведена масштабная работа по поиску исходных материалов. Так, в поисковой строке браузера Google по запросу «слышащее государство» было найдено 116 000 упоминаний, изучение источников показало, что специальных науч-

ных исследований в интересующей нас сфере нет. В фондах Республиканской научно-технической библиотеки, Национальной библиотеки РК, и научной библиотеки Казахского национального университета им. аль-Фараби научные труды по вопросам слышащего государства также не были обнаружены. При детальном изучении различных источников, мы пришли к выводу о том, что на настоящий момент в юридической литературе отсутствуют диссертационные и монографические исследования становления и развития слышащего государства в Казахстане. Не являлось предметом специальных научных исследований слышащее государство и в смежных научных отраслях – политологии, социологии, теории государства и права, истории государства и права.

Методологической основой данной работы выступает эмпирический метод получения знаний. Он включает в себя наблюдение, формулирование гипотез, проверка выводов, сделанных из гипотез, уточнение или исключение гипотез на основе исследования. Это принципы научного метода, применимые ко всем научным исследованиям.

Будем исходить из тезиса сравнительного правоведения как метода исследования различных правовых явлений. Благодаря применению сравнительного метода стало возможным выявить общее и особенное в современных мировых правовых системах.

Отличительной чертой теории сравнительного правоведения как метода юридической науки является то, что она играет важную роль в толковании правовых норм, относящихся к различным правовым системам, а также в адаптации одной социально-правовой системы к другой. Некоторые компаративисты склонны рассматривать применимость сравнительного правоведения как инструмент для более глубокого понимания правовых данных, тогда как такие цели сравнительного правоведения, как правовая реформа и толкование законов, рассматриваются как второстепенные или второстепенные в сравнительно-правовых исследованиях.

Другая точка зрения состоит в том, что сравнительное правоведение – это философское направление, представляющее собой сравнительное исследование концептуальных понятий, составляющих институциональную основу одной или нескольких правовых систем. Роль сравнительного правоведения в данном случае состоит в построении методологической основы философии права и выполнении информационной функции.

В юриспруденции, как и в других дисциплинах, все чаще требуются междисциплинарные исследования. Мы исходим из того, что исследо-

вания, выходящие за рамки дисциплинарных границ, приведут к более интегрированному научному представлению. Конституционное право не избежало этой общей тенденции. Фактически, продвижение мульти-, междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований рассматривается как стратегическая цель юридической науки.

Таким образом, в данной работе нами применены следующие методы: общенаучный диалектический метод познания; метод социокультурного анализа; формально-догматический метод; герменевтический метод; историко-правовой метод; сравнительно-правовой метод; правосociологический метод; метод правовой статистики; метод правового прогнозирования; метод правовой кибернетики.

Основная часть. Учитывая новизну категории «слышащее государство», отсутствие подобных категорий в конституционной науке, перед нами стоит задача раскрыть понятие и принципы слышащего государства, рассмотреть его соотношение демократическим, правовым, социальным государством.

Избрание в 2019 г. нового Президента Казахстана ознаменовало собой коренной перелом для казахстанского государства. Сейчас конституционалисты имеют возможность проанализировать и оценить, как государственные институты перешли на следующий этап развития. При Елбасы - Лидере нации Назарбаеве страна из советской республики с устаревшей экономической моделью превратилась в значимого глобального игрока, привлекающего значительные иностранные инвестиции в свои природные ресурсы. Однако, необходимо признать, что принцип «сначала экономика, потом политика» означал, что в предыдущее время политические реформы отошли на второй план [26].

Сегодня, как отечественные ученые, так и международные эксперты вынуждены признать, что Казахстан не смог создать независимую судебную систему, работоспособный парламент и пользующуюся доверием Конституцию, – т.е. те институты, которые поддерживали бы стабильное развитие страны [27]. Растет протестное настроение населения. Размах, требования и демография протестов последних лет демонстрируют масштаб задач, которые необходимо решить в ближайшее время.

Первоочередной задачей становится введение прозрачного и инклюзивного институционального управления, без которого невозможно преодолеть пропасть между населением и правящей элитой.

В рамках мер по решению указанной задачи, стало принятие концепции «Слышащего государ-

ства». Впервые она была озвучена Президентом Токаевым в Послании народу Казахстана 2019 г. «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» [2]. Основной посыл концепции слышащего государства – усиление коммуникации и оперативное взаимодействие между государством и гражданским обществом.

Рассмотрим более подробно, почему так важно реализовать слышащее государство в Казахстане. Многие проблемные моменты в функционировании государственного аппарата возникают как следствие отсутствия обратной связи между населением и чиновниками. В качестве примера можно привести конфликт 2018 г. по поводу несправедливого присуждения грантов на научные исследования. Напомним, конкурс на грантовое финансирование по научным на 2018 - 2020 годы проводило Министерство образования и науки Республики Казахстан. Целью конкурса было заявлено выделение финансирования на проведение научных исследований, с тем чтобы повысить уровень научных исследований, научно-технический потенциал и конкурентоспособность казахстанских ученых [28].

Результат конкурса разочаровал молодых ученых Казахстана. Сначала появилось огромное количество возмущенных постов в соцсетях, затем на официальных страницах государственных органов [29]. Официальной реакции МОН РК не последовало, тогда сообщество молодых ученых обратилось к Главе государства. Представители научного сообщества высказывали опасения, что отсутствие поддержки молодых ученых, которые признаны на международном уровне, может привести к «утечке мозгов», и впоследствии государство будет выделять финансирование на приглашение ученых из-за границы [30]. Конфликт так и не был разрешен, результаты конкурса не пересмотрели, на авторитет национальных научных советов никто не посягнул.

С приходом нового руководства в профильное министерство, мы наблюдаем слышащее государство в действии. Так, создан Совет молодых ученых при МОН РК; сформирована команда молодых профессионалов; формируются информационные системы, которые исключают большинство негативных моментов; налажена эффективная обратная связь; грантовое финансирование исследований молодых ученых выделено в отдельный конкурс с 2020 г. [31].

При реальном воплощении концепции «слышащего государства» казахстанская наука имеет все шансы выйти на новый уровень, а со злоупотреблениями в финансировании науки возможно эффективно бороться. Слышащее государство

продемонстрирует, что цели чиновников и ученых идентичны – обеспечить прогресс страны.

Кстати, не случайно глава государства поручил чиновникам наладить коммуникационные каналы с населением и гражданским обществом посредством организации диалоговых площадок, а также активной работы в социальных сетях. В Администрации Президента для этих целей создан Отдел по контролю за рассмотрением обращений, что свидетельствует о важности фидбэка для Главы государства. Мы используем сленговое обозначение «обратной связи», поскольку именно это заимствование англо-саксонского слова «feedback» употребляется в официальных источниках и рекомендация государственным органам (глагол feed имеет исконное значение «кормить», а слово «back» означает «назад»), и в широком смысле означает ответную реакцию на какое-либо действие или событие [32]. К примеру, на многих сайтах фидбэк – это обратная связь с посетителями, когда они сообщают своё мнение или просьбу создателям ресурса, на онлайн-аукционе **фидбэк** — это отзыв покупателя о добросовестности продавца, и т.д.

Связанный с вышеуказанным примером работы слышащего государства – прозрачность процедур в принятии решений Национальным центром государственной научно-технической экспертизы. Разработка интернет-ресурса <https://is.ncste.kz/> привела к максимально открытой процедуре подачи, рассмотрения и принятия решений о финансировании научных проектов [33]. На ресурсе транслируются заседания национальных научных советов в режиме реального времени, записи заседаний ННС размещаются на сайте и на страницах в социальных сетях. Минимизированы личные «нерабочие» контакты членов ННС и ученых.

Таким образом, мы приходим к выводу, что слышащее государство – это такая организация политической власти, при которой государство и общество оперативно взаимодействуют, существует эффективная обратная связь, а значимые государственные вопросы решаются с учетом мнения населения и гражданского общества.

Считаем также, что слышащее государство – это одна из форм функционирования современного государства. Так, академик М.Т. Баймаханов на основе анализа понятий функционирование государства и функции государства, утверждает, что «сумма всех функций государства по своему содержанию несколько уже понятия – функционирование государства, а само государство не может быть монофункциональным, оно всегда полифункционально. Причем полифункциональность государства предполагает динамику развития его функций...» [34, с. 257].

Рассмотрим соотношение слышащего государства с демократическим, правовым, социальным государством.

Статья 1 Конституции основными характеристиками нашей страны называет демократическое, светское, правовое и социальное государство. В качестве основополагающих принципов деятельности Республики выступают политическая стабильность, общественное согласие, казахстанский патриотизм, экономическое развитие на благо всего народа Казахстана, решение самых важных вопросов жизни государства демократическими методами [35].

В официальном комментарии Конституции Республики Казахстан, опубликованном Конституционным советом Республики Казахстан, указано, что первая статья Конституции содержит два основополагающих начала:

1) использованием термина «утверждает» подчеркивается, что Республика Казахстан находится на этапе развития государства;

2) наша страна стремится развиваться по пути демократического, светского, правового и социального государства [36].

Демократические основы заложены в процедуры формирования и деятельности всех государственных органов - от Парламента до местного самоуправления. Созданы правовые условия для сотрудничества институтов государства и общества, развития политических партий и общественных движений.

Для установления правового государства республика максимально гарантирует осуществление конституционных прав и свобод человека и гражданина, гарантирует контроль выполнения конституционных обязанностей всеми государственными органами и должностными лицами.

Закреплены основополагающие социальные права, а основной задачей является формирование эффективной социальной политики и действенных механизмов обеспечения социальных прав.

Основополагающими принципами деятельности институтов государства и общества Конституция закрепила:

- принцип общественного согласия;
- принцип политической стабильности;
- принцип казахстанского патриотизма;
- принцип решения наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами.

Учитывая огромное количество определений «правовое», «демократическое», «социальное» государство разных авторов, обратимся к определениям из учебника «Теория государства и

права», рекомендованного Министерством образования и науки Республики Казахстан для студентов вузов [37].

Правовое государство – государство, которое своей основной целью ставит правовую защищенность прав и свобод личности и общества.

Социальное государство – государство, которое целенаправленно улучшает и защищает материальное благосостояние граждан, старается обеспечить человеку достойную жизнь,

утверждает в обществе принципы гуманизма и справедливости.

Демократическое государство – государство, где высшие органы власти избираются, где каждый может открыто выражать собственное мнение, где каждый гражданин может обратиться к государственным органам.

Соотношение понятий слышащее, социальное, демократическое, правовое государство приведено на рис. 1.

ГОСУДАРСТВО			
СОЦИАЛЬНОЕ	ПРАВОВОЕ	ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ	СЛЫШАЩЕЕ
целенаправленно улучшает и защищает материальное благосостояние граждан, старается обеспечить человеку достойную жизнь, утверждает в обществе принципы гуманизма и справедливости	своей основной целью ставит правовую защищенность прав и свобод личности и общества	высшие органы власти избираются, где каждый может открыто выражать собственное мнение, где каждый гражданин может обратиться к государственным органам	государство и общество оперативно взаимодействуют, существует эффективная обратная связь, а значимые государственные вопросы решаются с учетом мнения населения и гражданского общества

Рис. 1. Соотношение понятий слышащее, социальное, демократическое, правовое государство [Составлено авторами]

Так, проводятся выборы Президента, депутатов парламента, депутатов маслихатов (3,4). Действия государственных органов должны проводиться гласно, открыто (1,2,3,4). В случае нарушения прав, любой человек может обратиться в суд (2,4). Государство гарантирует каждому всестороннее развитие личности (1,4). Все правовые акты органов государственной власти должны соответствовать законам, не противоречить им (2,4). Нормативные акты, регулирующие наиболее важные сферы жизни общества, должны учитывать мнение населения (1,4).

Как видно из данной таблицы, все рассматриваемые понятия взаимосвязаны и в совокупности характеризуют функционирование современного государства.

Результаты и обсуждение. Проанализируем принципы социального, демократического,

правового государства. В целях данной работы, определяем принципы как основополагающие идеи, исходные положения, которые составляют основу формирования и функционирования государства.

Формирование принципов обуславливается следующими объективными и субъективными факторами:

- уровень развития культуры, науки, образования;
- нравственно-духовный потенциал общества;
- наличие/отсутствие стабильного механизма реализации правовых начал в деятельности государственных органов;
- степень освоения каждым гражданином права, как меры осознанной и ограниченной свободы [38, с. 87].

С позиции развития юридической науки, можно определить следующие принципы правового государства:

- *приоритет права* (синонимы - верховенство права, господство права, правление права) означает рассмотрение всех вопросов с позиций права, сочетание формально-регулятивных и общечеловеческих нравственных ценностей, идеологически-правовое обоснование всех решений государственных органов, наличие понятных материальных и процессуальных гарантий и процедур;

- *правовая защищенность человека и гражданина* означает, что право и государство производны от человека, взаимосвязь индивида и государства строится в рамках правовых отношений, при равенстве сторон и взаимной ответственности; выход за пределы правовых рамок может обернуться произволом, игнорированием нужд человека;

- *единство права и закона* означает, что любой нормативный акт должен быть правовым (не только по форме, но и по смыслу), должен соответствовать международно-правовым нормам, должен быть принят легитимным субъектом (законно избранным или назначенным) в рамках установленной процедуры;

- *правовое разграничение* означает, что различные ветви власти не могут быть сосредоточены в одних руках, должны быть разграничены и взаимодействовать на основе системы сдержек и противовесов (законодательная, избранная всенародно, - выражает суверенитет; исполнительная; производная от законодательной, - реализует законы, осуществляет оперативно-хозяйственную деятельность; судебная, являясь стержнем формирования правовой системы, - гарантирует восстановление нарушенных прав, справедливое наказание виновных);

- *взаимная ответственность государства и личности* означает, что государство, устанавливая свободу общества и личности, при не свободно от ограничений в своих решениях и действиях (принимая законы, государство берет на себя обязательства по обеспечению справедливости в отношениях с гражданами, определяет ответственность за действия своих должностных лиц);

- *политическая стабильность* обеспечивает устойчивое функционирование и согласованное взаимодействие институтов общества и государственного механизма в целом.

Наука конституционного права к принципам демократического государства относит:

- *признание народа как единственного источника власти* означает, что носителем суве-

ренитета является народ Казахстана, волеизъявление которого может выражаться непосредственно, либо через представителей (непосредственным выражением власти народа являются референдум и выборы, представительным - выборы депутатов парламента и маслихатов);

- *существование правового государства* означает, что государство своей основной целью ставит правовую защищенность прав и свобод личности и общества;

- *подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их выполнении* означает, что на выборах избранным признается кандидат или решение, собравшие большинство голосов избирателей;

- *разделение властей* означает организацию государственной власти, при которой она разделяется на законодательную, исполнительную и судебную, носителями которых являются самостоятельные органы государства (парламент, правительство, суды); при этом разделение властей не ограничивается распределением функций и полномочий, а предполагает равновесие между ними, с целью предотвращения сосредоточения всей полноты власти в одних руках; такое равновесие достигается системой «сдержек и противовесов», и выражается в возможности государственных органов сотрудничать и оказывать влияние друг на друга;

- *выборность и сменяемость основных органов государства* означает, что основные органы государственной власти сменяются посредством свободных (без опасения репрессий), справедливых (каждый голос - одинаковый вес), регулярных (в установленные законом промежутки) выборов процедур;

- *контроль общества над силовыми структурами* означает систему мер, принимаемых государственными и общественными институтами с целью обеспечения сложного и непрерывного социального процесса определения места и роли силовых структур в демократическом обществе, эффективность такого контроля определяется уровнем политической культуры общества, состоянием общественного сознания;

- *политический плюрализм* предполагает существование альтернативных источников информации, свободно конкурирующих между собой, которые выведены из-под правительственного контроля, существование разнообразных политических и общественных организаций, в т.ч., оппозиционных;

- *гласность* предполагает такую открытость деятельности органов государственной власти и политических институтов, при которой граждане информируются о важных решениях органов власти, имеют возможность принимать участие в

Таблица 1

Сравнительная таблица принципов социального, правового и демократического государства
[Составлена авторами]

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА	ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
приоритет права	признание народа как единственного источника власти	экономическая свобода
правовая защищенность человека и гражданина	правовая защищенность прав и свобод личности и общества	социальная справедливость и социальная солидарность общества
единство права и закона	подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их выполнении	участие граждан в управлении государственными и общественными делами
правовое разграничение	разделение властей, политический плюрализм, гласность	контроль общества над вооруженными силами
взаимная ответственность государства и личности	выборность и сменяемость основных органов государства	общественное согласие
политическая стабильность	контроль общества над силовыми структурами	социальная стабильность

обсуждении решений органов государственной власти в СМИ.

К принципам социального государства правовая наука относит следующие:

- *экономическая свобода* означает право граждан на свободный выбор любого вида деятельности в сфере наемного труда и предпринимательства, за исключением видов деятельности, противоречащих законодательству;

- *социальная справедливость и социальная солидарность общества*, которые могут быть обеспечены развитием коллективных видов собственности, путем перераспределения доходов от богатых к бедным (например, налоговых льгот и преференций), а также регулированием нагрузки трудоспособных членов общества с целью помощи менее трудоспособным;

- *участие граждан в управлении государственными и общественными делами* при социальном государстве означает возможность работников участвовать в управлении производством, повсеместное развитие системы социального и государственно-частного партнерства;

- *общественное согласие* обусловлено наличием в обществе различных разных взглядов, идей и убеждений у разных социальных, этнических и конфессиональных групп, которые могут порождать разногласия и конфликты, что, в свою очередь, может спровоцировать социальную и политическую нестабильность; необходимо обеспечивать равноправие, недопущения дискриминации усилиями институтов государства и общества;

- *социальная стабильность* обеспечивает устойчивое функционирование и согласованное взаимодействие институтов общества и государственного механизма в целом.

Как видим, принципы социального, правового и демократического государства во многом пересекаются. Для наглядности данного утверждения нами составлена таблица различных принципов (табл. 1).

На основе анализа принципов социального, правового и демократического государства, а также основополагающих принципов Республики Казахстан, можно выделить такие принципы слышащего государства как:

- *казахстанский патриотизм* – это осознание и реализация общности интересов граждан во всех сферах государственной и общественной жизни независимо от их социальных, национальных и других различий;

- *приоритет права (верховенство права, господство права, правление права)*;

- *правовая защищенность человека и гражданина*;

- *правовое разграничение (разделение властей, система сдержек и противовесов)*;

- *взаимная ответственность государства и личности*;

- *политическая и социальная стабильность*;

- *признание народа как единственного источника власти*;

- *подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их выполнении*;

- *контроль общества над силовыми структурами*;

- *гласность (транспарентность)*;

- *социальная справедливость и социальная солидарность общества*.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели теоретические основания слышащего государства, предложили авторское определение слышащего государства, осуществили сравнительное исследование принципов демократического, социального и правового государства, и на основе проведенного анализа вычленили принципы слышащего государства в Казахстане.

Вместе с тем, мы пришли к выводу, что категория «слышащее государство» не разработана в правовой науке. Необходима теоретическая разработка данного понятия для глубокого понимания закономерностей развития слышащего государства, выработки научно обоснованных рекомендаций по формированию модели государства, закрепленной в Конституции Республики Казахстан.

Список литературы:

[1] Чиркин В.Е. и др. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование. – М: Норма, 2011. – 656 с.

[2] Послание Главы государства народу Казахстана от 2 сентября 2019 года «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1900002019>

[3] Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий». - Электронный ресурс: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g

[4] Черных И. Слышащее государство - формула эффективного управления. – Электронный ресурс: https://www.lenta.inform.kz/ru/ekspertslyshaschee-gosudarstvo-formula-effektivnogo-upravleniya_a3562141

[5] Об утверждении Дорожной карты по усилению защиты прав ребенка, противодействию бытовому насилию и решению вопросов суици-

дальности среди подростков на 2020–2023 годы. - Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 марта 2020 года № 156 [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000156/info>

[6] Об утверждении Правил назначения и выплаты государственных пособий семьям, имеющим детей. - Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 5 мая 2015 года № 319 (в редакции приказа Министра труда и социальной защиты населения РК от 05 января 2020 № 1) [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011507>

[7] Об утверждении Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан. - Указ Президента Республики Казахстан от 27 августа 2020 года № 390. [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000390>

[8] О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан. - Закон Республики Казахстан от 25 мая 2020 года № 333-VI [Электронный ресурс]. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36271780

[9] Счетчик населения Казахстана. - Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения [Электронный ресурс]. <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>

[10] План нации - 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева от 20 мая 2015 года [Электронный ресурс]. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31977084

[11] О Национальном совете общественного доверия при Президенте Республики Казахстан. – Указ Президента РК от 17 июля 2019 года № 63 [Электронный ресурс]. https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-utverzhdanii-polozheniya-i-sostava-nacionalnogo-soveta-obshchestvennogo-doveriya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan

[12] Борисова С. Open Almaty: диалог власти и общества в действии [Электронный ресурс]. <https://qmonitor.kz/society/1261>

[13] Джаненова С. Почему Казахстану важно стать «слышащим государством»? [Электронный ресурс]. <https://vlast.kz/avtory/36231-rosemu-kazahstanu-vazno-stat-slyshasim-gosudarstvom.html>

[14] Ибраева А.С., Есетова С.К., Сейфуллина А.Б. Актуальные проблемы обеспечения транспарентности в деятельности государственных органов Республики Казахстан. - Вестник КазНУ. Сер. юридическая. – 2015. - № 4(76). - С. 60 - 67.

[15] Садырбаев Е.А. Повышение эффективности управленческой деятельности Акимов сельских территорий: дис. ... д-ра философии (PhD). – Астана: ЕНУ им. Гумилева, 2019. – 155 с.

[16] Сапарова Д.Р. Культурное пространство цифрового поколения: дис. д-ра философии (PhD). – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2020. – 139 с.

[17] Титов А.А. Право граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Университет прокуратуры РФ, 2019. – 220 с.

[18] Ахметова К.С. Проблемы развития институтов непосредственной демократии в Республике Казахстан (в контексте сравнения с Российской Федерацией): дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2017. – 180 с.

[19] Верещагина Л.Н. Практика отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти как форма социального контроля: дис. ... канц. соц. наук. – Ростов-н/Д.: Краснодарский ун-т МВД РФ, 2011. - 166 с.

[20] Послание Президента Республики Казахстан К.К. Токаева «Казахстан в новой реальности: время действий»: метод. пособие. – Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2020. – 176 с.

[21] Шибутов М. Работает ли в Казахстане слышащее государство? – Алматы, 2020 [Электронный ресурс]. <https://disk.yandex.kz/i/1XD6GLeJzbepFA>

[22] Нуршаихова Ж. Концепция «слышащее государство»: от слов к действию [Электронный ресурс]. <https://strategy2050.kz/ru/news/kontseptsiya-slyshashchee-gosudarstvo-ot-slov-k-deystviyu/>

[23] Абдулов А. Как включить «слышащее государство» [Электронный ресурс]. https://ratel.kz/outlook/kak_vkljuchit_slyshashee_gosudarstvo

[24] Ибраев А. «Слышащее государство» – полноправный диалог общества и власти [Электронный ресурс]. <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/slyshashchee-gosudarstvo---polnopravni-dialog-obshchestva-i-vlasti>

[25] Касимова Г. Некоторые аспекты исследования онлайн петиции как новой формы гражданского активизма. – Казахстан. – Спектр. – 2020. - № 4(96). – С. 76 - 83.

[26] Назарбаев Н.А. Конституция РК «не исчерпала своих возможностей» [Электронный ресурс]. <http://nomad.su/?a=3-200208300014>

[27] Бор А., Брауэр Б., Гулд-Дэвис Н. и др. Казахстан: испытание «транзитом власти». Доклад Chatham House. – Лондон: Королевский Институт Международных Отношений, 2019. – 173 с.

[28] Конкурс на грантовое финансирование по научным и (или) научно-техническим проектам

на 2018-2020 годы [Электронный ресурс]. <https://is.ncste.kz/competition/view/51>

[29] Ергалиев Г. Сетевые СМИ о скандальном распределении грантов на научные исследования [Электронный ресурс]. <https://zonakz.net/2018/02/12/nauku-v-kazaxstane-osoznanno-razrushayut/>

[30] Подробные комментарии и аналитика, подготовленные Комитетом науки МОН РК и АО НЦГНТЭ по итогам Первого грантового конкурса молодых ученых [Электронный ресурс]. <https://www.facebook.com/ncste.kz/posts/3023729774519952/>

[31] Конкурс на грантовое финансирование молодых ученых по научным и (или) научно-техническим проектам на 2020 - 2022 годы [Электронный ресурс]. <https://is.ncste.kz/competition/view/80>

[32] Лисовский Е. Фидбэк — что это такое? Определение, значение, перевод [Электронный ресурс]. <https://newslab.ru/article/262060>

[33] Ибраев А. «Слышащее государство» – полноправный диалог общества и власти. – Казахстанская правда. – 2019. – 4 окт. – С. 3.

[34] Баймаханов М.Т. Функции государства в современный период: понятие, содержание, классификация. Нормативно-правовой механизм осуществления функций государства // Баймаханов М.Т. Избр. тр. по теории государства и права. - Алматы: Әділет, 2003. - 708 с.

[35] Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года [Электронный ресурс]. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_

[36] Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий (под общ. ред. М.Т. Баймаханова, С.З. Зиманова, Г.С. Сапаргалиева, С.С. Сартаева) – Алматы: Раритет, 2010. – 400 с.

[37] Ибраева А.С., Есетова С.К., Ибраев Н.С., Сартаев С.А., Сейфуллина А.Б. Теория государства и права. – Алматы: Жети Жаргы, 2017. – 344 с.

[38] Баймаханов М.Т., Джусупова Г.С., Салимбаева Ж.Ч. Становление правового государства и конституционный процесс в Республике Казахстан. - Алматы: КазГЮА, 2001. - 287 с.

Spisok literatury:

[1] Chirkin V.E. i dr. Konstituciya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. – M: Norma, 2011. - 656 s.

[2] Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazahstana ot 2 sentyabrya 2019 goda «Konstruktivnyj obshchestvennyj dialog – osnova stabil'nosti i процветания Казахстана» [Elektronnyj resurs]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1900002019>

[3] Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazahstana ot 1 sentyabrya 2020 goda «Kazahstan v novoj real'nosti: vremya dejstvij». - Elektronnyj resurs: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g

[4] CHernyh I. Slyshashchee gosudarstvo - formula effektivnogo upravleniya. – Elektronnyj resurs: https://www.lenta.inform.kz/ru/ekspert-slyshashchee-gosudarstvo-formula-effektivnogo-upravleniya_a3562141

[5] Ob utverzhdenii Dorozhnoj karty po usileniyu zashchity prav rebenka, protivodejstviyu bytovomu nasiliyu i resheniyu voprosov suicidal'nosti sredi podrostkov na 2020–2023 gody. - Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 marta 2020 goda № 156 [Elektronnyj resurs]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000156/info>

[6] Ob utverzhdenii Pravil naznacheniya i vyplaty gosudarstvennyh posobij sem'yam, imeyushchim detej. - Prikaz Ministra zdavoohraneniya i social'nogo razvitiya Respubliki Kazahstan ot 5 maya 2015 goda № 319 (v redakcii prikaza Ministra truda i social'noj zashchity naseleniya RK ot 05 yanvary 2020 № 1) [Elektronnyj resurs]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011507>

[7] Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Respublike Kazahstan. - Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 27 avgusta 2020 goda № 390. [Elektronnyj resurs]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000390>

[8] O poryadke organizacii i provedeniya mirnyh sobranij v Respublike Kazahstan. - Zakon Respubliki Kazahstan ot 25 maya 2020 goda № 333-VI [Elektronnyj resurs]. https://online.zakon.kz/document/?-doc_id=36271780

[9] Schetchik naseleniya Kazahstana. - Departament po ekonomicheskim i social'nym voprosam OON: Otdel narodonaseleniya [Elektronnyj resurs]. <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>

[10] Plan nacii - 100 konkretnyh shagov po realizacii pyati institucional'nyh reform Glavy gosudarstva Nursultana Nazarbaeva ot 20 maya 2015 goda [Elektronnyj resurs]. https://online.zakon.kz/document/?-doc_id=31977084

[11] O Nacional'nom sovete obshchestvennogo doveriya pri Prezidente Respubliki Kazahstan. – Ukaz Prezidenta RK ot 17 iyulya 2019 goda № 63 [Elektronnyj resurs]. https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-utverzhdenii-polozeniya-i-sostava-nacionalnogo-soveta-obshchestvennogo-doveriya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan

[12] Borisova S. Open Almaty: dialog vlasti i obshchestva v dejstvii [Elektronnyj resurs]. <https://qmonitor.kz/society/1261>

- [13] Dzhanenova S. Pochemu Kazahstanu vazhno stat' «slyshashchim gosudarstvom»? [Elektronnyj resurs]. <https://vlast.kz/avtory/36231-pochemu-kazahstanu-vazhno-stat-slyshashchim-gosudarstvom.html>
- [14] Ibraeva A.S., Esetova S.K., Sejfullina A.B. Aktual'nye problemy obespecheniya transparentnosti v deyatel'nosti gosudarstvennyh organov Respubliki Kazahstan. - Vestnik KazNU. Ser. yuridicheskaya. – 2015. - № 4(76). - S. 60 - 67.
- [15] Sadyrbaev E.A. Povyshenie effektivnosti upravlencheskoj deyatel'nosti Akimov sel'skih territorij: dis. ... d-ra filosofii (PhD). – Astana: ENU im. Gumileva, 2019. – 155 s.
- [16] Saparova D.R. Kul'turnoe prostranstvo cifrovogo pokoleniya: dis. d-ra filosofii (PhD). – Almaty: KazNU im. Al'-Farabi, 2020. – 139 s.
- [17] Titov A.A. Pravo grazhdan Rossijskoj Federacii na obrashchenie v organy gosudarstvennoj vlasti: konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. – M.: Universitet prokuratury RF, 2019. – 220 s.
- [18] Ahmetova K.S. Problemy razvitiya institutov neposredstvennoj demokratii v Respublike Kazahstan (v kontekste sravneniya s Rossijskoj Federaciej): dis. ... kand. jurid. nauk. – M.: MGU im. Lomonosova, 2017. – 180 s.
- [19] Vereshchagina L.N. Praktika otstaivaniya interesov grazhdan cherez obrashcheniya v organy gosudarstvennoj vlasti kak forma social'nogo kontrolya: dis. ... kanc. soc. nauk. – Rostov-n/D.: Krasnodarskij un-t MVD RF, 2011. - 166 s.
- [20] Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan K.K. Tokaeva «Kazahstan v novoj real'nosti: vremya dejstvij»: metod. posobie. – Nur-Sultan: Kazahstanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente RK, 2020. – 176 s.
- [21] SHibutov M. Rabotaet li v Kazahstane slyshashchee gosudarstvo? – Almaty, 2020 [Elektronnyj resurs]. <https://disk.yandex.kz/i/1XD6GLeJzbepFA>
- [22] Nurshaihova ZH. Konceptsiya «slyshashchee gosudarstvo»: ot slov k dejstviiyu [Elektronnyj resurs]. <https://strategy2050.kz/ru/news/kontseptsiya-slyshashchee-gosudarstvo-ot-slov-k-deystviyu/>
- [23] Abdulov A. Kak vkljuchit' «slyshashchee gosudarstvo» [Elektronnyj resurs]. https://ratel.kz/outlook/kak_vkljuchit_slyshashchee_gosudarstvo
- [24] Ibraev A. «Slyshashchee gosudarstvo» – polnopravnyj dialog obshchestva i vlasti [Elektronnyj resurs]. <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/slyshashchee-gosudarstvo---polnopravnii-dialog-obshchestva-i-vlasti>
- [25] Kasimova G. Nekotorye aspekty issledovaniya onlajn peticii kak novoj formy grazhdanskogo aktivizma. – Kazahstan. – Spekr. – 2020. - № 4(96). – S. 76 - 83.
- [26] Nazarbaev N.A. Konstituciya RK «ne ischerpala svoih vozmozhnostej» [Elektronnyj resurs]. <http://nomad.su/?a=3-200208300014>
- [27] Bor A., Brauer B., Guld-Devis N. i dr. Kazahstan: ispytanie «tranzitom vlasti». Doklad Chatham House. – London: Korolevskij Institut Mezhdunarodnyh Otnoshenij, 2019. – 173 s.
- [28] Konkurs na grantovoe finansirovanie po nauchnym i (ili) nauchno-tekhničeskim proektam na 2018-2020 gody [Elektronnyj resurs]. <https://is.ncste.kz/competition/view/51>
- [29] Ergaliev G. Setevye SMI o skandal'nom raspredelenii grantov na nauchnye issledovaniya [Elektronnyj resurs]. <https://zonakz.net/2018/02/12/nauku-v-kazaxstane-osoznanno-razrushayut/>
- [30] Podrobnye kommentarii i analitika, podgotovlennye Komitetom nauki MON RK i AO NCGNTE po itogam Pervogo grantovogo konkursa molodyh uchenyh [Elektronnyj resurs]. <https://www.facebook.com/ncste.kz/posts/3023729774519952/>
- [31] Konkurs na grantovoe finansirovanie molodyh uchenyh po nauchnym i (ili) nauchno-tekhničeskim proektam na 2020 - 2022 gody [Elektronnyj resurs]. <https://is.ncste.kz/competition/view/80>
- [32] Lisovskij E. Fidbek — chto eto takoe? Opredelenie, znachenie, perevod [Elektronnyj resurs]. <https://newslab.ru/article/262060>
- [33] Ibraev A. «Slyshashchee gosudarstvo» – polnopravnyj dialog obshchestva i vlasti. – Kazahstanskaya pravda. – 2019. – 4 okt. – S. 3.
- [34] Bajmahanov M.T. Funkcii gosudarstva v sovremennyj period: ponyatie, sodержanie, klassifikaciya. Normativno-pravovoj mekhanizm osushchestvleniya funkcij gosudarstva // Bajmahanov M.T. Izbr. tr. po teorii gosudarstva i prava. - Almaty: Ədilet, 2003. - 708 s.
- [35] Konstituciya Respubliki Kazahstan. Prin'yata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda [Elektronnyj resurs]. http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
- [36] Konstituciya Respubliki Kazahstan. Nauchno-praktičeskij kommentarij (pod obshch. red. M.T. Bajmahanova, S.Z. Zimanova, G.S. Sapargaliev, S.S. Sartaeva) – Almaty: Raritet, 2010. – 400 s.
- [37] Ibraeva A.S., Esetova S.K., Ibraev N.S., Sartaev S.A., Sejfullina A.B. Teoriya gosudarstva i prava. – Almaty: ZHeti ZHargy, 2017. – 344 s.
- [38] Bajmahanov M.T., Dzhusupova G.S., Salimbaeva ZH.CH. Stanovlenie pravovogo gosudarstva i konstitucionnyj process v Respublike Kazahstan. - Almaty: KazGYUA, 2001. - 287 s.

КОЛЕСНИКОВ Андрей Владимирович,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: kaviras@yandex.ru
SPIN-код: 9341-0234,
scopus ID: 56539396100,
orcid: 0000-0001-6882-9286

СПЕЦИФИКА СТАТУСА ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА У МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕПУТАТА И СЛУЖАЩЕГО: ОТРАСЛЕВЫЕ ПОДХОДЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ УНИФИКАЦИИ

Аннотация. Актуальность темы исследования вызвана многозначностью подходов к понятию «правовой статус должностного лица» и его характеристикам. Наличие у депутатов и муниципальных служащих статуса должностного лица прямо из законодательства не вытекает. Это дает свободу судебному усмотрению. Исследуется наличие статуса должностного лица у муниципального служащего и депутата представительного органа муниципального образования. Сравниваются судебные решения. Предлагается применение советского опыта замещения должности муниципальной службы для определения статусных характеристик должностного лица. Предлагается изменение понятия «депутат». В работе акцентируется внимание на необходимости унификации юридической терминологии. Автор предложил создание на федеральном уровне пополняемого, утвержденного Государственной Думой РФ глоссария.

Ключевые слова: термин; муниципальный служащий; депутат; правовой статус; должностное лицо; представитель власти; организационно-распорядительные функции.

KOLESNIKOV Andrey Vladimirovich
Honorary Worker
of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative and Municipal Law Saratov State Law Academy

THE SPECIFICS OF THE STATUS OF AN OFFICIAL FOR A MUNICIPAL DEPUTY AND AN EMPLOYEE: SECTORAL APPROACHES AND THE NECESSITY FOR THEIR UNIFICATION

Annotation. The relevance of the research topic is due to the ambiguity of approaches to the concept of «legal status of an official» and its characteristics. The fact that deputies and municipal employees have the status of an official does not directly follow from the legislation. This gives freedom of judicial discretion. The article examines the status of an official for a municipal employee and a deputy of the representative body of the municipal formation. Court decisions are compared. It is proposed to use the Soviet experience of filling a municipal service position to determine the status characteristics of an official. It is proposed to change the concept of «deputy». The work focuses on the need to unify legal terminology. The author proposed the creation at the federal level of a glossary that was replenished and approved by the State Duma of the Russian Federation.

Key words: term; municipal employee; deputy; legal status; executive; government representative; organizational and administrative functions.

Современное законодательство России, в отличие, например, от Китая, где к 2015 г. было принято всего 242

закона, очень объемное. Данное обстоятельство вызывает необходимость наличия у правотворцев и правоприменителей соответствующего каче-

ственного образования и высокого уровня квалификации. В свою очередь нормативные правовые акты должны отвечать требованиям ясности и четкости. Это делает тематику терминологии в правовой системе России особенно актуальной.

«Для того чтобы закон мог успешно регулировать права и обязанности граждан и охранять их, необходимо, чтобы его терминология была прежде всего точной. Семантическая определенность является существенной особенностью термина: значение термина должно быть равным его понятийному содержанию, т.е. прямому и однозначному соотношению с обозначаемым явлением. Это обязательное требование» [1, с. 125]. В настоящее время однотипные по своей сущности категории в смежных публичных отраслях права зачастую регулируются с применением разных характеристик. Властные органы применяют такие нормы как удобно. В связи с этим, назрела необходимость унифицированных подходов к статусным качествам. Единственный способ достижения этой цели – закрепление семантического содержания термина в норме права с дальнейшей детализацией элементов правового статуса в содержании закона.

Особо значимым, имеющим высокую практическую ценность и направленность, является категория «правовой статус должностного лица». Современное законодательство не имеет соответствующего унифицированного понятия. Основные характеристики статуса должностного лица содержатся в примечании к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [11], примечании к ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) [3], в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [8]. Статья 2 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29.12.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14] также закрепляет ряд понятий, определяющих статус лиц, выполняющих в муниципальном образовании публичные функции. Среди них понятие должностного лица, лица занимающего муниципальную должность, депутата, выборного должностного лица и др. Федеральный закон от 02 марта 2007 № 25-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О муниципальной службе в Российской Федерации» [12] дополняет этот набор определений понятиями муниципальной должности муниципальной службы и муниципального служащего.

Исследование межотраслевых подходов к правовому положению депутата местного представительного органа и муниципального служащего, позволяет сделать вывод о неоднозначном понимании их статусных характеристик как должностных лиц.

Профессор Манохин В.М., характеризуя признаки служащего, отмечал: «служащий занимает (замещает) должность, заключающую и закрепляющую в себе предмет и параметры полномочий занимающего ее лица. Никто более, кроме служащего, должности не занимает» [4, с. 71]. Современное муниципальное законодательство стало иным. Например, депутат не является служащим, однако является лицом, замещающим муниципальную должность. Такой, не логичный для советской системы права силлогизм, стал типичным при формировании законодателем статусных характеристик. Среди муниципальных служащих только глава местной администрации является должностным лицом исходя из федерального законодательства. Статус других служащих, как должностных лиц, должен определяться в дополнительных актах. В каждом отдельном случае судья должен самостоятельно выявлять этот факт на основе всего правового массива. Для упрощения этой задачи можно было бы применить советский опыт. По мнению В.М. Манохина, при замещении технических должностей и части должностей специалистов, принимаемых без конкурсной процедуры, необходимо применять способ «зачисления на должность», оформляемый «административным актом (приказом и т.п.)». «При назначении на должность совершаются те же юридические действия, особенность имеет административный акт: он обращен, помимо названных лиц и подразделений, к тем лицам, которые войдут в подчинение назначаемого лица. Соответственно этому, круг лиц, замещающих должность по назначению, ограничивается контингентом руководителей (организаций и структурных подразделений)» [4, с. 80]. Иными словами приказ о зачислении необходимо издавать по отношению к лицам, замещающим должности у которых нет подчиненных, а приказ о назначении относится к руководителям, деятельность которых «связана с руководством трудовым коллективом... или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками» [8], т.е. выполняющим организационно-распорядительные функции. В этом случае сам по себе приказ будет административным актом, подтверждающим статус должностного лица.

Статус депутата представительного органа муниципального образования вот уже много лет порождает различные дискуссии. Современный депутат – это всего лишь «член представитель-

ного органа». Выполняя многие функции советского депутата, обладая определенной неприкосновенностью, современный депутат не имеет большинства его обязанностей. Его статус не внятен. Многое в нем зависит от муниципальных правовых актов, издаваемых самим представительным органом.

В этой связи интересна коллизия судебных мнений. В судопроизводстве по уголовным делам муниципальный депутат, как правило, признается должностным лицом. В них обвинительная позиция судебной власти налицо. Например, в 2007 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела в судебном заседании кассационные жалобы осужденного В., адвокатов Коростелевой Л.С. и Коршуновой Е.Г. на приговор Архангельского областного суда от 17 ноября 2006 года, по которому депутат, осуществляющий деятельность на не постоянной основе был осужден на 8 лет лишения свободы за получение взятки в крупном размере. Не смотря на доводы адвокатов о том, что депутат не является должностным лицом, приговор оставлен в силе, а кассационная жалоба не удовлетворена. В описательно-мотивировочной части Верховный Суд РФ указал, что «полномочия представительных органов местного самоуправления определяются уставами муниципальных образований и в этих муниципальных образованиях депутаты представительного органа местного самоуправления, обладающего правом принимать от имени местного населения обязательные решения, действующие на территории муниципального образования, по предметам, отнесенным уставом этого образования к его ведению, осуществляют законодательно-нормотворческую власть» [5]. Конституционный Суд РФ также допускает отнесение депутата (в том числе осуществляющего депутатскую деятельность на не постоянной основе) к категории должностных лиц при привлечении его к уголовной ответственности. По его мнению «пункт 1 примечаний к статье 285 и примечание к статье 318 УК Российской Федерации, взятые в нормативном единстве с законодательством о местном самоуправлении, означают, что депутат представительного органа муниципального образования может признаваться должностным лицом как представитель муниципальной власти» [6].

Другая позиция обнаруживается при выявлении судом обязанностей депутата (как должностного лица) рассматривать обращения граждан и давать ответы на них. В ст. 4 Федерального закона от 02 мая 2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [13] дается понятие должностного лица. Дефиниция практически ана-

логичная определениям УК РФ и КоАП РФ. Однако в этом случае суд депутата должностным лицом не признает. «В кассационном определении Новосибирского областного суда от 11 июля 2006 г. по делу № 33-2348 говорится, что законодательством не предусмотрена обязанность давать письменные ответы на обращения граждан, отсутствует ответственность депутата за непредставление ответа на обращение. По мнению суда, дача ответов на обращения граждан депутатами не предусмотрена, форма взаимоотношения депутата с избирателями заключается в отчетах перед избирателями округа о своей работе и информировании о своей работе через средства массовой информации» [15, с. 2205].

Считаем, именно неопределенность статуса таких лиц, дает свободу усмотрения органам судебной власти.

Между тем, для внесения статусной ясности, в информационном блоке понятия «депутат» вместо нынешнего определения необходимо закрепить (как и в ст. 1 Закона РСФСР от 30 октября 1990 «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР» [2]), что он на всей территории Российской Федерации является полномочным «представителем органа муниципальной власти и населения, проживающего на территории» муниципального образования, а в содержании закона отразить существенные характеристики такого статуса.

Представляется логичным предложения В.Ю. Туралина о «внесении изменений в п. 3 Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 02 августа 2001 г., № 576 [9], направленных на включение в содержание концепции законопроекта сведений об основных терминах и определениях, используемых в данном законопроекте» и о дополнении ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [7] частью «3.1, содержащую правила использования юридической терминологии в языке законов» [10, с. 19, 21]. Вместе с тем, введение только обязательности наличия терминологии в законе и правильности ее использования, вновь повлечет разрозненность и отсутствие унификации без официально утвержденного Государственной Думой РФ межотраслевого глоссария терминов, который будет использоваться при написании федеральных законов. Утвердив межотраслевой, постоянно пополняемый глоссарий, Государственная Дума РФ облегчит работу не только себе, но и судебной власти с другими правоприменителями.

Список литературы:

[1] Голованова В.Ф., Тихонова С.С. Роль терминов и профессионализмов в юридической практике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, – 2018, – № 5, – С. 122-127.

[2] Закон РСФСР от 30 октября 1990 «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, – 1990, – № 23, ст. 279.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1; Российская газета, № 41, 26 февраля 2021 г.

[4] Манохин В.М. Административное право России. Учебник / В.М. Манохин – Саратов: Ай Пи Эр Медиа. 2009. – 272 с. (Классика юридического образования).

[5] Определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2007 г. № 1-007-9 «Приговор по делу о получении взятки оставлен без изменения, поскольку выводы суда о доказанности вины осужденного в совершении преступления основаны на проверенных в судебном заседании доказательствах, действия осужденного квалифицированы правильно, наказание назначено соразмерно содеянному, с учетом данных о его личности, всех обстоятельств дела, а также с учетом влияния назначенного наказания на исправление, на условия жизни семьи» // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=118626637203271892461598871&cacheid=61480DA8B04217F443E3044375370505&mode=splus&base=ARB&n=39656&rnd=C7034CD17BA07B0754AD9D5D2C1F8B5C#1dzpooohkb67> (дата обращения: 06.03.2021).

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 01 июня 2010 г. № 885-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихорева Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 1 статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» – URL: – <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=124241377905206892334400537&cacheid=26173B0249CF29140AF0379832E3445C&mode=splus&base=LAW&n=102673&rnd=4C1370A76899BB925CDEBA9E228982B0#1p6tj1oghrq> (дата обращения: 07.03.2021).

[7] Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 15.12.2020) «О Регла-

менте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 1998. – № 7, ст. 801.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ, – декабрь 2009. – № 12.

[9] Постановление Правительства РФ от 02 августа 2001 № 576 (ред. от 13.03.2015) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 2001, – № 32, ст. 3335.

[10] Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дисс... докт. юрид. наук: 12.00.01. Белгород. 2017. – 437 с.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954; 2021, – № 1 (часть I), ст. 64.

[12] Федеральный закон от 02 марта 2007 № 25-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 2007, – № 10, ст. 1152; 2020, – № 31 (часть I), ст. 5027.

[13] Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 2006, – № 19, ст. 2060; 2018, – № 53 (часть I), ст. 8454.

[14] Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29.12.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, – 2003, – № 40, ст. 3822; 2020, – № 52 (часть 1), ст. 8591.

[15] Шугрина Е.С. Особенности уголовной и административной ответственности депутата представительного органа муниципального образования: взгляд с позиции конституционного и муниципального права // Актуальные проблемы российского права. М.: Изд-во МГЮА. – 2014. – № 10 (47). – С. 2204–2211.

Spisok literatury:

[1] Golovanova V.F., Tikhonova S.S. Rol' terminov i professionalizmov v iuridicheskoi praktike // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. N. Novgorod, – 2018, – № 5, – S. 122-127.

[2] Закон RSFSR от 30 октября 1990 «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов RSFSR» // Ведомости СНД RSFSR и ВС RSFSR, – 1990, – № 23, ст. 279.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-FZ (ред. от 24.02.2021) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 2002, – № 1 (ч. 1), ст. 1; *Российская газета*, № 41, 26 февраля 2021 г.

[4] Манокhin В.М. *Административное право России*. Учебник / В.М. Манокhin – Саратов: Ай Пи Эр Медиа. 2009. – 272 с. (Классика юридического образования).

[5] Определение Верховного Суда РФ от 29 марта 2007 г. № 1-о07-9 «Приговор по делу о получении взятки оставлен без изменения, поскольку выводы суда о доказанности вины осужденного в совершении преступления основаны на проверенных в судебном заседании доказательствах, действия осужденного квалифицированы правильно, наказание назначено соразмерно содеянному, с учетом данных о его личности, всех обстоятельств дела, а также с учетом влияния назначенного наказания на исправление, на условия жизни семьи» // *СПС «КонсультантПлюс»* – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=118626637203271892461598871&cacheid=61480DA8B04217F443E3044375370505&mode=splus&base=ARB&n=39656&rnd=C7034CD-17BA07B0754AD9D5D2C1F8B5C#1dzpooohk67> (дата обращения: 06.03.2021).

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 01 июня 2010 г. № 885-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихорева Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями primechanii к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 1 статьи 2 Федерального закона «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *СПС «КонсультантПлюс»* – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=124241377905206892334400537&cacheid=26173B0249CF29140AF0379832E3445C&mode=splus&base=LAW&n=102673&rnd=4C1370A76899BB925CDEBA9E228982B0#1p6tj1oghrg> (дата обращения: 07.03.2021).

[7] Постановление GD FS RF от 22 января 1998 г. № 2134-II GD (ред. от 15.12.2020) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 1998, – № 7, ст. 801.

[8] Постановление Plenuma Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // *Биulleten' Верховного Суда РФ*, – декабрь 2009, – № 12.

[9] Постановление Правительcтва РФ от 02 августа 2001 № 576 (ред. от 13.03.2015) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 2001, – № 32, ст. 3335.

[10] Туранин В.И. *Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование)*: дис... докт. юрид. наук: 12.00.01. Белгород. 2017. – 437 с.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-FZ (ред. от 30.12.2020) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 1996, – № 25, ст. 2954; 2021, – № 1 (часть I), ст. 64.

[12] Федеральный закон от 02 марта 2007 № 25-FZ (ред. от 31.07.2020) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 2007, – № 10, ст. 1152; 2020, – № 31 (часть I), ст. 5027.

[13] Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-FZ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 2006, – № 19, ст. 2060; 2018, – № 53 (часть I), ст. 8454.

[14] Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-FZ (в ред. от 29.12.2020 г.) «Об основных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // *Собр. законодательства Рос. Федерации*, – 2003, – № 40, ст. 3822; 2020, – № 52 (часть I), ст. 8591.

[15] Шугрина Е.С. *Особенности уголовной и административной ответственности депутата представительного органа муниципальной образования: взгляд с позиции конституционного и муниципального права* // *Актуальные проблемы российского права*. М.: Изд-во МГЛУА. – 2014. – № 10 (47). – С. 2204–2211.

АТАБЕКОВА Н.К.,
Кыргызский государственный
юридический университет (КГЮА),
Кыргызская Республика,
e-mail: mail@law-books.ru

БОЛОТБЕКОВА Э.К.,
Кыргызский государственный
юридический университет (КГЮА),
Кыргызская Республика,
e-mail: mail@law-books.ru

УРИСБАЕВА А.А.,
Казахский национальный
университет им аль-Фараби,
Республика Казахстан,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию закрепления института семьи в конституционной материи ряда современных государств. В ходе исследования авторы пришли к выводу о том, что в конституционном законодательстве большинства стран мира нашли отражение нормы о приоритетной защите интересов семьи. Конституционные положения определяют ориентиры для текущего законодательства и основные приоритеты семейной политики государства, что, безусловно, положительно скажется на всей правоприменительной и правореализационной практике.

Ключевые слова: конституция, семья, материнство, отцовство, детство, социальное государство, охрана и защита, государственная семейная политика.

АТАБЕКОВА N.K.,
Kyrgyz State University of Law (KGUA),
Kyrgyz Republic

BOLOTBEKOVA E.K.,
Kyrgyz State University of Law (KGUA),
Kyrgyz Republic

URISBAEVA A.A.,
Kazakh National University
named after al-Farabi,
the Republic of Kazakhstan

CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF THE FAMILY: A COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Annotation. The article is devoted to a comparative legal study of the consolidation of the institution of the family in the constitutional matter of a number of modern states. In the course of the study, the authors came to the conclusion that the constitutional legislation of most countries of the world reflects the norms on the priority protection of the interests of the family. The constitutional provisions determine the guidelines for the current legislation and the main priorities of the family policy of the state, which, of course, will have a positive effect on the entire law enforcement and law enforcement practice.

Key words: constitution, family, motherhood, fatherhood, childhood, welfare state, protection and protection, state family policy.

Семья, являясь основной ячейкой общества, выполняет в государстве и обществе важные социальные функции: естественно-биологическую (репродуктивную), жизнеохранительную, экзистенциальную, воспитательную, культурно-досуговую, психологическую и др. В результате выполнения данных функций семья выступает в роли поставщика человеческих ресурсов, которые, являясь гражданами соответствующего государства, участвуют потом в его дальнейшем строительстве, развитии и управлении. Государство же содействует выполнению указанных функций семьи посредством создания систем образования, здравоохранения, социальной защиты и др. В этом и заключается взаимосвязь семьи, общества и государства.

Выполнение семьей своих функций качественно и эффективно непосредственно зависит от организации защиты, охраны и поддержки со стороны государства. Вместе с тем, на жизнедеятельность семьи могут оказывать влияние также социально-экономические, геополитические, политические, природные, демографические, психологические и иные факторы, которые способствуют ослаблению действия государственных мер по ее охране и поддержке. В Докладе Министерства иностранных дел Российской Федерации «О поощрении и защите семейных ценностей на пространстве СНГ» было отмечено: «Для государств Содружества (СНГ) важной задачей является выработка эффективных организационно-правовых, экономических и информационно-просветительских мер по формированию благоприятных условий для создания семьи, охраны здоровья матери и ребенка, развития института усыновления, поддержки молодых родителей, заботы о старших поколениях» [1]. Соглашаясь с указанным мнением, считаем важным в данном ключе исследование конституционно-правовых аспектов регламентации семейно-правовых отношений, поскольку конституция, являясь основным законом государства, составляет правовую базу национального законодательства, определяет основные ориентиры государственной деятельности, закрепляет основы жизнедеятельности государства и общества.

Исследование конституционно-правовых основ какого-либо института предполагает необходимость обращения к сравнительно-правовому анализу его состояния, его регулирования в зарубежных странах, прежде всего к конституционному законодательству. Для проведения сравнительно-правового анализа в рамках исследования конституционно-правовой регламентации института семьи в качестве объекта были использованы конституции ряда зарубежных государств, а также стран СНГ.

Обратим внимание на Конституцию Германии, которая первая в мире провозгласила социальный характер государства. В ст. 6 Конституции Германии провозглашено: «Брак и семья находятся под особой охраной государственного порядка. Забота о детях и их воспитание являются естественным правом родителей и их преимущественной обязанностью. За их реализацией следит государственное сообщество. Дети могут быть отделены от своей семьи против воли лиц, уполномоченных на их воспитание, только на основании закона, если уполномоченные на воспитание лица не выполняют своих обязанностей или если дети по другим причинам находятся под угрозой остаться без надзора. Каждая мать имеет право на защиту и попечение общества. Внебрачным детям обеспечиваются в законодательном порядке такие же условия их физического и умственного развития и их положения в обществе, как и детям, родившимся в браке» [2]. Как видно, немецкий законодатель на конституционном уровне закрепил особое место семьи в Германии, при этом данная сфера находится под контролем государства: не только реализация права на семью, но и вытекающие из этого обязанности должны быть в равной степени реализованы. Кыргызстанский ученый С.М. Муратбекова отмечает, что еще одно примечательное правило, «непосредственно касающееся семьи, содержится в ст. 7: «Все школьное дело находится под надзором государства». Этот факт лишь подтверждает, что в Германии охрана и защита семьи и детей лежит на плечах государства и является приоритетной» [3, с. 36].

В Конституции Испании, которая также вслед за Германией провозгласила социальный характер государства, достаточно широко регламентированы брачно-семейные отношения. Так, ст. 18 Конституции гарантирует право на честь, личную и семейную тайну и на собственное имя; ст. 32 Конституции Испании эксплицитно закрепляет возможность брака между мужчиной и женщиной на основе полного юридического равноправия. Часть вторая данной статьи гласит: «2. Закон устанавливает формы брака, брачный возраст, правоспособность, необходимую для его заключения, права и обязанности супругов, причины и последствия расторжения брака» [4].

Более того, согласно ст. 39 «1. Органы публичной власти обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту семьи. 2. В равной мере органы публичной власти обеспечивают всестороннюю защиту детей, равных перед законом независимо от происхождения и независимо от гражданского состояния матерей. Закон способствует установлению отцовства. 3. Родители должны оказывать всяческую помощь своим

детям независимо от того, рождены они в браке или вне брака, в течение их несовершеннолетия и в других случаях, установленных законом. 4. Дети пользуются защитой, установленной в международных соглашениях, заключенных для охраны их прав» [4]. Данные положения испанской конституции свидетельствуют о приоритетах государства и высокой гарантированности охраны института семьи в Испании.

Кроме того испанский законодатель на конституционном уровне провозгласил в ст. 27 не только право каждого на обучение, но и гарантии органов публичной власти на право выбора родителями для своих детей религиозного и морального воспитания в соответствии с их собственными убеждениями. При этом «4. Начальное образование является обязательным и бесплатным. 5. Органы публичной власти гарантируют всем право на обучение посредством общего планирования образования с действенным участием всех заинтересованных секторов и создания образовательных центров. 6. За физическими и юридическими лицами признается свобода создания образовательных центров при соблюдении конституционных принципов» [4]. Как видно испанский законодатель на самом высоком уровне определил приоритеты социальной, в частности, семейной политики государства.

Как правило, преамбула конституции не содержит нормативных предписаний, а в торжественной форме определяет основные ценности и ориентиры развития государства. Однако преамбула Конституции Франции содержит нормативные предписания, при этом они касаются и семьи. Так преамбула гласит: «На другой день после победы, одержанной свободными народами над режимами, которые пытались поработить и унижить человеческую личность, французский народ вновь провозглашает, что всякое человеческое существо независимо от расы, религии и вероисповедания обладает неотъемлемыми и священными правами. Он торжественно подтверждает права и свободы человека и гражданина, освященные Декларацией прав 1789 г., и основные принципы, признанные законами Республики. Он провозглашает, кроме того, как особо необходимые в наше время следующие экономические, политические и социальные принципы: Закон гарантирует женщине во всех областях равные права с мужчиной... Нация гарантирует личности и семье необходимые условия для их развития. Она гарантирует всем, в частности ребенку, матери и престарелым трудящимся, охрану здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг. Нация гарантирует равный доступ детям и взрослым к образованию, к приобретению профессии и к культуре. Организация общественного бесплат-

ного и светского образования всех ступеней является долгом государства» [2]. Как видно, французский законодатель достаточно ясно закрепил гарантированность охраны семьи на конституционном уровне.

Привлекает внимание Япония, характеризующаяся особенно глубокими семейными традициями, почитанием старших. Конституция Японии 1947 г. является второй по счету. В конституции нашло закрепление широкий перечень прав и свобод: свобода слова, мысли, вероисповедания, собраний, ассоциаций, печати и «иных форм выражения мнений» (ст. 21). В ст. 24 Конституции Японии утверждается, что «Брак заключается только при взаимном согласии обеих сторон и существует при условии взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены. Законы в отношении выбора супруга, имущественных прав супругов, наследства, выбора местожительства, развода и других вопросов, связанных с браком и семьей, должны составляться исходя из принципа личного достоинства и равенства полов» [5]. Японский законодатель ясно и четко определил возможность брака между мужем и женой, а также принципы личного достоинства и равенства полов. Как видно, личное достоинство является одним из важных принципов создания брачных уз в Японии. Японский законодатель не закрепил эксплицитно гарантии охраны института семьи. Однако в ст. 26 Конституция Японии закрепила равное право всех на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом. Конституция гласит «Все должны, в соответствии с законом, обеспечить прохождение обязательного обучения детьми, находящимися на их попечении. Обязательное обучение осуществляется бесплатно» [5].

В Конституции Румынии, которая провозглашена социальным государством, имеет место отдельная статья, которая так и называется «семья» и посвящена определению основных ориентиров государственной семейной политики. Так, в ст. 44 закреплены принцип обоюдного согласия супругов при заключении брака, принцип их равенства, ответственности родителей за детей, принцип законности бракосочетания, равенство прав детей рожденных в браке и вне брака. Наличие подобной статьи в конституции свидетельствует о приоритетном отношении к институту семьи румынского законодателя, важности для государства конституционного регулирования брачно-семейных отношений. Заслуживает внимания также то, что в ст. 45 румынский законодатель отдельно актуализировал внимание на охране детей и молодежи, что свидетельствует о приоритетах социальной политики государства,

которое на конституционном уровне закрепило гарантии защиты и охраны прав и свобод детей и молодежи.

Помимо этого в ст. 29 при утверждении свободы совести обнаруживается закрепление права родителей или опекунов обеспечивать, соответственно собственным убеждениям, воспитание несовершеннолетних детей, за которых отвечают [6]. В данной норме привлекает внимание наряду с провозглашением права родителей в сфере свободы совести по воспитанию детей, также ответственности за своих детей, что еще раз свидетельствует о приоритетах внутренней политики государства, конституируемого в качестве социального.

В Конституции Словении, также провозглашенной в качестве социального государства, нашли наиболее широкое закрепление нормы, посвященные защите и охране института семьи. Так, ст. 53 именуется «брак и семья» и закрепляет объекты, принципы семейной политики, основные права и обязанности родителей, права детей [7]. Статья 55 закрепляет свободу принятия решения о рождении ребенка, а ст. 56 – права детей, что свидетельствует об особой охране в Словении института детства.

В ст. 35 закреплена норма о защите частной жизни и прав личности. Закрепляя свободу совести в ст. 41 законодательство Словении, как и румынское, закрепило право родителей воспитывать детей в соответствии со своей верой и убеждениями [7]. Но вместе с тем, здесь закреплено и право ребенка на свободу совести и убеждений. Такое изобилие конституционно-правового регулирования сферы семьи свидетельствует о приоритетах внутренней государственной семейной политики Словении.

Восемь из 12 стран Содружества Независимых Государств провозглашены в качестве социального государства, и в этих государствах, безусловно, обнаруживаются нормы, направленные на охрану семьи, частной жизни, ответственности родителей за детей. Так, в ст. 32 Конституции Беларуси достаточно подробно отражены векторы государственной семейной политики: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях. Родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Ребенок не должен подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред его физическому, умственному или нравственному развитию. Дети обязаны

заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь. Дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если родители или другие лица, их заменяющие, не выполняют своих обязанностей. Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья. Молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии» [8]. Как видно, в белорусской конституции относительно широко регламентированы брачно-семейные отношения, что обуславливает наибольшую гарантированность охраны института семьи, материнства, отцовства и детства.

В Конституции РФ, провозглашенной социальным государством, достаточно лаконично отражены положения, направленные на охрану семьи: в ст. 38 записано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» [Конституция Российской Федерации].

Заслуживает внимания то, что в ст. 39 социальное обеспечение наряду с жизненными рисками гарантируется также для воспитания детей. Кроме того в ходе последней конституционной реформы, проведенной в России 1 июля 2020 г., ст. 72 в ч. 1 дополнена новым п. «ж1»), которым в совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации наряду с другими вопросами введено «ж 1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [9], что свидетельствует об актуализации государственной семейной политики на самом высоком уровне.

В Конституции Таджикистана, конституируемого в качестве социального, имеются две статьи, посвященные охране семьи, материнства, детства. Так, согласно ст. 33 «Семья как основа общества находится под защитой государства. Каждый имеет право на создание семьи. Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право

свободно вступать в брак. В семейных отношениях и при расторжении брака супруги равноправны. Многобрачие запрещается» [10].

В ст. 34 закреплено особое место в государстве матери и ребенка, а также принцип взаимной ответственности родителей и детей. Кроме того, закреплена обязанность государства по защите детей-сирот и инвалидов.

Конституция Армении, провозглашающая социальный характер государства, подобно другим «социальным» по конституции государствам утверждает человека, его достоинство, основные права и свободы высшей ценностью. Более того, она закрепляет наиболее важное положение, обеспечивающее охрану прав человека: ограничение государства основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом. Эти положения, безусловно, определяют охрану семьи, семейных отношений, закрепление этих положений в конституции. Так, ст. 35 гласит: «Семья является естественной и основной ячейкой общества. Женщина и мужчина, достигшие брачного возраста, при своем свободном волеизъявлении имеют право на вступление в брак и создание семьи. При вступлении в брак, в супружеской жизни и при расторжении брака они пользуются равными правами. Запрещается увольнение с работы по причинам, связанным с материнством. Каждая работающая женщина в случае беременности и родов имеет право на оплачиваемый отпуск и отпуск по уходу за новорожденным ребенком или отпуск для усыновления ребенка» [11].

В ст. 36 Конституции армянский законодатель закрепил права и обязанности, принцип взаимной ответственности родителей и детей [11].

Украина, утверждающая себя социальным государством в ст. 32 провозглашает принцип суверенности личной и семейной жизни, в ст. 48 - право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилище. В ст. 51 закреплён принцип добровольности брачных отношений, принцип равенства супругов, принцип взаимной ответственности родителей и детей. Следует отметить, что в ст. 52 законодатель закрепил отдельно права ребенка, что имеет целью установление конституционной защиты и охраны детей [12].

Конституция Грузии провозглашает Грузию социальным государством в преамбуле и в ст. 5 Конституции. Провозглашая в ст. 5 социальное государство, грузинский законодатель закрепил гарантии человека в социальной сфере, в частности, по защите благосостояния его семьи; по утверждению заботы государства о физическом воспитании детей и молодежи и их вовлечении в

спорт [13]. Личная и семейная жизнь человека неприкосновенны, гласит Конституция Грузии в ст. 15. А в ст. 30 зафиксированы право на брак, права матерей и детей: «1. Брак как союз, в который женщина и мужчина вступают с целью создания семьи, основывается на равноправии и доброй воле супругов. 2. Права матерей и детей охраняются законом» [13].

Конституция Кыргызской Республики провозглашает государство наряду с другими определениями социальным, правовым. Последняя конституционная реформа, проведенная в Кыргызстане, не только сохранила данное положение, но и существенно дополнила социальные нормы в Основном законе государства. Что же касается положений, определяющих ориентиры государственной семейной политики, то они отражены в трех статьях. Так, в главе «Социально-экономические основы конституционного строя» имеет место ст. 20, закрепляющая: «1. Семья – основа общества. Семья, отцовство, материнство и детство находятся под охраной общества и государства. 2. Уважение и забота об отце, матери – священный долг детей. 3. Дети – важнейшая ценность Кыргызской Республики. Государство, создавая условия, способствующие полноценному духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитывает в них патриотизм и гражданственность» [14]. Следует отметить, что в предыдущих редакциях Конституции КР отсутствовали положения, определяющие детей в качестве важнейшей ценности и закрепляющие гарантии государства по их развитию. Новеллой также является утверждение уважения и заботы об отце, матери в качестве священного долга детей, что значительно повышает нравственно-этическую ценность конституционных положений.

В главе «Личные права и свободы» отражены 2 статьи, посвященные регламентации брачно-семейных отношений, а также защите ребенка: ст. 26 закрепляет принципы добровольности, взаимности брака между мужчиной и женщиной, принципы равенства супругов, взаимной ответственности родителей и детей; ст. 27 закрепляет принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, право ребенка на достойную жизнь, ответственность родителей, а также государственные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [14].

Конституция Республики Казахстан, как и конституции многих государств, провозглашает, что брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 27) [15]. Данные институты, обеспеченные таким образом конституционной защитой, находят развитие затем в текущем законодательстве, в госу-

дарственных программных документах, а также институционализации. Так, в 2016 г. была разработана и принята Концепция семейной и гендерной политики в Республики Казахстан до 2030 г. в качестве программного документа соотнесенная с задачами, определенными в Стратегии «Казахстан 2050» и пяти институциональных реформах. Она стала продолжением ранее принятой Стратегии гендерного равенства на 2006 - 2016 годы, разработанная по поручению главы государства на IV Форуме женщин РК в 2005 г. Правовую основу семейно-правовых отношений составляют нормы Конституции РК, Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье», Трудового кодекса РК, Гражданского кодекса РК, Закона РК «О правах ребенка» и др. В двух следующих частях ст. 27 Конституции РК закреплены взаимные социальные обязанности родителей и детей. При этом если забота о детях и их воспитание закрепляется в качестве и естественного права, и обязанности родителей, то в отношении нетрудоспособных родителей закреплена только обязанность заботиться совершеннолетних трудоспособных детей.

В конституциях других государств - участников СНГ, несмотря на отсутствие положения о социальности государства, имеет место положение об институте семьи.

Конституция Туркменистана в ст. 5 провозглашает Туркменистан государством, гарантирующим социальную защищенность каждого человека, что предполагает определенную социальность конституционно-правового регулирования, соответственно, наличие положений о семье. Так, в ст. 40 «семья, материнство, отцовство и детство провозглашаются находящимися под защитой государства. Мужчина и женщина по достижении брачного возраста имеют право по взаимному согласию вступить в брак и создать семью. Супруги в семейных отношениях равноправны. Родители или заменяющие их лица имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии, обучении, готовить их к труду, прививать им культуру уважения к законам, историческим и национальным традициям. Совершеннолетние дети обязаны заботиться о родителях, оказывать им помощь. Государство создаёт условия для осуществления прав и свобод молодёжи и содействует её всестороннему развитию» [16]. В ст. 37 же закреплено право на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну.

В Конституции Узбекистана, на многие годы ставшего закрытым государством, в отличие от других конституций обнаруживается отдельная глава, посвященная институту семьи, что свидетельствует о приоритетах государства. В четырех статьях данной главы нашли отражение основные

положения, направленные на защиту и охрану семьи, брака, материнства, детства, принципы взаимной ответственности родителей и детей. Конституция Узбекистана провозглашает семью основной ячейкой общества, имеющей право на защиту общества и государства [17]. Известно, что в Узбекистане 1998 и 2012 гг. были объявлены Годом семьи, 2001 г. - Годом матери и ребенка, 2016 г. - Годом Здоровой матери и Здорового ребенка, что подчеркивает приоритеты государственной социальной политики Узбекистана.

В Конституции Молдовы, в ст. 28 **закреплены гарантии охраны** семейной и частной жизни. А в ст. 48, 49, 50 закреплены права, принципы, гарантии охраны семьи, материнства, детства [18].

Конституция Республики Азербайджан в разделе, устанавливающем основы конституционного строя, закрепила положение об охране института семьи. Так, в ст. 17 утверждается, что семья как основная ячейка общества находится под особой опекой государства [19]. В данной статье также нашли закрепление гарантии защиты детей: «II. Забота о детях и их воспитание являются долгом родителей. Государство осуществляет контроль за выполнением этого долга. III. Дети, не имеющие родителей или опекунов, лишенные родительской заботы, находятся на попечении государства. IV. Запрещается привлекать детей к деятельности, могущей представлять угрозу их жизни, здоровью или нравственности. V. Дети, не достигшие 15-летнего возраста, не могут быть приняты на работу. VI. Государство контролирует осуществление прав ребенка» [19].

Таким образом, в конституционном законодательстве большинства стран мира нашли отражение нормы о приоритетной защите интересов семьи. Конституционно-правовая регламентация института семьи способствует решению задачи укрепления семьи и семейных ценностей, что крайне важно в условиях кризиса института семьи, наблюдаемого практически во всех государствах. Конституционные положения определяют ориентиры для текущего законодательства и основные приоритеты семейной политики государства, что, безусловно, положительно скажется на всей правоприменительной и правореализационной практике.

В государствах, провозглашенных социальным, обнаруживаются положения, направленные на защиту и охрану семейных ценностей, института семьи и ее составляющих: материнства, отцовства, детства, что соответствует международным стандартам. При этом используются термины «особая охрана», «защита», «гарантии». Кроме того, конституционные положения по рассматриваемому вопросу отражаются в различных

частях конституции: в разделе, посвященном правам и свободам человека, в разделе, раскрывающем основы конституционного строя, и даже в преамбуле; отражаются в рамках одной статьи либо целой главы, содержащей несколько статей. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о приоритетах государственной семейной политики.

В конституциях государств - членов СНГ также имеет место конституционно-правовая регламентация защиты и охраны семьи, материнства, отцовства и детства. Кроме того, ориентиры семейной политики отражены в статьях, посвященных личной неприкосновенности, праву на образование, правам ребенка и др. В конституциях Беларуси, Узбекистана, Кыргызстана наиболее широко регламентированы вопросы защиты и охраны семьи, детей. Необходимо лишь создание действенного механизма реализации данных положений, что обеспечит интересы семьи в процессе общественного развития; будет способствовать созданию необходимых условий для реализации семьей социальных функций.

Список литературы:

- [1] Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О поощрении и защите семейных ценностей на пространстве СНГ» https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/4109071. - М., 2020.
- [2] Конституции зарубежных государств. - М.: Бек, 1996. - 406 с.
- [3] Муратбекова С.М. Правовые основы охраны и защиты семьи в конституциях зарубежных стран и стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник КГЮА. – Бишкек, 2016. - № 1. – С. 35 - 41.
- [4] Конституция Королевства Испания от 27 декабря 1978 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>
- [5] Конституция Японии 1947 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>
- [6] Конституция Румынии: принята Конституционной ассамблеей 21 ноября 1991, одобр. референдумом¹ и вступ. в силу 8 дек. 1991 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/romania.pdf>
- [7] Конституция Республики Словения: принята Скупщиной Республики Словения 25 июня 1991 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/slovenia.pdf>
- [8] Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на референдумах 24 ноябр. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. № 1. - Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>
- [9] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. Законами РФ о поправках к Конституции РФ по сост. на 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 14.04.2018).
- [10] Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: принята всенарод. референдумом 6 нояб. 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на референдумах 26 сент. 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г. - Режим доступа: https://www.tajikemb.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=58&Itemid=117.
- [11] Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]: в ред. Законов Республики Армения от 27.11.2005 г., 06.12.2015 г. - Режим доступа: http://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf
- [12] Конституция Республики Украина [Электронный ресурс]: принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 года № 254к/96-ВР: в ред. Законов Украины с изм. и доп. по сост. на 07.02.2019 г. № 2680-VIII). - Режим доступа: <https://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/>
- [13] Конституция Грузии [Электронный ресурс]: принята парламентом Республики Грузия 24 авг. 1995 г. № 786. - Режим доступа: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=33>
- [14] Конституция Кыргызской Республики. Изложена в Законе Кыргызской Республики «О Конституции Кыргызской Республики» от 5 мая 2021 г. № 59 [Электронный ресурс] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112215>
- [15] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=1247;-57/
- [16] Конституция Республики Туркменистан [Электронный ресурс]: в ред. Конст. законов Туркменистана с изм. и доп. по сост. на 09.10.2017 г. - Режим доступа: <http://infoabad.com/zakonodatelstvo-turkmenistana/konstitucija-turkmenistana-novaja-redakcija.html>
- [17] Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: принята 8 дек. 1992 г. на одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан двадцатого созыва: в ред. Законов РУ с изм. и доп. по сост. на 05.03.2019 г. № ЗРУ-527. - Режим доступа: <http://www.lex.uz/acts/35869> (дата обращения: 02.06.2018).

[18] Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]: принята 29 июля 1994 г.: в ред. Законов Респ. Молдова с изм. и доп. по сост. на 22.11.2018 г. № 255. - Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2>.

[19] Конституция Азербайджанской Республики. (1995, с изм. от 2016. Электронный ресурс. <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/>

Spisok literatury:

[1] Doklad Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii "O pooshchrenii i zashchite semejnyh cennostej na prostranstve SNG" https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/4109071. - М., 2020.

[2] Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv. – М.: Bek, 1996. - 406 s.

[3] Muratbekova S.M. Pravovye osnovy ohrany i zashchity sem'i v konstituciyah zarubezhnyh stran i stran SNG: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik KGYUA. – Bishkek, 2016. - № 1. – S. 35 - 41.

[4] Konstituciya Korolevstva Ispaniya ot 27 dekabrya 1978 goda. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf>

[5] Konstituciya Yaponii 1947 goda. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>

[6] Konstituciya Rumynii: prinyata Konstitucionnoj assambleej 21 noyabrya 1991, odobr. referendumom [i vstup. v silu 8 dek. 1991 g. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/romania.pdf>

[7] Konstituciya Respubliki Sloveniya: prinyata Skupshchinoj Respubliki Sloveniya 25 iyunya 1991 g. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/slovenia.pdf>

[8] Konstituciya Respubliki Belarus' [Elektronnyj resurs]: s izm. i dop., prinyatymi na resp. referendumah 24 noyabr. 1996 g. i 17 okt. 2004 g. № 1. - Rezhim dostupa: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

[9] Konstituciya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: s uchetom popravok, vnes. Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF po sost. na 21.07.2014 g. № 11-FKZ. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (data obrashcheniya: 14.04.2018).

[10] Konstituciya Respubliki Tadzhikistan [Elektronnyj resurs]: prinyata vsenarod. referendumom 6

noyab. 1994 g.: s izm. i dop., prinyatymi na referendumah 26 sent. 1999 g., 22 iyunya 2003 g. i 22 maya 2016 g. - Rezhim dostupa: https://www.tajikemb.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=58&Itemid=117.

[11] Konstituciya Respubliki Armeniya [Elektronnyj resurs]: v red. Zakonov Respubliki Armeniya ot 27.11.2005 g., 06.12.2015 g. - Rezhim dostupa: http://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf

[12] Konstituciya Respubliki Ukraina [Elektronnyj resurs]: prinyata na pyatoj sessii Verhovnoj Rady Ukrainy 28 iyunya 1996 goda № 254k/96-VR: v red. Zakonov Ukrainy s izm. i dop. po sost. na 07.02.2019 g. № 2680-VIII). - Rezhim dostupa: <https://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/>

[13] Konstituciya Gruzii [Elektronnyj resurs]: prinyata parlamentom Respubliki Gruzii 24 avg. 1995 g. № 786. - Rezhim dostupa: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=33>

[14] Konstituciya Kyrgyzskoj Respubliki. Izlozhena v Zakone Kyrgyzskoj Respubliki «O Konstitucii Kyrgyzskoj Respubliki» ot 5 maya 2021 g. № 59 [Elektronnyj resurs] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112215>

[15] Konstituciya Respubliki Kazahstan (prinyata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 23.03.2019 g.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=1247;-57/

[16] Konstituciya Respubliki Turkmenistan [Elektronnyj resurs]: v red. Konst. zakonov Turkmenistana s izm. i dop. po sost. na 09.10.2017 g. - Rezhim dostupa: <http://infoabad.com/zakonodatelstvo-turkmenistana/konstitucija-turkmenistana-novaja-redakcija.html>

[17] Konstituciya Respubliki Uzbekistan [Elektronnyj resurs]: prinyata 8 dek. 1992 g. na odinnadcatoy sessii Verhovnogo Soveta Respubliki Uzbekistan dvadcatogo sozyva: v red. Zakonov RU s izm. i dop. po sost. na 05.03.2019 g. № ZRU-527. - Rezhim dostupa: <http://www.lex.uz/acts/35869> (data obrashcheniya: 02.06.2018).

[18] Konstituciya Respubliki Moldova [Elektronnyj resurs]: prinyata 29 iyulya 1994 g.: v red. Zakonov Resp. Moldova s izm. i dop. po sost. na 22.11.2018 g. № 255. - Rezhim dostupa: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2>.

[19] Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki. (1995, s izm. ot 2016. Elektronnyj resurs. <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/>

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-113-116

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
профессор,
e-mail: professor60@mail.ru

САРБАЕВ Григорий Михайлович,
адвокат, общественный деятель,
член Европейской ассоциации юристов,
доктор права,
e-mail: Greg@zakonoved.com

ИВАНОВА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности»
Российского технологического университета – МИРЭА,
e-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В ходе развития, общества и государства, изменяется законодательство и правовая система в целом. Появляются новые сферы - социальные, экономические, политические, духовные отношения, большая часть из которых нуждается в регуляции. В современном обществе возникает множество правовых норм, которые должны войти в систему ныне существующего права, либо заменить его. Безусловно, все эти нормы нужно упорядочить, руководствуясь определёнными принципами, которые устанавливает сам законодатель. Для всех этих целей применяется систематизация законодательства.

Ключевые слова: законодательство, систематизация законодательства, норма права, государство, государственные органы.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
professor department of the civil and labor law,
civil process of the «Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation named after V.Y. Kikot», doctor of economics,
candidate of law, candidate of historical

SARBAYEV Grigory Mikhailovich,
lawyer, public figure, member of the European Association of Lawyers,
Doctor of Law

IVANOVA Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department "Legal Support of National Security"
of the Russian Technological University – MIREA

SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION AND ITS IMPORTANCE FOR IMPROVING LEGAL REGULATION

Annotation. In the course of development, society and the state, the legislation and the legal system as a whole are changing. New spheres are emerging - social, economic, political, spiritual relations, most of which need regulation. In modern society, there are many legal norms that should enter into the system of currently existing law, or replace it. Of course, all these norms need to be

streamlined, guided by certain principles that are established by the legislator himself. For all these purposes, the systematization of legislation is applied.

Key words: *legislation, systematization of legislation, rule of law, the state and public authorities.*

Систематизация законодательства - это деятельность в правовой сфере общества, направленная на создание или исправление сложившихся в праве какого-либо государства законов или подзаконных актов, с целью придания последним более комплексного, упорядоченного вида, а также исправления их содержания, для соответствия сложившимся общественным отношениям, данная деятельность направлена на эволюционное изменение правовой системы, на её совершенствование и развитие. **Современная систематизация законодательства** - это активная деятельность, направленная на упорядочение и совершенствование правовых норм различного действия. Чтобы лучше понимать, осознать систематизацию необходимо обозначить определённые черты, которые позволят ещё более чётко охарактеризовать данное явление.

Для систематизации законодательства можно выделить установленные черты этого явления, которые совершенно бы раскрыли сущность и смысл систематизации. Этими чертами можно назвать: - систематизация законодательства используется для работы с правовой сферой общества, целью этой работы является упорядочивание норм права и приведение нормативно-правовых актов в согласованную систему, нормы в которой могут иметь самое разное внешнее выражение, это может быть закон или подзаконный правовой акт; - систематизация законодательства является одним из инструментов органов государственной для регуляции общественных отношений; - систематизация законодательства выступает формой совершенствования действующего законодательства, она обеспечивает дальнейшее её развитие и оптимизацию [2].

Систематизация законодательства создаёт условия для удобства использования законодательства в юридической практике, позволяет разгрузить от ненужных и устаревших норм, включить или изменить необходимые законы. Системность законодательства отражает качественный уровень законодательства: его объективность и соответствие сложившимся общественным отношениям, его логическая взаимосвязанность, соподчинённость, упорядоченность, соответствующая закономерностям развития права и потребностям жизнедеятельности общества и государства.

Опыт западных стран в систематизации куда шире опыта России, поскольку в национальных правовых системах стран Европы наблюдается

большая степень преемственности по сравнению с Россией, которая за XX в. существенно меняла свои экономические, социальные и иные общественные отношения, которые влекли за собой и изменение правовой системы. Эти изменения существенно меняли всю правовую систему, опыт прошлого, почти что буквально, отрицался или не находил влияния на новую систему законодательства. Данная проблема актуальна для России и сейчас, поскольку в связи с изменившимися в очередной раз в корне общественными отношениями, появилась новая правовая система, которая многие положения прошлого отбрасывает как ненужные. Безусловно, у нас есть различные правовые акты, которые действовали и в РСФСР и СССР, они же действуют сейчас, но общественная жизнь тех лет крайне различна с современностью, поэтому эти акты активно устраняются, заменяются новыми. Возникает потребность в совершенно ином законодательстве. Россия, в отличие от западных стран, которые хоть и переживали различные общественные потрясения и изменения, влекущие изменения законодательства, каждый раз начинает заново [3, 4].

Такой отличный от нашего опыта, опыт западных стран обусловлен тем, что их глубинные экономические отношения, капиталистические отношения, их общественные институты не менялись так существенно последние несколько веков. В то время как Россия часто меняла свою экономическую и политическую модель. Это крайне важный фактор, который обуславливает гораздо больший опыт и высоту техники систематизации законодательства западных стран.

Например, Германия, ко времени объединения её в 1871 году, уже провела определённую работу в области систематизации законодательства. В 1848 году было унифицировано вексельное право, которое позже, в 1871 году, получило статус имперского закона. То есть, оно действовало на территории всей единой Германии [5].

В 1877 году были проведены работы по созданию единого гражданско-процессуального и уголовно-процессуального кодекса. В 1896 году принято Германское гражданское уложение. До его введения на территории Германии действовало порядка тридцати различных партикулярных правовых источников гражданского права.

По своему юридико-техническому качеству уложение существенно превосходило даже Кодекс Наполеона 1804 года [1], который на тот момент считался документом с крайне высоким

уровнем юридической техники, он сыграл существенную роль в Европейском опыте систематизации законодательства. Немецкие юристы смогли углубить, изучить и качественно улучшить римское право, поэтому Германское гражданское уложение строится не на институционной системе права, как Кодекс Наполеона, а по пандектной системе на манер Римского права. Главное отличие этих систем в том, что при пандектной системе при построении нормативно-правовых актов выделяется общая и особенная части, в то время как при институционной системе общая часть отсутствует, её заменяет краткий вводный титул об опубликовании, действии и применении законов.

За пример удачной систематизации законодательства можно взять и Кодекс Наполеона. Эта кодификация сумела включить в себя и грамотно интегрировать самое различное законодательства, став удачным компромиссом между многими источниками французского права тех лет: римское право, обычаи, королевские указы, революционное законодательство. Кодекс закреплял достижения Великой французской революции, отменял сословные привилегии и различия, установил равенство всех субъектов гражданских правоотношений.

Он лёг в основу нового буржуазного законодательства. Кодекс, с многочисленными изменениями и дополнениями, действует и сейчас. Он множество раз подвергался коренным переработкам, но так или иначе, многие его положения легли в основу действующего законодательства Франции. Кодекс Наполеона не стал первым, но он оказал огромное влияние на правовую мысль. К примеру, он стал главным источником рецепции права для стран Северной и Латинской Америки, Азии и Африки.

История систематизации законодательства в странах Европы гораздо более долгая, чем в России. В правовых системах этих стран наблюдается большая преемственность, поскольку даже сейчас действуют крайне старые кодексы, которые с многочисленными изменениями добрались до современности. Российское современное право в связи с распадом Советского Союза является крайне не столь преемственным и действующим долгое время по сравнению со странами Европы. Поэтому, в плане систематизации, они объективно лучше, их опыт гораздо дольше и шире опыта Российских законодателей.

На сегодняшний день существует огромное множество трактовок понятия систематизации законодательства. Каждый автор выделяет те признаки, которые кажутся ему наиболее важными. Но проанализировав эти определения, можно прийти к обобщённому, наиболее широ-

кому осмыслению. Под систематизацией законодательства понимается приведение правовой системы государства посредством различных форм в структурированный, единый вид, соответствующий тем общественным условиям, при которых данная систематизация проводилась. Систематизация законодательства обладает определёнными видами, которые позволяют её выделить среди иных правовых явлений.

Современная юриспруденция использует в основном три вида (способа) систематизации: - инкорпорация (официальная, неофициальная); - консолидация; - кодификация: (всеобщая, отраслевая, внутриотраслевая, комплексная (межотраслевая)).

Некоторые правоведы полагают, что вида два. Это вполне обоснованно, поскольку инкорпорация и консолидация обладают схожими чертами. Но, несмотря на это, у них есть главное отличие, которое позволяет выделить эти формы в отдельные. Каждая из них имеет свои отличительные черты, главным критерием особенности этих форм будет являться то, как конкретно они меняют законодательство.

Систематизация законодательства обладает определёнными границами, которые позволяют охарактеризовать это явление. Систематизация своей целью ставит улучшение действующей правовой системы, организует её таким образом, что она стала структурированной и дифференцированной.

Каждая из вышеназванных форм систематизации имела применение в практической деятельности различных государств в разные эпохи. В истории России крайне удачным примером систематизации законодательства стала кодификация М.М. Сперанского. В ходе этой кодификации был устранён главный недостаток правовой системы России тех лет – её хаотичность.

На сегодняшний день, систематизация законодательства является крайне важной для национальных правовых систем современных государств. Если систематизация законодательства проведена в недостаточной мере, то законодательство может переполняться различными бесполезными или попросту не реализуемыми, устаревшими законами. Поэтому проведение наиболее полной систематизации законодательства компетентными государственными органами крайне важно для любого современного государства, она позволяет развить правовую систему, улучшить её, поднять уровень её юридической техники и устранить различные проблемы.

Перспективной задачей совершенствования законодательства Российской Федерации в будущем следовало бы избрать направление на постепенное осуществление его дальнейшей кодифи-

кации и эффективного (результативного) обновления. К такой кодификации следует стремиться уже сейчас, продолжая обновлять и укрупняя наше законодательство, создавая крупные кодификационные «блоки», которые не только бы отвечали задачам текущего упорядочения законодательства, но и были рассчитаны на включение в качестве составных частей в будущий кодификационный свод. Текущие акты уместно составлять так, чтобы их, по возможности не расчлняя на части, можно было бы включать в более крупные кодификационные подразделения - в кодексы, единые тома свода. Кроме кодификации правотворческая деятельность в нашей стране будет направлена на принятие «специального» законодательства. Так, своего времени ждут ряд специальных законов. Среди них отдельные ученые выделяют необходимость принятия особого закона «О Законах», который бы четко определил не только ряд важных понятий о правотворческой деятельности, но и прекратил многочисленные споры [6].

Нельзя не полагаться, что, не зависимо от того, кто отвечает за появление новых нормативно-правовых актов и в какой форме они принимаются, все они будут отличаться отменным качеством, а так же максимально гарантировать права и свободы граждан нашей страны и неотступно следовать принципу гуманности и, безусловно, профессионализма.

Список литературы:

[1] Гавашели Т.В. Систематизация законодательства в Германии // Право и современные государства М: Фонд Консалтинга и правовой защиты населения. Г. 2015 С. 30.

[2] Григорьев А.С. Юридическая техника: учебное пособие. Электронное издание. Тюмень: издательство Тюменского государственного университета, 2015 г. С. 184.

[3] Исаков В.Б., Салыгин Е.Н. Некоторые вопросы организации новой кодификации // Проблемы системы и систематизации законодательства Сборник статей. М: НИУ ВШЭ ИД Юриспруденция, 2018 г. С. 14.

[4] Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник. М: ИД Юрист 2004г. С. 147.

[5] Маркова М.М., Хачирова К.Б. Классические виды систематизации романо-германского законодательства: французская, германская и швейцарская кодификации // Юридический вестник Самарского университета 2016 г. С. 132.

[6] Пиголкин А.С. Теория государства и права Учебник М: Городец 2003 г. С. 152.

Spisok literatury:

[1] Gavasheli T.V. Sistematizaciya zakonodatel'stva v Germanii // Pravo i sovremennye gosudarstva M: Fond Konsaltinga i pravovoj zashchity naseleniya. G. 2015 S. 30.

[2] Grigor'ev A.S. YUridicheskaya tekhnika: uchebnoe posobie. Elektronnoe izdanie. Tyumen': izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015 g. S. 184.

[3] Isakov V.B., Salygin E.N. Nekotorye voprosy organizacii novoj kodifikacii // Problemy sistemy i sistematizacii zakonodatel'stva Sbornik statej. M: NIU VSHE ID YUrisprudenciya, 2018 g. S. 14.

[4] Mal'ko A.V., Matuzov N.I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M: ID YUrist 2004g. S. 147.

[5] Markova M.M., Hachirova K.B. Klassicheskie vidy sistematizacii romano-germanskogo zakonodatel'stva: francuzskaya, germanskaya i shvejcarskaya kodifikacii // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta 2016 g. S. 132.

[6] Pigolkin A.S. Teoriya gosudarstva i prava Uchebnik M: Gorodec 2003 g. S. 152.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-117-121

ЯГОФАРОВА Инара Дамировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного
регулирующего Уральского государственного
экономического университета,
e-mail: vaina3@yandex.ru

**ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-510-07003 МОН РЮО «Формирование финансово-инвестиционного механизма поддержки субъектов малого предпринимательства в условиях становления молодого государства».

Аннотация. Поступательное развитие малого и среднего бизнеса является одной из наиболее актуальных тем, которая вызывает интерес как среди научных, так и практических деятелей. Объясняется это тем, что эффективность развития именно этого сектора экономики дает возможность говорить о динамике экономического развития, что также благоприятно сказывается на состоянии социальной среды государства. В статье рассматриваются современные тенденции развития малого и среднего предпринимательства, меры прямой и непрямой поддержки со стороны государства, осуществляемые в современный период. Статистические данные, приведенные в статье, также дают возможность оценить характер и эффективность декларируемых мер поддержки, а также сформулировать ряд наиболее значимых проблем в данной сфере. В статье обозначены наиболее серьезные сложности в процессе развития малого и среднего предпринимательства, с которыми сталкиваются представители малого и среднего бизнеса чаще всего и которые требуют к себе особого внимания, как со стороны научного сообщества, так и государственных структур. В статье сделан ряд рекомендаций, которые, с позиции автора, могли бы способствовать совершенствованию процесса правового регулирования данного сектора экономики.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, стратегии, цифровизация, правовое регулирование, искусственный интеллект, конкурентоспособность.

YAGOFAROVA Inara Damirovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Competition Law and Antimonopoly
Regulation of the Ural State University of Economics

**TRENDS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION
OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA**

Annotation. The progressive development of small and medium-sized businesses is one of the most relevant topics that arouses interest among both scientific and practical figures. This is explained by the fact that the effectiveness of the development of this particular sector of the economy makes it possible to talk about the dynamics of economic development, which also has a favorable effect on the state of the social environment of the state. The article examines the current trends in the development of small and medium-sized businesses, measures of direct and indirect support from the state, implemented in the modern period. The statistical data provided in the article also make it possible to assess the nature and effectiveness of the declared support measures, as well

as to formulate a number of the most significant problems in this area. The article identifies the most serious difficulties in the development of small and medium-sized businesses, which are faced by representatives of small and medium-sized businesses most often and which require special attention from both the scientific community and government agencies. The article makes a number of recommendations that, from the author's point of view, could contribute to improving the process of legal regulation of this sector of the economy.

Key words: *small and medium-sized enterprises, state support, strategies, digitalization, legal regulation, artificial intelligence, competitiveness.*

Введение. Развитию малого и среднего предпринимательства (МСП) традиционно уделяют большое внимание, что связано с устойчивым и поступательным развитием экономики в целом. Крупные хозяйствующие субъекты представляют для экономики большой интерес, поскольку контролируют наиболее значимые секторы экономики, однако, как показывает практика иностранных государств, именно малый и средний бизнес является той «прослойкой», от которой зависит стабильность экономической и социальной систем в целом. Именно по этой причине в последнее время в России стали больше внимания уделять вопросам развития и поддержке именно этого сектора бизнеса. Поскольку современная практика декларирует множество программ, концепций, стратегий развития малого и среднего предпринимательства в России, то научное и аналитическое сообщество также не могут оставить эту тему без внимания и проводят анализ различных аспектов с целью определения оптимальной модели развития данного сектора экономики. Проводимые исследования касаются различных вопросов, связанных с общим развитием предпринимательства, взаимодействия с государственными структурами, программами поддержки со стороны государства, инновационными внедрениями в современных условиях цифровизации и т.д. [3; 4; 9]. И подобных исследований становится все больше, что говорит об актуальности темы и ее значимости для современной практики.

Целью данного исследования является анализ тенденций развития малого и среднего бизнеса с учетом предлагаемых государством мер поддержки и развития, выявление основных сложностей в процессе их использования.

Результаты исследования. Поскольку актуальность вопроса достаточно высока, то государство не оставляет эту тему без пристального внимания, что выражается в принятии в 2018 г. Министерством экономического развития РФ паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [7]. Данный документ носит общий характер и устанавливает некий вектор дальнейшего развития МСП с позиций государства. В целом, предусма-

тривается оказание государственной поддержки предпринимательству, начиная с момента зарождения бизнес-идеи, до ее системно-структурного развития, предполагающее расширение деятельности на российском рынке и т.д.

Так же предлагаются различные формы поддержки МСП, к примеру, программы по предоставлению субсидий из федерального бюджета в регионах (в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 11.02.2019 г. № 110 [5] и ежегодно издаваемыми приказами Минэкономразвития). Минэкономразвития предлагает программу по мерам поддержки тех субъектов МСП, которые занимаются внедрением инновационной продукции, ремесленной деятельностью, народным промыслом, а также сельским и экотуризмом.

Созданы также различные корпорации МСП, которые оказывают юридическую, финансовую, методологическую поддержку, ведут сопровождение, консультационную и иные виды деятельности.

В качестве финансовой поддержки также создан АО «МСП Банк», который имеет возможность предоставлять МСП гарантии при получении банковских кредитов, выступая, при этом, гарантом исполнения обязательств субъектами МСП.

Для субъектов МСП также создан Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, деятельность которого направлена на поддержку организаций в научно-технической сфере. В рамках этого Фонда поддерживаются целевыми программами молодые инноваторы, технологичные стартапы и т.д.

Для занятых в агропромышленном комплексе Минсельхоз РФ также предлагает кредитную поддержку под достаточно выгодный процент, различные субсидии производителям сельхоз техники и др.

Помимо федеральных мер поддержки, необходимо отметить и региональные программы, которые предусмотрены в субъектах и также предполагают различные формы и меры. Каждый желающий может ознакомиться с этими программами в электронном варианте.

Паспорт развития МСП предполагает активное внедрение цифровых технологий во все сферы предпринимательской деятельности. Циф-

ровизация должна быть использована как на стадии стартапов, так и в процессе дальнейшего развития бизнеса, при работе с государственными органами и т.д. Цифровые технологии призваны играть вспомогательную роль в предпринимательстве. Примером таковых являются боты, блокчейн, различные формы искусственного интеллекта и т.д. Как было отмечено экс-министром сельского хозяйства РФ, развитие цифровых технологий создает абсолютные новые возможности для адресной и эффективной поддержки МСП [8].

С позиции государства, наиболее эффективными направлениями, где инновации дадут максимальный результат, являются, во-первых, административное регулирование, которое должно упростить процесс создания нового бизнеса и последующую деятельность. К примеру, введение смарт-контрактов позволит не тратить время на личные посещения компетентных органов, а проводить все необходимые действия через Интернет, которые сохраняются в виде «цифровой копии», что также является определенной гарантией выполнения договоренностей. Во-вторых, это процесс управления малым и средним бизнесом, заключающийся в определении наиболее перспективных задач для государства и взаимодействии предпринимателей, государства и возможных инвесторов.

Однако, несмотря на столь разнообразные формы поддержки МСП и планы на перспективное развитие, субъекты предпринимательства сталкиваются с проблемами правового, организационного, финансового порядка.

Декларированные государством программы поддержки реализуются на основе ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [6]. Данный Закон предполагает заявительный порядок обращения субъектов малого и среднего предпринимательства за получением поддержки. При обращении субъектам необходимо документально подтвердить свой статус, а также соответствовать многочисленным условиям и параметрам, которые указаны в ст. 14. На практике же получается, что, учитывая все условия и ограничения, далеко не все субъекты могут получить эту адресную поддержку. По данным РБК, только 10% опрошенных респондентов смогли получить государственную поддержку в 2020 г. [2]. Это пороговый процент, что говорит о сложности реализации государственных программ поддержки и, соответственно, низкой эффективности для данного сектора экономики.

Не надо также забывать о «гибкости» российского законодательства, которое подвергается частым изменениям. Многие субъекты малого и среднего предпринимательства, получив свой ста-

тус и регистрацию в реестре и не предполагают, что изменение хотя бы одного критерия в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ может привести к тому, что они могут уже таковыми не быть и исключены из общего реестра. Так же это возможно, если годовой доход организации превысил установленный предел. Поэтому хозяйствующие субъекты должны постоянно мониторить соответствие всем законодательно внедряемым критериям.

Необходимо отметить и сложности, связанные с предоставлением большого объема статистической информации в компетентные органы. Требования к отчетности меняются ежегодно, что носит как формальный, так и содержательный характер (например, часто меняются форма налоговой декларации, транспортный налог и др.). Несоблюдение документооборота влечет существенные штрафы, что также ложится дополнительным бременем на МСП.

Что же касается внедрения цифровых технологий в предпринимательскую деятельность, то российское законодательство само не было к этому готово, что, например, выражается в том, что в действующем законодательстве отсутствует установленное определение «цифровизации» и «цифровой экономики», что не мешает ставить это в качестве приоритетных направлений дальнейшего развития как сферы экономики, так и в целом государства.

Государство, используя различные инструменты, вынуждает МСП внедрять различные цифровые платформы, IT-технологии, искусственный интеллект, иные инновационные продукты, но это требует, во-первых, серьезных финансовых затрат, во-вторых, привлечение квалифицированных специалистов, которые также имеют определенную «стоимость». Для многих компаний малого и среднего бизнеса такие затраты недоступны. Конкурентоспособными компании могут быть либо при наличии солидной финансовой подушки, либо этим проектом заинтересовались крупные инвесторы. Такие условия работают на уход с рынка многих представителей малого и среднего бизнеса, что также является отрицательным показателем развития рынка в целом. По данным РБК, за 2020 г. количество закрытых бизнесов в 2,4 раза превысило число вновь созданных [10].

Все это лишь подтверждает то, что большинство действующих нормативных правовых актов направлены на выполнение государственной стратегии в секторе МСП, не решая более глубокие вопросы, способствующие стабильному развитию.

Сами предприниматели в опросах, проводимых «Тинькофф Бизнес» [1] выделяют три основных фактора, мешающих стабильному развитию их предприятий: растущая налоговая нагрузка, продолжающиеся санкции и чересчур пристальное внимание к операциям бизнеса со стороны государства. Конечно же, к этому добавились ограничения в связи с COVID-19. 20% респондентов не заметили снижения рисков или считают, что вести бизнес стало тяжелее.

Из наиболее желаемых и эффективных мер поддержки сами предприниматели называют – снижение налоговой нагрузки, субсидирование платежей и тарифов и снижение административной нагрузки и контроля.

Вывод. Государство, осуществляя правовое регулирование развития и поддержки малого и среднего предпринимательства, должно не просто декларировать эти меры, с одной стороны, заявляя о них, а с другой – вводя массу ограничений, а ориентироваться на потребности и интересы, которые излагают непосредственно сами хозяйствующие субъекты. Только в таком тандеме, в котором проявляется согласованное сотрудничество государства и МСП возможно эффективное развитие данного сектора экономики.

Список литературы:

[1] Выросло число проверок, а работать стало безопаснее: «Тинькофф» опросил малый и средний бизнес об изменениях за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/587812> (дата обращения: 27.08.2021).

[2] Господдержку в условиях пандемии смогли получить 10% компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2020/5ec39e899a7947f896d6b1d5> (дата обращения: 26.08.2021).

[3] Кузьмина Т.И., Ачалова Л.В. Финансовые механизмы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *International scientific review*. – № 3 (23). – С. 8 - 14.

[4] Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 11 (96). – С. 68 - 73.

[5] О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» и признании утратившими силу постановления Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2014 г. № 1605 и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации:

Постановление Правительства РФ от 11.02.2019 № 110. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.02.2019.

[6] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // *Росс. газ.* – 2007. – 31 июля.

[7] Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 26.08.2021).

[8] Скрынник Е. Рост доли малого и среднего бизнеса в экономике РФ ускорят инвестиции в цифровизацию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eskrynnik.ru/news/E-Skrynnik-rost-doli-malogo-i-srednego-biznesa-v-ekonomike-RF-uskorat-investicii-v-cifrovizaciu> (дата обращения: 26.08.2021).

[9] Чириканова Е.А. Малый и средний бизнес в России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2020. – № 7 (65). – С. 257 - 259.

[10] Число прекративших работу ИП с начала эпидемии в России выросло на 77% [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/20/04/2020/5e9de0579a794708afcf0b40> (дата обращения: 27.08.2021).

Spisok literatury:

[1] Vyroslo chislo proverok, a rabotat' stalo bezopasnee: «Tin'koff» oprosil malyj i srednij biznes ob izmeneniyah za 2020 god [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/587812> (data obrashcheniya: 27.08.2021).

[2] Gospodderzhku v usloviyah pandemii smogli poluchit' 10% kompanij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/economics/19/05/2020/5ec39e899a7947f896d6b1d5> (data obrashcheniya: 26.08.2021).

[3] Kuz'mina T.I., Achalova L.V. Finansovye mekhanizmy gosudarstvennoj podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii // *International scientific review*. – № 3 (23). – С. 8 - 14.

[4] Mihajlov A.V. Problemy stanovleniya cifrovoj ekonomiki i voprosy razvitiya predprinimatel'skogo prava // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. – 2018. – № 11 (96). – С. 68 - 73.

[5] O vnesenii izmenenij v gosudarstvennyuyu programmu Rossijskoj Federacii «Ekonomicheskoe razvitie i innovacionnaya ekonomika» i priznanii utrativshimi silu postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2014 g. № 1605 i ot del'nyh polozhenij nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj

Federacii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.02.2019 № 110. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.02.2019.

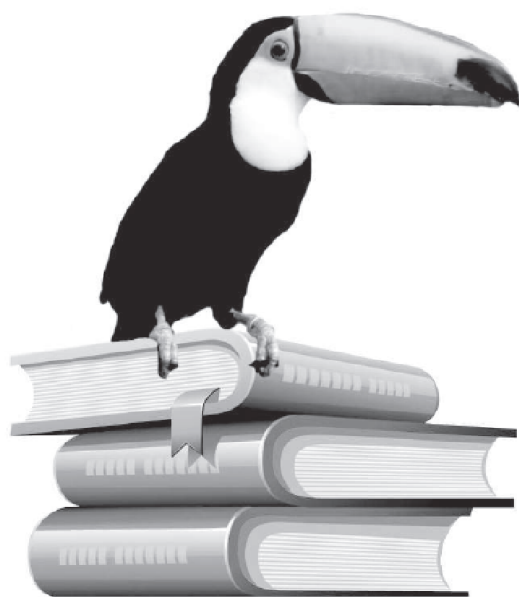
[6] O razvitiy malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii Federal'nyj zakon ot 24 iyulya 2007 g. № 209-FZ // Ross. gaz. – 2007. - 31 iyulya.

[7] Pasport nacional'nogo proekta «Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noj predprinimatel'skoj iniciativy» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nyim proektam (protokol ot 24 dekabrya 2018 g. № 16)) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (data obrashcheniya: 26.08.2021).

[8] Skrynnik E. Rost doli malogo i srednego biznesa v ekonomike RF uskoryat investicii v cifrovizaciyu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.eskrynnik.ru/news/E-Skrynnik-rost-doli-malogo-i-srednego-biznesa-v-ekonomike-RF-uskorat-investicii-v-cifrovizaciu> (data obrashcheniya: 26.08.2021).

[9] Chirikanova E.A. Malyj i srednij biznes v Rossii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. - 2020. - № 7 (65). – S. 257 - 259.

[10] Chislo prekrativshih rabotu IP s nachala epidemii v Rossii vyroslo na 77% [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/business/20/04/2020/5e9de0579a794708afcf0b40> (data obrashcheniya: 27.08.2021).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РЕАЛИЗАЦИЯ ДОЛИ В ПРАВЕ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье исследуется вопрос определения правовой природы доли в праве общей долевой собственности на жилые помещения. Затрагиваются вопросы, связанные с особенностями государственной регистрации права общей собственности на недвижимое имущество. Говорится в возможностях, которые предусмотрены законом, при реализации участниками долевой собственности своих прав. В результате анализа действующего законодательства РФ и с учетом правоприменительной деятельности судов предлагаются рекомендации, в части детализации действующего законодательства. Автором выдвигается идея об отнесении доли в праве общей долевой собственности на жилые помещения к закрепленным в нормах Гражданского и Жилищного кодексов объектам прав.

Ключевые слова: доля в вещи, доля в праве, имущественные права, жилищные права, жилое помещение.

RABADANOVA Zainab Kurbanovna,
Master's student of the Department of Civil Law, Dagestan State University

REALIZATION OF A SHARE IN THE RIGHT OF COMMON SHARED OWNERSHIP OF A DWELLING: PROBLEMATIC ASPECTS

Annotation. The article examines the issue of determining the legal nature of the share in the right of common shared ownership of residential premises. The issues related to the peculiarities of state registration of the right to common ownership of real estate are touched upon. It is said in the possibilities that are provided for by law when participants in shared ownership exercise their rights. As a result of the analysis of the current legislation of the Russian Federation and taking into account the law enforcement activities of the courts, recommendations are offered, in part, the details of the current legislation. The author puts forward the idea of attributing a share in the right of common shared ownership of residential premises to the objects of rights enshrined in the norms of the Civil and Housing Codes.

Key words: share in a thing, share in a right, property right, housing rights, living quarters.

Современное отечественное законодательство разделяет общую собственность на два вида: 1) общую совместную собственность; 2) общую долевую собственность. Особую дискуссию в юридической среде вызывает общая долевая собственность на жилые помещения, поскольку «доля в праве общей долевой собственности на жилые помещения» формально не существует [6].

В РФ институт регистрации недвижимости совершается в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр), который регистрирует переход права собственности на долю в праве общей совместной собственности на жилое помещение от одного лица к другому. Представим ситуацию, на примере договора купли-продажи $\frac{1}{2}$ доли в праве общей долевой собственности на квартиру,

заключенный между гражданином Семеновым (продавец) и гражданином Астаховым (покупатель). В отечественном законодательстве процедура гражданского оборота недвижимости жилых помещений вызывает много вопросов. В приведенном примере неясно, что именно гражданин Астахов приобретает в собственность у гражданина Семенова, поскольку правовая доля законодательством не определена. Возникает вопрос: можно ли утверждать о том, что приобретена в собственность часть квартиры, поскольку она фактически не выделена из ее состава?

На сегодняшний день доля активно участвует в гражданском обороте. Хотя в ст. 128 ГК РФ, ст. 15 и ст. 16 ЖК РФ доля как объект гражданских и жилищных прав не упоминается [1; 2]. Ввиду этого представляется интересным рассмотреть вопрос о возможности отнесения доли к объектам

гражданских и (или) жилищных прав, чтобы избежать противоречий при попытках отнесения доли к видам жилых помещений.

Поскольку рассматриваемый вопрос о проблемах реализации доли в праве общей долевой собственности на жилые помещения. Попытаемся отнести долю к объекту гражданских и жилищных прав. Рассмотрим этот вопрос со ссылкой на кодексы РФ.

К примеру, в соответствии с положениями ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских и жилищных прав относятся: 1) вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в т.ч. безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; 2) результаты работ и оказание услуг; 3) охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); 4) нематериальные блага [1].

Объектами жилищных прав являются жилые помещения (ч. 1 ст. 15 ЖК РФ). Согласно ст. 16 ЖК РФ к видам жилого помещения относятся: 1) жилой дом, часть жилого дома; 2) квартира, часть квартиры; 3) комната [2]. Изучая проблему матику определения правовой природы доли, проанализируем возможность отнесения доли к закрепленным в нормах гражданского и жилищного законодательства объектам права.

На наш взгляд, более приемлемым с точки зрения норм гражданского законодательства было бы отнесение доли к вещи или имущественным правам.

Разберем отнесение доли к вещи. В настоящее время в законодательстве нет четкого понимания понятия вещь. Традиционно к вещам относят предметы материального мира, которые могут быть в обладании человека, служат удовлетворению его потребностей (одежда, транспортное средство, здание, сооружение и т.д.). Как можно заметить, доля в праве общей долевой собственности на квартиру может быть в обладании человека и служит для удовлетворения его потребностей. При этом, такая доля не является предметом материального мира, т.к. доля – это физически неосязаемый объект. Из вышесказанного думается, что доля не является вещью.

Доля как объект имущественных прав. В действующем законодательстве содержится понятие «имущественные права», но нет детальной регламентации. Попытаемся разобраться в этом вопросе с точки зрения философских знаний. Если объектами материального мира могут быть только имущественные права, в то время как вещи не могут быть таковыми. В то же время, как и вещи, имущественные права служат для удовлетворения потребностей человека.

Правоведы выделяют несколько признаков имущественных прав.

По мнению А.С. Яковлева, имущественные права наделены следующими признаками. Перечислим:

- во-первых, имущественные права принадлежат определенному лицу;
- во-вторых, имущественные права выступают средством реализации имущественного интереса;
- в-третьих, имущественные права подлежат денежной оценке;
- в-четвертых, имущественные права не присущи субъекту изначально в силу самого факта его существования;
- в-пятых, имущественные права обладают признаком отчуждаемости [9].

С.П. Гришаев пришел к такому выводу, что имущественные права должны обладать такими признаками:

1. Имущественные права должны иметь определенную денежную оценку;
2. Всегда должно быть известно кому лицо, получившее имущественное право, должно выплатить соответствующий денежный эквивалент.

Правовед дал определенное понятие имущественным правам. «Имущественные права, принадлежащие конкретному субъекту, так же как и любое другое имущество, имеют соответствующую социально-экономическую ценность, способную удовлетворять как индивидуальную, так и предпринимательскую потребность, что служит основанием возникновения различных гражданско-правовых отношений» [8].

Проанализировав мнения ученых, прихожу к выводу о том, что доля обладает рядом признаков, которые присущи имущественным правам.

Допустим, доля принадлежит конкретному лицу, что подлежит денежной оценке и является отчуждаемой. Долю можно отнести к имущественным правам. Из Письма «О рассмотрении обращения» от 25 февраля 2016 г. № 14-исх/02424-ГЕ/16 Росреестр указал, что *доля в праве собственности — это имущественное право* (выделено автором) [4].

Раз долю с условностью относят к имущественным правам. Так, Д.А. Баринов в своих трудах рассматривает долю как самостоятельное имущественное право, также предлагает дополнить ст. 128 ГК РФ указанием на долю в праве собственности как на отдельный объект гражданских прав - самостоятельное имущественное право [7].

Доля как объект жилищных прав. Проблема заключается в определении правовой природы доли. Предметом дискуссии является дро-

бление права собственности на жилые помещения. На практике применение ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ [3]. В соответствии с данным Федеральным законом № 256-ФЗ граждане РФ могут реализовать господдержку молодым семьям, которые могут получить жилплощадь. Но зачастую на практике возникает много вопросов при реализации данного права. К примеру, приобретая долю в общей долевой собственности на жилое помещение, Пенсионный фонд РФ отказывает в приеме документов, мотивируя свое решение тем, что нет легального определения понятия «доля в жилом помещении». В Жилищном кодексе РФ в ст. 16 нет упоминаний о «доле» в жилом помещении [2].

Поговорим о ст. 16 ЖК РФ в настоящее время существует три вида жилых помещений [2].

1. К жилым помещениям относятся:

- 1) жилой дом, часть жилого дома;
- 2) квартира, часть квартиры;
- 3) комната.

2. Жилым домом признается индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании.

3. Квартирой признается структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении.

4. Комнатой признается часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире [2].

Учитывая раздробление видов и определений жилых помещений, законодатель одновременно указывает в п. 4: «Комнатой признается часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире». Возникает вопрос, что понимать под «частью жилого дома»?

Доля и часть жилого помещения являются ли равными словами?

В ст. 16 ЖК РФ находим формулировку понятия «жилой дом», «квартира» и «комната», при этом ЖК РФ умалчивает о том, что следует понимать под частью жилого дома (п. 1 ч. 1 ст. 16) и частью квартиры (п. 2 ч. 1 ст. 16) [2]. По-видимому, частью жилого дома или квартиры следует счи-

тать несколько комнат этого дома или квартиры, являющихся объектом жилищных прав.

Не исключено и возникновение жилищных прав на неизолированные части жилого дома или квартиры, в частности, при заключении договора поднайма и вселении временных жильцов [5].

Два варианта толкования идут в противоречие друг другу, что и вызывает особые затруднения в работе таких институтов, как Пенсионный фонд, Росреестр и физическим лицам, которые хотят реализовать право на жилплощадь, гарантированное государством.

Статистические данные, полученные в ходе изучения судебной практики на предмет соотношения доли - к части жилого помещения:

удовлетворено - 82.1%;

отказано - 9.1%;

частично удовлетворено - 8.8% [10].

Суд при вынесении решения руководствуется принципом законности, справедливости. Последнее в отличие от первого требует максимально индивидуализированного подхода, отвечающего конкретным обстоятельствам и личным качествам человека. Но право не может предусматривать и закреплять все индивидуальные факторы, которые имеют значение для справедливой юридической оценки конкретного правоотношения. И с этой точки зрения законность и справедливость могут противоречить друг другу. Учитывая загруженность судов общей юрисдикции, предлагаю дополнить п. 1 ст. 16 ЖК РФ [2], добавив к имеющимся видам жилых помещений еще один объект права - «доля». Это поможет сформировать особый правовой режим и избежать противоречий при попытках отнесения доли к видам жилых помещений.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.06.2021).

[2] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 12.06.2021).

[3] ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 12.06.2021).

[4] Письмо Росреестра от 25.02.2016 г. № 14-исх/02424-ГЕ/16 «О рассмотрении обращения»

[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195237/ (дата обращения: 12.06.2021).

[5] Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Статут, 2012. - 1326 с.

[6] Асламурзаева Ф.А. Проблемы общей долевой собственности // Вестник магистратуры. - 2014. - № 4 (31). - Т. III. - С. 33 - 35.

[7] Баринов Д. А. Некоторые теоретические аспекты определения понятия доли в праве собственности // Вопросы российского и международного права. - 2016. - № 5. - С. 30 - 37.

[8] Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // Специально для системы «Гарант». 2015 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/57470908/> (дата обращения: 12.06.2021).

[9] Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 2003. - 26 с.

[10] Аналитическая система «Сутяжник»® – автоматизированный сервис по подбору судебной практики, соответствующей содержанию и тематике загруженных документов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.garant.ru/57470908/> (дата обращения: 12.06.2021).

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 g. № 51-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 12.06.2021).

[2] Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 g. № 188-FZ (red. ot 28.06.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2021) [Elektronnyj resurs].

- Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (data obrashcheniya: 12.06.2021).

[3] FZ «O dopolnitiel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushchih detej ot 29.12.2006 g. № 256-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (data obrashcheniya: 12.06.2021).

[4] Pis'mo Rosreestra ot 25.02.2016 g. № 14-ishkh/02424-GE/16 «O rassmotrenii obrashcheniya» [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195237/ (data obrashcheniya: 12.06.2021).

[5] Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj / pod red. P.V. Krasheninnikova. - 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Statut, 2012. - 1326 s.

[6] Aslamurzaeva F.A. Problemy obshchej dolevoj sobstvennosti // Vestnik magistratury. - 2014. - № 4 (31). - Т. III. - С. 33 - 35.

[7] Barinov D.A. Nekotorye teoreticheskie aspekty opredeleniya ponyatiya doli v prave sobstvennosti // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. - 2016. - № 5. - С. 30 - 37.

[8] Grishaev S. P. Evolyuciya zakonodatel'stva ob ob'ektah grazhdanskih prav // Special'no dlya sistemy «Garant». 2015 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/57470908/> (data obrashcheniya: 12.06.2021).

[9] Yakovlev A. S. Imushchestvennye prava kak ob'ekty grazhdanskih pravootnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - Voronezh, 2003. - 26 s.

[10] Analiticheskaya sistema «Sutyazhnik»® – avtomatizirovannyj servis po podboru sudebnoj praktiki, sootvetstvuyushchej soderzhaniyu i tematike zagruzhennyh dokumentov [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/57470908/> (data obrashcheniya: 12.06.2021).

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-126-131

УДК 37.013.77

ББК 74.3

БРАЖЕНСКАЯ Наталья Евгеньевна,

доцент кафедры психологии и педагогики

Дальневосточного юридического института МВД России,

кандидат педагогических наук, доцент,

e-mail: netbr@yandex.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,

старший преподаватель кафедры организации

правоохранительной деятельности Северо - Кавказского института

повышения квалификации сотрудников МВД (филиал)

Краснодарского университета МВД России,

майор полиции,

e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассмотрено влияние интернета на семейные ценности, как современные технологии разрушают традиционные моральные установки и изменяют восприятие супругов. Данная тема актуальна в современном мире так как количество пользователей сети растёт с каждым днём. Многочисленные возможности интернета привлекают всё больше пользователей, часть из которых является молодежью, т.е. теми, кому в ближайшее время предстоит создать семью, либо людьми уже состоящими в браке. Воздействие на данные категории граждан несомненно вызывает изменения в ценностных ориентациях и, как следствие, поведении, между партнёрами. Выявлены причины семейных конфликтов, обусловленных Всемирной паутиной: опосредованное общение, игнорирование семейных обязанностей, интересов членов семьи, пренебрежение нормами базовой этики, нежелание делиться переживаниями, сокращение времени общения.

Ключевые слова: семья, ценности, семейные ценности, трансформация семейных ценностей, исследовательские парадигмы семьи.

BRAZHENSKAYA Nataliya Evgenievna,

Department of the Far East Interior Institute of Russia,

associate professor of the Psychology and Pedagogy,

the candidate of pedagogical Sciences, associate professor

OSMANOV Mukhammad Martinovich,

Senior Lecturer of the Department of Law Enforcement Organization

of the North Caucasus Institute for Advanced Training of the Ministry

of Internal Affairs (branch) of the Krasnodar University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES IN A DIGITAL SOCIETY

Annotation. The article examines the impact of the Internet on family values, it states how modern technologies destroy traditional moral attitudes and change the perception of spouses. This topic is relevant in the modern world as the number of network users grows every day. The numerous possibilities provided by the Internet attract more and more users, some of whom are young people, that is, those who will soon start a family, or people already married. The impact on these categories of citizens undoubtedly causes changes in value orientations and, as a result, in behavior patterns between partners. The causes of family conflicts caused by the World Wide Web were identified: indirect communication, ignorance of family responsibilities and the interests of family members, neglect of basic ethical norms, unwillingness to share experiences, and reduction of communication time.

Key words: family, values, family values, transformation of family values, research paradigm of the family.

В настоящее время актуальной проблемой российских гуманитарных наук является вопрос о содержания таких понятий как брак и семья, а также влияния внешних факторов на семейные ценности. В международных правовых актах понятие семьи закреплено статьей 23 Международного пакта о гражданских и политических правах и подразумевает собой «естественную и основную ячейку общества, имеющую право на защиту со стороны общества и государства» [1], однако, как при анализе данного термина невозможно установить, является ли семья самостоятельным субъектом правоотношений, можно ли говорить о семье как об объединении граждан. Рассматривая понятие семьи на законодательном уровне, считаем правильным вывод Ю.А. Королева: семейный кодекс РФ, детально регулирующий все отношения между членами семьи - супругами, родителями, детьми и другими родственниками, не рассматривает понятие семьи в целом [2]. Опираясь на опыт стран ближнего зарубежья, который показывает, что представление дефиниций возможно в нормативных источниках, даже если это и вызывает какие-то критические замечания, необходимо определиться с понятием «семья» с психолого-педагогических позиций. В данной статье под семьей мы будем вести речь об объединении лиц, основанном на браке и (или) родстве, с целью достижения следующих задач, описанных С. Миловым: самопожертвование во имя своей второй половины, вытекающей из главной добродетели – любви к ближнему своему; взаимопонимание или духовное единение, в результате которого два человека живут как одно тело, организм; целомудрие – удаление от страсти блуда и чувственных искушений; рождение детей, как продолжателей рода, и воспитание их в благочестии; уважительное отношение к родителям, даровавших нам жизнь [3].

Согласно результатам исследования, выполненного группой колумбийских ученых, и представленного на седьмой Международной Конференции по Транскультурному Образованию, прошедшей в Испании, массовое проникновение Интернет стимулировало появление нового социально пространства, предлагающего бесчисленное множество способов обмена информацией. В XXI веке, интернет представляется в качестве важнейшей основы социума, влияющей в том числе и на устройство такой социальной ячейки, как семья. Основной вывод был посвящен тому, что семья в ее классическом представлении утратила свою доминирующую роль в обществе настоящего века и стала выполнять вспомогательную функцию в самостоятельной жизни ее членов [4].

В связи с вышесказанным, не возникает сомнения в том, что институт семьи, его структура

и ценности находятся в тесной взаимосвязи с ведущими ценностями, которые существуют в обществе на данный момент, детерминированы социально-экономическими условиями, этническими и религиозными аспектами в конкретно-исторический период времени. То есть семья, как и любой другой социальный институт, подвергается постоянным изменениям, вызванными внешними факторами.

Так, значимым фактором, воздействующим на ценностное сознание молодежи в целом и на изменение семейных ценностных структур в частности, до появления системы «Интернет» являлись СМИ. Печатные издания, ТВ, радио, а в последующем и Интернет вольно или невольно распространяют различные семейные модели, которые в дальнейшем откладываются в сознании человека, в результате чего он стремится им следовать при создании собственной семьи.

А.А. Тертычный в своем труде исследовал современное состояние публицистики, входящей в систему СМИ, определив ее высокую значимость в жизни общества и тенденции развития [5], берущей истоки с древнерусской литературы, включающей произведения морально-религиозного характера, описываемые первые образцы жизнеописаний. К таким произведениям, актуальным и в Средние века, закладывающим основы семейных ценностей: любви, мудрости, взаимоважения, отнесем: «Житие Иоакима и Анны», «Житие Захарии и Елисаветы», «Слово о полку Игореве», «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и др. В.О. Ключевский отмечал: «Житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии – не портрет, а икона» [6].

Во времена Средневековья самым влиятельным источником информации являлись Библия, церковная проповедь, адресованная всем прихожанам храма и являющаяся одним из самых действенных инструментов массовой пропаганды и монастыри. Они также формировали отношение граждан к семье.

Так, на протяжении всей истории Ветхого Завета нам неоднократно встречаются примеры благочестивых брачных союзов, которые во многом явились образцами для последующих поколений. Люди, которые составляли эти брачные пары, были такими же, как и все остальное тогдашнее общество, однако, именно они наиболее полно реализовали самые главные принципы семейной жизни [7].

Согласно Э. Дюркгейму, ценности и нормы являются необходимыми элементами. Он ввел понятие аномии, объясняя смысл данного понятия следующим образом: «аномия выражает такое состояние общества, при котором отсут-

ствуется твердая моральная регуляция индивидуального поведения, когда старые ценности уже не работают, а новые еще не утвердились» [8].

Следующим этапом создания новой формы семьи - фактический брак, является период Советской России при В.И. Ленине. В советское время в России через СМИ (газеты, телевидение, радио) утверждался приоритет общественного, когда общественные интересы выдвигались на первый план что подвело к наступлению кризиса семейных отношений, совпавшим со сменой политического строя в России.

В постсоветский период происходит размытие традиционных для советского общества ценностей, навязывание западных идеалов, которые противоречат менталитету русских людей. Активная пропаганда осуществляется через средства массовой информации, кинематограф и песни.

Влияние социальных сетей на жизнь людей огромное, многие даже не осознают до конца масштабы этого явления, а ведь социальные сети – это уже самое популярное занятие в Интернете [9].

Как отмечает В.И. Турканова «общедоступность Интернета, в том числе и информации, указанной в социальных сетях, привела к необходимости переосмысления частной жизни и персональных данных» [10].

Весьма значимой социальной проблемой, с которой сталкивается личность в информационном обществе, является доминирование публичности и утрата ценности конфиденциальности и приватности [11]. В работе «Утраченная укромность частной жизни» известный итальянский философ У. Эко пишет, что главным абсурдом современного общества стал добровольный отказ от приватности, граничащий с патологией и эксгибиционизмом [12].

У. Эко, затрагивая проблему исчезновения приватности личной жизни, пишет: «Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнаружение своей малоинтересной нормальности или, хуже того, малоинтересной ненормальности. Цель их - обнаружить пред лицом всех окружающих факты своего частного существования» [13]. По образному выражению А.Г. Дугина, социальные сети для современного человека являются «суррогатом бессмертия», они напоминают ему о том, что он ещё жив, что он существует.

В период расцвета социальных сетей, молодые люди, которые еще не имеют четкие ценностные ориентиры, начинают существовать в двух реальностях: онлайн, иллюзорная, проходит в виртуальном мире и оффлайн, настоящая, но которая перестает восприниматься таковой. Это

порождает двойные стандарты ценностей, в том числе и семейных.

Таким образом, переломным моментом, в результате которого разрушился традиционный облик семьи, послужила революция 1917 года. Теперь отсутствие в обществе четких ценностных ориентиров и переосмысление моральных норм, наблюдение в этом вопросе за Европой, непосредственным образом сказались на институте семьи и брака. Отчетливо проявились изменения, коснувшиеся данного института: снижение численности браков, увеличение количества разводов, новые виды браков в виде гостевых или сожительства, снижение рождаемости, появление большого числа неполных семей, однополовая или совсем бездетная семья. С одной стороны в этом отражаются перечисленные выше социальные изменения, которые модифицируют традиционную семью, но в то же время эти же тенденции являются негативными как для людей (в виде постоянного страха за отношения, одностороннего развития ребенка, напряжения каждого члена семьи из-за неустойчивости ценностей), так и для государства (снижение численности граждан, увеличение преступлений, совершаемых подростками).

Не последнюю роль в этом играют СМИ, поскольку они несут информационную, образовательную функции, функцию общественного мнения, критики и контроля. Печатные издания, ТВ, радио, Интернет вольно или невольно распространяют различные семейные модели, которые в дальнейшем откладываются в сознании особенно молодых людей, в результате чего он стремится им следовать при создании собственной семьи. Поэтому на Интернет и СМИ ложится огромная ответственность по формированию семейных ценностей. Результаты социологических исследований свидетельствуют о незначительном месте в сети Интернет и СМИ семейной проблематики позитивной направленности, а предпочтение отдается политическим, экономическим новостям, информации о жизни звезд шоу-бизнеса, часто скандальной.

Таким образом, сегодня практически отсутствуют информационные ресурсы, которые могут служить информационной основой для людей о значимости семьи, путях ее сохранения и развития всех ее членов в едином духовном русле.

Актуальность темы можно увидеть в статистике: так «Digital 2020 сообщил, что на начало 2020 года более 4,5 миллиарда людей пользуются интернетом, а аудитория социальных сетей перевалила за отметку в 3,8 миллиарда» [14]. Данный показатель соответствует почти 60 % населения планеты.

В Российской Федерации с каждым годом увеличивается число разводов из-за интернета и социальных сетей. Согласно проведенному исследованию специалистами Санкт-Петербургского психоаналитического центра, связанного с оказывающим воздействием интернета и социальных сетей на количество разводов, было установлено, что 15% браков было расторгнуто именно по этой причине [15]. Психологи прогнозируют увеличение разводов супругов из-за интернета и увлечения социальными сетями.

Так, среди негативных влияний интернета, следует отметить:

- сравнение своего супруга с другими людьми.

Подобное сравнение всегда будет не в пользу партнера, так как в социальных сетях представлены иллюзорные картинки, не имеющие отношения к реальности.

- переписки с человеком противоположного пола.

Коммуникация с человеком даже в электронном формате создает эмоциональную привязанность между людьми. А если общение начинает осуществляться в тайне от партнера, это вызывает активизацию адреналина и создает ощущение азарта.

В результате происходит разделение в восприятии: близкий человек начинает восприниматься как неинтересный, а партнер по переписке, наоборот, вызывающий множество эмоций. Это происходит от незнания закономерностей отношений, где первому этапу – знакомства – всегда сопутствует усиление гормонального фона, эмоциональное возбуждение, которое переходит ко второму этапу – привыкания. То есть фактически люди в переписке моделируют стадию начала отношений, которая, непременно, перейдет во вторую, с прогнозированием понижения эмоций и азарта.

- эффект «незнакомца в поезде».

Когда личной информацией становится проще поделиться с незнакомым человеком, чем с близким, это приводит к эмоциональному отдалению между партнерами. Подобные действия негативно сказываются как на внутрисемейной атмосфере, так и на снижении эмоционального интеллекта самого человека. Эмоциональная сторона общения в интернете лишена визуальной поддержки в виде взглядов, жестов, мимики, а сами чувства уплощены до смайликов и поверхностных состояний. Так и появляется недоверие, смущение и нежелание разделить свою грусть или проблему с близким человеком.

- сайты знакомств

Огромным местом для общения людей являются также сайты знакомств. Провести приятное

общение с интересным человеком - это одно, а вот посещать сайт с целью поиска партнера - это уже другое [16]. Так данное поведение партнера приводит к неблагоприятным последствиям, рушатся семьи. Не так давно данного фактора просто не существовало, с появлением Интернета и его сайтами знакомств, люди попросту размыли ими давно укоренившиеся семейные ценности.

При этом наличие множества людей для знакомства порождает иллюзию множественного выбора, а значит, и отсутствие необходимости сохранять отношения с прежним партнером.

Таким образом, новая цифровая реальность создает сложности в семейной идентификации и определении поведения в рамках нового формата семьи.

Психологи считают, что проводя достаточно долгое время в Интернете и листанию ленты в социальных сетях, приводит к тому, что близкие люди уделяют внимание семье все меньше. Так проще закрыться от проблем, скажем так затеряться в медийном пространстве.

В то же время интернет может способствовать и укреплению семейных отношений, так как дает возможность для пользователей сети посещать различные выставки, смотреть кино и общаться с близкими людьми. В таком случае использование интернета помогает дополнить различные виды социального взаимодействия происходящие в семье.

Интернет так же является негативным стимулом к межличностным отношениям для семьи. Часто подростки находятся на занятиях до вечера, так же как и родители на работе и течении всего дня члены семьи контактируют и общаются с помощью мессенджеров и социальных сетей, главным образом количество такого общения преобладает. Поговорив немного по телефону, отправив пару сообщений, в сознании человека создается впечатление, что общение с родными произошло, но при этом его фактически не было, но человек постепенно привыкает к такому виртуальному общению и начинает отвыкать от реального.

Семья является первичной ячейкой общества. В свое время жизнь общества содержит духовные и материальные ценности, это отражается на культуре семьи. Так же общество не может существовать без людей, которые в дальнейшем становятся родителями воспитывающие своих детей. В этот период очень важны крепкие семейные узы, которые хранят и оберегают семейные ценности и домашний очаг. Ведь от того, как меняются в ту или иную сторону семейные ценности, любовь к окружающим, определяет то, как мы и наши дети будут жить дальше.

На просторах видеохостинга «Ютуб», рэпер Noize MC совместно с Монеточкой выпустили

клип с песней «Чайлдфри», в котором они через сатиру отразили разрушение семейных ценностей, связанных с недостаточным воспитанием детей. Сам исполнитель признал песню провокационной, так как с каждым днем количество родителей игнорирующих своих детей растет, они не пытаются найти с ними общий язык, не интересуются их увлечениями и проблемами, а когда случаются сложности, то винят во всем Интернет, музыкантов и т.д. Рок-группа «Тараканы», выпустила песню и клип под названием «Пойдем на улицу», в которой они призывают людей выйти на улицу, где нет вай-фая. Исполнители показывают, что сходят с ума от переизбытка информации из Интернета, листая фотографии и читая статусы в социальных сетях. И предлагают всем, кто попал в такое положение пойти на улицу, погулять. Музыканты видят в частом использовании Интернета то, что общение между близкими людьми сводится к минимуму, а спасение в том, чтобы выйти на улицу погулять и поговорить на разные темы, так можно преодолеть дефицит общения. В клипе один из участников группы берет камеру и идет снимать прохожих, которые проводят время вместе парами, семьями без использования всемирной паутины. Люди гуляют, наслаждаются природой, делятся своими впечатлениями в живую, ведь в виртуальном мире такого не увидишь и не почувствуешь, нет лучше момента сплотить семейные ценности, как проведение времени вместе.

Даже на уровне современных музыкальных исполнителей из разных стран наблюдается тенденция к призывам снижения виртуальной активности и усилению личного общения между членами семьи.

Негативное влияние со стороны Интернета на современные семейные ценности отрицать невозможно. Изменением психологии человека и его душевного состояния приобретенное при долгом нахождении в виртуальном пространстве приводит к снижению качества общения между членами семьи.

Но все же на практике крупнейшие компании и фирмы любыми способами, не взирая на укоренившиеся ценности людей, пытаются повысить рейтинг своих сайтов, каналов и передач, при этом уводя внимание зрителя от глобальных проблем. Таким образом, животрепещущая актуальность этой проблемы остается, так как она только набирает обороты.

Список литературы:

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII, С. 44.

[2] Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61.

[3] Вступающим в брак / Сост. Милов С. М., 2012. С. 173 – 188.

[4] Влияние Интернета на семью [Электронный ресурс] // URL: <https://skovoronok.ru/people/the-impact-of-the-internet-on-the-family.html>. (Дата обращения: 23.06.2020).

[5] Тертычный А.А. Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика // Вестник РУДН. 2018. № 1. С. 95-102.

[6] Ключевский В.О. Отзывы и ответы: 3-й сб. ст. Москва, 1914. С. 481.

[7] Милов С.И. Вступающим в брак. М., 2012. С. 207.

[8] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 239.

[9] Все о социальных сетях. Влияние на человека. [Электронный ресурс] // URL: <https://seclgroup.ru/article-vse-o-socialnyh-setjah-vlijanije-na-cheloveka.html>. (Дата обращения: 23.06.2020).

[10] Турканова В.И. Приватность в Интернете и распространение личных данных подростками // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. №14. С. 292.

[11] Саркисян М.В. «Болтливое большинство»: приватность, работа и досуг в киберпространстве // Человеческий капитал. 2014. №9 (69). С. 105-107.

[12] Эко У. Утраченная уютом частной жизни. М., 2007. С. 156.

[13] Эко У. Полный назад. М., 2007, с. 163-165.

[14] Вся статистика интернета на 2020 год — цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cossa.ru/news/252951/> (дата обращения 27.05.2021).

[15] Все больше россиян разводятся из-за социальных сетей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.amic.ru/news/119004/> (дата обращения 27.05.2021).

[16] Скибо Е. «Знакомства на сайтах знакомств: взгляд врача-психиатра и мудрой женщины» // ЛитМир, 2011.

Spisok literatury:

[1] Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax (N'yu-Jork, 16 dekabrya 1966 g.) // Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. M., 1978. Vyp. XXXII, S. 44.

[2] Korolev Yu.A. Sem'ya kak sub'ekt prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 10. S. 61.

[3] Vstupayushchim v brak / Sost. Milov S. M., 2012. S. 173 – 188.

[4] Vliyanie Interneta na sem'yu [Elektronnyj resurs] // URL: <https://skovoronok.ru/people/the-impact-of-the-internet-on-the-family.html>. (Data obrashcheniya: 23.06.2020).

[5] Tertychnyj A.A. Publicistika v sovremennyh rossijskih SMI: refleksiya i praktika // Vestnik RUDN. 2018. № 1. S. 95-102.

[6] Klyuchevskij V.O. Otzyvy i otvety: 3-j sb. st. Moskva, 1914. S. 481.

[7] Milov S.I. Vstupayushchim v brak. M., 2012. S. 207.

[8] Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. M., 1995. S. 239.

[9] Vse o social'nyh setyah. Vliyanie na cheloveka. [Elektronnyj resurs] // URL: <https://seclgroup.ru/article-vse-o-socialnyh-setjah-vlijaniye-na-cheloveka.html>. (Data obrashcheniya: 23.06.2020).

[10] Turkanova V.I. Privatnost' v Internete i rasprostranenie lichnyh dannyh podrostkami //

Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2010. №14. S. 292.

[11] Sarkisyan M.V. «Bol'tivoe bol'shinstvo»: privatnost', rabota i dosug v kiberprostranstve // CHelovecheskij kapital. 2014. №9 (69). S. 105-107.

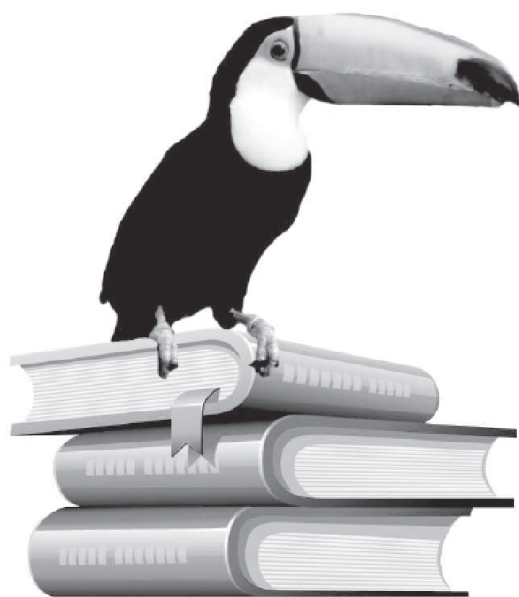
[12] Eko U. Utrachennaya ukromnost' chastnoj zhizni. M., 2007. S. 156.

[13] Eko U. Polnyj nazad. M., 2007, s. 163-165.

[14] Vsyaz statistika interneta na 2020 god — cifry i trendy v mire i v Rossii [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.cossa.ru/news/252951/> (data obrashcheniya 27.05.2021).

[15] Vse bol'she rossiyan razvodyatsya iz-za social'nyh setej [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.amic.ru/news/119004/> (data obrashcheniya 27.05.2021).

[16] Skibo E. «Znakomstva na sajтах znakomstv: vzglyad vracha-psihiatra i mudroj zhenshchiny» // LitMir, 2011.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ, ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию и выявлению проблемных участков правового регулирования возмещения вреда, причиненного органами публичной власти при осуществлении мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. С учетом выявленных особенностей и проблем, выдвинут ряд предложений по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере, с целью наиболее полного восстановления нарушенных прав граждан и юридических лиц.

Ключевые слова: незаконные действия (бездействие), возмещение вреда, государственные органы, должностные лица, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация.

ZVONAREV A.A.,
Candidate of the Department of Civil Law
of the Russian State University of Justice

OBLIGATIONS AS A RESULT OF HARM CAUSED BY STATE BODIES, LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AND THEIR OFFICIALS IN THE IMPLEMENTATION OF MEASURES TO PREVENT AND ELIMINATE EMERGENCY SITUATIONS

Annotation. The article is devoted to the research and revealing of problem areas in the legal regulation of compensation for harm caused by public authorities in the implementation of measures to prevent and eliminate emergencies. Taking into account the identified features and problems, a number of proposals have been put forward to improve legal regulation in this area with the aim of the most complete restoration of the violated rights of citizens and legal entities.

Key words: illegal actions (inaction), compensation for harm, state bodies, officials, a state of emergency, emergency situation.

Действующее российское гражданско-правовое законодательство достаточно подробно регулирует правоотношения, возникающие при причинении вреда гражданам и юридическим лицам действиями (бездействием) органов публичной власти и их должностных лиц при нормальной обстановке и отсутствии угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций.

По общему правилу, незаконные действия (бездействие) вышеуказанных лиц, причинившие вред гражданам и юридическим лицам, обуславливают обязанность публично-правовых образований по возмещению соответствующего вреда. В ряде случаев, прямо установленных в законе, на публично-правовые образования возлагается

обязанность возместить вред, причиненный и правомерными действиями их органов и должностных лиц [1].

В гражданских правоотношениях публично-правовые образования выступают на равных началах с иными участниками рассматриваемых правоотношений, что отличает их от правоотношений, складывающихся в сфере публичного права. Таким образом, принцип возмещения вреда в полном объеме распространяется и на отношения, связанные с возмещением гражданско-правового вреда, причиненного органами публичной власти при осуществлении ими своих функций.

В ряде случаев, связанных с необходимостью защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, возмещение вреда возлагается на органы публичной власти.

чайных ситуаций природного, техногенного либо военного характера, применяются специальные нормы права, которые устанавливают особый правовой режим деятельности органов публичной власти и допускают ограничение прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей [2].

Основа нормативного правового регулирования в вышеуказанных случаях закладывается Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Федеральным законом от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральным законом от 22.08.1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», Постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», Постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации».

Данными нормативными и ненормативными правовыми актами устанавливаются порядок и основания введения и отмены указанных режимов, меры и ограничения, применяемые для предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также регулируется деятельность органов публичной власти, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

В зависимости от степени опасности, выделяются несколько режимов функционирования органов публичной власти, в полномочия которых входит предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций [3]:

1) режим повседневной деятельности – при нормальной обстановке на объектах, территориях или акваториях и отсутствии угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций;

2) режим повышенной готовности – при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций;

3) режим чрезвычайной ситуации – при возникновении и ликвидации чрезвычайных ситуаций;

4) режим чрезвычайного положения – при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер.

Особенностью деятельности органов публичной власти, в частности подразделений единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации (далее – РСЧС) является то, что при предотвращении и устранении чрезвычайных ситуаций может возникнуть необходимость причинения вреда имуществу граждан и юридических лиц.

При этом вопрос возмещения причиненного должностными лицами вреда в результате действий по предотвращению и устранению чрезвычайных ситуаций урегулирован весьма условно. Так, ст. 28 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусматривает применение мер дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в отношении должностных лиц, виновных в невыполнении или недобросовестном выполнении законодательства Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, создании условий и предпосылок к возникновению чрезвычайных ситуаций, непринятии мер по защите жизни и сохранению здоровья людей и других противоправных действиях.

Более конкретно данный вопрос урегулирован в Федеральном законе от 22.08.1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», который устанавливает дисциплинарную, административную, гражданско-правовую или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации в отношении спасателей, виновных в неисполнении обязанностей, возложенных на них трудовым договором (контрактом), умышленном причинении при проведении работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций вреда здоровью спасаемых граждан, нанесении ущерба природной среде, материальным и культурным ценностям. Однако указанные положения действуют лишь в случае причинения вреда спасателями и не применимы в отношении иных сотрудников и должностных лиц подразделений РСЧС [4].

Таким образом, убытки, причиненные гражданам и организациям действиями (бездействием) должностных лиц при предотвращении и устранении чрезвычайных ситуаций, подлежат возмещению на общих условиях возмещения вреда, установленных гражданским законодательством.

Представляется, что подобное правовое регулирование должным образом не соответствует специфике рассматриваемых правоотношений, поскольку недостаточно подробно регламентирует порядок возмещения вреда, что в зна-

чительной мере усложняет процедуру обращения пострадавших лиц в суд с требованием о возмещении причиненного вреда, а также процесс доказывания понесенных убытков.

Кроме того, возникает вопрос: следует ли считать противоправным вред, причиненный должностными лицами имуществу граждан и организаций при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, если действия должностных лиц направлены на устранение опасности, угрожающей гражданам и организациям, и эта опасность в сложившихся условиях не могла быть устранена без причинения указанного вреда, и каковы пределы правомерности и обоснованности причинения вреда при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций?

С одной стороны, если указанные действия считать полностью противоправными, то в определенных случаях становится невозможной сама деятельность по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. С другой - причинение явно не соразмерного угрожающей опасности вреда при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций приведет к еще большим имущественным потерям и нарушению прав граждан и организаций.

На данный момент действующее законодательство в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций не дает однозначного ответа на указанный вопрос.

Исключением являются положения ст. 22 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», освобождающие от возмещения причиненного вреда личный состав пожарной охраны, иных участников тушения пожара, ликвидации аварии, катастрофы, иной чрезвычайной ситуации, действовавших в условиях крайней необходимости и (или) обоснованного риска. Однако данные положения действуют только в отношении должностных лиц, участвующих в тушении пожара, и не применимы в остальных случаях причинения вреда должностными лицами при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В указанных случаях оценку правомерности и обоснованности действий должностных лиц законодатель возлагает на суд, который в порядке ст. 1067 ГК РФ может освободить должностных лиц от возмещения вреда, возникшего в связи с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, как полностью, так и в части, признав его причиненным в состоянии крайней необходимости.

Таким образом, с формальной точки зрения пострадавшие от действий (бездействия) должностных лиц при предупреждении и ликвидации

чрезвычайных ситуаций не лишены возможности возместить причиненный вред, однако неопределенность правового регулирования значительно усложняет данный процесс.

Между тем, представляется разумным подробнее урегулировать правоотношения, складывающиеся в связи с причинением должностными лицами вреда при предотвращении и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Предусмотреть обязанность должностных лиц возместить вред, причиненный их незаконными действиями (бездействием) при предотвращении и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Установить, что должностные лица освобождаются от возмещения причиненного вреда при предотвращении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, если они действовали в условиях крайней необходимости и (или) обоснованного риска, а вред, причиненный гражданам и организациям, в сложившейся ситуации соответствует угрожающей опасности.

Кроме того, следует закрепить возможность и процедуру разрешения соответствующих споров в административном порядке органами РСЧС в целях более оперативного восстановления прав пострадавших лиц без необходимости обращения с заявлением в суд.

При этом следует различать ситуации, когда вред, причиненный в результате чрезвычайных ситуаций, возник в связи с обстоятельствами непреодолимой силы, вопреки действиям должностных лиц по предотвращению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В случае отсутствия причинной связи между действиями должностных лиц и причиненным чрезвычайной ситуацией вредом отсутствует и основание для возмещения вреда.

В ст. 18 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» законодатель закрепил право граждан на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций.

Между тем, установленный порядок восстановления прав пострадавших в подобных ситуациях в силу своей правовой природы нельзя рассматривать в качестве возмещения. Так, предусмотренные Федеральным законом от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ единовременные денежные выплаты носят компенсационный характер и призваны лишь смягчить имущественные потери пострадавших лиц, а не полностью восстановить их нарушенные права. Тогда как при возмещении вреда имущественная сфера пострадавшего подлежит восстановлению в состояние, в котором она находилась до причинения вреда.

Кроме того, ущерб, причиненный здоровью и имуществу граждан вследствие чрезвычайных ситуаций, не подлежит возмещению в порядке, установленном ст. 16, 16.1 и 1069 ГК РФ, поскольку вред причинен вследствие чрезвычайных ситуаций, а не действий органов и должностных лиц публичной власти по предотвращению и ликвидации указанных ситуаций.

В связи с вышеизложенным, представляется логичным внести изменение в ст. 18 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», закрепив право граждан на компенсацию ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций, что позволит избежать правовой неопределенности в рассматриваемой ситуации.

Таким образом, в случаях причинения вреда гражданам и юридическим лицам в результате осуществления органами и должностными лицами публичной власти мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций за исключением ряда случаев подлежат прямому применению общие нормы о возмещении вреда, причиненного государственными органами и их должностными лицами. Между тем, при применении общих норм о возмещении вреда к рассматриваемым правоотношениям не всегда удается учесть их особенности, что приводит к невозможности своевременно и в должной мере восстановить нарушенные права граждан и юридических лиц.

Список литературы:

[1] Звонарев А.А. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц // Образование и право. - 2018. - № 5. - С. 111.

[2] Старостин С.А. Чрезвычайное положение: монография // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Тарасов Е.А. Классификация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Гольцов В.Б. О развитии норм гражданско-правовой ответственности в законодательстве единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

Spisok literatury:

[1] Zvonarev A.A. Vozmeshchenie vreda, prichinnogo pravomernymi dejstviyami gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravleniya, a takzhe ih dolzhnostnyh lic // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 5. - S. 111.

[2] Starostin S.A. Chrezvychajnoe polozhenie: monografiya // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Tarasov E.A. Klassifikaciya chrezvychajnyh situacij prirodnogo i tekhnogennogo haraktera // SPS «Konsul'tantPlyus».

[4] Gol'cov V.B. O razvitii norm grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v zakonodatel'stve edinoj gosudarstvennoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij Rossijskoj Federacii // SPS «Konsul'tantPlyus».

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ГРУДЦЫНА Л.Ю.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса
Северо-Западного института (филиала)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного (государственного) и
международного права Венного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье изложен взгляд авторов на неоднозначность, а порой и противоположный взгляд ученых на сущность и содержание способов защиты прав интеллектуальной собственности. Авторы дают оценку механизма гражданско-правовой и административно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности. Авторы проводят анализ различных механизмов правовой защиты интеллектуальной собственности и приходят к выводу, что меры, принимаемые государством и не связанные с какими-либо неправомерными действиями, в т.ч. предупредительные меры, не являются принудительными мерами, а отождествляются с устанавливаемыми для индивида дополнительными обязанностями. Так же авторы утверждают, что при рассмотрении механизма правовой защиты прав интеллектуальной собственности невозможно обойти вопрос, что один и тот же термин, используемый в нормативных правовых актах, в теории и в практике предстает в различных значениях, неся в себе далеко не тождественную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, механизм правовой защиты, юрисдикционные меры, исключительные права, государство, общество.

GRUDTSINA L. Yu.,
doctor of Law, professor, professor,
Department of Civil Law and Civil Process
North-West Institute (branch) University named after O.E. Kutafin
(Moscow State University)

CHERNYAVSKY A.G.,
doctor of Law, professor, professor,
Department of Constitutional (State) and International Law,
Military University, Ministry of Defence of the Russian Federation

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article presents the authors' view of ambiguity, and sometimes the opposite view of scientists, on the essence and content of ways to protect intellectual property rights. The authors assess the mechanism of civil and administrative protection of intellectual property rights. The authors analyse various mechanisms of legal protection of intellectual property and conclude that measures taken by the state and not related to any unlawful actions, including preventive measures, are not coercive measures, but are identified with additional obligations established for the individual. The authors also argue that when considering the mechanism of legal protection of intellectual property rights, it is impossible to circumvent the question that the same term used in normative legal acts, in theory and in practice, appears in various meanings, bearing a far from identical semantic burden.

Key words: intellectual property, legal protection mechanism, jurisdictional measures, exclusive rights, state, society.

При рассмотрении механизма правовой защиты прав интеллектуальной собственности невозможно обойти вопрос о соотношении понятий «правовая охрана», «правовая защита», «обеспечение» и «гарантирование». Как показывает анализ научной литературы, указанные термины получили различное толкование, их до сих пор не удается вывести за рамки дискуссий, в русле устойчивости и ясности.

Так как в российском законодательстве отсутствуют дефиниции данных категорий, возникает необходимость уточнения их содержания. Отрицательным моментом научного поиска является то, что один и тот же термин, используемый в нормативных правовых актах, в теории и в практике предстает в различных значениях, неся в себе далеко не тождественную смысловую нагрузку, создавая тем самым «какофонию», «запутывание» объективно существующего правового явления. Так, в тексте Конституции РФ есть следующие несоответствия: «право частной собственности охраняется законом» (ст. 35); «материнство, детство и семья находятся под защитой государства» (ст. 38). Подобные разночтения присутствуют и в других статьях Конституции (ст. 8, 23, 30, 37, 41, 45, 55, 59, 75, 82) [1].

Аналогичные расхождения можно найти и в других нормативных актах. Например, как отмечалось выше, ст. 2 ГПК РФ в качестве цели гражданского судопроизводства называет защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и иных лиц, а ст. 1 ГК РФ говорит о необходимости обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты как основы гражданского законодательства.

Из приведенных примеров видно, что законодатель не проводит четкой границы между терминами «обеспечение», «охрана» и «защита», как это делается в научной литературе. Эти понятия применяются к различным «субстанциям», при этом имеет место смешение важнейших юридических понятий.

Для нашего исследования принципиально важно выявить истинное значение терминов «охрана» и «защита», «обеспечение», «гарантирование» и разграничить указанные понятия, для чего необходимо проанализировать известные подходы к определению их сущности.

По мнению Л.А. Левкова, понятие «обеспечение» является родовым по отношению к понятиям «охрана» и «защита» [2] и включает в себя всю систему политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных мер и условий, направленных на наиболее полное пользование личностью социальными благами. Иными словами, термином «обеспечение» прав и свобод

человека охватывается «охрана» и «защита» этих прав и свобод. Отметим, что понятия «охрана» и «защита» также не совпадают, хотя и тесно взаимосвязаны. Они соотносятся как часть и целое. Права и интересы личности, государства охраняются постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм [3].

В юридической литературе имеется и противоположная точка зрения, согласно которой понятия «обеспечение» и «охрана (защита)» являются однопорядковыми, тождественными. Такое понимание строится на том, что государственно-властная деятельность, осуществляемая в процессе претворения в жизнь прав и свобод, хотя и именуется подчас как обеспечивающая их, в основе своей рассматривается как охранительная, как приведение в действие механизма государственного принуждения, как применение юрисдикционных мер и т.п. [4].

Н.В. Витрук под обеспечением прав и свобод понимает их гарантирование, т.е. систему общих условий и специальных (юридических) средств, которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях их охрану [5]. По мнению И.В. Ростовщикова, обеспечение прав и свобод личности в широком понимании есть создание благоприятных условий для их эффективной реализации [6]. Приведенные точки зрения объединяет общий взгляд на обеспечение прав и свобод личности как на синоним условий (гарантий) их реализации.

Особую позицию занимают К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибуллин, которые полагают, что в данном случае речь идет о понятии обеспечения прав и свобод граждан в широком смысле. Политические, экономические, идеологические предпосылки и условия сами по себе еще не обеспечивают реализацию прав и свобод личности. Они становятся собственно гарантиями лишь через юридическую форму и организационные усилия государства и общества, поэтому в рамках всей системы гарантирования можно выделить специальные факторы, составляющие подсистему организационно-правового обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. В сфере их реализации организационно-правовые гарантии полностью совпадают со всей системой гарантирования, что позволяет рассматривать их применительно к этой сфере как однозначные понятия [7].

В литературе также предлагается понимать обеспечение прав и свобод в широком и узком смыслах. В широкой трактовке обеспечение прав и свобод человека есть создание государством гарантий для их осуществления, включающее в себя охрану прав и свобод (статический аспект

обеспечения) и защиту прав и свобод (динамический аспект обеспечения). В узком смысле следует понимать деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, граждан и их объединений, способствующую реализации принадлежащих человеку прав и свобод.

В широком значении обеспечение права – это совокупность (система) общих условий и специально-юридических средств (гарантий), благоприятствующих наиболее полному и эффективному осуществлению прав и свобод личности. В узком значении обеспечение права – это система специально-юридических средств (гарантий), благоприятствующих наиболее полному и эффективному осуществлению прав и свобод личности.

Следовательно, обеспечение – это комплекс гарантий (в т.ч. гарантий реализации и гарантий охраны и защиты), а также сами охрана и защита, т.е. охрана, защита, гарантии – это способы обеспечения прав и, наоборот, обеспечение прав – это итог, результат, следствие охраны, защиты и гарантий. Становится очевидным, что обеспечение прав не совпадает с их охраной, защитой и гарантиями, а является самостоятельной правовой категорией.

По мнению М.А. Андрук, понятия «охрана» и «защита» взаимосвязаны, но не тождественны. Правовая охрана накладывает на государство более широкие обязательства по установлению прав и обязанностей, урегулированного нормами права правоотношения, гарантий права и защиты. Защита представляет собой применение к правонарушителю мер государственного воздействия с целью восстановить нарушенную ценность [8].

Понятия «охрана» и «защита» не совпадают по содержанию. Обычно «защита», как уже отмечалось, связывается с деятельностью, осуществляемой в случае нарушения субъективных прав, и предполагает меры по восстановлению нарушенного права. Понятие «охрана» означает деятельность, обеспечивающую нормальную реализацию субъективных прав и свобод. В ней первостепенное значение имеют предупреждение и недопущение возможных нарушений. Именно это характерно для охранительной функции права. Охрана представляет собой систему мер, которые предназначены для того, чтобы не допустить нарушений прав и интересов участников конкретных правоотношений, а защита вступает в действие, когда нарушение прав и интересов уже произошло. Такое представление в целом соответствует и значению слова «охрана (охранять)» в русском языке.

Защита непременно связана с нарушением права – реальным или возможным. Понятие «охрана» имеет более широкий смысл, включает в себя как правозащитную, так и правообеспечи-

тельную деятельность, связанную с правомерным поведением по реализации субъективного права. Нельзя сводить охрану субъективных прав только к профилактической деятельности. Если нарушенное право в результате правозащитных мер было восстановлено, значит, механизм охраны данного права сработал, реализация права обеспечена, правда, особым, принудительным способом.

А.С. Мордовец полагает, что охрана прав есть состояние правомерной реализации под контролем социальных институтов, но без их вмешательства [9]. Тем самым, признается, что охрана представляет собой деятельность, которая направлена на будущее, создает гарантии соблюдения прав и свобод. Основная задача охраны – не допустить совершение правонарушения, устранить преграды в реализации прав и свобод граждан, тогда как защита представляет собой комплекс предусмотренных законом мер, связанный с конкретным и реальным ограничением или нарушением прав граждан.

М.С. Матейкович выделяет четыре основные формы защиты: государственную, общественную, международную и самозащиту [10].

Таким образом, в понимании категории «защита» сложились два подхода. Согласно первому, права и свободы защищаются только тогда, когда они нарушаются, и соответственно понятие защиты объединяет меры, применяемые после правонарушения. Второй подход исходит из того, что меры защиты применяются тогда, когда реализация прав и свобод затруднена, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать. Здесь вступает в действие восстановительная функция права. Однако, восстановление нарушенных прав – это путь к их обеспечению, но не к защите. Защита осуществляется при нарушении или оспаривании прав и свобод, в то время как охрана начинается с установления общего конституционно-правового режима прав и свобод. Основным условием отнесения тех или иных мер к защите является наличие нарушения права или попытка его нарушить. Поскольку в любой момент осуществления права возможно его нарушение, постольку необходима и защита.

Рассмотрим пример. Как записано в Конституции РФ, право частной собственности охраняется законом. Охрана заключается в предотвращении каких-либо покушений на данное общественное отношение, т.е. в предоставлении возможности собственнику свободно пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом. В случае посягательства на собственность начинает действовать механизм защиты. Собственник, ущемленный в своих правах, может воспользоваться

самозащитой или обратиться за защитой в компетентные органы государства.

Реализация прав есть коллективное или индивидуальное использование индивидами имеющих у них юридических возможностей (например, избирать и быть избранными в органы государственной и муниципальной власти, участвовать в осуществлении избирательных действий, результатом которых является свободная передача представителям народа полномочий по осуществлению государственной власти или решению вопросов местного значения на определенный срок). Охрана – это установление общего правового режима, а защита – те меры, которые предпринимаются в случаях, когда гражданские права нарушены или оспорены.

Различая данные понятия, следует помнить, что конституционная трактовка содержания защиты достаточно широка. Конституция РФ подразумевает под ней как деятельность, направленную на ликвидацию и противодействие нарушениям прав и свобод, так и деятельность по предупреждению этих нарушений, включающую установление гарантий их ненарушаемости.

В наиболее общем виде «защита» есть противодействие незаконным нарушениям прав, свобод и интересов личности, предотвращение этих нарушений, а также возмещение вреда. Если защита – это комплексная система мер, применяемых для обеспечения свободной и надлежащей реализации субъективных прав, включающая различные средства и мероприятия, то охрана – установление общего правового режима, т.е. деятельность, осуществляемая до нарушения прав и свобод.

Н.В. Витрук, анализируя процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан, предлагает самостоятельные определения «охраны» и «защиты», однако подчеркивает, что эти явления тесно связаны и составляют единое целое, которое он называет «охрана (защита) прав» [11]. Схожую позицию занимает А.В. Стремоухов, который считает, что «охрана прав» и «защита» объединяются более широким понятием «правовая защита» [12].

Правовое обеспечение неразрывно связано с гарантированностью (обобщающее понятие, означающее комплекс средств) реализации субъективных прав в процессе их осуществления.

Суть гарантий состоит в том, что они направлены на обеспечение, охрану и защиту прав и свобод человека в целях беспрепятственного пользования ими. Действующая Конституция РФ в отличие от прежних перемещает центр тяжести от обеспечения прав граждан к их защите от возможных нарушений со стороны как государства, так и других лиц.

Против данного утверждения возражают некоторые ученые, утверждая, что взгляд на процесс гарантирования прав и свобод лишь как на их охрану, защиту, пресечение и устранение нарушений, восстановление прав значительно обедняет палитру обеспечительных средств. По существу, считают они, вне поля зрения остаются юридические гарантии, которые обеспечивают самодеятельное, инициативное, творческое поведение личности в сфере права [13].

Назначение гарантий в том, что они призваны обеспечить такую благоприятную обстановку, в атмосфере которой закрепленный в законе юридический статус личности, а также ее права и свободы становились бы фактическим положением каждого отдельного человека и гражданина. Гарантии служат тем надежным мостиком, который обеспечивает необходимый переход от общего к частному, от декларируемой в законе возможности к действительности [14].

В широком плане понятием «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, направленных на реализацию прав и свобод граждан, на устранение возможных причин их неполного или ненадлежащего осуществления и защиту их от нарушений. Под гарантиями следует понимать принятые государством на себя обязанности создавать необходимые условия и предоставлять соответствующие средства, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод всех и каждого.

Правовую природу интеллектуальной собственности необходимо исследовать как объект правовой защиты. Если защита – комплексная система мер, применяемых для обеспечения свободной и надлежащей реализации субъективных прав, включающая различные средства и мероприятия, то охрана – установление общего правового режима, т.е. деятельность, осуществляемая до нарушения прав и свобод. Вместе они объединяются более широким понятием «правовая защита».

Праву интеллектуальной собственности присущ особый правовой режим, обусловленный, прежде всего, многоотраслевым характером законодательства об интеллектуальной собственности, в структуре которого акты гражданского законодательства образуют центральную часть. Отмеченная комплексность находит отражение в механизме защиты интеллектуальных прав, т.е. защита отношений в сфере интеллектуальной собственности не может ограничиваться только гражданско-правовым регулированием.

Основополагающую роль в решении вопросов обеспечения правовой охраны, отвечающих современным потребностям механизмов право-

вой защиты интеллектуальной собственности, призвано играть государство. Как отмечали И.А. Близнец, К.Б. Леонтьев, право интеллектуальной собственности в своей основе является юридическим выражением осознания государством важности культуры и прогресса для сохранения и развития общества [15]. Специалисты в области интеллектуальной собственности неоднократно указывали на важность выработки единой, скоординированной государственной политики по вопросам интеллектуальной собственности и ее защиты, в которой важнейшим направлением является обеспечение адекватной современным требованиям законодательной и иной нормативной правовой базы.

Очевидно, что государство в лице государственных органов постоянно ведет работу по совершенствованию механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, и одним из достигнутых результатов можно считать принятие четвертой части ГК РФ. При анализе проблем защиты прав интеллектуальной собственности следует учитывать, что важнейшей особенностью защиты этого объекта является ее построение преимущественно по системе частного права. При этом законодательство исходит из приоритета гражданско-правовых методов регулирования отношений по поводу интеллектуальной собственности. Именно поэтому нормы гражданского материального закона становятся базовыми для иных видов судопроизводства, поскольку содержат определения основных понятий, используемых в административном и уголовном судопроизводстве [16]. Однако было бы ошибочным безоговорочно относить права интеллектуальной собственности к сфере только частного права и делать вывод о том, что государство не должно вмешиваться в вопросы защиты законных интересов и интересов субъектов интеллектуальной собственности. В некоторых случаях, полагает И.А. Близнец, необходимо применение именно публично-правовых методов.

Разумеется, публично-правовые методы защиты права интеллектуальной собственности в случае его нарушения не должны подменять частноправовые, но нельзя не отметить, что сфера интеллектуальной собственности требует весьма действенного контроля государства и наличия очень жестких санкций. Причем на современном этапе общественного развития невозможно обеспечить полноценную охрану прав интеллектуальной собственности без применения методов административно-правового и уголовно-правового воздействия на нарушителей. Еще в XIX в. российский юрист В.Д. Спасович писал, что есть правонарушения, в которых главный элемент заключается не в материальном вреде, а в про-

глядывающей в действии злой воле... Они не могут быть покрыты одним возмещением вреда [17].

Вообще искусственное противопоставление публичного и частного права не может быть плодотворным для любой области правовой действительности.

Древнеримский юрист Ульпиан публичным правом считал все, что относится к положению государства, а частным – то, что служит интересам отдельных лиц. Классическое определение частного и публичного права дал И.А. Покровский: «В одних областях отношения регулируются исключительно велениями, исходящими от одного государственного центра, каковым является государственная власть. Эта последняя своими нормами указывает каждому отдельному лицу его юридическое место, его права и обязанности по отношению к целому государственному организму и к отдельным лицам... К совершенно другому приему прибегает право в тех областях, которые причисляются к сфере частного или гражданского. Здесь государственная власть принципиально воздерживается от непосредственного властного регулирования отношений» [18].

В современной юриспруденции категорию публичного интереса глубоко исследовал Ю.А. Тихомиров. Он считал, что публичный интерес – это признанный государством и обеспеченный государством интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее существования и развития [19].

Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности основано на нахождении баланса интересов, определении границы государственного вмешательства. С одной стороны, необходимо, чтобы защищались права отдельного правообладателя, а с другой – интересы государства и, следовательно, интересы всего общества. В принципе государство переносит интересы общества на правовой уровень, т.е. превращает интересы общества в публично-правовые, охраняемые путем государственно-принудительных мер. Таким образом, борьба с нарушениями в сфере интеллектуальной собственности только на частноправовой основе неэффективна. В этой сфере также должны применяться и применяются публично-правовые методы, осуществляемые органами, наделенными властными полномочиями (в частности, МВД, Госналогслужбой, Государственным таможенным комитетом).

Универсальной статьей, определяющей способы защиты гражданских прав, в т.ч. прав интеллектуальной собственности, является ст. 12 ГК РФ, в которой указан перечень, каким путем могут быть защищены права интеллектуальной собственности.

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку в самой ст. 12 ГК РФ говорится о возможности защиты прав и интересов иными способами, предусмотренными законом. В частности, ст. 1251 ГК РФ предусматривает такой дополнительный способ защиты, как публикация решения суда о допущенном нарушении. Подобная мера может применяться независимо от вины нарушителя интеллектуальных прав и за его счет (ст. 1250 ГК РФ). Помимо этого, ст. 1252 ГК РФ предусматривает возможность изъятия материального носителя, который признан контрафактным, поскольку изготовление, распространение и иное использование этих материальных носителей приводят к нарушению исключительных прав.

Еще один способ защиты, указанный в п. 5 ст. 1252 ГК РФ, состоит в изъятии и уничтожении за счет нарушителя оборудования, прочих устройств и материалов, используемых или предназначенных для совершения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Новый способ, направленный на защиту нарушенных интеллектуальных прав и предупреждение такого нарушения в будущем, дает норма ст. 1253 ГК РФ, в соответствии с которой юридическое лицо, неоднократно или грубо нарушающее исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, может быть ликвидировано по решению суда.

Расширяя сферу защиты интеллектуальной собственности, Гражданский кодекс РФ отсылает нас к антимонопольному законодательству, которое позволяет применить нормы о недобросовестной конкуренции и другие нормы в случаях, когда нарушены исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица.

Сомнительность научной обоснованности перечня способов защиты, предусмотренного ст. 12 ГК РФ, отмечает А.П. Сергеев, указывая на то, что некоторые способы защиты взаимно перекрывают друг друга. В то же время он признает, что перечень наиболее распространенных способов защиты является полезной мерой, т.к. потерпевшие ориентируются на возможный инструментальный средств защиты своих нарушенных прав, что облегчает их выбор [20]. На наш взгляд, рассуждая о слабости научной обоснованности указанного перечня, необходимо стимулировать исследователей к выяснению природы способов защиты и их классификации. Прежде всего, следует определить содержание самого термина «способ», поскольку в юридической литературе он применяется в несколько ином смысле, чем его действительное (филологическое) содержание. Если следовать С.И. Ожегову, то под способом понимаются

«действия или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [21]. Иными словами, под способом должна пониматься определенного рода деятельность субъекта права – последовательная, целенаправленная и т.д. А.П. Сергеев объясняет данное понятие применительно к вопросу о способе как объекте изобретения следующим образом: «Способ – это совокупность приемов, выполняемых в определенной последовательности или с соблюдением определенных правил. Как объект изобретения способ характеризуется технологическими средствами: наличием определенного действия или совокупности действий, порядком выполнения таких действий (последовательно, одновременно, в различных сочетаниях и т.п.), условиями осуществления действий, режимом использования веществ (исходного сырья, реагентов, катализаторов и т.д.), устройств (приспособлений, инструментов, оборудования и др.), штаммов микроорганизмов и проч.» [22].

Однако А.П. Сергеев термин «способ» применительно к защите права интерпретирует по-другому. В частности, он утверждает, что «под способами защиты субъективных гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя» [23]. Но в данной интерпретации – это будет не способ защиты, а мера защиты, что не одно и то же. Более того, формулировка способов защиты в такой интерпретации в действительности является санкцией гражданско-правовой ответственности, потому что для защиты необязателен во всех случаях принудительный характер мер защиты, а обладатель субъективного права не всегда может воздействовать на правонарушителя. У него другая цель – защитить право.

Системный анализ способов защиты интеллектуальных прав в соответствии с четвертой частью ГК РФ позволяет утверждать, что законодательство закрепляет определенные права требования за обладателями исключительных прав, отражающие юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты прав интеллектуальной собственности. Однако ни одно из предусмотренных действий (кроме самозащиты) правообладатель не вправе использовать по собственному усмотрению, поэтому защита права интеллектуальной собственности осуществляется в судебном порядке. При этом только сам правообладатель или другое лицо по его поручению имеет право обратиться с иском в суд для защиты нарушенных прав. Следовательно, для защиты своего нару-

шенного права на результаты интеллектуальной деятельности правообладатель должен обращаться в суд. Но, как показывает мировая и отечественная практика судебной защиты прав интеллектуальной собственности, гражданские и арбитражные судебные процессы развиваются слишком медленно и стоят слишком дорого и поэтому не могут стать надежным профилактическим и сдерживающим средством [24].

Вместе с тем, обращение в суд с гражданским иском не единственный способ защиты прав интеллектуальной собственности. Автор, обладатель смежных, патентных прав или иной обладатель исключительных прав могут также обратиться в органы прокуратуры, органы дознания и предварительного следствия в соответствии с их компетенцией.

Для борьбы с нарушениями в сфере интеллектуальной собственности у государства существует довольно обширный арсенал методов управленческого воздействия на поведение людей, которые с общетеоретических позиций принято разделять на два универсальных метода – убеждение и принуждение. Эти методы представляют собой определенную систему мер государственного управленческого воздействия и играют существенную роль в борьбе с нарушениями прав интеллектуальной собственности.

Существует также точка зрения, согласно которой самостоятельным методом воздействия на сознание и волю людей является поощрение. Однако, поскольку убеждение как метод может выражаться и в поощрении, представляется неоправданным обособление поощрения в качестве отдельного метода.

Исходя из того, что Российское государство по Конституции РФ является демократическим и правовым, а права и свободы каждого человека являются высшей ценностью и определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 1, 2, 18), основным методом достижения целей, реализации задачи осуществления функций государства (в т.ч. в сфере борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности) должно быть убеждение. Данное утверждение, в частности, связано с тем, что убеждение, во-первых, можно использовать на регулярной основе в отношении неопределенного круга людей, во-вторых, оно напрямую не связано с ограничениями прав и интересов граждан со стороны государства и, в-третьих, оно основывается на объяснении и доведении до понимания всех субъектов целесообразности и правильности нормативных предписаний и на побуждении добровольно исполнять эти предписания.

Данный метод в области борьбы с правонарушениями в сфере интеллектуальной собствен-

ности может состоять в использовании таких средств, как воспитание уважения к результатам чужого интеллектуального труда, формирование общественного правового сознания и культуры, разъяснение общественной опасности интеллектуального пиратства, пропаганда приобретения лицензионной продукции и сознательного отказа от приобретения и использования контрафактных товаров, государственное стимулирование снижения цен на легальную продукцию аудиовизуальной индустрии и т.д. [25].

Если убеждение основывается на пропаганде определенного поведения, разъяснении необходимости или желательности такого поведения, то принуждение – это жесткое подчинение поведения людей воле государства, достижение желаемого результата вопреки воле субъекта при его внутреннем, а подчас и внешнем сопротивлении. В связи с этим, наука и административная практика выработали общие подходы к данному методу государственного управления, его применению и соотношению его с убеждением. Здесь необходимо выделить то, что принуждение должно применяться к минимальному числу людей на базе убеждения всего населения, причем только в случае, если убеждением не удалось достичь положительного результата. При этом непреложным правилом должно быть то, что принуждение следует применять только на законном основании в соответствии с правовыми нормами и только в целях защиты прав и законных интересов граждан.

Принуждение в самом широком смысле можно определить - как внешнее воздействие на волю индивида или социальной группы, направленное на то, чтобы заставить принуждаемого выполнить определенные действия или отказаться от их выполнения.

Государственное принуждение, в свою очередь, представляет собой нормативно определенные средства, способы, приемы, осуществляемые государственно-властными органами и их должностными лицами по отношению к конкретному лицу, направленные на то, чтобы заставить данное лицо совершить какие-либо действия или отказаться от их совершения либо подчиниться правоустановлениям, и выражающиеся в определенных ограничениях или неблагоприятных последствиях организационного, личного, имущественного характера.

Данное определение позволяет выделить несколько общих признаков государственного принуждения.

Во-первых, оно полностью основывается на правовых нормах. В законодательстве должны быть четко определены меры государственного принуждения, а также условия, порядок, проце-

дуры реализации и основания применения этих мер.

Во-вторых, оно применяется уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами (кроме особых случаев делегирования государством на основании законов отдельных полномочий иным субъектам).

В-третьих, принуждение проявляется в определенном психическом или физическом воздействии на сознание и поведение людей, которое выражается в определенных ограничениях или неблагоприятных последствиях организационного, личного, имущественного характера.

В-четвертых, эти меры должны применяться только для обеспечения прав и законных интересов граждан, охраны правопорядка.

Исследование механизма гражданско-правовой и административно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности позволяет сделать вывод, что целью государства в сфере интеллектуальной собственности является стимулирование деятельности создателей интеллектуального продукта во благо развития страны, содействие использованию результатов творчества в интересах всего общества, поэтому совершенствование механизмов защиты прав интеллектуальной собственности – одно из важнейших направлений государственной деятельности.

Список литературы:

- [1] Чернявский А.Г. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция (постатейный), Нормативная литература. М., 2020.
- [2] Левков А.А. Меры защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2002. - С. 9.
- [3] Матузов Н.И. Правовая система и личность. - Саратов, 1987. - С. 131.
- [4] Баранников Л.И., Чернявский А.Г. Оценка материальной и интеллектуальной собственности. – М., 2017. - С. 115.
- [5] Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. - М., 1980. - С. 195–196.
- [6] Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. - М., 1976. - С. 61.
- [7] Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. - Уфа, 1991. - С. 61.
- [8] Андрук М.А. Права на защиту чести и охрану личного достоинства: конституционно-правовой аспект // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. - Воронеж, 2004. - Ч. 1. - С. 23.
- [9] Мордовец А.С. Социальные юридические механизмы обеспечения прав и гражданина. - М., 2006. - С. 94.
- [10] Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. - М., 2003. - С. 89.
- [11] Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. - М., 1976. - С. 104–105; Механизм реализации политических прав и свобод граждан // Советское государство в условиях развитого социалистического общества. - М., 1978. - С. 96–97; Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. - М., 1979. - С. 202–203.
- [12] Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита. - СПб., 1996. - С. 18.
- [13] Александрова А.П. Защита социально-экономических прав и свобод. Общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2002. - С. 17; Кондаков А.В. Предупреждение нарушений законности в правоохранительной деятельности милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2006.
- [14] Чернявский А.Г. Действительность, истинность, правомерность. Образование и право. - 2021. - № 2. - С. 72 - 90.
- [15] Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Интеллектуальная собственность и исключительные права
- [16] Дорошков В.В. Проблемы судебной защиты интеллектуальных прав в условиях вступления в силу части четвертой ГК РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. - 2008. - № 1. - С. 28.
- [17] Спасович В.Д. Учебник уголовного права. – СПб., Санкт-Петербург. тип. И. Огризко, 1863. - С. 5 - 6.
- [18] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права – Пг.: Петроградск. изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. - С. 8.
- [19] Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учеб. - М.: ЭКСМО, 2008. - С. 67.
- [20] Гражданское право: учебник; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М., 1998. - Ч. 1. - С. 285.
- [21] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - 14-е изд., стереотип. - М., 1983. - С. 674.
- [22] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учеб. - М.: Велби, 2003. - С. 362.
- [23] Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. - М.: Велби; Проспект, 2005. - Т. 1. - С. 293.

[24] Дорошков В.В. Проблемные вопросы защиты интеллектуальной собственности в судах общей юрисдикции // Право интеллектуальной собственности. - 2010. - № 2. - С. 7.

[25] Симонов Б.П. О состоянии правовой охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Право интеллектуальной собственности. - 2009. - № 2. - С. 12.

Spisok literatury:

[1] Chernyavskij A.G. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii. Novaya redakciya (postatejnyj), Normativnaya literatura. M., 2020.

[2] Levkov A.A. Mery zashchity v rossijskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. - Volgograd, 2002. - S. 9.

[3] Matuzov N.I. Pravovaya sistema i lichnost'. - Saratov, 1987. - S. 131.

[4] Barannikov L.I., Chernyavskij A.G. Ocenka material'noj i intellektual'noj sobstvennosti. - M., 2017. - S. 115.

[5] Vitruk N.V. Social'no-pravovoj mekhanizm realizacii konstitucionnyh prav i svobod grazhdan // Konstitucionnyj status lichnosti v SSSR. - M., 1980. - S. 195–196.

[6] Rostovshchikov I.V. Obespechenie prav i svobod lichnosti v SSSR. - M., 1976. - S. 61.

[7] Tolkachyov K.B., Habibullin A.G. Organy vnutrennih del v mekhanizme obespecheniya lichnyh konstitucionnyh prav i svobod grazhdan. - Ufa, 1991. - S. 61.

[8] Andruk M.A. Prava na zashchitu chesti i ohranu lichnogo dostoinstva: konstitucionno-pravovoj aspekt // Rossijskoe pravovoe gosudarstvo: itogi formirovaniya i perspektivy razvitiya. - Voronezh, 2004. - Ch. 1. - S. 23.

[9] Mordovec A.S. Social'nye juridicheskie mekhanizmy obespecheniya prav i grazhdanina. - M., 2006. - S. 94.

[10] Matejkovich M.S. Zashchita izbiratel'nyh prav grazhdan v Rossijskoj Federacii. - M., 2003. - S. 89.

[11] Vitruk N.V. Processual'nye formy realizacii i ohrany prav i obyazannostej grazhdan // Yuridicheskaya processual'naya forma: teoriya i praktika. - M., 1976. - S. 104–105; Mekhanizm realizacii politicheskikh prav i svobod grazhdan // Sovetskoe gosudarstvo v usloviyah razvitogo socialisticheskogo obshchestva. - M., 1978. - S. 96–97; Osnovy teorii

pravovogo polozheniya lichnosti v socialisticheskom obshchestve. - M., 1979. - S. 202–203.

[12] Stremouhov A.V. Chelovek i ego pravovaya zashchita. - SPb., 1996. - S. 18.

[13] Aleksandrova A.P. Zashchita social'no-ekonomicheskikh prav i svobod. Obshcheteoreticheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. - Kazan', 2002. - S. 17; Kondakov A.V. Preduprezhdenie narushenij zakonnosti v pravoohranitel'noj deyatelnosti milicii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. - Saratov, 2006.

[14] Chernyavskij A.G. Dejstvitel'nost', istinnost', pravomernost'. Obrazovanie i pravo. - 2021. - № 2. - S. 72 - 90.

[15] Bliznec I.A., Leont'ev K.B. Intellektual'naya sobstvennost' i isklyuchitel'nye prava

[16] Doroshkov V.V. Problemy sudebnoj zashchity intellektual'nyh prav v usloviyah vstupleniya v silu chasti chetvertoj GK RF // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. - 2008. - № 1. - S. 28.

[17] Spasovich V.D. Uchebnik ugolovnogo prava. - SPb., Sankt-Peterburg. tip. I. Ogrizko, 1863. - S. 5 - 6.

[18] Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava - Pg.: Petrogradsk. izd. jurid. kn. skl. «Pravo», 1917. - S. 8.

[19] Tihomirov Yu.A. Sovremennoe publichnoe pravo: monograficheskij ucheb. - M.: EKSMO, 2008. - S. 67.

[20] Grazhdanskoe pravo: uchebnik; pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. - M., 1998. - Ch. 1. - S. 285.

[21] Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N.Yu. Shvedovoj. - 14-e izd., stereotip. - M., 1983. - S. 674.

[22] Sergeev A.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii: ucheb. - M.: Velbi, 2003. - S. 362.

[23] Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 t. / pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. - M.: Velbi; Prospekt, 2005. - T. 1. - S. 293.

[24] Doroshkov V.V. Problemnye voprosy zashchity intellektual'noj sobstvennosti v sudah obshchej yurisdikcii // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. - 2010. - № 2. - S. 7.

[25] Simonov B.P. O sostoyanii pravovoj ohrany intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. - 2009. - № 2. - S. 12.

МНОГОМЕРНАЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта 19-011-00528 «Концепт справедливости
в современной российской правовой системе».

Аннотация. Статья представляет собой продолжение исследования использования понятия «справедливость» в практике Спортивного арбитражного суда (CAS) при разрешении спортивных споров. Автор обобщил и проанализировал все решения арбитража, в которых в качестве аргументов сторон или самого CAS фигурировали разные виды справедливости: процессуальная справедливость (*procedural fairness*), справедливое разрешение споров (*natural justice*), надлежащая правовая процедура (*due process*). В результате автором были сделаны выводы о причинах терминологического многообразия, наметившемся векторе систематизации *procedural fairness* как составляющей *natural justice*, а также необходимости соединения гарантий *natural justice* и *due process* как концепта справедливости. Необходимость появления такого концепта как расширения каталога гарантий обусловлена потребностью отхода от формального постулирования CAS полного пересмотра дела *de novo* в пользу фактического соответствия такой прерогативе – проверке процедур разрешения споров органами спортивных федераций, организаций на соответствие концепту справедливости.

Ключевые слова: Спортивный арбитражный суд, спортивные споры, процессуальная справедливость, справедливое разрешение споров, надлежащая правовая процедура, концепт справедливости.

VASILYEV Ilya Aleksandrovich,
PhD in Law, Associate Professor
Saint Petersburg State University

MULTIDIMENSIONAL “FAIRNESS” IN THE SPORTS DISPUTES RESOLUTION

This research was funded by RFBR according to the research project N 19-011-00528
«The concept of justice in the modern Russian legal system».

Annotation. The article is a continuation of the study of the use of the concept of “fairness” in the practice of the Court of Arbitration for Sport (CAS) in the resolution of sports disputes. The author summarized and analyzed all arbitration decisions in which different types of justice appeared as arguments of the parties or the CAS itself: procedural fairness, natural justice, due process. As a result, the author made conclusions about the reasons for terminological diversity, the outlined vector of systematization of procedural fairness as a component of natural justice, as well as the need to combine the guarantees of natural justice and the due process as a concept of fairness. The need for the emergence of such a concept as expanding the catalog of guarantees is due to the need to move away from the formal postulation of the CAS of a complete *de novo* review of the case in favor of actual compliance with such a prerogative – checking the dispute resolution procedures by the bodies of sports federations and organizations for compliance with the concept of fairness.

Key words: Court of Arbitration for Sport, sports disputes resolution procedural fairness, natural justice, due process, concept of fairness.

1. Введение.

«Судейство было вопиющей несправедливостью» [1]. Именно такое, однозначное, на первый взгляд, высказывание недавно сопровождало Олимпийские игры в Токио в одном из видов спорта. В действительности понимание справедливости может различаться даже у субъектов профессионального спорта применительно к юридической оценке ситуаций, связанных с подготовкой и участием в соревнованиях. Использование «справедливости» в статусе принципа для процесса нормотворчества и правоприменения международных и национальных спортивных федераций, организаций на текущий момент не может быть признано состоявшимся фактом. Некоторые авторитеты сравнительного правоведения рассуждают о справедливости в однозначном значении: как о принципе частного права, нуждающемся в закреплении во благо возникновения у сторон частнопроводных отношений (к которым относятся и таковые субъектов спорта, заметим) обязанности учитывать и взвешивать интересы друг друга [2]. Спортивное право, отношения, в рамках которого тоже относят к частному праву [3], однако пока не торопится с полноценным признанием статуса принципа за справедливостью.

Даже надделение справедливости значением руководящего принципа, аргумента для спортивного правосудия присутствует далеко не в каждом релевантном правоприменительном решении юрисдикционных органов или Спортивного арбитражного суда (CAS, арбитраж). В предыдущих наших исследованиях мы обращали внимание на несколько значений понятия «справедливость». Благодаря обобщению и анализу нескольких сотен позиций CAS в течение трёхгодичного исследования мы пришли к выводу о наличии нескольких областей использования данного понятия, которые мы далее перечислим для полноты понимания читателя. Однако все их затруднительно имплементировать в единое метапонятие, что впрочем, и не является предметом нашего настоящего исследования.

В данной статье мы представим раскрытие *status quo* видов справедливости для разрешения спортивных споров и вариант конструирования соответствующего концепта справедливости.

2. Основное исследование.

Первая сфера использования понятия «справедливость» представлена в антидопинговом регулировании, когда требуется индивидуализация негативных мер принуждения (исключение по аннулированию результатов спортсмена – *fairness exception*) или оставить открытым перечень оснований для предоставления разрешения на ретроактивное терапевтическое использование (*fairness criterion*) [4]. В подобных примерах

справедливость может быть названа нами принципом материального права, защищающим целостность соревнований и обоснованно расширяющим границы индивидуальных ситуаций спортсменов.

Во-вторых, статус материально-правового принципа справедливость приобретает в процессе поиска мотивации для проверки на пропорциональность (т.е. регулирования, ограничивающего права субъектов спорта, но соответствующего поставленной цели) некоторых нормативно-правовых решений спортивных федераций и организаций. Например, при обсуждении финансового фэйр-плей УЕФА (UEFA Financial Fair Play) как материального критерия, дополняющего спортивные критерии-требования к клубам для участия в соревнованиях, организованных данной футбольной конфедерацией [5].

Третья сфера использования справедливости представлена в правоприменительной практике юрисдикционных органов и арбитража. В данном случае следует говорить о процессуальном значении, гарантирующем надлежащее, при соблюдении набора ключевых гарантий, рассмотрение спора. В таком контексте могут использоваться три близких, но не идентичных термина: процессуальная справедливость (*procedural fairness*); справедливое разрешение споров (*natural justice*); выступать эквивалентом надлежащей правовой процедуры (*due process*).

2.1. Надлежащая правовая процедура (*due process*).

Нарушения прав на надлежащую правовую процедуру во время дисциплинарных разбирательств в юрисдикционных органах спортивных федераций, организаций не являются достаточными сами по себе для отмены дисциплинарного решения, обжалованного в арбитраж [6]. Несоблюдение *due process* преодолевается при помощи апелляционного рассмотрения *de novo* в CAS, что предполагает сдержанное отношение арбитража к доказыванию сторонами фактов нарушений, состоявшихся на предыдущих стадиях разрешения споров [7]. Арбитраж не выступает в роли апелляционной инстанции в системе разрешения споров спортивных федераций, организаций, объем проверки которых традиционно ограничивается в основном процессуальными аспектами, контролем правильности процедуры, способа, которым было вынесено решение, а также оснований, приведённых для решения и компетенции органа, принимавшего решение. В миссию CAS входит независимое определение правильности утверждений сторон по существу, не ограничиваясь оценкой правильности предыдущей процедуры и состоявшегося решения [8].

Содержание принципа надлежащей правовой процедуры (*due process*) не является унифицированным в практике CAS. Стандартное понимание сводится к тому, что лицу, право которого нарушено, должно быть предоставлено право защитить себя до принятия соответствующего решения [9]. Однако, проанализировав решения спортивного арбитража, мы можем найти и дополнения к рассматриваемому принципу:

1) Любой субъект спорта должен быть заранее уведомлен о возбуждении против него дисциплинарного производства или подачи заявления и иметь право оспорить таковое [10]. Спортивной федерации, организации требуется предоставить субъекту спорта данную возможность, и отказ последнего от неё не означает нарушение принципа.

2) Реализация права на защиту, включая права быть заслушанным, зависит от воли сторон, именно на их ответственности будет отказ от применения таковых. Например, когда спортсмену неоднократно сообщали в письменной форме об открытых дисциплинарных разбирательствах в отношении клуба в результате неисполнения обязательств, и что дело будет рассмотрено на основе материалов и доказательств, имеющихся в распоряжении юрисдикционного органа, если податель апелляции не представит дополнительные доказательства в течение установленного срока [11].

3) Не уведомление субъекта спорта о составе юрисдикционного органа, рассматривающего спор, не влечёт признание невыполнения надлежащей правовой процедуры, если было реализовано право на защиту и не попирались принципы равногo представительства [12].

4) Использование спортивной федерацией неадекватного порядка уведомления стороны в процессе разрешения спора также может составлять нарушение *due process*: направление писем и факсимильных сообщений в адрес национальной футбольной федерации, адресованных данной организации и спортсмену, но не клубу, а также отсутствие попыток проверить, получал ли клуб уведомление [13].

5) Отказ спортивной федерации, организации в предоставлении субъекту спорта доступа к материалам расследования против него [14].

6) Требование к спортивному правоприменителю не основывать свое решение на фактах и доказательствах, которые не обсуждались в ходе разбирательства [15].

7) Нарушение надлежащей правовой процедуры может быть установлено, когда привлекаемому к спортивной ответственности лицу не было направлено решение юрисдикционного органа,

препятствующее использованию права на обжалование в установленном порядке [16].

В то же время, арбитраж отмечает, что нельзя исключать в правоприменительной практике редкие ситуации, когда юрисдикционный упускает из виду явное отклонение от надлежащей правовой процедуры (*de novo*), поскольку считает, что решение сохранялось бы таким же в любом случае: не было доказательств, которые привлекаемый к спортивной ответственности субъект мог бы заявить, чтобы убедить в другом решении [17].

Подчеркнём, что гарантия *due process* не ограничивается арбитражной или юрисдикционной деятельностью. Даже в отсутствие дисциплинарной процедуры (проведения расследования, выдвижения обвинения, рассмотрения спора), не реализация спортсменом своего права на защиту перед административным органом (собранием членов спортивной федерации) означает соответствие *due process* [18]. В то же время, в одном из последних споров на Олимпийских играх 2020 г. в Токио, рассмотренных CAS [19], спортивный функционер заявлял о молчании Международного олимпийского комитета (МОК) в отношении его запроса о причинах отзыва аккредитации на Олимпийские игры как нарушении права на справедливое правосудие – права на защиту в надлежащий срок перед независимым юрисдикционным органом. Тем самым, как казалось заявителю, поправка надлежащая правовая процедура (*due process*) для применения меры принуждения. Однако арбитраж не придал данному факту юридического значения, опираясь на свою прерогативу пересмотра спора *de novo*.

2.2. Справедливое разрешение споров (*natural justice*).

Апелляционное рассмотрение спора в арбитраже позволяет элиминировать нарушения, допущенные в нижестоящих инстанциях [20], но не означает игнорирование процессуальных недостатков регламентов международных и национальных спортивных федераций, организаций: чем лучше процедуры, тем меньше случаев обращения в CAS за защитой нарушенного права. Поэтому в одном из решений спортивный арбитраж сформулировал шесть не исчерпывающих требований к системе разрешения спортивных споров федераций, организаций, рассматривая их совокупность в качестве гарантии справедливого разрешения споров (*natural justice*) [21]:

1) Демаркационная линия между ролями ведущего расследование, обвинителя и правоприменителя – юридическое разделение властей.

2) Четкое разграничение между лицами, которые заседают в первой инстанции, и теми, кто заседает в любых органах, в которых решения

первой инстанции могут быть обжалованы в рамках одной и той же федерации, организации.

3) Полное раскрытие обвиняемому в дисциплинарном проступке всех доказательств, *собранных федерацией*, организацией, которые могут ему помочь в выстраивании собственной линии защиты. Юрисдикционный орган или арбитраж могут прямо или косвенно ограничить либо лишить права субъектом спорта на поиск и представление доказательств. Например, когда не предоставлено обвиняемому спортсмену документов, находящихся в распоряжении федерации и относящихся к существу спора (не были направлены даже выдержки из отчётов тренеров в связи с состоянием спортсмена), было расценено в качестве отсутствия у обвиняемого возможности совершения процессуальных действий, основанных на такой информации [22]. В то же время, если субъект спорта имел право получить документы, хотя бы таковые и не были направлены ему юрисдикционным органом, CAS не устанавливает нарушение справедливого разрешения споров (*natural justice*) [23].

4) Юрисдикционный орган должен быть огражден от фактов, *которые влияют негативно на оценку личности обвиняемого*, и на которые сторона обвинения не планирует полагаться в своей линии.

5) Привлекаемый к ответственности имеет право на все процессуальные действия, которые будут использованы в его споре другой стороной.

6) Никакие изменения дисциплинарной процедуры не должны иметь обратной силы, если они не благоприятны для привлекаемого к спортивной ответственности лица.

Проанализировав практику арбитража, мы можем выделить дополнительные критерии справедливого разрешения споров:

7) *Nemo iudex in causa sua* [24]. CAS занял однозначную позицию о нарушении названного требования в ситуации, когда в юрисдикционном органе председательствовало лицо, являвшееся свидетелем разбираемого инцидента: такое скомпрометировано, поскольку отстаивало бы свою собственную версию, не являясь ни фактически, ни явно беспристрастным [25]. С другой стороны, если лицо, действующее от имени спортивной федерации, организации, является соотечественником одной из сторон спора, это само по себе не может вызывать подозрение в предвзятости, в отсутствии доказательств, а значит, не ставит под сомнение соблюдение справедливости [26]. Данная линия рассуждений поддержана арбитражем и в решении, не подтвердившем, что «справедливость, логика и здравый смысл требуют, чтобы футбольный судья матча был назначен из региона, отличного от того, к которому принадлежит

команда соперника: назначенный на матч судья сыграл ключевую роль в инцидентах, имел особые отношения с Египетской футбольной федерацией и «глубокие связи» также с египетскими командами» в международных соревнованиях [27].

8) *Audi alteram partem* [28], что означает требование к органам спортивной федерации, организации обеспечить субъекту спорта право на рассмотрение спора с его участием [29]. Однако таковое рассматривается CAS через призму своей прерогативы *de novo*: разрешение спора в апелляционном порядке означает предоставление сторонам возможности реализовать своё право представить позицию как в письменной, так и в устной форме, что устраняет любое нарушение, которое могло состояться ранее в юрисдикционных органах спортивной федерации, организации [30].

9) Нарушение органами спортивной федерации, организации собственной юрисдикции или гарантий, предоставленных привлекаемому к ответственности лицу, означает нарушение права на справедливое разрешение спора (*natural justice*) [31]. Как отмечалось арбитражем в одном из споров, после получения факсимильного сообщения, которое состояло только из пустых страниц, справедливо можно было бы ожидать, что ФИФА как получатель была обязана уведомить отправителя. В противном случае последний будет полагаться на положительные факсимильные отчеты, предполагая, что факс был передан. Во время передачи по факсу у клуба не было оснований полагать, что отправленный документ в ФИФА не получен [32].

10) Автоматическое применение мер принуждения, *являющееся фактически* повторной спортивной ответственностью. Так, CAS признал не имеющим юридической силы такое установленное МОК требование для отбора в национальную сборную на Олимпийские игры, как наличие истории привлечения к спортивной ответственности за нарушение антидопингового регулирования (даже если санкции уже были отбыты) [33]. Такая мера, представленная в официальном разъяснении международной спортивной федерации, является санкцией по существу: субъект наказывается дважды за один проступок, а значит, норма попирает право на справедливое разрешение спора (*natural justice*). Арбитраж выступил против позиции МОК об автономии выбора для своей правовой базы применимости принципа справедливого разрешения споров. Наоборот, в ситуации применение коллективной ответственности вследствие нарушения антидопингового регулирования, спортсменам должна быть предоставлена такая гаран-

тия, чтобы опровергнуть применимость к нему введённых ограничений [34].

2.3. Процессуальная справедливость (procedural fairness).

Соблюдение процессуальной справедливости рассматривается арбитражем как последовательная и соответствующая регламентам конкретной спортивной федерации процедура (не только юрисдикционная, но и административная), включающая проверку соответствия общим принципам права [35].

Обобщим представленные в практике CAS критерии процессуальной справедливости:

1) *Procedural fairness* не попирается, когда в порядок допуска участников соревнований вносятся изменения ретроспективного характера только в отношении определённых доказательств – оценки результатов антидопингового тестирования соответствующих спортсменов [36].

2) Доктрина правомерных ожиданий (*legitimate expectations*) также может быть связана с процессуальной справедливостью. Например, в одном из споров арбитраж указывал, что в отсутствии какой-либо информации о порядке отбора спортсменов, доверие последних к руководителю национальной спортивной федерации было вполне обоснованно: последний сообщил об успешном отборе двоих спортсменов. Однако, т.к. квалификационная система международной федерации предусматривала только одну квоту, действия официального лица национальной федерации хотя и были процессуально несправедливыми, но не создали материального права, позволяющего и второму спортсмену принять участие в международном соревновании [37].

3) Процессуальная справедливость нарушается, если спортсменам не предоставлялась в разумное время возможность опровергнуть доказательства, собранные спортивной федерацией, организацией против них. В одном из споров арбитраж сделал вывод, что когда названное право спортсменами не было реализовано (субъекты спорта не заявляли доказательств и не просили времени для их поиска), то им не было отказано в справедливом разрешении спора (*natural justice*) или процессуальной справедливости (*procedural fairness*) [38]. Из контекста аргументации CAS в отношении доказывания нам видится, что речь шла именно о процессуальной справедливости в связи с правом поиска и предоставления доказательств, включая получения в арбитражном производстве разумного времени для этого. Напомним, что арбитраж рассматривает и справедливое разбирательство (*fair trial*) как неотъемлемо включающее право субъекта спора на определённое время для подготовки к участию в рассмотрении спора с его участием [39].

4) Запрет на ретроспективное применение норм спортивной федерации, не влияющих положительно на реализацию прав субъекта спорта. Нарушение такого требования арбитраж склонен рассматривать в качестве попираания процессуальной справедливости в отношении субъекта спорта. Так, позднее принятие и опубликование спортивной федерацией правила-ограничения, когда регламент соревнования, не содержащий ограничений для множественного владения, был уже выпущен и доведен до сведения заинтересованных футбольных клубов, было признано CAS нарушением процессуальной справедливости [40]. Неспособность международной спортивной федерации принять и опубликовать правила отбора для спортсменов на Олимпийские игры на достаточно ранней стадии, во всяком случае, до начала спортивного сезона, противоречит общему принципу процессуальной справедливости [41]. Процессуальная справедливость по отношению к своим членам требует, чтобы международные федерации объявили на достаточно ранней стадии процесс олимпийской квалификации и не изменяли его, когда национальные федерации и их спортсмены уже начали спортивный сезон перед Олимпийскими играми [42]. Изменение процедуры принятия новых членов в международную федерацию, имеющее ретроспективный характер, не является по умолчанию несправедливым, если таковые в ситуации конкуренции не отдадут предпочтение одной из национальных федераций. Необходимость и нейтральность, в свою очередь, обосновывает соответствие ретроспективных изменений требованию справедливости [43]. В одном из решений арбитраж занял позицию, что ФИФА не может применять критерии членства, вступившие в силу в 2014 г., ретроспективно к заявке на включение национальной федерации в число членов, поданной еще в 1997 г. (и с тех пор никогда не отклоненной), поскольку тем самым нарушит общий принцип процессуальной справедливости. В результате ФИФА была обязана оценивать заявку на основе критериев членства, действовавших на момент подачи, т.е. Устава организации в редакции 1996 г. [44].

5) Отказ от применения непропорциональной нормы. Принцип справедливости позволяет арбитражу игнорировать строгое применение нормы регламента спортивной федерации, если таковая явно противоречит справедливости в спорте. Однако, CAS не может распорядиться о выделении спортсменам, в отношении которых на уровне национального олимпийского комитета и соответствующей федерации были допущены ошибки в административной процедуре заявления на Олимпийские игры, квоты, забирая места у

других спортсменов и тем самым фактически дисквалифицируя их [45].

3. Заключение.

Мультитерминологичность справедливости при разрешении спортивных споров в арбитраже обусловлена несколькими предпосылками, факторами. Как мы заметили в начале настоящей статьи, в правоприменительной практике CAS встречаются три процессуальных вида справедливости: справедливое разрешение споров (*natural justice*), процессуальная справедливость (*procedural fairness*), реже – надлежащая правовая процедура (*due process*).

Первый фактор выражается в особом значении правоприменительной практики, иногда раскрываясь в процессуальных нормах спортивных федераций, организаций, но прежде всего - в доктрине CAS по разрешению споров. При этом нельзя сказать, что справедливость в любых интерпретациях выступает как эквивалент права на справедливое разбирательство (*fair trial*), гарантированного ст. 6 Европейской конвенции. Прежде всего, *fair trial* постулируется, в пределах ч. 1 названной статьи, самостоятельной ценностью при разрешении спортивных споров, включающей право на защиту, представление своей позиции и доказательств, допрос и перекрестный допрос свидетелей [46]. С другой стороны, в правоприменительной практике арбитража можно подметить, что гарантия *fair trial* по отдельным аспектам содержания идентична надлежащей правовой процедуре (*due process*), также включающей права субъекта спорта на защиту и быть услышанным при выдвижении против него обвинения в дисциплинарном проступке.

Второй фактор – понимание арбитражем под фундаментальным принципом справедливости отдельных процессуальных видов справедливости. Если определенные процедуры (к примеру, допуск субъектов спорта к соревнованиям; проведения расследований; привлечения к спортивной ответственности) спортивных федераций, организаций имеют долгую историю, то это не является само по себе оправданием для их применения, когда таковые несовместимы с «базовым принципом справедливости» [47]. Разумеется, доктрина непротиворечивости поведения (*venire contra factum proprium*) не может действовать в интересах злоупотребления правом против субъектов спорта. Из контекста решения следует, что CAS в данном случае имеет в виду не справедливость как общий принцип, а принцип справедливого разрешения споров (*natural justice*).

Третий фактор – использование арбитражем прерогативы апелляционного рассмотрения спора *de novo* для создания беспристрастного форума, позволяющего каждой из сторон изложить свою

позицию, при соблюдении принципов справедливого разрешения споров (*natural justice*), включая *nemo iudex in causa sua u audi alteram partem* [48]. Благодаря этому CAS пересматривает вопросы факта и права, без необходимости возвращения спора на уровень спортивной федерации, выполняя условия справедливого разрешения споров (*natural justice*) своим решением. Доступ к такому апелляционному рассмотрению или его отсутствию позволяет говорить о последствиях отказа в процессуальной справедливости в предшествующей инстанции [49].

Четвёртый фактор – согласно практике CAS принцип процессуальной справедливости (*procedural fairness*) входит в число неписаных принципов спортивного права, которые должны соблюдаться международными федерациями «... как один из самых важных принципов *lex sportiva*, если не самый важный» [50]. При этом спортивные федерации, организации должны применять названный принцип по отношению к субъектам спорта, даже если таковые не являются их членами, особенно в ситуации допуска к соревнованиям [51]. В то же время, статуса принципа *lex sportiva* в практике арбитража пока не удостоен *due process*.

Пятый фактор – справедливое разрешение споров и процессуальная справедливость используются как родовое и видовое соответственно понятия, но и при этом их содержания нельзя назвать постоянными, унифицированными для спортивной юриспруденции. *Natural justice* в профильной литературе предстаёт совокупностью (1) права знать, в чём субъекта спорта обвиняют, (2) права защищать себя, (3) права на то, чтобы юрисдикционный или административный орган спортивной федерации, организации принимал решение без предвзятости [52]. В рассмотренной нами практике CAS присутствовали все три перечисленных гарантии.

Думается, что читатель заметил многочисленные пересечения гарантий между справедливым разрешением споров (*natural justice*) и надлежащей правовой процедурой (*due process*). В целях построения концепта справедливости потребуется объединить оба названных вида процессуальной справедливости при условии действенного исследования арбитражем состоявшихся на уровне юрисдикционной системы спортивной федерации, организации процедурных нарушений. Ссылка на *de novo* не должна оставаться формальным щитом CAS от анализа проблем правосудия в разных видах спорта. Пересмотр дела по существу составляет только одну из ценностей арбитражного рассмотрения. Вторая же – определение нарушений, допускаемых органами спортивных федераций, организаций в про-

цессе разрешения споров и тем самым направление им посылы о необходимости совершенствования не только собственных регламентов, актов, но и подхода к функционированию корпоративной системы разрешения споров. В качестве ориентира можно использовать наработанную практику CAS, объединённую по видам процессуальной справедливости в единый концепт справедливости при разрешении спортивных споров.

Список литературы:

[1] «Судейство было вопиющей несправедливостью». Тренер сборной России прокомментировала серебро Авериной по художественной гимнастике. <https://www.fontanka.ru/2021/08/07/70066757>.

[2] Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2 т. Т. 2. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. - М., 2010. - С. 328 - 329.

[3] Advisory opinion CAS 2005/C/976 & 986 Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & World Antidoping Agency (WADA), 21 April 2006, para. 127.

[4] Васильев И.А. Требование «справедливости» и дискреция арбитра Спортивного арбитражного суда (CAS) // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: Российский и зарубежный опыт: электрон. сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. - 2020. - С. 234 - 248.

[5] Васильев И.А. Финансовый фэйр-плей УЕФА и справедливость европейского клубного футбола // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: колл. монография. – СПб., 2019. - С. 591 - 598.

[6] Arbitration CAS 2008/A/1545 Andrea Anderson, LaTasha Colander Clark, Jearl Miles-Clark, Torri Edwards, Chryste Gaines, Monique Hennagan, Passion Richardson v. International Olympic Committee (IOC), award of 16 July 2010, para. 19.

[7] См. ретроспективу практики: Arbitration CAS 2003/O/486 Fulham FC / Olympique Lyonnais, preliminary award of 15 September 2003, para. 50; Arbitration CAS 2008/A/1545 Andrea Anderson, LaTasha Colander Clark, Jearl Miles-Clark, Torri Edwards, Chryste Gaines, Monique Hennagan, Passion Richardson v. International Olympic Committee (IOC), award of 16 July 2010, paras. 14, 15; Arbitration CAS 2010/A/2284 Anna Arzhanova v. Confédération Mondiale des Activités Subaquatiques (CMAS), award of 16 May 2011, paras. 16, 17; Arbitration CAS 2011/A/2425 Ahongalu Fusimalohi v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 8 March 2012, paras. 5, 6; Arbitration CAS 2011/A/2426 Amos Adamu v. Fédération

Internationale de Football Association (FIFA), award of 24 February 2012, para. 47; Arbitration CAS 2011/A/2362 Mohammad Asif v. International Cricket Council (ICC), award of 17 April 2013, paras. 43, 44; Arbitration CAS 2014/A/3516 George Yerolimpos v. World Karate Federation (WKF), award of 6 October 2014, para. 122; Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 77; Arbitration CAS 2018/A/5807 Fenerbahce Futbol AS v. Gregory van der Wiel, award of 13 February 2019, para. 70; Arbitration CAS 2018/A/6027 Sociedade Esportiva Palmeiras v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 December 2019, paras. 53, 54; Arbitration CAS 2019/A/6345 Club Raja Casablanca v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 16 December 2019, para. 34.

[8] Arbitration CAS 2009/A/1880 FC Sion v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Al-Ahly Sporting Club & CAS 2009/A/1881 E. v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Al-Ahly Sporting Club, award of 1 June 2010, para. 22.

[9] См., напр., одно из последних решений с процитированной формулировкой: Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 77.

[10] Arbitration CAS ad hoc Division (O.G. Atlanta) 96/005 A., W. and L. / NOC Cape Verde (NOC CV), award of 1 August 1996, para. 11.

[11] Arbitration CAS 2011/A/2377 Salernitana Calcio 1919 S.p.A. v. FIFA, award of 3 August 2011, paras. 30, 32.

[12] Arbitration CAS 2015/A/4153 Al-Gharafa SC v. Nicolas Fedor & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 9 May 2016, para. 161.

[13] Arbitration CAS 2013/A/3155 Club Jeanne d'Arc Drancy v. FC Sheriff Tiraspol, Amath André Dansokho Diedhiou & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 31 December 2013, para. 132.

[14] Arbitration CAS 2017/A/5003 Jérôme Valcke v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 July 2018, para. 112.

[15] Arbitration CAS 2013/A/3309 FC Dynamo Kyiv v. Gerson Alencar de Lima Júnior & SC Braga, award of 22 January 2015, para. 87.

[16] Arbitration CAS 2018/A/6027 Sociedade Esportiva Palmeiras v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 December 2019, paras. 53, 54.

[17] Arbitration CAS ad hoc Division (O.G. Atlanta) 96/005 A., W. and L. / NOC Cape Verde (NOC CV), award of 1 August 1996, para. 11.

[18] Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 74, 78.

[19] CAS OG 20/04 Maxim Agapitov v. International Olympic Committee, para. 4.4.

[20] Arbitration CAS 98/208 N., J., Y., W. / Fédération Internationale de Natation (FINA), award of 22 December 1998, para. 10.

[21] См. перечисленные требования: Arbitration CAS 2014/A/3630 Dirk de Ridder v. International Sailing Federation (ISAF), award of 8 December 2014, para. 109-111.

[22] Arbitration CAS (Oceania Registry) A3/2014 Matthew Karwalski v. Squash Australia, award of 18 July 2014, para. 51.

[23] Arbitration CAS 2013/A/3407 Green Gully Soccer Club v. Pedro Henrique Coelho de Oliveira, award of 20 June 2014, para. 86.

[24] Никто не может быть судьёй в своём деле.

[25] Arbitration CAS 2017/A/5155 Necmettin Erbakan Akyüz v. International Wushu Federation (IWUF), award of 21 September 2017, para. 64.

[26] Arbitration CAS 2005/A/991 Muhammad Saqlain v. International Hockey Federation (FIH), award of 30 April 2006, para. 8.

[27] Arbitration CAS 2020/A/6920 Al Hilal Club v. Confédération Africaine de Football (CAF), award of 15 December 2020, para. 35.

[28] Пусть и другая сторона будет услышана.

[29] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Beijing) 08/005 Azerbaijan Field Hockey Federation (AFHF) & Azerbaijan National Olympic Committee (ANOC) v. Fédération Internationale de Hockey (FIH), award of 8 August 2008, para. 15.

[30] Arbitration CAS 2005/A/1001 Fulham FC (1987) Ltd v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 9 May 2006, para. 35.

[31] Arbitration CAS 2017/A/5042 Iurii Anikieiev v. International Draughts Federation (IDF), award of 2 July 2018, para. 67.

[32] Arbitration CAS 2015/A/4186 FK Bohemians Praha v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 May 2016, paras. 72-74.

[33] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/013 Anastasia Karabelshikova & Ivan Podshivalov v. Fédération Internationale des Sociétés d'Aviron (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 4 August 2016, paras., 7.22, 7.26.

[34] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/004 Yulia Efimova v. Russian Olympic Committee (ROC), International Olympic Committee (IOC) &

Fédération Internationale de Natation (FINA), award of 5 August 2016, paras. 7.22-7.26.

[35] Advisory opinion CAS 2000/C/267 Australian Olympic Committee (AOC), para. 63.

[36] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/011 Daniil Andrienko, Aleksander Bogdashin, Alexandra Fedorova, Anastasiia Ianina, Alexander Kornilov, Aleksandr Kulesh, Dmitry Kuznetsov, Elena Lebedeva, Elena Oriabinskaia, Julia Popova, Ekaterina Potapova, Alevtina Savkina, Alena Shatagina, Maksim Telitsyn, Anastasiia Tikhanova, Aleksei Vikulin, Semen Yaganov v. World Rowing Federation (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 5 August 2016, para. 7.9; Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/012 Ivan Balandin v. Fédération Internationale des Sociétés d'Aviron (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 6 August 2016, para. 7.25.

[37] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016, paras. 46-47.

[38] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/019 Natalia Podolskaya & Alexander Dyachenko v. International Canoe Federation (ICF), award of 8 August 2016, paras. 7.17, 7.18.

[39] Arbitration CAS 2000/A/281 H. / Fédération Internationale de Motocyclisme (FIM), award of 22 December 2000, paras. 7, 8.

[40] Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, paras. 61, 158.

[41] Arbitration CAS 2011/A/2421 & 2450 General Taweeep Jantararaj v. International Boxing Association (AIBA), award of 10 October 2011, para. 36.

[42] Arbitration CAS 2008/O/1455 Boxing Australia v/AIBA, award of 16 April 2008, paras. 16, 22.

[43] Arbitration CAS 2014/A/3828 Indian Hockey Federation (IHF) v. International Hockey Federation (FIH) & Hockey India, award of 17 September 2015, paras. 150-157.

[44] Arbitration CAS 2014/A/3776 Gibraltar Football Association (GFA) v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 April 2016, paras. 268, 281, 290.

[45] Arbitration CAS 2015/A/4222 Italian Canoe Federation (ItCF), Italian National Olympic Committee (CONI), British Olympic Association (BOA), British Canoeing (BC) v. International Canoe Federation (ICF), Russian Canoe Federation (RCF), Russian Olympic Committee (ROC), Danish National Olympic Committee (DNOC), Danish Canoe Federation (DCF), French National Olympic Committee

(CNOSF), French Canoe Federation (FFCK), award of 16 January 2017, para. 139.

[46] См., напр., Arbitration CAS 2015/A/4256 Feyenoord Rotterdam N.V. v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 24 June 2016, para. 27; Arbitration CAS 2019/A/6388 Karim Keramuddin v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 14 July 2020, para. 140.

[47] Arbitration CAS 2014/A/3630 Dirk de Ridder v. International Sailing Federation (ISAF), award of 8 December 2014, para. 109-111.

[48] Arbitration CAS 2018/A/5618 Shabab Al Ahli Dubai Club v. Shanghai SIPG Football Club, award of 10 October 2018, paras. 72, 75, 76.

[49] Arbitration CAS (Oceania Registry) A2/2016 Jo-Ann Lim v. Synchronised Swimming Australia Inc. (SSAI), award of 5 July 2016, paras. 136, 137.

[50] Arbitration CAS 2014/A/3776 Gibraltar Football Association (GFA) v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 April 2016, para. 268.

[51] Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, para. 158.

[52] David Thorpe. CEOs and domestic tribunals—The rights and risks of penalising athletes for off-field misconduct. *Sport Management Review*. 2011. Volume 14. Issue 3. P. 72.

Spisok literatury:

[1] «Sudejstvo bylo vopiyushchey nespravedlivost'yu». Trener sbornoj Rossii prokomentirovala srebro Averinoy po hudozhestvennoj gimnastike. <https://www.fontanka.ru/2021/08/07/70066757>.

[2] Cvajgert K., Ketc H. Sravnitel'noe chastnoe pravo: v 2 t. T. 2. Dogovor. Neosnovitel'noe obogashchenie. Delikt. - M., 2010. - S. 328 - 329.

[3] Advisory opinion CAS 2005/C/976 & 986 Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & World Antidoping Agency (WADA), 21 April 2006, para. 127.

[4] Vasil'ev I.A. Trebovanie «spravedlivosti» i diskreciya arbitra Sportivnogo arbitrazhnogo suda (CAS) // Pravovoj status sud'i, prokurora i advokata: Rossijskij i zarubezhnyj opyt: elektron. sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / sost. i red. Z.Sh. Matchanova. - 2020. - S. 234 - 248.

[5] Vasil'ev I.A. Finansovyy fejr-plej UEFA i spravedlivost' evropejskogo klubnogo futbola // Sudebnaya pravovaya politika v Rossii i zarubezhnyh stranah: koll. monografiya. - SPb., 2019. - S. 591 - 598.

[6] Arbitration CAS 2008/A/1545 Andrea Anderson, LaTasha Colander Clark, Jearl Miles-Clark, Torri Edwards, Chryste Gaines, Monique Hennagan, Pas-

sion Richardson v. International Olympic Committee (IOC), award of 16 July 2010, para. 19.

[7] Sm. retrospektivu praktiki: Arbitration CAS 2003/O/486 Fulham FC / Olympique Lyonnais, preliminary award of 15 September 2003, para. 50; Arbitration CAS 2008/A/1545 Andrea Anderson, LaTasha Colander Clark, Jearl Miles-Clark, Torri Edwards, Chryste Gaines, Monique Hennagan, Passion Richardson v. International Olympic Committee (IOC), award of 16 July 2010, paras. 14, 15; Arbitration CAS 2010/A/2284 Anna Arzhanova v. Confédération Mondiale des Activités Subaquatiques (CMAS), award of 16 May 2011, paras. 16, 17; Arbitration CAS 2011/A/2425 Ahongalu Fusimalohi v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 8 March 2012, paras. 5, 6; Arbitration CAS 2011/A/2426 Amos Adamu v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 24 February 2012, para. 47; Arbitration CAS 2011/A/2362 Mohammad Asif v. International Cricket Council (ICC), award of 17 April 2013, paras. 43, 44; Arbitration CAS 2014/A/3516 George Yerolimpos v. World Karate Federation (WKF), award of 6 October 2014, para. 122; Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 77; Arbitration CAS 2018/A/5807 Fenerbahce Futbol AS v. Gregory van der Wiel, award of 13 February 2019, para. 70; Arbitration CAS 2018/A/6027 Sociedade Esportiva Palmeiras v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 December 2019, paras. 53, 54; Arbitration CAS 2019/A/6345 Club Raja Casablanca v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 16 December 2019, para. 34.

[8] Arbitration CAS 2009/A/1880 FC Sion v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Al-Ahly Sporting Club & CAS 2009/A/1881 E. v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Al-Ahly Sporting Club, award of 1 June 2010, para. 22.

[9] См., напр., одно из последних решений с процитированной формулировкой: Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 77.

[10] Arbitration CAS ad hoc Division (O.G. Atlanta) 96/005 A., W. and L. / NOC Cape Verde (NOC CV), award of 1 August 1996, para. 11.

[11] Arbitration CAS 2011/A/2377 Salernitana Calcio 1919 S.p.A. v. FIFA, award of 3 August 2011, paras. 30, 32.

[12] Arbitration CAS 2015/A/4153 Al-Gharafa SC v. Nicolas Fedor & Fédération Internationale de

Football Association (FIFA), award of 9 May 2016, para. 161.

[13] Arbitration CAS 2013/A/3155 Club Jeanne d'Arc Drancy v. FC Sheriff Tiraspol, Amath André Dansokho Diedhiou & Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 31 December 2013, para. 132.

[14] Arbitration CAS 2017/A/5003 Jérôme Valcke v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 July 2018, para. 112.

[15] Arbitration CAS 2013/A/3309 FC Dynamo Kyiv v. Gerson Alencar de Lima Júnior & SC Braga, award of 22 January 2015, para. 87.

[16] Arbitration CAS 2018/A/6027 Sociedade Esportiva Palmeiras v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 December 2019, paras. 53, 54.

[17] Arbitration CAS ad hoc Division (O.G. Atlanta) 96/005 A., W. and L. / NOC Cape Verde (NOC CV), award of 1 August 1996, para. 11.

[18] Arbitration CAS 2016/A/4651 Ariel Alberto Alvarado Carrasco v. Confederation of North, Central and Caribbean Association Football (CONCACAF), award of 19 May 2017, para. 74, 78.

[19] CAS OG 20/04 Maxim Agapitov v. International Olympic Committee, para. 4.4.

[20] Arbitration CAS 98/208 N., J., Y., W. / Fédération Internationale de Natation (FINA), award of 22 December 1998, para. 10.

[21] Sm. perechislenyye trebovaniya: Arbitration CAS 2014/A/3630 Dirk de Ridder v. International Sailing Federation (ISAF), award of 8 December 2014, para. 109-111. [22] Arbitration CAS (Oceania Registry) A3/2014 Matthew Karwalski v. Squash Australia, award of 18 July 2014, para. 51.

[23] Arbitration CAS 2013/A/3407 Green Gully Soccer Club v. Pedro Henrique Coelho de Oliveira, award of 20 June 2014, para. 86.

[24] Nikto ne mozhet byt' sud'yoj v svojom dele.

[25] Arbitration CAS 2017/A/5155 Necmettin Erbakan Akyüz v International Wushu Federation (IWUF), award of 21 September 2017, para. 64.

[26] Arbitration CAS 2005/A/991 Muhammad Saqlain v. International Hockey Federation (FIH), award of 30 April 2006, para. 8.

[27] Arbitration CAS 2020/A/6920 Al Hilal Club v. Confédération Africaine de Football (CAF), award of 15 December 2020, para. 35.

[28] Pust' i drugaya storona budet uslyshana.

[29] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Beijing) 08/005 Azerbaijan Field Hockey Federation (AFHF) & Azerbaijan National Olympic Committee (ANOC) v. Fédération Internationale de Hockey (FIH), award of 8 August 2008, para. 15.

[30] Arbitration CAS 2005/A/1001 Fulham FC (1987) Ltd v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 9 May 2006, para. 35.

[31] Arbitration CAS 2017/A/5042 Iurii Anikieiev v. International Draughts Federation (IDF), award of 2 July 2018, para. 67.

[32] Arbitration CAS 2015/A/4186 FK Bohemians Praha v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 30 May 2016, paras. 72-74.

[33] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/013 Anastasia Karabelshikova & Ivan Podshivalov v. Fédération Internationale des Sociétés d'Aviron (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 4 August 2016, paras., 7.22, 7.26.

[34] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/004 Yulia Efimova v. Russian Olympic Committee (ROC), International Olympic Committee (IOC) & Fédération Internationale de Natation (FINA), award of 5 August 2016, paras. 7.22-7.26.

[35] Advisory opinion CAS 2000/C/267 Australian Olympic Committee (AOC), para. 63.

[36] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/011 Daniil Andrienko, Aleksander Bogdashin, Alexandra Fedorova, Anastasiia Ianina, Alexander Kornilov, Aleksandr Kulesh, Dmitry Kuznetsov, Elena Lebedeva, Elena Oriabinskaia, Julia Popova, Ekaterina Potapova, Alevtina Savkina, Alena Shatagina, Maksim Telitsyn, Anastasiia Tikhanova, Aleksei Vikulin, Semen Yaganov v. World Rowing Federation (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 5 August 2016, para. 7.9; Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/012 Ivan Balandin v. Fédération Internationale des Sociétés d'Aviron (FISA) & International Olympic Committee (IOC), award of 6 August 2016, para. 7.25.

[37] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016, paras. 46-47.

[38] Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/019 Natalia Podolskaya & Alexander Dyachenko v. International Canoe Federation (ICF), award of 8 August 2016, paras. 7.17, 7.18.

[39] Arbitration CAS 2000/A/281 H. / Fédération Internationale de Motocyclisme (FIM), award of 22 December 2000, paras. 7, 8.

[40] Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, paras. 61, 158.

[41] Arbitration CAS 2011/A/2421 & 2450 General Taweeep Jantararoj v. International Boxing Association (AIBA), award of 10 October 2011, para. 36.

[42] Arbitration CAS 2008/O/1455 Boxing Australia v/AIBA, award of 16 April 2008, paras. 16, 22.

[43] Arbitration CAS 2014/A/3828 Indian Hockey Federation (IHF) v. International Hockey Fed-

eration (FIH) & Hockey India, award of 17 September 2015, paras. 150-157.

[44] Arbitration CAS 2014/A/3776 Gibraltar Football Association (GFA) v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 April 2016, paras. 268, 281, 290.

[45] Arbitration CAS 2015/A/4222 Italian Canoe Federation (ItCF), Italian National Olympic Committee (CONI), British Olympic Association (BOA), British Canoeing (BC) v. International Canoe Federation (ICF), Russian Canoe Federation (RCF), Russian Olympic Committee (ROC), Danish National Olympic Committee (DNOC), Danish Canoe Federation (DCF), French National Olympic Committee (CNOSF), French Canoe Federation (FFCK), award of 16 January 2017, para. 139.

[46] Sm., *napr.*, Arbitration CAS 2015/A/4256 Feyenoord Rotterdam N.V. v. Union des Associations Européennes de Football (UEFA), award of 24 June 2016, para. 27; Arbitration CAS 2019/A/6388 Karim Keramuddin v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 14 July 2020, para. 140.

[47] Arbitration CAS 2014/A/3630 Dirk de Ridder v. International Sailing Federation (ISAF), award of 8 December 2014, para. 109-111.

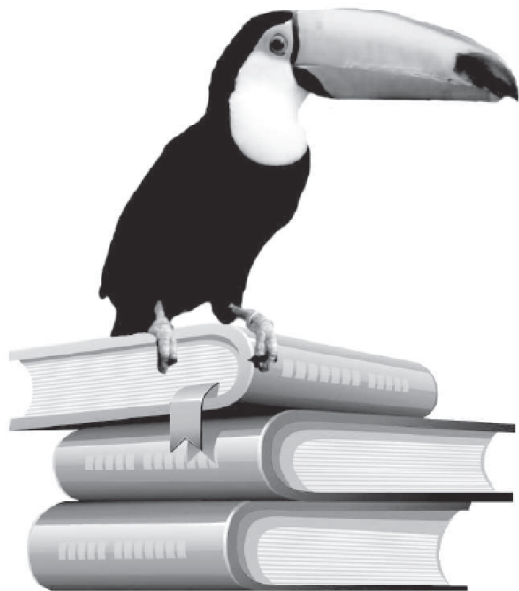
[48] Arbitration CAS 2018/A/5618 Shabab Al Ahli Dubai Club v. Shanghai SIPG Football Club, award of 10 October 2018, paras. 72, 75, 76.

[49] Arbitration CAS (Oceania Registry) A2/2016 Jo-Ann Lim v. Synchronised Swimming Australia Inc. (SSAI), award of 5 July 2016, paras. 136, 137.

[50] Arbitration CAS 2014/A/3776 Gibraltar Football Association (GFA) v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), award of 27 April 2016, para. 268.

[51] Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, para. 158.

[52] David Thorpe. CEOs and domestic tribunals—The rights and risks of penalising athletes for off-field misconduct. *Sport Management Review*. 2011. Volume 14. Issue 3. P. 72.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-156-159

БАБАЕВА Юлия Григорьевна,
кандидат юридических наук,
зам. заведующего кафедрой юриспруденции
Московского городского университета управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова,
e-mail: BabaevaJuG@edu.mos.ru

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры юриспруденции
Московского городского университета управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова,
e-mail: dp-70@mail.ru

ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ПРАВА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОРОДА МОСКВЫ

Аннотация. В статье показано значение диалогического понимания права для современной юридической теории и практики, в том числе, на примере совершенствования законодательства города Москвы. Подчеркивается роль диалога и его ценностного наполнения в процессе конструирования правовой реальности. Сделан вывод, что законодательная сфера городской жизни должна превратиться в пространство постоянного и эффективного диалога, имеющего многоуровневый характер и построенного на субъектно-субъектном подходе.

Ключевые слова: диалогическая теория права; правовая реальность; законодательство Москвы; коммуникативная теория; субъект права.

BABAEVA Julia Grigorievna,
candidate of law, Deputy head of the Department of law
of the Moscow city University of management
of the Government of Moscow

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,
doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Jurisprudence
of the Moscow City University of Management
of the Government of Moscow

DIALOGUE AS THE BASIS OF LAW: THE EXPERIENCE OF USING DIALOGIC THEORY IN IMPROVING THE LEGISLATION OF THE CITY OF MOSCOW

Annotation. The article shows the importance of the dialogical understanding of law for modern legal theory and practice, including by the example of improving the legislation of the city of Moscow. The role of dialogue and its value content in the process of constructing legal reality is emphasized. It is concluded that the legislative sphere of urban life should turn into a space of constant and effective dialogue, which has a multi – level character and is built on a subject-subject approach.

Key words: dialogical theory of law; legal reality; legislation of Moscow; communicative theory; subject of law.

В современных условиях, когда можно наблюдать переход к новой, постнеклассической научной парадигме, в основе научного познания, с одной стороны, все больше доминирует ориентация на междисциплинарном исследовании сложных саморазвивающихся систем, с другой стороны, совершается антропологический поворот, заставляющий признать значимость и приоритет личности как в любых социальных процессах, так и в самих научных исследованиях. В условиях активного развития постнеклассической научной рациональности возрастает практикоориентированный потенциал теории права, используемый для конструирования современной правовой реальности. В этих условиях одной из самых перспективных представляется диалогическая теория права, которая не только помогает раскрыть новые грани правовой реальности, но и дает богатые возможности для совершенствования юридической практики, в том числе, в вопросах управления столичным мегаполисом.

Диалогическая теория права представляет собой одно из направлений современной правовой теории, которая опирается на философское и социологическое понимание социальных коммуникаций и их значения. Эта теория развивается сегодня преимущественно представителями Санкт-Петербургской теоретико-правовой науки, в том числе, стараниями И.Л. Честнова и А.В. Полякова (коммуникативная теория права), а также их последователей.

Диалог лежит в самой природе социальности. Об этом давно писали как отечественные (М.М. Бахтин), так и зарубежные ученые. Понимание бытия как диалога восходит к гегелевской философии, к идее противоречивости бытия и механизмов «снятия» существующих противоречий. «Диалог, - пишет И.Л. Честнов, - это противоречивость бытия, включающая в себя и механизм разрешения этой противоречивости» [5, с. 50]. Социальная реальность дихотомична, она состоит из противоположностей, наличие которых и обеспечивает развитие. Социальный мир предполагает ориентацию на Другого, соотношение своей личной позиции с позицией условного Другого, при этом такой Другой может быть обобщенным образом [3, с. 67]. В этом и состоит диалог.

Право есть часть социальной реальности. Она конструируется таким же образом, как любая другая часть жизни социума. В основе права лежит правовая коммуникация, которая «представляет собой процесс взаимодействия, осуществляемый индивидами на основе правовых текстов, получающих интерпретацию, институционализацию, социальную легитимацию и «рождаю-

щих» через взаимодействие субъектов правовые нормы» [1, с. 217].

Правовая реальность конструируется повседневными действиями человека, который при этом соотносит эти действия с имеющимися в обществе образцами поведения. Такие образцы закрепляются правовыми нормами. При этом в силу информационной функции права эти нормы, содержащие информацию о принятых в обществе моделях поведения, доносятся до членов социума. Можно говорить и о втором уровне диалога – между субъектом и структурой. Структурой в этом случае может выступать государство, опирающееся в своей деятельности на правовые нормы, использующее эти нормы для управления жизнью социума. При этом само государство неразрывно связано с самим социумом, обусловлено им, так как представляет собой не статичный аппарат, а постоянную деятельность людей по своему воспроизводству.

Диалог между субъектом и структурой противоречив, существуют различные модели, на основе которых он может выстраиваться. В ряде случаев именно от избранной модели зависит эффективность развития общественных отношений. В качестве основных моделей диалога субъекта и структуры выделим субъектно-субъектную модель и субъектно-объектную модель. Понимание особенностей и преимуществ каждой из этих моделей имеет важное значение для организации правового диалога в столичном мегаполисе, необходимого для эффективного управления городом, частью которого можно считать законотворчество.

Уровень управления городом более приближен к населению, к субъектам повседневного правового поведения, чем более высокий уровень управления, включая федеральный. Такая приближенность позволяет в большей степени учитывать интересы небольших групп населения, а также выстраивать эффективную правовую коммуникацию с самыми разными слоями общества и социальными группами. В связи с этим, особое значение приобретает субъектно-субъектная модель правового диалога, предполагающая активную обратную связь органов управления с управляемыми. Фактически речь идет о равноправии всех субъектов данной деятельности – и управляющих органов, и управляемого населения. В таком равноправии и состоит сущность современной демократии. Речь идет об изменении роли человека, о превращении «его из средства обеспечения функционирования публичной власти в цель её деятельности» [2, с. 36].

С точки зрения диалогической теории права, власть отличается от произвола, т. к. действует на основе права [3, с. 303]. Это подразумевает неизбежное наделение населения определенными

правами, объём которых может варьироваться. Эти права представляют собой часть той социальной роли, которую играет каждый индивид, и позволяют ему встраиваться в процесс управления в качестве одного из важных элементов.

Рассматривая особенности использования принципа диалога в законотворческой деятельности города Москвы, отметим следующее. Прежде всего, с позиций современной постнеклассической теории права, конструирование правовой реальности происходит посредством последовательного прохождения трех стадий, и первая из них предполагает создание знаковой формы – разработку и принятие нормы права. Таким образом, законотворчество, включающее в себя разработку и принятие законодательных актов, можно рассматривать как первую стадию конструирования правовой реальности. Исходя из принципа диалога, законотворческая деятельность в городе Москве должна строиться с учетом максимальной обратной связи, на основе понимания роли населения не как пассивного, управляемого на основе норм права, включая действующее законодательство Москвы, субъекта, а как активного участника законотворческого процесса. Участие населения в законотворческой деятельности может проявляться, прежде всего, в общественном обсуждении законодательных инициатив и проектов законодательных актов. Такое участие не должно быть формальным или даже фиктивным. Современные цифровые технологии дают возможность самым широким слоям городского населения активно участвовать в обсуждении предлагаемых законопроектов. Важно, чтобы мнение населения учитывалось. Недопустим подход по принципу «чиновникам виднее, как управлять народом, какие принимать для людей решения и законы». В этом отношении можно согласиться с И.Л. Честновым, который пишет: «Сегодня очевидно, что претензии законодательствующего Разума (по терминологии И. Канта) остались в прошлом. Более того, такие претензии, как показала печальная практика XX в. чреваты либо тоталитаризмом, либо его противоположностью – анархией и хаосом, социальной аномией. Когда кто-то говорит, что он знает все ответы на все вопросы – он либо добросовестно заблуждается, либо, что встречается гораздо чаще, пытается выдать свою точку зрения за универсальную. Результатом успешности таких попыток зачастую является узурпация власти» [6, с. 12]. Остается добавить, что именно полноценная реализация принципа диалога в управлении, включая законодательную деятельность, может выступать одной из гарантий от такой узурпации.

Принцип диалога предполагает демократичность в принятии управленческих решений, в число которых входит и законотворческая дея-

тельность. Демократический характер законотворчества определяется, во-первых, выборностью законодательных органов (Московской городской думы), во-вторых, привлечением широких слоев городского населения к обсуждению законопроектов.

Конструирование правовой реальности не завершается принятием законов. Существует множество законодательных норм, которые не получают практической реализации, не превращаются в правоотношения. Для того, чтобы нормы закона стали настоящим, «живым» (в терминологии о. Эрлиха) правом, необходима их трансформация в повседневное поведение людей – адресатов этих норм. Норма закона становится правом, воплощаясь в повседневном поведении его субъектов. Чтобы это произошло, нужен диалог, осуществляемый на нескольких уровнях:

- между законодательной и исполнительной властью,
- между властью и жителями города,
- между субъектами конкретных правоотношений,
- внутренний диалог между субъектом права и обобщенным Другим.

В последнем случае происходит постоянный процесс оценивания субъектом своего поведения, причем как с правовой, так и с аксиологической точки зрения. Идет соотношение присущих личности правовых ценностей с теми ценностями, которые воплощены в законодательных нормах. В случае совпадения этих двух аксиологических систем получается правомерное поведение, выступающее основой правопорядка. Правопорядок в таком понимании – это не состояние, а постоянная, повседневная деятельность субъектов права по реализации правовых норм. Правопорядок, как и право в целом, получает, таким образом, ценностное наполнение. В его основе лежит диалог, осуществляемый на нескольких уровнях.

Субъект – субъектный подход в управлении городом предполагает равенство отношений между управлением и управляемыми. Субъект-субъектные коммуникации означают неустранимость ценностно-целевых установок и социокультурной составляющей, правовых предпочтений субъекта управления, одновременно являющегося субъектом права.

Текст закона – это, в первую очередь, именно текст, в силу этого обладающий диалогичностью. Диалогичность текста состоит во взаимообусловленности его авторов и адресатов, их взаимосвязи с единым культурным контекстом, в котором данный текст создается [4, с. 17]. Это предполагает вариативность прочтения и интерпретации текста закона, что осложняет его реализацию в

соответствии с точной волей законодателя, без учета воли тех субъектов, которым этот закон адресован, которые должны его исполнять и применять. Таким образом, совершенствование законодательства города Москвы должно в современных условиях опираться на постулаты диалогической теории права. Законодательная сфера городской жизни должна превратиться в пространство постоянного и эффективного диалога, имеющего многоуровневый характер и построенного на субъектно-субъектном подходе. Жители города в итоге должны превратиться в активного и равноправного участника законодательной деятельности. Это относится и к обсуждению проектов новых законов, и деятельности по совершенствованию законодательства, устранению имеющихся пробелов и коллизий. В этом случае совпадение ценностных установок населения города с аксиологическим наполнением законодательных актов обеспечит полноценное конструирование правовой реальности, отвечающее современным представлениям о сущем и должном в праве, о порядке и его формах.

Список литературы:

[1] Антонов М.В., Поляков А.В. Правовая коммуникация и современное государство // Правоведение. 2011. № 6. С. 214-220.
 [2] Пашенцев Д.А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 34-39.
 [3] Постклассическая онтология права / Под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2018. 688 с.

[4] Честнов И.Л. Диалогическая методология истории политических и правовых учений // Историография истории политических и правовых учений. Теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Екатеринбург, 2020. С. 16-18.

[5] Честнов И.Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45-52.

[6] Честнов И.Л. Диалогичность ускользающего бытия постсовременного государства // Российское государственное управление. 2019. № 4. С. 6-19.

Spisok literatury:

[1] Antonov M.V., Polyakov A.V. Pravovaya kommunikaciya i sovremennoe gosudarstvo // Pravovedenie. 2011. № 6. S. 214-220.

[2] Pashencev D.A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real'nosti kak vyzov Levianu // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya. 2020. № 3. S. 34-39.

[3] Postklassicheskaya ontologiya prava / pod obshch. red. I.L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2018. 688 s.

[4] Chestnov I.L. Dialogicheskaya metodologiya istorii politicheskikh i pravovykh uchenij // Istoriografiya istorii politicheskikh i pravovykh uchenij. Teoreticheskie, metodologicheskie i issledovatel'skie problemy. Ekaterinburg, 2020. S. 16-18.

[5] Chestnov I.L. Dialogicheskaya ontologiya prava v situacii postmoderna // Pravovedenie. 2001. № 3. S. 45-52.

[6] Chestnov I.L. Dialogichnost' uskol'zayushchego bytiya postsovremennogo gosudarstva // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2019. № 4. S. 6-19.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-160-164

ЗАРУБИН Матвей Юрьевич,
студент Юридического факультета Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: Zarubin.matvej@bk.ru

БУЛГАКОВА Наталия Алексеевна,
студентка Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: Natali.bulgakova.02@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Данная статья направлена на изучение тенденций развития и выделения ключевых особенностей правового регулирования национальной платёжной системы в России. Работа разделена на две части, где в первой раскрывается правовая характеристика основных элементов национальной платёжной системы, а во второй - современное состояние и тенденции развития национальной платёжной системы в Российской Федерации. Актуальность выражается в необходимости научного изучения правовых основ национальной платёжной системы.

Ключевые слова: национальная платёжная система, финансовая устойчивость, институциональная инфраструктура НПС, финансовые и банковские отношения, многофункциональная банковская карта.

ZARUBIN Matvey Yuryevich,
student of the Faculty of Law of Finance
University under the Government of the Russian Federation

BULGAKOVA Natalia Alekseevna,
student of Moscow State Law School
University named after O.E. Kutafina (Moscow State University)

TRENDS AND FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM

Annotation. This article is aimed at studying trends in the development and highlighting key features of the legal regulation of the national payment system in Russia. The work is divided into two parts, where the first reveals the legal characteristics of the main elements of the national payment system, and the second - the current state and trends in the development of the national payment system in the Russian Federation. Relevance is expressed in the need for a scientific study of the legal foundations of the national payment system.

Key words: national payment system, financial stability, institutional infrastructure of NPS, financial and banking relations, multifunctional bank card.

Элементами национальной платёжной системы (далее – НПС) являются соответствующие субъекты, которые непосредственно обслуживают платёжный оборот, а также сама платёжная инфраструктура. В целом, если характеризовать субъектный состав НПС, можно определить, что между всеми существующими субъектами возникает два уровня связей. Первый связан с отношениями по горизонтали, т.е. такие отношения возникают между элементами платёжной системы. Второй уровень выражается в определенном вертикальном взаимодействии и в определенном смысле надзоре за

субъектами НПС, т.к. в данном случае правоотношения возникают между Банком России и остальными элементами национальной платёжной системы. Отсюда, предполагается необходимым рассмотреть нормативную характеристику отдельных элементов национальной платёжной системы РФ.

Анализ доктринальных источников позволяет сделать вывод о том, что большинство практиков путают понятия субъектов (участников) с элементами платёжной системы. Поэтому предполагается необходимым рассмотреть как участников, так и непосредственно сами элементы НПС

на сегодняшний день. В свою очередь, необходимо отметить, что участники – это субъекты, которые оказывают или принимают платежные услуги, а элементы – это структурные и функциональные подсистемы НПС, которые осуществляют функционирование всей системы и в т.ч. обеспечивают получение платежных услуг субъектами НПС.

В действительности существует большое количество современных элементов национальной платежной системы. Многие ученые-правоведы рассматривают такие элементы по разным основаниям. Так, одной из классификаций элементов НПС являются следующие структурные подсистемы:

1. Нормативная подсистема. Этот элемент НПС представляет собой совокупность нормативных правовых актов, которые в своем содержании закрепляют основные правила и нормы функционирования национальной платежной системы и ее субъектов, участников. К таким актам относятся Федеральные законы «О центральном банке Российской Федерации», «О национальной платёжной системе» и др.

2. Институциональная подсистема. Она представляет собой организационную структуру субъектов, организаций, которые обеспечивают прямую реализацию функций платежной системы.

3. Технологическая подсистема – это механизмы, которые позволяют осуществлять денежные операции и переводы. Наиболее подвижный элемент НПС.

4. Подсистема сервиса. Это представляет собой системы расчетов, которые обеспечивают дифференциацию платежных услуг.

Другие ученые выделяют в качестве элементов национальной платежной системы отдельные институциональные единицы. Так, одним из элементов является многофункциональная банковская карта – это платежный инструмент, который объединяет в себе различные сферы экономической, социальной и финансовой жизни в едином пространстве.

Если говорить о самом термине «субъект национальной платежной системы», то можно выделить следующее понятие. Так, субъекты национальной платежной системы – это банковские и небанковские кредитные организации, а также иные субъекты, которые в соответствии с нормами закона получили статус участника платежной системы (например, оператор платежной системы), которые обеспечивают в пределах своих функций с помощью современных технологий, платежных средств и финансовых инструментов перевод денежных средств и оказание платежных услуг в Российской Федерации.

Институциональная инфраструктура НПС выглядит следующим образом:

1. Операторы по переводу денежных средств (ЦБ РФ, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», кредитные организации).

2. Операторы платежных систем (кредитные и не кредитные организации).

3. Операторы услуг платежной инфраструктуры (операционные центры, платёжные клиринговые центры, расчетные центры).

4. Операторы электронных денежных средств.

Если структурировать все существующие подходы, ориентируясь на современное законодательство, то, по нашему мнению, элементы НПС будут выглядеть следующим образом:

1. Платежные инструменты. Представляют собой технологические программы, сервисы для осуществления переводов денежных средств со счетов плательщиков на счета получателей в конкретных финансовых учреждениях.

2. Платежные инфраструктуры. Предназначены для использования и клиринга платежных инструментов, обработки и передачи платежной информации, а также осуществление перевода денежных средств.

3. Финансовые учреждения. Это те субъекты, которые непосредственно предоставляют платежные услуги, т.е. это банковские и не банковские кредитные организации, организации по предоставлению финтех-услуг и пр.;

4. Рыночные соглашения – договоренности, которые обеспечивают функционирование определенных финансовых инструментов на рынке платежных услуг, которые заключаются между финансовыми учреждениями;

5. Законы, стандарты, методические рекомендации, правила, которые обеспечивают функционирование НПС в целом и ее отдельных элементов;

6. Многофункциональная банковская карта – особый инструмент, которые позволяет обеспечивать граждан и организации платежными услугами на территории Российской Федерации. В рамках НПС такой банковской картой выступает «МИР».

7. Центральный банк РФ – выделяется как отдельный элемент многими учеными ввиду особого правового статуса мегарегулятора финансовой системы.

Особенность НПС как системы заключается в том, что ей характерна несущественная роль небанковских институтов. Таким образом, в реализации функций и деятельности национальной платежной системы превалирует деятельность банковских структур. Такой подход, который часто называют в доктрине «банк ориентированным», связан с тем, что в настоящий момент ужесточается законодательство и надзорно-контрольная

деятельность ЦБ России за банковской структурой и финансовой системой в целом. Если посмотреть современную динамику банковского сектора, можно отметить, что Банк России придерживается тенденции на сокращение банковских организаций, путем отзыва лицензий и более трудной процедуры получения лицензий на осуществление банковской деятельности. Небанковские институты распространены крайне редко, которые также сокращаются посредством реализуемой политики ЦБ России.

В отношении всех перечисленных элементов и субъектов национальной платежной системы Банком России обеспечивается определенный надзор. В настоящий момент используются методы риск-ориентированного надзора, который позволяет в зависимости от уровня риска поднадзорного объекта определить спектр необходимых мероприятий для предотвращения и устранения таких рисков. Так, ЦБ России осуществляет постоянный и периодический финансовый контроль и надзор в отношении участников национальной платежной системы.

В рамках данного вопроса также необходимо кратко остановиться на таком субъекте, как иностранный поставщик платежных услуг. Так, он представляет собой оператора по переводу денежных средств, который действует на основании права иностранного государства. Существенным является и факт разработки собственных платежных инструментов интернет-магазинами. Так, примерами таких инструментов могут стать WeChat и AliPay. Наибольшую проблему в настоящий момент представляют офшорные зоны и иностранные платежные системы, т.к. в отношении них у ЦБ России нет никаких надзорных и контрольных полномочий.

Таким образом, элементы НПС представляют собой слаженную систему взаимодействия между конкретными субъектами. Элементы понятие более широкое, нежели понятие субъектов НПС, т.к. элементы представляют собой определенную подсистему или подинститут НПС, в которые уже входят непосредственные участники рассматриваемых отношений. Так как в настоящий момент институт НПС стремительно развивается, то с каждым годом элементы структуры национальной платежной системы будут расширяться. Вследствие чего исследование таких вопросов будет оставаться актуальным на протяжении долгого времени.

Перед тем как прийти к непосредственному рассмотрению вопросов устойчивости НПС и тенденции ее развития, необходимо остановиться на некоторых статистических данных. Ранее мы уже упоминали о стратегии развития национальной платежной системы в России. По нашему мнению, представляется интересным рассмотреть, как

изменилась структура платежных систем с периода Стратегии развития 2013 - 2020 до Стратегии развития НПС на период 2021 - 2023 гг. Так, согласно данным, доля безналичной оплаты выросла в несколько раз – с 13.5% до 70.3%; количество банков и терминалов возросло втрое – с 1.3 до 3.9 млн; доля эмитированных карт российских платежных систем изменилась с 5.4% до 32.9%; а суммарное количество карт на одного человека в настоящее время равняется двум.

Устойчивость НПС на современном этапе развития общественных отношений определяется доктриной с разных сторон. По нашему мнению, наиболее верным является позиция Е.Г. Хоменко, которая определяет устойчивость национальной платежной системы как состояние, которое определяется комплексом показателей и параметров функционирования и деятельности системы, а также ее элементов в рамках взаимодействия между ее структурными элементами, участниками и субъектами, которые определяют способность этой системы выполнять на заданном уровне закрепленные и отведенные ей функции, которые позволяют защититься от неблагоприятных последствий и рисков, вызванных воздействием любых внешних и внутренних факторов.

Сама устойчивость национальной платежной системы не может рассматриваться в отрыве от таких факторов, как состояние финансовой системы (т.к. национальная платежная система – это подинститут финансовой системы России), стабильность банковской системы (т.к. банки – это основные участники рассматриваемых в данной работе правоотношений), а также со стабильностью и состоянием отдельных элементов национальной платежной системы. Вследствие данных факторов для определения состояния национальной платежной системы также будут учитываться и указанные нами институты.

Итак, одним из факторов, который оказывает непосредственное влияние на состояние НПС – это внешняя среда, или же внешние факторы. К ним относятся: стабильность отдельных участников финансовой системы РФ, международная обстановка, политическая ситуация в стране и в мире. Последние две характеристики прямым образом влияют на возможность трансграничного взаимодействия между участниками платежных систем. Ввиду того, что в настоящий момент одной из мировых тенденций является интеграция, в т.ч. и в экономическом пространстве, то такой критерий является достаточно важным для определения качества функционирования национальных ПС.

К внутренним факторам устойчивости национальной платежной системы относятся факторы, которые связаны с внутренней организацией самой системы и ее структурных элементов.

Национальная платежная система России представляет собой трехуровневую систему:

1. Центральный банк РФ. Выполняет роль стабилизатора и регулятора НПС, финансовой системы в целом.

2. Второй уровень определяется непосредственно элементами НПС, т.е. тех структурных субъектов, которые оказывают платежные услуги, в т.ч. и платежные системы.

3. Элементы инфраструктуры составляют последний, третий уровень системы НПС.

Вследствие этого устойчивость НПС зависит от финансовой устойчивости отдельных субъектов НПС. Отсюда, финансовая устойчивость национальной платежной системы может быть классифицирована на финансовую (здесь речь идет непосредственно о финансовой устойчивости кредитных организаций, их соответствие разработанным нормативам ЦБ России относительно определения устойчивости кредитных организаций), организационную (в данном контексте речь идет о соотношении публичных и частных интересов в рамках национальной платежной системы) и операционную (такой вид финансовой устойчивости НПС проявляется в стабильности предоставления финансовых, платежных, банковских услуг и операций).

На современном развитии финансовых и банковских отношений, в зоне повышенного внимания российского мегарегулятора – Центрального банка находится вопрос развития платежных технологий и сервисов. Так, с 2019 г. функционирует Система быстрых платежей, которая позволяет пользователям без задержек осуществлять банковские переводы, оплату пошлин, сборов, платежей за коммунальные услуги и др. В целом отмечается, что система быстрых платежей – это важнейший инфраструктурный проект национального назначения, который направлен на развитие конкуренции, повышения качества оказываемых платежных услуг, а также расширение доступности таких услуг.

Несмотря на это, важной проблемой НПС является разработка конкурентоспособного механизма осуществления безналичных платежей. В настоящий момент в России существует российская система оплаты – «МИР». Почти все государственные учреждения, органы власти, образовательные учреждения перешли с иных видов на использование карт «МИР». Хотя все еще актуальными является платежные системы «Visa» и «MasterCard», что связано с тем, что такие платежные системы принимаются во всех точках мира, они представляют собой отлаженную систему оплаты и взаимодействия, а также не замечаются в сбоях работы. В связи с тем, что «МИР» – это достаточно молодая, на практике она частично ограничена в использовании. Однако развитие НПС должно оставаться приоритетной задачей государства, т.к. в ином случае, проценты,

или межбанковская комиссия будет уходить к иностранным платежным системам, тем самым оставляя бюджет государства без еще одного вида источников дохода.

Ввиду вышеперечисленного, перед государством и высшими органами финансового контроля в настоящий момент стоят следующие задачи, достижение которых необходимо для бесперебойного функционирования НПС:

1. Создание и реализация института небанковских поставщиков платежных услуг (НППУ). Ранее в работе мы уже отмечали, что в сфере платежных услуг и систем Россия является страной ориентированной страной. Однако с развитием технологий на рынок финансовых услуг все чаще выходят финтех-компании, которые предлагают населению и бизнесу новые услуги и финансовые сервисы. Но в настоящий момент, как мы уже говорили, услуги платёжных систем могут оказывать только кредитные организации. Поэтому приоритетной задачей государства на данный момент является внедрение способов предоставления услуг финансовыми посредниками.

2. Внедрение открытых программных интерфейсов – API. Развитие такой технологии позволит обеспечить постоянный и бесперебойный обмен данными между участниками финансового рынка. Более того использование API позволит получать провайдером услуг полную и актуальную информацию о потенциальном клиенте.

3. Так же для ЦБ России одной из ведущих задач остается создание механизма для быстрой смены обслуживающего банка. Отдельное внимание Банком России уделяется внедрению института электронных платежных счетов – e-invoicing. Такая система позволит субъектам экономической и иной хозяйственной деятельности преобразовать выставленные счета в платежное поручение, что качественно повлияет на скорость передачи документов на оплату.

4. Конечно, одной из целей развития НПС в настоящее время также является модернизация и улучшение работы «МИР».

5. Внедрение новой инфраструктуры в платежную систему России – платежная инфраструктура Цифрового рубля. Данный механизм позволит обеспечить доступ к цифровым кошелькам через любую финансовую организацию. Это позволит обеспечить функционирование в режиме офлайн.

6. Так же одним из направлений остается продолжение развития системы быстрых платежей и системы передачи финансовых сообщений. В первом случае приоритетным является развитие сервисов оплаты С2С и С2В. Такое внедрение позволит не только улучшить взаимодействие субъектов экономики, но и обеспечит необходимыми ресурсами сферу дистанционной торговли, которая в настоящий момент продолжает набирать обороты. В свою очередь, хочется отметить,

что такие сервисы уже выработаны за рубежом и активно применяются.

7. Создание условий для полного применения стандартов ISO 20022. Несмотря на то что такой стандарт уже давно используется в финансовой системе России, его применение не является повсеместным. Отсюда - Банком России планируется обеспечить использование этого стандарта в системе передачи финансовых сообщений, а также внедрение его в платежной системе самого ЦБ России.

8. Развитие международного сотрудничества. Такая тенденция предполагает развитие взаимодействия с иными платежными системами и системами платежных карт на территории ЕАЭС и иных стран.

В целом, на современном этапе наиболее приоритетным является исполнение и реализация трех разработанных принципов, или же направлений деятельности, НПС и ее участников – конкуренция, доступность и снижение издержек.

Таким образом, на современном этапе развития НПС в качестве самостоятельной системы, характерно совершенствование законодательства, повышение качества предоставляемых услуг платежными системами России, а также обеспечение эффективной и бесперебойной работы элементов НПС – платежной инфраструктуры, платежных инструментов и платежных карт.

Список литературы:

[1] Ситник А.А. Надзор в национальной платежной системе // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 11(84). – С. 5.

[2] Нгуен Х.К. Построение российской национальной платежной системы: принципы и преимущества / Х.К. Нгуен, Э.А. Козловская // Неделя науки СПбГУ. – 2016. – С. 433.

[3] Олейникова И.Н. Платежная система России: институциональная обеспеченность и уровень развития электронного оборота // Архивариус. – 2017. – № 1(16). – С. 2.

[4] Ларионов А.В. Разработка и внедрение показателей рисков платежных систем в надзорную деятельность Банка России: диссертация [Электронный ресурс]. URL: [https://www.hse.ru/data/xf/379/823/1156/финал_диссертация_ПС_26.10.2018\(1\)\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/xf/379/823/1156/финал_диссертация_ПС_26.10.2018(1)(1).pdf) (дата обращения: 10.04.2021).

[5] Ситник А.А. Операторы иностранных платежных систем и иностранные поставщики платежных услуг как субъекты национальной платежной системы // Право и политика. – 2020. – № 5. – С. 19.

[6] Банк России: Стратегия развития национальной платежной системы на 2021-2023 годы [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/presentation_20210414.pdf (дата обращения: 17.04.2021).

[7] Хоменко Е.Г. Устойчивость национальной платежной системы: понятие и факторы, на нее влияющие // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2016. – № 6(22). – С. 161.

[8] Система быстрых платежей [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/PSystem/sfp/> (дата обращения: 15.04.2021).

[9] Анеликова Е.В. Национальная платёжная система: состояние и развитие / Е.В. Анеликова, Т.Н. Харламова // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. – 2017. – № 7. – С. 2.

[10] Национальная платежная система: стратегия развития до 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9761> (дата обращения: 16.04.2021).

Spisok literatury:

[1] Sitnik A.A. Nadzor v nacional'noj platezhnoj sisteme // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017. – № 11(84). – S. 5.

[2] Nguen H.K. Postroenie rossijskoj nacional'noj platezhnoj sistemy: principy i preimushchestva / H.K. Nguen, E.A. Kozlovskaya // Nedelya nauki SPBGU. – 2016. – S. 433.

[3] Olejnikova I.N. Platezhnaya sistema Rossii: institucional'naya obespechennost' i uroven' razvitiya elektronogo oborota // Arhivarius. – 2017. – № 1(16). – S. 2.

[4] Larionov A.V. Razrabotka i vnedrenie pokazatelej riskov platezhnyh sistem v nadzornuyu deyatel'nost' Banka Rossii: dissertaciya [Elektronnyj resurs]. URL: [https://www.hse.ru/data/xf/379/823/1156/final_dissertaciya_PS_26.10.2018\(1\)\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/xf/379/823/1156/final_dissertaciya_PS_26.10.2018(1)(1).pdf) (дата obrashcheniya: 10.04.2021).

[5] Sitnik A.A. Operatory inostrannyh platezhnyh sistem i inostrannye postavshchiki platezhnyh uslug kak sub"ekty nacional'noj platezhnoj sistemy // Pravo i politika. – 2020. – № 5. – S. 19.

[6] Bank Rossii: Strategiya razvitiya nacional'noj platezhnoj sistemy na 2021-2023 gody [Elektronnyj resurs]. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/presentation_20210414.pdf (дата obrashcheniya: 17.04.2021).

[7] Homenko E.G. Ustojchivost' nacional'noj platezhnoj sistemy: ponyatie i faktory, na nee vliyayushchie // Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina. – 2016. – № 6(22). – S. 161.

[8] Sistema bystryh platezhej [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cbr.ru/PSystem/sfp/> (дата obrashcheniya: 15.04.2021).

[9] Anelikova E.V. Nacional'naya platyozhnaya sistema: sostoyanie i razvitie / E.V. Anelikova, T.N. Harlamova // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. – 2017. – № 7. – S. 2.

[10] Nacional'naya platezhnaya sistema: strategiya razvitiya do 2023 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9761> (дата obrashcheniya: 16.04.2021).

ДЖИОЕВА Елена Ахсаровна,
аспирант кафедры «Мировая экономика»
Дипломатической академии МИД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ НЕПРИЗНАННЫХ ИЛИ ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В данной научной статье рассматривается история становления непризнанных государств и анализируется их политико-экономическое положение. Основным предметом исследования являются те ограничения политического и экономического характера, которые накладывает на социально-экономическое развитие рассматриваемых государств их неопределенный международный статус.

Ключевые слова: государство, признаки государственности, внешнеэкономические связи, внешняя торговля, экономическое развитие.

DZHIOEVA Elena Akhsarovna,
Postgraduate student of the Department of
“World Economy” of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

FEATURES OF POLITICAL AND ECONOMIC RESTRICTIONS OF UNRECOGNIZED OR PARTIALLY RECOGNIZED STATES

Annotation. The present article concerns the history of unrecognized states formation and analyzes their political and economic situation. The main subject of this research is political and economic constraints, which are imposed on the socio-economic development of the states under consideration by their uncertain international status.

Key words: state, signs of statehood, foreign economic relations, foreign trade, economic development.

Явление непризнанных или частично признанных стран – феномен современной истории, начиная с образования ООН. Вновь возникшие государства, создание которых было вызвано распадом государства, революцией, войной могут быть признаны некоторыми странами - членами ООН или ни одним государством. Главная проблема непризнанных государств заключается в том, что зачастую они помимо своей воли становятся разменной монетой в геополитических отношениях самых крупных акторов мировой или региональной политики. Причиной их неопределенного статуса является имеющее место противоречие в принципах международных документов, касающихся, с одной стороны, права народа на самоопределение, с другой – территориальной целостности. Кроме того, ситуацию также отягощает политизированность процесса признания, что находит свое отражение в используемой терминологии¹. Этот вопрос выносится на первое место,

при этом такие ключевые факторы, как контроль над территорией, легитимность властных структур, самоидентификация народа и его культура, уровень экономического развития – рассматриваются как второстепенные или вовсе оказываются в тени. С позиции международного права эти страны не являются полноценными государствами, а представляют собой белые пятна на геополитической карте мира. При этом эти страны фактически уже десятилетиями создают свою историю.

В данной статье рассматриваются особенности становления республик: Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье, уже оформившихся как государственные образования, а также Луганской и Донецкой республик, которые пока находятся в начале этого пути. Последние две, кроме того, отличаются еще и тем, что в их ситуации геополитические факторы оказывают значительно большее влияние, чем внутренние.

Исторически появление непризнанных государств на постсоветском пространстве связано с развалом СССР и объясняется тем, что эти территории имели широкую автономию народов. Это относится к этническим группам, долгое время

¹ Н. Добронравин в своей фундаментальной работе о непризнанных государствах приводит такие определения, как «эфемерное государство», «сепаратистский режим», «псевдо-, квазигосударства» и др.

проживавших на землях с четко очерченными границами, имевших общность языка и культуры.

Так, например, Южная Осетия и Абхазия были автономными областями Грузинской ССР. Осетины и абхазы были титулярными этносами, населявшими свои территории несколько веков. Что касается Донецкой и Луганской народных республик, они были развитыми промышленными регионами, где большая часть населявшего их народа говорит на русском языке. Таким образом, мы видим, что этнические, культурные и внутриполитические предпосылки образования этих государств значительно отличаются.

Проводя анализ непризнанных территорий, необходимо обратиться к собственно понятию государства. Существует множество различных определений государства, но в большинстве своем все они сводятся к перечислению признаков государственности. Среди них главным образом можно выделить следующие:

- 1) наличие отделенной четкими границами территории;
- 2) проживающее на этой территории население, признающее действующую власть;
- 3) функционирование политической власти, разделенной на исполнительную, законодательную и судебную ветви, обладающее механизмом принуждения;
- 4) суверенитет;
- 5) правовая основа организации в обществе;
- 6) сбор в государственную казну обязательных платежей с граждан для обеспечения деятельности армии, правоохранительных органов, органов исполнения наказаний и других институтов;
- 7) использование государственной символики.

Все рассматриваемые государства обладают перечисленными признаками, кроме международного признания. Это вызывает серьезные трудности в налаживании внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, в обеспечении устойчивого экономического роста, сохраняется угроза возобновления замороженных конфликтов (яркий пример – военные столкновения между Азербайджаном и Арменией по поводу непризнанной Нагорно-карабахской республики).

Как уже было отмечено, возникает неразрешимое противоречие между двумя основополагающими принципами международных отношений: принципом территориальной целостности и нерушимости границ и правом на самоопределение.

До возникновения противоборствующих политических полюсов и западный мир, и Советский Союз пользовались этими принципами, в одних случаях утверждая важность сохранения

целостности государств, в других – поддерживая этнические группы в стремлении к отделению.

Республика Южная Осетия, Республика Абхазия и Приднестровская Молдавская Республика де-факто образовались как государства с начала 90-х годов XX в., невзирая на периодические случавшиеся вооруженные конфликты и наличие в конституциях сецессионных государств положений, закрепляющих эти территории своими частями. Луганск и Донецк были самопровозглашены в 2014 г., в них также все еще продолжаются военные столкновения, вопрос об их государственном статусе не закрыт.

Помимо политических барьеров, статус непризнанного государства создал странам постсоветского пространства (главным образом речь пойдет об Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье) и весьма существенные экономические ограничения: упадок в промышленной и сельскохозяйственной отраслях, серьезное ограничение внешнего транспортного сообщения и внешнеэкономических отношений, малый объем или полное отсутствие иностранных инвестиций.

Приведем небольшую характеристику экономик формально независимых непризнанных государств.

Энергетический потенциал. Приднестровская республика обеспечивается электроэнергией, производимой Молдавской государственной районной электростанцией, которая с 2005 г. входит в группу компаний «Интер РАО ЕЭС». Электричество используется как для нужд промышленности, так и для экспорта в Румынию. Газ поставляется через трубу ПАО «Газпром». У Приднестровья образовалась высокая задолженность за газ, его размер превышает 4 млрд долл.

В Абхазской республике сегодня работает две малых гидроэлектростанций из двадцати одной, функционировавшей в советское время. При этом порядка 20-25% электроэнергии поставляется абхазами в Краснодарский край, что, ввиду отсутствия промышленных компаний, не создает дефицита электрической энергии. Республика Южная Осетия в энергетической сфере полностью зависит от поставок энергоресурсов из Российской Федерации.

Промышленной отрасли Приднестровская Молдавская республика также превосходит другие страны. При Советском Союзе она обеспечивала выпуск 35-40% внутреннего валового продукта Молдавии. Лидирующую позицию среди отраслей промышленности здесь имеет черная металлургия – до 50% всего промышленного производства, также высока доля в производстве ВВП обрабатывающей промышленности и машиностроения.

Абхазская республика сумела сохранить всего несколько промышленных предприятий, среди которых заводы пищевой промышленности, обрабатывающие производства (древесина) и табачные фабрики. Кроме того, в Абхазии осуществляется добыча каменного угля и организуется его экспорт в Турецкую Республику.

В Южной Осетии по результатам 2019 г. объем промышленной продукции составляет чуть больше 1 млрд руб., из них 73% – производство строительных материалов (в основном связанное с реализацией инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию РЮО, осуществляемой при финансовой поддержке Российской Федерации), 11% – мукомольно-комбикормовая и хлебопекарная промышленность, 10% – пищевая промышленность, меньше 5% – легкая промышленность, полиграфическое производство, лесная и деревообрабатывающая промышленность, машиностроение и металлообработка. Численность населения, работающего в промышленности, составляет чуть более 1,5 тыс. человек при общей численности населения трудоспособного возраста 32 тыс. человек.

Сельское хозяйство. В сельскохозяйственной отрасли наблюдается стагнация во всех республиках, хотя можно констатировать, что больше остальных пострадало аграрное производство в Абхазии, где до военного конфликта 1992 - 1993 гг. сельское хозяйство было на высоком уровне развития. Здесь выращивались субтропические культуры: мандарины, лимоны, а также овощи, чай, орех, табак, кукуруза и др. После войны внешнеторговые отношения практически прекратились, и переработка остановилась, и сельское хозяйство служило исключительно для выживания людей. На сегодняшний день республика обеспечивает себя мясомолочной продукцией только на 40%.

Аграрная отрасль Южной Осетии также находится в упадке: из 17 тыс. га пашни посевная площадь составляет всего лишь 2.3 га. В связи с разрывом всех связей с Грузией после августовских событий 2008 г. резко поднялись цены на продукты, ввозимые из Российской Федерации. Некогда прибыльный бизнес по импорту и продаже грузинских сельскохозяйственных продуктов мгновенно пришел в полный упадок.

Приднестровская республика никогда не была аграрно-ориентированной, на сегодняшний день удельный вес сельскохозяйственной продукции здесь не превышает 1% в ВВП.

Туризм развит на высоком уровне только в Абхазии, здесь эта сфера рассматривается как отдельная отрасль хозяйства и является одной из бюджетообразующих. По данным государствен-

ной статистики, в 2019 г. Абхазию посетило более миллиарда туристов. При этом подавляющая часть туристического потока идет из России.

Южная Осетия имеет огромный туристический потенциал за счет уникальных природно-климатических условий, богатого исторического наследия, но в связи с неразвитостью инфраструктуры и отсутствия инвестиционных возможностей этот потенциал практически не используется.

Внешняя торговля. Наиболее благополучно развивается внешнеторговый оборот в Приднестровье, где имеют место как контрабандные грузопотоки, так и легальный экспорт собственных товаров. Но, несмотря на это, здесь также складывается отрицательное внешнеторговое сальдо: импорт значительно превышает экспорт. Среди внешнеторговых партнеров Абхазии на первом месте стоит Российская Федерация – более половины оборота, далее Турция – чуть более 20% внешнеторгового оборота, а торговля с Румынией составляет примерно 12% внешнеторговых отношений. В Абхазии также наблюдается стабильное превышение импорта над экспортом (примерно 80% и 20%, соответственно). В Южной Осетии на данный момент внешнеэкономические отношения складываются только с Россией. По результатам 2019 г. экспорт составил 850 млн руб., в то время как импорт превысил 3.3 млрд руб.

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что рассматриваемые частично признанные государства платят очень высокую цену за признание своей независимости. Для местных экономик это означает серьезные внешнеполитические и внешнеэкономические ограничения, которые существенно тормозят социально-экономическое развитие, а также укрепление их государственности и расширение международного признания.

Список литературы:

[1] Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации / Добронравин Н. – СПб: Европейский ун-т, 2011.

[2] Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа / С. Маркедонов – Ереван: Институт Кавказа, 2012.

[3] Непризнанные государства европейской периферии и пограничья / Большаков А.Г. – Международные процессы. – 2007. - № 3.

[4] Политическая система непризнанного государства: Приднестровской Молдавской

Республики / Селиванова И.В. – Научные тетради. - Молдавия, 2007. – Вып. 11.

[5] Территории проблемного суверенитета / Цуцув А.А. – Научные тетради Института Восточной Европы. 2006. - № 1.

[6] Kapitalismus, Sozialismus, Demokratie / Schumpeter P. – Bern, 1950.

[7] Статистический сборник Республики Южная Осетия за 2019 г.

Spisok literatury:

[1] Nepriзнанные gosudarstva v «seroj zone» mirovoj politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizacii / Dobronravlin N. – SPb: Evropejskij un-t, 2011.

[2] De-fakto obrazovaniya postsovetского prostranstva: dvadcat' let gosudarstvenного

stroitel'stva. Analiticheskie doklady Instituta Kavkaza / S. Markedonov – Erevan: Institut Kavkaza, 2012.

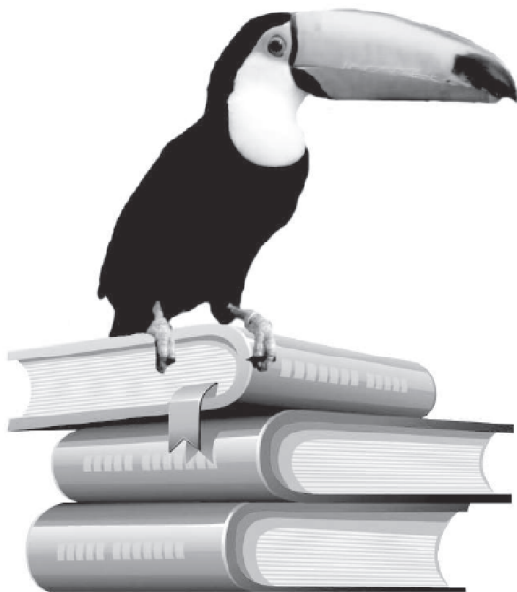
[3] Nepriзнанные gosudarstva evropejskoj periferii i pogranich'ya / Bol'shakov A.G. – Mezhdunarodnye processy. – 2007. - № 3.

[4] Politicheskaya sistema nepriзнанного gosudarstva: Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki / Selivanova I.V. – Nauchnye tetradi. - Moldaviya, 2007. – Вып. 11.

[5] Territorii problemnogo suvereniteta / Cucuev A.A. – Nauchnye tetradi Instituta Vostochnoj Evropy. 2006. - № 1.

[6] Kapitalismus, Sozialismus, Demokratie / Schumpeter P. – Bern, 1950.

[7] Statisticheskij sbornik Respubliki Juzhnaya Osetiya za 2019 g.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АНТИПИН Владислав Сергеевич,
студент 2-го курса

специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности»
Института комплексной безопасности и специального приборостроения
«МИРЭА – Российский технологический университет»,
член Студенческого научного бюро кафедры
«Правовое обеспечение национальной безопасности»,
e-mail: sertalikol@gmail.com

Научный руководитель:

ГЛОБЕНКО Оксана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности»
Института комплексной безопасности и специального приборостроения
«МИРЭА - Российский технологический университет»,
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
e-mail: lexy347@mail.ru

ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения доктрины «поднятия корпоративной вуали» и доктрины ограниченной ответственности юридического лица, поиску критерия баланса, позволяющему избежать злоупотреблений при применении доктрины «поднятой корпоративной вуали», анализу роли судебного усмотрения в этом механизме.

Ключевые слова: доктрина «снятия корпоративной вуали», ограничение ответственности юридического лица, злоупотребление правом, судебная дискреция, экономическая безопасность.

ANTIPIIN Vladislav Sergeevich,

2nd year student
specialty «Legal support of national security»
Institute of Integrated Security and Special Instrumentation
of the MIREA – Russian Technological University,
member of the Student Scientific Bureau of the
Department of Legal Support of National Security

Scientific advisor:

GLOBENKO Oksana Aleksandrovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
«Legal Support of National Security»
of the Institute of Integrated Security and Special Instrumentation
of the «MIREA – Russian Technological University»,
Lawyer of the Moscow Chamber of Lawyers

THE DOCTRINE OF «PIERCING THE CORPORATE VEIL»: ENFORCEMENT PROBLEMS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the correlation between the doctrine of «lifting the corporate veil» and the doctrine of limited liability of a legal entity; the search for a balance criterion that allows avoiding abuse in the application of the doctrine of «lifted corporate veil». The analysis of the role of judicial discretion in this mechanism is given.

Key words: the Doctrine of «Piercing the corporate veil», limitation of liability of a legal entity, abuse of rights, judicial discretion, economic security.

Эволюция доктрины «снятия (поднятия, прокальвания) корпоративной вуали» детерминирована проблемой злоупотребления иной доктриной, вполне устоявшейся и принятой частным правом – доктриной юридического лица, наличием ограничения ответственности учредителей этого субъекта, обусловленной спецификой его правовой природы. Результат подобного злоупотребления – нарушение прав иных участников частнопроводных отношений, особенно в правоотношениях, возникающих в ходе банкротства юридического лица.

Конкуренция этих доктрин, точечный подход к применению доктрины «поднятой корпоративной вуали» вполне объясним опасением иного рода злоупотребления, которое нивелирует существо доктрины фикции, как признанной подавляющим большинством частнопроводных систем варианты концепции корпоративного субъекта.

Несколько ранее практика, определяющая критерии применения доктрины «поднятой корпоративной вуали» прошла довольно тернистый путь в английской судебной системе, вероятно, причина тому – период всплеска мошенничеств с банкротством компаний («мыльных пузырей», породивший известный Bubble Act). Обращает на себя внимание тот факт, что формирование критерия применения доктрины прошло более чем столетний путь от знакового дела *Broderip v. Salomon* (1893), *Salomon v. Salomon & Co* (1897) и до дела *A Company, Re* [1985] B. C. L. C. 333, в рамках которого королевский суд уверенно применил доктрину. Как показывает системный анализ материалов дела, произведенный А.Н. Назыковым, решающим стал аргумент: «ответчик предпринял намеренные шаги для сокрытия его активов посредством сложной сети компаний и трастов» [1, с. 167]. Тем не менее, при определении критерии мы усматриваем, что и английская судебная практика отличается по сей день осторожностью в этом вопросе, не смотря на сложившийся механизм применения доктрины, что видно из более поздней судебной практики, проанализированной указанным автором, в т.ч., в деле *Prest v. Petrodel Resources Ltd & Ors* (2013) [1, с. 168].

Казалось бы, доктрина «поднятой корпоративной вуали» – исключительно действенный и удобный механизм, который позволяет противодействовать не просто злоупотреблению доктриной юридического лица, но и целому ряду, сопряжённых с этим негативных явлений. Недобросовестные действия руководящего лица, которые привели к искусственному банкротству, неизбежно выражаются в негативных социально-экономических явлениях: потеря рабочих мест, что отчасти выступает и детерминантой роста преступности; утрата доверия кредиторов к российскому рынку,

угроза экономической безопасности и благополучию граждан и т.д. Проблема злоупотребления свойством, определяющим сущность юридического лица, а именно – ограниченная ответственность последнего, – масштабна, а поиск её разрешения соответствует задаче обеспечения экономической безопасности, обозначенной в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Одним из способов достижения целей, содержащиеся в Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», представляется правовой механизм снятия корпоративной вуали.

Тем не менее, успешная практика применения доктрины поднятой корпоративной вуали, начиная с 2012 г. (по делу № А40-21127/11-98-184), не снимает остроты доктринальных дискуссий по вопросу о критерии применения доктрины.

Сложившиеся в американской судебной практике два критерия: «злоупотребление правом», использование доктрины юридического лица «не по назначению», при этом доктрина «поднятой корпоративной вуали» становится защитой, как писал Уормсер: «от вороватых волков, будь те в корпоративном одеянии бабушки Красной Шапочки или в своих собственных мохнатых шкурах» [2], и несвободная воля юридического лица, его зависимость от воли физического лица или головной компании, причём зависимость полностью исключая собственные волевые решения, так называемый двухэлементный тест Ф. Пауэлла, анализируемый подробно в работе Е.П. Кривцун [3, с. 177].

Однако именно тонкая грань между ограничением ответственности юридического лица и злоупотреблением её заставляет исследователей вновь возвращаться к этому вопросу.

Следствием применения доктрины «поднятой корпоративной вуали» является, в т.ч., возложение на контролирующее лицо ответственности за обязательства организации, что является полной противоположностью самой природы юридического лица.

Как представляется, в российском законодательстве доктрина нашла своё отражение в ст. 61.11 «Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов» Федерального закона № 127-ФЗ. «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г., введённая законом от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ: «Если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое

лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника».

Однако при всей целесообразности и справедливости нормы, необходимо учитывать и потенциальную угрозу злоупотребления иного характера, которую необходимо устранить: злоупотребление самой доктриной «поднятой корпоративной вуали».

Целесообразным подходом видится совершенствование механизма применения доктрины – конкретизация критериев к её правоприменению. Точно установленных критериев в законодательстве Российской Федерации нет, а если обратиться к зарубежному опыту, то можно наблюдать разрозненность в правовом поле, поскольку до настоящего времени и суды США, первые предложившие двухэлементный тест, не выработали единства критериев [4, с. 26-39].

Общими и распространенными выделяются следующие критерии [5]:

1) контроль деятельности юридического лица другим лицом, которое фактически или юридически может влиять на принятие хозяйственным обществом решений;

2) имеет место либо правонарушение, либо злоупотребление правом;

3) наличие причинно-следственной связи между правонарушением или злоупотреблением правом со стороны выгодоприобретателя и убытками кредитора;

4) наличие исключительных обстоятельств, когда другими правовыми средствами невозможно защитить законные интересы кредиторов.

Применение первого критерия приводит к тому, что механизм снятия корпоративной вуали становится безграничным и применимым к совершенно любой организации. Это может послужить почвой для недобросовестной конкурентной борьбы.

Второй критерий вызывает встречный вопрос: как распознать злоупотребление правом? Нередко кредиторы оспаривают сделки организации, считая это злоупотреблением правом заключать подобные сделки, обосновывая это предбанкротным состоянием самой организации в момент заключения этой сделки. Закон выделяет такой критерий подозрительных сделок, как: в худшую для должника сторону существенно отличаются цены от аналогичных сделок. Но заниженная цена, могла быть тактикой должника по привлечению покупателей, с целью получить хоть какую-либо прибыль. Данный мотив сложно доказать, что даёт стороне, оспаривающей сделку, преимущество в судебном процессе.

Третий критерий требует тщательного анализа, с учётом сентенции: «post hoc ergo propter hoc», когда причинно-следственную связь пыта-

ются подменить мнимой корреляцией между явлениями или их последовательностью. В этом случае судебная практика должна с особой тщательности анализировать доказательственную базу, определяющую причинно-следственную связь.

Четвертый критерий требует особое внимание уделять механизму компенсации прав истца, использованию других, предусмотренных законодательством механизмов, применяя доктрину «поднятой корпоративной вуали» как субсидиарный механизм.

Иными словами, применение доктрины «поднятой корпоративной вуали» каждый раз связано с таким тонким феноменом как судебная дискреция, по причине своей специфики механизм применения доктрины не может быть втиснут в рамки жестких критериев, требует оценочного отношения, определённой свободы судебного усмотрения, соотнесения доктрины с принципами законности и справедливости.

Современное право представляется сложным феноменом, где судебная дискреция занимает значимое место не только в правоприменительной практике, но и как критерий, определяющий дальнейшее развитие права, как одна из четырех матриц права, по мнению Э. Ламбера [6]. И в этой связи, именно целесообразно, не как дань необходимости в силу отсутствия жёстких критериев, а именно, в силу значительной роли судебной дискреции в вопросе применения доктрины «поднятой корпоративной вуали», оставить систему гибкого механизма применения критерия – возможность судебного усмотрения, оценочный компонент.

Список литературы:

[1] Назыков А.Л. Верховный суд Соединенного Королевства о «снятии корпоративной вуали» // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – С. 161 - 169.

[2] Wormser I. Piercing the Veil of Corporate Identity // Columbia Law Review. – 1912. – Vol. 12. – P. 500.

[3] Кривцун Е.П. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: история появления, становления, развития и ее имплементация в правовой системе России // Социально-политические науки. – 2018. – № 2. – С. 175 - 179.

[4] Белясов С.Н. Субсидиарная ответственность должника по российскому и зарубежному законодательству: теоретико-правовой аспект // Теория государства и права. - 2020. - № 3 (19). - С. 26 - 39.

[5] Подшивалов Т.П. Защита имущественных прав на основе доктрины снятия корпоративной вуали в российской судебной практике [Электрон-

ный ресурс] / Сайт «Закон.Ру». – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/7/21/zaschita_imuschestvennyh_prav_na_osnove_doktriny_snyatiya_korporativnoj_vuali_v_rossijskoj_sudebnoj_ (дата обращения: 20.07.2021).

[6] Эррера К. Сравнительное право и социальные науки. Некоторые мысли об Эдуарде Ламбере // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2015. - № 5. – С. 13 - 20.

[7] Chen Y. Is there fourth type of capital system: rethinking the classification of corporate capital systems // Lex russica. - 2018. - № 12 (145). - С. 109 - 118.

[8] Батыршина К.А. Соотношение института «аффилированности» и доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Российской Федерации // Вопросы современной юриспруденции. - 2016. - № 59. - С. 21 - 27.

[9] Бондаренко В.В. Обратный эффект доктрины «снятия корпоративной вуали». В сборнике: Наука, образование, инновации: Аprobация результатов исследований. Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. - С. 157 - 160.

[10] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию // СПб.: Владимир Даль, 2004. - 400 с.

Spisok literatury:

[1] Nazykov A.L. Verhovnyj sud Soedinennogo Korolevstva o «snyatii korporativnoj vuali» // Pravovedenie. – 2013. - № 5 (310). – С. 161 - 169.

[2] Wormser I. Piercing the Veil of Corporate Identity // Columbia Law Review. – 1912. – Vol. 12. – P. 500.

[3] Krivcun E.P. Doktrina «snyatiya korporativnoj vuali»: istoriya povyavleniya, stanovleniya, razvi-

tiya i ee implementaciya v pravovoj sisteme Rossii // Social'no-politicheskie nauki. – 2018. - № 2. – С. 175 - 179.

[4] Belyasov S.N. Subsidiarnaya otvetstvennost' dolzhnika po rossijskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu: teoretiko-pravovoj aspekt // Teoriya gosudarstva i prava. - 2020. - № 3 (19). - С. 26 - 39.

[5] Podshivalov T.P. Zashchita imushchestvennyh prav na osnove doktriny snyatiya korporativnoj vuali v rossijskoj sudebnoj praktike [Elektronnyj resurs] / Sajt «Zakon.Ru». – Rezhim dostupa: https://zakon.ru/blog/2018/7/21/zaschita_imuschestvennyh_prav_na_osnove_doktriny_snyatiya_korporativnoj_vuali_v_rossijskoj_sudebnoj_ (data obrashcheniya: 20.07.2021).

[6] Errera K. Sravnitel'noe pravo i social'nye nauki. Nekotorye mysli ob Eduarde Lambere // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. – 2015. - № 5. – С. 13 - 20.

[7] Chen Y. Is there fourth type of capital system: rethinking the classification of corporate capital systems // Lex russica. - 2018. - № 12 (145). - С. 109 - 118.

[8] Batyrshina K.A. Sootnoshenie instituta «affilirovannosti» i doktriny «snyatiya korporativnoj vuali» v prave Rossijskoj Federacii // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. - 2016. - № 59. - С. 21 - 27.

[9] Bondarenko V.V. Obratnyj effekt doktriny «snyatiya korporativnoj vuali». V sbornike: Nauka, obrazovanie, innovacii: Aprobaciya rezul'tatov issledovanij. Nauchno-izdatel'skij centr «Mir nauki», 2018. - С. 157 - 160.

[10] Gusserl' E. Krizis evropejskih nauk i transcendentalnaya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu // SPb.: Vladimir Dal', 2004. - 400 s.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-173-177

СИНИНА Анна Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Российского государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА ЗАЩИТЫ: СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕОФРАГМЕНТОВ)

Аннотация. *Заключительная речь адвоката неоднократно становилась объектом исследования ученых как в филологическом, лингвистическом, жанрово-стилистическом, так и в структурно-правовом и иных аспектах. Изучение заключительной речи адвоката, выступающей в качестве самостоятельного объекта многоплановых исследований, способствует пониманию его значения и специфики, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на осмысление зарубежного правопорядка в целом, концепции и стратегии как судебных процессов, так и линии защиты в конкретном отдельно взятом деле, рассматриваемом судом. Цель настоящей статьи – исследовать фундаментальные понятия стратегии и тактики в заключительной речи адвоката. Научная новизна исследования заключается в формулировании определений базовых дефиниций, применительно к материалу исследования. Результат исследования заключается в установлении особенностей отдельных стратегий и тактик в заключительной речи адвоката на материале англоязычных документов, размещенных в видео формате в свободном доступе сети Интернет, видеохостинге YouTube.*

Ключевые слова: адвокат, защита, заключительная речь, стратегия, тактика.

SININA Anna Igorevna,
Candidate of Science (Philology)
Associate professor of the Humanities and
socio-economic discipline department
Russian State University of Justice,
Saint-Petersburg

CLOSING ARGUMENT OF LAWYER FOR THE DEFENSE: STRATEGIES AND TACTICS (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE VIDEOS)

Annotation. *The final speech of the lawyer has repeatedly become the object of research by scientists both in philological, linguistic, genre-stylistic and in structural-legal and other aspects. The study of the lawyer's final speech as an independent object of multifaceted research contributes to the understanding of its meaning and specifics which positively influences the understanding of the foreign legal order as a whole, the concept and strategy of both trials and the line of defense in a particular individual case considered by the court. The purpose of this article is to explore the fundamental concepts of strategy and tactics in the lawyer's closing speech. The scientific novelty of the research lies in the formulation of definitions of basic definitions concerning the research material. The result of the study is to establish the features of individual strategies and tactics in the lawyer's final speech based on the material of English-language documents posted in video form in the free access of the Internet, in the video hosting YouTube.*

Key words: lawyer, defense, closing argument, strategy, tactics.

В рамках настоящей статьи определим такие фундаментальные дефиниции как «стратегия» и «тактика» применительно к объекту исследования. **Актуальность темы исследования** основана на том, что, несмотря на весьма широкое распространение и употребление приведенных терминов, в правовой литературе отсутствует единообразный подход к их толкованию. Как правило, соответствующие дефиниции выводятся авторами, исходя из цели и задач конкретной научной работы, что, с одной стороны, делает искомые дефиниции достаточно «гибкими», а с другой – усложняет процесс любого исследования за счет отсутствия общепринятого понимания рассматриваемых терминов.

Теоретической базой исследования послужило обращение к трудам ученых в сфере теории государства и права, выявлены существенные характеристики рассматриваемых понятий, на основании которых предлагается сформулировать толкования терминов «стратегия» и «тактика», применительно к заключительной речи адвоката.

А.В. Малько и А.П. Мазуренко, резюмируя характеристики стратегии в правотворческой политике, перечисляют такие признаки как долгосрочность, взаимосвязанность, взаимообусловленность, целеустремленность, логичность, последовательность (мероприятий) в рамках деятельности (стратегии) [7, с. 439]. Интересным представляется тот факт, что, несмотря на многократное упоминание термина «стратегия» в рамках указанной статьи, А.В. Малько и А.П. Мазуренко не предлагают определение данного термина.

Термин «тактика» в статье вышеуказанных ученых также не раскрывается. Однако изучение ряда других научных работ, например, В.А. Мальцевой позволяет прийти к выводу о том, что под «тактикой» представляется инструмент стратегии, один из составляющих стратегию (действие) элементов [8].

Ссылаясь на трактовки, зафиксированные в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, находим, что стратегия определяется как «1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны. 2. Общий план ведения войны, боевых операций. 3. перен. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правительных и далеко идущих прогнозах» [10].

Под тактикой понимается «1. Составная часть военного искусства – теория и практика подготовки и ведения боя. 2. Общий план подготовки и ведения боя, боевых операций. 3. перен. Совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели [10].

В работе О.С. Иссерс «Речевое воздействие» находим следующее определение речевой стратегии как совокупности, общности речевых действий, которые позволяют решить коммуникативную задачу говорящего, речевая тактика же представляет собой действие или набор действий, реализующих стратегию [6, с. 109 - 110].

Таким образом, вслед за О.С. Иссерс, применительно к настоящему исследованию, мы приходим к выводу о том, что стратегия заключительной речи адвоката представляют собой логически последовательное, ориентированное на достижение конкретной цели речевое высказывание адвоката, в части защиты интересов представляемой им в суде стороны и инструмент стратегии – тактика – элемент, направленный на решение конкретных, включенных в общий план высказывания адвоката задач.

Необходимо отметить, что стратегия заключительной речи адвоката подчинена цели, преследуемой защитником, которая, в зависимости от конкретных обстоятельств дела может заключаться в юридическом и (или) психологическом влиянии на суд и жюри при изложении доводов защиты в пользу защищаемого лица [9, с. 56 - 59]. Стратегия и тактика заключительной речи адвоката взаимосвязаны и ориентированы на убеждение суда присяжных в непричастности, невиновности подзащитного, в аргументации необходимости вынесения оправдательного вердикта, либо в возможной минимизации и учета смягчающих обстоятельств, если применение меры наказания неизбежно.

В работе Джеймса Х. Секингера [3], посвященной изучению заключительной речи адвоката, сформулировано полное и обоснованное умозаключение относительно важности изучаемого явления, а также автор акцентирует внимание на том, что, несмотря на общепринятое отождествление обобщения фактов / доказательств по делу и итоговую аргументацию, приведенные определения представляют собой совершенно разные инструменты, первый из которых является скорее техническим, а второй (итоговая аргументация) представляет собой творческий и действенный инструмент в руках защитника. Тщательно разработанная заключительная речь адвоката, способна кардинально изменить ход судебного процесса, если принимать во внимание, что только посредством вступительного слова и заключительной речи, адвокат напрямую может обратиться к суду и судье, в частности, поскольку другие варианты взаимодействия в рамках судебного заседания (судебные прения, допросы и т.д.) предоставляют адвокату возможность лишь опосредованного обращения.

В работе М.О. Зайцевой «Судебный дискурс: речевые стратегии и тактики, речевые способы выражения конфликта», автор указывает, что исследователи выделяют такие стратегии, в адвокатском дискурсе как «стратегия защиты, стратегия нападения и стратегия психологического воздействия», где, в свою очередь, стратегия защиты реализуется через различные тактики, например, «тактика частичного признания вины, доказательства действий в состоянии аффекта и тактику положительной характеристики». Для стратегии нападения характерны: «дискредитация, критика обвинителя и сарказм». Стратегия психологического воздействия включает: «апелляция к справедливости», «логическая концентрация внимания», «контрастивный анализ и внушение определенной точки зрения» [5, с. 74 - 78].

Практическая значимость исследования заключается в рассмотрении функционирования указанных стратегий и тактик на примере англоязычных заключительных речей адвоката защиты, находящихся в свободном доступе сети Интернет, видеохостинг «YouTube», принимаем за основу классификацию стратегий и тактик, описанных М.О. Зайцевой.

Стратегия защиты представлена во всех заключительных речах адвокатов защиты, поэтому остановимся подробнее на используемых тактиках. В деле Венди об изнасиловании (*Defense lawyer Worrick Robinson delivers closing arguments in Vandy rape case*), адвокат использует тактику «доказательства действия в состоянии аффекта», описывая измененное состояние клиента в момент совершения преступления, вызванного не изменением психики, а следствием влияния окружающей среды и культурных ценностей: «I was looking at this case through 51 year old lenses, a 51 year old brain, 51 year old eyes, 51 year old life experiences. But that's not how we can look at this case. We have to, I had to look at this case like a 19 year old college kid at Vanderbilt University. <...> Every one before you got on this juries agreed that our culture shapes our decisions. It's part of our environment it drives us in what we do. <...> It's different but our culture defines what is acceptable and not acceptable what might be moral in my culture or immoral in my culture might be very moral very standard in a college kid culture what's a culture that we're all involved in daily. <...> our kids grow up <...> and they want to be like the people they see on TV they want to be like the artists that are our singing <...> they say see these shows and they think it's funny and these shows glorified drinking they glorified sex they glorified promiscuous sex <...> culture encouraged underage drinking <...>[2]. – Я смотрел на это дело через взгляд 51-летнего мужчины, 51-летний жизненный опыт. Но мы не можем так

смотреть на это дело. Мы должны, я должен был взглянуть на это дело как 19-летний студент колледжа Университета Вандербилта. <...> Все, кто был до вас в суде присяжных, согласились с тем, что наша культура формирует наши решения, это часть нашей среды, она движет нами в том, что мы делаем. <...> Это другое, но наша культура определяет, что приемлемо и неприемлемо, что может быть моральным в моей культуре или аморальным в моей культуре, может быть очень моральным, очень стандартным в культуре студентов колледжа, в какой культуре мы все участвуем ежедневно. <...> наши дети растут <...> и они хотят быть похожими на людей, которых они видят по телевизору, они хотят быть похожими на артистов, которые поют <...> они говорят, что смотрят эти шоу, и они думают, что это смешно, и эти шоу прославляли выпивку, они прославляли секс, они прославляли беспорядочный секс <...> культура поощряла употребление алкоголя несовершеннолетними <...>».

Адвокат оправдывает поведение подзащитного влиянием среды, окружающей его, и упоминание состояния аффекта, не характеризует действия подзащитного. Таким образом, предлагаем именованию данной тактики расширить, обозначив «действия, совершенные под влиянием внешних факторов и состояния аффекта».

Тактики стратегии нападения отчетливо прослеживаются в следующей заключительной речи адвоката в деле Сермака (*Steven Kay QC: ICTY, Closing Argument for the Cermak Defence, The Prosecutor v Gotovina et al 2010*): «<...>in a pre-trial brief by the prosecution the allegations that they were to make and we look back now to see whether they have been proved or not what has changed whether there's been any substance to support those allegations at the start of the trial they were relying upon statements taken in the English language duration witnesses not having statements in their own language <...>but look at the prosecution footnotes and see what is cited in support are those citations correct reflect what is what has been written in the main document or false and I'll use that word because that's a word that came up in the prosecution final brief about evidence <...>[4]. – <...> в досудебной записке обвинения, которые они должны были выдвинуть, и мы оглядываемся назад, чтобы увидеть, были ли они доказаны или нет, что изменилось, было ли какое-либо содержание в поддержку этих утверждений в начале судебного разбирательства, они полагались на заявления, сделанные на английском языке свидетелями, не сделавших заявлений на своем родном языке <...> но посмотрите на сноски обвинения и посмотрите, что цитируется в подтверждение, являются ли эти цитаты правильными, отражают то, что

было написано в основном документе, или ложными, и я буду использовать это слово, потому что это слово появилось в заключительном отчете обвинения о доказательствах <...>». В рассмотренном примере, адвокат активно применяет тактику «дискредитации и критики обвинителя», указывая на допущенные обвинением спорные или недопустимые в судебной практике моменты.

Стратегия психологического воздействия является неотъемлемой частью заключительной речи адвоката, поскольку именно эмоциональный отклик может повлиять на решение судей присяжных, которые до этого момента выслушивали и анализировали только «сухие» данные доказательного материала и следственных экспериментов. Указанные выше тактики: «апелляция к справедливости», «логическая концентрация внимания», «контрастивный анализ и внушение определенной точки зрения» реализуются в полном объеме в заключительных речах адвокатов. Опираясь на материал исследования, предлагаем дополнить тактики – «обращение к гражданской позиции и чувству патриотизма», например, в деле Эшли МакАртур (Ashley McArthur Trial Defense Closing Argument), адвокат неоднократно напоминает суду присяжных о стране, в которой происходит судебное разбирательство: «<...> and we thank them (jurors) for their honesty but they acknowledge that that's what our system is it's not like any other system anywhere in the in the world you're presumed innocent in fact many times. <...> that's the way the rules apply in this case. That's why we have such a wonderful country in a judicial system in the United States. <...> it's a standard that we in the United States stand by the state talks about opportunity and motive[1]. – <...>и мы благодарим их (присяжных) за честность, но они признают, что наша система такова, что она не похожа ни на какую другую систему в мире, в которой вас считают невиновным на самом деле много раз. <...> именно так действуют правила в данном случае. Вот почему у нас такая замечательная страна с судебной системой в Соединенных Штатах. <...> что это стандарт, которого мы в Соединенных Штатах придерживаемся, когда государство говорит о возможностях и мотивах».

В заключение настоящего исследования отметим, что на современном этапе развития стратегии и тактики ведения судебного дискурса, заключительная речь адвоката претерпевает различные структурные изменения (что в большей части обусловлено обстоятельствами дела), однако фундаментальные основы стратегии и тактики заключительной речи адвоката остаются неизменными. В настоящей работе автором обобщены научные взгляды на стратегию и тактику заключительной речи адвоката, рассматриваемые

учеными, как с правовой, так и лингвистической точек зрения. Используя фактический материал, находящийся в свободном доступе сети Интернет, в частности, анализу подвергались видеотрекеры, размещенные в видеохостинге YouTube, уточнены и проанализированы основные стратегии и некоторые тактики в рамках исследуемых стратегий, также предложены именованные тактические приемы, расширяющие рассматриваемые стратегии. **Перспективы дальнейшего исследования** мы видим в установлении и описании разновидностей тактических приемов, соответствующих стратегиям заключительной речи адвоката защиты.

Список литературы:

- [1] Ashley McArthur Trial Defense Closing Argument (2019) [Видеозапись выступления] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-VmhbU9B8Ms&list=WL&index=2> (дата обращения: 16.08.2021).
- [2] Defense lawyer Worrick Robinson delivers closing arguments in Vandy rape case (2016) [Видеозапись выступления Уоррика Робинсона] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cmoFEjRWheQ&list=WL&index=3> (дата обращения: 16.08.2021).
- [3] James H. Seckinger, Closing Argument, 19 Am. J. Trial Advoc. 51 (1995-1996). [Электронный ресурс] Notre Dame Law School NDLScholarship. – Режим доступа: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/11 (дата обращения: 16.08.2021).
- [4] Steven Kay QC: ICTY, Closing Argument for the Cermak Defence, The Prosecutor v Gotovina et al 2010 [Видеозапись выступления Стивена Кей] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0FPjWkWOtjQ&list=WL&index=4> (дата обращения: 16.08.2021).
- [5] Зайцева М.О. Судебный дискурс: речевые стратегии и тактики, речевые способы выражения конфликта // Филологические науки / Первый независимый научный вестник. - 2016. - № 6. - С. 74 - 78.
- [6] Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособ. – 2-е изд. – М. : Перемена, 2002. - С. 109 - 110.
- [7] Малько А.В., Мазуренко А.П. Стратегия и тактика как элементы правотворческой политики // Юридическая техника. - 2015. - № 9. - С. 436–443.
- [8] Мальцева В.А. Речевые тактики судебного спора // Бизнес в законе. - 2012. - № 3. - С. 165–169.
- [9] Павлова Я.А., Ельцова В.И. Речь адвоката как особый жанр в англоязычном судебном дискурсе // Постулат. - 2019. - № 1. - С. 56–57.

[10] Словарь русского языка С.И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 16.08.2021).

Spisok literatury:

[1] Ashley McArthur Trial Defense Closing Argument (2019) [Videozapis' vystupleniya] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-VmhbU9B8Ms&list=WL&index=2> (дата обращения: 16.08.2021).

[2] Defense lawyer Worrick Robinson delivers closing arguments in Vandy rape case (2016) [Videozapis' vystupleniya Uorika Robinsona] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cmoFEjRWheQ&list=WL&index=3> (дата обращения: 16.08.2021).

[3] James H. Seckinger, Closing Argument, 19 Am. J. Trial Advoc. 51 (1995-1996). [Elektronnyj resurs] NotreDameLaw School NDLScholarship. – Режим доступа: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/11 (дата обращения: 16.08.2021).

[4] Steven Kay QC: ICTY, Closing Argument for the Cermak Defence, The Prosecutor v Gotovina et al

2010 [Videozapis' vystupleniya Stivena Kej] – YouTube – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0FPjWkWOtjQ&list=WL&index=4> (дата обращения: 16.08.2021).

[5] Zajceva M.O. Sudebnyj diskurs: rechevye strategii i taktiki, rechevye sposoby vyrazheniya konflikta // Filologicheskie nauki / Pervyj nezavisimyj nauchnyj vestnik. - 2016. – № 6. - S. 74 - 78.

[6] Issers O.S. Rechevoe vozdejstvie: ucheb. posob. – 2-e izd. – M. : Peremena, 2002. - S. 109 - 110.

[7] Mal'ko A.V., Mazurenko A.P. Strategiya i taktika kak elementy pravotvorcheskoj politiki // Yuridicheskaya tekhnika. - 2015. - № 9. - S. 436–443.

[8] Mal'ceva V.A. Rechevye taktiki sudebnogo spora // Biznes v zakone. - 2012. - № 3. - S. 165–169.

[9] Pavlova Ya.A., El'cova V.I. Rech' advokata kak osobyj zhanr v angloyazychnom sudebnom diskurse // Postulat. - 2019. - № 1. - S. 56–57.

[10] Slovar' russkogo yazyka S.I. Ozhegova onlajn [Elektronnyj resurs] – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 16.08.2021).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Авторы статьи обращаются к понятию и видам цифровизации права. На основе анализа классической концепции юридического отношения сделан вывод о двух формах цифровизации права: в виде особого способа, или формы правоотношения (субъекты которого вступают в правоотношение и реализуют свои права и обязанности с использованием информационно-коммуникационных цифровых средств) и в виде особого вида правоотношения, субъектом которого, помимо сторон, выступает цифровое устройство, гарантирующее и обеспечивающее совершение определенных юридически значимых действий. В первом случае природа основного правоотношения остается неизменной, во втором – можно говорить о «цифровом правоотношении». Отдельного правового регулирования требует вопрос о правовом статусе «цифрового посредника». Рассмотрены вопросы защиты прав и законных интересов субъектов «цифровых правоотношений». Доказано, что общий критерий применимых способов защиты права и процессуальных форм рассмотрения дела сохраняет свое значение и в условиях цифровизации. Однако рассмотрение судами дел, возникающих из «цифровых правоотношений», требует учета процессуальной специфики – в частности, привлечения в дела разработчиков или правообладателей соответствующих цифровых средств в качестве третьих лиц или соучастников. Дается характеристика природы и особенностей системы онлайн-урегулирования споров.

Ключевые слова: цифровизация, правоотношение, частноправовое отношение, публично-правовое отношение, онлайн-урегулирование споров, смарт-контракт, электронное правосудие.

VINOGRADOVA Elena Valeryevna,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

DIGITAL FORM OF REALIZATION AND PROTECTION OF RIGHTS IN RUSSIA

Annotation. The authors of the article refer to the concept and types of digitalization of law. Based on the analysis of the classical concept of a legal relationship, a conclusion was made about two forms of digitalization of law: in the form of a special method, or a form of legal relationship (the subjects of which enter into a legal relationship and exercise their rights and obligations using information and communication digital means) and in the form of a special type of legal relationship, the subject of which, in addition to the parties, is a digital device that guarantees and ensures the performance of certain legally significant actions. In the first case, the nature of the basic legal relationship remains unchanged, in the second, one can speak of a “digital legal relationship”. A separate legal regulation is required by the issue of the legal status of the “digital intermediary”. The issues of protecting the rights and legitimate interests of the subjects of “digital legal relations” are considered. It has been proved that the general criterion of applicable methods of protecting the law and procedural forms of considering a case retains its significance in the context of digitalization. However, the consideration by the courts of cases arising from “digital legal relations” requires taking into account the procedural specifics - in particular, the involvement of the developer or copyright holders of the corresponding digital means in the case as third parties or accomplices. The characterization of the nature and features of the online dispute settlement system is given.

Key words: digitalization, legal relationship, private law relationship, public law relationship, online dispute resolution, smart contract, e-justice.

Развитие электронных технологий все больше преобразует нашу жизнь. Вносимые научно-техническим процессом коррективы уже нельзя считать формальными – они оказывают существенное влияние на процессы как реализации, так и защиты прав. Исследователи отмечают, что «цифровизация оказывает заметное воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности» [1].

Традиционная теория юридического отношения может быть пересмотрена в контексте влияния цифровизации на правовую сферу. Представляется, что на сегодняшний день есть теоретическая основа для выделения категории «цифрового правоотношения». Соответственно, можно говорить о «цифровом праве» и «цифровой форме защиты нарушенного права».

Классическая теория правоотношений может быть выражена словами крупного ученого-юриста Н.М. Коркунова: «Каждое юридическое отношение складывается из права и обязанности. Но и право, и обязанность не могут существовать сами по себе. Они непременно составляют принадлежность какого-нибудь субъекта. Поэтому необходимым элементом каждого юридического отношения являются субъекты права и обязанности. Однако этим не исчерпываются необходимые элементы юридического отношения. Право есть возможность осуществления интереса, а осуществление наших интересов предполагает непременное пользование для этого теми или другими средствами. Поэтому каждое право необходимо должно иметь свой объект, пользование которым и ведет к осуществлению интереса, составляющего содержание права. Таким образом, каждое юридическое отношение предполагает субъекта права, субъекта обязанности и объект. Этими элементами и определяется структура юридических отношений» [2].

Таким образом, право как система правил поведения – должного или возможного – изначально предполагает обращение к субъекту, наделенного волей, сознанием и интересами. Эти элементы являются ключевыми и вне их невозможно использование, например, категорий «вина», «ответственность» и др. Вместе с тем, сегодня юридически значимые действия не обязательно совершаются человеком – в ряде сфер, например, банковской, множество операций проводится при помощи робототехнических средств, иными словами, автоматически, без участия человека. Специалисты утверждают, что количество отрас-

лей, в которых будут господствовать цифровые технологии, неуклонно растет.

В правовой сфере цифровые технологии предоставляют всего две глобальные возможности: систематизации, хранения, поиска правовой информации и использования электронных коммуникационных средств; и совершения автоматизированных действий, подлежащих правовому регулированию. В первом случае юридические отношения сохраняют неизменный характер: претензионное письмо, написанное на бумаге, ничем не отличается от претензии, направленной по электронной почте или мобильным мессенджерам.

Во втором случае речь идет об отдельном правовом явлении, при котором существенным образом трансформируются стандартные для российской правовой системы правоотношения. Наиболее наглядно это проявляется в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также в сфере предоставления государственных услуг.

В настоящее время широкое распространение получили т.н. смарт-контракты. Несмотря на отсутствие специального правового регулирования, смарт-контракты активно применяются. Например, большинство из нас может представить «кредитный смарт-контракт, который отображает на соответствующих страницах следующие сведения: преамбула, стороны, существенные условия (сумма, процентная ставка, срок, график погашения, комиссии, штрафные санкции), история платежей, дата и сумма ближайшего платежа с разбивкой на основной долг и проценты, иная информация (применимое право, договорная подсудность, арбитражная оговорка). При этом, данные о смарт-контракте формируются автоматически, являются публично достоверными и должны получать доказательственную силу» [3].

Смарт-контракт нельзя считать обычной сделкой, заключенной с использованием информационно-коммуникационных цифровых средств. Однако в научной литературе существует и такой подход.

Прежде всего, смарт-контракт понимают как «особую форму договора (но не письменную), а также как способ исполнения обязательства», подчеркивая, что смарт-контракт «оформляет правоотношения» [4]. Смарт-контракт определяют также как «электронный алгоритм (программный код) или условие, при выполнении которого стороны могут обмениваться имуществом и правами» [5].

В механизм смарт-контракта, помимо сторон, включается дополнительный элемент. Его задача – обеспечить своевременное и точное исполнение условий договора. Фактически, это

посредник, являющийся автоматизированным устройством. Как отмечают ученые, смарт-контракт – это не только и не столько стандартный гражданско-правовой договор, исполнение которого осуществляется посредством применения электронных технологий, но «соглашение между двумя или более сторонами, закодированное таким образом, что его правильное выполнение гарантируется блокчейном» [6]. Поэтому смарт-контракты представляют собой модель договора, которая состоит из двух частей: оферты (предложение на вступление в эти договорные отношения) и акцепта (выражение согласия). На деле же оферта представляется в виде созданной веб-страницы, которая с помощью ссылки на определенный код составляет предложения для заключения данного договора. Данный код подписывается закрытым ключом оферента» [7]. Таким образом, смарт-контракт «накладывается на традиционный договор, обеспечивая его заключение, исполнение и прекращение» [8].

Центральный банк РФ дал следующее определение смарт-контракта: это «договор между двумя и более сторонами об установлении, изменении или прекращении юридических прав и обязанностей, в котором часть или все условия записываются, исполняются и/или обеспечиваются компьютерным алгоритмом автоматически в специализированной программной среде» [9]. ЦБ России отметил, что использование смарт-контрактов является перспективным в банковской, страховой сферах, а также в сфере государственных услуг. Таким образом, смарт-контракты (или «цифровые контракты») могут быть элементом как частноправовых, так и публично-правовых отношений.

Если использование информационно-коммуникационных цифровых средств в сфере «традиционных правоотношений» не меняет существо этих отношений и не привносит в них новые правовые элементы, то использование цифровых средств, в автоматическом режиме выполняющих юридически значимые действия, позволяет определять эти отношения как «цифровые правоотношения». Можно говорить о появлении нового элемента юридического правоотношения – «цифрового посредника».

Это обстоятельство ставит перед государством глобальную задачу - обеспечить защиту прав субъектов цифровых правоотношений. Мало внедрить электронные системы (ресурсы, приложения), при помощи которых гарантируется исполнение обязательств или получение государственных выплат, компенсаций, пособий и т.д. Необходимо в реальности обеспечить действие конституционно-правовых гарантий защиты прав, свобод и законных интересов лиц, использующих цифро-

вые ресурсы. При непосредственном взаимодействии субъектов, связанных гражданско-правовыми обязательствами или вступающими в публично-правовые отношения, достаточно легко определить момент нарушения обязательства или возникновения правового конфликта, а также правовой статус сторон этого конфликта. С правовыми конфликтами, возникающими в сфере цифровых правоотношений, возникают определенные трудности. Как справедливо отмечается в литературе, «суду придется разбирать не только юридические, но и технические вопросы, что создаст проблемы как для самого суда, так стороны дела, которая является более слабой в плане наличия технических возможностей» [10].

Исследователи обоснованно отмечают, что простой «перепрошивки» права под цели и задачи цифровой экономики явно недостаточно. Важно осмыслить, каким образом эти т.н. «кросс-отраслевые нормы» будут воздействовать на систему права, какого рода связи эти нормы создадут? [11].

Однако представляется, что проблема заключается не столько в необходимости применения в судопроизводстве специальных познаний, сколько в определении правового статуса автоматизированного цифрового устройства. Как указывалось выше, права, обязанности и юридическая ответственность являются социальными категориями, т.е. должны быть отнесены к определенному субъекту. По мнению А.В. Габова, «право вообще и современное право в особенности антропоцентрично: оно создано человеком и для человека» [12]. По меткому выражению ученого, «субъект необходим праву потому, что без него права нет» [13].

Цифровое устройство обладателем прав и обязанностей выступать не может, как не может нести ответственность. Следовательно, необходимо определить лицо, которое является субъектом «цифрового правоотношения» и действует от имени соответствующей программы, ресурса. Э.В. Талапина правильно указывает на технологически обусловленное появление новых субъектов права наряду с человеком, – например, роботов, «цифровой личности», и отмечает, что возникает важный вопрос об ответственности за действия роботов – несет ли ее собственник, пользователь или разработчик устройства [14].

В литературе высказано мнение, что разрешать «цифровые конфликты» можно двумя способами: традиционным («безблокчейновый» арбитраж) и путем создания нового механизма, «блокчейн-арбитража» [15]. Однако далеко не каждый «цифровой конфликт» может быть разрешен путем применения «блокчейн-арбитража», т.е. электронных программ, платформ. Публично-пра-

новые конфликты такими средствами разрешаться не могут.

В Российской Федерации нарушенные или оспоренные гражданские права и законные интересы могут быть защищены двумя способами: государственным (реализуемым в деятельности системы государственных судов) и частноправовым (в форме третейского разбирательства).

Формы отправления правосудия перечислены в ст. 118 Конституции РФ. К ним относятся гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство, арбитражное судопроизводство и конституционное судопроизводство.

Определение применимой процессуальной формы защиты прав в сфере использования цифровых технологий требует закрепления соответствующего критерия.

Общим критерием определения применимого способа защиты права выступает соотношение правовых статусов участвующих в спорных правоотношениях лиц [16]. В случае, если субъекты правоотношения находятся в состоянии юридического равенства, само правоотношение имеет частноправовой характер и допускает оба способа защиты: государственный (судебный) и негосударственный (третейское разбирательство).

Участие в спорном материальном правоотношении публично-правового субъекта, реализующего в отношении другого участника свои публично-правовые, властные функции, констатирует публично-правовую природу этого правоотношения. В этом случае единственным допустимым способом защиты нарушенного права является государственный способ путем рассмотрения и разрешения дела в государственном суде.

Возникает вопрос: как наличие «цифровой личности» в спорном материальном правоотношении влияет на его природу и, соответственно, определение применимых способов и форм защиты права?

Например, получение государственных выплат, пенсий, пособий – это публично-правовые отношения, связывающие гражданина и государство в лице его уполномоченных органов и должностных лиц. В нашем государстве достаточно давно возможно оформление и получение выплат в дистанционном формате – путем направления соответствующих заявок через сайты и мобильные приложения. В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции и по поручению Президента РФ эта работа усилена.

Но и автоматизированные правовые процессы могут быть основанием возникновения конфликтов. Так, назначение алиментов на несовершеннолетнего ребенка может быть произведено

автоматически, через специальные сайты и программы. При этом «электронный посредник» (программа) может произвести назначение и выплаты без учета уже имеющихся у должника детей, получающих от него алименты. Кроме этого, должник может не признавать отцовство.

Исходя из общетеоретических основ способов и форм защиты, конфликты, связанные с назначением и выплатой алиментов, оспариванием отцовства, разрешаются строго в судебном порядке, т.к. имеют публично-правовую природу. Использование цифровых средств в спорном правоотношении может повлечь привлечение в дело разработчика или правообладателя этих средств в качестве третьего лица. Но ключевое значение для определения допустимого способа и процессуальной формы защиты имеет природа основного правоотношения. Правовой конфликт, возникший из отношений по банковскому кредитованию и оформленный в виде смарт-контракта, может быть разрешен как в государственном суде в порядке искового производства, так и в рамках третейского разбирательства. Таким образом, использование смарт-контракта в публично-правовых отношениях не изменяет природу этого отношения и, соответственно, допустимые правовые средства защиты. Однако «цифровой посредник» оказывает существенное влияние на процедуру рассмотрения спора, в частности он должен быть привлечен в дело в качестве третьего лица или соучастника (в зависимости от обстоятельств дела).

Цифровизация права коснулась не только материальной сферы, но и области отправления правосудия. Здесь также речь может идти о двух формах использования цифровых технологий: информационно-коммуникационной (справочные и информационные ресурсы, позволяющие отслеживать движение дела и подавать процессуальные документы в электронной форме, использование мессенджеров и иных ресурсов для дистанционного общения суда с участниками дела) и создания и применения робототехнических средств, которые могли бы взять на себя функции судьи по разрешению правового конфликта.

Первая форма регламентирована в постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Ученые в качестве примеров «электронного правосудия» называют «подачу исков, регистрацию заявлений, предоставление отзывов на иски в электронном виде, электронное судебное дело, движение этого дела из суда в суд в электронной форме, заседания с помощью видеоконференций, отправку

дополнительных уведомлений участникам судебного процесса через Интернет или посредством смс-сообщений и проч.» [17].

Использование указанных возможностей, как отмечалось, не влияет на природу и основополагающие принципы государственного судопроизводства. Можно согласиться с тем, что электронное правосудие есть «способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства» [18].

Однако все чаще высказывают суждение о том, что «электронный суд – это суд недалекого будущего» [19]. Речь идет фактически о замене судьи «искусственным интеллектом». Представляется, что данная идея противоречит конституционным основам отправления правосудия.

Прежде всего, суд рассматривает дело, руководствуясь законом и внутренним убеждением. Внутреннее убеждение судьи играет огромную роль в случаях, когда отсутствует прямое регулирование какого-либо вопроса, а также тогда, когда выявляется правовая коллизия. Кроме этого, внутреннее убеждение судьи является инструментом реагирования на противоречия в показаниях свидетелей, объяснениях участвующих в деле лиц, содержании представленных документов. Наконец, именно на основании внутреннего убеждения суд оценивает представленные доказательства. Очевидно, что «искусственный интеллект», какой бы совершенной программой он ни был, внутренним убеждением, а равно чувством справедливости и гуманизма не обладает, а потому есть большой риск столкнуться с формализацией правосудия и, как следствие, его полным исчезновением. Так же справедливо отмечается, что «основным последствием такой практики станет понижение авторитета судьи. Ведь он уже не принимает, а лишь согласует решение, принятое программой. Также мы рискуем получить поколение некомпетентных судей, имеющих весьма поверхностные представления о правилах назначения наказания, т.к. их знать уже нет смысла» [20].

Такие сложные и неурегулированные в законе вопросы, как определение процессуального порядка рассмотрения и разрешения дела, с помощью компьютерной программы разрешены не могут быть вообще. Например, определение вида судопроизводства, по правилам которого должно быть рассмотрено дело (гражданское, арбитражное или административное) или вида производства в гражданском и арбитражном процессе (упрощенное, приказное или обще-исковое) – все эти вопросы решаются, исходя из правовой

природы конкретного дела и на основании внутреннего убеждения судьи.

Еще одним важным направлением развития отечественной правовой системы является работа по созданию законодательной и теоретической базы для развития онлайн-арбитража (в литературе его иногда называют «блокчейн-арбитражем»).

В 2017 г. увидели свет «Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн». Необходимость разработки технических и правовых основ цифрового механизма урегулирования правовых конфликтов авторы документа связывают с резким увеличением числа трансграничных сделок, заключаемых в режиме онлайн [21].

В настоящее время на рассмотрение в Государственную Думу РФ внесен законопроект об онлайн-урегулировании правовых конфликтов в сфере защиты прав потребителей и развития института независимой экспертизы качества товаров и услуг с участием в этой работе общественных объединений. Принятие соответствующего закона будет направлено на реализацию программы «Цифровая экономика Российской Федерации», а также создание правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров [22].

Несмотря на очевидную прогрессивность проекта, нельзя не отметить, что системы онлайн-урегулирования споров имеют частноправовую природу и являются средством урегулирования, а не разрешения споров. Соответственно, результатом онлайн-урегулирования будет гражданско-правовое соглашение, и применим такой способ только к частноправовым конфликтам. Так же следует подчеркнуть, что результаты онлайн-урегулирования правовых конфликтов, как и внесудебные медиативные соглашения, не будут обеспечены принудительной силой государства и их исполнение будет сугубо добровольным.

Итак, цифровизация права представляет собой внедрение в сферу материальных и процессуальных правоотношений цифровых информационно-коммуникационных или робототехнических средств. Можно говорить о двух формах влияния процесса цифровизации на правовую систему: в форме использования в рамках «традиционных» материально-правовых и процессуальных правоотношений информационно-коммуникационных средств, не влияющих на природу и содержание основного правоотношения; и использования робототехнических устройств и иных цифровых средств в качестве элемента правоотношения – в материально-правовой сфере это, прежде всего, смарт-контракты, а в процессуальной – новый способ урегулирования споров путем применения механизма онлайн-урегулирования.

Список литературы:

- [1] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. - № 9. - С. 10.
- [2] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 430 с. - С. 182.
- [3] Лукьянов Н.В. Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // Юридические исследования. – 2018. - № 11. - С. 31.
- [4] Филипенко В.А. Смарт-контракты и сделки со сложным юридическим составом // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 6. - С. 246.
- [5] Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. - № 5 (50). - С. 18.
- [6] Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал ВШЭ. – 2020. - № 1. - С. 125.
- [7] Сальникова А.В. Правовое регулирование заключения смарт-контрактов // Вестник Пензенского гос. ун-та. – 2020. - № 2 (30). - С. 14.
- [8] Чуб Д.В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. – 2019. - № 8 (105). - С. 153.
- [9] URL:

AIQkQrJUQxJTgzJUQxJTgwJUQwJUI1JUQwJUIz-
JUQxJTgzJUQwJUJCJUQwJUI4JUQxJTgwJUQw-
JUJFUQwJUIyJUQwJUIwJUQwJUJEJUQwJU-
I4JUQwJUI1KyVEMSU4MSVEMCVCRIVEM-
CVCRSVEMSU4MCVEMCVCRSVEMCVCMiZ1cm-
w9aHR0cHMIM0EvL3VuY2I0cmFsLnVuLm9y-
Zy9zaXRlcy91bmNpdHJhbC51bi5vcmcvZmlsZXM-
vbWVkaWEtZG9jdW1lbnRzL3VuY2I0cmFsL3J1L-
zE3LTAwMzg0X3JfZWJvb2fdGVjaG5pY2FsX-
25vdGVzX29uX29kci5wZGYmbHI9MTIxMzU1Jm1p-
bWU9cGRmJmwxMG49cnUmc2Inbj0xZjRIMjJkYm-
MzM2I3Mzc2MmWI5MGU4NmM2NzlkM2M1YiZrZX-
lubz0wln0%3D&lang=ru (дата обращения:
30.05.2021).

[22] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (дата обращения: 30.05.2021).

Spisok literatury:

[1] Habrieva T.Ya. Pravo pered vyzovami cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. - № 9. - S. 10.

[2] Korkunov N.M. Lekcii po obshchej teorii prava. - SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2003. – 430 s. - S. 182.

[3] Luk'yanov N.V. Pravovye aspekty zaklyucheniya, izmeneniya i prekrashcheniya smart-kontraktov // Yuridicheskie issledovaniya. – 2018. - № 11. - S. 31.

[4] Filipenko V.A. Smart-kontrakty i sdelki so slozhnym yuridicheskim sostavom // Voprosy rossijskoj yusticii. - 2020. - № 6. - S. 246.

[5] Dyad'kin D.S., Usol'cev Yu.M., Usol'ceva N.A. Smart-kontrakty v Rossii: perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. – 2018. - № 5 (50). - S. 18.

[6] Truncevskij Yu.V., Seval'nev V.V. Smart-kontrakt: ot opredeleniya k opredelennosti // Pravo. Zhurnal VShE. – 2020. - № 1. - S. 125.

[7] Sal'nikova A.V. Pravovoe regulirovanie zaklyucheniya smart-kontraktov // Vestnik Penzenskogo gos. un-ta. – 2020. - № 2 (30). - S. 14.

[8] Chub D.V. Pravovoe regulirovanie smart-kontraktov vo Francii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. - № 8 (105). - S. 153.

[9] URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=4&*=Ms16ZzkQz1yIvIzu6BZ4tFiJWt-N7InVybCl6Imh0dHBzOi8vY2JyLnJlL0Nvb3Rlbn-QvRG9jdW1lbnQvRmlsZS80Nzg2Mi9TbWFYdEtvbnRyYWt0XzE4LTEwLnBkZiIsInRpdGxIjoiU21hcn-RLb250cmFrdF8xOC0xMC5wZGYiLCJub2lmcjFtZSI6dHJ1ZSwdWkljoiMCIslRzljoxNj1MTIzMzEzOTkxLzJlZS5i6lJmWnZgXNTY3MzE1NzM3MzZm-jMiLCJzZXJwUGFyYW1zljoidG09MTEyNTEyMjkyO-SZ0bGQ9cnUmbGFuZz1ydSZuY2I0cmFsLnVuLm9y-Zy9zaXRlcy91bmNpdHJhbC51bi5vcmcvZmlsZXM-vbWVkaWEtZG9jdW1lbnRzL3VuY2I0cmFsL3J1LzE3LTAwMzg0X3JfZWJvb2fdGVjaG5pY2FsX-25vdGVzX29uX29kci5wZGYmbHI9MTIxMzU1Jm1p-bWU9cGRmJmwxMG49cnUmc2Inbj0xZjRIMjJkYm-MzM2I3Mzc2MmWI5MGU4NmM2NzlkM2M1YiZrZX-lubz0wln0%3D&lang=ru

JUJEJUQwJUI4JUQwJUI1KyVEMSU4MSVEM-
SU4MyVEMCVVCNCVEMCVCMCVEMCVQyVEM-
CVCOCsIRDEIODEIRDAIQkYIRDAIQkUIR-
DEIODAIRDAIQkUIRDAIQjlrJUQwJUI4JUQw-
JUI3KyVEMSU4MSVEMCVQyVEMCVCMCVEM-
SU4MCVEMSU4MisIRDAIQkEIRDAIQkUIRD-
AIQkQIRDEIODEIRDEIODEAIRDAIQkAIRDAIQkEIR-
DEIODEIRDAIQkUIRDAIQjImdXJsPWh0dHBzJTN-
BLy9jYnIucnUvQ29udGVudC9Eb2N1bWVud-
C9GaWxILzQ3ODYyL1NtYXJ0S29udHJha3RfMTgt-
MTAucGRmJmxyPTEyMTM1NSZtaW1IPXB-
kZiZsMTBuPXJ1JnNpZ249MGY0ODEzNjA4MW-
M1NzU0YjlyNzJkODgxNmI1NTBIN2Uma2V5bm-
89MCJ9&lang=ru (data obrashcheniya: 01.07.2021).

[10] Volos A.A. Nekotorye problemy zashchity prav i zakonnyh interesov storon smart-kontrakta // Permskij yuridicheskij al'manah. – 2019. - № 2. - S. 398.

[11] Habrieva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. - № 1. - S. 89.

[12] Gabov A.V. Pravosub'ektnost': tradicionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epohu // Vestnik SGYuA. – 2018. - № 2 (121). - S. 97.

[13] Gabov A.V. Pravosub'ektnost': tradicionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epohu // Vestnik SGYuA. – 2018. - № 2 (121). - S. 98.

[14] Talapina E.V. Pravo i cifrovizaciya: novye vyzovy i perspektivy // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. - № 2. - S. 9.

[15] Zasemkova O.F. O sposobah razresheniya sporov, voznikayushchih iz smart-kontraktov // Lex russica. – 2020. - T. 73. - № 4 (161). - S. 11.

[16] Mihajlova E.V. Processual'nye formy zashchity sub'ektivnyh grazhdanskih prav, svobod i zakonnyh interesov v Rossijskoj Federacii (sudebnye i nesudebnye). - M.: Prospekt, 2017.

[17] Grigor'eva T.A. Elektronnoe pravosudie v sisteme arbitraznyh sudov Rossijskoj Federacii / Zashchita prav v Rossii i drugih stranah Soveta Evropy: sovremennoe sostoyanie i problemy garmoznizacii: sb. nauch. st. - Krasnodar – SPb., Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2011. - S. 178.

[18] Bryanceva O.V., Soldatkina O.L. Elektronnoe pravosudie v Rossii: problemy i puti resheniya // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA). – 2019. - № 12. - S. 98.

[19] Voroncova I.V. O sootnoshenii ponyatij «elektronnyj sud» i «elektronnoe pravosudie» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2019. - № 3. - S. 168.

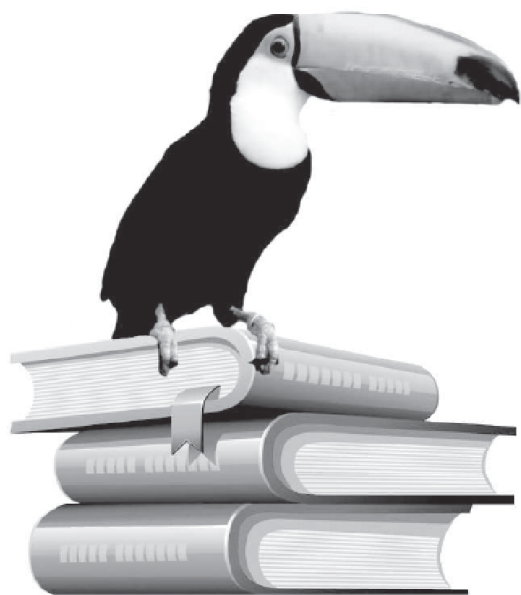
[20] Krajnova N.A. Cifrovizaciya processov ili ocifrovka zadach? // Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra. – 2019. - № 1 (52). - S. 37.

[21] URL: https://docviewer.yandex.ru/view/63095963/?page=7&*=G1oo6wETinv35IObSMi-

4SKzXupB7InVybcI6Imh0dHBzOi8vdW5jaXRyYWwudW4ub3JnL3NpdGVzL3VuY2I0cmFsLnVuLm9y-Zy9maWxlcy9tZWRpYS1kb2N1bWVudHMvdW5jaXRyYWwvcnUvMTctMDAzODRfcl9IYm9va190ZWN-obmljYWxfbm90ZXNfb25fb2RyLnBkZiIsInRpdGxlljo-iMTctMDAzODRfcl9IYm9va190ZWNobmljYWxfbm90ZXNfb25fb2RyLnBkZiIsIm5vaWZyYW11ljp0cnV-ILCJ1aWQioiI2MzA5NTk2MylsInRzljoxNjlyMzYwN-jk3MDQxLzJ5dSI6IjMwNzgxNTY3MzE1NzM3Mz-MzMjMiLzZzXjwUGFyYW1zljoidG09MTYyMjM-2MDY2MCZ0bGQ9cnUmbGFuZz1ydSZuY-W1IPTe3LTawMzg0X3JfZWJvb2fdGVjaG5pY2FsX-25vdGVzX29uX29kci5wZGYmdGV4dD0IRD-AIQkUIRDAIQkQIRDAIQkIIRDAIQjAIRDAIQjKIRD-AIQkQrJUQxJTgzJUQxJTgwJUQwJU11JUQwJU1z-

JUQxJTgzJUQwJUJCJUQwJU14JUQxJTgwJUQw-JUJFJUQwJU1yJUQwJU1wJUQwJUJEJUQwJU-I4JUQwJU11KyVEMSU4MSVEMCVCRiVEM-CVCRSVEMSU4MCVEMCVCRSVEMCVCMiZ1cm-w9aHR0cHMIM0EvL3VuY2I0cmFsLnVuLm9y-Zy9zaXRlcy91bmNpdHJhbC51bi5vcmcvZmlsZXM-vbWVkaWEtZG9jdW1lbnRzL3VuY2I0cmFsL3J1L-zE3LTawMzg0X3JfZWJvb2fdGVjaG5pY2FsX-25vdGVzX29uX29kci5wZGYmbHI9MTIxMzU1Jm1p-bWU9cGRmJmwxMG49cnUmc2Inbj0xZjRIMjYm-MzM2I3Mzc2MwI5MGU4NmM2NzlkM2M1YiZrZX-lubz0wIn0%3D&lang=ru (data obrashcheniya: 30.05.2021).

[22] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (data obrashcheniya: 30.05.2021).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

КАК ВОЗВРАТИТЬ УПЛАЧЕННЫЙ ШТРАФ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОСТАНОВКИ ИЛИ СТОЯНКИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности разрешения актуальных в современных условиях ситуаций, связанных с необходимостью возврата ранее уплаченного административного штрафа. Автор обосновывает, что судебный порядок возврата денежных средств является исключительным способом защиты, и прибегать к нему нужно только тогда, когда во внесудебном порядке вернуть денежные средства не удалось. Автор статьи делает вывод о том, что для возврата ранее уплаченных в качестве административного штрафа денежных средств физическому лицу необходимо обратиться в порядке Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации с исковым заявлением. При этом автором рассматриваются практические аспекты выбора подсудности спора, надлежащего ответчика, а также формулирования соответствующих исковых требований. Автор приходит к выводу о том, что для правильного определения надлежащего ответчика необходимо для начала выяснить, каким органом лицо было привлечено к административной ответственности в виде штрафа. Вместе с тем, автором особо подчеркивается, что Министерство Финансов Российской Федерации или Министерство внутренних дел Российской Федерации являются ненадлежащими ответчиками по данной категории споров, так как указанные органы распорядителями средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации не являются.

Ключевые слова: административный штраф, судебная защита, возврат штрафа, отмена штрафа, убытки, надлежащий ответчик, административное правонарушение, моральный вред.

PETRUCHAK Ruslan Konstantinovich,
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Moscow State Linguistic University

HOW TO RETURN THE PENALTY PAID FOR VIOLATION OF THE RULES OF STOPPING OR PARKING IN THE COURT

Annotation. In the article, the author examines the features of resolving current situations in modern conditions associated with the need to return a previously paid administrative fine. The author proves that the judicial procedure for the return of funds is an exclusive method of protection, and it is necessary to resort to it only when it was not possible to return the funds out of court. The author of the article concludes that in order to return the funds previously paid as an administrative fine, an individual must apply to the Civil Procedure Code of the Russian Federation with a statement of claim. At the same time, the author examines the practical aspects of choosing the jurisdiction of the dispute, the proper respondent, as well as the formulation of the relevant claims. The author comes to the conclusion that in order to correctly determine the proper defendant, it is necessary to first find out by which authority the person was brought to administrative responsibility in the form of a fine. At the same time, the author emphasizes that the Ministry of Finance of the Russian Federation or the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are inappropriate defendants in this category of disputes, since these bodies are not the administrators of the budget funds of the corresponding constituent entity of the Russian Federation.

Key words: administrative fine, judicial protection, return of a fine, cancellation of a fine, damages, a proper defendant, an administrative offense, moral damage.

В современных условиях часто возникают ситуации, связанные с возвратом ранее уплаченного административного штрафа, однако указанный вопрос имеет ряд особенностей. Так, необходимость возврата денежных средств, ранее перечисленных для оплаты административного штрафа, может возникнуть в случае, если:

- гражданин два раза оплатил наложенный штраф;
- денежные средства были перечислены по ошибочным реквизитам;
- взыскание оплатило лицо, которое не привлечено к административной ответственности;
- произошла отмена постановления о штрафе.

Если сложившаяся ситуация входит в вышеперечисленный список, гражданин имеет право обратиться за возвратом средств.

На официальном сайте в сети Интернет Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы «Московский паркинг» [16] указано, что в случае, если пользователь оплатил штраф до того, как получил решение об аннулировании штрафа, необходимо:

- обратиться с заявлением на имя Генерального директора ГКУ «АМПП» с описанием ситуации
- приложить все необходимые документы
- указать полные корректные реквизиты для перечисления денежных средств.

Аналогичный порядок предусмотрен и для возврата оплаченных штрафов, которые администрируются МАДИ и ГИБДД.

Однако зачастую на практике происходят ситуации, когда вернуть денежные средства во внесудебном порядке не удается.

В настоящей статье обратимся к часто возникающему на практике вопросу: как действовать в случае, если автовладельцу удалось отменить постановление о привлечении к административной ответственности за нарушение правил стоянки или остановки, но до момента отмены он уже успел уплатить административный штраф, который во внесудебном порядке ему вернуть отказались.

Сразу следует отметить, что судебный порядок возврата денежных средств является исключительным способом защиты, и прибегать к нему нужно только тогда, когда во внесудебном порядке вернуть денежные средства не удалось. То есть гражданин до обращения в суд уже обратился в надлежащий орган за возвратом денежных средств, но уполномоченный орган либо отказал в возврате либо уклоняется от возврата денежных средств.

Согласно ст. 52 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В силу ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) защита гражданских прав осуществляется в том числе путем возмещения убытков, а также иными способами, предусмотренными законом.

Согласно ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

В силу ст. 16 ГК РФ убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Согласно ч. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают иски граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некото-

рых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [6] требования о возмещении материального и морального вреда, причиненного незаконным применением мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (часть 2 статьи 27.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ) (далее – КоАП РФ) и незаконным привлечением к административной ответственности, подлежат рассмотрению в соответствии с гражданским законодательством в порядке гражданского судопроизводства.

На основании вышеизложенных положений можно сделать вывод о том, что для возврата ранее уплаченных в качестве административного штрафа денежных средств физическому лицу необходимо обратиться в порядке ГПК РФ с иском заявлением.

Подсудность спора

Прежде чем подать в суд исковое заявление необходимо определиться с подсудностью спора.

Исходя из анализа положений статей 23 и 24 ГПК РФ, можно сделать вывод о том, что если в исковом заявлении заявлены только требования о возврате ранее уплаченных денежных средств и/или расходов на оплату услуг по эвакуации автомобиля, то в связи с ценой иска необходимо обращаться в судебный участок мирового судьи [12; 13].

Если же в исковом заявлении, помимо требования о возврате денежных средств, заявлено еще и требование о компенсации морального вреда, то с учетом того, что мировые судьи не наделены компетенцией по рассмотрению требований о компенсации морального вреда, то независимо от цены иска необходимо обращаться с таким иском заявлением в районный суд в соответствии со ст. 24 ГПК РФ.

Несмотря на то, что обжалование постановления о привлечении к административной ответственности по КоАП РФ подается в суд по месту совершения правонарушения, территориальная подсудность спора в данном случае будет определяться по общим правилам в соответствии со ст. 28 ГПК РФ. То есть исковое заявление необходимо подавать по адресу организации ответчика.

Выбор надлежащего ответчика

Выбор надлежащего ответчика является одним из ключевых вопросов, так как в случае указания в исковом заявлении ненадлежащего ответчика в удовлетворении искового заявления будет отказано.

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия)

государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования.

В соответствии с п.1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны РФ, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта РФ или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Для правильного определения надлежащего ответчика необходимо для начала выяснить, каким органом лицо было привлечено к административной ответственности в виде штрафа.

Для этого необходимо обратиться к постановлению об административном правонарушении.

Вопрос осложняется тем, что произошло изменение законодательства, регулирующего вопрос возврата денежных сумм, ранее уплаченных в качестве административного наказания в виде штрафа.

Так как в большинстве случаев на практике при нарушении правил стоянки происходит эвакуация неправильно расположенного транспортного средства, то рассмотрим вопрос надлежащего ответчика на примере ситуации, когда штраф был отменен, однако до отмены штрафа лицо произвело оплату штрафа и забрало транспортное средство со специализированной стоянки.

В соответствии с ч. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконных действий государственных органов либо должностных лиц этих органов, возмещается за счет соответственно казны РФ (1069 ГК РФ).

В силу положений п. 1 ст. 125 ГК РФ от имени РФ и субъектов РФ могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Статьей 1071 ГК РФ установлено, что в случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с пунктом 3 статьи 125 настоящего Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) главный распорядитель бюджетных средств (главный распорядитель средств соответствующего бюджета) – орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, а также наиболее значимое учреждение науки, образования, культуры и здравоохранения, указанное в ведомственной структуре расходов бюджета, имеющие право распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств.

В силу пп. 3 п. 1 ст. 158 БК РФ главный распорядитель средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, бюджета муниципального образования выступает в суде соответственно от имени РФ, субъекта РФ, муниципального образования в качестве представителя ответчика по искам к РФ, субъекту РФ, муниципальному образованию о возмещении вреда, причиненного физическому лицу или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, по ведомственной принадлежности, в том числе в результате издания актов органов государственной власти, органов местного самоуправления, не соответствующих закону или иному правовому акту.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 22.04.2014 № 984-О [7], КоАП РФ предусматривает возможность применения в целях пресечения отдельных административных правонарушений в области дорожного движения такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как задер-

жание транспортного средства, состоящее в исключении транспортного средства из процесса перевозки людей и грузов путем перемещения его при помощи другого транспортного средства и помещения в ближайшее специально отведенное охраняемое место (на специализированную стоянку), и хранение на специализированной стоянке до устранения причины задержания.

Установление порядка перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты расходов на перемещение и хранение, возврата транспортных средств их владельцам, представителям владельцев или лицам, имеющим при себе документы, необходимые для управления данными транспортными средствами, отнесено данным Кодексом к компетенции субъектов РФ (ч. 10 ст. 27.13).

При этом КоАП РФ предусматривает, что расходы на перемещение и хранение задержанного транспортного средства возмещаются лицом, совершившим административное правонарушение, повлекшее применение задержания транспортного средства (ч. 11 ст. 27.13).

В случае же прекращения производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием события административного правонарушения или состава административного правонарушения (за исключением случая недопущения противоправных действий (бездействия) возраста, предусмотренного данным Кодексом для привлечения к административной ответственности), действием лица в состоянии крайней необходимости, наличием по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, либо постановления о возбуждении уголовного дела, расходы на перемещение и хранение транспортного средства возмещаются в порядке, установленном законодательством РФ, а транспортное средство незамедлительно возвращается его владельцу, представителю владельца или лицу, имеющему при себе документы, необходимые для управления данным транспортным средством (ч. 12 ст. 27.13 КоАП РФ).

Редакция ч. 12 ст. 27.13 КоАП РФ, согласно которой в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2, 3, 8 и 9 ч. 1 статьи 24.5 настоящего Кодекса, расходы на перемещение и хранение задержанного транспортного средства относятся на счет федераль-

ного бюджета, а в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, находившемся в производстве органа исполнительной власти субъекта РФ, - на счет бюджета соответствующего субъекта РФ, введена Федеральным законом от 23.06.2016 № 205-ФЗ «О внесении изменений в статью 27.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [1], вступившим в законную силу с 01.09.2016, и к ранее возникшим правоотношениям не применяется.

Ранее вопрос о возмещении расходов на перемещение и хранение транспортных средств на специализированных стоянках разрешался в соответствии с положениями пункта 7 раздела 4 постановления Правительства Москвы от 09.04.2013 № 216-ПП «О мерах по реализации Закона города Москвы от 11 июля 2012 г. № 42 «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты расходов на перемещение и хранение, возврата транспортных средств в городе Москве» [4], согласно которым в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 3, 7 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ, плата за перемещение и хранение транспортного средства возвращается в порядке, установленном бюджетным законодательством РФ для возврата излишне уплаченных средств в бюджет города Москвы, с учетом положений пунктов 6 - 13 раздела 5 настоящего Порядка.

Согласно Приложению 1 к Приказу Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы от 30.12.2013 № 61-02-353/3 [5], ГКУ города Москвы «Администратор Московского парковочного пространства» является администратором доходов бюджета города Москвы (далее – ГКУ «АМПП»).

В силу п. 1.3 Устава ГКУ «АМПП», утвержденного приказом Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы 30.12.2013 № 61-02-353/3 [5], учредителем учреждения является город Москва.

Согласно Закону г. Москвы от 19.11.2014 № 54 «О бюджете города Москвы на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов» [2], ст. 160.1 БК РФ, Постановлению Правительства Москвы от 15.02.2011 № 32-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы» [3], за Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы определены полномочия главного администратора доходов бюджета города Москвы.

В соответствии с п. 6.2 ст. 46 БК РФ, штрафы и иные суммы принудительного изъятия за нару-

шение законодательства РФ о безопасности дорожного движения подлежат зачислению в бюджеты субъектов РФ по нормативу 100 процентов.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для правильного определения ответчика необходимо применять к правоотношениям по делу ч. 12 ст. 27.13 КоАП РФ в надлежущей редакции, то есть в редакции, действовавшей на дату эвакуации транспортного средства истца и привлечения его к административной ответственности [9; 10].

Следовательно, в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении по основаниям, предусмотренным п. п. 1, 2, 3, 8 и 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, расходы на перемещение и хранение задержанного транспортного средства относятся на счет федерального бюджета, а в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, находившемся в производстве органа исполнительной власти субъекта РФ, - на счет бюджета соответствующего субъекта РФ, в зависимости от чего будет сделан выбор надлежущего ответчика [14].

Поэтому Министерство Финансов РФ или Министерство внутренних дел РФ являются ненадлежащими ответчиками по данной категории споров, так как указанные органы распорядителями средств бюджета соответствующего субъекта РФ не являются [12].

Исковые требования

Административная ответственность за нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств регулируется ст. 12.19 КоАП РФ.

В ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ указаны обстоятельства, при которых производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению.

Укажем, что самые распространенные на практике случаи прекращения производства по делу об административном правонарушении связаны с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности и отсутствием состава или события административного правонарушения.

Также необходимо помнить про положения ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которым лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Лицо, привлекаемое к адми-

нистративной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

Таким образом, если, например, по судебному запросу в суд не будет предоставлен административным материал о привлечении лица к административной ответственности, то суд имеет право удовлетворить жалобу лица и отменить постановление о привлечении к административной ответственности за недоказанностью.

В любом из указанных случаев истец имеет право в исковых требованиях заявить о возврате суммы ранее уплаченного штрафа.

Для решения вопроса о возмещении истцу расходов, которые вызваны самим фактом разбирательства дела об административном правонарушении, инициированным государственным органом, имеет значение основание прекращения производства по делу об административном правонарушении, на основании которых было вынесено постановление, в рассмотренном выше случае имеет место недоказанность обстоятельств совершения административного правонарушения, что при презумпции невиновности привлекаемого к административной ответственности лица, влечет безусловное право истца на возмещение расходов, понесенных по административному делу.

В настоящее время в связи с развитием цифровой экономики и безналичных расчетов существует множество способов уплаты штрафа.

Например, на официальном сайте в сети Интернет Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы [17] указаны различные способы оплаты штрафа.

Но большинство из предложенных способов влекут за собой дополнительные расходы для плательщика в виде комиссии агентов за перевод денежных средств или прочие сопутствующие финансовые услуги.

В связи с этим появляется вопрос: можно ли вернуть, помимо суммы уплаченного штрафа, также такие дополнительные расходы.

При ответе на этот вопрос нужно исходить из принципа разумности, оценивая все имеющиеся у плательщика способы для оплаты.

Например, денежные средства в размере 100 рублей были уплачены в качестве комиссии за услугу по переводу денежных средств через терминал ЭЛЕКСНЕТ, расположенный на специализированной стоянке. Факт оказания услуги по переводу денежных средств в размере штрафа, конечно, в таком случае ни кем не оспаривается.

Поэтому необходимо учитывать, имелась ли у истца возможность уплаты штрафа без комиссии. Если имелись альтернативные способы оплаты, например, путем оплаты через ПАО «Сбербанк России» без комиссии, которыми плательщик мог воспользоваться, но не воспользовался, то приходим к выводу, что такие расходы истца компенсации ответчиком не подлежат. Вместе с тем, необходимо отметить, что судебная практика по данному вопросу неоднородна и в большинстве случаев суды взыскивают, помимо размера уплаченного штрафа, также и расходы по уплате комиссии плательщиком штрафа [11; 15].

Также истец, помимо возврата сумму уплаченного штрафа, отмененного впоследствии, в качестве своих убытков может заявить требования о возмещении расходов на оплату услуг по эвакуации автомобиля, если будет установлено, что законные основания для эвакуации отсутствовали.

Как уже указывалось выше, также истцом могут быть заявлены иски о возмещении морального вреда.

Согласно ст. ст. 150, 151 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Нематериальные блага защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения. Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд также учитывает степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

По вопросу о взыскании компенсации морального вреда необходимо исходить из того, установлены или нет факты, свидетельствующие о том, что действиями ответчика истцу причинены нравственные или физические страдания.

Здесь опять же ключевую роль играют основания прекращения производства по делу об административном правонарушении. Если имела место недоказанность обстоятельств совершения административного правонарушения или истечение срока давности привлечения к административной ответственности, то при наличии таких оснований требования о компенсации морального вреда будут оставлены судом без удовлетворения, так как не установлены факты, свидетельствующие о том, что действиями ответчика истцу причинены нравственные или физические страдания.

Также в качестве убытков можно заявить расходы по оплате услуг представителя, понесенные истцом при обжаловании постановления о привлечении к административной ответственности.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [6], расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании статей 15, 1069 и 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счёт средств соответствующей казны (казны РФ, казны субъекта РФ).

Возмещение проигравшей стороной правового спора расходов другой стороны не обусловлено установлением её виновности в незаконном поведении - критерием наличия оснований для возмещения является итоговое решение, определяющее, в чью пользу данный спор разрешён [8].

Несмотря на то, что КоАП РФ не содержит специальных положений о возмещении расходов лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании п. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, положения ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ, восполняя данный правовой пробел, не допускают отказа в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов,

связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании п. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

Таким образом, убытки в виде расходов по оплате услуг представителя, понесенные истцом при обжаловании постановления о привлечении к административной ответственности возможно заявить и взыскать только в рамках гражданского судопроизводства, обратившись с иском заявлением о возмещении убытков. При этом необходимо понимать, что размер таких убытков будет существенно превышать размер оплаченного штрафа.

Что касается судебных расходов, например, почтовых расходов истца или расходов по уплате государственной пошлины при подаче искового заявления, то их возможно компенсировать истцу за счет ответчика в соответствии со ст. 98 ГПК РФ в связи с тем, что иски требования истца были удовлетворены, пропорционально удовлетворенному судом размеру исковых требований.

Таким образом, вопрос о возврате ранее уплаченного административного штрафа является весьма актуальным и имеет ряд особенностей. Судебный порядок возврата денежных средств осуществляется путем подачи в суд искового заявления в порядке ГПК РФ. При этом ключевыми аспектами является выбор надлежащего ответчика и формулирование соответствующих исковых требований.

Так для правильного определения надлежащего ответчика необходимо для начала выяснить, каким органом лицо было привлечено к административной ответственности в виде штрафа. Вместе с тем, Министерство Финансов РФ или Министерство внутренних дел РФ являются ненадлежащими ответчиками по данной категории споров, так как указанные органы распорядителями средств бюджета соответствующего субъекта РФ не являются.

Следует особо отметить, что расходы на перемещение и хранение задержанного транспортного средства относятся на счет федерального бюджета, а в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, находившемся в производстве органа исполнительной власти РФ, - на счет бюджета соответствующего субъекта РФ.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 23 июня 2016 № 205-ФЗ «О внесении изменений в статью 27.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3874.

[2] Закон г. Москвы от 19.11.2014 № 54 «О бюджете города Москвы на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2014. № 70.

[3] Постановление Правительства Москвы от 15.02.2011 № 32-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 13.

[4] Постановление Правительства Москвы от 09.04.2013 № 216-ПП «О мерах по реализации Закона города Москвы от 11 июля 2012 г. № 42 «О порядке перемещения транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты стоимости перемещения и хранения, возврата транспортных средств в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2013. № 23.

[5] Приказ Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы от 30.12.2013 № 61-02-353/3 «О закреплении в 2014 году полномочий администратора доходов бюджета города Москвы за Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы и за подведомственными ему администраторами доходов бюджета» // СПС Консультант плюс.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. № 80.

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 984-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кобринского Александра Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 2 Закона Санкт-Петербурга «О порядке перемещения задержанных транспортных средств на специализированную стоянку, их хранения, оплаты расходов на их перемещение и хранение, возврата задержанных транспортных средств в Санкт-Петербурге» // СПС Консультант плюс.

[8] Определение Верховного Суда РФ №78-КГ20-30 К3 от 15.05.2020 года // СПС Консультант плюс.

[9] Постановление Президиума Московского городского суда от 06.02.2018 по делу № 44г-278/2017 // СПС Консультант плюс.

[10] Постановление Президиума Московского городского суда от 06.02.2018 по делу № 44г-279/2017 // СПС Консультант плюс.

[11] Кассационное определение Московского городского суда от 10.05.2018 № 4г-2798/2018 // СПС Консультант плюс.

[12] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 по делу № 8г-1945/2019, 88-1420/2019 // СПС Консультант плюс.

[13] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2020 по делу № 88-8129/2020 // СПС Консультант плюс.

[14] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2020 № 88-13559/2020 // СПС Консультант плюс.

[15] Определение Московского городского суда от 29.06.2018 № 4Г/10-5023/2018 // СПС Консультант плюс.

[16] Сведения с официального сайта Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы «Московский паркинг» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://parki№g.mos.ru/about/134/> (дата обращения 07.08.2021).

[17] Сведения с официального сайта Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы «Московский паркинг» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://parki№g.mos.ru/pay/> (дата обращения 07.08.2021).

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2016 № 205-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 27.13 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 26. St. 3874.

[2] Zakon g. Moskvy ot 19.11.2014 № 54 «O byudzhete goroda Moskvy na 2015 god i planovyy period 2016 i 2017 godov» // Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy. 2014. № 70.

[3] Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 15.02.2011 № 32-PP «Ob utverzhdenii Polozheniya o Departamente transporta i razvitiya dorozhno-transportnoj infrastruktury goroda Moskvy» // Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy. 2011. № 13.

[4] Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 09.04.2013 № 216-PP «O merah po realizacii Zakona goroda Moskvy ot 11 iyulya 2012 g. № 42 «O poryadke peremeshcheniya transportnyh sredstv na specializirovannuyu stoyanku, ih hraneniya, oplaty stoimosti peremeshcheniya i hraneniya, vozvrata transportnyh sredstv v gorode Moskve» // Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy. 2013. № 23.

[5] Приказ Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы от 30.12.2013 № 61-02-353/3 «О закреплении в 2014 году полномочий администратора доходов бюджета города Москвы за Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы и за подведомственными ему администраторами доходов бюджета» // СPS Konsul'tant plyus.

[6] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 № 5 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Rossijskaya gazeta. 2005. № 80.

[7] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 22.04.2014 № 984-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kobrinskogo Aleksandra Arkad'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav punktom 7 stat'i 2 Zakona Sankt-Peterburga "O poryadke peremeshcheniya zaderzhannyh transportnyh sredstv na specializirovannuyu stoyanku, ih hraneniya, oplaty raskhodov na ih peremeshchenie i hranenie, vozvrata zaderzhannyh transportnyh sredstv v Sankt-Peterburge» // SPS Konsul'tant plyus.

[8] Opredelenie Verhovnogo Suda RF №78-KG20-30 K3 ot 15.05.2020 goda // SPS Konsul'tant plyus.

[9] Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 06.02.2018 po delu № 44g-278/2017 // SPS Konsul'tant plyus.

[10] Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 06.02.2018 po delu № 44g-279/2017 // SPS Konsul'tant plyus.

[11] Kassacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 10.05.2018 № 4g-2798/2018 // SPS Konsul'tant plyus.

[12] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 23.12.2019 po delu № 8g-1945/2019, 88-1420/2019 // SPS Konsul'tant plyus.

[13] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 16.04.2020 po delu № 88-8129/2020 // SPS Konsul'tant plyus.

[14] Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 30.06.2020 № 88-13559/2020 // SPS Konsul'tant plyus.

[15] Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29.06.2018 № 4G/10-5023/2018 // SPS Konsul'tant plyus.

[16] Svedeniya s oficial'nogo sajta Departamenta transporta i razvitiya dorozhno-transportnoj infrastruktury goroda Moskvy «Moskovskij parking» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://parkiNeg.mos.ru/about/134/> (data obrashcheniya 07.08.2021).

[17] Svedeniya s oficial'nogo sajta Departamenta transporta i razvitiya dorozhno-transportnoj infrastruktury goroda Moskvy «Moskovskij parking» [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://parkiNeg.mos.ru/pay/> (data obrashcheniya 07.08.2021).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
e-mail: professor60@mail.ru

ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о федеративном устройстве и административно-территориальном делении как основе организации системы судебных органов общей юрисдикции в Российской Федерации высказано несколько суждений: продолжающееся реформирование и федеративного устройства, и административно-территориального деления во многом предопределяет неопределенность системы государственных органов, в том числе и системы судов общей юрисдикции, в Российской Федерации; упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ повлекло затруднения в разграничении компетенции судов общей и специальной юрисдикций; при организации системы судебных органов общей юрисдикции непременно должны учитываться и федеративное устройство Российской Федерации и административно-территориальное деление субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, законодательство, федерализм, федеративное устройство, федеральный округ, административно-территориальное деление, система судебных органов.

ERIASHVILI Nodary Darchoevich,
doctor of Economics, candidate of juridical Sciences,
candidate of historical Sciences, laureate of RF Government prize
in science and technology

FEDERAL STRUCTURE AND ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION AS THE BASIS OF THE SYSTEM OF JUDICIAL BODIES OF GENERAL JURISDICTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Based on the analysis of the legal literature and legislation on the federal structure and administrative-territorial division as the basis of the organization of the system of judicial bodies of general jurisdiction in the Russian Federation, several judgments are made in the article: the ongoing reform of both the federal structure and the administrative-territorial division largely determines the uncertainty of the system of state bodies, including the system of courts of general jurisdiction, in the Russian Federation; the abolition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation caused difficulties in distinguishing the competence of courts of general and special jurisdiction; when organizing the system of judicial bodies of general jurisdiction, the federal structure of the Russian Federation and the administrative-territorial division of the subjects of the Russian Federation must necessarily be taken into account.

Key words: state, legislation, federalism, federal structure, federal district, administrative-territorial division, judicial system.

Предметом данной статьи являются федеративное устройство и административно-территориальное деление, а также их роль в организации системы судов общей юрисдикции в Российской Федерации [2]. Федеративное устройство и административно-территориальное деление во многом пред-

ределяют организацию государственных органов, в том числе и судебных органов общей юрисдикции, на что обращается внимание в юридической литературе [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Так, авторы одной коллективной монографии проанализировали «вопросы построения системы принципов организации и работы судов общей юрисдикции,

так как эти принципы определяют наиболее существенные стороны данного вида государственной деятельности; ими закрепляются свойственные правовому государству демократические начала функционирования судебных органов в интересах граждан, общества и государства. Данные принципы отражают мировой опыт наиболее рациональной организации правосудия, что дает основание рассматривать их как конституционные основы, которые находят свое отражение и развитие в федеральных законах, регулирующих деятельность суда с учетом специфики сферы судопроизводства и национальных особенностей российской правовой системы, а также общепризнанных норм международного права и международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией» («Впервые на монографическом уровне рассмотрена проблема федеративного устройства российской судебной системы, исследованы возможности ее централизации и децентрализации, разграничение компетенции федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации, предлагаются пути дальнейшего развития системы судов общей юрисдикции») [13].

Ю.В. Доценко фактически разработал «механизм системного подхода к организационному обеспечению деятельности федеральных судов общей юрисдикции»: «1. Диагностику основных актуальных проблем судов общей юрисдикции, в том числе в аспекте организационного обеспечения их деятельности; обоснование необходимости решения выявленных проблем программными методами. 2. Постановку целей и задач на краткосрочную и долгосрочную перспективу, направленных на повышение эффективности отправления правосудия судами общей юрисдикции. 3. Определение системы программных мероприятий, позволяющих реализовать поставленные цели и задачи. 4. Конкретизацию ресурсного обеспечения программы. 5. Актуализацию механизма реализации программы: конкретизацию этапов и контроля за ходом выполнения. 6. Выявление критериев оценки эффективности программы. 7. Анализ основных результатов практического внедрения федеральной целевой программы. 8. Формулирование выводов и предложений, направленных на дальнейшее совершенствование организационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции» [11]. Фактически аналогичное исследование осуществлено В.М. Зиминим («Таким образом, в структуре Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации предлагается создать самостоятельный аппарат в лице судебной администрации, наделив ее соответствующими полномочиями, административно-правовой статус которого должен быть строго регламенти-

рован; этот орган должен быть подконтролен судейскому сообществу (совету судей, собранию судей), что исключит всякую возможность злоупотреблений») [12].

Р.А. Рябзин «процессе анализа теоретических и практических аспектов развития организации судов общей юрисдикции в Российской Федерации предлагает изменения в законодательстве, что ... повысит эффективность их деятельности»: «Реформирование института пересмотра судебных постановлений в рамках системы судов общей юрисдикции, а также установление такого порядка обжалования судебных решений, при котором лицо, подающее жалобу, первоначально обращается в суд апелляционной инстанции, затем - кассационной и на завершающей стадии - в суд надзорной инстанции, позволит существенно повысить эффективность и качество правосудия, обеспечить открытость и прозрачность судебной системы, усилить гарантии самостоятельности судов и независимости судей, привести законодательство Российской Федерации в соответствие с нормами международного права и с международными стандартами в области прав человека. В конечном счете это должно обеспечить расширение сферы судебной защиты прав и свобод граждан, а также повысить доступность правосудия. Мы уверены, что закрепление на законодательном уровне указанных положений приведет к следующему: во-первых, лица, участвующие в деле, смогут воспользоваться всеми способами обжалования судебных постановлений, которые предусмотрены действующим законодательством; во-вторых, в рамках системы судов общей юрисдикции будет функционировать еще одна судебная инстанции, которая увеличит возможности для исправления судебных ошибок; в-третьих, полноценное рассмотрение дел в суде апелляционной и кассационной инстанций сделает надзорный порядок обжалования судебных постановлений действительно исключительным» [14]. Не столь совершенные научные разработки определяют несовершенство законодательства о федеративном устройстве Российской Федерации, об административно-территориальном делении субъектов Российской Федерации и о их влиянии на организацию системы государственных органов, в том числе и системы судебных органов общей юрисдикции. Так, в нормативном правовом акте с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации [3, 4]: к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [1] закреплено федеративное устройство государства. А в законодательстве субъектов Российской Федерации определяется их административно-территориальное деление.

Положения Конституции РФ о федеративном устройстве детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой. Так, в Федеральном конституционном законе РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 2 февраля 2011 г. определена система судов общей юрисдикции: «1. Систему судов общей юрисдикции в Российской Федерации составляют федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. 2. К федеральным судам общей юрисдикции относятся: 1) кассационные суды общей юрисдикции; 2) апелляционные суды общей юрисдикции; 3) верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов; 4) районные суды, городские суды, межрайонные суды (далее - районные суды); 5) военные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых устанавливаются федеральным конституционным законом; 6) специализированные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых устанавливаются федеральным конституционным законом. 3. К судам общей юрисдикции субъектов Российской Федерации относятся мировые судьи» - ст.1. Таким образом, относительно роли и федеративного устройства, и административно-территориального деления на организацию системы судов общей юрисдикции необходимо продолжить научные исследования в Российской Федерации.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, продолжающееся реформирование и федеративного устройства, и административно-территориального деления во многом предопределяет неопределенность системы государственных органов, в том числе и системы судов общей юрисдикции, в Российской Федерации.

Во-вторых, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ повлекло затруднения в разграничении компетенции судов общей и специальной юрисдикций.

В-третьих, при организации системы судебных органов общей юрисдикции непременно должны учитываться и федеративное устройство Российской Федерации и административно-территориальное деление субъектов Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102.

[2] Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.

[3] Галузо В.Н. О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

[4] Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30.

[5] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О государственных судебных органах общей юрисдикции в субъектах Российской Федерации (со статусом «республика»): обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 9. С. 150-159.

[6] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Москве: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 7. С. 128-135.

[7] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в субъектах Российской Федерации (со статусом «область»): обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 8. С. 163-171.

[8] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в городе Санкт-Петербурге: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 10. С. 134-140.

[9] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в субъектах Российской Федерации (со статусом «край»): обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 11. С. 42-59.

[10] Галузо В.Н., Канафин Н.А. О юрисдикции государственных судебных органов районного звена в субъектах Российской Федерации, являющихся автономными образованиями: обеспечиваются ли положения теории правоохраны? // Образование и право. 2017. № 12. С. 142-151.

[11] Доценко Ю.В. Актуальность системного подхода к организационному обеспечению деятельности федеральных судов общей юрисдикции // Администратор суда. 2007. N 4.

[12] Зимин В.М. Актуальные вопросы организационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции // Администратор суда. 2009. N 4. С. 24 - 25.

[13] Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы:

Монография / Отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016.

[14] Рябзин Р.А. Перспективы развития организации судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Российский судья. 2009. N 6.

Spisok literatury:

[1] Galuzo V.N. Vozmozhno li obespechenie edinoobraznogo ispolneniya zakonodatel'stva pri otsutstvii ego sistematizacii? // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 11. S. 98-102.

[2] Galuzo V.N. Konstitucionno-pravovoj status Rossii: problema imenovaniya gosudarstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 5. S. 119-123.

[3] Galuzo V.N. O roli normativnogo pravovogo akta v sisteme prava Rossijskoj Federacii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2009. № 4. S. 27-30.

[4] Galuzo V.N. Sistematizaciya zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy razvitiya // Zakon i pravo. 2009. № 8. S. 28-30.

[5] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O gosudarstvennyh sudebnyh organah obshchej yurisdikcii v sub'ektah Rossijskoj Federacii (so statusom «respublika»): obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 9. S. 150-159.

[6] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O yurisdikcii gosudarstvennyh sudebnyh organov rajonnogo zvena v gorode Moskve: obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 7. S. 128-135.

[7] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O yurisdikcii gosudarstvennyh sudebnyh organov rajonnogo zvena v sub'ektah Rossijskoj Federacii (so statusom

«oblast'»): obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 8. S. 163-171.

[8] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O yurisdikcii gosudarstvennyh sudebnyh organov rajonnogo zvena v gorode Sankt-Peterburge: obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 10. S. 134-140.

[9] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O yurisdikcii gosudarstvennyh sudebnyh organov rajonnogo zvena v sub'ektah Rossijskoj Federacii (so statusom «kraj»): obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 11. S. 42-59.

[10] Galuzo V.N., Kanafin N.A. O yurisdikcii gosudarstvennyh sudebnyh organov rajonnogo zvena v sub'ektah Rossijskoj Federacii, yavlyayushchihsva avtonomnymi obrazovaniyami: obespechivayutsya li polozheniya teorii pravoohrany? // Obrazovanie i pravo. 2017. № 12. S. 142-151.

[11] Docenko Yu.V. Aktual'nost' sistemnogo podhoda k organizacionnomu obespecheniyu deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii // Administrator suda. 2007. N 4.

[12] Zimin V.M. Aktual'nye voprosy organizacionnogo obespecheniya deyatelnosti sudov obshchej yurisdikcii // Administrator suda. 2009. N 4. S. 24 - 25.

[13] Organizaciya i deyatelnost' sudov obshchej yurisdikcii: novelty i perspektivy: Monografiya / Отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016.

[14] Ryabzin R.A. Perspektivy razvitiya organizacii sudov obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sud'ya. 2009. N 6.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-199-208

УДК 373+371+316.6+159.922.8

СЛОИК Марина Ивановна,
кафедра медиации в социальной сфере,
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ШКОЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Актуальность исследуемой в данной статье темы обусловлена необходимостью определять различие между теоретическими моделями школьной медиации, практическими системами медиации в контексте и медиацией в действии. Цель исследования – изучить взаимосвязь между моделью медиации и контекстом, в котором она практикуется, а также проанализировать сферу медиации и рассмотреть преимущества данного метода как одного из способов урегулирования конфликтов в школьной среде. Материалы данной статьи представляют собой попытку доказать важность метода «школьная медиация» как социального инструмента для предупреждения и решения конфликтов через создание безопасной среды для младших школьников. Много учебного времени в образовательной среде посвящается тому, чтобы помочь преподавателям организовать соответствующее взаимодействие между учениками и учебными материалами / программами. Некоторое время посвящается обучению педагогов способам взаимодействия с обучающимися. Но то, как ученики должны взаимодействовать друг с другом, практически игнорируется. Правильно построенная модель взаимодействия учащихся друг с другом оказывает положительное влияние на их отношение к школе и учителям, к одноклассникам, и, как следствие, повышает вовлеченность ребенка в процесс обучения и успеваемость в целом. Исследование таких явлений, как возникновение конфликтных ситуаций в рамках начальной школы и поиск их решения посредством метода «школьная медиация», для характеристики которого необходим большой набор широко варьирующих признаков, требует тщательного рассмотрения вопроса с разных сторон. Данная статья представляет краткий исторический обзор развития медиации на теоретическом, институциональном и практическом уровне в школьной среде. Исследуя используемые теоретические модели, было проанализировано и раскрыто, как медиаторы интерпретируют и применяют теоретические модели в своей практике. В процессе исследования проведено различие между теоретическими моделями медиации и медиацией в реальности, из чего был сделан вывод, что одного лишь владения базовыми навыками медиации участниками учебно-воспитательного процесса в начальной школе недостаточно. Данный обзор представляет практическую ценность для представителей педагогического сообщества, медиаторов, психологов, руководителей образовательных организаций.

Ключевые слова: школьная медиация, поведение младшего школьника, конфликты в школьной среде, медиативная компетентность, восстановительные программы.

SLOIK Marina I.,
Department of Mediation in the Social Sphere
Moscow State University of Psychology and Education

SCHOOL MEDIATION IN PRIMARY SCHOOLS

Annotation. The relevance of the topic studied in this article is due to the need to determine the difference between theoretical models of school mediation, practical systems of mediation in context and mediation in action. The aim of the study is to study the relationship between the mediation model and the context in which it is practiced, as well as to analyze the scope of mediation and consider the advantages of this method as one of the ways to resolve conflicts in the school environment. The materials of this article are an attempt to prove the importance of the “school mediation” method as a social tool for preventing and resolving conflicts by creating a safe environment for primary schoolchildren. A lot of study time in the educational environment is devoted to helping teach-

ers organize appropriate interaction between students and study materials / programs. Some time is devoted to teaching teachers how to interact with students. But how students are supposed to interact with each other is practically ignored. A properly constructed model of student interaction with each other has a positive effect on their attitude towards school and teachers, towards classmates, and, as a result, increases the child's involvement in the learning process and academic performance in general. The study of such phenomena as the emergence of conflict situations in primary school and the search for their solution through the method of "school mediation", for the characterization of which requires a large set of widely varying features, requires careful consideration of the issue from different angles. This article provides a brief historical overview of the development of mediation at the theoretical, institutional and practical level in the school environment. Exploring the theoretical models used, it was analyzed and revealed how mediators interpret and apply theoretical models in their practice. In the course of the study, a distinction was made between theoretical models of mediation and mediation in reality, from which it was concluded that the mere possession of basic mediation skills by participants in the educational process in primary school is not enough. This review is of practical value for representatives of the pedagogical community, mediators, psychologists, and leaders of educational organizations.

Key words: *school mediation, the behavior of a younger student, conflicts in the school environment, mediation competence, rehabilitation programs.*

Введение

Школа объединяет различные взгляды на мир, разные способы бытия, мышления и жизни, тем самым становясь пространством для представления социальных различий и местом, где ежедневно происходят различные конфликты [1]. Как результат множественных межличностных отношений, возникающих в школьном контексте, конфликт является частью школьной жизни, что подчеркивает необходимость обладания навыками быстрого реагирования и конструктивного управления конфликтом [2]. Агрессивное поведение среди детей младшего школьного возраста становится угрожающе распространенной тенденцией последнего десятилетия [3; 4]. Постоянное возрастание количества научных работ по исследованию данной проблемы указывает на ее актуальность. Общее нарастание напряженности и конфликтности в образовательно-воспитательной среде вызвано рядом причин, в числе которых социальное расслоение семей, замена нравственных ценностей потребительскими, деградация культуры, разобщенность и отчужденность людей, «процветание» культа насилия [5]. Все эти общественные деформации оказывают негативное влияние, прежде всего на детей. Воспитатели и учителя в силу своей профессиональной деятельности каждый день сталкиваются с необходимостью искать способы разрешения конфликтных ситуаций, что нередко оказывается непосильной для них задачей ввиду необходимости дополнительных временных и эмоциональных затрат [6]. Разработка и реализация образовательных мероприятий, целью которых является создание безопасной среды для адаптации младшего школьника [4; 7], способствует удовлетворению таких базовых потребностей младших школьников, как безопасность и защищенность, привязанность и

принадлежность. Снижает конфликтное напряжение, восстанавливает взаимодействие, способствует развитию у учащихся навыков, позволяющих им поддерживать своих сверстников в конструктивном разрешении конфликтов, создавая школьную культуру, в которой учащиеся учатся распознавать антисоциальное поведение, понимать его влияние и приобретать навыки построения социальных отношений, включая помощь, заботу и сочувствие [8].

Школьная медиация – это процесс, в котором задействован квалифицированный, внимательный и отзывчивый специалист, способный оказать необходимую помощь людям, находящимся в конфликте (будь то конфликт между учащимися или школьник-учитель, учитель-родитель и т.д.), изучить возможные варианты и найти путь к соглашению. Этот процесс является конфиденциальным и предназначен для создания в школе позитивной, заботливой, безопасной и дружелюбной атмосферы [7]. Качалова в своих работах медиативную компетентность рассматривает «как способность умело выстраивать взаимодействия и, при случае, выходить из возникающих трудностей, осознавая и контролируя ситуацию» [9]. Во многих современных образовательных учреждениях практикуются методы и способы реагирования педагогов на конфликты, но зачастую они не приносят ожидаемых результатов в приобретении навыков общения, построенного на взаимопонимании, принятии, доверии и уважении, так необходимых детям в будущем [10].

Качество отношений обучающихся включает такие переменные, как межличностное влечение, симпатия, сплоченность, моральный дух и социальная поддержка. Степень эмоциональной привязанности, существующей среди младших школьников [11], оказывает сильное влияние на

их поведение. Чем более позитивны их отношения друг с другом, а также с учителем, тем ниже процент пропусков из-за нежелания ребенка идти в школу, и тем выше заинтересованность в обучении, чувство личной ответственности перед классом, готовность трудиться на достижение поставленных целей. Квалифицированный подход к решению конфликтов основан на демократических ценностях – уважение, равенство, толерантность, доверие. Что, в свою очередь, способствует развитию у каждого участника конфликтной ситуации таких важных способностей, как коммуникативная компетентность, умение брать на себя ответственность, находить причины возникновения конфликта и осознавать последствия [12].

Материалы и методы

В настоящем обзоре использован систематизированный, основанный на доказательствах, подход. Этот метод включает в себя одну или несколько характеристик систематического обзора, но не претендует на представление тех же результатов, что и систематический обзор. Был проведен обширный поиск литературы с целью выявления всех доступных исследований из опубликованных источников. В поисковой системе «Google» и «Google Scholar» был осуществлен поиск по ключевым словам (язык русский и английский): поведение младших школьников, кризис семилетнего возраста, агрессия в школе, безопасная школьная среда, посредничество в школе, управление школьным классом, методы примирения, конфликты в школьной среде, школьная медиация, решение конфликтов посредством методов медиации, компетентный медиатор, примирение, восстановительные практики, медиация в младшей школе. Были отобраны статьи, опубликованные с 2015 по 2020 год. Этот период был выбран из-за неизбежных изменений в поведении / развитии младших школьников, а также в методах преподавания и обучения.

Чтобы использовать содержание статей в соответствии с целями данного исследования, каждая статья тщательно изучалась, а данные стратегии работников учебно-образовательной системы по разрешению конфликтов в школьной среде были выделены и классифицированы отдельно. Критерии включения статей, помимо периода 2015 - 2020 гг., заключались в сосредоточении внимания на задачах адаптации и проблемах взаимоотношений младших школьников, а также на методах, предлагаемых для разрешения конфликтных ситуаций в школьной среде, доступе к полнотекстовым статьям, написанным на русском и английском языке. Критерии исключения состояли из статей, посвященных анализу поведения и взаимоотношений подростков и студентов, а не младших школьников.

Поиск проводился в два этапа. Сначала были изучены заголовки и аннотации статей, в процессе чего были обнаружены не релевантные статьи. Затем были извлечены и проанализированы полнотекстовые статьи, посвященные проблемам взаимодействия школьников и изучению способов для создания безопасной школьной среды. Статьи, полный текст которых был недоступен или сложно переводим на русский язык, были исключены из исследования. Данные, извлеченные из ресурсов, были систематизированы и обобщены. Для этого систематического обзора рассмотрены методы школьной медиации, которые включают способы работы со школьниками, направленные на уменьшение конфликтов в межличностном взаимодействии. В данном контексте мы определяем конфликт как межличностное разногласие между школьниками, основанное на взглядах, потребностях или убеждениях. В этом отношении школьная медиация включает применение как неформальных, так и формальных методов. Некоторые методы выстраивают отношения проактивно, чтобы предотвратить конфликты, а некоторые используются реактивно, когда конфликт уже состоялся.

Было уделено внимание и тому, как межличностный конфликт младших школьников воспринимается на уровне администрации школ и руководителей классов. Пересмотр некоторых документов помог понять роль школьного руководства в восстановлении благоприятной атмосферы в школе / классе в конфликтных и пост конфликтных ситуациях. В данном обзоре использованы некоторые выражения авторов из оригинальных статей.

Результаты и обсуждение

Целью данного обзора было изучение взаимосвязи между теоретической моделью медиации и контекстом, в котором она практикуется, а также анализ сферы медиации с выявлением потенциальных доказательств эффективности метода посредничества как одного из способов урегулирования конфликтов в школьной среде. Несмотря на количество существующей документации о том, что метод «школьная медиация» используется во всем мире (Финляндия, Австралия, Бразилия, Канада, Англия, Гонконг, Новая Зеландия, Шотландия, Южная Африка и США) [13 - 15] качество исследований, оценивающих его эффективность в сокращении конфликтов в школах, остается довольно низким [16 - 18]. Для решения этой проблемы необходимы знания для создания инструментов разрешения и предотвращения ускоренного роста конфликтов, с которыми сталкиваются образовательные учреждения во многих странах мира.

Согласно [19] медиация (посредничество) представляет собой структурированный интерактивный процесс, в котором третья сторона без пристрастия помогает конфликтующим сторонам с помощью специальных методов общения и переговоров. Всем участникам медиации предлагается принимать активное участие в процессе. Этот процесс сосредоточен на потребностях, правах и интересах сторон, и его цель помочь сторонам найти оптимальное решение [20]. Найдено, что самые ранние записи об использовании медиации в качестве социальной практики относятся к Древней Греции [21]. Еврейские традиции разрешения конфликтов были перенесены в зарождающиеся христианские общины, которые считали Христа своим верховным посредником. Библия называет Иисуса посредником между Богом и человеком. Эта концепция посредничества была окончательно принята, чтобы определить роль духовенства как посредника между общиной и Богом и между верующими. В современном мире использование посредничества впервые распространилось в Соединенных Штатах Америки и Канаде, зародившись в сфере трудовых отношений, как институциональная практика. Программы школьной медиации в каждой стране формируются по-разному, в зависимости от того, на чем больше сосредоточены медиаторы – на решении возникающих конфликтов или на воспитательных эффектах медиации. Актуальным остается вопрос: достаточно ли приобретения необходимого навыка педагогам и администрации школы или школьная медиация должна становиться профессией.

Большую часть времени ребенок проводит в школе, поэтому школьные отношения в значительной степени влияют на его дальнейшую судьбу. Именно в школе он учится строить отношения с окружающими. Если за время обучения ребенок не освоил допустимые в обществе способы взаимодействия, возникает риск, что в дальнейшем он не сможет выстраивать отношения или будет отвергаемым. Что в последствии может привести к правонарушениям, попыткам суицида, примыканию к разного рода группировкам и т.п. Следуя поставленной цели, рассмотрение необходимости применения методов медиации для разрешения конфликтов в школьной среде, необходимо изложить некоторые мысли о школьном конфликте, его формах и причинах возникновения. Школа, в виду присущих ей характеристик, является благоприятной средой для развития конфликтных ситуаций. Так, например, в ходе исследования конфликтов в начальной школе с целью выявления их влияния на преподавание и обучение в Гане (наблюдение в 30 государственных начальных школах 10 округов одного района реги-

она Ашанти, 2015) [22] было определено, что наиболее распространенные конфликты, наблюдаемые в школах, проявлялись как ссоры, драки, крики, агрессия, толчки и издевательства, запугивание среди учеников; словесные оскорбления, избиение и чрезмерные наказания, применяемые к ученикам учителями; ссоры между учителями и родителями, повышенный тон в разговоре, обмен резкими словами и оскорблениями; крики родителей на своих детей за «плохое поведение» или неуспеваемость в школе, угрозы наказать их дома; жаркие споры, ссоры и серьезные разногласия между директорами и учителями.

Возникновение конфликтов между школьниками и учителями дети объясняли тем, что учителя позволяли себе использование ненормативной лексики в адрес учеников и / или их родителей. Следует отметить, что ученики выражали серьезную озабоченность по поводу сомнительных комментариев, которые делают некоторые учителя, если ребенку трудно понять, чему его пытаются научить. По словам учеников, после уже разрешенного конфликта между учителем и учеником некоторые учителя отказываются отпустить эту проблему, а используют ее как оружие для наказания ученика-обидчика за плохие отношения с ним. Сообщалось, что в некоторых ситуациях учитель мог ненавидеть ученика-обидчика до такой степени, что отказывался проверять упражнения, которые выполнялись учеником, отвечать на задаваемые им вопросы, или вызывать ученика, когда тот осмеливался поднять руку, чтобы ответить на вопрос учителя. Учитель мог просто игнорировать ученика во время всех занятий в классе. Ученики также дали понять, что иногда при возникновении конфликта между учителем и учеником, другие учителя присоединяются к конфликту и в знак солидарности со своим коллегой также преследуют ученика в школе, что делает его несчастным, незащищенным и заставляет испытывать смущение перед одноклассниками.

Исследование показало, что ссоры и драки между школьниками чаще всего возникают из-за того, что они дразнят друг друга за высокий / низкий рост, чрезмерную полноту или худобу, или неспособность отвечать на вопросы во время урока. Издевательства над младшими школьниками со стороны старшекласников, зависть из-за неравных личных ресурсов, кража карманных денег и письменных принадлежностей одними школьниками у других также являются источниками трений, напряжения и драк в школе. Данные показывают, что наиболее серьезной проблемой взаимоотношений являются конфликты между школьниками [23]. Необходимо отметить, что позитивные отношения между учителем и ребенком служат защитным фактором для социального

и академического развития детей. Данные исследования подтверждают, что напряжение может подорвать желание учеников посещать занятия в школе и доказывают необходимость внедрения примирительных практик, начиная с младшей школы.

Распространенной причиной конфликтов является негативное отношение детей друг к другу, которое может привести к недопониманию и создать препятствия в общении. Вероятно, самый простой способ предотвратить конфликт – обеспечить благоприятные условия для позитивного общения в школьной среде [2]. Заметим, что когда ребенок первый раз приходит в школу, происходит перестройка всей системы его социальных отношений с действительностью. К школьнику предъявляются новые требования, в его жизни появляется еще один значимый взрослый – учитель, отношения с которым начинают определять отношение ребенка к родителям и к другим детям. Начиная с первых дней учебного года, у младших школьников возникают предсказуемые конфликты по поводу обмена материалами, выбора партнеров по выполнению заданий или решения, с кем играть. Первые классы начальной школы приходятся на возрастной период, включающий ряд изменений поведения, связанных с физическим, умственным и социальным формированием личности. Психологи определяют этот этап как отрочество раннего детства, а также кризис семи лет [24].

Кризисом семи лет исследователи называют возрастной период младшего школьника. Божович определяет его как «период рождения социального Я ребенка» [25]. По мнению специалистов, в возрасте 7 лет в детском мозге начинают происходить большие изменения. Определено, что в этот период происходит осознание своего места в социуме, в мире тесных взаимоотношений [26]. Это время, когда происходит переоценка ценностей: игра уходит на второй план, тогда как учебная деятельность, «высокоценяемая взрослыми», приобретает большую ценность. По некоторым причинам дети младшего школьного возраста могут быть агрессивными [27]. Исследователи считают, что агрессивное поведение ребенка, как в классе, так и за его пределами, может быть результатом стресса, неврологических проблем или эмоционального дефицита [28]. Иногда ребенку просто не хватает уверенности в себе, и он восполняет это агрессивным поведением. В этом отношении дети в первую очередь ищут внимания и получают удовольствие, добиваясь его своей агрессивностью. Видя, что сила привлекает внимание, ребенок повышает свою самооценку, угрожая другим детям в классе. Причиной подобного поведения иногда бывает отсутствие связи

или привязанности, в которых нуждается ребенок. В таком случае агрессивное поведение самый безопасный способ общения с другими, даже если он очень негативен. Обычно ребенок знает, что его агрессивное поведение неуместно, но вознаграждение в виде повышенного внимания может перевесить неодобрение авторитетных взрослых [29].

Социально-эмоциональным навыкам дети учатся, наблюдая, практикуя и, в конечном итоге, перенимая поведение. Таким образом, агрессивное поведение ребенка может быть обусловлено привычным для него поведением близких взрослых [30]. Если в семье ребенка конфликт является способом решения проблем, то его реакция на ту или иную конфликтную ситуацию в школе будет содержать паттерны, которые он выучил в семье: ребенок будет проявлять вербальную или физическую агрессию или, наоборот, замыкаться в себе, избегать конфликта, находить причины не ходить в школу [31]. Возрастающий уровень конфликтности и актов насилия в сфере образования оказывают разрушительное влияние, нанося глубокий ущерб, как в личном, так и в академическом развитии пострадавших. Негативные последствия агрессивного поведения среди детей и поиск защитных факторов, предотвращающих или замедляющих его развитие, стали актуальными вопросами, требующими внимания во многих странах мира, где высокий процент учащихся средних школ (90%) говорят, что они были свидетелями случаев агрессивного поведения школьников [19].

Метод «школьная медиация» – социальный инструмент эффективного предупреждения и разрешения споров, регулирования взаимоотношений в конфликтной ситуации, позволяющий создавать безопасную среду для всех участников образовательного процесса и способствующий удовлетворению базовых психологических потребностей человека [7]. Его применение способствует удовлетворению таких основных потребностей обучающихся, как потребность в безопасности и защищенности, привязанности и принадлежности [32]. Конфликт признан двигателем социального развития, и его эффекты положительны в том случае, когда конфликт управляем [33]. Таким образом, медиация в школе в качестве стратегии предотвращения и управления конфликтами может иметь положительное влияние, выходящее за рамки прямых измерений интенсивности и частоты конфликтов между школьниками [32].

Акцент восстановительных подходов на управлении отношениями предполагает, что положительные результаты можно ожидать на межличностном уровне отношений как между учениками,

так и за пределами влияния на внутриличностные отношения учителя и учеников [34]. Целью внедрения «школьной медиации» является реализация практики конструктивного ненасильственного взаимодействия в конфликтных ситуациях [35]. Улучшение социально-эмоциональных навыков учащихся становится все более важной задачей. Такие аспекты, как умение слушать, ставить себя на место другого человека, понимание, способность ценить другого человека и показывать это ему, доверие, способность сотрудничать и т.д. – это навыки, которые школьники могут улучшить, или приобрести посредством метода школьная медиация [36].

Первые попытки применения методов посредничества в образовательной среде были предприняты в США в начале 1980-х годов. На данный момент медиативные практики широко используются в воспитательно-образовательной сфере многих стран мира [32]. С точки зрения участия и доброжелательного подхода к ребенку, при использовании медиации в школах одним из основных направлений является предоставление детям информации и опыта восстановительных практик. Школьную медиацию можно рассматривать как учебную среду, в которой дети учатся не только управлять конфликтами, но и использовать свое право быть услышанными. Кристи [37] утверждал, что школьные конфликты следует рассматривать как процесс обучения социальным навыкам. Что конфликтующих следует поддерживать, а не наказывать или исключать из школы. Посредничество в школах стоит рассматривать как аспект укрепления социальных навыков не только для школьной жизни, но и для будущего. В нескольких исследованиях сообщается, что восстановительные практики укрепляют права ребенка быть услышанными, укрепляют его демократию, улучшают социальные навыки ребенка, повышают способность брать на себя ответственность, уменьшают социальную изоляцию или навешивание ярлыков, предотвращают эмоциональное насилие и издевательства в школах [38].

В обзоре «Восстановительное правосудие в школах США: обзор исследований» [39] авторы отмечают, что в школах используются разные примирительные / восстановительные практики, в основе которых методы участия предложены в качестве альтернативы карательным методам. При решении конфликтов из-за нарушений школьных правил, а также в случаях издевательств используются медиативные практики. Изучив различные отчеты об исследованиях в США, исследователи пришли к выводу, что медиативный подход изменил поведение учеников более эффективно, чем наказания. Учителя стали лучше относиться к своим ученикам, ученики проявляли

больше уважения к сотрудникам школы, и вмешательство в социальные отношения в классе требовалось значительно меньше, чем до использования медиативного подхода. Они обнаружили, что улучшение позитивной школьной атмосферы, толерантность и поддержка между обучающимися также были отмечены как последствия восстановительного подхода [40]. Однако следует учитывать необходимость более тщательного изучения с различных точек зрения результатов исследовательских отчетов при разработке практики медиации в школах.

Этика справедливости и заботы должна быть основой всей деятельности в школьной среде [41]. Практика профессионального внедрения восстановительного мышления может достигать результатов в таких вопросах, как повышение безопасности, улучшение школьного климата, уменьшение изоляции и отчуждения, запугивания и другого тревожного поведения во всем школьном сообществе, а также предотвращение истощения среди персонала. Школьная медиация не основывается на дисциплине, а предлагает альтернативный процесс, в котором рассматривается социальное обучение навыкам гражданственности. С помощью медиативных методов предотвращения / решения конфликтов, человек учится решать проблемы не только в школе, но и в любом обществе, в каком бы он не находился.

Выводы

В ходе анализа существующих на данный момент исследований выявлен ряд существенных недостатков в формировании служб школьной медиации непрофессиональными медиаторами или в лучшем случае, прошедшими 72-часовые курсы повышения квалификации педагогами образовательных учреждений или школьными психологами и социальными педагогами. В настоящее время существующие службы школьной медиации чаще всего привлекают к работе штатный педагогический состав, социальных педагогов, психологов, заместителей по воспитательной части и обучающихся, при этом, при разрешении конфликтных ситуаций, используя директивные методы, тем самым обесценивая профессию медиатора.

В существующих более 25 тыс. службах школьной медиации вовлечены в процесс порядка 70 тыс. педагогических работников, из которых только 1/3 часть имеет профильное базовое образование медиатора. Опыт 8-ми летнего обучающего процесса по магистерским программам и программам переподготовки по специальности «медиатор в социальной сфере» в таких вузах, как МГППУ и др. показывает, что каждый год могут выпускаться более 1500 медиаторов. 41.3 тыс. школ России испытывают потребность в профес-

сиональных медиаторах. Служба школьной медиации, имеющая профессионального медиатора, независимого от администрации образовательного учреждения, способствует обеспечению ребенку (младшему школьнику) базовой потребности в безопасности. Это исследование поддерживает точку зрения о том, что интеграция, сотрудничество и согласованность являются ключевыми факторами для развития конструктивной стратегии управления конфликтами и повышения успеваемости в школе. Посредничество в школе способствует созданию более здорового общества, если практика внедрения его методов происходит путем профессионального обучения вовлеченных лиц при заинтересованности и участии администрации школы, а также наблюдении и вовлеченности родителей учеников.

Недостаточно уделяемое внимание службе школьной медиации в начальной школе, на наш взгляд, является упущением со стороны образовательной среды. Мы полагаем, что внедрение службы школьной медиации в начальной школе под эгидой профессионального медиатора приведет к созданию безопасного пространства, снижению конфликтности среди обучающихся начальных классов и поможет им в дальнейшей жизни конструктивно разрешать возникающие конфликты, что обусловит повышение качества жизни в целом и повысит компетенции общества в будущем. Хотя данный систематический обзор показывает, что интерес к принятию методов медиации для разрешения конфликтов в начальной школе растет, текущая база данных ограничена и в лучшем случае неубедительна. Результаты, касающиеся методологического качества, подчеркивают значительную потребность в дополнительных и более качественных исследованиях этой темы. Очевидно, что для изучения эффективности и результатов медиативного подхода в школах необходимы подробные академические исследования. Важно оценить такие вопросы, которые приносят пользу, связанную с восстановительной практикой, чтобы найти и понять элементы, которые обеспечивают качество в практическом применении методов школьной медиации, чтобы школы могли в полной мере воспользоваться восстановительным подходом. В эти наблюдения должны быть включены как педагогические, так и молодежные культурные аспекты.

Список литературы:

[1] Фролова Е., Рябова Т., Рогач О., Зуйкина А. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // ПНиО. – 2019. – Т. 39, №3 (39). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-v-sisteme-shkolnogo->

[obrazovaniya-klyuchevye-problemy-spetsifika-i-factory-razvitiya](https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniya-klyuchevye-problemy-spetsifika-i-factory-razvitiya) (дата обращения: 09.07.2021).

[2] Valente S., Lourenço A.A., Németh Z. 2020. School conflicts: causes and management strategies in classroom relationships. IntechOpen. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.intechopen.com/online-first/school-conflicts-causes-and-management-strategies-in-classroom-relationships> (date of access: 07.09.2021).

[3] Bhusiri P., Phuphaibul R., Suwonnaroop N., Viwatwongkasem C. Effects of parenting skills training program for aggressive behavior reduction among school-aged children: A quasi-experimental study // PRIJNR. – 2018. – Vol. 22, No. 4. – P. 332 - 346.

[4] Demirtaş-Zorbaz S., Ergene T. School adjustment of first-grade primary school students: Effects of family involvement, externalizing behavior, teacher and peer relations // Children and Youth Services Review. – 2019. – Vol. 101. – P. 307 - 316.

[5] Carraro A., Gobbi E. Play fighting to cope with children aggression: A study in primary school // Journal of Physical Education and Sport. – 2018. – Vol. 18. – P. 1455 - 1458.

[6] Cunha P., Monteiro A.P. Uma reflexão sobre a mediação escolar // Ciências & Cognição. – 2016. – Vol. 21. - No. 1. – P. 112 - 123.

[7] Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Вечерина О.П. Уровень безопасности среды в общеобразовательных учреждениях города Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/spp/2017/2/psychology/shamlikashvili-kharitonov-vecherina.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

[8] Федеральный институт медиации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.fedim.ru> (дата обращения: 09.07.2021).

[9] Качалова А., Твелова И. Медиативная компетентность как эффективное условие развития психологической культуры педагога // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 5-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnaya-kompetentnost-kak-effektivnoe-uslovie-razvitiya-psihologicheskoy-kultury-pedagoga> (дата обращения: 26.06.2021).

[10] Murray B.A. Examining school based mediation: a literature review. – Menomonie: The Graduate College University of Wisconsin-Stout, 2003.

[11] Барышникова Е.В. Психология детей младшего школьного возраста. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, 2018.

[12] Луговцова Е.И., Егорова Ю.Н. Организация школьной службы медиации. – Минск: Национальный институт образования, 2017.

- [13] Gellin M. Mediation in finnish schools: From conflicts to restoration // *Nordic Mediation Research*. – 2018. – Vol. 2018. - P. 247 - 266.
- [14] Kline D.M.S. Can restorative practices help to reduce disparities in school discipline data? A review of the literature // *Multicultural Perspective*. – 2016. – Vol. 18. - No. 2. – P. 97 - 102.
- [15] Anyon Y., Gregory A., Stone S., Farrar J., Jenson J.M., McQueen J. Restorative interventions and school discipline sanctions in a large urban school district // *American Educational Research Journal*. – 2016. – Vol. 53. - No. 6. – P. 1663 - 1697.
- [16] Acosta J.D., Chinman M., Ebener P., etc. A cluster-randomized trial of restorative practices: An illustration to spur high-quality research and evaluation // *Journal of Educational and Psychological Consultation*. – 2016. – Vol. 26. - No. 4. – P. 413 - 430.
- [17] Green A.E., Willging C.E., Zamarin K., etc. Cultivating healing by implementing restorative practices for youth: Protocol for a cluster randomized trial // *International Journal of Educational Research*. – 2019. – Vol. 93. – P. 168 - 176.
- [18] Filella G., Ros-Morente A., Oriol X., March-Llanes J. The assertive resolution of conflicts in school with a gamified emotion education program // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Vol. 9. – article number 2353.
- [19] Boulle L. *Mediation: Principles, Processes, Practice*. – Chatswood: LexisNexis Butterworths, 2005.
- [20] Moore C.V. *O processo de mediação: estratégias práticas para a resolução de conflitos*. – Porto Alegre: Artmed, 1998.
- [21] Oropoku-Asare N.A.A., Takyi H., Owusu-Mensah M. Conflict prevalence in primary school and how it is understood to affect teaching and learning in Ghana // *SAGE Journals*. – 2015. – Vol. 5, No. 3. [Electronic resource] - Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015592935> (date of access: 07.09.2021).
- [22] Shahmohammadi N. Abstract of research paper on educational sciences. [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.org/article/n/222637> (date of access: 07.09.2021).
- [23] Щедрин Д.С. От нуля до семидесяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geeksforgoeks.org/100-days-of-code-a-complete-guide-for-beginners-and-experienced/> (дата обращения: 26.06.2021).
- [24] Божович Л.И. *Личность и ее формирование в детском возрасте*. – СПб.: Питер, 2008.
- [25] Cabello R., Gutiérrez-Cobo M.J., Fernández-Berrocal P. Parental education and aggressive behavior in children: A moderated-mediation model for inhibitory control and gender // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – article number 1181.
- [26] Gwen D. Taming aggression in children: 5 strategies for effective parenting 2016 – 2020. [Electronic resource]. - Access mode: <https://parentingscience.com/aggression-in-children/> (date of access: 07.09.2021).
- [27] Гонина О. *Психология младшего школьного возраста*. – М.: Флинта, 2017.
- [28] Watson S. 2020. How to handle aggressive behavior in the classroom. ThoughtCo. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.thoughtco.com/the-aggressive-child-3110252> (date of access: 07.09.2021).
- [29] Cabello R., Gutiérrez-Cobo M.J., Fernández-Berrocal P. parental education and aggressive behavior in children: A moderated-mediation model for inhibitory control and gender // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – article number: 1181.
- [30] Василенко В.Е. Проявления кризиса семи лет в связи с особенностями семьи. *Международный журнал психологии развития и образования*. – 2013. – Т. 1. - № 1. – С. 19 - 30.
- [31] Шамликошвили Ц. Школьная медиация как действенный инструмент в защите прав детей. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/7/#ixzz70Xb68Xc1> (дата обращения: 26.06.2021).
- [32] Göksoy S., Argon T. Conflicts at schools and their impact on teachers // *Journal of Education and Training Studies*. – 2016. – Vol. 4. - No. 4. – P. 197 - 205.
- [33] Попова Т.А., Манина И.И. Медиация в современном образовательном пространстве. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2018.
- [34] Федосенко Е.В. Образовательный потенциал школьной медиации в сохранении и развитии психологического здоровья субъектов образования // *Посредничество в современном образовательном пространстве*. – 2018. – С. 27 - 37.
- [35] Дохоян А.М. Медиация как форма разрешения школьных конфликтов // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2016. – № 2. – С. 21 - 25.
- [36] Bonilla R.P., Armadans I., Anguera M.T. Conflict mediation, emotional regulation and coping strategies in the educational field // *Frontiers in Education*. – 2020 [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2020.00050/full> (date of access: 07.09.2021).
- [37] Christie N. *The Limits of Torture*. – Helsinki: Duplication services of the University of Helsinki, 1983.

[38] Hopkins B., Gellin M. Restorative approach in educational settings. Minoruistizia. Interdisciplinary review of legal, psychological, pedagogical and social studies on the relationship between minors and uistizia. – Milan: Franco Angeli, 2016.

[39] Fronius T., Persson H., Guckenbun S., Hurley N., Petrosino A. Restorative justice in US schools. Study overview. – San Francisco: WestEnd Center for Justice and Prevention Research, 2016. URL: http://jprc.wested.org/wp-content/uploads/2016/02/RJ_Literature-Review_20160217.pdf

[40] Gellin M. 2018. Mediation in Finnish Schools: From conflicts to restoration // Nordic Mediation Research. – 2018. – P. 247 - 266.

[41] Карраско Понс С., Вилла Табернер Р., Понферрада Артеага М. Институциональное сопротивление школьному посредничеству. Исследование конфликтных ситуаций // Журнал социальной антропологии. – 2016. – Т. 25. - № 1. – С. 111 - 131.

Spisok literatury:

[1] Frolova E., Ryabova T., Rogach O., Zujkina A. Konflikty v sisteme shkol'nogo obrazovaniya: klyuchevye problemy, specifika i faktory razvitiya // PNiO. – 2019. – Т. 39, №3 (39). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-v-sisteme-shkolnogo-obrazovaniya-klyuchevye-problemy-spetsifika-i-faktory-razvitiya> (data obrashcheniya: 09.07.2021).

[2] Valente S., Lourenço A.A., Németh Z. 2020. School conflicts: causes and management strategies in classroom relationships. IntechOpen. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.intechopen.com/online-first/school-conflicts-causes-and-management-strategies-in-classroom-relationships> (date of access: 07.09.2021).

[3] Bhusiri P., Phuphaibul R., Suwonnarop N., Viwatwongkasem C. Effects of parenting skills training program for aggressive behavior reduction among school-aged children: A quasi-experimental study // PRIJNR. – 2018. – Vol. 22, No. 4. – P. 332 - 346.

[4] Demirtaş-Zorbaz S., Ergene T. School adjustment of first-grade primary school students: Effects of family involvement, externalizing behavior, teacher and peer relations // Children and Youth Services Review. – 2019. – Vol. 101. – P. 307 - 316.

[5] Carraro A., Gobbi E. Play fighting to cope with children aggression: A study in primary school // Journal of Physical Education and Sport. – 2018. – Vol. 18. – P. 1455 - 1458.

[6] Cunha P., Monteiro A.P. Uma reflexão sobre a mediação escolar // Ciências & Cognição. – 2016. – Vol. 21. - No. 1. – P. 112 - 123.

[7] Shamlikashvili C.A., Haritonov S.V., Veчерina O.P. Uroven' bezopasnosti sredi v obshcheobra-

zovatel'nyh uchrezhdeniyah goroda Moskvy. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2017/2/psychology/shamlikashvili-kharitonov-vecherina.pdf (data obrashcheniya: 09.07.2021).

[8] Federal'nyj institut mediacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://en.fedim.ru> (data obrashcheniya: 09.07.2021).

[9] Kachalova A., Tvelova I. Mediativnaya kompetentnost' kak effektivnoe uslovie razvitiya psihologicheskoy kul'tury pedagoga // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – № 5-1. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnaya-kompetentnost-kak-effektivnoe-uslovie-razvitiya-psihologicheskoy-kultury-pedagoga> (data obrashcheniya: 26.06.2021).

[10] Murray B.A. Examining school based mediation: a literature review. – Menomonie: The Graduate College University of Wisconsin-Stout, 2003.

[11] Baryshnikova E.V. Psihologiya detej mladshego shkol'nogo vozrasta. – Chelyabinsk: Izd-vo Yuzhno-Ural'skogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta, 2018.

[12] Lugovcova E.I., Egorova Yu.N. Organizaciya shkol'noj sluzhby mediacii. – Minsk: Nacional'nij insitut obrazovaniya, 2017.

[13] Gellin M. Mediation in finnish schools: From conflicts to restoration // Nordic Mediation Research. – 2018. – Vol. 2018. - P. 247 - 266.

[14] Kline D.M.S. Can restorative practices help to reduce disparities in school discipline data? A review of the literature // Multicultural Perspective. – 2016. – Vol. 18. - No. 2. – P. 97 - 102.

[15] Anyon Y., Gregory A., Stone S., Farrar J., Jenson J.M., McQueen J. Restorative interventions and school discipline sanctions in a large urban school district // American Educational Research Journal. – 2016. – Vol. 53. - No. 6. – P. 1663 - 1697.

[16] Acosta J.D., Chinman M., Ebener P., etc. A cluster-randomized trial of restorative practices: An illustration to spur high-quality research and evaluation // Journal of Educational and Psychological Consultation. – 2016. – Vol. 26. - No. 4. – P. 413 - 430.

[17] Green A.E., Willging C.E., Zamarin K., etc. Cultivating healing by implementing restorative practices for youth: Protocol for a cluster randomized trial // International Journal of Educational Research. – 2019. – Vol. 93. – P. 168 - 176.

[18] Filella G., Ros-Morente A., Oriol X., March-Llanes J. The assertive resolution of conflicts in school with a gamified emotion education program // Frontiers in Psychology. – 2018. – Vol. 9. – article number 2353.

[19] Boule L. Mediation: Principles, Processes, Practice. – Chatswood: LexisNexis Butterworths, 2005.

- [20] Moore C.V. O processo de mediação: estratégias práticas para a resolução de conflitos. – Porto Alegre: Artmed, 1998.
- [21] Opoku-Asare N.A.A., Takyi H., Owusu-Mensah M. Conflict prevalence in primary school and how it is understood to affect teaching and learning in Ghana // *SAGE Journals*. – 2015. – Vol. 5, No. 3. [Electronic resource] - Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015592935> (date of access: 07.09.2021).
- [22] Shahmohammadi N. Abstract of research paper on educational sciences. [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.org/article/n/222637> (date of access: 07.09.2021).
- [23] Shchedrin D.S. Ot nulya do semidesyati [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.geeksforgoeks.org/100-days-of-code-a-complete-guide-for-beginners-and-experienced/> (data obrashcheniya: 26.06.2021).
- [24] Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. – SPb.: Piter, 2008.
- [25] Cabello R., Gutiérrez-Cobo M.J., Fernández-Berrocal P. Parental education and aggressive behavior in children: A moderated-mediation model for inhibitory control and gender // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – article number 1181.
- [26] Gwen D. Taming aggression in children: 5 strategies for effective parenting 2016 – 2020. [Electronic resource]. - Access mode: <https://parentingscience.com/aggression-in-children/> (date of access: 07.09.2021).
- [27] Gonina O. Psihologiya mladshogo shkol'nogo vozrasta. – M.: Flinta, 2017.
- [28] Watson S. 2020. How to handle aggressive behavior in the classroom. ThoughtCo. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.thoughtco.com/the-aggressive-child-3110252> (date of access: 07.09.2021).
- [29] Cabello R., Gutiérrez-Cobo M.J., Fernández-Berrocal P. parental education and aggressive behavior in children: A moderated-mediation model for inhibitory control and gender // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – article number: 1181.
- [30] Vasilenko V.E. Proyavleniya krizisa semi let v svyazi s osobennostyami sem'i. *Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii razvitiya i obrazovaniya*. – 2013. – T. 1. - № 1. – S. 19 - 30.
- [31] Shamlikoshvili C. Shkol'naya mediaciya kak dejstvennyj instrument v zashchite prav detej. GARANT.RU [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/7/#ix-zz70Xb68Xc1> (data obrashcheniya: 26.06.2021).
- [32] Göksoy S., Argon T. Conflicts at schools and their impact on teachers // *Journal of Education and Training Studies*. – 2016. – Vol. 4. - No. 4. – P. 197 - 205.
- [33] Popova T.A., Manina I.I. Mediaciya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve. – M.: FGBNU «Psihologicheskij institut RAO», 2018.
- [34] Fedosenko E.V. Obrazovatel'nyj potencial shkol'noj mediicii v sohranenii i razvitiu psihologicheskogo zdorov'ya sub»ektov obrazovaniya // *Posrednichestvo v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve*. – 2018. – S. 27 - 37.
- [35] Dohoyan A.M. Mediaciya kak forma razresheniya shkol'nyh konfliktov // *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*. – 2016. – № 2. – S. 21 - 25.
- [36] Bonilla R.P., Armadans I., Anguera M.T. Conflict mediation, emotional regulation and coping strategies in the educational field // *Frontiers in Education*. – 2020 [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2020.00050/full> (date of access: 07.09.2021).
- [37] Christie N. The Limits of Torture. – Helsinki: Duplication services of the University of Helsinki, 1983.
- [38] Hopkins B., Gellin M. Restorative approach in educational settings. Minor guistizia. Interdisciplinary review of legal, psychological, pedagogical and social studies on the relationship between minors and guistizia. – Milan: Franco Angeli, 2016.
- [39] Fronius T., Persson H., Guckenburger S., Hurley N., Petrosino A. Restorative justice in US schools. Study overview. – San Francisco: WestEnd Center for Justice and Prevention Research, 2016. URL: http://jprc.wested.org/wp-content/uploads/2016/02/RJ_Literature-Review_20160217.pdf
- [40] Gellin M. 2018. Mediation in Finnish Schools: From conflicts to restoration // *Nordic Mediation Research*. – 2018. – P. 247 - 266.
- [41] Karrasko Pons S., Villa Taberner R., Ponferrada Arteaga M. Institucional'noe soprotivlenie shkol'nomu posrednichestvu. Issledovanie konfliktnyh situacij // *Zhurnal social'noj antropologii*. – 2016. – T. 25. - № 1. – S. 111 - 131.

РОЛЬ СЛУЖБЫ ПОСТИНТЕРНАТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НА БАЗЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРИОД ПОСТИНТЕРНАТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. *Проблемам социальной адаптации и самостоятельного жизнеустройства выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в последнее время уделяют достаточно большое внимание в педагогической литературе. Учреждения для лиц из числа данной категории детей апробируют различные модели постинтернатного сопровождения выпускников. Поэтому в настоящее время вопрос о постинтернатном сопровождении выпускников детских домов является особенно актуальным. Однако в педагогической науке исследованию вопроса о роли службы постинтернатного сопровождения на базе учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, для успешной социальной адаптации и интеграции выпускников в постинтернатный период уделено недостаточно большое внимание. Впервые автором проанализированы проблемы, с которыми обращаются выпускники в учреждение для детей-сирот, а также изучена модель постинтернатного сопровождения выпускников детского дома с участием социальных партнеров и наставников учреждения.*

Цель: *выявить роль служб постинтернатного сопровождения выпускников на базе учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в успешной адаптации выпускников.*

Методология и методики исследования: *В работе автор использовал следующие методы исследования: теоретические (анализ, синтез, обобщение, построение гипотез), эмпирические (наблюдение, тестирование), экспериментальные (констатирующий и формирующий эксперименты), а также анализ нормативных правовых актов в части, касающейся обеспечения социальными гарантиями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В ходе исследования автор исследовал трудности выпускников, которые возникают в постинтернатный период, в связи с чем, приходит к выводу о необходимости создания в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Служб постинтернатного сопровождения (далее – СПС).*

Результаты: *анализ деятельности СПС ГУ РК «Детский дом № 3» г. Сыктывкара при разработке и реализации программ постинтернатной адаптации выпускников детского дома, а также условий постинтернатной адаптации выпускников позволили автору прийти к выводу о том, что осуществление постинтернатного сопровождения помогает выпускникам наиболее успешно адаптироваться в новой социальной среде, выстроить конструктивную стратегию самостоятельной жизни, создать новые и крепкие социальные контакты, как с близким окружением, так и с государственными структурами.*

Научная новизна работы: *В результате исследования выявлена эффективная роль службы постинтернатного сопровождения выпускников на базе учреждений детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.*

Практическая значимость: *Данные исследования могут быть использованы в области социальной адаптации выпускников детских домов в качестве совершенствования системы работы по воспитанию и обучению воспитанников, подготовке их к самостоятельной жизни после выпуска из детского дома.*

Ключевые слова: *служба постинтернатного сопровождения; дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; социально-психолого-медико-педагогическое сопровождение лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; социальная адаптация выпускников; постинтернатная адаптация выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.*

Благодарность: *автор статьи выражает благодарность руководству Государственного учреждения Республики Коми «Детский дом № 3» г. Сыктывкара за представленную возможность по внедрению и апробации модели постинтернатного сопровождения выпускников на базе учреждения.*

THE ROLE OF POSTINTERNATIONAL SUPPORT SERVICES BASED ON INSTITUTIONS FOR ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN SUCCESSFUL SOCIAL ADAPTATION DURING THE PERIOD OF POST-INTERNATIONAL SUPPORT

Annotation. *The problems of social adaptation and independent life arrangement of graduates of institutions for orphans and children left without parental care have recently been given quite a lot of attention in the pedagogical literature. Institutions for persons from this category of children are testing various models of post-international support for graduates. Therefore, at present, the issue of post-international support for graduates of orphanages is particularly relevant. However, in pedagogical science, not enough attention is paid to the study of the role of the post-international support service on the basis of institutions for orphans and children left without parental care for the successful social adaptation and integration of graduates in the post-boarding period. For the first time, the author analyzes the problems that graduates face in an institution for orphaned children, and also studies the model of post-international support for graduates of an orphanage with the participation of social partners and mentors of the institution.*

Objective: *to identify the role of post-international support services for graduates on the basis of institutions for orphans and children left without parental care in the successful adaptation of graduates.*

Methodology and methods of research: *In the work, the author used the following research methods: theoretical (analysis, synthesis, generalization, hypothesis building), empirical (observation, testing), experimental (ascertaining and forming experiments), as well as analysis of regulatory legal acts in terms of providing social guarantees for orphans and children left without parental care. In the course of the study, the author investigated the difficulties of graduates who arise in the post-international period, in connection with which, he comes to the conclusion that it is necessary to create post - international Support Services in institutions for orphans and children left without parental care (hereinafter referred to as PCA).*

Results: *the analysis of the activities of the SPS of the State Institution of the Republic of Kazakhstan "Orphanage No. 3" in Syktyvkar during the development and implementation of programs for post-international adaptation of graduates of the orphanage, as well as the conditions for post-international adaptation of graduates allowed the author to come to the conclusion that the implementation of post-international support helps graduates to adapt most successfully to a new social environment, build a constructive strategy for independent life, create new and strong social contacts, both with the close environment and with state structures.*

Scientific novelty of the work: *As a result of the study, the effective role of the post-international support service for graduates on the basis of institutions for orphans and children left without parental care was revealed.*

Practical significance: *These studies can be used in the field of social adaptation of graduates of orphanages as an improvement of the system of work on the upbringing and training of pupils, preparing them for independent life after graduation from the orphanage.*

Key words: *post-international support service; orphans and children left without parental care; socio-psychological, medical and pedagogical support of persons from among orphans and children left without parental care; social adaptation of graduates; post-international adaptation of graduates of institutions for orphans and children left without parental care.*

Gratitude: *the author of the article expresses gratitude to the management of the State Institution of the Komi Republic "Orphanage No. 3" in Syktyvkar for the opportunity to introduce and test the model of post-international support of graduates on the basis of the institution.*

Переход выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей из условий полного государственного обеспечения к условиям

самостоятельной жизни сопровождается трудностями и проблемами социальной адаптации и самостоятельного жизнеустройства. В связи с этим, учреждения для лиц из числа данной катего-

рии детей апробируют различные модели постинтернатного сопровождения выпускников. Поэтому в настоящее время вопрос о постинтернатном сопровождении выпускников детских домов является особенно актуальным.

Изучение отдельными авторами социально-психолого-педагогических проблем выпускников детских домов и школ-интернатов показывают, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из их числа нуждаются в особом сопровождении, который включал бы в себя содействие со стороны взрослых в решении жилищных, правовых, социальных и многих других вопросов.

Проблема социализации выпускников детских домов освещена в работах И.В. Дубровиной [2], М.И. Рожкова [5], Л.В. Байбородовой [1], Т.Н. Сапожниковой [6] и др. Данные авторы утверждают, что трудности социальной адаптации выпускников детских домов обусловлены рядом следующих факторов:

- неготовность к самостоятельной жизни;
- неумение управлять своей свободной самостоятельной жизнью;
- отсутствие значимых людей, под контролем которых они находились долгие годы;
- невозможность быстро адаптироваться к новым условиям;
- сложности в устройстве на работу, учебу, потеря взаимоотношений с родственниками и др.

Так же авторы выделяют и ряд других социально-психолого-педагогических особенностей выпускников детских домов, которые вызывают определенные трудности в успешной адаптации в постинтернатный период:

- иждивенческая позиция выпускника [7];
- недостаточное использование своих внутренних ресурсов (часто надеются на покровительство со стороны взрослых);
- недостаточное развитие социального интеллекта;
- проблемы с самооценкой выпускника и неадекватность уровня притязаний;
- низкий уровень социальной компетентности;
- перегруженность отрицательным опытом, негативными ценностями и образцами поведения без достаточного противовеса положительных ценностей и образцов успеха, готовность принимать асоциальные формы поведения;
- повышенная внушаемость, повышенный уровень виктимности (высокой вероятности стать жертвой насилия, шантажа, обмана, жестокости) [6].

Мы поддерживаем точку зрения вышеуказанных исследователей о трудностях, возникающих при социальной адаптации выпускников в

постинтернатный период. Автор считает, что подготовка к успешной социализации и интеграции в обществе воспитанников детских домов должна проводиться именно в период нахождения воспитанника в детском доме, создавая для него условия, в рамках проживания в учреждении, максимально приближенные к семейным.

В связи с изданием постановления Правительства РФ от 24.05.2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [8] в учреждениях для детей-сирот постепенно меняется система работы в постинтернатной подготовке выпускников.

Пунктом 57 вышеуказанного Постановления предусматривается обязанность учреждений для детей-сирот в оказании помощи в социальной адаптации детей в возрасте до 18 лет и лиц в возрасте от 18 лет и старше, подготовке детей к самостоятельной жизни, в т.ч. в осуществлении мер по защите их прав и законных интересов. Данная работа осуществляется организациями для детей-сирот посредством оказания консультативной, психологической, педагогической, юридической, социальной и иной помощи, содействия в получении образования и трудоустройстве, защите прав и законных интересов, представительства детей в государственных органах и органах местного самоуправления, организациях, а также посредством предоставления при необходимости возможности временного проживания в порядке, определяемом законами или нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Во исполнение вышеуказанного Постановления в ГУ РК «Детский дом № 3» г. Сыктывкара приказом директора была создана служба постинтернатного сопровождения, разработана программа постинтернатной подготовки выпускников детского дома (начиная с 8 класса), положение о службе постинтернатного сопровождения выпускников, а также алгоритм деятельности по индивидуальному сопровождению выпускника детского дома.

В связи с этим, одной из приоритетных задач в области социальной адаптации выпускников детского дома является совершенствование системы работы по воспитанию и обучению воспитанников, подготовке их к самостоятельной жизни после выпуска из детского дома. В нашем учреждении ведется целенаправленная работа по подготовке детей-сирот к дальнейшей жизни в обществе и начинается она с момента поступления ребенка в наш детский дом. Данная работа включает в себя:

1. Создание в детском доме условий, которые максимально приближены к условиям семейного воспитания (формируются разновозрастные «семейные группы», преимущественно в группах работают постоянные воспитатели).

2. Разработку и реализацию программ воспитания и социальной адаптации воспитанников, которые обеспечивают их комплексное индивидуально-ориентированное, психолого-медико-педагогическое и социальное сопровождение. Программы также содержат маршруты постинтернатной адаптации выпускников, которые основаны на оценке их реальных потребностей и возможностей.

3. Обеспечение качественного образования воспитанников, организацию работы по их профессиональному самоопределению и поиску для них конкурентоспособных профессий.

4. Формирование законопослушного поведения и правовой грамотности среди воспитанников.

Служба постинтернатного сопровождения является структурным подразделением детского дома и обеспечивает эффективное психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение развития ребенка во время его проживания в детском доме, постинтернатном периоде и после его выпуска в самостоятельную жизнь. Основной целью деятельности службы постинтернатного сопровождения является успешная социализация, социальная адаптация и самореализация выпускников в обществе.

Одна из функций СПС - разработка и реализация индивидуального плана постинтернатного сопровождения выпускника; осуществление мониторинга и оценки эффективности реализуемых мероприятий индивидуального плана постинтернатного сопровождения выпускников с целью определения наиболее эффективных форм и методов работы. Так же СПС оказывает без заключения договора педагогическую, психологическую, социальную и юридическую помощь выпускникам в форме индивидуальных или групповых консультаций, тренингов, семинаров, коррекционных занятий, клуба выпускников.

В состав команды СПС включаются только специалисты, постоянно работающие с ребенком на определенном промежутке времени; оптимальное количество – не более 5 человек. Состав специалистов меняется с учетом изменяющихся потребностей ребенка и ситуации. При этом, один и тот же специалист на одном этапе работы может быть членом команды, на другом этапе являться привлекаемым специалистом.

Исследователи в настоящее время разрабатывают различные модели постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [см., напр. 4]. Автор ста-

тьи делится опытом модели постинтернатной подготовки выпускников ГУ РК «Детский дом № 3» г. Сыктывкара, которая включает в себя 2 этапа.

1 этап – предпостинтернатная подготовка воспитанника. Целью данного этапа является оценка возможностей и выработка мер по подготовке к социальной адаптации воспитанника. По итогам составления индивидуальной программы постинтернатной подготовки воспитанника проводится заседание ПМПК детского дома, на котором обсуждаются и обобщаются выявленные показатели и основные проблемы и вырабатываются пути их решения, а также даются рекомендации специалистами. Индивидуальная программа постинтернатной подготовки воспитанника (далее – ИППП) является социально-педагогической технологией, которая направлена на активное включение воспитанника в процесс разрешения своих проблем и удовлетворения своих потребностей. Следует отметить, что любая технология – это программа деятельности по решению каких-либо задач для достижения определенной цели. ИППП является фактически договором между ребенком и специалистами, где указывается роль и ответственность каждого участника и, соответственно, он является открытым документом для воспитанника, в котором фиксируется его согласие на реализацию плана.

ИППП включает в себя систему мероприятий, которые разрабатываются специалистами совместно с воспитанником и направлены на развитие его умений и навыков самостоятельной жизни, а также создание условий для их активного применения. Индивидуальный план подготовки - циклический процесс, который включает в себя следующие этапы: планирование мероприятий на определенный период; выполнение мероприятий; мониторинг; критический анализ достигнутого. Таким образом, структура ИПП условно состоит из блоков: анализа ситуации, содержания работы, организации работы и анализа результативности работы.

2 этап – постинтернатное сопровождение. Целью данного этапа является реализация практических мер по постинтернатному сопровождению адаптации в зависимости от типа выпускника.

Следует отметить, что учет особенностей психологического, социального, медицинского статуса выпускников, а также разработка индивидуальных программ постинтернатной подготовки выпускников, отвечающих потребностям каждой из перечисленных групп, являются важными аспектами организации их постинтернатного сопровождения.

По итогам реализации всех направлений первого этапа, подводятся итоги социальной подготовки выпускника. Второй этап реализации про-

граммы предполагает использование дифференцированного подхода с определением сложности проблем жизнеустройства выпускника и постановки его на учет в одном из трех типов сопровождения. По степени сложности проблем, с которыми сталкивается в период постинтернатной адаптации выпускники, специалисты СПС подразделяют их на несколько категорий выпускников.

Категория «Поддержка» - это выпускники, которые имеют достаточно высокий уровень социальной компетентности, хорошо структурированные жизненные планы, получившие общее образование и готовые продолжать обучение в образовательном учреждении начального, среднего или высшего профессионального образования, либо устроиться на работу. Выпускники данной категории могут нуждаться в социально-педагогической и психологической поддержке в начальный период жизнеустройства по завершении пребывания в детском доме.

Категория «Помощь» - к данной категории относятся выпускники, у которых недостаточно сформированы социальные навыки, четкие жизненные планы. Они не способны к самостоятельному принятию решений, недостаточно активны, испытывают проблемы с коммуникацией, закреплением в коллективе по месту обучения или работы. В связи с этим, данная категория выпускников нуждается в информационной, социально-педагогической и психологической поддержке. Все это заключается в интенсивном сопровождении и оказании содействия выпускнику в жизнеустройстве.

Категория «SOS» - выпускники, которые имеют нарушения в физическом или психическом развитии, а также нарушения, связанные с социальной дезадаптированностью. Данная категория выпускников не обладает достаточно развитыми социальными навыками, испытывает серьезные проблемы с адаптацией в обществе, а также при продолжении образования и трудоустройстве. Эта категория выпускников отличается высоким уровнем конфликтности и низкой социальной компетентностью. Такие выпускники нуждаются в специальной помощи и организации сопровождения. Контроль за их жизнью в целях преодоления сложной жизненной ситуации оказывают специалисты различного профиля (воспитатель, психолог, врач, социальный педагог).

Следует отметить, что в связи с изданием постановления правительства Республики Коми № 379 от 12.09.2011 г. «Об организации в Республике Коми постинтернатного сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в настоящее время утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РК № 251 от 17.05.2021 г.) впервые на

нормативном уровне Республики Коми было закреплено понятие постинтернатного сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, под которым понимается комплекс мероприятий, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия и направленных на успешную социальную адаптацию лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, их социализацию и самореализацию, снижение числа совершаемых указанными лицами правонарушений и преступлений.

Постановлением Правительства Республики Коми № 251 от 17 мая 2021 г. «Об организации сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Республике Коми» [10] утвержден Порядок организации сопровождения вышеуказанных лиц. Согласно п. 2 вышеуказанного постановления, сопровождение лиц из числа детей-сирот осуществляется организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей Республики Коми и организациями социального обслуживания Республики Коми.

За 2010–2020 гг. автором были обследованы условия постинтернатной адаптации 37 выпускников Государственного учреждения Республики Коми «Детский дом № 3» г. Сыктывкара. Именно трудности выпускников, возникающие в социальной адаптации в постинтернатный период, обусловили необходимость создания в нашем учреждении службы постинтернатного сопровождения выпускников. Анализ полученных данных показал, что выпускники испытывают следующие трудности:

– проблемы в решении жилищных вопросов – это вопросы, возникающие при включении в Список нуждающихся в жилом помещении в соответствии с Федеральным законом от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; вопросы погашения задолженности по оплате за ЖКУ, оформления субсидий; вопросы по разделению лицевого счета по оплате за ЖКУ с совместно проживающими гражданами и другие (58 обращений). СПС направляет и консультирует выпускников при решении данных вопросов, при необходимости оказывает юридическую помощь при составлении исков и представительства в судах. Также учреждением в рамках исполнения Постановления Правительства РФ № 481 от 24.05.2014 г. предоставляется возможность выпускникам, не имеющим закрепленного жилья, временно проживать и питаться в каникулярное время до 23 лет.

Необходимо отметить, что в связи с изданием постановления Правительства РФ от

04.04.2019 г. № 397 «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства» [9], у выпускников появилось право при перемене места жительства обращаться в уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации с заявлением об исключении их из списка по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства. Учитывая, что наши выпускники являются студентами ведущих ВУЗов субъектов России, в дальнейшем они хотели бы остаться в городах, где они обучаются с целью дальнейшего трудоустройства, издание вышеуказанного Постановления изменило в корне социальную привязанность выпускников к предыдущему месту своего жительства и открыло перед ними новые возможности для самореализации на иных уровнях. В настоящее время, в рамках постинтернатного сопровождения выпускников учреждением ведется работа в отношении 4 человек по данному направлению.

– проблемы при трудоустройстве – несмотря на достаточно высокую мотивацию выпускников на трудовую деятельность, ряд из них испытывают определенные трудности при трудоустройстве по специальности. Например, О.М. окончил образовательное учреждение высшего профессионального образования по специальности: «Экономика и менеджмент». По окончании вуза выпускник обратился за помощью к специалистам службы постинтернатного сопровождения детского дома (далее – СПС) с вопросом: «А в какой области мне работать по специальности?» (несмотря на то, что производственные практики он проходил в различных организациях). После проведенной беседы, выявили предпочтения выпускника и благодаря выстроенным социальным сетям, СПС ГУ РК «Детский дом № 3» г. Сыктывкара предоставила возможность попробовать пройти стажировку под наставничеством «шефов» нашего учреждения. Итог: выпускник трудоустроился налоговым инспектором в Межрайонную инспекцию ФНС России по Республике Коми. Вза-

имодействие СПС в постинтернатный период в социальном партнерстве с органами исполнительной власти и местного самоуправления, субъектами профилактики, правоохранительными органами, иными органами и учреждениями позволяет формировать у выпускников высокий уровень личной ответственности, адекватно относиться к первоначальной установленной заработной плате, а также формирует способность защищать свои личные и профессиональные интересы (7 обращений);

– проблемы при оформлении документов – неумение оформлять документы, которые необходимы для получения социальных выплат, для обращения в суд и другие органы по решению жилищных вопросов и т.п. (47 обращений). В связи с достаточно высоким количеством обращений по данному вопросу, в нашем учреждении ведется работа по формированию правовой и финансовой грамотности среди воспитанников, одним из направлений которого является проведение семинаров, обучающих практикумов для выпускников по оформлению документов. С 14 лет воспитанники под руководством социального педагога оформляют заявления: на получение паспорта, на назначение пенсии, на назначение региональной социальной доплаты к пенсии, о включении в Список нуждающихся в жилом помещении и др. Выпускникам оказывается помощь при составлении ходатайств, исковых заявлений, писем и др.

Таким образом, осуществление постинтернатного сопровождения помогает выпускникам наиболее успешно адаптироваться в новой социальной среде, выстроить конструктивную стратегию самостоятельной жизни, создать новые и крепкие социальные контакты, как с близким окружением, так и с государственными структурами.

Следует отметить, что положительную роль в системе поддержки воспитанников и выпускников играет «наставничество». В предвыпускном и выпускном периоде к каждому выпускнику закрепляется значимый взрослый. В качестве таких взрослых выступают воспитатели, социальный педагог, психолог, «шефы» и социальные партнеры детского дома (УФНС России по РК, прокуратура г. Сыктывкара, МЧС по РК, УНК УМВД России по г. Сыктывкару, Сыктывкарская Епархия и др.), иные организации, занимающиеся решением вопросов социальной адаптации детей-сирот (учреждения профессионального образования, органы исполнительной власти, общественные организации), а также волонтеры.

Анализ системы работы Службы постинтернатного сопровождения выпускников ГУ РК «Детский дом № 3» г. Сыктывкара по организации постинтернатного сопровождения выпускников позволяет сделать вывод о том, что данная

система работы СПС является эффективной и приносит весьма существенные результаты.

За период с 2010 - 2020 гг. выпускниками нашего детского дома стали 37 человек. Из них обучаются (-лись) в вузах 27 человек, в сузах – 10 человек. Так, наши выпускники обучаются не только в учебных учреждениях Республики Коми, но и в других субъектах РФ. Например, обучались (-ются) в Ярославской медицинской академии, Российском университете дружбы народов, Московском государственном университете, Российском химико-технологическом университете им. Д.И. Менделеева, Балтийском государственном техническом университете «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, Рязанском высшем воздушно-десантном командовании училищем именов генерала армии им. В.Ф. Маргелова, Северном государственном медицинском университете, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Сыктывкарском государственном университете, Сыктывкарском лесном институте, Сыктывкарском торгово-экономическом колледже, Кировском медицинском колледже и многих других.

За вышеуказанный период 19 человек из числа выпускников окончили учебные заведения и трудоустроены по специальностям. Так, сегодня наши выпускники являются сотрудниками правоохранительных органов в системе МВД России, СК РФ, военнослужащими, налоговыми инспекторами в инспекциях ФНС России по Республике Коми, юристами, сотрудниками ПАО «Сбербанк России», провизорами, учителями, фельдшерами-лаборантами, экологами, ветеринарными врачами, специалистами в органах исполнительной власти, священнослужителями, стюардессами, поварами, кондитерами и др.

В настоящее время законодательство гарантирует выпускникам все права и дополнительные льготы, которые позволяют обеспечить их социальную защиту в постинтернатный период (материальную поддержку, право на жилье, возможности образования, поддержку при трудоустройстве, медицинское обслуживание). В связи с этим, работа в детском доме по подготовке детей к самостоятельной жизни должна быть выстроена таким образом, чтобы реализация законодательной базы в части касающейся дополнительных прав и льгот детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, была эффективной.

Таким образом, роль службы постинтернатного сопровождения, как структурного подразделения детского дома, является значимым и эффективным инструментом, который способствует успешной постинтернатной адаптации выпускников. Включая в себя 4 подразделения: психологическое, социальное, медицинское и

педагогическое, служба постинтернатного сопровождения способствует формированию у выпускников достаточного социального и личностного потенциала для самостоятельной жизни и успешной интеграции в современном обществе.

Список литературы:

[1] Байбородова Л.В. Взаимодействие субъектов сопровождения профессиональной подготовки выпускников детских домов // Ярославский педагогический вестник. - 2015. - № 3. - С. 17 - 24.

[2] Дубровина И.В. Психологическое развитие воспитанников детского дома. – М., 1990. - 264 с.

[3] Куркова М.П. Постинтернатное сопровождение выпускников детских домов // Образование. Карьера. Общество. - 2019. - № 4 (63). - С. 23 - 25.

[4] Плохова И.А., Бибилова Н.В., Гринева Е.А. Модель постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Известия Волгоградского педагогического ун-та. - 2017. - № 5. - С. 22 - 28.

[5] Рожков М.И., Байбородова Л.В. Теория и методика воспитания: учеб. и практикум для академического бакалавриата. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Юрайт, 2018. - С. 275.

[6] Сапожникова Т.И. Социализация воспитанников детских учреждений: особенности становления сироты как личности // Вестник Забайкальского гос. ун-та. - 2013. - № 4 (95). - С. 75 - 83.

[7] Хакимова Л.Я. Организационно-педагогические условия социализации воспитанников детского дома // Вестник Башкирского университета. - 2014. - № 7. - С. 23–28.

[8] Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 г. № 481 (ред. от 19.05.2021) «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. – 2014. - Ст. 2887.

[9] Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 г. № 397 «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации

по новому месту жительства» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 30.06.2021).

[10] Постановление Правительства Республики Коми № 251 от 17 мая 2021 г. «Об организации сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Республике Коми» // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. - 2021. - № 7. - Ст. 148.

Spisok literatury:

[1] Bajborodova L.V. Vzaimodejstvie sub»ektov soprovozhdeniya professional'noj podgotovki vypusnikov detskih domov // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. - 2015. - № 3. - S. 17 - 24.

[2] Dubrovina I.V. Psihologicheskoe razvitiye vospitannikov detskogo doma. – M., 1990. - 264 s.

[3] Kurkova M.P. Postinternatnoe soprovozhdeniye vypusnikov detskih domov // Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo. - 2019. - № 4 (63). - S. 23 - 25.

[4] Plokhova I.A., Bibikova N.V., Grineva E.A. Model' postinternatnogo soprovozhdeniya detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej // Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo un-ta. - 2017. - № 5. - S. 22 - 28.

[5] Rozhkov M.I., Bajborodova L.V. Teoriya i metodika vospitaniya: ucheb. i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. - 2-e izd., dop. i pererab. - M.: Yurajt, 2018. - S. 275.

[6] Sapozhnikova T.I. Socializaciya vospitannikov detskih uchrezhdenij: osobennosti stanovleniya sirotы kak lichnosti // Vestnik Zabajkal'skogo gos. un-ta. - 2013. - № 4 (95). - S. 75 - 83.

[7] Hakimova L.Ya. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya socializacii vospitannikov detskogo doma // Vestnik Bashkirskogo universiteta. - 2014. - № 7. - S. 23–28.

[8] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.05.2014 g. № 481 (red. ot 19.05.2021) «O deyatel'nosti organizacij dlya detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, i ob ustrojstve v nih detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej» // SZ RF. – 2014. - St. 2887.

[9] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.04.2019 g. № 397 «O formirovanii spiska detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, lic iz chisla detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, lic, kotorye odnosilis' k kategorii detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, lic iz chisla detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, i dostigli vozrasta 23 let, kotorye podlezhaz obespecheniyu zhilymi pomeshcheniyami, isklyuchenii detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, lic iz chisla detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej, iz spiska v sub»ekte Rossijskoj Federacii po prezhnemu mestu zhitel'stva i vklyuchenii ih v spisok v sub»ekte Rossijskoj Federacii po novomu mestu zhitel'stva» [Elektronnyj resurs] // Informacionno-pravovoj portal «Garant» (дата обрaщения: 30.06.2021).

[10] Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Komi № 251 ot 17 maya 2021 g. «Ob organizacii soprovozhdeniya lic iz chisla detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popecheniya roditelej v Respublike Komi» // Vedomosti normativnyh aktov organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Komi. - 2021. - № 7. - St. 148.

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-217-220

ПОЛОВНИКОВА Анастасия Владимировна,
кандидат педагогических наук, профессор кафедры
методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ,
e-mail: PolovnikovaAV@MGPU.RU

ЗВОНАРЕВА Наталия Алексеевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры
методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ,
e-mail: ZvonarevaNA@MGPU.RU

ЛАПИНА Вера Алексеевна,
«Романовская школа» г. Москвы,
учитель истории и обществознания,
e-mail: lapinava@mgpu.ru

КАМНЕВА Александра Сергеевна,
ЧУ СОШ «Олимп-плюс» учитель обществознания,
e-mail: lapinava@mgpu.ru

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ УЧАСТИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ КОНКУРСЕ «УЧИТЕЛЬ БУДУЩЕГО. СТУДЕНТЫ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема подготовки студентов к конкурсам педагогического мастерства, их роль и место в системе профессиональной подготовки учителя. Обосновывается значимость подобных конкурсов в профессиональном становлении будущего специалиста на примере участия студентов ИГиУ МГПУ в первом всероссийском конкурсе «Учитель будущего. Студенты». В статье анализируются особенности организации процесса подготовки конкурсантов и достигнутые ими результаты.

Ключевые слова: конкурс педагогического мастерства, профессиональная позиция студента, инновационные технологии, способы организации обучения, потенциал, мотивация, компетенции.

POLOVNIKOVA Anastasia Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of
Methods of Teaching History, Social Studies and Law
of the Moscow State Pedagogical University

ZVONAREVA Natalia Alekseevna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of
Methods of Teaching History, Social Studies and Law
of the Moscow State Pedagogical University

LAPINA Vera Alekseevna,
“Romanov school” of Moscow,
teacher of history and social studies

KAMNEVA Alexandra Sergeevna,
“Olymp-plus” social studies teacher

EXPERIENCE OF PREPARATION AND ANALYSIS OF THE RESULTS OF PARTICIPATION OF STUDENTS-TEACHERS IN THE ALL-RUSSIAN COMPETITION “TEACHER OF THE FUTURE. STUDENTS”

Annotation. *The article deals with the problem of preparation for competitions of pedagogical skills, their role and place in the system of professional training of teachers. The significance of such competitions in the professional development of a future specialist is substantiated by the example of the participation of students of IPIU MPSU in the first All-Russian competition "Teacher of the Future. Students". The article analyzes the features of the process of preparing contestants and summarizing the results of the competition.*

Key words: *the competition of pedagogical skills, the professional position of the student, innovative technologies, the way of organizing training, potential, motivation, competencies.*

В современных условиях система образования в России находится в стадии трансформации, вызванной необходимостью давать адекватные ответы на вызовы меняющегося мира: цифровизацию, глобализацию, пандемию [1, с. 39]. Эти процессы затрагивают и сферу педагогического образования.

Сложные и динамичные процессы модернизации, происходящие в системе высшего педагогического образования России, направлены на подготовку специалиста с четко выраженной профессиональной позицией, готового легко адаптироваться на рынке труда, быстро приспосабливающегося к стремительно обновляющимся условиям осуществления педагогической деятельности [2, с. 41]. Добиться требуемых результатов можно, используя возможности как учебной, так и внеучебной деятельности студентов, в числе которой значительное место занимают конкурсы профессионального мастерства. На данном этапе сложилась практика широкого участия в уже зарекомендовавших себя конкурсах, но появляются новые, свидетельствующие о том, что это направление формирования профессиональных компетенций востребовано и приносит ощутимые результаты, как для студентов педагогических вузов, так и для педагогического коллектива, правильно организовавшего подготовку к конкурсу и использовавшего потенциал конкурсных заданий в практике преподавания дисциплин профессионального цикла.

В последние годы появилось достаточно большое количество различных профессиональных конкурсов, которые преследуют цель выявления и поддержания талантливой молодежи, повышения мотивации студентов к осуществлению самостоятельной профессиональной деятельности, развитию необходимых для успешной работы умений и навыков. Среди них выделяются такие как «World skills», «Я - профессионал». Особенно стоит отметить «универсальность» этих конкурсов: в них участвуют будущие парикмахеры и юристы, мастера ресторанного бизнеса и представители туристической отрасли. Свое место в этих конкурсах нашли и будущие педагоги. Условия проведения и критерии оценивания в данных конкурсах достаточно разработаны и позволяют проводить необходимую подготовку с обучающимися

для успешного прохождения всех этапов конкурса. Однако можно зафиксировать и появление «профильных» конкурсов. К таким конкурсам относится Всероссийский конкурс «Учитель будущего. Студенты» - это «конкурс по развитию и поддержке перспективных обучающихся (студентов) по педагогическим и иным программам высшего образования, которые планируют связать свою профессиональную деятельность с образовательными организациями, обладающих высоким уровнем предметных знаний, ключевых психолого-педагогических компетенций и надпрофессиональных навыков»¹.

В 2021 г. студенческий трек конкурса проводился впервые и был создан на базе ранее проводимого конкурса «Учитель будущего». Для участия в конкурсе необходимо было быть студентом бакалавриата/ специалитета (не младше 3 курса) или магистратуры очной, очно-заочной и заочной форм обучения. Тем самым конкурс, заявленный как «профильный», не предполагал никаких ограничений для участников по возрасту и направлению обучения, что позволило всем желающим попробовать свои силы в сфере образования.

Конкурс «Учитель будущего. Студенты» сочетает форматы индивидуальной и командной работы. На начальном этапе участники дистанционно проходят онлайн-тестирование, состоящее из нескольких блоков, выполняемых в разное время: общекультурный, предметный и блок на функциональную грамотность. Успешное прохождение тестирования позволяет участвовать в региональном полуфинале - первом очном этапе, который проводится по регионам. На протяжении трехдневного полуфинала появляются сложности восприятия конкурса как индивидуального, т.к. все задания необходимо выполнять в командах. В разные конкурсные дни необходимо выполнить в среднем 2-3 задания, зачастую в разных командах. Соответственно, на данном этапе важно не терять свою индивидуальность, но при этом показать умения работать в команде, лидерские качества, умение адаптироваться и готовность к компромиссам. Лучшие участники каждого регионального полуфинала приглашаются на финал, где также необходимо выполнять командные задания. В финале так же, как и на полуфинале,

¹ URL: <https://studtrek.ru/>

за работой каждой команды наблюдают эксперты, оценивающие участников в процессе выполнения заданий. Однако не стоит забывать, что при работе в команде оценивается каждый отдельный участник – работа коллективная, оценка индивидуальная.

Конкурсные испытания охватывают разные сферы педагогической деятельности: решение педагогических кейсов и анализ ситуаций, создание образовательного проекта, решение проблем образовательной организации, разработка сценариев занятий/мероприятий, порой предполагающих их проведение.

Участие в данном конкурсе даёт студентам не только возможности для взаимодействия с коллегами из разных регионов, но и позволяет попробовать себя в новом формате, выявить свои сильные и слабые стороны в различных видах педагогической деятельности. В рамках конкурса у участников есть уникальная возможность применить свои знания и умения на практике при решении конкурсных заданий, а также испытать на себе новые командные форматы работы, которые могут быть адаптированы для работы в классе.

Конкурс выступает некой призмой, через которую участник пропускает свои умения и навыки, эта призма позволяет увидеть себя со стороны, проанализировать и выявить перспективные направления развития, как профессионального, так и личностного.

На первый взгляд опыт участия в данном конкурсе показал, что заранее подготовиться к нему нельзя, потому что отсутствует единственно правильный путь решения или верный ответ, многое зависит и от каждого участника, и от проявления индивидуальности каждого в работе группы, от восприятия предъявленных выступлений судьями. Однако совершенно очевидно, что свободное владение базовыми педагогическими знаниями значительно упростит участие, т.к. позволит наравне взаимодействовать в команде со студентами-педагогами и верно трактовать задание. Пожалуй, именно данному аспекту подготовки следует отвести особое внимание. Помимо профессиональных умений, важны еще и мягкие навыки: такие как лидерство, эмоциональный интеллект, навыки эффективной коммуникации, креативность и новаторство, целеустремленность, взаимоуважение и толерантность, тайм-менеджмент, адаптивность и др. Данные психологические аспекты готовности к участию в конкурсе так же требуют серьезного анализа. Диагностика и тренинговые занятия на этапе подготовки позволили бы существенно укрепить позиции будущих конкурсантов. От педагогов-наставников в данном случае требуется выстраивание индивидуальной

и групповой траектории подготовки участников, включающие проработку сложных (вызвавших затруднение большинства конкурсантов) заданий, пояснение критериев оценки судей, предложения эффективных стратегий в подходе к реализации возможных решений. В данной работе заложен значительный потенциал индивидуального становления и роста будущих участников конкурса. При очевидном стремлении к победе, в процессе подготовки актуализируется потребность студентов выйти за рамки обыденного восприятия теории, часто оторванной от практики и осознать необходимость методической подготовки как в традиционном, так и в инновационном формате.

Еще один важный вывод, который можно сделать, заключается в том, что опыт участия в различных конкурсах, профессиональный и опыт педагогического взаимодействия, опыт решения организационно-управленческих задач могут помочь в развитии личности, и непосредственно в участии в конкурсе, а постсопровождение победителей и отличившихся участников позволит развиваться им в новых направлениях. Именно дальнейшее сопровождение победителей часто исключается из системы подготовки будущих участников, а в этот момент, когда живы воспоминания обо всех особенностях, успехах и просчетах, недопониманиях в ходе конкурсной программы, целесообразно выделить время и провести групповую и индивидуальную рефлексию возникших затруднений. На этом этапе возможно активное педагогическое моделирование дальнейших стратегий поведения как в конкурсе, так и в профессиональной деятельности в целом. И как логическое завершение подготовительных мероприятий инкорпорация конкурсных заданий в программу учебных занятий или создание и проведение мастер-классов по заявленным проблемам, выявленным в ходе обсуждений.

Одним из важных аспектов, на котором хотелось бы остановиться в завершении анализа, – это то, что информацию о критериях оценивания стоило предоставить заранее участникам конкурса – это во многом способствует более осознанному участию, позволяет четче формировать определенные компетенции в процессе подготовки к испытаниям и позволяет самому конкурсанту понять свои дефициты и наметить пути их устранения. В целом, каким бы ни был результат для каждого из участников, его нужно уметь принимать. Все же цель данного конкурса не столько в победе, сколько в саморазвитии, а любому учителю известно, что работа над ошибками – это один из ключевых компонентов роста и успеха. Ошибки и поражения, переживаемые в рамках конкурсных ситуаций, позволяют быть готовыми к

ним в реальной деятельности, будут побуждать стараться предотвращать или более рационально их прорабатывать. Это будет полезно не только педагогу, но и любому человеку в его личной и профессиональной сфере.

В итоге, следует остановиться на следующем важном результате подготовки к любому конкурсу педагогического мастерства. Грамотная её организация влияет на профессиональное развитие не только студентов, но и преподавателей высшей школы - зачастую направляя на пересмотр используемых методов и средств обучения. А также дает возможность презентовать деятельность всего коллектива вуза в лице качественно подготовленных конкурсантов. Для самих студентов участие в конкурсах - это важный этап вступления в профессиональную педагогическую деятельность, способствующий развитию креативности и критического мышления, коммуникативных навыков и способов коллаборации, опыта самопрезентации.

Список литературы:

[1] Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Система источников образовательного права Российской Федерации // Право и образование. - 2017. - № 10. - С. 39 - 45.

[2] Корчагина Т.В. Российское законодательство об образовании: этапы развития // Российское и международное право: общее и особенное: материалы Всеросс. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского. - М., 2019. - С. 39 - 42.

Spisok literatury:

[1] Zvonarev A.V., Ladnushkina N.M., Pashencev D.A. Sistema istochnikov obrazovatel'nogo prava Rossijskoj Federacii // Pravo i obrazovanie. - 2017. - № 10. - S. 39 - 45.

[2] Korchagina T.V. Rossijskoe zakonodatel'stvo ob obrazovanii: etapy razvitiya // Rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo: obshchee i osobennoe: materialy Vseross. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo. - M., 2019. - S. 39 - 42.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-221-229

СЕМИНА Татьяна Васильевна,
 доктор социологических наук,
 начальник юридического отдела
 ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева» Минздрава России,
 заведующая кафедрой «Медицинского права, социологии и философии»
 Института подготовки кадров высшей квалификации и
 профессионального образования
 ФГБУ «НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева» Минздрава России,
 старший научный сотрудник кафедры современной социологии
 социологического факультета
 Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
 e-mail: stv.semينا1911@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН МЕДИЦИНСКОЙ БИОЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРАВОВЫХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается междисциплинарный характер философской и правовой медицины, вопросы биоэтики о допустимости, обоснованности и условиях биомедицинских исследований на человеке. Права человека и правовое регулирование в биомедицине. Раскрывается проблема оптимального баланса правовых и моральных регуляторов во время пандемии и его развития. Защищая права человека малых групп общества, нельзя подвергать опасности жизнь и здоровье большинства индивидов общества, разрыв органического единства между их представлениями о правах человека и его обязанностях. Приводится анализ актуальных направлений развития цифрового здравоохранения, трансформация ценности здоровья в обществе, фармацевтизация, биомедицинализация и др. Вмешательство в человеческий организм, знание о нем предполагает не только биологическое знание, но и регулируются нормами права и требуют междисциплинарного подхода для развития правовой стратегии как узлового элемента процесса осмысления происходящего и прогнозирования будущего.

Ключевые слова: биоэтика медицины, правовое регулирование, клинические испытания, биобезопасность, междисциплинарность, права человека, пандемия.

SEMINA Tat'yana Vasil'evna,
 Doctor of Sociological Sciences,
 Head of the Legal Department of the Bakoulev National Medical Research Center
 for Cardiovascular Surgery,
 Ministry of Health of the Russian Federation,
 Head of the Department of Medical Law, Sociology and Philosophy
 of the Institute for Training Highly Qualified Personnel and Professional Education
 of the Bakoulev National Medical Research Center
 for Cardiovascular Surgery, Ministry of Health of the Russian Federation,
 Senior Researcher, Department of Contemporary Sociology,
 Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University

SOCIAL PHENOMENON OF MEDICAL BIOETHICS IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY LEGAL STRATEGIES

Annotation. The article examines the interdisciplinary nature of philosophical and legal medicine, issues of bioethics about the admissibility, validity and conditions of biomedical research on humans. Human rights and legal regulation in biomedicine. The problem of the optimal balance of legal and moral regulators during a pandemic and its development is revealed. By defending the human rights of small groups of society, it is impossible to endanger the life and health of the majority of individuals in society, the rupture of the organic unity between their ideas about human rights

and his duties. An analysis of the current trends in the development of digital health care, the transformation of the value of health in society, pharmaceuticalization, biomedicalization, etc. is given. Intervention in the human body, knowledge about it involves not only biological knowledge, but is also regulated by the norms of law and requires an interdisciplinary approach for the development of a legal strategy as a key element the process of understanding what is happening and predicting the future.

Key words: *bioethics of medicine, legal regulation, clinical trials, biosafety, interdisciplinarity, human rights, pandemic.*

Современная **медицина** представляет собой целый комплекс научных дисциплин, которые являются теоретической базой для медицинской практики. **Философия медицины** — в ее соотношении с другими видами и способами изучения **медицины** — есть высшая форма познания **медицины**, постижения и утверждения ее сущности, содержания, смысла, ценности и значения в жизни людей. **Биоэтика**, как научная дисциплина, реализует междисциплинарный подход, в ней используются методы и институты философии, социологии, религиоведения, юриспруденции, биологии, и множества ряда других медицинских и немедицинских дисциплин. **Биоэтика** — это междисциплинарный *социальный институт*, который возник как ответ на сложнейшие антропологические и этические проблемы, порождаемые бурным прогрессом биомедицинской науки и практики [6].

Для биоэтики, изначально существующей в парадигме защиты прав индивида перед лицом агрессивной технократической цивилизации, в последнее время характерна смена парадигмы. Ученые-биоэтики сейчас более склонны говорить об «этике ответственности», нежели чем об «этике прав личности» [3, с. 329].

В Российской Федерации современная биомедицина и биомедицинские технологии, получая активное развитие, все больше проблем ставят перед отечественной юридической наукой. Если раньше она развивалась как одно из отраслевых направлений, не влияя значительным образом на общественную жизнь, довольствуясь стандартными средствами правового обеспечения, как правило, закрепляемыми в общем законе о здравоохранении, то в настоящее время биомедицина все более агрессивно «наступает» на устоявшиеся правовые институты. При столь быстром развитии новой науки правовое регулирование находится в зачаточном состоянии [8].

Современная этика и многочисленные законы о правах человека запрещают эксперименты на живых людях, без их согласия. В России ч. 2 ст. 21 Конституции РФ содержится прямой запрет на проведение медицинских опытов над человеком без его согласия. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство

обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам [1].

Проблема оптимального баланса правовых и моральных регуляторов в последнее время становится все более актуальной в части правовых отношений, находящихся на рубеже современных научно-технологических процессов [5; 20].

В Российской Федерации отсутствует конституционное закрепление принципов биоэтики, но отдельные положения содержатся в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Так, в частности, Законом запрещается эвтаназия (ст. 45), регламентируется трансплантация (ст. 47), применение вспомогательных репродуктивных технологий (ст. 55) и др. [2].

В юридической литературе также ряд авторов предлагает свое понимание биоэтики. Так, д-р юрид. наук Н.Е. Крылова рассматривает биоэтику как совокупность правил поведения, которые регулируют отношения: между отдельным индивидуумом и субъектом биомедицинской деятельности; между несколькими субъектами биомедицинской деятельности; между государством и одним или несколькими субъектами биомедицинской деятельности по поводу применения современных биомедицинских технологий в различных сферах: трансплантологии, генетике [13, с. 9].

Междисциплинарный характер социальной и философской медицины, это изучение **социальных**, этических, правовых факторов, а также факторов окружающей среды, влияющих на здоровье и заболеваемость. Наиболее эффективные способы и средства преодоления болезней, повышения уровня **общественного** здоровья [4, с. 127]. **Социология медицины**, став самостоятельной в блоке **общественно-гуманитарных** и естественных наук, сохранила тесную связь с такими науками как классическая **медицина**, **социальная** гигиена, **медицинская** генетика, **медицинская** статистика, эпидемиология, демография.

Одним из центральных вопросов биоэтики является вопрос о допустимости, обоснованности и условиях биомедицинских исследований на человеке. Очевидным является тот факт, что медицина как наука и практическая деятельность,

направленная на поддержание и восстановление здоровья человека, не могла бы существовать без научных, лабораторных и других специальных исследований, а также без эксперимента на человеке [24]. Медицинское знание обширно и чрезвычайно неоднородно, отсюда возникает задача теоретического синтеза медицинских представлений и определение предмета теоретизации. **Медицина** является специфической естественно-гуманитарной отраслью теоретического **знания** в работе клинических **знаний**, которые сформированы ею в конкретные представления, абстрактные понятия, новые гипотезы, соотношение биофизиологического и социокультурного плана в человеке. Внедрение новых технологий в медицину и фармацию изменило традиционное понимание жизни и смерти, это породило проблему прав не рожденных детей на жизнь, поддержание жизни с помощью искусственных аппаратов жизнедеятельности, клонирование и др. Вспышка новой коронавирусной инфекции, вышедшая за пределы государств и континентов, изменила представление о медицине, а также стала более значима в условиях **пандемии** для определения направлений оказания медицинской помощи. Меры по борьбе с пандемией COVID-19 в разных странах глубоко изменили возможность участия и проведения клинических испытаний. Пандемия COVID-19 создала уникальные проблемы для сообщества клинических испытаний, как в плане быстрого проведения испытаний препаратов, так и вакцин против COVID-19. В ответ на угрозы моральному и физическому благополучию человека, порождаемые бурными и внезапными изменениями в жизни общества встало много нерешенных правовых вопросов. Недовольство государственной политикой по борьбе с коронавирусом присутствует в мировом сообществе, ограничения, вакцинация и вполне вероятно, что в обществе формируется правовой нигилизм.

Регуляторный потенциал биоэтики для минимизации рисков и необратимых последствий медиализации человека в условиях пандемии связан с обоснованием нового соотношения благ коллективного здоровья.

Согласно ст. 17 п. 3 Конституции РФ «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [1].

Как любая сфера научного знания, право в медицине динамично реагирует на происходящие изменения социальной реальности, ее структуры, социальных институтов. Вследствие этого влияния происходит расширение исследовательского поля медицинского права. Среди актуальных направлений исследования можно назвать особенности развития цифрового здравоохранения,

новые практики в отношении здоровья среди населения, трансформация ценности здоровья в обществе, фармацевтизация, биомедицинализация и др. Их изучение вызывает необходимость разработки новых подходов для осмысления происходящего и прогнозирования будущего [14].

В качестве философской основы теории медицины следует рассматривать концепцию природы человека, которая базируется на современном диалектико-материалистическом решении психофизиологической проблемы и которая включает в качестве логического ядра положение о социально-биологическом единстве человека. Гносеологические истоки медицинского познания заключаются в конкретно-научной теории человека, объясняющая его здоровье и болезнь как целостного существа, психосоматические закономерности жизнедеятельности человека в болезненном состоянии являются предметом изучения медицинской науки.

Связь **философии** и **медицины** есть совокупность четырех главных философских проблем – психофизиологической, онтологической, гносеологической, аксеолого-праксеологической. Аксиологический аспект медицинской деятельности подразумевает ценностное регулирование в медицинской практике, основные подходы к изучению морально-ценностных ориентиров **медицины** с точки зрения их структуры и содержания. Современная медицина опирается на философско-моральные учения Гиппократов, Галена, Цицерона, Канта о нравственном долге и деонтологии, профессиональном долге врача перед больным человеком.

Своими корнями психосоматическая проблематика уходит вглубь истории взаимоотношений философии, психологии и медицины. Причем медицина долгое время ориентировалась больше на *соматоцентристский* подход. В ней недооценивалось значение психического фактора как в нормальной, так и особенно в патологической жизнедеятельности человека.

Зигмунд Фрейд – австрийский психолог, невролог и психиатр, обращаясь к студентам, резонно заметил: «Медицинские науки приучили нас постоянно во всех явлениях болезни искать причины в их грубо анатомических изменениях в организме, объяснять их химическими или физическими причинами и подходить к ним биологически, но как раз области душевной жизни, в которой находит свое завершение деятельность нашего удивительно сложного организма, вам совершенно не приходилось касаться» [23].

Психофизиологическая проблема в основном рассматривает вопрос об отношении между физиологической и психической стороной отражения, о переходе нейродинамики к субъективным

процессам по лечению больных людей. Психобиологическая проблема по самому своему существу объединяет и онтологический, и гносеологический аспекты: подвергая анализу две формы реальности — материальную и идеальную, она рассматривает взаимоотношение между ними.

Врач в современном обществе оказался в пространстве между правом и моралью. Сложность анализа такой ситуации заключается уже в том, что **врач** в нынешних условиях **экономически заинтересован** в рациональном расходовании лекарственных средств, в росте объема медицинских услуг, т.к. его доход прямо зависит от стоимости оказанных услуг или от их количества. **Материальная заинтересованность у современного** врача трансформирует в личности соблюдение исторически сложившихся принципов **этики и деонтологии**. Медицинское право отстает в развитии, в части управления, регулирования и контроля финансовыми, трудовыми и **материальными** ресурсами. **Так как мотивация труда** сопровождается целым комплексом, как единого целого и умения определять взаимосвязь ее отдельных элементов и определяет взаимоотношения врачебного сообщества и населения.

Аксиология является учением о природе и взаимосвязи человеческих ценностей. Рассматривая медицину как разновидность социальной деятельности, которая реализуется во взаимоотношениях врача и пациента, необходимо определить особенности ее аксиологических составляющих - ценностей деятельности врача и ценностей пациента. В зарубежной литературе представлены классические модели взаимоотношений врач—пациент Т. Парсонса, Т. Шаца и М. Холлендера, С. Блюма. По сравнению с моделью Т. Парсонса в моделях Т. Шаца и М. Холлендера характеристика отношений врач—пациент представлена в зависимости от заболеваемости пациента, с учетом роли последнего. В модели взаимоотношений врач—пациент С. Блюма акцент делается на влиянии социального окружения (семья, класс, национальность, религия) [10].

Однако наибольшее распространение получили модели Е. Эсмануэль, Л. Эсмануэль и американского философа Р. Витча. Главным отличием друг от друга моделей, представленных Е. Эсмануэль и Л. Эсмануэль, является понимание концепции автономии больного. Концепция автономии заключается в том, что больной имеет возможность выбора метода лечения на основе детального рассмотрения с врачом всех альтернативных вариантов и определения оптимального решения по лечению [27].

В разных культурах и в разных обществах отношения между врачом и пациентом складываются и понимаются по-разному. Американский

биоэтик Роберт Витч выделяет четыре модели взаимоотношения врач-пациент, характерную для современной культуры: инженерную, пастырскую (патерналистскую), коллегиальную и контрактную [7].

1-ю модель Роберт Витч выделяет - модель инженерная. Взаимоотношения врача и пациента изменились в связи с прогрессом медицины в целом. Эта модель рассматривается как исследовательская, которая используется врачом при проведении исследований биохимических, биофизических, рентгенологических и др. В связи с этим, не представляется возможным четко сформулировать руководящие принципы и этические нормы взаимоотношений.

2-я патерналистская модель по Роберту Витчу, рассматривается как межличностные отношения, проявление к больному милосердия, заботы, благодеяния. Данная модель была отражена в клятве Гиппократова. Патерналистская модель господствовала в христианской европейской культуре на протяжении многих столетий. В данное время патернализм в условиях изменившегося мира развития **телемедицины**, использования современных технологий и средств телекоммуникаций для дистанционного предоставления врачебных и консультационных услуг, постепенно уходит в прошлое.

3-я модель коллегиальная взаимоотношений между врачом и пациентом. Здесь господствует принцип равноправия. Врач сообщает правдивую информацию о диагнозе, методах лечения, возможных осложнениях и последствиях заболевания. Пациент участвует в обсуждении этой информации. Здесь реализуется право пациента на свободу выбора.

4-я модель контрактная, которую выделяет Роберт Витч, это взаимодействие врача и пациента осуществляются на принципах общественного договора. Каждая сторона в таком договоре несёт свои обязательства, и каждая достигает своей выгоды. Контрактная модель призвана защитить моральные ценности личности, однако в структуре оказания медицинской помощи населению занимает незначительное место [7].

Роберт Витч в области философии медицины исследовал роль ценностных суждений и выступил как радикальный критик гиппократовской патерналистской традиции в медицинской этике, опираясь на позиции теории общественного договора и деонтологической этики Канта. Витч разработал контрактную теорию медицинской этики, согласно которой пациент трактуется как равноправный партнер врачей при принятии наиболее важных решений, касающихся своего здоровья.

Патерналистское решение, опирающееся на профессионализм врача по принципу «доктор лучше знает то, что является благом для пациента» в ситуации отказа от какого-либо медицинского вмешательства ставит две проблемы: во-первых, проблему моральной оправданности такого решения; во-вторых, атрибуции этого решения как подлинно патерналистского [11].

И.В. Силуянова выделяет так же четыре модели взаимоотношений врача и пациента, по ее мнению, вместо патернализма стали разрабатываться и внедряться новые модели взаимоотношений врача и пациента, такие как «совещательная», «информационная», «техническая», «контрактная» [21]. Разработка этих моделей активно осуществлялась в США. В границах новых моделей четко разграничиваются объективные факты и пожелания больного. При этом меняется роль «отца» на консультанта или компетентного эксперта-профессионала. Именно XXI в. станет временем, когда будет решаться судьба этических оснований медицины, изменение фундаментального типа взаимоотношений между врачом и пациентом, которое известно в медицине под названием «патернализм». Патерналистская модель отношения «врач-пациент» состоит в том, что врач как отец, заботящийся о своем ребенке, сострадает больному, берет на себя ответственность за принимаемые решения о лечении. Но в последние годы в медицинском сообществе стали набирать силу антипатерналистские тенденции. Все чаще стали появляться суждения о «крахе патернализма» [21].

Безусловно, суждения не беспочвенны о крахе патернализма взаимоотношений врача и пациента, т.к. превалирует в современном обществе информационные технологии, стремительно развивается цифровизация и роботизация в сфере здравоохранения. **Искусственный интеллект обезличивает взаимоотношения в медицине, и в рамках новой модели пациент взаимодействует с автоматизированными медицинскими агентами и системами, а не с врачом.**

Применение современных информационных и телекоммуникационных технологий позволяет обеспечить новые формы дистанционного взаимодействия между консультируемым врачом и консультантом, что так же требует решения правовых вопросов по защите врачебной тайны.

Пандемия COVID-19 стала мощным стимулом для развития как в мире, так и в России применения телекоммуникационных и информационных технологий для оказания удаленных медицинских услуг. Смартфоны и носимые устройства, интернет, развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий — всё это помогает полу-

чать и анализировать колоссальное количество данных о здоровье человека.

Следует также согласиться с зарубежными учеными С. Поттер (S. Potter) и Дж. МакКинлей (J. McKinlay), что отношения между врачом и пациентом в начале XXI в. наиболее точно характеризуются метафорой, согласно которой пациенты становятся клиентами, а врачи — поставщиками медицинских услуг. Можно только догадываться о том, насколько серьезные трансформации в системе здравоохранения, произошедшие за последние десятилетия, повлияли на отношения между врачом и пациентом [28].

За последние несколько десятилетий стремительно развиваются технологии интернет, облачные вычисления и сотни других изобретений меняют каждый аспект нашей жизни. Формируют новую личность, приобретенную человеком в ходе социализации, развивающегося информационного пространства, что в последние годы принято называть инфосоциализацией. В связи с развитием необходимо правовое обеспечение безопасности информации, при котором доступ к ней осуществляют только субъекты доступа, имеющие на него право.

Развитие нанотехнологий и наномедицины сегодня стремительно развиваются, достижения научно-технического прогресса, а особенно генетика человека - одна из наиболее бурно развивающихся областей научного знания, безусловно, открыли новые перспективы в развитии биологии и медицины и лечение человека. Создание новых биомедицинских технологий имело целью коррекцию тех или иных болезненных состояний человеческого организма, восстановление его нарушенных функций и излечение неизлечимых болезней. Но возможность распоряжаться жизненными процессами не должны привести к злоупотреблениям.

Проблема социальной справедливости, защита прав испытуемых при проведении медицинских исследований. **Медицинская биоэтика** охватывает круг моральных проблем, возникающих в процессе социальных отношений.

Медицинская наука станет ещё точнее, её оснащение приумножится, но рядом с ней, как и сегодня будет стоять, сохранит своё место в медицине врач классического типа – тот, чьим призванием останется человеческое общение с пациентом. И, как прежде, он будет утешать страдальцев, и ободрять павших духом. Появятся новые чудеса. И появится новая ответственность. Медики всех стран будут, как и сегодня, связаны единой врачебной моралью. Завтра, как и сегодня, человек в медицинском халате будет спасать жизнь страждущему, кто бы он ни был – друг или недруг, правый или виноватый. И жизнь врача

останется такой же, как и сегодня, - трудной, тревожной, героической и возвышенной [17].

С точки зрения Н.Б. Тетенкова, гносеология - это пока субъект познания, не воспринимает свое состояние как ненормальное, как отклонение от нормы, т.е. не интерпретирует свое состояние как патологию, эти два понятия в его сознании невозможно разграничить. При этом, на уровне индивидуума, врачи осознают болезнь пациента только после того, как сам пациент обратил на нее внимание. Следовательно, истинная «совокупность» живой, воплощенной социальной патологии скрывается позитивным проектом постмодерна в современном обществе. Возможно, именно поэтому до сих пор патология в социуме рассматривается постмодернистским субъектом познания просто как разновидность бытия, «как действительно другой образ жизни» [22].

Специфичность процесса познания врача заключается в том, что объектом его познания является человек с его нормальной и патологической жизнедеятельностью. Поэтому наиболее важным способом, применяемым врачом для достижения поставленной цели, является клиническое мышление. **Клиническое мышление** – это профессиональное, творческое решение вопросов диагностики, лечения и определения прогноза болезни у данного **больного** на основе знания, опыта и врачебной интуиции.

Клиническое мышление – это содержательно специфицированный процесс диалектического мышления, придающий целостность и законченность медицинскому знанию [24].

В процессе познания врачом используются множество философских суждений и понятий, которые дают возможность структурировать ему свое клиническое мышление. Прагматизм клинического мышления обеспечивает врачу рациональность и эффективность его основного предназначения-врачевания. Последнее, по мнению одного из наиболее ярких и успешных отечественных клиницистов XX в. В.Х. Василенко, следует понимать «действия конкретных представителей медицины (врачей), направленные на ликвидацию и/или ослабление пагубных для здоровья процессов». По мнению другого выдающегося клинициста недавнего прошлого А.Ф. Билибина, «врачевание как феномен, в котором знание, опыт, философия сливаются в особое искусство. Такой феномен позволяет осмыслить то, что происходит с человеком». «Таким образом, - заключает в своей монографии о клиническом мышлении блистательный клиницист И.А. Кассирский, - во врачевании переплетаются элементы науки, эмпирики и искусства» [25].

Сегодня клиническая медицинская наука не соответствует требованиям эпистемологического

идеала, сложившегося на основе математики и математизированных областей естествознания. Однако из этого совсем не следует, что этот идеал вообще чужд данной науке. «Если рассматривать дисциплины... в исторической перспективе, — справедливо указывает А.И. Ракитов, - то можно заметить, что они, хотя и неравномерно, движутся в сторону эпистемологического идеала» [19].

XXI в. преподнес ряд ожидаемых экспертным сообществом сюрпризов как для цивилизации в целом, так и для биоэтики и медицинского права: новые генетические, информационные **технологии сделали за короткое время большой скачок вперед, из области фундаментальной науки они быстро переключались в науку прикладную, чьи результаты не заставили себя долго ждать в виде перспективных технологий, продуктов для человека, от генотерапевтических лекарственных препаратов и средств диагностики заболеваний до генно-инженерно-модифицированных организмов и биороботов** [16].

Вследствие массивного вторжения в **медицину** новых технологий обнаружилось огромное количество факторов, которые вызывают дискуссии ученых о комплексном подходе, который предполагает творческое сочетание медицинских, биологических, философских, этических и правовых аспектов.

В своем единстве факторы репродуцируют масштабные трансформационные сдвиги при познании объективной действительности, анализе социальных связей и их регуляторов, в т.ч. и права [12].

Если раньше считалось, что цели защиты жизни и здоровья пациента оправдывают его превращение в пассивного получателя блага, объекта манипуляций, то сегодня медицинское обслуживание направлено на обеспечение благополучия пациента и подчинено таким основополагающим ценностям цивилизованного общества, как уважение автономии индивида, его самоопределения [18].

Современная реальность подтверждает факт, что в существующих технологиях цивилизация не может обеспечить нормальный уровень жизни и актуальнейшей задачей становится разработка стратегии выживания человека, взаимоотношения окружающей среды и общества. Изучение клинических испытаний на людях исключительно актуальное значение приобретает в ситуации развития любой эпидемии. Но при этом требует междисциплинарного подхода в различных направлениях, в т.ч. и правовых.

Эпидемия коронавируса нарушила привычный образ жизни миллиардов людей по всей планете. Всего за несколько месяцев мир изменился

до неузнаваемости, т.к. пандемия вышла за пределы и охватила масштабы практически всех стран, носит глобальный характер и затронула практически каждого человека.

Общество столкнулось с потерей и ощущением смысла существования, что в корне может изменить человеческие отношения, происходит трансформация личности, в т.ч. и врача, **кардинальное ее изменение, изменение мировоззрения, отношения к себе и окружающим.**

Правовая и социальная культура отдельных индивидов к обществу, заключающееся в неготовности исполнять законы, по мере роста осознания того, что эпидемия коронавируса может угрожать жизни и здоровью человека во всем мире. Сознание данных индивидов выражается в отрицательном или равнодушном отношении к ограничительным мерам борьбы с распространением коронавирусной инфекции. В современном демократическом правовом государстве право доминирует над властью, это обеспечивается путем осуществления контроля со стороны общества.

В современных условиях биобезопасность не может обеспечиваться без учета сложных связей, зависимостей: технологических, социальных и иных. Биобезопасность становится важнейшим направлением биополитики в стране, требует тонкой настройки, развития этико-правовых основ медицинской деятельности [15].

В современном мире развитие биоэтики обусловливается процессом направления биоэтических исследований, связанных с практикой биомедицинских экспериментов на людях. В современном обществе вакцинопрофилактика стала предметом массовой полемики. Проблемы деформации личности в условиях пандемии коронавируса, и правового нигилизма объективным отсутствием разработок в таком ракурсе обуславливают социологов проводить исследования в данном направлении.

Защищая права человека малых групп общества, нельзя подвергать опасности жизнь и здоровье большинства индивидов общества. Имеет место ценностная дезориентация людей, разрыв органического единства между их представлениями о правах человека и его обязанностях. Основная причина, как представляется, в ценностной дезинтеграции, отсутствии четкого понимания взаимоотношений личности и государства, что способствует распространению правового нигилизма, ведущего к уклонению граждан от выполнения установленных ограничений, нарушению режима самоизоляции [9].

Социальная ценность социологических исследований сопряжена с потребностью глубокого осмысления последствий в социуме развития личности и выработки иммунитета «как меха-

низма его защиты от вредоносных воздействий внешней и внутренней среды во время эпидемии». Снижение инновационных рисков социокультурной травматизации в российском обществе. Необходимо выявить фактор-риски, возникающие в результате социокультурной травматизации общества, связанной с угрозой коронавируса и влияющих негативно на личность.

Закключение. Современная реальность подтверждает факт, что в существующих технологиях цивилизация не может обеспечить нормальный уровень жизни и актуальнейшей задачей становится разработка стратегии выживания человека, согласованной со стратегией развития природы. Биоэтика, которая занимается человеком и оптимизацией социальных и природных условий, может способствовать вопросам биоэтики, являться вопросом о допустимости, обоснованности и условиях биомедицинских исследований на человеке. Социальная институционализация биоэтики, фиксирующая потребность в этической и научной экспертизе биомедицинских исследований, в целом направлена на защиту прав человека. Методология междисциплинарного подхода должна базироваться на традиционных общенаучных методах, опирающихся на право. Несомненно, что взгляды ученых нуждаются в рассмотрении, т.к. до сих пор не сложилось единого теоретического направления в биоэтике, а также правовых и этических вопросов, и их изучение может оказать значительную помощь в ее развитии.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.05.2021).

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.05.2021).

[3] Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: Материалы 2-й Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 26 марта 2004 г. / под общ. ред. С.Г. Стеценко. – М.: Юрист, 2004. – 374 с.

[4] Беляков А.В. Международно-правовые проблемы обеспечения здравоохранения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 182 с.

[5] Беляков А.В. Опыт Европейского Союза в области регулирования здравоохранения. – М.: Юстицинформ, 2015. – 272 с.

- [6] Введение в биоэтику: учеб. пособие / общ. ред.: Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко. – М.: Прогресс–Традиция, 1998. – 384 с.
- [7] Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. - 1994. - № 3. – С. 25–34.
- [8] Воронина И.А., Савошкова Е.В., Саблин Д.А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 9. – С. 67–70.
- [9] Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2020. - № 5 (120). – С. 50–53.
- [10] Ефименко С.А. Социология пациента: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Волгоград: ВолгГМУ, 2007. – С. 49.
- [11] Жукова Е.А., Мещерякова Т.В. Философско-методологические аспекты биоэтической проблематики автономии пациента // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). - 2012. - № 2 (117). – С. 209.
- [12] Ирхин И.В. Будущие поколения человечества в системе конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 1. – С. 41–45.
- [13] Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 9.
- [14] Лядова А.В. Особенности становления социологии медицины как междисциплинарного научного направления. Социология медицины // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. - 2019. - Т. 25. - № 1. – С. 42–61.
- [15] Мохов А.А., Сергеев Ю.Д. Биоэтика - нетрадиционный источник медицинского права // Медицинское право. - 2007. - № 2. – С. 3–9.
- [16] Мохов А.А., Яворский А.Н. Этика высоких технологий: проблемы формирования и перспективы развития // Юрист. - 2020. - № 12. – С. 2–8.
- [17] Петровский Б.В. Героизм, драматизм и оптимизм медицины. – М.: Ньюдиамед, 2001. – С. 57.
- [18] Покуленко Т.А. Принцип информированного согласия: вызов патернализму // Вопросы философии. - 1994. - № 3. – С. 73–76.
- [19] Ракитов А.И. Историческое познание. – М.: Политиздат, 1982. – С. 130.
- [20] Рыжов В.Б. Направления сотрудничества стран-участников Европейского Союза в правовом поле криминальной трансплантологии // Современное право. - 2017. - № 9. – С. 125–129.
- [21] Силуянова И.В. Избранные. О призвании врача. – М.: Форма Т, 2008. – 256 с.
- [22] Тетенков Н.Б. Норма и патология как гносеологические категории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. - 2020. - Т. 9. - № 3А. – С. 36–43.
- [23] Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. – М.: Гос. изд-во, 1922. - Т. 1. – 252 с.
- [24] Царегородцев Г.И., Ерохин В.Г. Диалектический материализм и теоретические основы медицины. – М.: Медицина, 1986. – 288 с.
- [25] Шлычков А.В. Клиническое мышление и врачевание // Международный журнал экспериментального образования. - 2010. - № 7. – С. 143–144.
- [26] Юдин Б.Г. Антропологические основания биомедицинских исследований // Биоэтика. - 2009. - № 1 (3). – С. 3–13.
- [27] Emanuel L.J., Emanuel L.J. Four models of the physician-patient relationship // JAMA. - 1992. - Vol. 276. - № 16. – P. 2221–2226.
- [28] Heritage J., Maynard D.W. After 30 Years, Problems and Prospects in the Study of Doctor-Patient Interaction // Handbook of the Sociology of Health, Illness and Healing / eds.: B.A. Pescosolido, J.K. Martin, J.D. McLeod, A. Rogers. Ch. 17. – NY., 2011. – P. 323–343.

Spisok literatury:

- [1] Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 12.05.2021).
- [2] Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashcheniya: 12.05.2021).
- [3] Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya medicinskoj deyatel'nosti: Materialy 2-j Vseross. nauch.-prakt. konf., Moskva, 26 marta 2004 g. / pod obshch. red. S.G. Stecenko. – М.: Yurist, 2004. – 374 s.
- [4] Belyakov A.V. Mezhdunarodno-pravovye problemy obespecheniya zdavoohraneniya: dis. ... kand. jurid. nauk. – М., 2009. – 182 s.
- [5] Belyakov A.V. Opyt Evropejskogo Soyuzа v oblasti regulirovaniya zdavoohraneniya. – М.: Yusticinform, 2015. – 272 s.

- [6] Vvedenie v bioetiku: ucheb. posobie / obshch. red.: B.G. Yudin, P.D. Tishchenko. – M.: Progress–Tradiciya, 1998. – 384 s.
- [7] Vitch R. Modeli moral'noj mediciny v epohu revolyucionnyh izmenenij // Voprosy filosofii. – 1994. – № 3. – S. 25–34.
- [8] Voronina I.A., Savoshchikova E.V., Sablin D.A. Integraciya biomediciny i bioetiki v pravovoe prostranstvo kak osnova ohrany i zashchity prav grazhdan na zdorov'e i medicinskuyu pomoshch' // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2018. – № 9. – S. 67–70.
- [9] Voroncov S.A. O sootnoshenii prav i svobod cheloveka s urovnem bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstva v period pandemii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2020. – № 5 (120). – S. 50–53.
- [10] Efimenko S.A. Sociologiya pacienta: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. – Volgograd: Volg-GMU, 2007. – S. 49.
- [11] Zhukova E.A., Meshcheryakova T.V. Filozofsko-metodologicheskie aspekty bioeticheskoy problematiki avtonomii pacienta // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). – 2012. – № 2 (117). – S. 209.
- [12] Irhin I.V. Budushchie pokoleniya chelovechestva v sisteme konstitucionno-pravovogo regulirovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2021. – № 1. – S. 41–45.
- [13] Krylova N.E. Ugolovnoe pravo i bioetika (ugolovno-pravovyye problemy primeneniya sovremennyh biomedicinskih tekhnologij): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2006. – S. 9.
- [14] Lyadova A.V. Osobennosti stanovleniya sociologii mediciny kak mezhdisciplinarnogo nauchnogo napravleniya. Sociologiya mediciny // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. – 2019. – T. 25. – № 1. – S. 42–61.
- [15] Mohov A.A., Sergeev Yu.D. Bioetika - netradicionnyj istochnik medicinskogo prava // Medicinskoe pravo. – 2007. – № 2. – S. 3–9.
- [16] Mohov A.A., Yavorskij A.N. Etika vysokih tekhnologij: problemy formirovaniya i perspektivy razvitiya // Yurist. – 2020. – № 12. – S. 2–8.
- [17] Petrovskij B.V. Geroizm, dramatism i optimizm mediciny. – M.: N'yudiamed, 2001. – S. 57.
- [18] Pokulenko T.A. Princip informirovannogo soglasiya: vyzov paternalizmu // Voprosy filosofii. – 1994. – № 3. – S. 73–76.
- [19] Rakitov A.I. Istoricheskoe poznanie. – M.: Politizdat, 1982. – S. 130.
- [20] Ryzhov V.B. Napravleniya sotrudnichestva stran-uchastnikov Evropejskogo Soyuzha v protivodejstvii kriminal'noj transplantologii // Sovremennoe pravo. – 2017. – № 9. – S. 125–129.
- [21] Siluyanova I.V. Izbrannyye. O prizvanii vracha. – M.: Forma T, 2008. – 256 s.
- [22] Tetenkov N.B. Norma i patologiya kak gno-seologicheskie kategorii // Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke. – 2020. – T. 9. – № 3A. – S. 36–43.
- [23] Frejd Z. Lekcii po vvedeniyu v psihoanaliz. – M.: Gos. izd-vo, 1922. – T. 1. – 252 s.
- [24] Caregorodcev G.I., Erohin V.G. Dialekticheskij materializm i teoreticheskie osnovy mediciny. – M.: Medicina, 1986. – 288 s.
- [25] Shlychkov A.V. Klinicheskoe myshlenie i vrachevanie // Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. – 2010. – № 7. – S. 143–144.
- [26] Yudin B.G. Antropologicheskie osnovaniya biomedicinskih issledovanij // Bioetika. – 2009. – № 1 (3). – S. 3–13.
- [27] Emanuel E.J., Emanuel L.J. Four models of the physician-patient relationship // JAMA. – 1992. – Vol. 276. – № 16. – P. 2221–2226.
- [28] Heritage J., Maynard D.W. After 30 Years, Problems and Prospects in the Study of Doctor-Patient Interaction // Handbook of the Sociology of Health, Illness and Healing / eds.: B.A. Pescosolido, J.K. Martin, J.D. McLeod, A. Rogers. Ch. 17. – NY., 2011. – P. 323–343.

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ГРУДЦЫНА Л.Ю.,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и
гражданского процесса Северо-Западного института
(филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕРНЯВСКИЙ А.Г.,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного (государственного)
и международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ПРИРОДЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье изложен взгляд авторов на неоднозначность, а порой и противоположный взгляд ученых на место интеллектуальной собственности как в системе российского, так и международного права. Авторы дают оценку, что до сих пор оправданность применения этого термина и отношение к нему в отечественной юридической науке до сих пор остаются предметом споров специалистов-правоведов. Авторы проводят анализ различных определений понятия «интеллектуальная собственность» и приходят к выводу, что акцент в них делается в большей степени на юридическую трактовку интеллектуальной собственности, т.е., что она выступает в них как категория права. Так же авторы утверждают, что при рассмотрении механизма правовой защиты прав интеллектуальной собственности невозможно обойти вопрос о соотношении понятий «правовая охрана», «правовая защита», «обеспечение» и «гарантирование». Как показывает анализ научной литературы, указанные термины получили различное толкование, их до сих пор не удается вывести за рамки дискуссий, в русло устойчивости и ясности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовая защита, собирательное понятие, исключительные права, категория права, нормативный акт.

GRUDTSINA L. Yu.,

doctor of law, professor, professor,
Department of Civil Law and North-West Institute Civil Process (branches)
of O.E. Kutafin University (IGSA)

CHERNYAVSKY A. G.,

doctor of Law, professor, professor,
Department of Constitutional (State) and International Law,
Military University, Ministry of Defence of the Russian Federation

ON THE ESSENCE AND NATURE OF INTELLECTUAL PROPERTY

Annotation. The article sets out the authors' view of ambiguity, and sometimes the opposite view of scientists, on the place of intellectual property in both the system of Russian and international law. The authors assess that the justification for the use of this term and its attitude in domestic legal science still remain the subject of disputes among legal experts. The authors analyse the various definitions of intellectual property and conclude that they focus more on the legal interpretation of intellectual property, that is, that it acts as a category of law in them. Also authors claim that by consideration of the mechanism of legal protection of intellectual property rights it is impossible to bypass a question of a ratio of the concepts «legal protection», «legal protection», «providing» and «guaranteeing». As the analysis of the scientific literature shows, these terms have received different interpretations, they still cannot be taken beyond the discussion, into the channel of sustainability and clarity.

Key words: intellectual property, legal protection, collective concept, exclusive rights, category of law, normative act.

Вопрос о сущности и природе интеллектуальной собственности остается дискуссионным и поныне, несмотря на его относительную теоретическую разработанность в отечественной и зарубежной науке. Законодательное оформление прав на результаты интеллектуальной деятельности породило множество проблем, связанных с выявлением природы интеллектуальной собственности, выделением ее основных категорий и определением ее места в системе общественных отношений [1].

В современной науке существует множество определений интеллектуальной собственности. Приведем некоторые из них.

Собственность – обладание исключительными правами, определяющими владение, исключение и ограничение доступа, передачи, контроля и ответственности за то, чем владеешь. Данные отношения возникают по поводу интеллектуальной собственности, однако их реализация характеризуется определенной спецификой, она связана, прежде всего, с тем, что объекты интеллектуальной собственности в большинстве случаев не передаются, а лишь отдаются. Таким образом, они не просто меняют владельцев, как в случае материальных благ, а увеличивают их число [2].

Интеллектуальная собственность – это охраняемый законом продукт чьего-нибудь умственного труда.

Интеллектуальная собственность представляет собой установленное юридическими законами право некоторых лиц на результаты интеллектуальной деятельности этих же или иных лиц [3].

Интеллектуальная собственность в широком смысле – это отношения между людьми по поводу интеллектуального продукта и защита созданной информации и духовного мира человека, в узком смысле – под интеллектуальной собственностью будем понимать право на продукты интеллектуального труда и свободную общественную деятельность человека [4].

Интеллектуальная собственность устанавливает абсолютное право, дающее возможность субъекту (обладателю права) вводить объект в хозяйственный оборот [5].

Некоторые ученые утверждают, что интеллектуальная собственность – собирательное понятие, применяемое для обозначения прав:

- на результаты интеллектуальной (творческой) деятельности в области литературы, искусства, науки и техники, а также в других областях творчества;
- средства индивидуализации участников гражданского оборота товаров и услуг;
- защиту от недобросовестной конкуренции [6].

Анализ перечисленных выше определений интеллектуальной собственности показывает, что акцент в них в большей степени делается на юридическую трактовку интеллектуальной собственности, т.е. она выступает как категория права.

Несмотря на то что понятие «интеллектуальная собственность» в настоящее время широко используется в нормативных актах, отношение к нему в отечественной юридической науке неоднозначно; даже сама оправданность применения этого термина до сих пор остается предметом споров специалистов-правоведов.

Само сочетание слов «интеллектуальная» и «собственность» содержит противоречие, т.к. объединяет нечто духовное из мира идей и образов с категорией, характеризующей отношения по поводу материального объекта. Из-за неоднозначности этот термин и среди ученых-правоведов трактуется по-разному.

Чаще всего интеллектуальную собственность рассматривают как правовой институт, обеспечивающий охрану и использование нематериальных благ. Существует несколько концепций, основанных на данном постулате.

1. Исследователи, относящие объекты интеллектуальной собственности к нематериальным благам, тем не менее, предлагают для характеристики права интеллектуальной собственности применять юридическую модель классических вещных прав. Они адаптируют под интеллектуальную собственность триаду правомочий:

- владение – фактическое господство над благом, знание субъектом тех идей и решений, которые представляют собой новшество;
- пользование – извлечение полезных свойств из вещи или объекта интеллектуальной собственности;
- распоряжение – право собственника определять судьбу вещи, разрешать третьим лицам использование объекта интеллектуальной собственности в форме либо уступки своего права, либо предоставления лицензии [7].

Однако права на результаты творческой деятельности не могут быть точно описаны с помощью модели вещных прав, поскольку эти права носят исключительный характер, а не вещный. С точки зрения данной модели объекты права собственности обязательно должны иметь материальную форму и не могут представлять собой образы, решения, идеи [8].

2. Некоторые ученые в своей интерпретации интеллектуальной собственности используют философию римского права. Право Древнего Рима подразделяло все вещи на телесные и бестелесные. К бестелесным относились всевозможные права – вещные, обязательственные,

семейные, наследственные и т.д. По мнению древнеримских юристов, все вещи (и телесные, и бестелесные) характеризовались определенным набором свойств, в т.ч. правовых, нетелесных. Эти общие свойства подразумевали некое сходство правомочий собственников телесных и нетелесных вещей и, как следствие, позволяли применять в отношении нетелесной собственности те же по форме правомочия, которые составляли содержание собственности на телесные вещи. С расширением понятия вещной собственности стало возможным рассматривать объекты интеллектуальной собственности как бестелесное имущество.

Схожую логику демонстрировало английское право, которое было склонно предельно широко трактовать понятие собственности. В него включали не только материальные вещи, но и исключительные права (в т.ч. на результаты интеллектуального труда), особенно если они были отчуждаемыми. Различение осязаемого и неосязаемого имущества в англосаксонском праве напоминает разделение на телесные и бестелесные вещи, существовавшее в Древнем Риме.

3. Теория исключительных прав является еще одной концепцией, в рамках которой объекты интеллектуальной собственности причисляют к нематериальным благам. Понятие интеллектуальной собственности окончательно сформировалось лишь в XIX в., до этого для обозначения прав на результаты творческой деятельности использовалась другая категория – исключительные права.

Сторонники теории исключительных прав утверждали, что интеллектуальная собственность – лишь условный собирательный термин, который обозначает совокупность исключительных прав на интеллектуальные ценности [9]. Центральный элемент данной теории – исключительное право – выполняет для нематериальных объектов ту же функцию, что и право собственности для материальных [10]. Это абсолютное право на нематериальные блага, но оно опирается на механизмы, отличные от механизмов права собственности. Последнее носит позитивный характер, т.к. обеспечивает своему обладателю юридическую возможность господства над имуществом. Исключительное право, наоборот, имеет негативную направленность: его основу составляет устранение третьих лиц от использования соответствующих объектов. В целом рассматриваемая концепция не свободна от недостатков, и можно говорить, что теория исключительных прав недостаточно разработана и слишком противоречива. Во-первых, законодательство любой страны предусматривает множество случаев, в которых допускается нарушение исключительных прав (в целях

содействия культурному, научно-техническому прогрессу, решения социальных проблем). Эти многочисленные оговорки лишают исключительные права их «исключительности» и делают бессмысленным употребление термина. Во-вторых, широкое распространение понятия интеллектуальной собственности указывает на то, что оно удобнее в использовании, чем «исключительные права».

Заметим, что ни одна из приведенных выше концепций не дает удовлетворительного определения интеллектуальной собственности. В основном они лишь перефразируют исходное словосочетание, заменяя «интеллектуальный» на «бестелесный» или «нематериальный», «собственность» на «вещь» или «имущество». Проблему выявления правомочий собственников нетелесных благ каждая концепция решает по-разному. В первой концепции для характеристики этих благ предлагается использовать модель классических вещных прав, во второй – телесные и бестелесные вещи объединяются в одну категорию, в отношении которой применяется единый комплекс правомочий, третья – настаивает на том, что нужно заменить условный термин «интеллектуальная собственность» на более подходящее понятие «исключительные права». Сторонники этой концепции указывают на неправильность отождествления идей с объектами, что происходит при трактовке интеллектуальной собственности как нематериального блага.

Изложенное выше с очевидностью свидетельствует о том, что в науке отсутствует единое определение интеллектуальной собственности. Многообразие трактовок данного термина отчасти связано с особенностями становления института интеллектуальной собственности. Он формировался поэтапно, что предопределило наслаивание новых явлений на освященные временем категории, противоречивость понятия. Кроме того, на поиски адекватного определения интеллектуальной собственности оказывает влияние национальный фактор. Интеллектуальная собственность носит территориальный характер, и в каждом государстве данное словосочетание понимается по-своему. Национальный фактор усугубляет противоречия, заложенные в самом термине, и еще более усложняет задачу выработки единого определения.

Как отмечает В.Н. Барякин, рассмотрение интеллектуальной собственности как общественного института, развивающегося по мере развития общества, позволяет объяснить существование разных подходов к ее пониманию и наличие разной общественной практики в зависимости от исторического состояния общества [11].

Термин «интеллектуальная собственность» применяется в правовой доктрине большинства развитых стран и в международно-правовых соглашениях. Впервые этот термин появился в источниках международного права, а именно в Стокгольмской конвенции 1967 г., которой была учреждена Всемирная организация интеллектуальной собственности [12]. В данной Конвенции представлен перечень прав, образующих интеллектуальную собственность.

В их числе предусмотрены права, относящиеся:

- к литературным, художественным и научным произведениям;
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радиопередачам и телевизионным передачам;
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности;
- научным открытиям;
- промышленным образцам;
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям;
- защите против недобросовестной конкуренции;
- все другие права, относящиеся к интеллектуальной собственности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

Как видим, в этой Конвенции термин «интеллектуальная собственность» используется в собирательном смысле. Приведенный перечень носит примерный характер и может быть дополнен иными результатами интеллектуальной деятельности. Так, перечень указанных прав был дополнен правом на закрытую информацию Парижской конвенцией по охране промышленной собственности и Международной конвенцией по охране селекционных достижений, а также Международным соглашением по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность. Содержание закрытой информации в той или иной мере совпадает с тем, что можно назвать «секрет промысла» [13].

Таким образом, уже с момента возникновения в юриспруденции понятия интеллектуальной собственности ее основу составили авторское и патентное право, а также право на промышленные образцы, товарные знаки, фирменные наименования, «ноу-хау» и знаки обслуживания.

Из названных выше международно-правовых документов следует, что понятие интеллектуальной собственности изначально определялось через перечень прав на конкретные объекты, который в связи с развитием научно-технического

прогресса никогда не предлагалось считать исчерпывающим.

Конституция РФ под понятием интеллектуальная собственность объединяет права на результаты различных видов творчества, при этом гарантируя охрану прав на результаты литературного, научного, технического, художественного, а также других видов творчества [14]. Творчество не следует полностью отождествлять с понятием интеллектуальная деятельность. Оно является только частью (видом) интеллектуальной деятельности. Гражданское законодательство, определяя авторские права, дает их определение как интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства (исключительное право на произведение, право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование произведения) [15]. Данное понятие следует толковать в качестве исключительного права юридического лица либо гражданина на результаты интеллектуальной деятельности, включая приравненные к ним средства индивидуализации продукции, выполняемых работ и услуг.

Понятие интеллектуальной собственности вызывает многочисленные споры в российской науке, которые сводятся к следующим вопросам: соответствует ли данное понятие международным договорам, в которых участвует Российская Федерация, адекватно ли его применение к правовому режиму объектов, в отношении которых оно используется, место данного понятия в терминологии гражданского права и других отраслей, использующих его.

В научной литературе, мнений по данному вопросу имеется достаточно много. Например, И.А. Исупова отмечает, что результаты интеллектуальной деятельности понимаются в качестве определенных нематериальных результатов творческого труда; идеальных продуктов, которые выражены в объективной форме, а также произведений интеллектуального труда, представляющих собой информацию, которая зафиксирована на материальном носителе [16].

Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 55386-2012 «Интеллектуальная собственность. Термины и определения содержат следующее определение рассматриваемого понятия - совокупность прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальные права) [17].

Статья 1225 ГК РФ определяет интеллектуальную собственность как результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации [18]. Термин «интеллекту-

альная собственность» охватывает охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Согласно п. 4 ст. 129 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также на материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленном законодательством.

Интеллектуальная собственность – это собирательное понятие, применяемое для обозначения прав на результаты творческой деятельности в области литературы, искусства, науки и техники, и в других областях творчества, а также прав на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров или услуг. Право на интеллектуальную собственность дает право на защиту от недобросовестной конкуренции.

Торговый оборот результатов интеллектуальной деятельности подчиняется основным правилам рынка, хотя характер прав на интеллектуальную собственность, включая их охрану и реализацию, имеет ряд специфических особенностей. Следует отметить, что интеллектуальная собственность базируется именно на знаниях, представляющих собой совокупность закрепленных в мышлении и сознании объектов творческой действительности, относящихся к той или иной сфере. До того, как они будут закреплены на определенном носителе, такое знание неотделимо от человека [19].

Кроме того, накопленный опыт использования объектов интеллектуальной собственности и осуществления прав на них позволяет констатировать, что их перечень постоянно находится в движении, где отдельные результаты индивидуальной деятельности, утрачивая свою актуальность, исключаются из перечня охраняемых, а другие новые объекты пополняют его, вынуждая законодателя постоянно совершенствовать законодательство. Этот процесс логичный и закономерный. Например, в конце XX в. компьютерные программы получили правовую охрану как разновидность произведений, а не как объекты интеллектуальной деятельности.

В зависимости от гражданско-правового режима, объекты интеллектуальной собственности подразделяются на следующие виды:

- итоги интеллектуальной работы, на которые получен патент;
- инструменты индивидуализации фирмы, продукции или услуги;

- итоги творческой деятельности, на которые распространяется авторское право;

- «ноу-хау», на которые распространяется право о секрете производства;

- нематериальные объекты, на которые распространяется право на селекционные достижения;

- итоги творческой деятельности, на которые распространяется право на топологию интегральных микросхем;

- итоги научно-технической работы, в отношении которых действует право применения в системе единой технологии.

Процесс расширения перечня охраняемых результатов творческой, в т.ч. научно-исследовательской деятельности, сегодня находится в стадии постоянного активного развития.

Следовательно, основополагающим признаком права интеллектуальной собственности выступает именно конструкция исключительных прав.

Таким образом, интеллектуальная собственность представляет собой совокупность результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, полученных в результате творческой деятельности и выраженные в форме, установленной законодательством.

Интеллектуальная собственность не только представляет собой один из наиболее значимых правовых институтов, но и рождает довольно острую проблему современного общественного развития в связи с участвовавшими случаями незаконного использования охраняемых правом результатов интеллектуальной деятельности и других нарушений прав интеллектуальной собственности.

Наличие эффективной правовой охраны интеллектуальной собственности признано важным условием динамичного развития экономики любой страны, поскольку правильная государственная политика в этой области является стимулирующим фактором подъема творческой деятельности.

Во всех развитых странах мира законодательство об интеллектуальной собственности имеет комплексный характер, т.е. включает положения государственного, административного, финансового, трудового, процессуального и уголовного права. Такой же подход характерен для российского законодательства.

Анализ законодательства, регулирующего отношения в рассматриваемой сфере, позволяет сделать вывод, что для права интеллектуальной собственности характерен особый правовой режим. На наш взгляд, в данном случае цель объективного права – гарантировать исключительные права авторам и иным правообладателям, свести

к минимуму нарушения прав иными лицами, т.к. при отсутствии законодательных запретов и особого государственного механизма, предотвращающего такие нарушения, легко и просто воспользоваться результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации без согласия правообладателя в силу нематериальной природы объекта. Именно это обстоятельство обуславливает использование законодателем специфических приемов правового регулирования. Так, правообладатель по своему усмотрению может разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Но отсутствие запрета не считается согласием (разрешением). Другие лица не могут использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Как видим, к исключительному праву применен метод императивного регулирования: отсутствие прямого запрета на пользование результатом интеллектуальной деятельности не рассматривается как дозволение на такое использование третьими лицами.

Если понимать интеллектуальную собственность как комплексный правовой институт, правомерен вывод о том, что эффективное правовое воздействие на рассматриваемые общественные отношения возможно только в единстве и взаимодействии всех составляющих его норм различных отраслей права. Сами права, относимые к результатам интеллектуальной деятельности или способам индивидуализации товаропроизводителя либо товара, традиционно входят в структуру гражданского права. Именно этот подход нашел отражение в кодифицированном нормативном акте – четвертой части ГК РФ, одной из целей принятия которого было подтверждение гражданско-правового статуса институтов права интеллектуальной собственности, возможности распространения на регулирование интеллектуальной собственности норм общих институтов гражданского права о субъектах, сделках, исковой давности, представительствах, договорах, защите гражданских прав и т.п.

Следует отметить, что диспозитивность гражданского права хотя и является одним из основных принципов данной отрасли права, в то же время не абсолютна. Поэтому при кодификации законодательства оправдано максимальное объединение норм, регулирующих отношения интеллектуальной собственности, в рамках единого нормативного правового акта; при этом надо учитывать, что, например, нормы, регулирующие порядок выдачи патента, регистрации объектов

патентных прав, и ряд других норм относятся к публично-правовым, являются императивными и их наличие в ГК РФ оправдано лишь целями кодификации и не должно влиять на характеристику общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права.

При рассмотрении механизма правовой защиты прав интеллектуальной собственности невозможно обойти вопрос о соотношении понятий «правовая охрана», «правовая защита», «обеспечение» и «гарантирование». Как показывает анализ научной литературы, указанные термины получили различное толкование, их «до сих пор не удается вывести за рамки дискуссий, в русло устойчивости и ясности. Происходит смешение одного понятия с другими либо их противопоставление. Еще французский философ Р. Декарт говорил: «Употребляйте правильно слова, и вы избежите мир от половины недоразумений».

Список литературы:

- [1] Баранников Л.И., Чернявский А.Г. Оценка материальной и интеллектуальной собственности. – М., 2017. – С. 94.
- [2] Юрьева Т.В. Интеллектуальная сфера и предпринимательство. – М.: Анкил, 1994. – С. 5.
- [3] Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учеб. – М., Проспект, 2008. – С. 7.
- [4] Коляда Н.И. Интеллектуальная собственность: сущность и механизм реализации : дис. ... канд. эк. наук. – М., 1992. – С. 48.
- [5] Корчагин А.Д. Как защитить интеллектуальную собственность в России. – М.: ИНФРА-М., 1995. – С. 4.
- [6] Козырев А.Н. Оценка интеллектуальной собственности. – М.: Эксп. бюро, 1997. – С. 13.
- [7] Орехов А.М. Интеллектуальная собственность. Опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. – М., 2007. – С. 14.
- [8] Звекон В.П. Международное частное право. – М.: Юристъ, 2004. – С. 377.
- [9] Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Интеллектуальная собственность и исключительные права. URL: http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi/intellectualnaya_sobstvennost/ (17.08.2021).
- [10] Звекон В.П. Международное частное право. – М.: Юристъ, 2004. – С. 377.
- [11] Барякин В.Н. Истоки общественного прогресса: философское исследование интеллектуальной собственности. URL: <http://www.baryakin.ru/S23/S2335r03.htm>
- [12] Законодательство СССР по изобретательству. – М., 1983. – Т. 1. – С. 3–10.
- [13] Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. – М.: Исслед. центр частного права, 2003. – С. 212.

[14] Чернявский А.Г. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция (постатейный), нормативная литература. – М., 2020.

[15] Статья 1255 Гражданского кодекса Российской Федерации часть 4 от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ, в ред. от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ, вступ. в силу с 27.07.2020 г.

[16] Исупова Е.А. Понятие интеллектуальной собственности // Концепт. - 2019. - № 5.

[17] Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 55386-2012 «Интеллектуальная собственность. Термины и определения» // Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2012 г. № 2087-ст.

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ, в ред. от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ, вступ. в силу с 27.07.2020 г.

[19] Чернявский А.Г., Воронцова С.В. Защита интеллектуальной собственности: учеб. пособие. – М., 2021. - Сер. «Бакалавриат и специалитет». - С. 35.

Spisok literatury:

[1] Barannikov L.I., Chernyavskij A.G. Ocenka material'noj i intellektual'noj sobstvennosti. – М., 2017. - S. 94.

[2] Yur'eva T.V. Intellektual'naya sfera i predprinimatel'stvo. - М.: Ankil, 1994. - S. 5.

[3] Sudarikov S.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: ucheb. - М., Prospekt, 2008. - S. 7.

[4] Kolyada N.I. Intellektual'naya sobstvennost': sushchnost' i mekhanizm realizacii : dis. ... kand. ek. nauk. - М., 1992. - S. 48.

[5] Korchagin A.D. Kak zashchitit' intellektual'nuyu sobstvennost' v Rossii. - М.: INFRA-M., 1995. - S. 4.

[6] Kozyrev A.N. Ocenka intellektual'noj sobstvennosti. - М.: Eksp. byuro, 1997. - S. 13.

[7] Orekhov A.M. Intellektual'naya sobstvennost'. Opyt social'no-filosofskogo i social'no-teoreticheskogo issledovaniya. - М., 2007. - S. 14.

[8] Zvekov V.P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. - М.: Yurist", 2004. - S. 377.

[9] Bliznec I.A., Leont'ev K.B. Intellektual'naya sobstvennost' i isklyuchitel'nye prava. URL: http://www.copyright.ru/ru/library/stati_knigi/intellektualnaya_sobstvennost/ (17.08.2021).

[10] Zvekov V.P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. - М.: Yurist", 2004. - S. 377.

[11] Baryakin V.N. Istoki obshchestvennogo progressa: filosofskoe issledovanie intellektual'noj sobstvennosti. URL: <http://www.baryakin.ru/S23/S2335r03.htm>

[12] Zakonodatel'stvo SSSR po izobretatel'stvu. - М., 1983. - Т. 1. - S. 3–10.

[13] Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sb. st. - М.: Issled. centr chastnogo prava, 2003. - S. 212.

[14] Chernyavskij A.G. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii. Novaya redakciya (postatejnyj), normativnaya literatura. – М., 2020.

[15] Stat'ya 1255 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii chast' 4 ot 18.12. 2006 g. № 230-FZ, v red. ot 26.07.2019 g. № 230-FZ, vstup. v silu s 27.07.2020 g.

[16] Isupova E.A. Ponyatie intellektual'noj sobstvennosti // Koncept. - 2019. - № 5.

[17] Nacional'nyj standart RF GOST R 55386-2012 «Интеллектуальная собственность. Термины и определения» // Приказ Федераль'ного агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2012 г. № 2087-ст.

[18] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii chast' 4 ot 18.12. 2006 g. № 230-FZ, v red. ot 26.07.2019 g. № 230-FZ, vstup. v silu s 27.07.2020 g.

[19] Chernyavskij A.G., Voroncova S.V. Zashchita intellektual'noj sobstvennosti: ucheb. posobie. – М., 2021. - Ser. «Bakalavriat i specialitet». - S. 35.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕНТГЕНОСКОПИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЗРЫВОТЕХНИКОВ

Аннотация. Исследование проблемы в данной статье, заключается в повышении уровня профессиональных навыков специалистов-взрывотехников в процессе изучения технических средств рентгеноскопического контроля оптически непрозрачных сред, с использованием рентгенотелевизионного комплекса «ШМЕЛЬ-240ТВ». Изучение возможностей досмотровой рентгенотелевизионной техники и как следствие, применение полученных навыков в практической деятельности.

Ключевые слова: исследование, взрывотехническая подготовка, взрывоопасные предметы, взрывные устройства, взрывчатые вещества, идентификация, степень опасности.

KOVALEV Sergey Viktorovich,
Lecturer at the Department of Professional Training
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

THE USE OF TECHNICAL MEANS OF X-RAY INSPECTION IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF EXPLOSIVES SPECIALISTS

Annotation. The study of the problem in this article is to increase the level of professional skills of explosives specialists in the process of studying the technical means of X-ray inspection of optically opaque media, using the X-ray television complex "BUMBLEBEE-240TV". The study of the possibilities of inspection X-ray television equipment and, as a result, the application of the acquired skills in practice.

Key words: research, explosive engineering training, explosive objects, explosive devices, explosives, identification, degree of danger.

На современном этапе развития технических средств рентгеноскопического контроля оптически непрозрачных сред, материалов и изделий, необходимость в их применении в служебной деятельности специалистов взрывотехников имеет немаловажное значение, так как процесс рентгеноскопии позволяет осуществлять досмотр подозрительного предмета, не разрушая его оболочки, а также поиск закладок в помещении и оборудовании. Приобретение и закрепление навыков по распознаванию опасных веществ, предметов и взрывных устройств, слушателями в процессе обучения, позволяют им в полной мере реализовывать их при оперативном решении задач по обезвреживанию взрывных устройств [1].

По статистике наиболее часто применяемые взрывные устройства, это самодельные взрывные устройства (СВУ) изготовленные, как правило, с применением взрывчатых веществ, средств взрывания и поражающих элементов. Основным эле-

ментом любого СВУ, является исполнительное устройство или механизм. В качестве исполнительного устройства применяются механические и электромеханические замыкатели, часовые таймеры и переключатели электронного и электрического типа, источники питания. Взрывные устройства, взрывчатые вещества и боеприпасы могут размещаться в различных укрывающих средах, так называемый «камуфляж» (бытовые предметы, оборудование, приборы, транспортные средства и т.п.) не позволяющий получить четкое представление о внутреннем содержимом подозрительного объекта [2]. Применение мобильной рентгеноскопической техники в комплексе с другими специальными приборами идентификации подозрительных предметов в полной мере позволит получить необходимую информацию о конструктивных характеристиках в процессе реализации задач связанных с обезвреживанием взрывоопасных предметов.

Область применения и принцип работы рентгенотелевизионных комплексов.

Оборудование не разрушающего контроля позволяет экстренно осуществлять досмотр багажа и транспортных средств, подозрительных предметов с целью обнаружения оружия, взрывчатых веществ, наркотических средств, взрывных устройств.

Досмотр малогабаритных объектов: сувениров, входящей корреспонденции, посылок и бандеролей.

Поиск устройств съема информации в помещениях: стены, мебель, офисная техника, средства связи.

Положительными характеристиками современных моделей мобильных рентгенотелевизионных комплексов, таких как «ШМЕЛЬ-240ТВ», «КОЛИБРИ-150ТВ», «ИГЛА-150» и т.п., являются небольшие габариты и их мобильность, что позволяет за короткий промежуток времени осуществлять развертывание комплекса на месте проведения работ. Комплексы обладают достаточно высокой просвечивающей способностью укрывающих сред из материалов, имеющих высокую плотность, таких как пластик, алюминий, сталь, бетон и т.п.

В рентгенотелевизионных комплексах используется метод рентгеноскопии, который основан на получении информации об объекте путем просвечивания его рентгеновским излучением и преобразования теневого рентгеновского изображения в оптическое. Регистрация изображения объекта производится рентгенооптическим преобразователем и передается в блок управления и обработки изображения, где оно отображается на экране встроенного компьютера в течении 1-10с и может быть запомнено с последующей архивацией изображений до 100 000 кадров (в зависимости от модели), полученных в результате работы комплекса.

Функции обработки изображения позволяют осуществлять 5 кратное масштабирование объекта и выделенных зон, автоматическая плавная регулировка яркости и контраста обеспечивает получение качественных изображений, а также преобразование изображения в негатив, позитив, рельеф, псевдоокрашивание и стереоизображение.

Практический опыт показал, что применение рентгенотелевизионных комплексов взрывотехническими подразделениями при обследовании подозрительных предметов на наличие взрывчатых веществ, взрывного устройства и его компонентов, существенно облегчает работу по идентификации (распознавание) обследуемых объектов, что позволяет в кратчайшие сроки определить, какую опасность они представляют и принять решения по возможности их обезвреживанию или

деактивации отдельных элементов исполнительных устройств и механизмов [2].

Программа профессиональной подготовки сотрудников специальных подразделений предусматривает в процессе обучения, изучение технических средств поиска и обнаружения взрывоопасных предметов, досмотра и идентификации подозрительных объектов и взрывоопасных предметов. Одним из рассматриваемых вопросов данной тематики, является изучение и практическая работа с рентгенотелевизионным комплексом «ШМЕЛЬ-240ТВ», который входит в комплектацию технических средств взрывотехнического комплекса разминирования «Аракс».

Назначение, общее устройство и технические характеристики

Рентгенотелевизионный комплекс «ШМЕЛЬ-240ТВ» (далее – комплекс) предназначен для проведения рентгеноскопического контроля оптически непрозрачных сред, материалов, изделий с плотностью 1 до 9 г/см³. Комплекс обеспечивает обнаружение при расстоянии от рентгеновского аппарата до приемного устройства на расстоянии 1м различных объектов в укрывающих средах из таких материалов, как сталь от 16 мм до 25 мм, алюминий от 50 мм до 120 мм, пластик от 85 до 180 мм.

В зависимости от габаритов и размещения объектов за преградой, например, комплекс позволяет обнаружить при расстоянии от аппарата до приемного устройства 0,5м пистолет за преградой до 40 мм стали.

Автоматическая регулировка яркости видеотракта обеспечивает получение качественных изображений объектов в различных спектрах, что существенно влияет на процесс выявления потенциально опасных элементов взрывного устройства.

Блок управления и обработки изображения имеет встроенный компьютер, на котором установлено программное средство управления комплексом, а также средство обработки, архивирования изображений, полученных в результате работы комплекса.

Для удобства эксплуатации комплексом в состав блока управления введена специализированная клавиатура, позволяющая управлять работой комплекса без использования встроенного компьютера, что облегчает работу оператора в процессе обработки изображения. Функции обработки текущего файла изображения позволяют получать различные виды изображения объектов.

Функции:

- «Рельеф» - псевдообъемное (рельефное);
- «Сетка» – определение размеров фрагментов изображения;

- «Псевдоцвет – присваивает цвета различным уровням серого, делает изображение наглядным и информативным;
- «Линза» - кратное увеличение отдельных фрагментов объекта;
- «Негатив» - преобразование изображения в негатив.

Данный комплекс является сложным техническим устройством, для работы с ним необходимо не только знание технических характеристик прибора и его возможности, но и специфику работы, а также меры безопасности при обращении, так как прибор представляет опасность как источник тока высокого напряжения и одновременно с ним рентгеновского излучения.

Процесс подготовки слушателей для работы с рентгенотелевизионным комплексом, в основном должен носить практическую направленность, так как в основном работа специалиста заключается в изучение рентгеноскопических изображений и структуры различных объектов, полученных в процессе работы комплекса.

Практическое обучение должно быть в первую очередь направлено на тренировку зрительной памяти, так как визуальное восприятие объекта основывается на зрительном восприятии (распознавание) и запоминания образов различных объектов, спроецированных в виде картинки под разными углами проекции.

Организацию практической работы со слушателями кроме информационных занятий необходимо осуществлять по средствам практических тренингов и итогового тестирования.

Информационные занятия носят ознакомительный характер и представляют собой презентации с фотографиями и рентгеноскопическими изображениями различных по своей природе объектов, таких как отдельные бытовые предметы, основные опасные вещества, средства взрывания, оружие и боеприпасы, а также наиболее часто встречаемые компоненты самодельных взрывных устройств и их элементов.

Практический тренинг позволяет слушателям самостоятельно отрабатывать навыки по выявлению потенциально опасных предметов, имеющие специфические особенности по средствам рентгеноскопических изображений объектов.

Практический тренинг представляет собой обучающую компьютерную программу в виде тестирования, где слушатели самостоятельно могут повысить, свой уровень компетенций. Задача, которая ставится перед слушателями в процессе тестирования состоит в том, что в течении неограниченного количества времени необходимо по двадцати меняющимися рентгеноскопическим изображениям, среди разнообразных предметов, помещенных в внутри объектов (тара, сумка, кейс, дорожный чемодан, бытовые пред-

меты и т.п.) с возможностью изменения функции изображения, выявить предметы и устройства представляющие, по их мнению, собой опасность. В процессе тестирования, если слушателем правильно выбран потенциально опасный объект, то программа предусматривает выделение области его размещения и увеличением на рентгеновском изображении с подтверждением правильности ответа. Если в течении времени не будет обозначен или неправильно выбран опасный объект, то программа дает возможность повтора или переходит к следующему изображению с последующим рассмотрением ошибок.

Итоговое тестирование осуществляется по средствам компьютерной программы аналогичной практическому тренингу, но с функцией, когда слушателю отводится ограниченное количество времени (15 сек.), за которое необходимо выявит потенциально опасные объекты.

Если в течении времени (15 сек.), не будет обозначен или неправильно выбран опасный объект, то программа переходит к следующему изображению.

По окончании тестирования выставляется оценка уровня подготовленности слушателя с учетом правильных ответов.

Итоговое тестирование позволяет не только определить уровень компетенций слушателей, но и определить пути совершенствования личных умений и навыков в процессе служебной деятельности, освоение современных технологий, а также повышения образовательного уровня.

Список литературы:

[1] Кирюшин И.И., Тимофеев В.В., Иванов И.П. Дистанционная подготовка сотрудников полиции к применению технических средств контроля и досмотра при проведении международных спортивных мероприятий // *Полицейская деятельность*. – 2018. – № 4. – С. 32 - 39.

[2] Комов А.А., Циба Н.Б. Интерпретация теневых изображений получаемых на рентгено-телевизионных установках при досмотре ручной клади и багажа: учеб. пособ. - Домодедово: ВИПК МВД России, 2015.

Spisok literatury:

[1] Kiryushin I.I., Timofeev V.V., Ivanov I.P. Distantcionnaya podgotovka sotrudnikov policii k primeneniyu tekhnicheskikh sredstv kontrolya i dosmotra pri provedenii mezhdunarodnyh sportivnyh meropriyatij // *Policejskaya deyatel'nost'*. – 2018. – № 4. – S. 32 - 39.

[2] Komov A.A., Ciba N.B. Interpretaciya tenevyh izobrazhenij poluchaemyh na rentgeno-telvizionnyh ustanovkah pri dosmotre ruchnoj kladi i bagazha: ucheb. posob. - Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2015.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-240-244

УДК 37.013.77

ББК 74.3

БРАЖЕНСКАЯ Наталья Евгеньевна,

доцент кафедры психологии и педагогики

Дальневосточного юридического института МВД России,

кандидат педагогических наук, доцент,

e-mail: netbr@yandex.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович

старший преподаватель кафедры организации

правоохранительной деятельности

Северо-Кавказского института повышения квалификации

сотрудников МВД (филиал) Краснодарского университета

МВД России, майор полиции,

e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

РАЗВИТИЕ ХАРИЗМЫ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. Формирование положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел является актуальным направлением деятельности полиции. Харизма позволяет повысить как эффективность полицейской деятельности, так и ее имидж. Целью исследования было изучение современных исследований, посвященных харизме и предлагаемые авторами пути ее развития. Также проведено исследование шестидесяти сотрудников полиции с использованием опросника MLQ «Многофакторный опросник лидерства», тематического апперцептивного теста (ТАТ) и авторской анкеты. Установлено, что харизма не является врожденным качеством личности, а может развиваться на протяжении жизни. При этом сотрудники полиции осознают важность наличия у себя данного качества и готовы получать информацию по ее развитию.

Ключевые слова: харизма, сотрудник полиции, формирование лидерских качеств, лидер, лидерство, личность.

BRAZHENSKAYA Nataliya Evgenievna,

Department of the Far East Interior Institute of Russia,

associate professor of the Psychology and Pedagogy,

the candidate of pedagogical Sciences,

associate professor,

OSMANOV Mukhammad Martinovich,

Senior Lecturer of the Department of Law Enforcement Organization

of the North Caucasus Institute for Advanced Training of the Ministry

of Internal Affairs (branch) of the Krasnodar University of the Ministry

of Internal Affairs of Russia,

Police Major

THE DEVELOPMENT OF CHARISMA AMONG POLICE OFFICERS

Annotation. The formation of a positive image of law enforcement officers is a topical area of police activity. Charisma increases both the effectiveness of policing and the police image. The purpose of the study was to study modern research data on charisma and the ways in which the authors proposed its development. Sixty police officers were also examined with the help of the MLQ questionnaire "Multifactor Leadership Questionnaire," a thematic apperceptive test (TAT) and an author's questionnaire. It has been established that charisma is not an innate quality of personality, but can develop throughout life. At the same time, police officers are aware of the importance of having this quality and are ready to get information on its development.

Key words: charisma, police officer, formation of leadership qualities, leader, leadership, personality.

Уже десятилетие мы наблюдаем переход от негативного образа милиции к выстроенному положительному имиджу правоохранительных органов, в основе которого лежит умение строить диалог с разными категориями граждан, способность увлечь собеседника важной информацией, убедительность. Изменения в сознании граждан, трансформация ценностных установок требует от современного сотрудника полиции наличия новых личностных качеств, одним из которых является харизма.

Она выполняет большую роль в установлении эффективных межличностных отношений. Харизматичность обычно ассоциируется с личной привлекательностью, способностью человека завоевывать расположение окружающих без особых усилий. Многие исследования утверждают, что харизматичные люди внушают больше доверия, вызывают преданность и более высокие результаты у своих последователей. Именно это требуется и от сотрудника полиции.

Дословно с греческого языка «харизма» переводится как «дар богов». Макс Вебер, немецкий социолог отмечал: «Харизмой называется необычное качество личности, благодаря которому ее оценивают как одаренную сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [1].

Распространённое мнение о врожденности харизмы в современной науке вызывает споры и существует ряд способов, помогающих развить в себе это качество. Одна из позиций советует для этого действовать мужественно, не стремиться нравиться кому-то, верить в свою победу, уметь включать режим «доминирования» в зависимости от обстоятельств [9]. При этом невозможно быть харизматичным всегда и для всех людей [5], но можно научиться привлекать большую аудиторию и быть более убедительным. Джефф Хейден выделяет 10 важных качеств харизматичных личностей, которые можно постараться развить у себя. Так, чтобы быть более харизматичным, стоит больше слушать, а не говорить, не демонстрировать свою значимость, правильно подбирать слова и не обсуждать чужие провалы [6].

Руководители с низким уровнем харизмы слабы в стратегии, но не испытывают проблем с тактикой. Лидеры с высокой харизмой хорошо разбираются в стратегии, но испытывают слабость в тактике и в деталях. А вот лидеры с умеренной харизмой, как правило, демонстрируют оптимальное сочетание навыков, как для стратегических, так и для тактических аспектов работы.

Харизма – это способность человека притягивать к себе других людей, привлекать к себе внимание. Существует легенда: когда Моисей

начал водить людей по пустыне, Господь наделил его харизмой и обратно ее с земли не забрал. Это всего лишь легенда, но из нее следует, что харизмой обладает каждый человек.

Харизматичный человек должен обладать пятью основополагающими качествами и характеристиками.

1. Идея. У него должна быть какая-то идея. При этом не обязательно нестандартная.

2. Реализация. Харизматичный человек воплощает свои идеи в жизнь.

3. Стабильность. Тот, кто имеет харизматичные идеи, не только действует в соответствии с ними, но и не изменяет им. Придерживается одной точки зрения по важным для себя вопросам, и люди знают, чего от него ожидать. Он всегда ведет себя определенным образом и зачастую, создав единожды имидж, не изменяет его всю жизнь.

4. Вера в идею.

5. Влияние. Харизматичный человек влияет на других людей и меняет их. В связи с этим нужно сказать о харизме и лидерстве. Эти два понятия часто путают. Лидер – это человек, который меняет поведение других людей для достижения целей группы. И лидерство – не черта характера, а модель поведения. А харизматичный человек меняет других людей, даже без их согласия.

Оливия Фокс Кабейн автор книги «The Charisma Myth: How Anyone Can Master the Art and Science of Personal Magnetism» не только оспаривает мысль о врожденности харизмы, но и доказывает, что это навык, который можно развить [4], как, например, умение конструктивно реагировать на критику. По ее мнению, любой человек может стать харизматиком — разумеется, если захочет.

Кабейн убеждена: в случае врожденности харизмы люди бы могли оказывать влияние на окружающих без остановки, независимо от контекста ситуаций [4]. Классический пример: как-то Мэрилин Монро поспорила, что сможет незамеченной пройти по вокзалу в разгар дня — и выиграла спор. Никто не обращал на нее внимания, пока она, по словам очевидцев, не «взбила локоны, расправила плечи, пошла своей знаменитой походкой и улыбнулась» — и люди сразу же ее узнали.

Если бы харизма была неотъемлемым качеством, никто не смог бы так легко ее использовать в случае необходимости.

Можно предсказать исход переговоров с точностью до 87%, анализируя только мимику, жесты и позу собеседников и не слыша слов. Мы не можем полностью контролировать свое невербальное поведение, но оно отражает наше внутреннее, ментальное состояние, которое мы контролировать можем и даже должны — особенно если хотим произвести впечатление на собесед-

ника. Неуверенность в своих силах, неудовлетворенность от сравнения себя с другими, самоедство и прочие дискомфортные состояния напрямую влияют на психологический настрой, а значит, и на посылаемые нами невербальные сигналы, и на восприятие нас окружающими.

Получается замкнутый круг: мысли вызывают определенные эмоции; любые эмоции имеют телесное проявление; физические ощущения в свою очередь могут привести на ту или иную мысль. Но отсюда следует, что к своим тревогам, внутренним препятствиям, комплексам можно подступиться как со стороны разума, так и со стороны тела или эмоций и что, совладав с чем-то одним, можно осилить и другое. Проще начать с невербальных сигналов. Например, для того чтобы почувствовать себя увереннее, иногда достаточно расправить плечи, поднять подбородок и ослабить узел галстука — уровень гормонов стресса начнет снижаться, и вы действительно почувствуете себя в своей тарелке. Легче всего мозг понимает, затем верит, а с наибольшими энергозатратами перестает верить. Поэтому, если тело посылает мозгу сигналы, что все хорошо, мозг склонен ему поверить и «перенастроиться». Когда человек держится уверенно, у него появляется больше настоящей уверенности в себе — и наоборот.

Сотрудник полиции является представителем власти, в профессиональные обязанности которого входит как требования о прекращении противоправных действий, так и взаимодействие с гражданами с целью проверки документов. Все эти действия требуют наличия у сотрудников полиции харизмы, которая вызывает желание сотрудничать, слушать его рекомендации.

Целью проведенного исследования было определение уровня показателей харизмы у сотрудников отделов внутренних дел.

В исследовании приняли участие 60 сотрудников органов внутренних дел в возрасте от 30 до 45 лет, имеющие стаж службы пять и более лет и проходящие повышение квалификации на базе Дальневосточного юридического института МВД России. В реализации исследования был применен системный подход, который предполагает, что харизма рассматривается как сложное многоуровневое образование. Она включает в себя следующие компоненты: поведенческий, когнитивный, аффективный, мотивационный.

Поведенческий компонент харизмы связан с активной деятельностью, напористостью, отсутствием страха принятия решений, умением действовать энергично и ответственно в любых ситуациях.

Когнитивный компонент харизмы позволяет определять в деле главное и перспективу, просчи-

тывать свои действия для достижения поставленных целей, заряжать своими идеями людей вокруг.

Аффективный компонент относится к внутренним самоощущениям, позитивным жизненным и профессиональным настроем, умениями понимать потребности окружающих людей и находить с ними общий язык.

Мотивационный компонент связан с само-мотивацией и увлечением окружающих своими идеями, проектами, постановкой целей для всех участников общего дела и умением требовать выполнения поставленных задач.

В исследовании по определению уровня развития компонентных составляющих харизмы у сотрудников внутренних дел были использованы следующие диагностические методики Тематический апперцептивный тест (ТАТ) — проективная психодиагностическая методика, разработанная в 1930 годах в Гарварде Генри Мюрреем и Кристианой Морган и MLQ, «Многофакторный опросник лидерства», также для определения понимания термина «харизма» и возможностей ее использования в профессиональной деятельности, была применена авторская анкета, состоявшая из 20 вопросов.

Структура MLQ представляет собой 12 подшкал, которые измеряют три стиля лидерства (трансформационный, транзакционный и не транзакционный) и последствия лидерства.

Трансформационное лидерство оценивается по таким характеристикам как личностное и поведенческое идейное влияние, вдохновляющее мотивирование, интеллектуальное стимулирование и реализация индивидуального подхода. Данный тип лидерства также еще называется харизматичным лидерством. Для него характерно внутренняя сильная мотивация. Поставленные цели связаны опираются на высокие уровни моральных принципов и мотивации. Среди 59 опрошенных такой тип лидерства преобладает только у 6.

Транзакционное лидерство оценивается по таким направлениям как управление по отклонениям (пассивное и активное). Данный тип лидерства основывается на мотивирующем и управляющем воздействии. Оценка и вознаграждение сотрудников происходит пропорционально достигнутых результатов. Как правило, данные результаты связаны с материальными ценностями и извлечения выгоды. Среди опрошиваемых подобный тип лидерства отмечается преобладающим у 44 человек.

Не-транзакционное лидерство оценивается по критерию невмешательства. Данный тип лидерства является самым неэффективным. Для такого лидера абсолютно не важна обратная связь, он не пытается мотивировать подчиненных,

понимать или удовлетворять их потребности. Такой тип лидерства отмечен у 10 человек.

Обратим внимание на то, что при определении типа лидерства можно утверждать о преобладании того или иного типа. Редко можно встретить в чистом виде тот или иной тип лидерства. Чаще всего лидер может использовать подходы и способы управления как с помощью трансформаций, так и с помощью транзакций. Все зависит от конкретной ситуации и поставленных целей лидера.

Второй диагностической методикой стала проективная методика ТАТ (Тематический апперцепционный тест), разработанная Ш. Мюрреем. В состав данной методики входит 6 изображений. В результате применения данной диагностики можно определить один из видов мотивации:

достижения;

власти;

аффилиации (потребности в любви, привязанности, принадлежности группе).

Результаты были оценены по определенным схемам обработки, которые разработаны для 17 показателей. Потребности, по которым определяется вид мотивация личности следующие: в самоуничтожении, в достижении (показатель 9 из 10), в аффилиации (показатель 9 из 10), в агрессии, в автономии, в противодействии (показатель 9 из 10), в защите (максимальный показатель), в уважении, в доминировании, в эксгибиции, в избегании ущерба (максимальный показатель), в избегании позора, в опеке, в порядке (минимальный показатель), в игре (показатель равен единице), в отвержении (показатель 9 из 10), в чувственных впечатлениях (показатель равен единице), в сексе (минимальный показатель), в поддержке, в понимании (показатель 9 из 10), в нарциссизме, в социальности (социофилии) (минимальный показатель).

Авторская анкета состояла из 20 вопросов и была направлена на исследование понимания сотрудниками полиции термина «харизма» и возможностей ее использования в профессиональной деятельности.

Так, 75% опрошенных слышали что-то о харизме, но описать примерное содержание термина смогли только 50%. При этом необходимость наличия данного качества для выполнения своих профессиональных действия признают 20%, а 75% готовы к ее развитию в случае, если бы мероприятия по ее развитию были эффективны, а не носили формальный характер. То есть сотрудники готовы уделять внимание своему личностному и профессиональному развитию при условии ответственности предлагаемых методик.

Таким образом, нами установлено, что среди сотрудников полиции преобладает транзакцион-

ное лидерство, однако они готовы совершенствовать свои знания и умения, что перейти к харизматическому лидерству.

Харизма может рассматриваться в качестве центрального конструкта профессиогенеза, как психологическое новообразование, гарантирующее качество и успешность выполнения профессиональной деятельности в субъект-субъектных отношениях. Ее природа имеет деятельностное основание и проявляется в ситуациях решения профессиональных задач, направленных на достижение целей деятельности органов внутренних дел.

Список литературы:

[1] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. – С. 132.

[2] Гениндоржиева Д. Б. Концепция «харизмы» Макса Вебера / Д. Б. Гениндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2013. - Вып. 5. – С. 131-135.

[3] Ильюк Е.В. Харизматичность как особое качество руководителя правоохранительного органа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1. – С. 18 – 22.

[4] Кабейн О.Ф. Харизма: как влиять, убеждать и вдохновлять. – М.: Альпина Паблшер, 2013. – С. 47.

[5] Ломова Н.В. Теоретический анализ понятия харизмы как социально-психологического явления. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. №5. С. 77.

[6] Хайден Д. 10 правил самых харизматичных людей. [Электронный ресурс]. – режим доступа – url: <https://ideanomics.ru/articles/182>. (дата обращения 31.04.2021)

[7] Хобракова Д. Б. Особенности становления харизматического лидера в современном обществе // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – С. 214-218.

[8] Цырендоржиева Д. Ш. Харизма учителя как фактор успешности педагогической деятельности / Д. Ш. Цырендоржиева, Д. Б. Хобракова // Учитель в системе современного антропологического знания: материалы XIII международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2017. – С. 48- 54

[9] Шапиро М. Г. Харизма – операционализация и измерение. // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 45.

Spisok literatury:

[1] Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Izbrannyye proizvedeniya. M., 1990. – S. 132.

[2] Genindorzhieva D.B. Konceptsiya «harizmy» Maksa Vebera / D.B. Genindorzhieva // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – UlanUde: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 2013. - Vyp. 5. – S. 131-135.

[3] Il'yuk E.V. Harizmatichnost' kak osoboe kachestvo rukovoditelya pravoohranitel'nogo organa // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1. – S. 18 – 22.

[4] Kabejn O.F. Harizma: kak vliyat', ubezhdat' i vdohnovlyat'. – M.: Al'pina Pablisher, 2013. – S. 47.

[5] Lomova N.V. Teoreticheskij analiz ponyatiya harizmy kak social'no-psihologicheskogo yavleniya. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. №5. S. 77.

[6] Hajden D. 10 pravil samyh harizmatichnyh lyudej. [Elektronnyj resurs]. – rezhim dostupa – url: <https://ideanomics.ru/articles/182>. (data obrashcheniya 31.04.2021)

[7] Hobraкова D.B. Osobennosti stanovleniya harizmaticheskogo lidera v sovremennom obshchestve // Social'no-kul'turnye processy v usloviyah integracii i dezintegracii: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2017. – S. 214-218.

[8] Cyrendorzhieva D. SH. Harizma uchitelya kak faktor uspešnosti pedagogicheskoy deyatel'nosti / D.Sh. Cyrendorzhieva, D. B. Hobraкова // Uchitel' v sisteme sovremennogo antropologicheskogo znaniya: materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Stavropol', 2017. – S. 48- 54

[9] Shapiro M. G. Harizma – operacionalizaciya i izmerenie. // Social'nye issledovaniya. 2016. № 2. S. 45.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЯКОВЕЦ Татьяна Яковлевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»,
e-mail: jatja57@mail.ru

ТАДЖИБОВА Аксана Наруллаховна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и переводоведения
БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»,
e-mail: tadzhibova_an@surgut.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE

Аннотация. Статья посвящена исследованию организации самостоятельной работы студентов по изучению иностранного языка на электронной образовательной платформе Moodle. В статье определяются цели использования электронной образовательной платформы Moodle, положительные и отрицательные аспекты применения данной платформы при изучении иностранного языка в вузе, основные формы самостоятельной работы студентов по изучению иностранного языка, трудности использования электронной образовательной платформы Moodle.

Ключевые слова: самостоятельная работа, электронная платформа, электронное обучение, дистанционное обучение, образовательный процесс.

YACOVETS Tatjana Yakovlevna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Translation Studies,
Surgut State University

TADZHIBOVA Aksana Narullachovna,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Translation Studies,
Surgut State University

ORGANIZING INDEPENDENT WORK IN THE STUDY OF A FOREIGN LANGUAGE ON THE ELECTRONIC PLATFORM MOODLE

Annotation. The present article is dedicated to investigation of electronic platform LMS MOODLE as one of the remote e-learning means of a foreign language. The authors postulate features of electronic platform LMS MOODLE for independent work in the study of a foreign language.

Key words: independent work, electronic platform, e-learning, remote learning, education process.

Одной из основных задач современного вуза является подготовка высококвалифицированных специалистов. Современное состояние науки и практики требует дальнейшей разработки стратегий совершенствования профессиональной компетенции и разностороннего развития личности. В последние годы всё чаще поднимается вопрос о применении новых информационных технологий в средней и

высшей школах. Это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения [10, с. 308 - 310]. Мы наблюдаем, что преподаватели сегодня в активном поиске эффективных технологий профессионального образования и создания условий для их внедрения в учебный процесс [11, с. 250]. Тема исследования обусловлена необходимостью совершенствования существующей методики обу-

чения иностранному языку с использованием современных электронных платформ. Электронные платформы становятся именно тем проводником, которые открывают новые возможности для развития, самообразования, самосовершенствования и самообучения.

Современный этап развития техники характеризуется переходом к созданию многофункциональных учебных комплексов и автоматизированных обучающих систем на базе компьютера. Применение информационно-коммуникационных технологий и Интернет-ресурсов позволяют значительно повысить эффективность процесса обучения иностранному языку [5, с. 370 - 374; 11, с. 249 - 252]. Создание искусственной иноязычной среды в процессе обучения иностранным языкам – один из важных проблемных вопросов современной методики. С ним в первую очередь связана реализация самостоятельного изучения иностранного языка. Для достижения этой цели используется электронная платформа Moodle, способствующая эффективной организации самостоятельной работы студентов вуза по изучению иностранных языков.

В последние годы тенденция дистанционного обучения особенно популярна в связи с глобализацией, которая послужила развитию информационных технологий и появлению новых методов обучения. В рамках данной формы обучения обучающиеся развивают навыки самостоятельной работы, выполняя задачи индивидуально, с дальнейшей проверкой данного задания преподавателем. В процессе самостоятельной работы обучающиеся осваивают материал и готовятся стать квалифицированными специалистами. Организация процесса самостоятельной работы играет немаловажную роль в заинтересованности студента процессом обучения. Выполнение самостоятельной работы способствует развитию творческих способностей обучаемого и умению самостоятельно принимать решения в новых, нестандартных условиях и брать на себя ответственность. Именно поэтому самостоятельная работа является не просто важной формой образовательного процесса, но и его основой, в ходе которой должна осуществляться главная функция обучения – закрепление знаний. Такая деятельность поддерживается конкретной целью – развитие самостоятельного навыка на основе постоянного выполнения заданий [1, с. 13]. Однако данная форма обучения имеет и нюансы. В зарубежной психологии проблема прерывания традиционного дистанционного обучения признана всеми и изучается достаточно активно. В наибольшей степени влияющим фактором на решение студентов продолжить или прервать дистанционное обуче-

ние оказалась удовлетворённость общением с преподавателем [6, с. 136 - 139].

Понятие «самостоятельная работа» в современном научном мире охватывает самостоятельный поиск нужной информации, получение знаний, применение знаний для решения научных и профессиональных задач, деятельность, состоящая из элементов: творческое восприятие и осмысление учебного материала, подготовка к занятиям, экзаменационные работы, зачёты, написание курсовых и дипломных работ, самообразование, различные индивидуальные и групповые познавательные задания студентов в процентах от общего числа студентов, а также ряд других видов деятельности [8, с. 8].

К общей форме самостоятельной работы относятся: рефераты, конспектирование первоисточников, составление тезисов, рецензирование, аннотирование, отзывы, выполнение тренингов, решение задач; составление схем, таблиц, диаграмм; расчётные, графические, расчётно-графические работы, разработка тестов, дидактических материалов; самостоятельные контрольные работы, выполнение индивидуальных творческих задач, другие формы. К тенденциям компьютеризации всех сфер деятельности человека также добавляется: работа с персональным компьютером, обработка программно-педагогического обеспечения; работы с электронными версиями дидактических материалов, поиск необходимой информации в сети Интернет. В рамках современного образовательного процесса студент выступает не как простой потребитель информации, а как творческий конкурент знаний. Таким образом, задача преподавателя заключается не только в передаче своей информации в готовом виде, но и в поощрении студентов к самостоятельной познавательной деятельности, в формировании навыков самостоятельности при получении знаний [2, с. 747 - 750].

Применение новых подходов к организации обучения, точнее использование дистанционного обучения, предполагает существенное изменение и корректировку традиционных форм, и их преобразование в дистанционные формы. Возможности обучения и условия работы информационно-образовательных материалов и услуг, мультимедийные возможности системы дистанционного обучения обеспечивают представление необходимой учебной информации для самостоятельного изучения в виде гипертекста, применение визуальных свойств звука, графики, анимации и информации, способствуют лучшему усвоению материала [3, с. 287-305].

В рамках курса дистанционного обучения могут быть реализованы все вышеперечисленные формы независимой работы студентов, напри-

мер, на основе модульной объектно-ориентированной динамической учебной среды Moodle, обеспечивающей широкие возможности для включения элементов дистанционного обучения в учебном процессе вузовской системы. Рассмотрим ряд основных особенностей системы Moodle. Это - система спроектирована с учётом достижений современной педагогики с акцентом на взаимодействие между студентами (обсуждения); может использоваться как для дистанционного, так и для очного обучения; имеет простой и эффективный web-интерфейс; студенты могут редактировать свои учетные записи, добавлять фотографии и изменять многочисленные личные данные и реквизиты; подключаемые языковые пакеты позволяют добиться полной локализации (на данный момент поддерживается 43 языка); поддерживаются различные структуры курсов: «календарный», «форум», «тематический»; каждый пользователь может указать своё локальное время, при этом все даты в системе будут переведены для него в местное время (время сообщений в форумах, сроки выполнения заданий и т.д.); изменения, произошедшие в курсе со времени последнего входа пользователя в систему, могут отображаться на первой странице курса, почти все набираемые тексты (ресурсы, сообщения в форум, записи в тетради) могут редактироваться встроенным RichText – редактором; все оценки (из Форумов, Рабочих тетрадей, Тестов и Заданий) могут быть собраны на одной странице (либо в виде файла), доступен полный отчёт по вхождению пользователя в систему и по работе, с графиками и деталями работы над различными модулями. Возможна настройка E-mail-рассылки новостей, форумов, оценок и комментариев преподавателей. Для того чтобы использовать возможности системы, пользователю необходимо иметь компьютер, подключенный к сети Интернет.

Для эффективной организации учебного процесса следует начинать с разработки индивидуальной учебной программы студента, которая может быть легко реализована в электронном виде, с разделением количества преподаваемого материала на предметные единицы по темам или по неделям.

Доступность таких учебных программ позволяет студентам определить свою способность организовывать, планировать и контролировать собственную учебную работу, а также самостоятельно проводить диагноз и оценку собственной успеваемости и действий во время выполнения собственной работы. Все это в данном наборе позволяет студентам осуществлять самоуправление над собственной деятельностью. Осуществляя управление собственной академической деятельностью, студенты действуют как самоу-

правляемая система. Механизм самоуправления действует таким образом, что студент, как субъект управления, считает себя объектом [7, с. 145].

В своей учебной деятельности он регулирует, организует и рефлексивно обходится со своими действиями. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на вид самостоятельной работы, проводимой студентом, как в традиционной, так и в дистанционной формах обучения, важную роль играет преподаватель. Преподавателю следует ознакомить студентов с целью самостоятельной работы, трудовыми затратами, сроками, методами работы, формами контроля, критериями оценки качества выполняемой самостоятельной работы. Предварительно преподаватель должен контролировать уровень подготовки учащихся, их навыки и умения, а также желание и потребность в самостоятельной работе во время обучения в вузе (в случае дистанционной организации такой работы – уровень развития навыков работы на компьютере, умение использовать Интернет в образовательных целях).

Использование электронной учебной среды Moodle предоставляет индивидуальный темп обучения (скорость, с которой студенты изучают материал, который им даётся, определяется личными обстоятельствами и потребностями студента); а также предоставляет свободу и гибкость (студент может планировать время, место и продолжительность занятий); предоставлять доступность (образовательный ресурс доступен независимо от географического и временного местонахождения студента и учебного заведения), мобильность (эффективная реализация обратной связи между преподавателем и студентом является основным требованием и основой успешной учёбы), технологичность (использование новейших информационных и телекоммуникационных технологий на занятиях), творческий подход (создание комфортных условий для творческого самовыражения студента). Наиболее важной задачей, стоящей перед преподавателем, является правильная организация учебного процесса [4, с. 167-171].

В ходе разработки образовательного языкового курса преподаватель должен:

1) определить основные и дополнительные учебные материалы, а также электронные ресурсы для работы на занятиях и вне занятий;

2) определить, какие виды речевой деятельности, типы упражнений будут выполняться в аудитории, а какие – самостоятельно. Необходимо, в частности, при изучении иностранного языка брать языковые упражнения для независимой работы во вне учебное время, т.к., с одной стороны, они требуют много времени, а с другой стороны, студенты имеют достаточно сформиро-

ванные навыки и умения для работы с разнообразными видами упражнений. К таковым относятся имитативные, подстановочные упражнения, упражнения на трансформацию, расширение (сокращение) предложения, подбор аналогов, заполнение пропусков, конструирование фразы из структурных элементов и др. Студенты самостоятельно выполняют эти упражнения, размещённые на платформе Moodle, которая помогает преподавателю моделировать учебный процесс, своевременно давать советы по выполнению заданий, а также отслеживать и контролировать самостоятельную деятельность студентов;

3) осуществлять контроль и самоконтроль студентов. В то же время мотивирующим фактором может быть сама среда электронного обучения Moodle, которая позволяет построить доступный учебный процесс, логичную структуру всех его этапов и организовать управление для учеников. Настраивая процесс выполнения заданий на платформе, студенты быстро привыкают к тому, что их деятельность регулярно контролируется преподавателем. В последнем случае, после проверки наличия выложенных на сайте домашних заданий, преподаватели знают, кто готов к продуктивной работе на занятии после работы на дому. Это является мотивационным фактором для студентов. Они знают, какие задачи стоят перед ними и как достичь определённого результата. В качестве формы заключительного контроля может выступать устная презентация небольшого исследовательского проекта, позволяющая студентам продемонстрировать свои профессионально-коммуникационные, лингвистические и другие компетенции. Необходимо отметить, что использование электронной среды Moodle возможно и для создания авторских учебных курсов и может рассматриваться, например, как профориентационный ресурс [9].

Платформа Moodle как основной способ организации обучения, как форма общения между преподавателем и студентом, близкая к партнёрству, является современной комфортной электронной учебной средой, сфокусированной на обучающихся и повышающей их внутреннюю мотивацию. Возможность применения виртуальной образовательной платформы Moodle в изучении иностранного языка способствует более эффективному процессу и, несомненно, перспективна в плане формирования у студентов компетенций, связанных с использованием иностранного языка в их будущей профессиональной деятельности [1, с. 13].

Использование электронных платформ в образовательном и самообразовательном процессах обеспечивает контроль над всем учебным процессом, что является незаменимой частью

всего образовательного процесса, выполняющей обратную связь между обучающимися и преподавателем. Объективность результата достигается применением информационных технологий для проверки знаний обучающихся. Данный контроль экономит время занятий из-за одновременной проверки всех обучающихся, давая преподавателю возможность уделить время для индивидуальных и творческих заданий [12, с. 162 - 166].

В результате теоретического анализа научной литературы мы можем сделать вывод, что основным преимуществом системы дистанционного обучения Moodle является возможность эффективной организации системы дистанционного, самостоятельного обучения. Так же важным преимуществом системы дистанционного обучения Moodle является то, что она распространяется в открытом исходном коде, что позволяет адаптировать ее под специфику задач, которые должны быть решены. Встроенные в систему дистанционного обучения Moodle средства разработки дистанционных курсов позволяют снизить стоимость разработки учебного контента и решить проблемы совместимости разработанных дистанционных курсов. К самым важным преимуществам системы Moodle следует отнести удобный и понятный интерфейс для организации всего учебного процесса, подстраивающийся под индивидуальный план обучения.

Исследовав теоретический материал, мы переходим к анализу практического применения электронной платформы Moodle в Сургутском государственном университете с целью самостоятельного изучения иностранного языка. Опыт-экспериментальная работа была проведена в 2020 - 2021 учебном годах на базе Сургутского государственного университета. В эксперименте приняли участие 150 студентов 1-4 курсов лингвистического и медицинского направлений. На констатирующем этапе эксперимента была разработана анкета, состоящая из 20 вопросов открытого типа. В анкетировании приняли участие студенты следующих специальностей: «Лечебное дело», «Педиатрия» (1 курс), «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» (2 и 4 курсы).

Под «самостоятельной работой по изучению иностранного языка» 25% студентов медицинских специальностей понимают выполнение лексических и грамматических тестов; 25% - просмотр фильмов и видеороликов; 20% - самостоятельное изучение лексических и грамматических тем, 18% - общение с носителями языка и 12% - чтение иноязычной литературы.

Результаты анкетирования студентов 2 и 4 курсов лингвистической специальности показали, что 30% студентов под самостоятельным изуче-

нием иностранного языка понимают поиск информации и чтение книг, статей на иностранном языке; 25% - это просмотр фильмов, видеороликов, аудирование; 25% - самостоятельное изучение лексики и грамматики, 10% - использование электронной платформы Moodle и 5% - самоорганизация, самопланирование своей учебной деятельности. Таким образом, мы видим, что студенты лингвистической специальности уделяют больше внимания при самостоятельном изучении иностранного языка поиску и работе с источниками информации, а медицинских специальностей – выполнению различных тестов.

На вопрос: «Является ли электронная платформа Moodle одним из основных средств организации самостоятельной работы по изучению иностранных языков?», - 92% дали положительный ответ и отметили, что она способствует более эффективному изучению иностранного языка и контролю его усвоения, особенно во время пандемии. 8% студентов считают, что данная электронная платформа неэффективна, способствует только оцениванию знаний студентов, часто перегружена, что мешает продуктивной работе.

Однако только 12% студентов отметили, что довольно часто пользуются платформой Moodle, особенно во время пандемии, а 88% используют данную платформу редко с целью изучения иностранного языка, т.к. пользуются другими Интернет-ресурсами.

На электронной платформе Moodle студенты неязыковых специальностей изучают в основном предметы, связанные с будущей специальностью и лишь 12% – иностранный язык. Гораздо чаще студенты-лингвисты организуют самостоятельное изучение иностранных языков посредством данной образовательной среды.

10% студентов высоко оценивают доступность платформы Moodle, 90% указывают на трудности входа на данную платформу, ее перегруженность, невозможность быстро и продуктивно работать. Все эти трудности связаны в основном с техническими проблемами сайта.

О возможностях системы Moodle отлично осведомлены 12% студентов, 67% считают, что знают их хорошо, 13% – удовлетворительно и 8% – недостаточно.

Чаще всего студенты (100%) пользуются такими заданиями, как тесты, 3% – лекциями, 10% – письменными заданиями (эссе, сочинения), 3% – презентациями, 13% выполняют домашние задания на платформе Moodle.

Согласно анкетам 60% студентов не испытывают трудности при работе на платформе Moodle, 40% считают, что трудности есть и носят они в основном технический характер. Хотя не всегда понятен студентам представленный учеб-

ный материал, нет возможности задать уточняющие вопросы преподавателю и получить быстрый ответ, очень мало видеуроков, отсутствует разговорная практика, нет возможности и времени проанализировать свои ответы.

Наиболее понятны и удобны для выполнения студентами-лингвистами такие виды работ, как: лексические и грамматические тесты (65%), письменные задания (сочинения, эссе, переводы текстов и статей) – 20%, лексические задания (составление глоссария, лексических карточек, просмотр видеороликов и фильмов, прослушивание лекций) – 5%,

Для 15% студентов нелингвистических специальностей наиболее трудными и непонятными заданиями являются выполнение тестов, а для 20% – написание эссе и реферирование.

Большинство студентов университета 1-2 курсов (87%) считают электронную платформу Moodle эффективной для самостоятельного изучения иностранного языка, 7% затрудняются ответить и 6% считают ее неэффективной, что объясняется незнанием ими возможностей данной системы.

95% студентов университета с интересом работают на данной образовательной платформе, 2% не могут определить свой интерес и 3% не хотят работать на платформе Moodle в основном из-за технических сбоев на сайте.

Для чего используется платформа понятно всем студентам, особенно понятна цель ее использования во время пандемии, однако студенты не умаляют значимость очного обучения и стремятся на него перейти. 50% студентов считают, что образовательная платформа необходима для изучения, закрепления и контроля языковых знаний, 10% – для выполнения тестов, 7% – для поиска информации, 5% – для получения оценки, 5% – для отработки языковых навыков и 3% – для общего развития.

99% студентов считают, что у них достаточно знаний о возможностях Moodle и для них не требуются дополнительные знания для работы на данной платформе и лишь 1% студентов испытывает необходимость в получении данных знаний.

55% студентов полагают, что образовательная платформа Moodle способствует развитию познавательных интересов студентов, самодисциплины и самоорганизации.

На высокое качество учебного материала на данной платформе указывают 30% обучающихся, для 35% студентов качество материалов достаточное и для 35% – удовлетворительное.

Многие студенты используют только образовательную платформу Moodle – 70%, и лишь 30% – другие платформы, чаще всего: Quislet, Duoligo,

YouTube, реже – Kanij, Study, Tandem, Lyrics, Skyeng, Lingohut и др.

В результате экспериментальной работы нами были выявлены также такие преимущества использования курсов электронного обучения, размещенных на серверах Университета, как: все материалы, содержащиеся в курсах, доступны круглосуточно из любого места, имеющего доступ в Интернет; существование множества сетевых интерфейсов (Internet Explorer, Google Chrome и другие); возможность использовать любые источники информации, например, электронные библиотеки в учебном процессе; учебный процесс имеет гибкую модульную структуру; информация, имеющая свойства новизны и полезности, предоставляется эффективно; использование мультимедийных технологий делает учебный процесс более увлекательным; практически полная автоматизация: педагог создает тесты и заранее определяет их параметры, а система проводит оценивание и показывает это в оценочном отчете; электронные курсы позволяют приобрести навыки использования современных информационных и коммуникационных технологий и сформировать способности к самоорганизации и самопланированию.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что студенты в основном осведомлены о возможностях электронной платформы Moodle и работают с ней особенно часто во время пандемии. Однако есть проблемы или трудности с формированием языковых знаний. Следовательно, необходимо продолжать разработку эффективных учебных курсов с целью организации самообучения иностранному языку студентами вуза.

Список литературы:

[1] Андреев А.А. Высшее образование в России: образование: учеб. для вузов. – М.: МИК, 2010. – 135 с.

[2] Анисимова Т.И. Организация самостоятельной работы бакалавров средствами дистанционного обучения // *Фундаментальные исследования*. - 2013. - № 11-4. – С. 747 - 750. Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33197> (дата обращения: 05.05.2021).

[3] Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. - М.: «Академия», 2014. – С. 287 - 305.

[4] Дубских А.И., Кисель О.В., Бутова А.В. Возможности электронной образовательной платформы Moodle для обучения иностранным языкам: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М., 2019. – С. 167 - 171.

[5] Егоров А.И., Егорова Ю.А. Интерактивные технологии в обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки //

Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы: материалы I науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Саратов: СГМУ им. В.И. Разумовского, 2019. – С. 370 - 375.

[6] Кулагина Ю.А., Морозова И.М. Организация самостоятельной работы в условиях дистанционного обучения // *Международный научно-исследовательский журнал*. - 2021. - № 1 (103). - Ч. 4. – С. 136 - 139.

[7] Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций [Текст]: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2013. – 145 с.

[8] Толстенева А. А. [и др.] Организация самостоятельной работы студентов с использованием дистанционной системы Moodle // *Вестник Мининского ун-та*. – 2014. № 4. – С. 18 - 25.

[9] Тунда В. А. Руководство по работе в Moodle 2.5. Для начинающих: пособие. – М.: Томск, 2015. – 344 с.

[10] Шагбанова Х.С., Гафуров И.Г. Индивидуально-ориентированный подход к изучению иностранных языков // *Проблемы эксплуатации систем транспорта: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию со дня основания Тюменского индустриального института им. Ленинского комсомола / отв. ред. В.И. Бауэр*. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2008. – С. 308–310.

[11] Шагбанова Х.С., Шагбанов И.Ф. Внедрение CLIL в образовательный процесс российских вузов // *Образование и право*. - 2018. - № 6. – С. 249 - 252.

[12] Яковец Т.Я., Забирова В.Х. Электронная платформа LMS MOODLE как одно из средств дистанционного изучения языка текстов игровых чатов // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки»*. - 2020. - № 5. – С. 162 - 166.

Spisok literatury:

[1] Andreev A.A. Vysshee obrazovanie v Rossii: obrazovanie: ucheb. dlya vuzov. – М.: МИК, 2010. – 135 s.

[2] Anisimova T.I. Organizaciya samostoyatel'noj raboty bakalavrov sredstvami distancionnogo obucheniya // *Fundamental'nye issledovaniya*. - 2013. - № 11-4. – S. 747 - 750. Rezhim dostupa: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33197> (data obrashcheniya: 05.05.2021).

[3] Gal'skova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: lingvodidaktika i metodika. - М.: «Академия», 2014. – С. 287 - 305.

[4] Dubskih A.I., Kisel' O.V., Butova A.V. Vozmozhnosti elektronnoj obrazovatel'noj platformy Moodle dlya obucheniya inostrannym yazykam:

учеб. пособие. – М.: INFRA-M., 2019. – С. 167 - 171.

[5] Egorov A.I., Egorova Yu.A. Interaktivnye tekhnologii v obuchenii inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh napravlenij podgotovki // Pedagogicheskoe vzaimodejstvie: vozmozhnosti i perspektivy: materialy I nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Saratov: SGMU im. V.I. Razumovskogo, 2019. – С. 370 - 375.

[6] Kulagina Yu.A., Morozova I.M. Organizaciya samostoyatel'noj raboty v usloviyah distancionnogo obucheniya // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. - 2021. - № 1 (103). - Ch. 4. – С. 136 - 139.

[7] Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lekcij [Tekst]: posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i uchitelej. – М.: Prosveshchenie, 2013. – 145 s.

[8] Tolsteneva A. A. [i dr.] Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov s ispol'zovaniem distancionnoj sistemy Moodle // Vestnik Mininskogo un-ta. – 2014. № 4. – С. 18 - 25.

[9] Tunda V. A. Rukovodstvo po rabote v Moodle 2.5. Dlya nachinayushchih: posobie. – М.: Tomsk, 2015. – 344 s.

[10] Shagbanova H.S., Gafurov I.G. Individual'no-orientirovannyj podhod k izucheniyu inostrannykh yazykov // Problemy ekspluatatsii sistem transporta: sb. materialov Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 45-letiyu so dnya osnovaniya Tyumenskogo industrial'nogo instituta im. Leninskogo komsomola / otv. red. V.I. Bauer. – Tyumen': Tyumenskij industrial'nyj universitet, 2008. – С. 308–310.

[11] Shagbanova H.S., Shagbanov I.F. Vnedrenie CLIL v obrazovatel'nyj process rossijskikh vuzov // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 6. – С. 249 - 252.

[12] Yakovec T.Ya., Zabirowa V.H. Elektronnaya platforma LMS MOODLE kak odno iz sredstv distancionnogo izucheniya yazyka tekstov igrovyykh chatov // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. «Gumanitarnye nauki». - 2020. - № 5. – С. 162 - 166.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОВАЛЬКОВА Елена Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права Казанского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
e-mail: ekovalkova@yandex.ru
SPIN-код: 2289-5660

СМЕЛКОВА Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры физического воспитания Казанской
государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана,
e-mail: fitnez@mail.ru
SPIN-код: -4710-5413

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана активизацией внимания со стороны как законодателя, так и граждан к здоровому образу жизни. Обучение с помощью дистанционных форм содержит определенные проблемы сохранения здоровья, снижения работоспособности. Цель - раскрыть проблемы организации учебного процесса в условиях цифровизации и предложить пути решения в области сохранения здоровья. Работа выполнена с помощью общепринятых принципов и категорий диалектики: анализа, логического метода и системно-структурного анализа. В результате, обосновано, что в условиях высоких психологических и учебных нагрузок, недостаточной двигательной активности необходимо применение здоровьесберегающих технологий. Во-первых, применение комплексного подхода, во-вторых, исполнение социальных, учебных функций в оптимальном режиме для студентов и преподавателей. Авторы приходят к выводу, что использование здоровьесберегающих технологий позволяет обеспечивать качественную подготовку специалистов, без ущерба здоровья как студентов, так и преподавателей.

Ключевые слова: высшая школа, цифровизация, образовательное право, здоровьесберегающие технологии, физическая активность, физическая культура, социальный налоговый вычет.

KOVALKOVA Elena Yurievna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Law of the Kazan Branch of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Russian State University of Justice"

SMELKOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Physical Education of the
Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman

LEGAL REGULATION AND ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION USING HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES

Annotation. *The relevance of the study is due to the intensification of attention from both the legislator and citizens to a healthy lifestyle. Learning with the help of distance forms contains certain problems of preserving health, reducing working capacity. Purpose: to reveal the problems of organizing the educational process in the context of digitalization and to propose solutions in the field of preserving health. The work was carried out using the generally accepted principles and categories of dialectics: analysis, logical method and system-structural analysis. As a result, it is substantiated that in conditions of high psychological and educational loads, insufficient physical activity, it is necessary to use health-saving technologies. Firstly, the use of an integrated approach, and secondly, the performance of social, educational functions in an optimal way for students and teachers. The authors come to the conclusion that the use of health-saving technologies makes it possible to provide high-quality training of specialists, without harming the health of both students and teachers.*

Key words: *higher school, digitalization, educational law, health saving technologies, physical activity, physical culture, social tax deduction.*

В учебный процесс в высшей школе интенсивно внедряются цифровые технологии. Учебный процесс с использованием дистанционного обучения рассматривается как наглядное, красочное, информативное, интерактивное явление. Экономия времени преподавателем и студентом очевидна при онлайн-обучении, вместе с тем значительно снижается двигательная активность и тех, и других.

Вместе с тем, есть рекомендации, разработанные Всемирной Организацией Здравоохранения по физической активности для здоровья дифференцированно по возрастным группам. Так, для лиц в возрасте 5-17 лет рекомендовано заниматься не менее 60 мин. в день (в большинстве - аэробные упражнения); лицам в возрасте 18-64 года необходимы занятия средней интенсивности не менее 150 мин. в неделю, или не менее 75 мин. в неделю занятиям аэробными упражнениями высокой интенсивности; для людей в возрасте 65 лет и старше рекомендована такая же физическая активность, как и предыдущей возрастной группе, но с учетом особых назначений [1].

Учебный процесс, осуществляемый без применения дистанционных технологий, как теперь это стало понятно всем, состоял тоже из определенной физической активности. Необходимость выхода из дома – это двигательная нагрузка, которая была ежедневной. Перемещение во время проведения занятий, деловых игр, да и просто внутри здания, все это двигательная активность. При переходе на дистанционное обучение повседневная физическая активность резко сокращается, если не сказать более практически, сходит на нет. Таким образом, вместе с положительными моментами возникают и некоторые отрицательные, как в деятельности студентов, так и в работе преподавателя. Рассмотрим некоторые из них.

Положительными сторонами данного процесса является постоянное саморазвитие и совершенствование преподавателей и студентов,

как в освоении новых технологий и знаний, так и в необходимости изыскивать средства, способы и время для поддержания физического здоровья. Отрицательными сторонами данного процесса, прежде всего, являются:

- нахождение длительного времени за компьютером;
- ухудшение зрения, проблемы с позвоночником и суставами пальцев (напряжение глаз при работе с монитором, длительная статичная поза плохо действует на позвоночник; длительная работа с клавиатурой не полезна);
- понижение умственной активности, необходимости запоминания, любую информацию можно найти (скачать);
- отсутствие социализации, умение работать в группе, выслушивать аргументы, вести диалог, чувствовать эмоциональный настрой собеседника;
- не во всех семьях есть возможность обеспечить индивидуальными местами для занятий (зачастую даже может отсутствовать техника или интернет).

Сохранение физического и психического здоровья студентов и преподавателей представляется важным, особенно в условиях пандемии. С данной проблемой сталкиваются практически во всех странах, так во Франции в марте 2021 г. в Сенате были проведены два круглых стола, посвящённых здоровью молодых людей, и более конкретно их психическому здоровью. Было отмечено, что «этот кризисный период COVID-19 действительно подчеркнул бедственное положение студентов, явление, которое уже существовало до кризиса», «проблемы со здоровьем у молодежи, включая психические расстройства, выливаются в беспокойство, проблемы со сном, депрессивные состояния, которые могут доходить до суицидальных мыслей» [2].

Именно поэтому физической культуре во всех странах уделяется большое значение. У нас

только за период с 1 января 2020 г. по 1 сентября 2021 г. в той или иной форме упоминание о физической культуре, спорте, их развитии и финансировании прозвучало более чем в 300 нормативных актов. В ст. 67.1 Конституции РФ гарантируется создание условий государством «способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей» [3]. А также полностью соответствует принципам и приоритетным направлениям государственной политики: «обеспечение права каждого на свободный доступ к физической культуре и спорту как к необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности, права на занятия физической культурой и спортом для всех категорий граждан и групп населения» [4].

С активным внедрением цифровых технологий в учебный процесс перед преподавателем, непосредственно внедряющим их в практику, встаёт множество задач:

- освоение новых технологий работы в рамках цифровизации, связанных с профессиональной деятельностью;
- необходимое повышение квалификации по вопросам применения этих технологий;
- совершенствование системы контрольно-оценочной деятельности студентов;
- сохранение собственного психического и физического здоровья при большом потоке информации и овладении новыми навыками.

Вместе с тем, тотальная цифровизация учебного процесса и всех сторон жизни заставляет молодых людей, да и старшее поколение все больше времени проводить у мониторов компьютеров и других гаджетов. В связи с этим, актуальной становится проблема сохранения здоровья человека. Сидячий образ жизни плохо сказывается на психическом и физическом здоровье. Здесь очень важно помнить о здоровьесберегающих технологиях – системе мер, направленных на охрану и укрепление здоровья учащихся и преподавателей, с учетом образовательной среды и условий деятельности, влияющих на здоровье [5].

В данном случае важен комплексный подход: соблюдение соответствующих нормативов и правил, систему рационального питания, соблюдение питьевого режима, занятия физическими упражнениями, развитие волевых качеств, позитивного мышления.

В настоящее время перед высшей школой ставятся задачи готовить не только профессионалов в той или иной деятельности, но и приобщить всех учащихся к здоровому образу жизни как в

период обучения в вузе, так и будущей профессиональной деятельности [6].

Так, например, в качестве здорового образа жизни можно предложить выполнение самостоятельно физических упражнений, а преподавателю можно рекомендовать, особенно в ходе дистанционного обучения, устраивать и небольшие физкультурминутки во время учебных занятий. В особенности важны упражнения для мышц шеи и глаз. В конце занятия, в статических состояниях (при долгой сидящей работе) полезно выполнять повороты головы, наклоны головы, а также движения глаз: вверх, вниз, в стороны. Эти упражнения необходимы и студентам, и преподавателям. Ведь и те, и другие испытывают напряжение.

Во время проведения занятий в период пандемии, занятий в дистанционной форме преподавателю следует уделять время на небольшое общение с учащимися, проявляя интерес к их здоровью, настроению, интересам, степени загруженности. Преподаватель может коснуться также темы здоровья на любом занятии, ведь эта тема важна в любом возрасте. Любая физическая активность (спорт, особенно фитнес) помогают избежать раздражительности, усталости, заболеваний [7]. Следует выбирать тот тип физических упражнений, наиболее подходящий состоянию организма и предшествующей деятельности. Например, после выполнения интенсивной физической работы подходят упражнения на растягивание мышц, пилатес, йога. После работы за компьютером следует выполнять интенсивные упражнения, игры с мячом, бег, ходьба. Особенно следует выделить ежедневные прогулки (не менее часа), они положительно воздействуют на тело, на сердечно-сосудистую и дыхательную системы и помогают улучшить настроение и «важны в целом для защиты здоровья» [8]. Внимательно прислушиваясь к потребностям своего тела, давая необходимую физическую нагрузку с помощью физических упражнений, и психологический отдых, можно оставаться здоровыми и работоспособными и в век цифровизации.

Государство применяет различные меры поддержки лиц занимающихся физической культурой, так принят Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги» [9]. Социальные налоговые вычеты предоставляются в размере фактически произведенных расходов, но в сово-

купности (в т.ч. и с другими социальными выплатами (обучение, лечение)) и не более 120 000 руб. за налоговый период. Налоговый вычет предоставляется при соблюдении следующих условий [9, ст. 1]: 1) физкультурно-оздоровительные услуги включены в перечень видов физкультурно-оздоровительных услуг, утверждаемый Правительством РФ; 2) физкультурно-спортивная организация, индивидуальный предприниматель, включены в перечень физкультурно-спортивных организаций, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности, сформированный на соответствующий налоговый период; 3) подтверждение налогоплательщиком его фактических расходов, а именно копий договора на оказание физкультурно-оздоровительных услуг и кассового чека, выданного на бумажном носителе или направленного в электронной форме в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» [10].

Закон вступил в силу с 1 августа 2021 г., но применяться он будет к доходам, полученным налогоплательщиком с 1 января 2022 г.

Подводя итоги, отметим, что применение цифровых технологий в образовании улучшают условия образовательного процесса, вместе с тем, необходимо помнить о здоровом образе жизни. Образовательная среда должна быть здоровьесберегающей. Одной из серьезнейших задач высшей школы является формирование осознанного отношения к профилактике и лечению заболеваний, к организации правильного режима труда и отдыха, рационального питания, а также к занятиям физической культурой.

Список литературы:

[1] Методические рекомендации МР 3.1.0140-18 «Неспецифическая профилактика гриппа и других острых респираторных инфекций» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ, руководителем Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 10 декабря 2018 г.). Приложение № 1 // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора. - 2019. - № 1.

[2] Fanny Conquy. Santé des étudiants: «Si on ne traite pas leurs problèmes, les conséquences seront lourdes et durables» [https://www.publicsenat.](https://www.publicsenat.fr/article/parlementaire/sante-des-etudiants-si-on-ne-traite-pas-leurs-problemes-les-consequences)

[fr/article/parlementaire/sante-des-etudiants-si-on-ne-traite-pas-leurs-problemes-les-consequences](https://www.publicsenat.fr/article/parlementaire/sante-des-etudiants-si-on-ne-traite-pas-leurs-problemes-les-consequences)

[3] Текст Конституции с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 г.

[4] Статья 3 п. 1 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2007. - № 50. - Ст. 6242.

[5] Смелкова Е.В., Шарыпова Н.Х. Формирование конкурентоспособного специалиста в рамках дисциплин гуманитарного цикла // Collection of scientific articles LXXII International correspondence scientific and practical conference. - 2020. - С. 35 - 38.

[6] Парфенов А.С. Основные направления педагога в сохранении и улучшении здоровья студентов // Наука. - 2020. - 2016. - № 4 (10).

[7] Смелкова Е.В. Использование элементов фитнеса на занятиях физической культурой // Современные векторы прикладных исследований в сфере физической культуры и спорта: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. для молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов / под ред. А.В. Сысоева [и др.]. - Воронеж, 2021. - С. 448 - 451.

[8] Ghmadov H.H. Pedagogika (dars vasaiti). - Baki, 2006. - 296 s.

[9] Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги» // Росс. газ. - 2021. - 9 апр.

[10] Федеральный закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2003. - № 21. - Ст. 1957.

Spisok literatury:

[1] Metodicheskie rekomendacii MR 3.1.0140-18 "Nespecificheskaya profilaktika grippa i drugih ostryh respiratornyh infekcij" (utv. Glavnym gosudarstvennym sanitarnym vrachom RF, rukovoditelem Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka 10 dekabrya 2018 g.). Prilozhenie № 1 // Byulleten' normativnyh i metodicheskikh dokumentov Gossanepidnadzora. - 2019. - № 1.

[2] Fanny Conquy. Santé des étudiants: «Si on ne traite pas leurs problèmes, les conséquences seront lourdes et durables» <https://www.publicsenat.fr/article/parlementaire/sante-des-etudiants-si-on-ne-traite-pas-leurs-problemes-les-consequences>

[3] Текст Конституции с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 г.

[4] Стат'я 3 п. 1 Federal'nogo zakona ot 4 dekabrya 2007 g. № 329-FZ "O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii" // SZ RF. - 2007. - № 50. - St. 6242.

[5] Smelkova E.V., Sharypova N.H. Formirovanie konkurentosposobnogo specialista v ramkah disciplin gumanitarnogo cikla // Collection of scientific articles LXXII International correspondence scientific and practical conference. - 2020. - S. 35 - 38.

[6] Parfenov A.S. Osnovnye napravleniya pedagoga v sohranenii i uluchshenii zdorov'ya studentov // Nauka. - 2020. - 2016. - № 4 (10).

[7] Smelkova E.V. Ispol'zovanie elementov fitnesa na zanyatijah fizicheskoj kul'turoj // Sovremennye vektory prikladnyh issledovanij v sfere fizicheskoj kul'tury i sporta: sb. nauch. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. dlya molodyh uchenyh, aspirantov, magistrantov i studentov / pod red. A.V. Sysoeva [i dr.]. - Voronezh, 2021. - S. 448 - 451.

[8] Ghmadov H.H. Pedagogika (dars vasaiti). - Baki, 2006. - 296 s.

[9] Federal'nyj zakon ot 5 aprelya 2021 g. № 88-FZ "O vnesenii izmenenij v stat'yu 219 chasti vtoroj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti predostavleniya social'nogo nalogovogo vycheta v summe, uplachennoj nalogopatel'shchikom za okazannye emu fizkul'turno-ozdorovitel'nye uslugi" // Ross. gaz. - 2021. - 9 apr.

[10] Federal'nyj zakon ot 22 maya 2003 g. № 54-FZ "O primenenii kontrol'no-kassovoj tekhniki pri osushchestvlenii raschetov v Rossijskoj Federacii" // SZ RF. - 2003. - № 21. - St. 1957.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ГОНЧАРЕНКО Елена Станиславовна,
доцент кафедры иностранных языков МАДИ,
e-mail: lelequin@mail.ru

ЧЕРНИЧЕНКО Ирина Аркадьевна,
старший преподаватель кафедры
иностраных языков РУТ МИИТ,
e-mail: irina-chernichenko@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Полина Петровна,
старший преподаватель кафедры
иностраных языков РУТ МИИТ,
e-mail: Pauline903@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. *Разнообразие языков обусловило существование различных картин мира, присущих носителям того или иного языка и, несомненно, изучение иностранных языков и культур имеет целью взаимопонимание между народами, что является общечеловеческой ценностью. Коммуникация культур и национальностей является одним из главных средств предотвращения столкновений культур. Для эффективной коммуникации между народами необходимо владение иностранными языками и знание национальных особенностей на достаточно высоком уровне, что достигается в процессе обучения иностранным языкам в неязыковых вузах. В настоящей статье предпринята попытка научного анализа и критического осмысления проблемы формирования иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза.*

Ключевые слова: *формирование компетенции, иноязычная коммуникативная компетенция, профессиональные компетенции, выпускник технического вуза, изучение иностранного языка.*

GONCHARENKO Elena Stanislavovna,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages of MADI

CHERNICHENKO Irina Arkadyevna,
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages of RUT MIIT

YAKOVLEVA Polina Petrovna,
Senior lecturer of the Department
of Foreign Languages of RUT MIIT

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A GRADUATE OF A TECHNICAL UNIVERSITY

Annotation. *The diversity of languages has led to the existence of various pictures of the world inherent in the speakers of a particular language and, undoubtedly, the study of foreign languages and cultures is aimed at mutual understanding between peoples, which is a universal value. Communication of cultures and nationalities is one of the main means of preventing cultural clashes. For effective communication between peoples, knowledge of foreign languages and knowledge of national characteristics at a sufficiently high level is necessary, which is achieved in the process of teaching foreign languages in non-linguistic universities. In this article, an attempt is made to scientific analysis and critical understanding of the problem of the formation of foreign language communicative competence of a graduate of a technical university.*

Key words: *formation of competence, foreign language communicative competence, professional competence, graduate of a technical university, learning a foreign language.*

Термин «коммуникативная компетенция» ввел этнолингвист Д. Хаймс, рассматривающий коммуникативную компетенцию как способность осуществлять речевую деятельность при внутреннем осознании ситуационной уместности языка и выделяющий лингвистический, социально-лингвистический, дискурсивный и стратегический компоненты [18, с. 269].

Его идеи были продолжены Я. Ван Эком, который, в свою очередь, предложил лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, стратегическую, социокультурную и социальную компетенции [19, с. 32].

М. Кэналь и М. Свейн выделили грамматическую (лексика, фонетика, правописание, семантика, синтаксис), социолингвистическую (соответствие высказываний по форме и смыслу в конкретной ситуации), дискурсивную (способность построения целостных, логичных высказываний в устной и письменной речи) и стратегическую (компенсация недостаточности знания иностранного языка, речевого и социального опыта общения в иноязычной среде) компетенции в иноязычной коммуникативной компетенции [17, с. 47].

Е.Н. Соловова включает в иноязычную коммуникативную компетенцию (далее - ИКК): языковую (овладение знаниями о языке), речевую (умение осуществлять речевую деятельность), социолингвистическую (способность осуществлять выбор языковых форм и использовать их в связи с ситуацией), социокультурную (способность к ведению диалога культур), стратегическую и дискурсивную (навыки и умения организации речи) компетенции [10, с. 49].

Н.Н. Сергеева выделяет в структуре иноязычной коммуникативной компетенции: 1) знания – лексикон, сочетаемость слов, грамматическое оформление, текстовые фреймы; 2) умения порождения и понимания высказывания текста при иноязычном общении; 3) ценностно-смысловое отношение как значимость условий и предмета высказывания и понимания сообщения, определяющая включенность человека в иноязычное общение; 4) эмоционально-волевая регуляция речевой деятельности в соответствии с условиями общения на основе рефлексии; 5) готовность включаться в иноязычное общение соответственно любой ситуации [8, с. 147].

Т.С. Серова рассматривает в своих работах формирование ИКК специалистов в связи с ситуативностью общения, подчеркивая, что эффектив-

ное формирование любой компетенции, входящей в состав коммуникативной, возможно при активном взаимодействии обучающего и обучаемого, овладевающего знаниями, навыками, умениями, принимая во внимание то, что каждый субъект обязательно выполняет в этом процессе свои функции [9, с. 140].

Таким образом, анализ подходов к определению и компонентам иноязычной коммуникативной компетенции, предложенных зарубежными и отечественными исследователями, показал, что в настоящее время отсутствует единое мнение о ее структуре. Следует отметить, что большинство ученых выделяют такие составляющие, как языковая, социокультурная, социолингвистическая, прагматическая, дискурсивная и стратегическая компетенции.

Обобщив вышесказанное, уточнено определение иноязычной коммуникативной компетенции применительно к английскому и немецкому языку, как *способность к осуществлению межкультурного взаимодействия в устной и письменной формах в пределах для решения задач прагматического характера.*

Основными компонентами иноязычной коммуникативной компетенции будем считать лингвистическую, социокультурную и социолингвистическую субкомпетенции. В лингвистической субкомпетенции выделяем языковую, под которой понимаем знание фонетики, лексики, грамматики, стилистики иностранного языка, и речевую, которая подразумевает свободное владение всеми видами речевой деятельности на иностранном языке: говорением, аудированием, чтением, письмом. Социокультурная субкомпетенция выражается в знании национально-культурных особенностей народов, являющимися носителями изучаемого языка, углублении знаний о культуре собственного народа и умении использовать данные знания при межкультурном взаимодействии [1, с. 27].

Социолингвистическая субкомпетенция – это совокупность умений и навыков, заключающаяся в умении учитывать экстралингвистические факторы и выбирать такое речевое поведение, которое приведет к эффективной коммуникации на иностранном языке для решения задач прагматического характера. Компонентный состав иноязычной коммуникативной компетенции представлен на *рис. 1.*

Рис. 1. Основные компоненты иноязычной коммуникативной компетенции

В рамках настоящей статьи считаем необходимым рассмотреть теорию речевой деятельности (далее – РД), которая реализуется в говорении, аудировании, чтении и письме (И.А. Зимняя и др.). Исследователями выделены основные параметры видов речевой деятельности [4, с. 89]:

1) характер речевого общения: устное (говорение, аудирование), письменное (чтение, письмо);

2) роль речевой деятельности в вербальном общении: реактивная (аудирование, чтение), инициальная (говорение, письмо);

3) направленность речевой деятельности: рецептивные виды (аудирование, чтение), продуктивные виды (говорение, письмо);

4) связь со способом формирования и формулирования мысли: внешняя речь включает устную экспрессивную, импрессивную речь и письменную речь, внутренняя речь обеспечивает устную и письменную речь;

5) внешняя выраженность: говорение, письмо – внешне выраженные процессы создания мысленной задачи; аудирование, чтение – процессы внутренней психической активности;

6) обратная связь: при говорении и письме – нервно-мышечная связь от органа-исполнителя к головному мозгу, которая выполняет внутренний контроль и корректировку, а также внешняя обратная связь (слуховое восприятие); при аудировании и чтении обратная связь осуществляется по внутренним каналам смыслового контроля и анализа – в процессе чтения наблюдаются регрес-

сивные движения глаз и паузы фиксации взора, в процессе аудирования у человека отмечается внутренняя «речедвигательная активность».

Ведущие ученые характеризуют речевую деятельность предметным содержанием, которое включает условия деятельности, определяемые предметом, средствами, орудием, продуктом, результатом. Предмет деятельности рассматривается учеными в качестве главного элемента предметного содержания, т.к. предмет определяет характер деятельности (например, ее цель, вид, форму реализации и т.д.) [6, с. 10].

В связи с наличием трудностей при овладении иностранным языком, считаем необходимым разработать методику формирования иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза, опирающуюся на дидактические принципы и требующую определенных педагогических условий для ее практической реализации.

Дидактические принципы обучения определяют цели, содержание и технологию обучения, кроме того, по мнению ученых, принципы взаимосвязаны и взаимообусловлены [2, с. 37].

Принципы обусловлены целями обучения, которые, в свою очередь, зависят от потребностей людей, общества и государства. В отечественной теории обучения подчеркивается, что принципы – это основа создания высокоэффективного учебно-воспитательного процесса в любом типе учебного заведения при обучении любому предмету. В связи с этим, проблема принципов обучения иностранным языкам традиционно находится в цен-

тре внимания ученых и учителей-практиков, разделяющих принципы обучения иностранным языкам на общедидактические и методические, которые, в свою очередь, подразделяются на общеметодические и частнометодические.

Применительно к формированию ИКК при обучении иностранному языку *принцип сознательности* выражается в том, что студенты учатся осознанно употреблять новую лексику, иероглифы, грамматические средства изучаемого языка, что необходимо для будущей профессиональной востребованности на рынке труда [13, с. 52].

Далее рассмотрим *принцип доступности*, при котором необходимо учитывать индивидуальные возможности обучающихся. При реализации данного принципа предполагается анализ учебного материала и организация образовательного процесса таким образом, чтобы обучаемые не испытывали интеллектуальных и физических перегрузок. Доступность при формировании иноязычной коммуникативной компетенции на примере иностранного языка обеспечивается путем использования материала, прошедшего анализ и отбор: от легкого лексико-грамматического материала к более сложному, от более легких упражнений к более сложным [7, с. 29].

Принцип систематичности обеспечивает эффективность процесса обучения и заключается в доведении до уровня системности в сознании обучающихся изложение материала. В результате реализации данного принципа происходит формирование новых навыков и умений на основе совершенствования усвоенных навыков и умений. Данный принцип при формировании иноязычной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку предполагает обучение и усвоение знаний в определенном порядке [12, с. 20].

Таким образом, при формировании иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза при обучении иностранному языку считаем необходимым придерживаться следующих общедидактических принципов: *сознательности, систематичности и доступности*.

К общеметодическим принципам обучения иностранному языку относятся принципы функциональности, структурного подхода, устной основы обучения, программирования речевой деятельности, ситуативной обусловленности упражнений, коммуникативной направленности обучения, учета родного языка при овладении иностранным языком, доминирующей роли упражнения во всех сферах овладения иностранным языком.

В статье авторы опираются на принципы коммуникативной направленности, программирования речевой деятельности в упражнениях, учета

родного языка и принцип устного опережения в обучении чтению.

Принцип коммуникативной направленности заключается в том, что обучение основано на вовлечении обучающихся в устную и письменную коммуникацию на изучаемом языке в рамках тематики обучения. Данный принцип при формировании ИКК определяет содержание обучения, т.е. отбор и организацию материала, конкретизацию ситуаций общения и соблюдение условий для общения [5, с. 89].

Принцип учета родного языка направлен на практическое овладение иноязычной речью (Л.В. Щерба) [16, с. 72].

Принцип программирования речевой деятельности в упражнениях был выдвинут А.П. Старковым, по его мнению, любая система обучения – это программирование соответствующей деятельности. Данный принцип при формировании иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза при обучении иностранному языку реализуется в тщательном анализе и отборе лексического и грамматического материала для упражнений в соответствии с уровнем обучения [11, с. 55].

Реализация *принципа устного опережения в обучении чтению* заключается в следующем: 1) изучение части материала до работы над текстом; 2) использование текста в качестве зрительного подкрепления для дальнейшей работы; 3) значительный объем работы для закрепления изученного материала. Принцип устного опережения реализуется изучением новой лексики, фразеологии, фраз-клише, иероглифов, грамматики, обсуждением заголовка текста, содержания текста.

Далее переходим к рассмотрению частнометодических принципов, которых мы придерживаемся при формировании ИКК выпускника технического вуза при обучении иностранному языку [15, с. 91]:

1) *принцип обучения на речевых образцах* осуществляется посредством закрепления навыков составления и перевода предложений с обратным порядком слов в разных стилях, лексическими и грамматическими формами вежливой речи, фразами-клише, характерными для иностранного языка;

2) *принцип актуализации лексики* реализуется в процессе изучения иероглифов, ономапии, гендерной и возрастной лексики, фразеологических единиц;

3) *принцип графической визуализации* предполагает работу с текстами на иностранном языке с отсутствием межсловных пробелов, вертикальной организацией текста справа налево;

4) реализация *принципа аугментации фонетических навыков* происходит в процессе аудиро-

вания, обучения говорению и чтению с нормативными интонацией, акцентуацией, удлинением гласных, удвоением согласных в иностранном языке.

Применение вышеобозначенных принципов возможно в специально созданных педагогических условиях, которые будут способствовать эффективному формированию ИКК выпускника технического вуза при обучении иностранному языку. В настоящее время в научно-педагогической литературе не существует единого подхода к понятию «педагогические условия».

Ученые рассматривают педагогические условия как совокупность образовательной и материально-пространственной среды, которые ведут к повышению эффективности педагогического процесса, а также обеспечивают формирование личности обучаемых. Таким образом, *под педагогическими условиями понимается совокупность обязательных и взаимодополняющих мер, которые необходимы для создания наиболее благоприятной обстановки для формирования иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза, изучающих иностранный язык.*

С учетом приведенных выше факторов, нами выделяется и реализуется в формировании ИКК при обучении иностранному языку следующий комплекс педагогических условий:

1. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза, изучающих иностранный язык, основано на следующих доминирующих подходах к образованию: социокультурный, герменевтический, этнокультурный и регионально-этнический. Социокультурный подход предусматривает учет имеющегося социокультурного опыта обучающихся, который играет важную роль в восприятии и оценке социокультурных явлений иностранной культуры. Герменевтический подход, способствующий осмыслению обучающимися логики иностранного языка и необходимости совершенствования своих знаний. Этнокультурный предполагает учет особенностей выпускника технического вуза. Регионально-этнический подразумевает овладение языком и культурой изучаемого языка путем отражения специфики региона и ценностей этноса обучающихся. Совокупность данных подходов, на наш взгляд, наиболее полно и всесторонне обеспечит эффективность формирования ИКК выпускника технического вуза, изучающих иностранный язык в условиях языкового вуза, для удовлетворения образовательных потребностей [14, с. 42].

2. Создание иноязычной среды, направленной на формирование у обучающихся общепрофессиональных и профессиональных компетен-

ций. Данное педагогическое условие представляет собой созданные условия в образовательном процессе, включающие в себя дисциплины и мероприятия, направленные на изучение иностранного языка: аудиторные (практикум по иностранному языку на 1-4 курсах, основы письма на 1 курсе, дисциплины по выбору обучающихся на 3-4 курсах, теоретические дисциплины: лексикология, стилистика, теоретическая грамматика, история иностранного языка на 3-4 курсах и др.), внеаудиторные (кружок культуры, олимпиады по иностранному языку, конкурс устных выступлений на иностранном языке, стажировки в университетах, фестивали культуры и др.) [3, с. 40].

3. Реализация методики формирования иноязычной коммуникативной компетенции выпускника технического вуза при обучении иностранному языку с учетом этнолингвистических, социально-психологических, нравственно-эстетических особенностей выпускника технического вуза.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

В современных условиях формирования общества Россия активизирует международные контакты. Учитывая выгодное геополитическое положение, подготовка специалистов со знанием иностранного языка востребована в образовательной теории и практике Российской Федерации. Обзор теоретических работ, анализ практики вузов и нормативных документов высшего образования свидетельствует о наличии следующего противоречия на социально-педагогическом уровне: между наличием социального заказа на подготовку специалистов со знанием иностранного языка и сложившейся практикой обучения.

Были систематизированы следующие трудности при обучении иностранному языку: *методические* трудности при преподавании – отсутствие единых подходов к обучению иностранному языку в Российской Федерации; обучение с нулевого уровня; снижающаяся мотивация к обучению у студентов, поступивших исключительно в результате заинтересованности иностранной субкультурой; *языковые* трудности при изучении – фонетика: акцентуация, интонация, наличие звуков, не имеющих аналогов в русском языке; грамматический строй.

В статье уточнено понятие «иноязычная коммуникативная компетенция» применительно к иностранному языку как способность к осуществлению межкультурного взаимодействия в устной и письменной формах в пределах для решения задач прагматического характера. Основные компоненты иноязычной коммуникативной компетенции: лингвистическая, в которой выделяются языковая (знание лексики, морфологии, грамматики, синтаксиса, стилистики) и речевая (владение

всеми видами речевой деятельности); социокультурная (знание национально-культурных особенностей, углубление знаний о собственной культуре и умение использовать данные знания при межкультурном взаимодействии) и социолингвистическая (умение учитывать экстралингвистические факторы и выбирать эффективное речевое поведение для решения задач прагматического характера) субкомпетенции. Исходя из анализа теоретических и практических психолого-педагогических источников, были выявлены уровни сформированности иноязычной коммуникативной компетенции (базовый, средний, продвинутой); показатели и критерии сформированности к каждому уровню освоения иноязычной коммуникативной компетенции, включающие все виды иноязычной речевой деятельности.

Выделены дидактические принципы сознательности, систематичности и доступности для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе; общеметодические принципы коммуникативной направленности, программирования речевой деятельности в упражнениях, учета родного языка и принцип устного опережения в обучении чтению; частнометодические принципы обучения на речевых образцах, актуализации лексики, графической визуализации, аугментации фонетических навыков.

Сформулированы педагогические условия, способствующие формированию ИКК студентов при обучении иностранному языку: 1) опора на социокультурный, герменевтический, этнокультурный и регионально-этнический подходы, которые обеспечивают эффективность формирования ИКК студентов в условиях неязыкового вуза; 2) создание иноязычной среды, подразумевающей аудиторную и внеаудиторную деятельность обучающихся; 3) реализация методики формирования ИКК студентов при обучении иностранному языку с учетом особенностей данной категории обучающихся.

Список литературы:

[1] Агеева М.Г., Лапекина Ю.Ю. Педагогическая технология формирования профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов // Педагогика. Вопросы теории и практики. - 2021. - № 2. - С. 27.

[2] Бабанский Ю.К. Педагогика: учеб. пособие. - М.: Просвещение, 1983. - С. 37.

[3] Гудкова С.А., Трешина И.В., Якушева Т.С. Контроль результативности реализации программ экспорта знаний в разрезе формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции в вузе // Вестник ВУиТ. - 2021. - № 1 (47). - С. 40.

[4] Зимняя И.А. Педагогическая психология. - 2-е изд. - М.: Логос, 2004. - С. 89.

[5] Михайлов А.А. К вопросу о сущности формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Современное педагогическое образование. - 2019. - № 11. - С. 89.

[6] Мушенко Е.В., Микаелян Л.А. Модель формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов // Педагогика. Вопросы теории и практики. - 2021. - № 3. - С. 10.

[7] Сардарова С.Н., Абдусаламов М.М. Дискуссия как эффективный инструмент формирования иноязычной коммуникативной компетенции и познавательного развития учащихся // МНКО. - 2021. - № 3 (88). - С. 29.

[8] Сергеева Н.Н. Иноязычная коммуникативная компетенция в сфере профессиональной деятельности: модель и методика развития // Педагогическое образование в России. - 2014. - № 6. - С. 147.

[9] Серова Т.С. Теоретические основы обучения профессионально-ориентированному чтению (немецкий язык в неязыковом вузе): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Серова Тамара Сергеевна. - Пермь, 1989. - С. 140.

[10] Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. - 2. изд. - М.: Просвещение, 2003. - С. 49.

[11] Старков А.П. Обучение английскому языку в средней школе: метод. пособие. - Москва: Просвещение, 1978. - С. 55.

[12] Танцура Т.А. Визуализация в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов вуза // МНКО. - 2021. - № 3 (88). - С. 20.

[13] Федосеева А.П. Возможности формирования иноязычной коммуникативной компетенции посредством использования сервисов WEB 2.0 // Вестник Сургутского гос. педагогического ун-та. - 2021. - № 1 (70). - С. 52.

[14] Хлыбова М.А. Особенности развития иноязычной коммуникативной компетенции магистров // АНИ: педагогика и психология. - 2021. - № 1 (34). - С. 42.

[15] Чернозипунникова Д.А., Кретьева Л.Н. Формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения английскому языку // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. - 2021. - № 5. - С. 91.

[16] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - С. 72.

[17] Canale M. Theoretical bases of communicative approaches to second language

teaching and testing / M. Canale, M. Swaine // *Applied Linguistics*. - 1980. - № 1. - P. 47.

[18] Hymes D. On Communicative Competence / D. Hymes; in J. B. Pride and J. Holmes. - New York: Harmondsworth: Penguin, 1972. - P. 269.

[19] Van Ek J.A. Threshold 1990 / J.A. van Ek a. J.L.M. Trim; Council of Europe. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. - P. 32.

Spisok literatury:

[1] Ageeva M.G., Lapekina Yu.Yu. Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya professional'no-orientirovannoy inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii studentov // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. - 2021. - № 2. - S. 27.

[2] Babanskij Yu.K. Pedagogika: ucheb. posobie. - M.: Prosveshchenie, 1983. - S. 37.[3] Gudkova S.A., Treshina I.V., Yakusheva T.S. Kontrol' realizatsii programm eksporta znaniy v razreze formirovaniya inoyazychnoy professional'no-kommunikativnoj kompetencii v vuze // *Vestnik VUIT*. - 2021. - № 1 (47). - S. 40.

[4] Zimnyaya I.A. Pedagogicheskaya psihologiya. - 2-e izd. - M.: Logos, 2004. - S. 89.[5] Mihajlov A.A. K voprosu o sushchnosti formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. - 2019. - № 11. - S. 89.

[6] Mushenko E.V., Mikaelyan L.A. Model' formirovaniya inoyazychnoy professional'noj kommunikativnoj kompetencii studentov // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. - 2021. - № 3. - S. 10.

[7] Sardarova S.N., Abdusalamov M.M. Diskussiya kak effektivnyj instrument formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii i poznavatel'nogo razvitiya uchashchihsya // *MNKO*. - 2021. - № 3 (88). - S. 29.

[8] Sergeeva N.N. Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetenciya v sfere professional'noj deyatel'nosti: model' i metodika razvitiya // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. - 2014. - № 6. - S. 147.

[9] Serova T.S. Teoreticheskie osnovy obucheniya professional'no-orientirovannomu chteniyu

(nemeckij yazyk v neyazykovom vuze): dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.02 / Serova Tamara Sergeevna. - Perm', 1989. - S. 140.

[10] Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: Bazovyy kurs lekcij: posobie dlya studentov ped. vuzov i uchitelej. - 2. izd. - M.: Prosveshchenie, 2003. - S. 49.

[11] Starkov A.P. Obuchenie anglijskomu yazyku v srednej shkole: metod. posobie. - Moskva: Prosveshchenie, 1978. - S. 55.

[12] Tancura T.A. Vizualizatsiya v processe formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii studentov vuza // *MNKO*. - 2021. - № 3 (88). - S. 20.

[13] Fedoseeva A.P. Vozmozhnosti formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii posredstvom ispol'zovaniya servisov WEB 2.0 // *Vestnik Surgutskogo gos. pedagogicheskogo un-ta*. - 2021. - № 1 (70). - S. 52.

[14] Hlybova M.A. Osobennosti razvitiya inoyazychnoy kommunikativnoj kompetencii magistrrov // *ANI: pedagogika i psihologiya*. - 2021. - № 1 (34). - S. 42.

[15] Chernozipunnikova D.A., Kretova L.N. Formirovanie kommunikativnoj kompetencii v processe obucheniya anglijskomu yazyku // *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya*. - 2021. - № 5. - S. 91.

[16] Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. - M.: Editorial URSS, 2004. - S. 72.

[17] Canale M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing / M. Canale, M. Swaine // *Applied Linguistics*. - 1980. - № 1. - R. 47.

[18] Hymes D. On Communicative Competence / D. Hymes; in J. B. Pride and J. Holmes. - New York: Harmondsworth: Penguin, 1972. - R. 269.

[19] Van Ek J.A. Threshold 1990 / J.A. van Ek a. J.L.M. Trim; Council of Europe. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. - P. 32.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-264-267

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

ПРИНЦИП ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правые и практические проблемы реализации принципа вины в уголовном праве России. Констатируется, что принцип вины неразрывно связан с системой принципов уголовного законодательства. Говорится о роли данного уголовно-правового принципа при выполнении регулятивно-охранительных функций в российском уголовном праве. Автор на основе анализа международных стандартов и уголовного законодательства России приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующего виновное (субъективное) вменение. Отмечается, что наказание должно основываться на анализе вины, лица совершившего преступление.

Ключевые слова: принцип вины, преступление, наказания, личность, невиновное причинение вреда.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE PRINCIPLE OF GUILT IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA: CONTENT AND SIGNIFICANCE

Annotation. The article deals with theoretical and practical problems of the implementation of the principle of guilt in the criminal law of Russia. It is stated that the principle of guilt is inextricably linked with the system of principles of criminal legislation. The role of this criminal law principle in the performance of regulatory and protective functions in Russian criminal law is discussed. Based on an analysis of international standards and criminal legislation of Russia, the author comes to the conclusion that it is necessary to further improve the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates guilty (subjective) imputation. It is noted that punishment should be based on an analysis of the guilt of the person who committed the crime.

Key words: the principle of guilt, crime, punishment, personality, innocent infliction of harm.

Важнейшим требованием уголовно-правовой политики любого цивилизованного государства является наказание исключительно при наличии вины и не допущение любого, от осуждения и ограничения его прав и свобод в случае причинения вреда обществу, государству и личности правомерными действиями [7, с. 296]. Именно поэтому, вина выступает системообразующим фактором, связывающим воедино представления об основаниях, пределах и целях уголовной ответственности, а также является необходимым звеном в осознании места уголовного права в системе социального контроля, «служит важнейшей общефилософской предпосылкой обоснования необходимости и пределов регулятивного воздействия уголовного права на общественную жизнь» [6, с. 3].

Принцип вины в уголовном законе олицетворяет собой также сопологающую идею правосознания [11, с. 72], преломляющуюся через призму правотворческой деятельности.

Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 [1] (далее – Всеобщая декларация) содержит ряд программных положений, гарантирующих возможность и допустимость применения уголовного наказания исключительно к лицу, признанному виновным в совершении преступления:

- право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3);
- право каждого на признание его правосубъектности (ст. 6);
- право на равную защиту закона (ст. 7)
- право на восстановление в правах компетентными национальными судами

- недопустимость произвольного ареста, задержания или изгнания (ст. 9);
- права, действующие в соответствии с принципом презумпции невиновности (ст. 11);
- недопустимость осуждения за преступление на основании совершения какого-либо деяния, которое в момент его совершения не составляло преступления по национальным законам или по международному праву (ст. 11).

Аналогичные требования содержатся также в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16.12.1966 [2] (ст.ст. 9, 11, 14–16). Знаковым моментом приеденного международного документа является предписание о недопустимости лишения свободы на том основании, что лицо не может выполнить какое-либо договорное обязательство (ст. 11), т.е. фактически отсутствует его вина в наступивших неблагоприятных последствиях.

Развитие и совершенствование правовой регламентации принципа вины после принятия Всеобщей декларации на Европейском пространстве имело место в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 [3], установившей согласованность данного принципа с принципами неприкосновенности личности и законности при задержании и заключении под стражу, а также при судебном рассмотрении уголовных дел (ст.ст. 5,6).

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993, в ст. 50 устанавливает дополнительные гарантии и реализации принципа вины как важнейшего правового требования: недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление; запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом [4].

Понятие и основное содержание принципа вины приведено в ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] (далее – УК РФ). Согласно данной норме лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Гарантией назначения уголовного наказания в соответствии с требованиями принципа вины выступает установленный в ч. 2 ст. 5 УК РФ запрет объективного вменения в случае невиновного причинения вреда [5].

Вменить – значит, призвать к ответу, поставить в вину, а иногда и просчитать – сколько лицо должно уплатить в возмещение причиненного им вреда. Совершать подобные действия возможно исключительно при наличии законных оснований

и, прежде всего, вины лица во всех тех последствиях, которые ему вменяются.

Объективное вменение представляет собой попытку игнорирования субъективного отношения лица к своему деянию и его последствиям и замену его «внешней (объективизированной) оценкой, которая может выражаться в категориях «опасное состояние», «социальная упречность», «психическая дефектность» и тому подобных понятиях» [9, с. 99].

Разумно предположить, что «невменение в уголовном праве представляет собой принцип, в соответствии с которым ответственность лица, совершившего запрещенное деяние, исключается на законных основаниях» [9, с. 98].

Действие принципа вины при применении уголовном правовых норм связано с тем, что «объективное выражение воли лица находит только в целенаправленных действиях, т.е. есть поступок человека является единственной формой, в которой воля может найти свое объективное выражение» [10, с. 12]. С этой позиции недопустимо признавать виновно совершенными действия лиц, не достигших возраста уголовной ответственности за конкретные деяния, а также невменяемых (в силу патологического аффекта, душевной болезни, временного расстройства психической деятельности, слабоумия), т.е. вина должна олицетворять собой единство сознания и воли.

Не следует забывать и о том, что принцип вины подразумевает неразрывную правовую и фактическую связь объективных и субъективных признаков состава преступления. При отсутствии любого из элементов этого состава не может идти речь об уголовной ответственности. На практике подобное положение означает, что лицо должно нести ответственность за умышленные преступления только в том случае, если его фактические действия (бездействие) определенным образом соотносились с осознанием, желанием и намерением, а за неосторожные – при осознании характера деяния и его возможных последствий, но легкомысленном расчете на их предотвращение (усилиями жертвы, действиями третьих лиц, влиянием сил природы и т.п.), либо при возможности предвидеть эти последствия.

Если же наступившие последствия не связаны с сознанием и волей лица, они не могут служить основанием для уголовной ответственности [8, с. 280], поскольку в подобной ситуации исключается вина.

Принцип вины тесно связан с принципами законности, гуманности и справедливости, действующими как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном праве. Можно с полной уверенностью утверждать частности, что формула рим-

ского права «Nullumcrimensinepoena, nullaroenasinelege, nullumcrimensinepoenalegāli» (нет преступления без наказания, нет наказания без закона, нет преступления без законного наказания) не утратила своей актуальности до настоящего времени.

Вина возможна только, если деяние признано преступлением в Особенной части УК РФ [5]; в этом смысле можно вести речь о том, что право с позиции философии, являясь элементом надстройки, не всегда соответствует экономическому базису, т.е. сложившимся общественным отношениям, нуждающимся в юридической защите и приобретающим ее только по воле законодателя.

Наказание за совершенное преступление также должно основываться на анализе вины лица (умысел или неосторожность, наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств и т.п.); а в определенной ситуации может также решаться вопрос об освобождении от ответственности или наказания в зависимости от того, насколько возможно достичь цели исправления лица иными мерами. Например, в соответствии со ст.ст. 76.2 и 104.4, 104.5 УК РФ к лицу может быть применено денежное взыскание в виде штрафа, назначаемого судом при освобождении от уголовной ответственности [5]. Но такая мера может быть применена только к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, возместившему ущерб или иным образом загладившему причиненный вред. Следовательно, в данной ситуации «включается» дополнительный субъективный фактор – сознание лицом своей вины в содеянном, которое находит отражение в его действиях по устранению либо минимизации наступивших последствий.

Игнорирование лицом, освобождённым от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, принятого в отношении него решения об уплате в установленный судом срок штрафа, приводит к тому, что данный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ [5].

С позиции положений, высказанных в настоящей статье, следует признать, что содержание формулировки ст. 5 УК РФ нуждается в корректировке, прежде всего за счет включения в нее дефиниции вины, поскольку таковая отсутствует в ст. 5 и в главе 5 «Вина» УК РФ [5].

Представляется, что ст. 5 УК РФ надлежит дополнить ч. 2 в следующей редакции: «Вина – это психическое отношение вменяемого и достигшего возраста ответственности за конкретное преступление, предусмотренное в Особенной части настоящего кодекса лица к совершаемому

им общественно вредному деянию и его последствиям, отражающее отрицательную и пренебрежительную оценку этим лицом к общественным отношениям и ценностям, охраняемым уголовным законом».

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966. // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 04.11.1950 (в ред. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.05.2021).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.05.2021).

[6] Гребенюк А.В. Вина в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 212 с.

[7] Короблёва С.Ю. Концепции вины и проблемы определения виновности в уголовном праве России и зарубежных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). – С. 295–301.

[8] Кравченко В.В. Актуальные вопросы вины в уголовном праве России // Синергия наук. 2020. № 47. – С. 280–284.

[9] Назаренко Г.В. Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2. – С. 97–104.

[10] Рагулина А. В. Спасенников Б. А. Человек (физическое лицо) как субъект преступления // Черные дыры в законодательстве. 2003. № 2. – С. 12–17.

[11] Стрилец О.В. Принцип вины в системе уголовного права // Вестник ВолГУ. 2008. Серия 5. Вып. 10. – С. 72–76.

Spisok literatury:

[1] Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, prinyataya Rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 // Rossijskaya gazeta. № 67. 05.04.1995.

[2] Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. Prinyat rezolyuciej 2200 (HKHI) General'noj Assamblei OON ot 16.12.1966. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 28.04.1976. № 17. St. 291.

[3] Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod. Zaklyuchena v Rime 04.11.950 (v red. ot 13.05.2004) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 2. St. 163.

[4] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 12.05.2021).

[5] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 12.05.2021).

[6] Grebenyuk A.V. Vina v rossijskom ugolovnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2004. – 212 s.

[7] Korablyova S.Yu. Konceptii viny i problemy opredeleniya vinovnosti v ugolovnom prave Rossii i zarubezhnyh stran // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2020. № 3 (836). – S. 295–301.

[8] Kravchenko V.V. Aktual'nye voprosy viny v ugolovnom prave Rossii // Sinergiya nauk. 2020. № 47. – S. 280–284.

[9] Nazarenko G.V. Soderzhatel'nyj i zakonodatel'no-tekhnicheskij aspekty principa sub»ektivnogo vmeneniya (viny) v ugolovnom prave Rossii // YUridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 2. – S. 97–104.

[10] Ragulina A. V. Spasennikov B. A. Chelovek (fizicheskoe lico) kak sub»ekt prestupleniya // Chernye dyry v zakonodatel'stve. 2003. № 2. – S. 12–17.

[11] Strilec O.V. Princip viny v sisteme ugolovnogo prava // Vestnik VolGU. 2008. Seriya 5. Vyp. 10. – S. 72–76.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ОПИСАНИЕ ЗАКАЗНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВУЗОВ: ОТ ПРИЧИН (ОБОСНОВАННОГО ВЫГОВОРА И НЕВЫДАЧИ ПРОЕКТА) К ЗАКАЗЧИКАМ

Аннотация. Историко-правовое исследование того или иного явления в любых отраслях, в том числе в уголовно-правовой науке, представляет собой особую значимость и на любом этапе современной действительности является актуальным, поскольку накопленный с течением времени исторический опыт может стать эффективным средством совершенствования существующей уголовно-правовой правовой системы. В статье автор подвергает исследованию заказные преступления, которые проявлялись в РФ, начиная с 1980 года и оказали непосредственное влияние на формирование современной системы уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступления, организованная преступность, коррупционные преступления, наказуемость.

Natalia Nikolaevna SHELSHAKOVA,
Candidate of Psychological Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

DESCRIPTION OF CONTRACT CRIME AGAINST UNIVERSITY MANAGERS: FROM REASONS (JUSTIFIED REPRIMAND NON-DELIVERY OF THE PROJECT) TO CUSTOMERS

Annotation. Historical and legal research of a particular phenomenon in any field, including in criminal law science, is of particular importance and is relevant at any stage of modern reality, since the historical experience accumulated over time can become an effective means of improving the existing criminal law legal system. In the article, the author examines commissioned crimes that have been manifested in the Russian Federation since 1980 and have had a direct impact on the formation of the modern system of criminal legislation.

Key words: criminal legislation, crimes, organized crime, corruption crimes, punishability.

В начале 1990 года стала очевидной потребность в создании нового нормативного уголовно-правового акта с учетом того обстоятельства, что действующие положения уголовного законодательства уже не отвечали потребностям уголовно-правовой охраны складывающихся общественных отношений, а переход к рыночной экономике обусловил законодательную необходимость отказа от привлечения к уголовной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности, под которой понималась спекулятивная скупка и перепродажа товаров с целью наживы [8].

В октябре 1992 г. Президентом РФ в Верховный Совет был внесен для рассмотрения проект нового Уголовного кодекса с указанием на его актуальность и недопустимость систематизиро-

ванного внесения изменений и дополнений в УК РСФСР 1960 г., который уже не соответствовал сложившимся политико-правовым и социально-экономическим потребностям общества. Данный проект включал в свою систему отдельную главу, посвященную регламентации уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества [13].

Претерпела изменения и глава об уголовной ответственности за хозяйственные преступления, в которую, с учетом происходивших фундаментальных изменений, связанных с переходом государства к рыночной экономике, были включены статьи об уголовной ответственности за лжепредпринимательство, получение кредита путем обмана, нарушение антимонопольного законодательства и т.п. Также в системе проекта были

отражены главы, регламентировавшие привлечение к уголовной ответственности за совершение экологических и транспортных преступлений [15]. Следует отметить то сложнейшее время и обстановку, в условиях которой происходила работа над созданием, обсуждением и принятием нового УК РФ 1996 года. Нельзя не отметить крупнейшее событие XX века – распад СССР. Также необходимо указать на происходящие в нашей стране в тот период коренные изменения, затронувшие социально-экономическую и политико-правовую сферы [14].

После того, как в 1996 году был принят новый УК РФ, в статье 14 понятие преступление стало официально закрепленным, в качестве которого признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания [2]. Законодательное определение преступления носит формально-материальный характер. В отличие от правонарушения, формальный признак преступления заключается в том, что преступным может быть лишь такое деяние, которое запрещено уголовным законом. В связи с этим появились новые «профессии»: например, определение наиболее покупаемых товаров и планирование новых закупок [11]. Так в торговые точки внедрялись преступники, которые занимались закупками товаров с наибольшим количеством психоактивных веществ, при этом надо отметить, что разведывательным управлением своевременно велись поиски недобросовестных производителей. Так предотвращалась сеть незаконных закупок. На данный момент данные преступления устранены. Так определялось количество товаров с наибольшим количеством психоактивных веществ, что позволяло разведывательному управлению своевременно доносить до недобросовестным производителям о неправомерности данных деяний. При этом, не смотря на принятие нового УК РФ, количество отдельно взятых преступлений, всплеск которых пришелся на конец 1993 года и наблюдался до 2005 года, продолжал оставаться высоким. Так, например, организованные преступные группировки, образовавшиеся с принятием Конституции в 1993 году [1], обладали высокой сплоченностью, устойчивостью, криминальным опытом и умелой конспирацией, в течение определенного периода совершали большое количество тяжких преступлений, значительная часть которых остается нераскрытыми и до сегодняшнего дня [12].

Далее приводится пример одного из заказных преступлений.

Заказное преступление

Руководитель образовательной организации («майор АBB») был ученым мирового значения,

под его руководством велись масштабные научные проекты в области медицины, технологии и государственной защиты. Результатами работы руководителя были: решение вопросов государственной защиты (лучшие выпускники с высокими морально-нравственными качествами были приглашены на государственные посты в государственные органы управления разных стран), государственного управления (появление новых школ, детских садов, землеустройство, новые технологии строительства дорог, новые эффективные методы лечения онкологических заболеваний, медикаменты, информационные технологии и др. Однако, в феврале 2019 года произошло жестокое преступление над «майором АBB».

Руководитель «Майор АBB» был человеком принципиальным, поэтому к 2013 году появилось все больше людей, которые больше руководствовались собственными меркантильными желаниями начали скрытно уничтожать то, лучшее, что было сделано данным человеком. В результате в 2013 году справедливый выговор преподавателю. При этом «майор АBB» не учел, что данный сотрудник находилась в отношениях с членом преступных группировок, которые привели к первому подрыву здоровья «майора АBB».

В конце 2018 года руководителем вуза (далее - майор милиции «АBB») был организован конкурс проектов, сотрудники нижнего звена были в полной уверенности, что их проекты пройдут, так как они уже посредством своих супругов они уже оказывали давление на майора АBB в 2013 году.

Однако, будучи человеком принципиальным, проекты не были приняты ввиду их поверхностного обоснования и отсутствия идейной смысловой нагрузки, и в январе 2019 года сотрудники организации не получают денежное вознаграждение в виде 300 000 рублей и возможности получить высокопоставленные должности («министра образования»).

Городские преступники поддерживали руководителя подразделения («Вирус»), так как думали, что она матушка, человек с экстрасенсорными способностями, по какой причине и республика получала миллиардные бюджеты. Ей историю придумали для прикрытия другого человека. Данные по решению проблем передавались чиновникам за вознаграждение (от миллиона рублей) от «мнимой Матушки». Также роль «матушки» была у специалиста по планированию нужных брачных отношений, ей отправлялись данные о возможных гармоничных отношениях между чиновниками. И тогда сотрудники и руководитель подразделения вуза связались с местной преступностью и спланировали заказное преступление против «майора АBB». Преступники пошли на это, так как заказ был поддержан верхушкой

власти, так как «майор АВВ» боролся с преступностью. После февраля 2019 года появилось большое количество копий АВВ, которым делали пластические операции в городе и за рубежом. Предполагаемыми подстрекателями жестокого преступления над АВВ стали те, кому организация не выдала деньги на проекты, а также не продвинула их на высокопоставленные должности (министров и т. д.). Далее они получили привилегии по улучшению условий труда в образовательной организации. Эти сотрудники имели связи с теми, кто уже мог оказывать влияние на «майора АВВ». В начале марта на неофициальных и официальных мероприятиях уже появлялась «копия» майора АВВ. Дальнейшие преступные действия группировки привели к расправе с женщиной-специалистом к апрелю 2019 года, которая видела вблизи именно АВВ незадолго до преступления и, значит, была свидетелем, которая точно распознает «копию» АВВ. Женщина-свидетель выжила, но преступники действуют также скрытно посредством внутренней прослушки, угроз, психологического давления, особое участие продолжает принимать подразделение вуза, которому в январе 2019 года не выдали денег на проект. Цель подразделения (женщин в отношениях с властью города): воспитать патриота и честного гражданина. Цель верхушки власти (мужчин из разных преступных группировках): уничтожить знающего. При этом подразделение организации не понимает, что они стали теперь не только заказчиками, но и исполнителями преступлений против личности.

С апреля 2019 года женщине-сотруднику (возраст до 41 года включительно) организовывали встречи с похожими людьми, она не узнавала «майора АВВ», поэтому на нее продолжали оказывать давление преступники. Только летом 2021 года, поступила информация о установлении личностей заказчиков и исполнителей, связанных с исчезновением «майора АВВ».

АВВ имел связи в посольствах разных стран мира и знал, что за рубежом создавались преступные группировки, в которых были исконно русские военнослужащие, высланные за рубеж после лечения в психиатрической больнице. Они уничтожали своих детей, русских женщин, так как завещал великий муфтий по одной из книг, написанных в одной из-за рубежных стран (содержание этих книг не имело отношения к Корану, но имело это название, так легче было заниматься организацией бандформирований). Книга была переписана с темой ненависти к красивым женщинам славянской внешности, к инаковерующим, к уничтожению родственных связей с целью подготовки воинов и т. д. В связи с распространением преступных группировок по всему миру и на северо-западе с 2016 года преступления становились

все более жестокими: темнокожие подростки из разных стран, которые не относились знатным родам (не имели гражданства в силу, так как их выдворили из шариата в виду следующих причин: сквернословие, распитие спиртных напитков, лизоблюдство) пропадали, далее было установлено, что находясь в алкогольном опьянении местный житель приглашал их на порноринки, где их снимали в непристойных сценах, держали в рабстве, убивали. Обычные семьи контролировались спецслужбами города, основной состав которых были жестокие люди, и именно они помогали через прослушку внутреннего импланта и внешней прослушки помогать в решении личных проблем. Так в городе жил маньяк «Седой», который знал, кто обижает его членов семьи (например, супруга хотела оформить визу в одну из европейских стран, ей отказали, так как знали, о невменяемом состоянии супруга). Такая обида супруги привела к организации данным преступником теракта в данной стране. Тот же случай: супруге молочник нагрубил, он был иностранцем, его насильно завезли в один из районов города, которое имело близкое к университету название и убили. Узнав об этом маньяке, сотрудник «майор АВВ» стал отправлять информацию полицейскому «Колокольчику» и «Роялю».

Трупы подростков отвозили в больницах провинциального города, патологоанатомы прятали в них записки с указанием разведывательной информации об обстановке в мире, так как АВВ владел имплантом женщины, у которой были способности распознавания информации об истинном положении дел в мире. Организованная преступность города знала о существовании этой женщины, которая контролировала ситуацию в городе и тяжкие преступления не совершались. Все выше указанные преступления совершались в темное время суток и в подземельях. Когда возникла война между «майором АВВ» и «Вирусом», все группировки города обозлились на «АВВ», так как «Вирус» - провидица («матушка»), а «майор АВВ» ее обижает. Зная принципиальность и честность «майора АВВ», многие догадались, что «Вирус» не является матушкой и тем специалистом.

Руководитель образовательной организации «майор АВВ» узнал, что в городе организована «продажа сексуальных услуг несовершеннолетних, людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией». Он в сотрудничестве с другом «Цветочком» стал выступать скрытым покупателем данных услуг, в виде покупателя он забирал детей и прятал, помогал устроиться в городе, реабилитировал родителей.

Майор АВВ был под прикрытием и имел статус «вор в законе», что означало прямую связь с прямыми потомками Российской империи. Дан-

ный статус для майора АБВ означал помощь нуждающимся. Он умел прогнозировать ситуации и поведение людей, черпал источники вдохновения в естественной среде музыки, живописи, занимался благотворительностью, отличался скромностью, заботой о старших. Его роль в преступном сообществе провинциального города состояла в предотвращении заказных убийств, профилактике преступлений, помощи малоимущим, семье-устройстве. Именно он контролировал имплант женщины-специалиста и помогал ей. У женщины появился враг на высоком государственном уровне, так как вся идущая от нее информация в центр полностью меняла политику террора на гуманистические позиции, что было не нужно криминальным группировкам, которые контролировали порнобизнес, заказные преступления, межнациональные преступления и т.д.

Однако, майор АБВ не знал, что в стане сторонников правопорядка появился враг на высокопоставленной должности. Он стал для АБВ врагом на почве внезапно появившейся личной конкуренции. За АБВ стали следить, «друзья», контролировали его передвижения под прикрытием необходимости его безопасности. В конце февраля 2019 года в образовательной организации сообщили, что АБВ «заказали», что означало совершение против него тяжкого преступления. Высокопоставленное лицо назначило встречу АБВ, привозит его в психоневрологический диспансер. Далее преступники на разных должностях от государственных до бизнесменов жестоко расправились с АБВ за невыдачу настоящей матушки и раскрытие лобби педофилов. Далее судьба АБВ неизвестна. По городу распространялись слухи, что «майор АБВ» был участником преступной группировки, но мало кто знал, что он как раз с друзьями занимались предотвращением заказных преступлений, особенно связанных с детьми. Поэтому, когда в середине мая 2019 года сотрудники начали понимать, что с «майором АБВ» случилось несчастье, у некоторых сотрудников низ стоящих отделов особой жалости не было, так как опять высокопоставленные должностные лица распространяли слухи о том, что устранили преступника.

Второй версией преступления, стало то, что АБВ узнал всех членов преступного сообщества, занимающихся продажей «сексуальных услуг». Педофилы боялись раскрытия Ворониным их группировки, «майор АБВ» работал как подставной покупатель «детских услуг», спасал детей, помогал реабилитироваться семьям, в результате запланированного преступления в конце февраля 2019 года он пропадает. Поиски ведутся до сих пор. Третье версией, жестокого преступления является наследство, майор АБВ планировал жениться, что не входило в планы близких род-

ственников. Четвертой версией преступления стала месть бывшего мужа любимой женщины «майора АБВ». Местные преступники пытались под эту версию собрать доказательства, чтобы скрыть лобби педофилов. Независимое расследование показало, что бывший муж сотрудницы не имеет к преступлению над «майором АБВ» никакого отношения. Пятой версией преступления, была связана с тем, что после возможной женитьбы «майора АБВ» с женщиной, которая не связана с криминальным миром, могут исчезнуть доходы мафии, которые могли по предварительной версии продавать услугу по искусственному оплодотворению («сам «майор АБВ» этим не занимался, не сдавал) от людей похожих на «майора АБВ» мужчин). Вот по какой причине распространились слухи о несуществующих многочисленных связях с женщинами, которые появились уже после исчезновения «майора АБВ».

После исчезновения АБВ, расправы с его сотрудницей, которая не увенчалась успехом, после выхода статей про тоталитарное государство, начались гонения на мирных жителей (высокопоставленным особы не планировали отключаться о системы прослушки). Летом 2021 года на сотрудницу вышли «семьи», которые связаны с террористическими бандформированиями мирового значения, которые занимаются подключением к системе – шариата: за каждую провинность идет жесткое издевательство над человеком. Этому способствовали активные действия испугавшимися сотрудников все того же учреждения. Руководство подразделений организации и советники стараются предотвратить деятельность мирных граждан, которые не желают, чтобы их прослушивали, передавали данные, лишали свободы. Особое внимание уделяется поиску сотрудников преступных спецслужб, которые при контроле систем прослушивания граждан занимаются стравливанием граждан одного региона или страны. Так под видом лечения разных заболеваний, устройство (гидровентилятор) стал использоваться преступными спецслужбами в качестве метода устрашения. Устройство транслирует в виде наказания - устрашение гражданину от имени и с голосом известного ему человека, далее гражданин будучи запуганным пишет на данных граждан, чей голос он слышал, жалобу на реального человека, и с ним разбираются. При этом реальный человек может быть и в неведении, что его голос стал угрожающим для какого-то гражданина.

Особое внимание надо уделить возможности расследования преступлений особо тяжких преступлений. Часто жертвы и свидетели таких преступлений не пишут жалобы и заявления в правоохранительные органы в виду недоверия и отсутствия результата работы, поэтому появля-

ются публикации в журналах с указанием прозвищ, кличек похожих на настоящие инициалы возможных участников событий. Это требуется для проведения следственных действий, когда все свидетели находятся в одном городе под контролем служб, которые участвовали в организации преступления и к моменту приезда независимых служб контролируют прослушку данных свидетелей-участников. Так, прочитав статью с прозвищами, по психоэмоциональному состоянию свидетелей, по физиологическим изменениям (расширению зрачков, покраснение кожных покровов) и по поведенческим реакциям на публикацию (дальнейший поиск помощников, устранение журнала из базы данных, написанию жалоб на автора статей) легко определить участников особо тяжкого преступления описанного выше. Те, кто, прочитав публикации не нашел сходств с прозвищами или нашел сходства, но не увидел своего деяния, перестает быть подозреваемым [9, 10]. Именно эта информация ценна для независимой службы разведки. Каждый законопослушный гражданин, не имеющий отношения к преступлению при прочтении прозвища в кавычках не должен обращать внимания, так как вопрос касается расследования преступления, а значит репутация может быть задета только при написании полных инициалов. Все остальные эмоции (обиды на похожие прозвища) должны быть поняты гражданами в пользу исполнения долга перед жертвами преступлений. Тот кто, не совершил недостойного поступка, не нашел проявления своего греха, тот не обратит внимание на «внешние признаки не своей одежды». Те, кто нашел похожие поступки у себя, может также не расстраиваться, успокоиться, так как у каждого своя одежда, а значит грехи есть у всех, только кто-то их поясняет себе и останавливается, при этом грех прощается самим собой, а кто-то продолжает мстить, манипулировать, страшать, тем самым наращивая то, что может исчезнуть. При осознании кажущегося своего греха, главное – остановиться. Мерилом избавления от грехов является забота о детях и милосердие [3, 4].

Таким образом, данное преступление стало темным пятном истории в РФ.

Начиная с конца 2000 по 2010 год, наблюдается резкое снижение такого вида преступлений, как организованные преступления. Снижение такой динамики возможно связано с увеличением количества преступлений неорганизованными группами, о которых государство не знало. При этом возросло количество других не менее опасных преступлений в сфере коррупционной деятельности и других видов деятельности [5, 6]. В 2019 году из 1702 лиц, осужденных за получение взятки по ст. 290 УК РФ, конфискация применена к 88 лицам, что составляет 5%. Аналогично в 2020 г.

из 1334 осужденных за получение взятки конфискация применена лишь к 67 лицам, или к 5% осужденных. Не изменилась ситуация и в 2021 г. За этот период судами Российской Федерации осуждено по ст. 290 УК РФ 1098 лиц, конфискация имущества применена лишь к 65 из них, т. е. в 5,9% случаев [14, 16].

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что преступление во все времена рассматривалось в качестве человеческого поведенческого акта, которое должно быть обязательно наказуемым в случае причинения физического, психологического и имущественного ущерба обеим сторонам: объекту и субъекту. Начиная с 1980 по 2021 год, произошла трансформация не только уголовного законодательства, регламентирующего отдельно взятые категории преступлений, но и наблюдаются изменения в количественном совершении тех или иных преступлений в отдельно взятый период. Это свидетельствует о том, что для каждого исторического периода характерно наличие такого антисоциального явления, как преступление, высокие показатели отдельных видов которых отражают уровень развития общества и государства, особенно в части законодательства, развития информационных технологий и непрерывного образования [7].

На сегодня залогом успешного развития уголовного законодательства, а также учения о преступлении является учет достижений предшествующих исторических периодов развития законодательства, в том числе советского периода истории РФ.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) (ред. от 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 4. - Ст. 445.
- [2] Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - №25. - Ст. 2954.
- [3] Агапов, П.В. Преступление. Виды преступления. Уголовно-правовые аспекты / П.В. Агапов. - М., 2017. - 236 с.
- [4] Босхолов, С.С. Проблемы криминализации и декриминализации преступлений в Уголовном кодексе России / С.С. Босхолов // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. - 2018. - №2. - С. 146.
- [5] Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. - 695 с.
- [6] Исмаилов, С.К. Преступление и наказание / С.К. Исмаилов // Российский вестник. - 2017. - №25. - С. 19.

[7] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85_%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%91%D0%BD%D0%BA%D0%B0

[8] Кара-Мурза, С. Г. Две революции - два проекта / С.Г. Кара-Мурза. – М., 2017. – 487 с.

[9] Основные статистические данные о преступлениях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: genproc.gov.ru (дата обращения 20.07.2021).

[10] Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (дата обращения 20.07.2021).

[11] Смердов, А.А. Уголовное право: учебник / А.А. Смердов. - М., 2018. – 515 с.

[12] Тарасова, М. В. Юридическая природа конфискации имущества в российском уголовном законодательстве / М.В. Тарасова // Правосудие. - 2018. - № 2. - С. 61.

[13] Шеслер, А.В. Почему уголовное наказание должно быть карой / А.В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 1. - С. 86–95.

[14] Boskcholov, S. S. Property for feiture in criminal legislation: national and international aspects / S.S Boskcholov // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Volume L (50) eISSN: 2357-1330. - P. 1144–1149.

[15] Drobyshevsky, S. A. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: osnovnye klassicheskie idei [History of political and legal teachings: the main classical ideas] / S.A. Drobyshevsky. - Moscow, Norma, 2020. – 331 p.

[16] Shesler, A. V. Pochemu ugovolnoe nakazanie dolzhno byt' karoj [Why criminal punishment should be a punishment]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute] / A.V. Shesler. - 2019. - no. 1. - P. 86–95.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 goda) (red. ot 01.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 2009. - № 4. - St. 445.

[2] Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. 01.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 1996. - №25. - St. 2954.

[3] Agapov, P.V. Prestuplenie. Vidy prestupleniya. Ugolovno-pravovye aspekty / P.V. Agapov. - M., 2017. – 236 s.

[4] Boskholov, S.S. Problemy kriminalizacii i dekriminalizacii prestuplenij v Ugolovnom kodekse Rossii / S.S. Boskholov // Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnyh stran. - 2018. - №2. - S. 146.

[5] Vladimirskej-Budanov, M.F. Obzor istorii russkogo prava / M.F. Vladimirskej-Budanov. - Rostov-na-Donu: Feniks, 2017. – 695 s.

[6] Ismailov, S.K. Prestuplenie i nakazanie / S.K. Ismailov // Rossijskij vestnik. – 2017.- №25. – S. 19.

[7] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85_%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%91%D0%BD%D0%BA%D0%B0

[8] Kara-Murza, S. G. Dve revolyucii - dva proekta / S.G. Kara-Murza. – М., 2017. – 487 с.

[9] Osnovnye statisticheskie dannye o prestupleniyah. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: genproc.gov.ru (data obrashcheniya 20.07.2021).

[10] Oficial'nyj sajt sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (data obrashcheniya 20.07.2021).

[11] Smerdov, A.A. Ugovolnoe pravo: uchebnik / A.A. Smerdov. - М., 2018. – 515 s.

[12] Tarasova, M. V. YUridicheskaya priroda konfiskacii imushchestva v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve / M.V. Tarasova // Pravosudie. - 2018. - № 2. - S. 61.

[13] Shesler, A.V. Pochemu ugovolnoe nakazanie dolzhno byt' karoj / A.V. SShesler // Vestnik Kuzbasskogo instituta. - 2019. - № 1. - S. 86–95.

[14] Boskcholov, S. S. Property for feiture in criminal legislation: national and international aspects / S.S Boskcholov // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Volume L (50) eISSN: 2357-1330. - P. 1144–1149.

[15] Drobyshevsky, S. A. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: osnovnye klassicheskie idei [History of political and legal teachings: the main classical ideas] / S.A. Drobyshevsky. - Moscow, Norma, 2020. – 331 p.

[16] Shesler, A. V. Pochemu ugovolnoe nakazanie dolzhno byt' karoj [Why criminal punishment should be a punishment]. Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute] / A.V. Shesler. - 2019. - no. 1. - P. 86–95.

ВИНОГРАДОВА Е.В.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной власти
правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института РУДН,
e-mail: evsfrf@gmail.com

ЗАХАРЦЕВ С.И.,
доктор юридических наук, заведующий кафедрой
адвокатуры и правоохранительной деятельности
Российского государственного социального университета,
академик РАЕН,
e-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
e-mail: Fonduniver@bk.ru

УБИЙСТВА, РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫЕ ПРАВОМ

Аннотация. Традиционно считается, что умышленное причинение смерти другому человеку необходимо квалифицировать, как преступление. Вместе с тем, размышления о ценности человеческой жизни в аспекте возможности применения смертной казни позволяют предположить, что причинение смерти не всегда может считаться убийством. В статье анализируются возможности причинения смерти, не признаваемые убийством. Сквозь призму гуманитарных идей и ценностей, формулируются положения уникальной грани права - регламентации убийств.

Ключевые слова: убийство, причинение смерти, умышленное лишение жизни другого человека.

VINOGRADOVA E. V.,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Judicial Power,
Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

ZAKHARTSEV S. I.,
Doctor of Law, Head of the Department of
Advocacy and Law Enforcement
Russian State Social University,
Academician of the Russian Academy of Sciences

SALNIKOV V.P.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary
Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

MURDERS REGULATED BY LAW

Annotation. It is traditionally considered, that the intentional infliction of death to another person must be qualified as a crime. At the same time, reflections on the value of human life in the aspect of the possibility of applying the death penalty suggest that causing death may not always be considered murder. The article analyzes the possibilities of causing death that are not recognized as murder. Through the prism of humanitarian ideas and values, the provisions on the unique facet of law - the regulation of murders are formulated.

Key words: murder, causing death, intentional deprivation of another person's life.

Мы продолжаем развивать комплексную теорию права, и рассмотрим его очередную грань. Это грань ярко видна как в научной, так и не научной среде благодаря писателям, пишущим как лирику, так и детективы. При этом неюристы не задумываются, а юристы обычно стараются избегать объективных, но негативных рассуждений о праве в контексте прочитанных литературных книг и их экранизаций.

Вместе с тем, есть писатели, которые очень тонко и точно показывают различные грани права, в т.ч. такие как запутанность и несправедливость. В произведениях великих писателей, отмечал философ В.С. Степин, может быть разработана и выражена в материале и языке литературного творчества даже целостная философская система, сопоставимая по своей значимости с концепциями великих творцов философии (известным примером в этом плане является литературное творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского). Действительно, вспомним роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», другие произведения выдающегося писателя и задумаемся, каким бывает право: справедливым или нет, добрые или откровенно негативные поступки регламентированы им? Еще более красочно право показано у Агаты Кристи в знаменитых «Десяти негрятях».

Вдумайтесь, ведь право позволяет безнаказанно убивать. И такая грань была у права всегда. Имеется и сейчас.

Рассмотрим несколько примеров. И начнем с медицинского права. Оно во всех странах сформулировано так, что вина врача при смерти пациента мало доказуема. Информация о том, что больному в клинике врачи несвоевременно оказали помощь, или ошиблись с диагнозом, или находились в нетрезвом виде, или по халатности во время медицинских процедур сами заразили болезнь, или случайно зарезали на операции и т.д., «гуляет» по медицинским учреждениям. Но доказательств нет. Везде – кроме очевидных-очевидных случаев – у врачей имеются правовые возможности описать свои действия так, чтобы они выглядели допустимыми.

При этом медицинское сообщество обычно строго монолитно, заступает за коллег и не позволит оформить документы, показывающие разгильдяйство, ошибку и пр.

Другой, уже не раз обсуждаемый нами пример, – показания. Приговоры, какими бы они были ни мотивированными, чаще основываются на показаниях. Почему-то практически во всех странах именно показания являются главным доказа-

тельством. Но показания могут быть как истинными, так и заведомо ложными. Но их заведомая ложность и обман позволяют отправить человека в тюрьму и на виселицу. Причем именем права. И такой приговор будет правосуден, как правило, навсегда. А люди, давшие заведомо ложные показания, равно как и судьи, вынесшие заведомо неправосудные приговоры, обычно не несут ответственности.

Отметим, что сообщество судей, как и врачей, тоже корпоративно и тоже не стремится создавать прецеденты привлечения коллег к ответственности. Мы изучали профессиональную деформацию людей, вовлеченных в сферу правосудия: судей, прокуроров, следователей, оперативников и т.д. В ходе исследований обратили внимание на некоторую особенность, встречающуюся у отдельных судей. Встречаются те из них, которые ставят себя буквально выше закона и права, считают, что какое решение приняли – то и верно. Убедить их в обратном, заставить пересмотреть свою аргументацию и даже просто прислушаться к противоположным доводам подчас невозможно. В ходе неофициального анкетирования и опрашивания приходилось слышать буквально такие слова: «Я судья! Я могу все! Как решу – так и будет!». Известны случаи, когда бывшие судьи даже Конституционного Суда высказывали идею представления права судьи выносить решения исходя не из закона, а из судейского убеждения и права в целом.

Кроме того, судьи как России, так и зарубежья, наделены рядом особых прав и иммунитетов, имеют особый статус. Даже возбуждение уголовного дела в отношении судей в ряде стран, в т.ч. России, имеет отдельную усложненную процедуру. Судьи своим особым статусом дорожат. И как признался нам председатель одного из областных судов, независимо от отношений внутри судейского коллектива, судьи стремятся сохранить свою монолитную корпоративность и нацелены защищать друг друга от внешних угроз. Делается это главным образом в целях собственной безопасности. И именем права...

Вопросы дорожно-транспортных происшествий тоже далеко не всегда связаны со справедливостью. Встречаются ситуации, когда человек, управляя транспортным средством, попал в аварию, в результате чего погибли люди. Но ситуация выглядит как несчастный случай. Водителя оправдывают. И лишь потом, по истечении времени человек честно рассказывает о том, что на самом деле нарушал скоростной режим, разметку, находился за рулем в нетрезвом виде. Но несвоевременность действия дознания, отсутствие свиде-

лей и т.д. помогли развернуть дело в свою пользу. Подобные ошибочные решения считаются правовыми. Или по-другому: дело в самом праве, которое противоречиво, предусматривает возможность ошибок и неточностей.

Встречаются и обратные ситуации, тоже ярко характеризующие право. Когда водитель строго соблюдал правила дорожного движения, но авария по независящим от него обстоятельствам все равно произошла, погибли люди, а его признали виновным. Например, водитель ехал по городу с разрешенной скоростью, перед пешеходным переходом как положено сбавил скорость, но двигавшиеся по тротуару и не желавшие переходить дорогу женщина и ребенок поскользнулись и упали под колеса, прямо на «зебре». И таких примеров, когда от водителя на самом деле ничего не зависит, хватает. Причем он все равно будет признан виновным. Недаром автомобиль относят к источникам повышенной опасности.

Неоказание или умышленное несвоевременное оказание помощи больному, в т.ч. несвоевременный вызов врача, тоже может быть практически недоказуемым способом совершения убийства, отъема имущества, получения наследства и т.д. Соответственно, не наказуемым с правовой точки зрения поступком.

Отдельные юристы пытались сформулировать правила ведения войн и объединить их правовые нормы и кодексы. По нашему убеждению, война – это по определению насилие, жестокость, убийства. Никакого законного режима ее осуществления добиться невозможно (если, конечно, не считать саму войну с насилием и жестокостью частью права). Вспомните, Великую Отечественную войну. Часть командующих фронтов брали города, стараясь как-то беречь солдат, часть – нет. История помнит много приказов, когда солдат для взятия городов и укреплений отправляли на верную смерть. Убийство это или нет? Но принято не задумываться над тем, что подчас больших жертв можно было избежать.

Подобных примеров много. Например, из дома, в котором есть мирное население, стреляет вражеский пулемет. Имеет ли право командир дать приказ на уничтожение дома или должен терпеть гибель своих солдат? Видимо, имеет право. Тем более, неизвестно, насколько мирное население в этом доме и на чьей стороне оно воюет. Но в результате приказа на уничтожение мирное население погибнет...

Не так давно, во время чеченского конфликта, произошел известный случай. Группа сотрудников военной разведки, двигаясь по территории, контролируемой противником, столкну-

лась с четырьмя мирными жителями. Командир разведгруппы принял решение об уничтожении этих жителей, что и было сделано. Его мотивировка была предельно проста. Эти жители спокойно проживают на территории противника, скорее всего ему симпатизируют, поэтому наверняка расскажут врагам о выявлении разведгруппы, что приведет к гибели разведчиков. После выполнения разведгруппой задания и возвращения в расположение части был вскрыт факт расстрела мирных жителей. Командира разведгруппы отдали под суд. Однако суд присяжных его оправдал и посчитал его действия правомерными.

В «Десяти негрятых» описывается случай откровенного убийства на войне. Это когда генерал послал на верную смерть своего подчиненного – любовника жены. Имел генерал право послать подчиненного на смертельное задание? Конечно, имел! Все по праву.

Одним словом, у войны свои правила. И действия на войне, в т.ч. связанные с убийством, далеко не всегда будут расцениваться как убийства и даже как нарушения закона. Но вопрос в другом, предусматривает ли право войну и вооруженные конфликты? Да, предусматривает: для защиты Родины, суверенитета, целостности, защиты населения. Ничего удивительного в этом нет. Но тогда надо признать, что право пусть в благих целях по защите Родины и населения регламентирует и уничтожение противника.

Тоже относится и к справедливо регламентированной правом деятельности по освобождению заложников и убийству террористов. Надо признать, что право предусматривает уничтожение людей (пусть даже преступников). Но теоретики об этом почему-то избегают писать.

Здесь интересно перейти и к другим вопросам. Например, задуматься о том, что право за отдельные преступления разрешает смертную казнь. Но что такое смертная казнь? По своей сути – это тоже убийство, только убийство преступников. Но получается так, что жизнь человеку дает Всевышний, родители. А убивает человека действие, которое считается правовым правом.

Здесь мы не будем обсуждать, нужно ли такое наказание как смертная казнь или не нужно. Этому посвящены отдельные исследования, в т.ч. и наши. Мы просто констатируем факт того, что право такое жестокое наказание разрешает. Однако вот в чем проблема: смертная казнь допускается не только за убийства, что хотя бы более-менее объяснимо [7, с. 5 - 65]. Смертная казнь в ряде стран допускается за измену государству, коррупцию и хищения, аморальные действия и

т.д. Иными словами, право само регламентирует убийство в виде смертной казни.

Правом регулируются действия в состоянии необходимой обороны и при задержании лица, совершившего преступление. Помните? Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным. Данные положения регламентированы ст. 37 и 38 УК РФ, но аналогичные статьи есть и в кодексах практически всех зарубежных государств. Сразу скажем, что указанные нормы вполне справедливы и обязательно должны быть. Но только вновь обратим внимание, что они устанавливают, в т.ч. и возможность причинения смерти при необходимой обороне или при задержании преступника. То есть, опять видно, что право регламентирует и убийства людей.

Еще раз подчеркнем: этот вывод важен нам не потому, что мы против необходимой обороны или силовых задержаний. Вывод важен нам для того, чтобы точнее понять сущность права. О праве часто пишут крайне односторонне, например, как о свободе и добре. Но на самом деле право - явление интересное, глубокое и неоднозначное. В ряде случаев оно допускает и причинение смерти.

А далее давайте задумаемся. При применении смертной казни за совершение преступлений судебные ошибки были? Конечно, были всегда, за весь период существования человека и права! Более того, исторический опыт убедительно свидетельствует, что от таких ошибок никак не застраховаться и их полностью не избежать! Но, тем не менее, право все равно устанавливает смертную казнь.

Случаев ошибок при необходимой обороне и задержании еще больше. Причем, как и в дорожно-транспортных происшествиях, виновными могут быть все. Рассмотрим два типичных примера. Мужчина вечером возвращается домой, на него в безлюдном месте нападают два хулигана или разбойника, один из которых с ножом, угро-

жают убийством. Мужчина выворачивается, хватая валяющийся рядом тяжелый предмет (металлический прут, камень, лопату), обороняется. Бьет насмерть одного из нападавших по голове, а другой, имевший при себе нож, убегает. Свидетелей нет. Что видит прибывшая на происшествие следственная группа: мужчину с тяжелым предметом в руках и убитого им невооруженного человека. Доказать мужчине невиновность очень тяжело. А если убитый был ранее не судим и неплохо характеризовался, то доказать невиновность практически невозможно. В самом лучшем случае обвинят в превышении пределов необходимой обороны, но могут и в убийстве (из-за внезапно возникшей ссоры, по другим мотивам). По этой причине многие сотрудники правоохранительных органов и спецслужб России избегают применять для самообороны свое табельное огнестрельное оружие и даже не любят носить его с собой. Говорят они одно и то же: применишь - не отпишешься!

Возможен и обратный вариант: необходимую оборону можно подстроить. Например, жена хочет убить мужа и делает это в момент, когда у того в руке нож. Показания, что муж ее избивал, постоянно угрожал убийством и в этих целях сейчас схватил нож, сделают женщине отличное алиби. Особенно, если ранее она будет системно жаловаться на садиста-мужа знакомым.

Право допускает, а в какой-то степени и регламентирует более изощренные формы убийства, например, эвтаназию (умертвление). В значительной части государств она уже легализована и является неотъемлемой частью права. Это касается и некоторых европейских стран, например, Нидерландов и Бельгии. Эвтаназия является обычным медицинским убийством тяжелобольного человека, осуществленным по его просьбе или с согласия. И такое убийство считается правовым, тоже входит в многозначность понятия права.

В настоящее время в России эвтаназия не применяется. Ее применение противоречит русским национальным традициям, Православной вере. Однако будем объективны, в России о национальных традициях периодически забывают и начинают копировать все подряд с Запада. Например, на Руси, жившей общиной, права государства всегда стояли выше или по крайней мере не ниже личных прав человека. Однако Конституция РФ 1993 г. вдруг признала приоритет личных прав над общественными. В России, к сожалению, бывает все, а значит, могут эвтаназию разрешить.

Ярким подтверждением этому является введение в России хосписов. Хосписы – учреждения, где лежат люди и ожидают смерти без оказания

медицинской помощи. По своей сути нахождение человека в хосписе тоже можно отнести к завуалированным убийствам. Человеку не оказывают никакой медицинской помощи, а терпеливо ждут его кончины. Деятельность хосписов тоже урегулирована правом.

Можно привести и другие примеры того, что право регламентирует, в т.ч. и убийства.

В завершение еще раз повторим, что несколько лет назад мы разработали компрекендную теорию права. Предметом компрекендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Предмет теории компрекендного изучения права включает также: закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии; закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.); перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы отказываемся от идеализации права и стараемся познать его объективно, всесторонне. Ученым полюбились наше сравнение права с бриллиантом. Как известно, самая распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. Нам представляется, что пока не будут изучены как минимум эти 57 граней, к познанию права человечество не придет. Такой подход вызвал поддержку у многих специалистов.

В данной статье мы констатируем, что у такого, казалось бы, светлого, чистого, свободного понятия, как право, имеется удивительная грань – регламентация убийств. А может быть, - с учетом регламентации им не только светлых идей, но и банальных глупостей, наличии откровенных противоречий и упущений, объективной зависимости от множества факторов и т.д. – право не такое уж идеальное и чистое явление?

Сущность права и его будущее очень интересны.

Данной статье мы вовсе не призываем ученых спорить об убийствах. Мы хотим, чтобы все специалисты чуть по-новому, - глубже и честней! - подумали о праве. Нам кажется, что это путь к его объективному познанию.

Список литературы:

[1] Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения чело-

века // Юридическая наука: история и современность. - 2020. - № 6. - С. 170 - 177.

[2] Богатырев Д.К. От логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 1. – С. 352 - 360.

[3] Гвай А.М., Захарцев С.И. Уголовная ответственность за убийства в контексте оперативно-розыскной деятельности и доказывания / под ред. С.И. Захарцева. - М.: Юрлитинформ, 2021. – 272 с.

[4] Виноградова Е.В. Трансплантация. Перспективы регулирования // Образование и право. - 2021. - № 5. - С. 61 - 67.

[5] Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения. - М.: Юрлитинформ, 2021. - 440 с. DOI: 10.17513/np.453.

[6] Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.

[7] Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: курс лекций / вступ. ст. В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. (Серия: «Наука и общество»).

[8] Наумов А.В. Преступления и наказания в истории России: в 2 ч. - 2 изд, перераб и доп. - М.: Проспект, 2021. - Ч. I. – 704 с.

[9] Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.: The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. - London: Europe Books, 2021. - 450 p.

[10] Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. DOI 10.17513/np.452

Spisok literatury:

[1] Aristotel'. Politika. - SPb., 1865. - Kn. 1. - Gl. 1. - S. 7 - 8.

[2] Voloshinov V.N. Frejdzizm. - M., 1993. - S. 58.

[3] Gumnickij G. Osnovy etiki. - Ch. 1. - S. 51.

[4] Marks K., Engel's F. - Soch. T. 18. - S. 273.

[5] Muromcev. S.A. Opredelenie i osnovnoe razreshenie prava / Muromcev S. A.; vstup. st., komment. Yu. I. Grevcova. - 2-e izd., dop. – SPb.: Izdatel'skij dom SPbGU; Izd-vo yurid. fakul'teta SPbGU, 2004. - 224 s.

[6] Russo Zhan-Zhak. "Rassuzhdenie o naukah i iskusstvah, poluchivshee premiyu Dizhonskoj akademii v 1750 godu, na temu, predlozhennuyu etoj zhe akademiej: Sposobstvovalo li vozrozhdenie nauk i iskusstv uluchsheniyu npravov?" // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal - 2012. - № 2. - S. 55.

[7] Rybakov O.Yu. Metodologicheskoe znachenie teorii pravovoj politiki // Yuridicheskaya nauka. - 2017. - № 4. - S. 50 - 53.

[8] Stepanenko R.F. Pravovoe sodержanie social'no-ekonomicheskoy kategorii "kachestvo zhizni": analiticheskij diskurs // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki. - 2021. - T. 25. - № 2. - S. 376 - 394.

[9] Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Gosudarstvo i pravo. - 2020. - № 6. - S. 79 - 89.

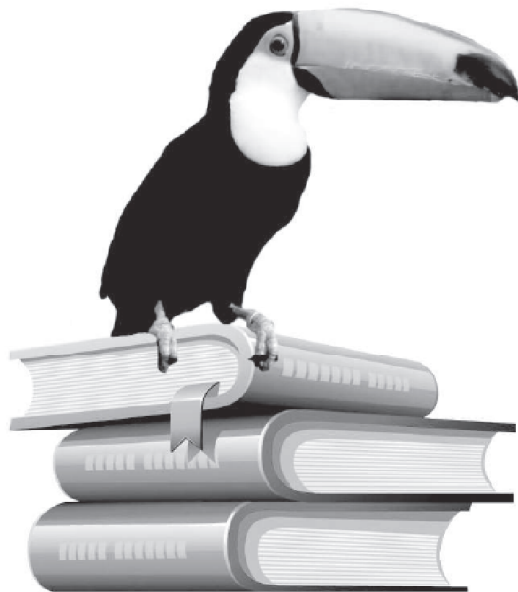
[10] Stepanenko R.F., Soldatova A.V. Pravo kul'turnye processy v yuridicheskom obrazovanii:

problemy i perspektivy // Vestnik TISBI. - 2021. - № 2. - S. 5 - 12.

[11] Hamidullina F.I. "Osnovy npravstvennosti" kak kompleksnaya yuridicheskaya konstrukciya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2018. - № 1 (157). - S. 71 - 75.

[12] Mal'ko A.V., Kostyukov A.N., Krotkova N.V. Pravovaya politika v sovremennoj Rossii: aktual'nye problemy teorii i praktiki (Obzor materialov «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 6. S. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9

[13] Mal'ko A.V., Gur'ev V.V., Zatonskiy V.A., Krotkova N.V. Pravovaya kul'tura, pravovaya politika i prava cheloveka (Obzor materialov nauchno-prakticheskoy konferencii) // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 2. S. 145 - 159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВИНЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ КОМПЕНСАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕОБОСНОВАННЫМ УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема вины частного обвинителя как основания его гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный необоснованным уголовным преследованием. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что какой-либо специальный порядок взыскания компенсации причиненного действиями частного обвинителя морального и материального вреда не установлен, судебная практика по данной категории дел является противоречивой, отсутствуют какие-либо руководящие разъяснения Верховного Суда РФ. Автор обосновывается невозможность применения к рассматриваемым правоотношениям норм уголовно-процессуального законодательства о реабилитации, анализируются позиции Конституционного Суда РФ об обязанности государства содействовать гражданам в защите их прав и законных интересов, затронутых необоснованным уголовным преследованием. С учетом выводов высших судов, в статье последовательно раскрывается принцип виновной гражданско-правовой ответственности частного обвинителя при необоснованном уголовном преследовании. На основе анализа судебной практики по данной категории дел автор рассматриваются существенные теоретические и практические особенности установления вины в действиях частного обвинителя по делам о возмещении причиненного им подсудимому вреда, отличающие данную категорию споров от всех иных гражданско-правовых споров о взыскании компенсации ущерба. Автор обобщает и предлагает унифицировать критерии, на основе которых суды делают вывод о виновности действий частного обвинителя.

Ключевые слова: вина, принцип вины, гражданско-правовая ответственность, частное обвинение, моральный вред, необоснованное уголовное преследование.

YURCHAK Ekaterina Valer'evna,
PhD in Law, senior lecturer of the Department
of Civil Law and Civil Process of the North-West
Institute (branch) of Kutafin University (MSAL)

ON THE QUESTION OF THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF GUILT WHEN CONSIDERING CASES BY COURTS ON THE RECOVERY OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY UNJUSTIFIED CRIMINAL PROSECUTION IN CASES OF PRIVATE PROSECUTION

Annotation. The article considers the problem of the guilt of a private prosecutor as the basis of his civil responsibility for the damage caused by unjustified criminal prosecution. The relevance of the study is due to the fact that there is no special procedure for collecting compensation for moral and material damage caused by the actions of a private prosecutor, judicial practice in this category of cases is contradictory, there are no guiding explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. The author substantiates the impossibility of applying the norms of the criminal procedure legislation on rehabilitation to the legal relations under consideration, analyzes the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the obligation of the state to assist citizens in protecting their rights and legitimate interests affected by unjustified criminal prosecution. Taking into

account the conclusions of the higher courts, the article consistently exposes the principle of guilty civil liability of a private prosecutor in case of unjustified criminal prosecution. Based on the analysis of judicial practice in this category of cases, the author analyzes the significant theoretical and practical features of finding guilt in the actions of a private prosecutor in cases of compensation for damage caused by him to the defendant, which distinguish this category of disputes from all other civil law disputes on the recovery of compensation for damage. The author summarizes and proposes to unified the criteria on the basis of which the courts conclude that the actions of a private prosecutor are guilty.

Key words: *guilt, the principle of guilt, civil liability, private prosecution, moral damage, unjustified criminal prosecution.*

Вопрос вины частного обвинителя как основания его гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный необоснованным уголовным преследованием, является проблемным в теории и судебной практике, поскольку гражданско-правовой принцип наступления ответственности за вред независимо от вины причинителя вреда вступает в конфликт с конституционно закрепленным правом на судебную защиту прав и свобод (ст. 45, 46 Конституции РФ) [12]. Так как данный конфликт на основе общих принципов права разрешается в пользу Конституции РФ, установление вины в действиях частного обвинителя по делам о возмещении причиненного им вреда оправданному подсудимому имеет существенные особенности, отличающие данную категорию споров от всех иных гражданско-правовых дел.

Причиненный уголовным преследованием по делам частного обвинения материальный вред, как правило, не является существенным, поскольку уголовное преследование по делам частного обвинения не сопряжено с потерей заработка вследствие избрания какой-либо меры пресечения, с иными имущественными потерями, помимо судебных расходов. Но незаконное уголовное преследование влечет для подсудимого нравственные и физические страдания, вызванные необходимостью участия в судебных заседаниях по делу, страхом быть привлеченным к уголовной ответственности и подвергнутым уголовному наказанию. А в случае, когда подсудимый осознает свою невиновность, будучи при этом обязанным оправдываться в том, чего не совершал, степень его нравственных и физических страданий многократно увеличивается. Стремление оправданных по делам частного обвинения получить соразмерную компенсацию причиненного уголовным преследованием морального вреда справедливо, но в условиях действующего правового регулирования крайне затруднительно.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснован-

ного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [27].

Согласно ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115 частью первой (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116.1 (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) и 128.1 частью первой (клевета) УК РФ [29], считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных законом [27; 28]. В случае самостоятельной защиты потерпевшим своих прав по делам данной категории (т.е. в большинстве случаев) уголовные дела возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд.

Одной из отличительных особенностей производства по делам частного обвинения является право и, одновременно, обязанность потерпевшего поддерживать обвинение в судебном заседании лично или через своего представителя [6]. Оправдание обвиняемого по любому из оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 302 УПК РФ, означает признание подсудимого невиновным и влечет за собой его реабилитацию в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ.

Принцип полного возмещения причиненного вреда, привнесенный из Гражданского кодекса РФ, закреплен как общий принцип возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1 ст. 133 УПК РФ), но только по делам публичного и частно-публичного обвинения. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ по делам частного обвинения оправданный подсудимый имеет право на реабилитацию только в тех случаях, когда его привлечение к уголовной ответственности явилось результатом незаконных действий со стороны государства [23].

Единственное, что предусматривает УПК РФ в отношении оправданных по делам частного обвинения, механизм компенсации процессуальных издержек, состоящих из расходов на оплату юридической помощи и оплату судебных расходов (ч. 9 ст. 132). Все иные вопросы, связанные с возмещением вреда, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства и нормами уголовно-процессуального законодательства не регламентируются.

В нормах Гражданского кодекса РФ об ответственности за причиненный вред (ст. 151, 1064, 1070, 1100) частный обвинитель не упоминается, какой-либо специальный порядок компенсации морального и материального вреда по делам частного обвинения не установлен [8; 9].

В силу наличия очевидных пробелов в законодательстве, вопросы компенсации морального и материального вреда, причиненного уголовным преследованием по делам частного обвинения, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Суд прямо указал на необходимость обращения в суд с иском о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства [15].

При этом Суд однозначно высказал и в дальнейшем многократно подтвердил свою позицию относительно невозможности безвиновной ответственности частного обвинителя за вред, причиненный необоснованным уголовным преследованием: реализация потерпевшим (частным обвинителем) его процессуальных прав, хотя и по делам частного обвинения, не меняет публично-правовой сущности уголовной ответственности и не является основанием для постановки его в равные правовые условия с государством в части возмещения вреда в полном объеме и независимо от наличия его вины [16; 17; 18; 19]. Таким образом, вина причинителя вреда является необходимым условием гражданско-правовой ответственности частного обвинителя.

Установление вины ставится Конституционным Судом РФ в зависимость от фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности частного обвинителя, с учетом требований разумной достаточности и справедливости. О злоупотреблении своим правом со стороны частного обвинителя можно говорить только тогда, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу [23]. Верховный Суд РФ придерживается этой же позиции [24; 25].

Несмотря на однозначную позицию высших судов по данному вопросу, судебная практика долгое время оставалась противоречивой [27]. Так, суды общей юрисдикции указывали, что «законодатель возлагает на частного обвинителя» как обязанность несения бремени доказывания, так и обязанность возместить имущественный вред, устранить последствия морального вреда в случае реабилитации подсудимого» [11; 20], либо связывали возможность взыскания компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием по делам частного обвинения, только лишь с фактом вынесения в отношении обвиняемого лица оправдательного приговора или принятия постановления о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию [3; 5]. Указанная позиция поддерживалась и некоторыми учеными [7; 22].

Текущая практика судов исходит из того, что суд не должен входить в обсуждение вопроса об обоснованности вынесения оправдательного приговора или прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию [10], но должен выяснить обстоятельства дела, свидетельствующие о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности частного обвинителя, с учетом требований разумной достаточности и справедливости, выявить истинный мотив его обращения в суд: не было ли оно обусловлено лишь намерением причинить вред другому лицу, определить степень нравственных и физических страданий истца, размер компенсации морального и материального вреда [21].

Как справедливо указывает Вологодский областной суд, суд должен при рассмотрении каждого конкретного дела достигать такого баланса интересов, при котором равному признанию и защите подлежит как право одного лица, выступающего в роли частного обвинителя, на обращение в суд с целью защиты от преступления, так и право другого лица, выступающего в роли обвиняемого, на возмещение ущерба, причиненного ему в результате необоснованного уголовного преследования [1].

По итогам анализа судебной практики можно сделать вывод, что для удовлетворения исковых требований в деле должны иметься достаточные и достоверные доказательства обращения ответчика в суд с заявлением в порядке частного обвинения исключительно с целью причинения вреда (злоупотребления правом).

В силу ст. 56 ГПК РФ доказывание таких оценочных категорий, как «злонамеренность», «разумная достаточность», «справедливость», а также низменных мотивов ответчика является обязанностью истца, но это может быть для него затруднительно, поскольку часто не существует каких-либо объективных доказательств внутреннего отноше-

ния ответчика к выдвинутому им частному обвинению. В отсутствие в материалах уголовного дела каких-либо объективных доказательств злонамеренности частного обвинителя позиция истца может быть доказана только его показаниями по делу, которые оцениваются судом наряду с показаниями ответчика. Следует согласиться с авторами, которые считают существующий усложненный правовой механизм компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, нивелирующим реальную возможность добиться реабилитации для лица, признанного по делу частного обвинения невиновным [6; 13; 14].

Так, по материалам одного из дел этой категории, рассмотренных Вологодским городским судом, Б. мотивировала свои требования тем, что мировым судьей она оправдана по ст. 128.1 УК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Б. полагала, что У. (частный обвинитель) обратилась с заявлением о привлечении ее к уголовной ответственности с целью мести, имела низменные мотивы, действовала злонамеренно, злоупотребляла правом. В период рассмотрения уголовного дела судом (за 2 месяца по делу состоялось 5 судебных заседаний) Б. испытывала постоянный стресс и тревогу, часто плакала, потеряла аппетит, утратила смысл жизни, от переживаемого стресса у нее обострились хронические заболевания, она обращалась за медицинской помощью. В судебном заседании У. отрицала, что действовала злонамеренно, но подтвердила, что отношения между ней и Б. конфликтные. Защиту У. по уголовному делу осуществлял профессиональный защитник, который в силу наличия профессионального образования не мог не знать, что в действиях Б. отсутствует состав преступления. В отсутствие иных доказательств вины У. суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований [26].

С учетом сложившейся судебной практики, автор полагает необходимой выработку Верховным Судом РФ четких критериев признания действий частного обвинителя виновными.

В качестве таких критериев могут быть установлены, в частности: наличие вступившего в законную силу приговора о признании частного обвинителя виновным в клевете или заведомо ложном доносе; умышленное затягивание процесса; предоставление недостоверных доказательств [14]; противоречивость, непоследовательность показаний [2]; отказ частного обвинителя от обвинения спустя несколько судебных заседаний после начала процесса [4]. Такие критерии позволят привести к единообразию практику защиты прав и законных интересов лиц, необоснованно привлекавшихся к уголовной ответственности по делам частного обвинения.

Список литературы:

[1] Апелляционное определение Вологодского областного суда от 23 июня 2020 года по делу № 33-2629/2020 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://oblsud--vld.sudrf.ru> (дата обращения: 25.08.2021).

[2] Апелляционное определение Костромского областного суда от 25 июня 2014 г. по делу № 33-987. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 06.07.2017 по делу № 33-26322/2017 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-поисковой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[4] Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 21 июля 2015 г. по делу № 33- 7136/2015. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[5] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.01.2017 № 33-1793/2017 по делу № 2-8896/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[6] Баранова М.А. О принципиальной возможности применения положений о реабилитации по уголовным делам частного обвинения // Судебная власть и уголовный процесс. - 2019. - № 1. - С. 48 - 56.

[7] Гаврилюк Р.В., Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Реабилитация в российском уголовном процессе. - Нижневартовск, 2007. - 216 с.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. - 29.01.1996. - № 5. - Ст. 410.

[10] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. - 18.11.2002. - № 46. - Ст. 4532.

[11] Кассационное Определение Санкт-Петербургского городского суда от 6 июля 2011 г. № 33-10277/2011 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[12] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[13] Муллахметова Н.Е. Возмещение вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, по делам частного обвинения // Актуальные проблемы современного права и государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 18 декабря 2015 года. - Смоленск, 2015. - С. 104 - 107.

[14] Муллахметова Н.Е. Злоупотребление правом частными обвинителями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 2 (115). - С. 189 - 196.

[15] Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 № 136-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Ильи Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 11, частью первой и пунктом 2 части второй статьи 133 и частью первой статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 643-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[17] Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1057-О «По жалобе гражданина Столбунца Станислава Петровича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2014. - № 2.

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Небыкова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 306 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[19] Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кудрявцевой Ольги Григорьевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[20] Определение Рязанского областного суда от 1 июня 2011 г. по делу № 33-1025 [Элек-

тронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[21] Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. - 2017. - № 5. - С. 105 - 115.

[22] Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. - М.: Проспект, 2009. - 192 с.

[23] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2011 года № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[24] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Росс. газ. - 2005. - 15 марта.

[25] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2021).

[26] Решение Вологодского городского суда по делу от 03.04.2018 года по делу № 2-2720/2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vologodskygor.vld.sudrf.ru> (дата обращения: 25.08.2021).

[27] Севастьянова Ю.В. Особенности реабилитации по делам частного обвинения // Адвокат. - 2014. - № 7. - С. 11-16.

[28] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

[29] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

Spisok literatury:

[1] Apellyacionnoe opredelenie Vologodskogo oblastnogo suda ot 23 iyunya 2020 goda po delu № 33-2629/2020 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://oblsud--vld.sudrf.ru> (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[2] Apellyacionnoe opredelenie Kostromskogo oblastnogo suda ot 25 iyunya 2014 g. po delu N№

33-987. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[3] Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 06.07.2017 po delu № 33-26322/2017 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-poiskovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[4] Apellyacionnoe opredelenie Nizhegorodskogo oblastnogo suda ot 21 iyulya 2015 g. po delu № 33- 7136/2015. [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[5] Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 30.01.2017 № 33-1793/2017 po delu № 2-8896/2016 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[6] Baranova M.A. O principal'noj vozmozhnosti primeneniya polozhenij o rehabilitacii po ugovolnym delam chastnogo obvineniya // Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process. - 2019. - № 1. - S. 48 - 56.

[7] Gavrilyuk R.V., Kovtun N.N., Yunusov A.A. Rehabilitaciya v rossijskom ugovolnom processe. - Nizhnevartovsk, 2007. - 216 s.

[8] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 08.07.2021) // SZ RF. - 05.12.1994. - № 32. - St. 3301.

[9] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021) // SZ RF. - 29.01.1996. - № 5. - St. 410.

[10] Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.07.2021) // SZ RF. - 18.11.2002. - № 46. - St. 4532.

[11] Kassacionnoe Opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 6 iyulya 2011 g. № 33-10277/2011 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[12] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[13] Mullahmetova N.E. Vozmeshchenie vreda, prichinnogo neobosnovannym ugovolnym presledovaniem, po delam chastnogo obvineniya // Aktual'nye problemy sovremennogo prava i gosudarstva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. prepodavatelej, studentov, magistrantov i aspirantov, Smolensk, 18 dekabrya 2015 goda. - Smolensk, 2015. - S. 104 - 107.

[14] Mullahmetova N.E. Zloupotreblenie pravom chastnymi obvinatelyami // Vestnik Saratovskoj

gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. - 2017. - № 2 (115). - S. 189 - 196.

[15] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.01.2007 № 136-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Yakovleva Il'i Alekseevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu chetvertoj stat'i 11, chast'yu pervoj i punktom 2 chasti vtoroj stat'i 133 i chast'yu pervoj stat'i 136 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[16] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.05.2009 № 643-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Vaseva Andreya Mihajlovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu pervoj stat'i 133 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[17] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.2013 № 1057-O «Po zhalobe grazhdanina Stolbunca Stanislava Petrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav punktami 1 i 2 stat'i 1064 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. - 2014. - № 2.

[18] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.06.2016 № 1251-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Nebykova Aleksandra Alekseevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav punktom 5 chasti pervoj stat'i 306 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[19] Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.04.2021 № 865-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Kudryavcevoj Ol'gi Grigor'evny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktami 1 i 2 stat'i 1064 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[20] Opredelenie Ryazanskogo oblastnogo suda ot 1 iyunya 2011 g. po delu № 33-1025 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[21] Ostrikova L.K. Ob»em, razmer i poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinnogo pri osushchestvlenii ugovolno-processual'noj deyatel'nosti // Lex russica. - 2017. - № 5. - S. 105 - 115.

[22] Petruhin I.L. Opravdatel'nyj prigovor i pravo na rehabilitaciyu: monografiya. - M.: Prospekt, 2009. - 192 s.

[23] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17 oktyabrya 2011 goda № 22-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chastej pervoj i vtoroj stat'i 133 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami

grazhdan V.A. Tihomirovoj, I.I. Tihomirovoj i I.N. Sardyko» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[24] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 № 3 «O sudebnoj praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i yuridicheskikh lic» // Ross. gaz. – 2005. – 15 marta.

[25] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.11.2011 № 17 (red. ot 02.04.2013) «O praktike primeneniya sudami norm glavy 18 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reglamentiruyushchih reabilitaciyu v ugolovnom sudoproizvodstve» [Elektronnyj resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[26] Reshenie Vologodskogo gorodskogo suda po delu ot 03.04.2018 goda po delu № 2-2720/2018 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://vologodskygor.vld.sudrf.ru> (data obrashcheniya: 25.08.2021).

[27] Sevast'yanova Yu.V. Osobennosti reabilitacii po delam chastnogo obvineniya // Advokat. - 2014. - № 7. - S. 11–16.

[28] Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.07.2021) // SZ RF. - 24.12.2001. - № 52 (ch. I). - St. 4921.

[29] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 01.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 22.08.2021) // SZ RF. - 17.06.1996. - № 25. - St. 2954.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена истокам зарождения института ответственности за преступления против правосудия. Исследуется история становления уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в российском законодательстве. Делается вывод о том, что формирование юридической мысли развивалось в направлении необходимости выделения в уголовном законодательстве специального состава преступления - фальсификация доказательств.*

Ключевые слова: *подложные факты, судебные документы, ложное обвинение, уголовная ответственность, фальсификация доказательств.*

NEUPOKOV A.P.,

Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminology and Problems of Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

HISTORICAL ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. *The article is devoted to the origins of the institution of responsibility for crimes against justice and examines the history of the formation of criminal liability for falsification of evidence in pre-revolutionary Russian legislation. It is concluded that the formation of legal thought developed in the direction of the need to allocate a special crime in criminal legislation-falsification of evidence.*

Key words: *false facts, court documents, false accusation, criminal liability, falsification of evidence.*

Истоком возникновения нормы ответственности за преступления против правосудия можно считать свод законов Киевской Руси - Русская Правда, принятый в 1016 г. во время правления князя Ярослава Мудрого и в последующем дополненный его наследниками.

Хотя в текстах Русской Правды не содержались свидетельства, прямо указывающие на ответственность за фальсификацию доказательств, но уже акцентировано внимание на то, что обвинение в совершении преступления должно быть основано на доказательствах.

Так, п. 2 Краткой редакции гласил: «Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец» [1]. В ст. 61 Пространной редакции Русской Правды указано, что обвинение в нанесении оскорбления и увечья доказывается знаками

побоев и свидетелями; один вид порванной бороды не является еще доказательством побоев. Кроме того, по Русской Правде было возможно признание недействительным судебного решения, принятого на основании подложных фактов [2].

Таким образом, согласно своду законов Русской Правды действия виновных лиц рассматривались на основе доказательств, в т.ч. показаниях свидетелей.

Вместе с тем, для Русской Правды и княжеских наказов, как указывают А.С. Горелик и Л.В. Лобанова, еще не характерно установление круга злоупотреблений правами представителей судебных органов, и в них отсутствуют положения, направленные на защиту правосудия «изнутри» [3].

Только в середине XV в. в Новгородской и Псковской судных грамотах законодательно выделяются нормы, направленные на защиту интересов правосудия от посягательств.

При этом в Псковской судной грамоте перечисляются разные доказательства. Так, по разбоям судебными доказательствами признавались показания свидетелей и крестное целование. Кроме того, каждый судья - посадник или князь, при вступлении в свою должность должны были целовать крест на том, что они будут судить в правду - виновного не оправдают, а правого не обвинят и не погубят и т.п. [4].

Заметной вехой в истории российской юридической мысли стал Судебник, принятый в годы правления Ивана III, который запрещал получать взятки за судебные решения: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити ни дружити никому» [5]. Кроме того, в Судебнике предусмотрена защита от ложного обвинения: «А которого обвинит боярин не по суду и грамоту правую на него съ диаком дасть, ино та грамота не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы» [6].

Свое дальнейшее развитие Судебник получил в 1550 г.

В обновленном своде законов устанавливались строгие меры против злоупотреблений и несправедливого суда, а также определена ответственность за фальсификацию судебных документов: «А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обещется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взята перед боярином вполы да кинута его в тюрьму» [7]. Позднее, в 1582 г. принят «Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках», установивший ответственность для лжесвидетелей и лжедоносчиков [8].

Свод законов Русского царства, принятый Земским собором в 1649 г., заменил Судебник Ивана Грозного, в котором наибольшее внимание уделено вопросам судопроизводства и ответственности за преступления против правосудия. Так, в гл. X «О суде» вводится ответственность за ложный донос на судью и лжесвидетельство. Кроме того, в ст. 12 той же главы законодательно закреплена норма ответственности за фальсификацию доказательств, которая предусматривает «а которой дьяк норовя кому по посулом, или по дружбе, или кому мстя недружбу, велит судное дело подьячему написать не так, как в суде было, и как в прежней записке за исцовой и за ответчиковою рукою написано, и по тому дьячьему приказу подьячей то судное дело напишет неделом, а сыщется про то допряма, и дьяку за то учинити торговая казнь, бити кнутом, и во дьяцех не быти, а подьячего казнити, отсеки рука, а дело велеть написать, как истец и ответчик в суде говорили, и

вершити то дело по суду, до чего доведется» [9]. Поскольку процесс судебного производства уже письменно фиксировался в документах, то фактически данная статья содержит описание совершения подлога.

В ст. 56 гл. XXI «Суд о холопех» Соборного уложения, как указывал в своих исследованиях В.А. Майборода, существовала ответственность и за «подмет» - подкладывание вещей с целью обвинения в краже, совершенное без применения насилия [10]. Так же в ст. 29 гл. XI «Суд о крестьянах» приводится в качестве одного из способов фальсификации доказательств и такое преступление, как дача ложных показаний в суде.

Усиление роли государства в общественной жизни, свойственное в годы правления Петра I, отразилось и в уголовных законах. В 1697 г. принят именной Указ «О наказании лжесвидетелей», по которому за лжесвидетельство теперь вводилась смертная казнь [11].

При непосредственном участии Петра I в 1715 г. издан военно-уголовный кодекс Артикул Воинский, состоящий из 209 статей - артикулов, который стал одним из основных документов, положенных в основу реформ юридической системы Российского государства. Артикул, развивая идеи Соборного уложения, предусматривал за совершение фальсификации доказательств - лжесвидетельство, наказание в виде отсечения пальцев и каторги. Однако подвергалось преследованию только умышленное лжесвидетельство; более того, если лжесвидетельство причиняло кому-то большой вред, оно наказывалось смертной казнью [12].

В 1845 г. утвержден первый кодекс в истории России - Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, который стал важнейшим шагом в развитии уголовного законодательства. В Уложении закреплялось понятие фальсификация доказательств как должностной подлог. Так, в ст. 391 под фальсификацией доказательств понимались совершенные должностным лицом случаи:

- составления фальшивых актов или оформления их задним числом;
- включения в них вымышленных обстоятельств или заведомо ложных сведений;
- выдачи мнимой копии с несуществующего акта;
- заведомого искажения фактов или их сокрытия в докладах, рапортах, протоколах, журналах и других официальных документах;
- подчистки и исправления в таких актах, имеющих значение доказательств [13].

Кроме того, ряд посягательств на правосудие, как отмечает М.Н. Голоднюк, включался в раздел «Преступления против порядка управления», где предусматривалась ответственность за

взлом тюрем, увод или побег находящихся под стражей или надзором, а также в разделе «Преступления, нарушающие общественное спокойствие и порядок», в котором имела норма ответственности за лжедонос, лжесвидетельство и ложные показания. Должностные преступления регулировались специальной главой «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде» [14].

Несмотря на прогрессивность взглядов на уголовное право в Уложении, можно сделать вывод, что интересы правосудия не стали самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны в рамках единой главы или раздела Особенной части уголовного закона.

В 1903 г. императором Николаем II утверждено новое Уголовное уложение, в котором статьи о преступлениях против правосудия выделены в отдельную гл. VII «О противодействии правосудию». В этих статьях перечислены разные способы фальсификации доказательств и наказания за их совершение:

- заведомо ложное заявление (обвинение) властям, от которого зависит возбуждение уголовного преследования (наказывалось арестом, заключением в тюрьму или в исправительном доме)¹;

- заведомо ложные показания, данные во вред правосудию, в качестве свидетеля, сведущего лица или переводчика (наказывалось тюремным заключением);

- подделка или переделка письменного или вещественного доказательства с целью навлечь подозрение на определенное лицо в учинении преступного деяния или служебного проступка, если такое ложное доказательство было предметом дознания или послужило поводом для возбуждения уголовного преследования или привлечения к дисциплинарной ответственности (наказанием служило заключение в исправительном доме), а если фальсификации подвергались доказательства по делу о тяжком преступлении, то виновный наказывался заключением в исправительном доме на срок не менее трех лет;

- заведомо ложные показания, данные под присягой во вред правосудию (наказывалось заключением в исправительном доме);

- при производстве следствия или суда заведомо ложные показания об обстоятельстве служащем поводом к отводу от участия в деле в качестве сведущего лица или переводчика (наказывалось арестом).

¹ Следует отметить, что ст. 156 и 157 Уложения различали ответственность за заведомо ложный донос о несовершеннолетнем преступлении, донос в отношении конкретного лица и ложный донос, сопряженный с обвинением в тяжком преступлении.

Приведенные примеры свидетельствуют о понимании законодателем важности и необходимости выделения из общего массива уголовно-наказуемых деяний преступлений, направленных на фальсификацию доказательств.

Вместе с тем, при работе над Уголовным уложением 1903 г., указывает И.А. Волкова, признано нецелесообразным содержащееся в Уложении 1845 г. различие понятий лжеприсяги, которая относилась к группе преступлений против веры, и лжесвидетельства как преступления против общественного спокойствия и порядка. Такое разделение приводило к дублированию одних и тех же положений и не способствовало четкости в формулировках составов [15].

Всего в главе «О противодействии правосудию» содержится 22 статьи, однако ввиду отсутствия должной системности в их составлении, громоздкости конструкций, а также множество отсылок к другим главам Уложения, все это не способствовало решению задач, поставленных законодателем при разработке нормативного правового документа и, безусловно, представляло немалую сложность для правоприменителей на практике.

Несмотря на имеющиеся недостатки, следует отметить, что Уголовное уложение 1903 г. оказало значительное влияние на развитие юридической мысли в советский период.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уже в первых сборниках законов Киевской Руси зарождался и постепенно получил свое развитие институт ответственности за преступления против правосудия, в котором еще не был ярко выражен, но уже формировался специальный состав преступления, характеризующий фальсификацию доказательств, в конечном счете получивший свое достойное место в современном российском уголовном законодательстве.

Список литературы:

- [1] Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. - М., 1953. - С. 11.
- [2] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 1: Законодательство Древней Руси. - М., 1984. - С. 337, 370.
- [3] Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. - СПб., 2005. - С. 13 - 14.
- [4] Беляев И.Д. История русского законодательства. - СПб, 1999. - С. 56—58.
- [5] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 95.
- [6] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 2: Законода-

тельство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 98.

[7] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М., 1985. - С. 137.

[8] Законодательные акты русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века: Тексты / под ред. Н.Е. Носова. - Л., 1986. - С. 42.

[9] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 3: Соборное уложение 1649 года. - М., 1985. - С. 248.

[10] Майборода В.А. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств: дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 2004. - С. 37.

[11] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 4: Акты земских соборов. - М., 1986. - С. 397—404.

[12] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 4: Акты земских соборов. - М., 1986. - С. 362.

[13] Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. - Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. - М., 1988. - С. 273, 384.

[14] Голоднюк М.Н. История развития законодательства об ответственности за преступления против правосудия. - М., 1999. - С. 67.

[15] Волкова И.А. Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - С. 15.

Spisok literatury:

[1] Tihomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoj Pravdy. - М., 1953. - С. 11.

[2] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 1: Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. - М., 1984. - С. 337, 370.

[3] Gorelik A.S., Lobanova L.V. Prestupleniya protiv pravosudiya. - SPb., 2005. - С. 13 - 14.

[4] Belyaev I.D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. - SPb, 1999. - С. 56—58.

[5] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. - М., 1985. - С. 95.

[6] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. - М., 1985. - С. 98.

[7] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. - М., 1985. - С. 137.

[8] Zakonodatel'nye akty russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI - pervoj poloviny XVII veka: Teksty / pod red. N.E. Nosova. - L., 1986. - С. 42.

[9] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 3: Sobornoe ulozhenie 1649 goda. - М., 1985. - С. 248.

[10] Majboroda V.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikaciju dokazatel'stv: dis. ... kand. jurid. nauk. - Stavropol', 2004. - С. 37.

[11] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 4: Akty zemskih soborov. - М., 1986. - С. 397—404.

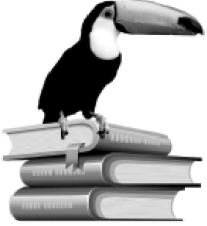
[12] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 4: Akty zemskih soborov. - М., 1986. - С. 362.

[13] Rossijskoe zakonodatel'stvo H—HH vekov: v 9 t. / отв. ред. V.L. Yanin. - Т. 6: Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka. - М., 1988. - С. 273, 384.

[14] Golodnyuk M.N. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya. - М., 1999. - С. 67.

[15] Volkova I.A. Otvetstvennost' za fal'sifikaciju dokazatel'stv po ugovnomu delu: dis. ... kand. jurid. nauk. - М., 2005. - С. 15.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ШАГБАНОВА Хабиба Садыровна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры философии,
иностранных языков и гуманитарной подготовки
сотрудников органов внутренних дел
ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
e-mail: khabiba@yandex.ru

МЕСТО И РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье автор проанализировал и обобщил существующие в юридической науке подходы к определению понятия «судебный переводчик», охарактеризовал его место и роль в уголовном процессе, базируясь в своих выводах на результатах изучения основных функций и требований к переводчику согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. В заключении автор наметил пунктирно возможные пути дальнейшей конкретизации правового статуса переводчика в уголовном процессе, а также повышения компетентности специалистов данного профиля.

Ключевые слова: судебный переводчик, иностранные граждане, уголовный процесс, профессиональная компетентность, правовой статус, функции переводчика.

SHAGBANOVA Khabiba Sadyrovna,
Doctor of Philology, Professor the department of Philosophy,
Foreign Languages and Humanities, Tyumen Institute for Advanced Studies
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PLACE AND ROLE OF THE TRANSLATOR IN THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. In this article, the author analyzed and summarized the approaches to defining the concept of “court interpreter” existing in legal science, characterized its place and role in the criminal process, based in his conclusions on the results of studying the main functions and requirements for an interpreter in accordance with the criminal procedure legislation of the Russian Federation. In conclusion, the author outlined in dotted lines the possible ways to further concretize the legal status of the translator in the criminal process, as well as to increase the competence of specialists in this profile.

Key words: court translator, foreign citizens, criminal procedure, professional competence, legal status, functions of an interpreter.

Исследование вопроса места и роли переводчика как одного из участников судебного процесса в настоящее время определяется расширением миграционных и, шире – глобализационных эффектов, которым, наряду с другими странами, оказывается подверженной и Российская Федерация. На сегодняшний день иностранные граждане становятся все более частыми участниками уголовного процесса, ведущегося в России на государственном языке. Между тем, это определяет трудность для иностранных граждан, которые могут как не понимать русский язык полностью, так и слабо понимать его, владеть письменной русской речью, либо, напротив, только разговорной. В современных условиях роль переводчика в судебном процессе обозначена, согласно ст. 59 УПК РФ, нижеследую-

щим образом: «Переводчиком является лицо, привлекаемое к участию в уголовных процессах в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [2]. На данный момент выявлены эмпирические основания востребованности переводчиков во всех сферах государственной и общественной жизни, в особенности – в рамках борьбы с преступностью, так как иностранные граждане являются фигурантами криминальных хроник все чаще за последнее время. Сверх того, иностранные граждане подлежат уголовной ответственности за совершение преступлений не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами, в ряде случаев, предусмотренных п. 3 ст. 12 Уголовного кодекса РФ [1].

Функция переводчика выходит зачастую на первый план в судопроизводстве, являясь неотъемлемой частью основных уголовно-процессуальных задач. Ее содержание на сегодняшний день постоянно развивается и трансформируется, что способствует росту числа ошибок и спорных моментов в работе переводчиков [3, с. 76]. Анализируя широкий круг практических вопросов, связанных с участием переводчика по уголовным делам, следует сказать, что на сегодняшний день актуализировался вопрос необходимости применения новых научных методик в рамках усовершенствования механизмов их работы.

На первый взгляд, функция переводчика не предполагает значительных трудностей с точки зрения ее исполнения. Однако, для эффективной работы специалистов данного профиля необходимо урегулировать ряд теоретических и практических вопросов, являющихся отражением их повседневной деятельности. С точки зрения большинства исследователей, опыт, накопленный на сегодняшний день, не позволяет результативно решать задачи, возникающие в работе переводчика как специалиста-эксперта в уголовных делах [9, с. 377].

Резюмируя вышесказанное, следует заключить, что исследуемая проблематика может быть изучена в рамках функционального подхода в силу необходимости актуализировать значимость прав участников судебных процессов на возможность осуществления коммуникации на родном языке.

В современном уголовном судопроизводстве эффективная реализация функции переводчика возможна только благодаря высокому профессионализму специалиста, для чего необходимо осуществлять выборочную проверку материалов из реестра всех сделанных ранее переводов, производить фиксацию всех процессуальных действий с помощью видеозаписи [4].

В теоретическом плане повышению эффективности реализации функции переводчика в уголовном процессе будет содействовать актуализация исследовательского внимания к дефиниции и сущности понятия «судебный переводчик». Так, В.Д. Зеленский и С.Д. Швец в одной из своих работ изучили данный термин и доказали необходимость использования в юриспруденции именно этого определения [7, с. 168]. Нельзя не отметить тот факт, что судебный переводчик имеет право на существование при условии, что в уголовном процессе, наравне с ним, будет участвовать и следственный переводчик, и, соответственно, будет осуществляться как судебный, так и следственный перевод. В своей статье «Судебный перевод и судебно-переводческие организации» А.В. Винников предлагает создать организацию,

предоставляющую услуги переводчика в области юридической науки [6, с.130]. Кроме того, на сегодняшний день сам термин «переводчик» не в полной мере описывает сферу деятельности, соответствующую переводчику в уголовном процессе, и единственно верным можно считать определение «юридический переводчик».

По мнению ряда исследователей, к переводчику предъявляются самые различные требования. С точки зрения С.П. Варенниковой, переводчик должен свободно владеть языками, знание которых требуется в ходе разбирательств по делу и не иметь заинтересованность в исходе дела [5, с. 34, 98]. Некоторые ученые полагают, что главными требованиями являются, прежде всего, наличие компетентности, свободного владения языками, необходимыми для перевода, а также недопустимость совмещения функций переводчика с выполнением других процессуальных обязанностей в производстве по уголовному делу. По мнению А.Ю. Мищенко, отсутствие судимости является наиболее важным требованием к переводчику, тем самым, автоматически решается вопрос о добропорядочности специалиста [8, с. 268]. На основании исследовательских подходов к определению данного понятия, представляется возможным выделить важнейшие признаки профессионального переводчика: уверенное владение иностранными языками, знание которых требуется для перевода, профессиональная компетентность и отсутствие заинтересованности в исходе уголовного дела.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить основания для привлечения переводчика к судебному процессу в качестве специалиста-эксперта. Так, согласно п. 2 ст. 18 УПК РФ, участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть, в том числе, разъяснено и обеспечено право выступления на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатного пользования услугами переводчика в порядке, установленном настоящим Кодексом [2]. Как следствие, для судебного процесса, фигурантом которого является выше обозначенное лицо, необходимо привлечь судебного переводчика.

Иными словами, единственно значимым критерием, определяющим необходимость присутствия переводчика на судебном процессе, является невозможность его участников понимать или изъясняться, или читать, или писать на языке, на котором ведется производство по уголовному делу. Также обязательным основанием для привлечения переводчика к уголовному процессу является тот факт, что лицо в недостаточной мере

владеет языком, на котором ведется судебный процесс. К примеру, лицо, несмотря на то, что понимает язык, не может на нем свободно говорить, или читать, или писать, или легко понимать разговорную речь.

Место и роль переводчика в уголовном процессе определяются, в том числе, исходя из прав и обязанностей специалистов данного профиля. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 59 УПК РФ переводчик имеет право задавать вопросы другим участникам процесса с целью уточнения перевода [2]. П. 2 ч. 3 ст. 59 Кодекса устанавливает право переводчика на ознакомление с протоколом следственного действия и судебного заседания [2]. Сверх того, переводчик наделен правом делать замечания относительно правильности записи перевода в протокол, а также правом подать жалобу в отношении действий и решений следователя, прокурора и суда, в ситуации, когда ограничиваются его права [2].

Юридические обязанности переводчика напрямую связаны с его ответственностью. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 59 УПК РФ предоставление заведомо неправильного перевода, разглашение данных предварительного следствия, ставших известными ввиду участия в судебном процессе, неявка в суд по официальному вызову дознавателя, следователя или суда переводчику запрещается [2]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в УПК РФ [2] достаточно подробно прописаны права, обязанности и ответственность переводчика, которые определяют его место в уголовном процессе и характеризуют его, как полноценного субъекта уголовно-процессуального права. Значимость функций переводчика определяется его профессиональной компетентностью, предполагающей наличие способности представить точный, краткий и относительно быстрый перевод с полным сохранением смысла переданной информации, с соблюдением всех норм, а также при учете особенностей того или иного текста или речи, подлежащих переводу. Важным моментом, о котором следует упомянуть, является то, что переводчик не имеет права давать комментарии по поводу переводимой им информации в рамках уголовного дела.

Таким образом, место и роль переводчика в уголовном процессе определяется, в первую очередь, значимостью его функций при работе российских судов с иностранными гражданами. Он должен свободно владеть иностранным языком, осуществляя перевод с учетом особенностей профессиональной терминологии, проводя при этом сопоставительный анализ текста перевода с оригиналом, классифицируя и предвидя возможные ошибки, которые могут возникнуть в процессе специального перевода [10, с. 129]. Обязательным требованием является наличие у перевод-

чика высшего образования или сертификата, подтверждающего знание иностранного языка на соответствующем уровне, соответствующий опыт работы, владение профессиональной юридической терминологией, культурной и профессионально-этической компетентностью [11, с. 246].

По итогам проведенного исследования хотелось бы сказать о необходимости введения в будущем обязательного лицензирования деятельности переводчика с ежегодной переаттестацией и подтверждением квалификации в специализированных переводческих центрах. Необходимо также обеспечить методологическую и юридическую подготовку и переподготовку своим сотрудникам судебно-переводческим органам путем создания профессиональных судебно-переводческих центров, в компетенцию которых входило бы тестирование и программа повышения квалификации переводчиков. Значимость функций переводчика в уголовном процессе не вызывает сомнений, так как от его компетенции зависит дальнейшее грамотное и справедливое расследование уголовного дела, а его участие является гарантом защиты основных прав и свобод человека. Представляется значимым дальнейшее совершенствование всей системы подготовки профессиональных переводчиков в Российской Федерации с целью исключения в будущем тех проблем, которые существуют на данный момент в судебно-следственной практике, а в рамках продолжения работы по конкретизации правового статуса и роли переводчика в уголовном процессе.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.05.2021).
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 13.04.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.05.2021).
- [3] Ахмедова И. Р. Роль переводчика в российском уголовном процессе: правовые и лингвистические аспекты // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). – С. 75–79.
- [4] Безрученков М.В. Переводчик как участник уголовного процесса в Российской Федерации // Политика, государство и право. 2014. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://>

politika.snauka.ru/2014/09/1895 (дата обращения: 22.04.2021).

[5] Варенникова С.П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: Генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). – С. 133–140.

[6] Волосова Н. Ю. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве / Н. Ю. Волосова, Е. С. Шмелева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). – С. 128–134.

[7] Зеленский В.Д., Швец С.Д. Некоторые вопросы судебного перевода // Общество и право. 2014. № 2 (48). – С. 124–126.

[8] Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Проблемы в российском законодательстве. 2013. № 6. – С. 244–246.

[9] Оржак Б.Ч. Процессуальный статус переводчика в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2019. № 21. – С. 375–377.

[10] Семенов Е.А. Врач, педагог, психолог, переводчик и их правовое положение в уголовном процессе России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). – С. 503–508.

[11] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. – СПб.: Питер, 2015. – 336 с.

Spisok literatury:

[1] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 05.04.2021, s izm. ot 08.04.2021) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 03.05.2021).

[2] Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 05.04.2021, s izm. ot 13.04.2021) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 03.05.2021).

[3] Ahmedova I. R. Rol' perevodchika v rossijskom ugolovnom processe: pravovye i lingvisticheskie aspekty // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3 (31). – С. 75–79.

[4] Bezruchenkov M.V. Perevodchik kak uchastnik ugolovnogo processa v Rossijskoj Federacii // Politika, gosudarstvo i pravo. 2014. № 9. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://politika.snauka.ru/2014/09/1895> (data obrashcheniya: 22.04.2021).

[5] Varennikova S.P. Institut svedushchih lic v ugolovnom sudoproizvodstve: Genezis i sovremennoe sostoyanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1 (50). – С. 133–140.

[6] Volosova N. Yu. O probleme opredeleniya kompetencii perevodchika v ugolovnom sudoproizvodstve / N.Yu. Volosova, E. S. Shmeleva // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3 (86). – С. 128–134.

[7] Zelenskij V.D., Shvec S.D. Nekotorye voprosy sudebnogo perevoda // Obshchestvo i pravo. 2014. № 2 (48). – С. 124–126.

[8] Mishchenko A. Yu. Ponyatie perevodchika i ego rol' v ugolovnom sudoproizvodstve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. № 6. – С. 244–246.

[9] Orzhak B.CH. Processual'nyj status perevodchika v ugolovnom sudoproizvodstve // Molodoy uchenyj. 2019. № 21. – С. 375–377.

[10] Semenov E.A. Vrach, pedagog, psiholog, perevodchik i ih pravovoe polozhenie v ugolovnom processe Rossii // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 2 (34). – С. 503–508.

[11] Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj process. – SPb.: Piter, 2015. – 336 s.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ НА ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются современные научно-практические проблемы обеспечения личной безопасности лиц, осужденных за совершение преступлений, в частности, сделан акцент на ее значимости при полноценной реализации основополагающих прав человека. Исследуются правовые и организационные аспекты обеспечения права осужденных на личную безопасность при исполнении наказаний. Говорится о важности обеспечения личной безопасности осужденных при исполнении наказаний. Представлена классификация международных и национальных нормативных правовых актов, регламентирующих меры по обеспечению личной безопасности осужденных при исполнении наказаний.

Ключевые слова: наказание, осужденный, заключенный, личная безопасность, личная неприкосновенность, права человека, отбывание наказания, защита гражданских прав.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
 Candidate of Legal Sciences,
 Senior Researcher of Research Institute
 of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE RIGHT OF CONSUMED TO PERSONAL SECURITY: LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF PROVISION

Annotation. The article analyzes modern scientific and practical problems of ensuring the personal safety of persons convicted of crimes, in particular, an emphasis is placed on its importance in the full implementation of fundamental human rights. The article examines the legal and organizational aspects of ensuring the right of convicts to personal safety during the execution of sentences. The importance of ensuring the personal safety of convicts during the execution of sentences is discussed. A classification of international and national normative legal acts regulating measures to ensure the personal safety of convicts during the execution of sentences is presented.

Key words: punishment, convict, prisoner, personal security, personal integrity, human rights, serving a sentence, protection of civil rights.

В современных реалиях стержневой установкой любого демократического и правового государства является формирование правопорядка, способного обеспечить достойное существование личности, полноценную реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина [10, с. 64]. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [1] отмечает, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества (Преамбула), а также закрепляет ряд значимых прав человека, среди которых: право быть признанным равным в своем достоинстве и правах (ст. 1); право на жизнь (ст. 3); право на признание правосубъектности (ст. 6) и др. Перечисленные права в равной степени распространяются на всех лиц, независимо от их специального (отраслевого) статуса и

ситуации юридического характера, в которой они находятся, в т.ч. осужденных за совершение преступления [9].

Основные принципы обращения с заключенными, принятые ООН 14.12.1990 [2] удостоверяют, что все заключенные пользуются уважительным отношением ввиду присущего им достоинства и их значимости как людей. Созвучное требование изначально было установлено в Основных принципах обращения с заключенными, принятых в 1955 г. (п. 65) [3], а также в дальнейшем в Минимальных стандартных правилах в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, названные так в знак особого уважения к политическому лидеру ЮАР, борцу за права человека в период апартеида, проведенного в тюрьме 27 лет) от 17.12.2015 (Предварительное замечание 1) [4].

В статусе лиц, отбывающих наказание по приговору суда, особое место занимает право на личную безопасность.

Личная безопасность как социальное благо, фактическое состояние и правовая категория «представляет собой сложное системное образование, включающее в себя правовое обеспечение, защищенность и реализацию различных видов безопасности относительно личности» [8, с. 40].

Личную безопасность также принято трактовать и в качестве социального процесса, в рамках которого защита прав и свобод человека предполагает уменьшение угрозы их нарушения [11, с. 362].

Применительно к личности осужденного, прежде всего, отбывающего наказание в местах лишения свободы, личная безопасность означает не только состояние защищенности от внешних и внутренних (внутрисистемных) угроз, но и свободу поведения, в пределах, определяемых законом. Основой для формирования внутрисударственного законодательства, регламентирующего вопросы личной безопасности задержанных и содержащихся в заключении лиц является Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то и было форме от 09.12.1988 (далее – Свод принципов) [5].

Свод принципов предусматривает право задержанного или его адвоката право направить в органы, ответственные за управление местом задержания или заключения, и в более высокие инстанции, а в случае необходимости – соответствующим органам, уполномоченным рассматривать жалобы или предоставлять средства защиты, – просьбу или жалобу относительно обращения с данным лицом, в частности в случае пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства вида обращения. Аналогичную жалобу могут подать члены семьи заключенного или иное осведомленное лицо (п. 33). Очевидно, что подача данной жалобы направлена на обеспечение личной, главным образом, физической (телесной) безопасности заключенного.

Жалобы, поданные в защиту прав заключенных и в целях обеспечения безопасности последних, обладают конфиденциальным характером и рассматриваются без промедления. Таким образом, международные нормативные документы устанавливают необходимый перечень гарантий прав заключенных, определяя перспективы развития этих прав в национальном законодательстве. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) [6] в ст. 13 устанавливает, что осужденные имеют право

на безопасность, а также подробно регламентирует порядок обращения указанных лиц за защитой при возникновении угрозы их безопасности.

Основным ответным действием осужденного при возникновении угрозы его безопасности является обращение с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказания в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

Представляется, что редакция ч. 2 ст. 13 УИК РФ, содержащая указание на право исключительно осужденного обратиться с заявлением к должностному лицу в ситуации возникшей угрозы безопасности, не соответствует международным нормам, Конституции РФ и существенно ограничивает права осужденных лиц в целом. Представляется, что в данной норме должно содержаться указание на адвоката осужденного, его родственников и иных лиц, которым стала известна информация о грозящей угрозе безопасности осужденного.

С учетом высказанной рекомендации ч. 2 ст. 13 УИК РФ может быть изложена следующим образом: «2. При возникновении угрозы личной безопасности осужденного он, его адвокат, родственник или иное уполномоченное на защиту его прав и законных интересов лицо вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказания в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного».

К иным лицам могут быть отнесены представители правозащитных общественных организаций (например, состоящих из родственников осужденных, а и также оказывающих юридическую помощь осужденным по политическим мотивам, так называемым «узникам совести»); лица, осуществляющие представительство интересов осужденного по доверенности; руководители специализированных детских учреждений, интернатов, детских домов, воспитанники и выпускники которых отбывают наказание за совершенные преступления.

Основной мерой реагирования начальника учреждения, исполняющего наказание, на заявление осужденного об угрозе его безопасности является решение о переводе осужденного в безопасное место или применение иных мер, устраняющих угрозу личной безопасности осужденного.

Указанные меры могут быть применены и по личной инициативе начальника учреждения, исполняющего наказание.

Меры безопасности в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, согласно ч. 4 ст. 13 УПК РФ, осуществляются начальником учреждения или органа, исполняющего наказание, на основании мотивированного постановления (определения) суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя.

Применение мер, направленных на обеспечение безопасности осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, может потребоваться, прежде всего, в ситуации заключения этим лицом досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с нормами главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7].

Особенностью досудебного соглашения о сотрудничестве является то, что лицо, заявившее ходатайство о его заключении, обязуется совершить определенные действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). По окончании предварительного следствия прокурор в своем заключении, помимо иных обстоятельств, указывает на степень угрозы личной безопасности, которой подвергался не только сам обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвинения, но и его близкие родственники, родственники и близкие лица (п. 4 ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ).

Представляется, что для более эффективного обеспечения личной безопасности осужденных, необходимо установить перечень специализированных мер, подлежащих применению в конкретных ситуациях существующей угрозы данной безопасности, а также разработать комплекс дополнительных мер организационно-правового и финансового плана, поскольку реализуемые мероприятия могут оказаться затратными.

Для эффективного применения мер личной безопасности конкретного осужденного важно также установить реальный (а не вымышленный либо ошибочно субъективно оцениваемый) характер грозящей этому лицу опасности, а также высказываемых другими осужденными в его адрес угроз.

В качестве основных (классических) мер обеспечения личной безопасности осужденных могут быть признаны:

– перевод осужденного к лишению свободы в иное исправительное учреждение для дальнейшего отбывания наказания;

– легендирование анкетных данных (присвоение псевдонима) осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства;

– временный перевод осужденного в иное помещение (камеру, брак) с целью исключения контакта с иными осужденными, угрожающими ему физической расправой либо иными противозаконными действиями;

– регулярный осмотр и/или освидетельствование осужденного медицинским работником на предмет наличие на его теле ран, ссадин, кровоподтеков, свидетельствующих об его избиении другими осужденными;

– сбор оперативной информации (сведений полученных при опросе иных осужденных) о высказываемых в адрес конкретного осужденного угрозах и совершаемых в отношении его противоправных действиях;

– изолирование лиц из числа осужденных, совершающих действия, которые могут быть признаны угрозой как психического (словесного, вербального), так и физического (нанесение побоев, причинение вреда здоровью) либо особого (совершение насильственных действий, направленных против половой свободы и половой неприкосновенности личности) характера;

– привлечение осужденных, совершающих действия, квалифицируемые как угроза личной безопасности иных осужденных, к ответственности, вплоть до уголовной.

Резюмируя изложенное можно отметить, что обеспечение личной безопасности осужденных, независимо от вида назначенного им судом наказания, способно сыграть роль фактора, стабилизирующего деятельность органов ФСИН России, а также способствующего исправлению осужденных, формированию у них убеждения в необходимости позитивного социально значимого поведения как в период отбывания наказания, так и в дальнейшем.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

[2] Основные принципы обращения с заключенными. Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/111 от 14.12.1990 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prisoners_treatment.shtml (дата обращения: 12.05.2021).

[3] Основные принципы обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушите-

лями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31.07.1957 и 2076 (LXII) от 13.05.1977.

[4] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Приняты Резолюцией Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/175 от 17.12.2015 // Советская юстиция 1992. № 2. – С. 19.

[5] Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то и было форме. Принят Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988 // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 147–157.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52. Ст. 4921.

[8] Гук Е.П. К вопросу о понятии личной безопасности // Вестник Пензенского государственного университета. 2016. № 4. – С. 40–42.

[9] Майстренко Г.А. Конституционно-правовые ограничения основных прав и свобод человека и гражданина и практика их применения органами и учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний России: дисс. ... к.ю.н. – М., 2006. – 202 с.

[10] Майстренко Г.А. Современные проблемы защиты прав и свобод человека в Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 11. – С. 64–67.

[11] Тарасова Е.Н. Личная безопасность граждан и ее конституционные гарантии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. – С. 361–364.

Spisok literatury:

[1] Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, prinyataya Rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 // Rossijskaya gazeta. № 67. 05.04.1995.

[2] Osnovnye principy obrashcheniya s zaklyuchennymi. Prinyaty Rezolyuciej General'noj Assamblei OON № 45/111 ot 14.12.1990 [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prisoners_treatment.shtml (data obrashcheniya: 12.05.2021).

[3] Osnovnye principy obrashcheniya s zaklyuchennymi. Prinyaty na pervom Kongresse Organizacii Ob"edinennyh Nacij po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami, sostoyavshemsya v ZHeneve v 1955 g., i odobreny Ekonomicheskim i Social'nym Sovetom v ego rezolyuciyah 663 S (XXIV) ot 31.07.1957 i 2076 (LXII) ot 13.05.1977.

[4] Minimal'nye standartnye pravila v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely). Prinyaty Rezolyuciej Rezolyuciya General'noj Assamblei OON 70/175 ot 17.12.2015 // Sovetskaya yusticiya 1992. № 2. – С. 19.

[5] Svod principov zashchity vsekh lic, podvergaemyh zaderzhaniyu ili zaklyucheniyu v kakoj-by to i bylo forme. Prinyat Rezolyuciej 43/173 na 43-ey sessii General'noj Assamblei OON ot 09.12.1988 // Pravovye osnovy deyatel'nosti sistemy MVD Rossii. Sbornik normativnyh dokumentov. T. 2. – М.: INFRA-M, 1996. – С. 147–157.

[6] Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii / Federal'nyj zakon ot 08.01.1997 № 1-FZ (v red. ot 11.06.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.

[7] Ugolovno-processual'nyj kodeks: Federal'nyj zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 01.07.2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.12.2001. № 52. Ст. 4921.

[8] Guk E.P. K voprosu o ponyatii lichnoj bezopasnosti // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4. – С. 40–42.

[9] Majstrenko G.A. Konstitucionno-pravovye ogranicheniya osnovnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina i praktika ih primeneniya organami i uchrezhdeniyami Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossii: diss. ... k.yu.n. – М., 2006. – 202 s.

[10] Majstrenko G.A. Sovremennye problemy zashchity prav i svobod cheloveka v Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2020. № 11. – С. 64–67.

[11] Tarasova E.N. Lichnaya bezopasnost' grazhdan i ee konstitucionnye garantii v sovremenom obshchestve // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 85. – С. 361–364.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-299-303

БЕШТОЕВ Рустам Олегович,
преподаватель кафедры физической подготовки,
старший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КОДЗОКОВ Азнаур Хасанович,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОТТУЕВ Тенгиз Идрисович,
преподаватель кафедры физической подготовки,
капитан полиции
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru,

Научная специальность: 12.00.02

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ. ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в научном осмыслении феномена молодежный радикализм, который имея политическое происхождение, послужил мотивационным фактором возникновения различных объединений, движений, группировок и организаций экстремистской направленности. Современный радикализм представляет серьезную угрозу нравственным и духовным устоям общества. Сегодня в мире царит кризис, который ставит под угрозу существование жизни вида *Homo sapiens* на планете в целом. Общество столкнулось с участившимися проявлениями деструктивных идеологий, особенно среди молодежи, которая являясь особой демографической группой, наиболее поддающейся радикальным настроениям. Радикализация молодежи выразилась в многоаспектности, посредством которой индивидуумом формируется готовность к принятию экстремистских политических, социальных или религиозных идеалов для дальнейшего их продвижения насильственными методами. Молодежный радикализм идеологически и материально поддерживаемый прозападными странами, нашел самую широкую поддержку своих идей в глобальном информационном пространстве, где ему придали положительное реноме. Это было сделано в целях привлечения в свои ряды еще большего количества последователей из числа молодых людей, у которых ослаблены навыки к адаптации в условия реальной жизни, деформирована система ценностей и неокрепшая психика, поддающаяся деструктивному влиянию. А в совокупности с потребностью молодых людей в испытании новых «острых» ощущений привело к плачевному результату, который в самом радикальном аспекте выразилось в нетерпимому отношению к лицам иной национальности, расы и религии.

Ключевые слова: радикализация, экстремизм, мотивационный фактор, глобализация, противодействие.

BESHTOEV Rustam Olegovich,
lecturer in the Department of Physical Training,
Senior Police Lieutenant

KOZOKOV Aznaur Khasanovich,
candidate of pedagogical sciences,
senior lecturer of the department
physical fitness, police major

DOTTUEV Tengiz Idrisovich,
lecturer in the Department of Physical Training,
police captain North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

RADICALIZATION OF YOUTH. CAUSES AND TRENDS

Annotation. *The purpose of this study is to scientifically comprehend the phenomenon of youth radicalism, which, having a political origin, served as a motivating factor for the emergence of various associations, movements, groups and organizations of an extremist orientation. Contemporary radicalism poses a serious threat to the moral and spiritual foundations of society. Today a crisis reigns in the world, which threatens the existence of the life of the species Homo sapiens on the planet as a whole. Society is faced with more frequent manifestations of destructive ideologies, especially among young people, who are a special demographic group that is most susceptible to radical sentiments. The radicalization of youth is expressed in multidimensionality, through which an individual forms a readiness to accept extremist political, social or religious ideals for their further promotion by violent methods. Youth radicalism, ideologically and financially supported by pro-Western countries, found the broadest support for its ideas in the global information space, where it was given a positive reputation. This was done in order to attract into their ranks even more followers from among young people who have weakened skills for adapting to real life conditions, a deformed value system and a fragile psyche that is susceptible to destructive influence. And together with the need of young people to test new "thrill" sensations led to a disastrous result, which in its most radical aspect was expressed in an intolerant attitude towards persons of a different nationality, race and religion.*

Key words: radicalization, extremism, motivational factor, globalization, opposition.

Постановка проблемы. Современный мир ознаменован ростом радикальных настроений политического происхождения, что служит мотивационным фактором возникновения различных объединений, движений, группировок и организаций экстремистской направленности. Несмотря на протекающие процессы глобализации, современные государства оказались неспособны оказать своевременную обратную реакцию на вызовы со стороны экстремистских проявлений. Причиной тому явился консервативный характер государственных институтов, которые не оказались готовы отразить динамично развивающиеся социально-экономические, политические и духовные преобразования в глобализирующемся обществе [9, 13].

Глобализационные процессы, затронувшие не только экономику, но и политическую и социальную сферы практически всех стран мира обусловили формирование ценности информационных ресурсов. Так, эффект глобализации проявился в слиянии информационных и коммуникационных технологий, посредством которых возросли и без того значительные возможности процессы обработки, накопления и передачи информации. Данные технологии явились движущей силой для политических, экономических, социальных и культурных преобразований в обществе и обусловили интенсификацию социальных отношений, основной целью которых яви-

лось установление конструктивного взаимодействия между странами и народностями.

Таким образом, главным результативным эффектом глобализации стало возникновение мегаобщества, обусловленное грандиозным и стихийным историческим процессом создания глобальных сетей поверх барьеров и границ, что не могло отрицательным образом не сказаться на поступательном общественном развитии [3, 12].

Методология исследования. Сегодня в мире царит кризис, который ставит под угрозу существование жизни вида Homo sapiens на планете в целом. Современный человек достиг предельно допустимых значений дисбаланса с окружающей средой, демонстрируя особое пренебрежение морально-этические нормы и ценности, что находит выражение разобщенности людей перед лицом глобальных проблем [5, 9, 14].

Принимая во внимание, что большинством глобализация воспринимается как хаотичный управляемый интеграционный процесс, общество столкнулось с участвующими проявлениями деструктивных идеологий, особенно среди молодежи, которая являясь особой демографической группой, наиболее поддающейся радикальным настроениям, выражает, как осознанные, так и неосознанные крайности во взглядах и поступках.

В нашей стране молодежный радикализм людьми как что-то чуждое и нетипичное, «не пользующееся никаким влиянием в обществе и суще-

ствующим лишь благодаря финансовой поддержке из-за океана» [1, 6].

Сущностно данный феномен выражается в многоаспектности, посредством которой индивидуумом формируется готовность к принятию экстремистских политических, социальных или религиозных идеалов для дальнейшего их продвижения насильственными методами.

Так, начало радикализации молодежи обусловилось процессом глобализации и воздействием трех важнейших факторов: геополитических, социально-экономических и идеологических.

С геополитической точки зрения в общемировом масштабе XX век ознаменовался противостоянием двух общественных идеалов – либерального и социалистического, каждый из которых преследовал целью достижение универсализма и стирание национально-культурных особенностей.

В нашей стране глобализация пошла по пути социализма, а странами англосаксонского происхождения был избран либеральный путь, который показал большую жизнеспособность. Ведущую роль в продвижении идеалов либеральной глобализации сыграли Соединенные Штаты, которые посредством создания международных организаций – Лиги Нации, ООН, ЮНЕСКО, проведения ежегодного мирового экономического форума в Давосе смогли продвинуть их в мировое сообщество. В результате глобализация предвещала жесткое геополитическое противостояние, обострившее радикальные взгляды у людей, которое Соединенные Штаты использовало в качестве средства давления на геополитических противников. Ряду государств Штаты определили роль «покровителей радикальному режиму», в частности Ираку и Ливии, где за экономическими санкциями последовали информационно-идеологическая дискредитация, поддержка внутренней оппозиции, а напоследок под предлогом установления демократического режима было спровоцировано военное вмешательство. Отсюда, посредством отпора подобным «врагам демократии» укрепился военно-политический авторитет США [1, 2, 13].

Говоря об идеологическом аспекте радикализации, следует отметить, ее направленность на эксплуатацию подсознательных потребностей молодых людей, у которых отсутствуют четкие представления о религии, в целях побуждения каждого индивида к оказанию деструктивного влияния на общество. Однако, в реальности происходит следующее: радикально настроенная молодежь исповедует не саму религию, а идеологию.

Молодежный радикализм идеологически и материально поддерживаемый прозападными странами, находит широкое освещение и пропаганду своих идей в глобальном информационном пространстве, где ему придается положительный

окрас. Это делается для привлечения в свои ряды еще большего количества последователей из числа молодых людей, у которых ослаблены навыки к адаптации в условия реальной жизни, деформирована система ценностей и неокрепшая психика, поддающаяся деструктивному влиянию. А в совокупности с потребностью молодых людей в испытании новых «острых» ощущений неминуемо приводит к плачевному результату, который в самом радикальном аспекте транслируется в качестве нетерпимого отношения к лицам иной национальности, расы и религии [4, 7, 14].

Обосновывая причины, по которым именно молодежь становится носителем радикальных идей в эпоху глобализации, следует обратить внимание на группу факторов.

Так, первым фактором следует назвать стирание национальных и культурных границ, которому был придан негативный окрас. Нынешнее поколение молодых людей выросло на американизации культуры с присущей ей вестернизацией, когда любое неформальное течение и субкультура находит восприятие в незрелых умах в роли какого-то экстрима, позволяющему им осуществить выход за пределы серых будней и реализовать экстремально-радикальные формы самовыражения. И если даже молодые люди официально еще не состоят в радикальных субкультурах, многие из них выражают готовность признать, одобрить, а в случае необходимости и участвовать в радикальных мероприятиях, что позволяет причислить их к потенциальным радикалам [5, 7, 8].

Отсутствие у молодежи стабильных социальных позиций, политических и экономических ориентиров, ценностных и культурных идеалов, критического восприятия событий являются благодатной почвой для их рекрутирования в радикальную субкультуру под лозунгами вершителей крупных социальных событий [3, 10].

Вторым фактором, формирующим радикальное настроение у молодежной публики, является конфликт поколений, который чаще всего происходит на фоне социально-политических, экономических и культурных трансформаций, в результате чего происходит переосмысление опыта предшествующих поколений. Молодежь выражает склонность подвергать негативной оценке опыт предков, которые, как они считают, выбрали для страны неверный путь развития. В результате формируется резко отрицательное отношение к предшествующему социально-культурному опыту, что является строительным материалом для радикальных мировоззренческих позиций [1, 6, 11].

Третью группу факторов возникновения и распространения радикализма среди молодежи составляют социально-политические мотивы.

Поскольку как объект государственных интересов, стратегический кадровый и трудовой ресурс общества молодежь подвергается воздействию оппозиционных и деструктивных сил, то внимание к ее потребностям в участии в политической и общественной жизни страны должно обеспечиваться контролируруемыми государственными структурами, которые готовы предоставить возможность для социальной самореализации и политической самоорганизации. В противном случае молодежь, испытав разочарование, перестанет доверять власти, политическим партиям и движениям, что найдет выход в демонстрации радикальных взглядов, что собственно и случилось в недавнем прошлом на Ближнем Востоке, где повсеместно прошли «цветные революции» свергнувшие легитимную власть [2, 6, 12].

И, наконец, к четвертой группе факторов распространения идеологии радикализма в молодежной среде, следует отнести транслируемый молодыми людьми правовой нигилизм, недостаточный уровень правосознания, негативное отношение к государственным и правоохранительным структурам, социальное неравенство, неблагополучное социальное положение семей, высокий уровень безработных, рост беспризорных и безнадзорных детей, возросшее социальное сиротство, напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях [1, 6, 8].

Выводы. В заключении еще раз обобщим, что молодежный радикализм проявляется в политическом течении, сторонники которого выражают критические взгляды на существующую систему и требуют проведения радикальных преобразований и реформ путем использования крайних мер и бескомпромиссной приверженности каким-либо взглядам и идеологии. Рост радикальных настроений выступил фундаментом возникновения различных объединений, движений, группировок и организаций экстремистской направленности.

Список литературы:

[1] Берснакаева Т.М. Процесс глобализации: негативный и положительный аспекты // В сборнике: Роль и место информационных технологий в современной науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 115-117.

[2] Вихрян А.П. Радикализация сознания молодежи как питательная среда для проявлений экстремизма и терроризма: проблемы противодействия // В сборнике: Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией О.И. Чердакова. 2017. С. 89-95.

[3] Газизуллина А.Р., Головчик Э.А. Молодежный радикализм: проблемы и решения // В сборнике: Формирование гражданской устойчивости как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 91-94.

[4] Ефанова Е.В. Молодежный радикализм: факторы, институциональные формы, особенности // Современная наука и инновации. 2016. № 4 (16). С. 221-225.

[5] Кокмазов А.В., Ковтун Н.А. Основные методы распространения идеологии терроризма через интернет, использование социальных сетей экстремистскими группировками // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 108-111.

[6] Кучмезов Р.А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 60-63.

[7] Лагуткина О.А. Профилактика радикализационных проявлений в молодежной среде // В сборнике: Формирование гражданской устойчивости как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 185-189.

[8] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

[9] Опалев А.В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 31-34.

[10] Подольный Н.А. Радикализация молодежи, как условие информационного экстремизма // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 148-155.

[11] Тарчоков Б.А. Влияние криминальной субкультуры на формирование антиобщественного поведения в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 27-30.

[12] Факов А.М. Эффективное противодействие радикализации молодежи в сети интернет // В сборнике: Юридические науки, Правовое государство и современное законодательство. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза. 2020. С. 114-116.

[13] Чурилов С.А., Быкадорова А.С. О противодействии распространению и профилактике радикальных идеологий в молодежной среде и

сети интернет // Обзор. НЦПТИ. 2016. № 8. С. 39-43.

[14] Шагапсоев З.Л. Радикализм и экстремизм как реальная угроза безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 23-26.

Spisok literatury:

[1] Bersnakaeva T.M. Process globalizacii: negativnyj i položitel'nyj aspekty // V sbornike: Rol' i mesto informacionnyh tekhnologij v sovremennoj nauke. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 115-117.

[2] Vihryan A.P. Radikalizacija soznaniya molodezhi kak pitatel'naya sreda dlya proyavlenij ekstremizma i terrorizma: problemy protivodejstviya // V sbornike: Destruktivnoe vliyanie terrora na politicheskuyu sistemu i pravovuyu sredu Rossijskogo gosudarstva. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod redakciej O.I. SHERDAKOVA. 2017. S. 89-95.

[3] Gazizullina A.R., Golovchik E.A. Molodezhnyj radikalizm: problemy i resheniya // V sbornike: Formirovanie grazhdanskoj ustojchivosti kak faktor protivodejstviya ideologii ekstremizma i terrorizma. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 91-94.

[4] Efanova E.V. Molodezhnyj radikalizm: faktory, institucional'nye formy, osobennosti // Sovremennaya nauka i innovacii. 2016. № 4 (16). S. 221-225.

[5] Korkmazov A.V., Kovtun N.A. Osnovnye metody rasprostraneniya ideologii terrorizma cherez internet, ispol'zovanie social'nyh setej ekstremistскими группировками // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 9 (124). S. 108-111.

[6] Kuchmezov R.A. Sinergeticheskij effekt globalizacii i ego proyavlenie v radikalizacii molodezhi //

Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 60-63.

[7] Lagutkina O.A. Profilaktika radikalizacionnyh proyavlenij v molodezhnoj srede // V sbornike: Formirovanie grazhdanskoj ustojchivosti kak faktor protivodejstviya ideologii ekstremizma i terrorizma. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 185-189.

[8] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostraneniyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 117-120.

[9] Opalev A.V. Prichiny radikalizma v molodezhnoj srede sovremennogo rossijskogo obshchestva // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2015. № 6. S. 31-34.

[10] Podol'nyj N.A. Radikalizacija molodyozhi, kak uslovie informacionnogo ekstremizma // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. T. 8. № 1 (29). S. 148-155.

[11] Tarchokov B.A. Vliyanie kriminal'noj subkul'tury na formirovanie antiobshchestvennogo povedeniya v molodezhnoj srede // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 27-30.

[12] Fakov A.M. Effektivnoe protivodejstvie radikalizacii molodezhi v seti internet // V sbornike: YUridicheskie nauki, Pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo. Sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza. 2020. S. 114-116.

[13] SHurilov S.A., Bykadorova A.S. O protivodejstvii rasprostraneniyu i profilaktike radikal'nyh ideologij v molodezhnoj srede i seti internet // Обзор. НЦПТИ. 2016. № 8. С. 39-43.

[14] SHkhagapsoev Z.L. Radikalizm i ekstremizm kak real'naya ugroza bezopasnosti gosudarstva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 23-26.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ГЕДГАФОВ Мурат Мухамедович
преподаватель кафедры огневой подготовки,
майор полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

РАЗВИТИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. Цель данного исследования состоит в изучении факторов, обуславливающих развитие кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства. Глобализация ознаменовала стремительный рост технического прогресса, который затронул все сферы человеческой жизнедеятельности и усилил зависимость общества от стабильной и надежной работы информационных и телекоммуникационных систем. Высокие технологии обусловили переход инфраструктуры на новый уровень функционирования, что привело к возникновению новых угроз национальной и международной системы безопасности и вызвало целый комплекс негативных геополитических последствий. Эти угрозы связаны с применением высоких технологий в преступных целях, то есть совершением кибертеррористических атак в глобальном информационном пространстве, чьи последствия сопоставимы с применением оружия массового уничтожения. В рамках данного исследования нами проанализированы причины, благоприятствующие распространению кибертерроризма в сети Интернет. Совершенствование глобального пространства предопределило возникновение новых возможностей коммуникации и развитие мирового сообщества на основе единого социально-экономического пространства – главного продукта глобализации и привело к повышению угрозы совершения кибертеррористических атак. Достижения в области высоких технологий выступили движущей силой для расширения сферы распространения кибертеррористических угроз. Технический прогресс, который зачастую опережает скорость, с какой государство дает ответную реакцию на его проявление, создал серьезные трудности перед правоохранителями в вопросах правовой оценки при квалификации кибертеррористических преступлений. Серьезной проблемой также на фоне активации информационных и телекоммуникационных технологий выступила защита персональных данных, коммерческой, банковской и корпоративной тайны. Отсюда, кибертеррористические атаки подлежат квалификации необратимостью своих последствий, и задача правоохранителей состоит в выработке мер противодействия этому явлению.

Ключевые слова: кибертерроризм, киберпреступность, кибератака, глобальное информационное пространство, высокие технологии.

GEDGAFOV Murat Mukhamedovich,
lecturer at the Department of Fire Training,
police major,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DEVELOPMENT OF CYBERTERRORISM IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE INFORMATION SPACE

Annotation. The purpose of this study is to study the factors that determine the development of cyber terrorism in the context of the globalization of the information space. Globalization marked the rapid growth of technological progress, which affected all spheres of human life and increased the dependence of society on the stable and reliable operation of information and telecommunication systems. High technologies led to the transition of infrastructure to a new level of functioning, which

led to the emergence of new threats to the national and international security system and caused a whole range of negative geopolitical consequences. These threats are associated with the use of high technologies for criminal purposes, that is, the commission of cyber-terrorist attacks in the global information space, whose consequences are comparable to the use of weapons of mass destruction. Within the framework of this study, we have analyzed the reasons that favor the spread of cyber terrorism on the Internet. The improvement of the global space predetermined the emergence of new communication opportunities and the development of the world community on the basis of a single socio-economic space - the main product of globalization and led to an increase in the threat of cyber-terrorist attacks. Advances in high technology have been the driving force behind the expansion of cyber-terrorist threats. Technological progress, which often outstrips the speed with which the state responds to its manifestation, has created serious difficulties for law enforcement officers in matters of legal assessment when qualifying cyber-terrorist crimes. The protection of personal data, commercial, banking and corporate secrets was also a serious problem against the background of the activation of information and telecommunication technologies. Hence, cyber-terrorist attacks are subject to qualification by the irreversibility of their consequences, and the task of law enforcement officers is to develop measures to counter this phenomenon.

Key words: *cyber terrorism, cyber crime, cyber attack, global information space, high technologies.*

Постановка проблемы. Глобализированный современный мир невозможно представить без информационно-коммуникационных технологий, которые трансформировали принципы и формы сбора, обработки и передачи информации, оказали значительное влияние на социально-политическую и экономическую сферы человеческой жизнедеятельности. Стабильное развитие общества стало в прямую зависимость от достижений высоких технологий, технического уровня и доступности информационных ресурсов посредством которых определяется уровень развития государства и его статус на мировой арене. В то же время высокие технологии обусловили переход инфраструктуры на новый уровень функционирования, что привело к возникновению новых угроз национальной и международной системы безопасности и вызвало целый комплекс негативных геополитических последствий. Эти угрозы связаны с применением высоких технологий в преступных целях, то есть совершением кибертеррористических атак в глобальном информационном пространстве, чьи последствия сопоставимы с применением оружия массового уничтожения.

Сегодня удивить кого-нибудь быстрой трансформацией преступности в глобальном информационном пространстве довольно сложно. Постоянное развитие IT-технологий, произошедшая глобализация, затронувшая все сферы человеческой жизнедеятельности, привела к росту коммуникативных возможностей интернета, в результате чего обусловилось возникновение кибертеррористических действий в глобальном информационном пространстве.

В системе преступлений кибертеррористические атаки стоят на особом месте, и в ближайшие годы будут только тенденциозно расти и совер-

шенствоваться. Как известно глобальное информационное пространство рассчитано на массовое употребление. Соответственно вначале у правоохранителей не возникает необходимости в установлении целей его использования. Однако, впоследствии при обнаружении и расследовании фактов кибертеррористических атак перед правоохранителями возникает задача по разработке новых и совершенствованию существующих мер противодействия данному явлению [4, 7, 11].

Следует отметить, что проблема кибертерроризма не теряет своей актуальности в последние два десятилетия. Масштабам ее распространения способствует произошедшая глобализация, затронувшая все сферы человеческой жизнедеятельности и усилившая зависимость общества от стабильной и надежной работы информационных и телекоммуникационных систем. Совершенствование сети Интернет и глобализация ознаменовали стремительный рост технического прогресса, который и стал ресурсной базой для развития преступных действий, связанных с электронной обработкой информации, что привело к активизации террористической деятельности, в частности ее новой формы проявления – кибертерроризма.

Таким образом, совершенствование глобального пространства предопределило возникновение новых возможностей коммуникации и развитие мирового сообщества на основе единого социально-экономического пространства – главного продукта глобализации и привело к повышению угрозы совершения кибертеррористических атак [1, 8].

Методология исследования. Для определения кибертерроризма исходным выступает понятие «киберпреступность». Киберпреступником считается пользователь персонального компьютера, который при использовании сети общего

пользователя нарушает законодательство. Наибольшее число атак киберпреступниками совершаются на средства коммуникации, информационную сферу, программное обеспечение и т.п. Сегодня угроза кибератак достигла небывалых размеров. В результате, кибертерроризм стал выступать в качестве разновидности киберпреступности, в рамках которой происходит несанкционированное вмешательство в работу компонентов компьютерных сетей общего доступа, направленное на нарушение работы элементов инфраструктуры политически значимых институтов общества, причинение морального и материального ущерба, а также социально-опасных последствий. Несанкционированное вмешательство состоит в проникновении в систему с целью ее изучения ради интереса, риска или острых ощущений, а также с целью кражи информации и финансовых ресурсов, вымогательства, намеренного повреждения компьютеров и систем, приводящих к политической или экономической дестабилизации.

Кибертерроризм, выступая новой формой терроризма, сформировался в результате использования компьютерных сетей и достижений высоких технологий. Глобализация вынесла данную проблему за пределы компетенции одного государства, общественную опасность которой признали на международном уровне [1, 5, 8].

Кибертерроризм, представляя серьезную угрозу всему человечеству, можно определить в качестве одного из разрушительных видов современного оружия – ядерного, химического, бактериологического. Сегодня кибертерроризм вышел на такой прогрессивный уровень, когда преступники имеют возможности осуществить вмешательство в данные, вмешательство в систему, незаконный перехват и незаконный доступ. Компьютерные мошенники обладают практически неограниченными возможностями общения и обмена опытом в глобальном пространстве. Соглашаясь с мнением большей части ученых и практиков, хотим отметить, что любые достижения в области высоких технологий являются ресурсной базой для расширения сферы кибертерроризма.

Террористические организации используют глобальную сеть в своих преступных целях – пропаганды своей деятельности и вербовки в свои ряды новых членов. Ввиду того, что глобальная сеть охватила практически все сферы человеческой жизнедеятельности, у людей сформировалась стойкая компьютерная зависимость. А, как известно именно сеть является самым большим транслятором радикальных взглядов, деформированных форм взаимодействия и общения между людьми, а также установки, формирующие у

людей негативные оценочные суждения. Люди подвержены проявлению любопытства к пропагандистским материалам, обсуждению их между собой в социальных сетях и мессенджерах и могут дублировать преступные действия террористов [7, 9, 12].

Таким образом, став частью современного мира высокие технологии дали современному человечеству уникальную возможность выхода на высочайший уровень передачи информации и открыли новые пути развития коммуникаций, что не могло и без негативных тенденций – достижение высоких технологий обусловило зарождение такого негативного явления как совершение кибертеррористических атак на базы данных и компьютерные системы [1, 6, 7].

Наибольшее число кибертеррористических атак совершаются на персональные данные, коммерческую, банковскую и корпоративную тайны. Это происходит посредством несанкционированного вмешательства в работу компонентов компьютерных сетей общего доступа, направленного на нарушение работы элементов инфраструктуры политически значимых институтов общества, причинение морального и материального ущерба, а также социально-опасных последствий [2, 4, 11].

Таким образом, технологический процесс обуславливает противоправное вмешательство в деятельность информационно-коммуникационных технологий и нанесение вреда не только отдельным людям, но целым корпорациям и государствам. Достигнутый сегодня высочайший уровень передачи информации открыл новые пути для расширения сферы кибертеррористических угроз.

Что касается противодействия указанному феномену, следует отметить сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании таких преступлений. Главную сложность составляет высокая анонимность глобального пространства, которая позволяет виртуальному преступнику не оставлять следов преступления, в результате чего его обнаружение и нейтрализация практически невозможны. Следующим проблемным полем следует отметить определение места нахождения преступления, факт его совершения, сбор доказательств, осуществление процессуальных действий при очерчивании круга преступлений, которые связаны со случаями использования электронной информации и автоматизированных средств ее обработки и хранения. Важно также отметить относительную ненаказуемость и высокую латентность данного вида преступлений в сочетании с их высокой доходностью, которые только повышают их привлекательность в глазах киберпреступников как вид деятельности, когда потерпевшие узнают о том,

что они подверглись кибертеррористической атаке спустя достаточно продолжительный временной промежуток. И речь здесь идет о преступлениях, связанных преимущественно с кражей денежных средств, похищением различной информации и взломом компьютерных систем [5, 6, 13].

И еще, поскольку технический прогресс зачастую опережает скорость, с какой государство дает ответную реакцию на его проявление, правоохранители сталкиваются с правовым вакуумом при квалификации подобных деяний. Серьезной проблемой на фоне активации информационных и телекоммуникационных технологий выступает защита персональных данных, коммерческой, банковской и корпоративной тайны. Отсюда, кибератаки следует характеризовать необратимостью своих последствий, и задача правоохранителей состоит в выработке мер противодействия этому явлению [10]. Работу в данном направлении по нашему мнению следует начать с определения кибернетической безопасности, которая заключается в надежной работе персональных компьютеров и бесперебойном функционировании программного обеспечения.

Кибербезопасность выступая «состоянием защищенности от внутренних и внешних угроз основных прав и свобод граждан, распространяется на весь комплекс прав и свобод человека в правовом государстве в числе которых выступает защита жизни, здоровья, неприкосновенности личности, законных интересов личности в киберпространстве, конфиденциальности, целостности информационных ресурсов» [8, 9].

В виртуальном пространстве масштабы, до которых разрослись киберпреступления, вызывают тревогу у правоохранительных структур практически всех государств. Они не совершаются в рамках границ одного государства, проявляются в общемировом пространстве, требуют значительных усилий и серьезных мер противодействия. Для достижения значительных результатов необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование киберпространства на законодательном уровне в условиях глобализованного информационного пространства невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права [3, 11].

Заключение. Таким образом, стремительное развитие информационных технологий обусловило появление новых видов преступлений и угроз, в том числе кибертеррористических, для противодействия которым требуется поиск мер и мероприятий, обеспечивающих баланс между свободным распространением информации и защитой персональных данных, а также сохране-

нием личной, коммерческой, банковской, государственной, стратегической тайн в глобальном пространстве. Неконтролируемое функционирование киберпространства и развитие информационных коммуникационных технологий привело к активации противоправных действий со стороны киберпреступников и кибермошенников, представляющих серьезную угрозу безопасности людей и государства. Для решения возникшей проблемы перед государством встала задача по обеспечению адекватной правовой оценке действий, совершаемых в глобальном пространстве, повышению ответственности за размещение запрещенного контента, а также обеспечению организационно-правового регулирования противоправной деятельности в данной сфере. Только такими мерами можно защитить сферы человеческой жизнедеятельности от кибертеррористических угроз.

Список литературы:

- [1] Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 78-82.
- [2] Гриценко А.А. Кибертерроризм, как актуальная проблема современного мира // В сборнике: Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 2020. С. 196-199.
- [3] Жуков А.З. Пути совершенствования методов по противодействию кибертерроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. №4. С. 67-70.
- [4] Камергоев Б.М. Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве. Понятие и механизмы противодействия // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 158-160.
- [5] Карамова Э.И., Фомин С.М. К вопросу о кибертерроризме в глобализирующемся мире // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 154-155.
- [6] Магомедов М.Н. Приоритетные направления противодействия кибертерроризму на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 105-107.
- [7] Малик Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169-173.
- [8] Растегари С. Противодействие кибертерроризму: правовые основы // Современное право. 2020. № 11. С. 133-137.
- [9] Расулев А. Противодействие кибертерроризму: международно-правовые и уголовно-правовые аспекты // Вестник юридических наук. 2018. № 4. С. 93-95.

[10] Тарчоков Б.А. О противодействии угрозам кибертерроризма в глобальном информационном пространстве // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 148-150.

[11] Федорович В.Ю. Что такое «киберпреступление»? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 15-17.

[12] Ширинова А.А., Семенцова И.А. Кибертерроризм, как болезнь современной интернет-сети. Пути противодействия // В сборнике: Уголовное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2019. С. 19-21.

[13] Шогенов Т.М. Локализация кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 242-245.

Spisok literatury:

[1] Buz S.I. Kiberprestupleniya: ponyatie, sushchnost' i obshchaya harakteristika // YUrist»-Pravoved». 2019. № 4 (91). С. 78-82.

[2] Gricenko A.A. Kiberterrorizm, как aktual'naya problema sovremennogo mira // V sbornike: Novaya nauka: istoriya stanovleniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa. 2020. С. 196-199.

[3] ZHukov A.Z. Puti sovershenstvovaniya metodov po protivodejstviyu kiberterrorizmu v Rossijskoj Federacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. Т. 13. №4. С. 67-70.

[4] Kamergoev B.M. Kiberterrorizm v global'nom informacionnom prostranstve. Ponyatie i

mekhanizmy protivodejstviya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 1. С. 158-160.

[5] Karamova E.I., Fomin S.M. K voprosu o kiberterrorizme v globaliziruyushchemsya mire // Social'no-politicheskie nauki. 2016. № 3. С. 154-155.

[6] Magomedov M.N. Prioritetnye napravleniya protivodejstviya kiberterrorizmu na sovremennom etape // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 2. С. 105-107.

[7] Malik E.N. Kiberterrorizm kak mirovaya ugroza: vyzovy i mery bor'by // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2020. № 1 (85). С. 169-173.

[8] Rastegari S. Protivodejstvie kiberterrorizmu: pravovye osnovy // Sovremennoe pravo. 2020. № 11. С. 133-137.

[9] Rasulev A. Protivodejstvie kiberterrorizmu: mezhdunarodno-pravovye i ugovolno-pravovye aspekty // Vestnik yuridicheskikh nauk. 2018. № 4. С. 93-95.

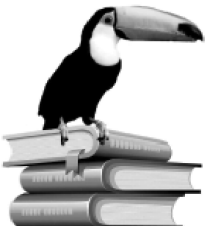
[10] Tarchokov B.A. O protivodejstvii ugrozam kiberterrorizma v global'nom informacionnom prostranstve // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 1. С. 148-150.

[11] Fedorovich V.YU. CHto takoe "kiberprestuplenie"? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. С. 15-17.

[12] SHirinova A.A., Semencova I.A. Kiberterrorizm, как bolezni' sovremennoj internet-seti. Puti protivodejstviya // V sbornike: Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii: osnovnye problemy primeneniya i napravleniya sovershenstvovaniya. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. С. 19-21.

[13] SHogenov T.M. Lokalizaciya kiberterrorizma v usloviyah globalizacii informacionnogo prostranstva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2019. № 6. С. 242-245.

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАНУКОЕВ Астемир Мусович,
преподаватель кафедры физической подготовки,
капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НАСТУЕВ Эдуард Борисович,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕРКЕСОВ Радмир Мухаметбиевич,
Старший преподаватель кафедры
физической подготовки, майор полиции
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Целью данного исследования было изучение основных направлений профилактики экстремизма в молодежной среде средствами физической культуры и спорта. Развитию экстремизма способствуют взаимодействия социально-политической, экономической и духовной сфер общественной жизни. Рост числа преступлений экстремистского характера совершаемых подростками дает нам право утверждать, что именно они составляют наиболее криминальную прослойку общества и основную силу экстремистских объединений. Задачи исследования состоят в анализе потенциала физической культуры и спорта в профилактике экстремистской деятельности. Популяризация занятий спортом и физической культурой, по нашему мнению, является важным аспектом в решении проблемы развития экстремизма. Необходимо привить молодежи правильное культурное развитие путем проведения спортивных состязаний направленных на пропаганду здорового образа жизни. Спортивные состязания необходимо проводить на систематической основе по наиболее популярным среди молодежи видам спорта. Государство должно вкладываться в постройку новых и реставрацию старых спортивных комплексов, где молодежь в свободное время могла бы заниматься спортом, а не совершением преступлений, употребления алкогольных и наркотических средств. Прививая молодежи правильное культурное развитие путем проведения спортивных состязаний по наиболее популярным видам спорта можно избежать девиантного поведения, а также увлечения, как экстремистскими идеями, так и злоупотребления алкоголем и наркотическими веществами. Правильное нравственное воспитание уменьшает риск вовлечения неокрепшего психически индивида в экстремистские и террористические объединения, незаконные бандформирования.

Ключевые слова: профилактика экстремизма, противодействие, физическая культура, спорт.

KANUKOEV Astemir Musovich,
lecturer at the Department of Physical Training,
police captain

NASTUEV Eduard Borisovich,
senior lecturer at the Department of Physical Training,
lieutenant colonel of police

CHERKESOV Radmir Mukhametbievich,
senior lecturer at the Department of Physical Training,
police major
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MAIN DIRECTIONS FOR PREVENTING EXTREMISM IN YOUTH ENVIRONMENT

Annotation. *The purpose of this study was to study the main directions of the prevention of extremism among young people by means of physical culture and sports. The development of extremism is facilitated by the interaction of the socio-political, economic and spiritual spheres of public life. The growth in the number of crimes of an extremist nature committed by adolescents gives us the right to assert that they are the most criminal stratum of society and the main force of extremist associations. The objectives of the research are to analyze the potential of physical culture and sports in the prevention of extremist activities. The popularization of sports and physical culture, in our opinion, is an important aspect in solving the problem of the development of extremism. It is necessary to instill in young people the correct cultural development through sports competitions aimed at promoting a healthy lifestyle. Sports competitions should be held on a systematic basis in the most popular sports among young people. The state should invest in the construction of new and restoration of old sports complexes, where young people could go in for sports in their free time, and not commit crimes, use alcohol and drugs. By instilling in young people the correct cultural development by holding sports competitions in the most popular sports, deviant behavior can be avoided, as well as hobbies, both extremist ideas, and alcohol and drug abuse. Correct moral education reduces the risk of involving a mentally immature individual in extremist and terrorist associations, illegal bandit formations.*

Key words: *prevention of extremism, counteraction, physical culture, sports.*

Постановка проблемы. Начало 21 века прочно войдет в мировую историю под эгидой наибольшего расцвета экстремизма. Особую популярность данное явление получило в глобальной сети интернет, где популяризируются его идеи. И конечно самой увлеченной аудиторией выступает молодежь, самая незащищенная социально-демографическая группа, отличающаяся малообразованностью и, как следствие, наиболее подверженная влиянию деструктивных идеологий. В числе причин, обуславливающих такое увлечение следует назвать: общественное неравенство, желание самоутвердиться в обществе сверстников и взрослых, недостаточная социальная сформированность, неудовлетворительный профессиональный и жизненный статус.

Формирование экстремистского сознания у молодежи неминуемо влечет за собой экстремистское поведение, которое выражается в реальной угрозе физическому и общественному выживанию человека в коллективе и окружающей среде. Негативным аспектом следует отметить также, что экстремизм набирает обороты, наращивается мощь экстремистских организаций и движений.

Известно, что каждый индивидуум в какой-то жизненный период отклоняется от оси своего развития. Причиной тому служат особенности взаимосвязи и взаимодействия человека с окружающим миром, общественной средой и самим собой. В результате у довольно большой аудитории возникает тяготение к экстремистскому сознанию и правосознанию.

Обосновывая причины, по которым именно молодежь подвергается увлечением радикальными идеями, следует отметить группу факторов:

1. Стирание национальных и культурных границ, получившее негативный окрас со стороны молодых людей, которыми любое неформальное течение и субкультура воспринимается в роли какого-то экстрима, позволяющего им осуществить выход за пределы серых будней и реализовать экстремально-радикальные формы самовыражения. И если даже молодые люди официально еще не состоят в деструктивных субкультурах, многие из них выражают готовность к экстремистской активности, что позволяет причислить их к потенциальным радикалам [5, 7, 8].

Отсутствие у молодежи стабильных социальных позиций, политических и экономических ориентиров, ценностных и культурных идеалов, критического восприятия событий являются благодатной почвой для их рекрутирования в ряды экстремистских движений под лозунгами вершителей крупных социальных событий [3, 10].

2. Конфликт поколений, который чаще всего происходит на фоне социально-политических, экономических и культурных трансформаций, в результате чего молодыми людьми дается негативная оценка опыту предков, которые, по их мнению, выбрали для страны неверный путь развития. В результате формируется резко отрицательное отношение к предшествующему социально-культурному опыту, что является строительным материалом для радикальных мировоззренческих позиций [1, 6, 11].

3. Социально-политические мотивы. Поскольку как объект государственных интересов, стратегический кадровый и трудовой ресурс общества молодежь подвергается воздействию оппозиционных и деструктивных сил, то внимание к ее потребностям в участии в политической и

общественной жизни страны должно обеспечиваться контролируемыми государственными структурами, которые готовы предоставить возможность для социальной самореализации и политической самоорганизации. В противном случае молодежь, испытав разочарование, перестанет доверять власти, политическим партиям и движениям, что найдет выход в демонстрации радикальных взглядов [2, 6, 12].

4. Правовой нигилизм, недостаточный уровень правосознания, негативное отношение к государственным и правоохранительным структурам, социальное неравенство, неблагоприятное социальное положение семей, высокий уровень безработных, рост беспризорных и безнадзорных детей, возросшее социальное сиротство, напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях [1, 6, 8].

Методология исследования. На сегодняшний день понятие и значение слова экстремизм известно практически каждому человеку в любой точке нашей огромной планеты. Вместе с тем, правоохранители отмечают значительный рост подростковой преступности. Так, наиболее криминально активную часть населения составляет несовершеннолетняя публика в возрасте от 12 до 17 лет, и говорить об ожидаемых улучшениях в ближайшее время не приходится, если не будут приняты кардинальные меры по улучшению системы профилактики отклоняющегося поведения [4, 10, 13]. Отсюда, определяется необходимость поиска путей противостояния формированию экстремистского сознания в молодых умах, используя все возможные средства, имеющиеся в распоряжении общества.

Следует отметить, что экстремистские проявления всегда существовали, однако таких масштабов распространения ранее не наблюдалось. Основными причинами бурного развития экстремистского движения в молодежных кругах является желание подрастающего поколения привлечь к себе внимание во взрослом обществе, а также желание самоутверждения.

Развитию экстремизма способствуют взаимодействия социально-политической, экономической и духовной сфер общественной жизни. Рост числа преступлений экстремистского характера совершаемых подростками дает нам право утверждать, что именно они составляют наиболее криминальную прослойку общества и основную силу экстремистских объединений. Если обратиться к статистике мы заметим ежегодный рост количества преступлений экстремистского содержания, а также что большую часть участников экстремистских объединений составляют молодые люди, возраст которых едва достигает 20-25 лет. Все это указывает на то, что экстремизм с каждым годом набирает обороты и представляет собой недооцененную опасность. Все сказанное должно

обратить наше внимание, на разработку способов скорейшего решения описываемой проблемы используя все доступные ресурсы [7, 9, 10].

В числе главных аспектов противодействия данному феномену мы хотим назвать популяризацию занятий спортом и физической культурой среди молодежи. Пропаганда физической культуры, спорта, а также достижение физического совершенства должны быть направлены на отказ молодежи от увлечения деструктивными идеологиями. Прививая молодому поколению правильное культурное развитие путем проведения спортивных состязаний по наиболее популярным видам спорта можно избежать девиантного поведения, а также увлечения, как экстремистскими идеями, так и злоупотребления алкоголем и наркотическими веществами.

Необходимо привить молодежи правильное культурное развитие путем проведения спортивных состязаний направленных на пропаганду здорового образа жизни. Спортивные состязания необходимо проводить на систематической основе по наиболее популярным среди молодежи видам спорта. Государство должно вкладываться в постройку новых и реставрацию старых спортивных комплексов, где молодежь в свободное время могла бы заниматься спортом, а не совершением преступлений, употребления алкогольных и наркотических средств. Правильное нравственное воспитание уменьшает риск вовлечения неокрепшего психически индивида в экстремистские и террористические объединения, незаконные бандформирования. Необходимо подавать правильный пример молодежи не словами, а действиями.

Различные мастер-классы прославленных спортсменов играют немаловажную роль в мотивации подростков для занятий спортом. Имея перед глазами пример людей, которые смогли добиться определенного социального статуса, прославляющих свою отчизну и свою малую родину на мировой арене, они будут прислушиваться к их советам и прилагать все усилия для достижения такого же результата. Все их мысли будут направлены на нахождение путей совершенствования своей физической силы, а не на бесполезное нахождение в просторах интернет страниц и социальных сетей, где они являются уязвимыми для вербовщиков [2, 4, 5].

Современные реалии таковы, что общение во всемирной паутине заменяет общение с людьми вживую. Чем больше на протяжении дня молодой человек занят умственным и физическим совершенствованием, тем меньше у него остается свободного времени для нахождения в социальных сетях и занятия противозаконной деятельностью. К большому сожалению, мы сегодня наблюдаем тенденцию, когда дети доверяют незнакомым людям в интернете больше чем род-

ным и близким, потому что агитаторы выслушивают все их переживания, и вместо осуждения осуществляют поддержку, тем самым создавая для себя крепкую почву для манипуляций неокрепшего детского разума. Забираясь в головы детей, они упорно навязывают им свои цели и мысли, обоснованность которых им не под силу оценить.

Занятия спортом укрепляют человека не только физически, но и ментально. Он обучается совладать со своими чувствами, использовать их себе на пользу, трезво мыслить в критических ситуациях. Эти качества вырабатываются на тренировках, и имеют практический смысл в дальнейшей жизни. Занятия спортом учат человека быть самостоятельным, не надеяться на чужую помощь, быть уверенным в своих силах. Такого индивида сломать психологически гораздо тяжелее, можно даже сказать практически невозможно, тем самым он становится недостижимой целью для вербовщиков. Чем раньше ребенок начнет заниматься спортом, тем легче будет его воспитать правильно и развить в нем упомянутые качества. Все это будет не осуществимо без поддержки государственных и правоохранительных органов [1, 8].

Наряду с указанным, необходимо расширять государственные программы по развитию спорта и его популяризации в регионах Российской Федерации, осуществлять совместную деятельность органов местного самоуправления и правоохранительных органов по проведению спортивных мероприятий, направленных на решение проблемы распространения экстремистских движений в подростковой и молодежной среде. Также следует прививать молодежи любовь к разнообразным видам спорта, спортивным состязаниям. Физическая культура также способствует правильному нравственному воспитанию. Человек, с детства привыкший заниматься спортом, с меньшей долей вероятности склонен к употреблению алкоголя и наркотиков. Такие вредные привычки подрывают здоровье человека и вызывают в нем чувство бессознательности и слабости, что в свою очередь играет на руку вербовщикам и агитаторам в экстремистские и террористические организации [3, 6, 11].

Заключение. Будущее подрастающего поколения зависит от степени заинтересованности в правильном физическом и психологическом воспитании. Необходимо использовать все рычаги воздействия на решение поднятой проблемы, нельзя оставаться в стороне и пускать все на самотек. К большому сожалению, культура занятия спортом на сегодняшний день находится в упадке, что влечет за собой появление неблагоприятных явлений, описываемых в статье. Предстоит проделать огромный объем работы в кратчайшие сроки. Для максимального сокращения

сроков на выполнение этой работы, необходимо объединить силы государственных и правоохранительных органов, министерства спорта, образования, науки и просвещения.

Список литературы:

[1] Абдулов М.Р. Физическая культура и спорт в противодействии экстремизму и терроризму [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-i-sport-v-protivodeystvii-ekstremizmu-i-terrorizmu> (дата обращения 02.05.2021).

[2] Алиев М.А. Противодействие терроризму и экстремизму: социологические аспекты // В сборнике: Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала, 2019. С. 113-116

[3] Галкина Е.В. Отношение современной молодежи Северо-кавказского федерального округа к актуальным проблемам общественной жизни (противодействие экстремизму и терроризму) // В сборнике: Профилактика экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве. Сборник докладов научно-практической конференции. Владикавказ, 2019. С. 58-62.

[4] Казаринова Л.В. Противодействие экстремизму и терроризму в сфере физической культуры и спорта: правовые и педагогические аспекты // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 22. С. 1729-1732.

[5] Кузнецов М.Б. Мотивация курсантов образовательных организаций МВД России к занятию спортом, как основной критерий повышения здоровья и профессиональных качеств // Наука. 2020. 2017. № 2 (13). С. 189-192.

[6] Кузнецова Л.В. Профилактика как фактор повышения сопротивляемости личности несовершеннолетних проявлениям экстремизма и терроризма // В сборнике: Профилактика проявлений экстремизма и терроризма как фактор обеспечения социальной безопасности в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 120-127.

[7] Малыхина Т.А. об особенностях предупреждения экстремизма в современной молодежной среде // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 1 (92). С. 89-99.

[8] Масюк В.Г., Новиков В.Л. Распространение идеологии экстремизма, как угроза национальной безопасности и целостности государства // В сборнике: Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности. Сборник научных трудов. Ответственный редактор В.Г. Масюк. Москва, 2019. С. 7-25.

[9] Нечаева Ю.Б. Профилактика экстремизма, радикализма в подростковой и молодежной среде // В сборнике: Безопасное детство как

правовой и социально-педагогический концепт. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов. В 2-х томах. Ответственный за выпуск Л.А. Метлякова. 2018. С. 244-246.

[10] Рябчук В.В., Миронов А.О. Ресурсные возможности физического воспитания в профилактике экстремистской активности молодежи // В сборнике: Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 210-212.

[11] Рябчук В.В., Миронов А.О. Профилактика экстремистской деятельности средствами физической культуры // В сборнике: Научные механизмы решения проблем инновационного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2017. С. 170-172.

[12] Тхабисимова Л.А. Профилактика экстремизма в молодежной среде // В сборнике: Актуальные проблемы противодействия экстремизму. Материалы международной научно-практической конференции. Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). 2018. С. 36-40.

[13] Шишкин В.В. Физическая культура и спорт как способ противодействия экстремизму: миф или реальность? // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2 (31). С. 271-273.

Spisok literatury:

[1] Abdulov M.R. Fizicheskaya kul'tura i sport v protivodejstvii ekstremizmu i terrorizmu [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-i-sport-v-protivodejstvii-ekstremizmu-i-terrorizmu> (data obrashcheniya 02.05.2021).

[2] Aliev M.A. Protivodejstvie terrorizmu i ekstremizmu: sociologicheskie aspekty // V sbornike: Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva. Sbornik nauchnyh statej studentov yuridicheskogo fakul'teta. Mahachkala, 2019. S. 113-116

[3] Galkina E.V. Otnoshenie sovremennoj molodezhi Severo-kavkazskogo federal'nogo okruga k aktual'nym problemam obshchestvennoj zhizni (protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu) // V sbornike: Profilaktika ekstremizma i terrorizma na nacional'noj i religioznoj pochve. Sbornik dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii. Vladikavkaz, 2019. S. 58-62.

[4] Kazarinova L.V. Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: pravovye i pedagogicheskie aspekty // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 22. S. 1729-1732.

[5] Kuznecov M.B. Motivaciya kursantov obrazovatel'nyh organizacij mvd rossii k zanyatiyu sportom, kak osnovnoj kriterij povysheniya zdorov'ya i professional'nyh kachestv // Nauka-2020. 2017. № 2 (13). S. 189-192.

[6] Kuznecova L.V. Profilaktika kak faktor povysheniya soprotivlyaemosti lichnosti nesovershennoletnih proyavleniyam ekstremizma i terrorizma // V sbornike: Profilaktika proyavlenij ekstremizma i terrorizma kak faktor obespecheniya social'noj bezopasnosti v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 120-127.

[7] Malyhina T.A. ob osobennostyah prepoduzhdeniya ekstremizma v sovremennoj molodezhnoj srede // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2020. № 1 (92). S. 89-99.

[8] Masyuk V.G., Novikov V.L. Rasprostranenie ideologii ekstremizma, kak ugroza nacional'noj bezopasnosti i celostnosti gosudarstva // V sbornike: Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti. Sbornik nauchnyh trudov. Otvetstvennyj redaktor V.G. Masyuk. Moskva, 2019. S. 7-25.

[9] Nechaeva YU.B. Profilaktika ekstremizma, radikalizma v podrozkovoj i molodezhnoj srede // V sbornike: Bezopasnoe detstvo kak pravovoj i social'no-pedagogicheskij koncept. Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem dlya studentov, magistrantov, aspirantov, prepodavatelej i specialistov. V 2-h tomah. Otvetstvennyj za vypusk L.A. Metlyakova. 2018. S. 244-246.

[10] Ryabchuk V.V., Mironov A.O. Resursnye vozmozhnosti fizicheskogo vospitaniya v profilaktike ekstremistskoj aktivnosti molodezhi // V sbornike: Tradicionnaya i innovacionnaya nauka: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah. 2017. S. 210-212.

[11] Ryabchuk V.V., Mironov A.O. Profilaktika ekstremistskoj deyatel'nosti sredstvami fizicheskoy kul'tury // V sbornike: Nauchnye mekhanizmy resheniya problem innovacionnogo razvitiya. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4 chastyah. 2017. S. 170-172.

[12] Thabisimova L.A. Profilaktika ekstremizma v molodezhnoj srede // V sbornike: Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Severo-Kavkazskij gorno-metallurgicheskij institut (gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet). 2018. S. 36-40.

[13] SHishkin V.V. Fizicheskaya kul'tura i sport kak sposob protivodejstviya ekstremizmu: mif ili real'nost'? // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2012. № 2 (31). S. 271-273.

КОРКМАЗОВ Алим Викторович,
преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности,
майор полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

ГАЗДИЕВА Елизавета Хасбулатовна
студентка 3 курса Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,
e-mail: gazd@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.02

ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОЧНИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в изучении важных аспектов молодежного экстремизма как социально-психологического и социально-культурного явления современного общества. Характеризуя основные факторы и черты проявления молодежного экстремизма, автор подчеркивает особенности данного феномена в современной социально-культурной, политической и социально-экономической ситуациях. Задачи исследования состоят в анализе причин благоприятствующих распространению молодежного экстремизма, в числе которых в особом ряду экономический, политический и демографический кризисы, преследующие Россию с момента распада Советского Союза. Данное обстоятельство и стало основным детерминантом вовлечения молодежи в деструктивные группировки. Экстремистская деятельность характеризуется направленностью на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российского государства, публичное оправдание террористической деятельности, возбуждение межнациональной, межрелигиозной и социальной розни и ненависти, нарушение основных прав и свобод граждан на идеологической основе. Преступную деятельность экстремистов составляет идейная составляющая. Деятельность экстремистов направлена на разжигание конфликтов, в основу которых положены разжигание вражды и ненависти к представителям иной национальности, религии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений. Рост экстремистской активности в российских реалиях продиктован, широкой поддержкой его идеологии большей частью гражданского населения и различных институтов гражданского общества, которые примкнув к пропаганде насильственных способов изменения власти и ситуации в стране, предрекают повышенную социальную напряженность. Особую досаду вызывает и то обстоятельство, что современное общество не транслирует готовности к конструктивным ненасильственным способам разрешения общественно-политических конфликтов.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, противодействие, пропаганда, факторы распространения, кризис.

KORKMAZOV Alim Viktorovich,
lecturer at the Department of Law
Enforcement Organization, police major
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GAZDIEVA Elizaveta Khasbulatovna
3rd year student of the Faculty of Law
FSBEI HE "Ingush State University"

BACKGROUND AND SOURCES OF YOUTH EXTREMISM IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *The purpose of this study is to study important aspects of youth extremism as a socio-psychological and socio-cultural phenomenon of modern society. Characterizing the main factors and features of the manifestation of youth extremism, the author emphasizes the features of this phenomenon in modern socio-cultural, political and socio-economic situations. The objectives of the study are to analyze the reasons conducive to the spread of youth extremism, including the economic, political and demographic crises that have plagued Russia since the collapse of the Soviet Union. This circumstance has become the main determinant of the involvement of young people in destructive groups. Extremist activity is characterized by an orientation towards a violent change in the foundations of the constitutional order and violation of the integrity of the Russian state, public justification of terrorist activities, incitement of interethnic, interreligious and social hatred and hatred, violation of fundamental rights and freedoms of citizens on an ideological basis. The criminal activity of extremists is an ideological component. The activities of extremists are aimed at inciting conflicts, which are based on inciting hostility and hatred towards representatives of a different nationality, confession, a certain social group or representatives of certain political views and beliefs. The growth of extremist activity in Russian realities is dictated by the broad support of his ideology by a large part of the civilian population and various institutions of civil society, which, having joined the propaganda of violent ways to change the government and the situation in the country, predict increased social tension. A particular annoyance is also caused by the fact that modern society does not broadcast readiness for constructive non-violent ways of resolving socio-political conflicts.*

Key words: *youth extremism, counteraction, propaganda, factors of distribution, crisis.*

Постановка проблемы. Экстремизм в последние годы стоит на особом месте ввиду динамичного разрастания данного феномена до общепланетарных масштабов.

Проблема экстремизма сложна и многоаспектна и отличается тем, что не имеет простых и однозначных решений. Урегулирование данной проблемы решит в плоскости выяснения источников ее возникновения и причин разрастания. Вместе с тем, предстоит уточнить, почему не удается нейтрализовать экстремистскую идеологию и минимизировать основывающуюся на ней террористическую деятельность.

Проявление экстремизма заключается в его нацеленности на «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российского государства, публичное оправдание террористической деятельности, возбуждение межнациональной, межрелигиозной и социальной розни и ненависти, нарушение основных прав и свобод граждан на идеологической основе» [1, 4, 15]. Преступную деятельность экстремистов составляет идейная составляющая, целью которой выступает пропаганда вражды и ненависти к представителям иной национальности, конфессии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений. Деятельность экстремистов направлена на разжигание конфликтов на указанных выше основаниях. Отсюда, данные преступления признаются на уровне государства особо опасными.

Методология исследования. Количество экстремистских преступлений растет с каждым годом, а методы вовлечения новых лиц в экстремистские и террористические организации совершенствуются с каждым днем. Немаловажную роль в распространении экстремизма в молодежных кругах сыграло развитие информационно-коммуникационных технологий. С появлением и распространением сети Интернет, вербовщики стали намного легче находить людей для вовлечения в незаконные бандформирования. Первой под удар попала молодежь, как интенсивно развивающаяся социальная группа, интерес которой привлекает все новое и неизведанное. В особенности подростки, которые не обладают достаточными знаниями для принятия правильного решения и не умеют трезво оценивать и анализировать огромный поток информации, размещаемой во всемирной паутине, чаще остальных попадают в ловушку, из которой им самостоятельно выбраться не представляется возможным.

Психологическое состояние индивида в переходный возраст также имеет немаловажное значение. В этот период жизни молодежи хочется, чтобы с их мнением считались и уважали их выбор. Молодому человеку кажется, что ему все под силу, ему не нужны советы старшего поколения, так как он знает все намного лучше. Этим состояниям и пользуются агитаторы, обещая материальную обеспеченность, перспективы и многое другое. Естественно тяжело устоять перед таким соблазном ведь, это статус в обществе,

обеспеченность и независимость, к которой так стремится молодёжь [2, 9, 14].

На сегодняшний день факторов способствующих распространению экстремизма в молодежной среде становится все больше и больше, но, как правило, экстремизм – это ответная реакция молодежи на протекающие в государстве процессы, которые оказывают неблагоприятное влияние на социальное и экономическое положение данной части общества. В первую очередь это экономические кризисы, преследующие Россию с момента распада Советского Союза, что естественным образом подталкивает молодежь находить самые разнообразные пути заработка, чаще всего незаконные. Стремление молодого поколения добиться успеха и статуса в обществе терпит неудачу, что в свою очередь объясняет агрессивный настрой по отношению к государству и его политики. Для искоренения описываемого феномена необходимо осуществлять поддержку молодежи по трудоустройству, а также совершенствовать политику государства, направленную на борьбу с кризисной ситуацией [7, 10].

От социальных факторов зависит так же много, как и от экономических. Попадая во взрослую жизнь, молодое поколение пытается найти себе призвание и место в обществе, но оно встречается с проблемами и трудностями, с которыми им прежде не приходилось сталкиваться. Неготовность и неумение решать насущные проблемы формируется чувство неудовлетворенности и озлобленности на обществе. Это напрямую связано с ростом количества молодежи, состоящей в экстремистских и террористических организациях. Также немаловажное значение имеют взаимоотношения в семье. Семья как институт первичной социализации несет ответственность за нравственное и физическое воспитание индивида, формирование его взглядов. Зачастую проблема недопонимания молодого и старшего поколения перерастает в конфликт, называемый в литературе конфликтом «отцов и детей». Человек, недопонятый в семье зачастую испытывает сильные психологические проблемы, которыми умело пользуются вербовщики [1, 7, 8].

Тенденция преобладания материальных ценностей над духовными оказывают положительное влияние на распространение экстремизма среди молодежи. Искажение взглядов молодежи направленных на личный успех, а не на успех всего общества и государства объясняет большое число преступлений. Если раньше у молодежи был пример – люди, на которых они хотели равняться (герои труда и войны, прославленные политические и научные деятели) то в нынешнее время мы не наблюдаем наличие у молодежи кумира, на которого он хотело бы быть

похоже и приносить такую же пользу для развития государства. На смену им пришли криминальные личности, подающие абсолютно противоположный пример [3, 6, 11].

Рост экстремистской активности в российских реалиях продиктован, широкой поддержкой его идеологии большей частью гражданского населения и различных институтов гражданского общества, которые примкнув к пропаганде насильственных способов изменения власти и ситуации в стране, предрекают повышенную социальную напряженность. Особую досаду вызывает и то обстоятельство, что современное общество не транслирует готовности к конструктивным ненасильственным способам разрешения общественно-политических конфликтов.

Заключение. Резюмируя наше исследование, хотим закончить его на позитивной ноте. Сегодня среди приверженцев экстремистской идеологии немало и тех, кто приняли решение о прекращении экстремистской деятельности и готовы адаптироваться к мирной жизни. При этом, следует понимать, что многие из них были участниками боевых действий, что только осложняет их социализацию и адаптации. Ведь в их понимании укоренилось, что они решали задачи по наведению мирового порядка. И жить обычной жизнью среди мирных людей для бывших экстремистов задача трудноразрешимая. Кто-то получил психологические травмы, кто-то из-за отсутствия профессии не может найти себе применения в обществе. Причин, в том числе скрытого характера, может оказаться великое множество. И каждая требует системного и целенаправленного подхода в ее изучении [9, 12].

Основные проблемы адаптации в большинстве случаев связаны с материальной стороной жизни, в том числе отсутствие заработка, пенсии, необеспеченность жильем или неудовлетворительные жилищные условия и т.д. И все это лишь верхушка айсберга. Бывшие экстремисты должны вернуться в социум, что вызывает наибольший страх и сложности.

Следующим важным фактором адаптации является психологическая подготовка к мирной жизни. Следует отметить, что жизнь экстремистов проходит в боевых действиях, на военных базах, лесах, вдали от людей и возвращение в мирную жизнь, которая очень отличается от той, из которой они решили уйти. И таким образом, у них просто напросто отсутствует опыт мирного решения проблем [6, 13]. Оказавшись в стрессовой ситуации, на которые накладывается отсутствие работы, отсутствие взаимопонимания с обществом, семьей, трудовым коллективом, наталкивает бывших экстремистов на мысль вернуться к прежней деятельности. Ситуацию осложняет

также негативное отношение общества к экстремистской деятельности.

Ввиду сказанного, отметим, что психологические последствия стресса обуславливают особую потребность в социально-психологической реабилитации бывших экстремистов. Она включает в себя, как психологическую помощь, так и индивидуальную работу, состоящую в оказании помощи в профориентации и дальнейшем трудоустройстве. Также социально-психологической адаптации способствуют общества взаимной поддержки [8, 12, 13].

И наконец, отметим, что пускать сложившуюся ситуацию на самотек недопустимо. На плечи государства ложится бремя по поиску и реализации путей решения возникшей проблемы путем объединения усилий с другими государствами, что повысит эффективность противодействия феномену экстремизма.

Список литературы:

[1] Абазов А.Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 270-272.

[2] Арипшев А.М., Люев Р.Х. Актуальные тенденции противодействия террористической идеологии // В сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2020. сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского конкурса. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2020. С. 125-127.

[3] Бечелов З.Ш., Абазова М.В., Курманова М.К. Противодействия современному терроризму // В сборнике: Актуальные проблемы и приоритетные инновационные технологии развития АПК региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. 2015. С. 325-327.

[4] Дёшина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети интернет социально-демографическая группа // Обзор.НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54-61.

[5] Долматов А.В., Долматова Л.А. Проблемы и правовые средства противодействия деструктивным информационным воздействиям в сети интернет // В сборнике: Менеджмент XXI века: социально-экономическая трансформация в условиях неопределенности. Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2020. С. 312-322.

[6] Журтов А.Б., Ордоков М.Х. Экстремизм: понятие, социально-экономические, политические и исторические причины явления, тенденции его развития // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). С. 398-399.

[7] Кокмазов А.В., Бозиева Ю.Г. Доминирующие факторы, инспирирующие распространение идеологии терроризма в молодежной среде: проблемы и пути локализации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 51-55.

[8] Кучмезов Р.А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 60-63.

[9] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

[10] Малахова С.И. Экстремизм как порождение глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 223-233.

[11] Молоков В.В. Распространение идей экстремизма и терроризма с использованием сети интернет и технологии противодействия этому явлению // В сборнике: Современные системы безопасности - Антитеррор. Материалы конгрессной части XII специализированного форума. 2016. С. 44-49.

[12] Репин Р.О. Распространение экстремизма и терроризма в сети интернет // В сборнике: Актуальные вопросы современных научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Вострецова. 2019. С. 222-226.

[13] Тарчоков Б.А. Влияние криминальной субкультуры на формирование антиобщественного поведения в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 27-30.

[14] Факов А.М. Превентивные меры предупреждения современных экстремистских проявлений // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Пенза, 2020. С. 142-144.

[15] Хачидогов Р.А. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Наука и общество. 2015. № 1 (20). С. 102-105.

Spisok literatury:

[1] Abazov A.B. Obshchestvennaya opasnost' ekstremizma v Rossijskoj Federacii // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 6. № 4. S. 270-272.

[2] Aripshv A.M., Lyuev R.H. Aktual'nye tendencii protivodejstviya terroristicheskoj ideologii // V sbornike: Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2020. sbornik statej XXIX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Pod obshchej redakciej G.YU. Gulyaeva. 2020. S. 125-127.

[3] Bechelov Z.SH., Abazova M.V., Kurmanova M.K. Protivodejstviya sovremennomu terrorizmu // V sbornike: Aktual'nye problemy i prioritetye innovacionnye tekhnologii razvitiya APK regiona. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, aspirantov, magistrantov i studentov. 2015. S. 325-327.

[4] Dyoshina E.I., Merkulova A.N. Molodezh' kak naibolee podverzhennaya vliyaniyu ekstremizma i terrorizma v seti internet social'no-demograficheskaya gruppa // Obzor.NCPTI. 2019. № 1 (16). S. 54-61.

[5] Dolmatov A.V., Dolmatova L.A. Problemy i pravovye sredstva protivodejstviya destruktivnym informacionnym vozdejstviyam v seti internet // V sbornike: Menedzhment XXI veka: social'no-ekonomicheskaya transformaciya v usloviyah neopredelennosti. Sbornik nauchnyh statej po materialam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg. 2020. S. 312-322.

[6] ZHurtov A.B., Ordokov M.H. Ekstremizm: ponyatie, social'no-ekonomicheskie, politicheskie i istoricheskie prichiny yavleniya, tendencii ego razvitiya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 4(143). S. 398-399.

[7] Korkmazov A.V., Bozieva YU.G. Dominiruyushchie faktory, inspiriruyushchie rasprostranenie ideologii terrorizma v molodezhnoj srede: problemy i puti lokalizacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 51-55.

[8] Kuchmezov R.A. Sinergeticheskij effekt globalizacii i ego proyavlenie v radikalizacii molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 60-63.

[9] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostraneniyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 117-120.

[10] Malahova S.I. Ekstremizm kak porozhdenie globalizacii // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 6. S. 223-233.

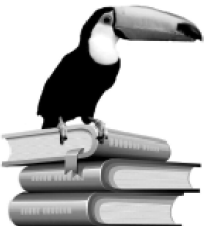
[11] Molokov V.V. Rasprostranenie idej ekstremizma i terrorizma s ispol'zovaniem seti internet i tekhnologii protivodejstviya etomu yavleniyu // V sbornike: Sovremennye sistemy bezopasnosti - Antiterror. Materialy kongressnoj chasti HII specializirovannogo foruma. 2016. S. 44-49.

[12] Repin R.O. Rasprostranenie ekstremizma i terrorizma v seti internet // V sbornike: Aktual'nye voprosy sovremennyh nauchnyh issledovanij. Materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod obshchej redakciej A.I. Vostrecova. 2019. S. 222-226.

[13] Tarchokov B.A. Vliyanie kriminal'noj subkul'tury na formirovanie antiobshchestvennogo povedeniya v molodezhnoj srede // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 27-30.

[14] Fakov A.M. Preventivnye mery preduprezhdeniya sovremennyh ekstremistskih proyavlenij // V sbornike: Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya. Sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 ch. Penza, 2020. S. 142-144.

[15] Hachidogov R.A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nauka i obshchestvo. 2015. № 1 (20). S. 102-105.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЛЮЕВ Резуан Хизирович,
старший преподаватель кафедры
огневой подготовки, подполковник полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ТЕХНОЛОГИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в изучение технологии распространения и мотивационных факторов насаждения идеологии терроризма и экстремизма в глобальном медиапространстве. Массовая информационная угроза со стороны со стороны экстремистских и террористических организаций развернулась в интернет-пространстве в 2015 году, когда началась широкомасштабная пропаганда идеологии, транслируемой «Исламским государством». В глобальном медиапространстве экстремистско-террористические группировки привлекает его доступность, слабый контроль со стороны государства и правоохранителей, анонимность и неограниченный доступ к широкому кругу пользователей. Целями деятельности экстремистско-террористических движений в глобальном пространстве являются популяризация своих идей и действий, создание атмосферы страха и запугивание людей, дезинформация вербовка новых членов в свои ряды. Активное использование ресурсов глобального пространства экстремистами и террористами обусловлено тем, что здесь практически неограниченно можно оказывать воздействие на сознание пользователей. Причем, краеугольным камнем такого воздействия выступает подрыв доверия общества к институтам власти, политическим и силовым структурам, а также усиление социальной напряженности и обострение конфликтных ситуаций. Глобальная сеть является благодатной почвой для насаждения разрушительных идеологии терроризма и экстремизма. Особую тревогу у правоохранителей вызывает тот факт, что любой человек, имеющий персональный компьютер, ноутбук или иной электронный гаджет с выходом в Интернет может беспрепятственно пополнить ряды экстремистских и террористических организаций. В особенности в эпоху глобализации и информатизации люди стали все чаще подвергаться насильственному насаждению идеологии экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: насильственное насаждение, идеология, экстремизм, терроризм, глобальное информационное пространство.

LUEV Rezuhan Khizirovich,
senior lecturer at the Department of Fire Training,
police colonel
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TECHNOLOGIES FOR SPREADING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE

Annotation. The aim of this study is to examine the technology of dissemination and motivating factors of the ideology of terrorism and extremism in the global media space. A massive information threat from extremist and terrorist organizations unfolded in the Internet space in 2015, when large-scale propaganda of the ideology broadcast by the Islamic State began. In the global media space, extremist-terrorist groups attract its accessibility, weak control by the state and law enforcement agencies, anonymity and unlimited access to a wide range of users. The objectives of extremist and terrorist movements in the global space are to promote their ideas and actions, create an at-

mosphere of fear and intimidation, misinformation and recruit new members into their ranks. The active use of the resources of the global space by extremists and terrorists is due to the fact that it is almost unlimited to influence the consciousness of users. Moreover, the cornerstone of such impact is the erosion of public confidence in institutions of power, political and power structures, as well as the strengthening of social tension and the aggravation of conflict situations. The global network is fertile ground for planting the destructive ideologies of terrorism and extremism. Of particular concern to law enforcement officials is the fact that anyone with a personal computer, laptop or other electronic gadget with Internet access can freely join the ranks of extremist and terrorist organizations. Especially in the era of globalization and informatization, people began to be increasingly subjected to the violent imposition of the ideology of extremism and terrorism.

Key words: forced planting, ideology, extremism, terrorism, the global information space.

Постановка проблемы. Экстремизм и терроризм в любых формах своих проявлений превратились в одну из самых глобальных проблем, с которыми человечество столкнулось в XXI веке. В нашей стране еще три десятилетия назад данный феномен являл собой событие, поражающее своей чрезвычайностью и жестокостью. Однако события, происходившие в последующие годы, в частности развал страны Советов, обусловил деформацию таких важных концептов как мораль, политика, экономика право, упорядоченное общественное и государственное устройство. Были утрачены такие важные инструменты регуляции нормального функционирования общества как патриотизм, чувство долга, нравственность, интернационализм [9, 14].

В результате в обществе стал складываться климат, благоприятствующий разрастанию конфликтов на идеологической, расовой, этнической и религиозной почве, послужившие оправданием экстремистской и террористической деятельности.

В последующем произошла информационная революция, ознаменовавшая начало XXI века, которой было отмечено упрочение компьютеров, всемирной сети, социальных сетей во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в том числе противоправное воздействие субъектов глобального медиaprостранства на его объекты.

Таким образом, экстремизм и терроризм, стали проблемой общемирового масштаба, подрывающей устоявшиеся веками ценности человека и требующей незамедлительного решения.

Массовая информационная угроза со стороны со стороны экстремистских и террористических организаций развернулась в интернет-пространстве в 2015 году, когда началась широкомасштабная пропаганда идеологии, транслируемой «Исламским государством» (ИГИЛ – террористической организацией, запрещенной в РФ). Для вербовки неопитов и продвижения своих идей, а также создания привлекательного образа экстремистских и террористических организаций и группировок их последователи стали использовать практически все популярные сети (Facebook,

Twitter, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники и др.), мессенджеры (WhatsApp, Telegram др.) и другие возможности интернет, в том числе массовые рассылки, перепосты, размещение фото-, аудио-, видео- и других мультимедиа материалов, добавление «активных» ссылок к комментариям и пр. В пропагандистских материалах, тиражируемых в сетях ИГИЛ, подконтрольная территория презентовалась с акцентом на идеях справедливости, отсутствия коррупции и бездуховности. Интернет-пользователям рассылались призывы приезжать и населять указанные районы.

Таким образом, ИГИЛ выступил одним из широкомасштабных идеологическим проектом миграционно-переселенческого значения на Ближнем Востоке, в основе которого лежит радикально-исламистская идеология, ценности и система управления [14].

Методология исследования. Рассматривая терминологическую характеристику понятия «экстремизм» следует определять в качестве приверженности к крайним (радикальным) взглядам, отвергающих сложившиеся в обществе нормы и правила. К признакам экстремизма, которые можно отследить в сети интернет и вместе с тем вытекают из содержания Закона «О противодействии экстремистской деятельности», относятся: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российского государства, публичное оправдание террористической деятельности, возбуждение межнациональной, межрелигиозной и социальной розни и ненависти, нарушение основных прав и свобод граждан на идеологической основе» [1].

Относительно определения понятия «терроризм» следует отметить положения Закона «О противодействии терроризму», терроризм определяется как «идеология насилия и инструмент воздействия на государственную власть, мирное население в целях его устрашения и пропаганды идеологии насилия» [2]. Отсюда, можно заключить, что указанный феномен, являясь антигуманными в социальном аспекте, носит преступный характер в юридическом аспекте [9, 15].

В глобальном медиапространстве экстремистско-террористические группировки привлекает его доступность, слабый контроль со стороны государства и правоохранителей, анонимность и неограниченный доступ к широкому кругу пользователей. В последние годы в медиапространстве наблюдается неуклонный рост материалов экстремистско-террористического содержания, также стремительно растет число потребителей данного контента. Глобальная сеть является благодатной почвой для насаждения разрушительных идеологии терроризма и экстремизма. Особую тревогу у правоохранителей вызывает тот факт, что любой человек, имеющий персональный компьютер, ноутбук или иной электронный гаджет с выходом в Интернет может беспрепятственно пополнить ряды экстремистских и террористических организаций. В особенности в эпоху глобализации и информатизации люди стали все чаще подвергаться насильственному насаждению идеологии экстремизма и терроризма. Международный медиаландшафт все больше становится ресурсной базой для пропаганды и продвижения разрушительных идей терроризма и экстремизма [3, 10]. Вместе с тем, особую досаду вызывает то обстоятельство, что сегодня активными пользователями глобальной сети являются и несовершеннолетние граждане – подростки и дети, которые в силу возраста и излишней любознательности особо подвержены деструктивным влияниям. Террористы могут обратиться к детям с «невинной» просьбой передать информацию или предмет, понаблюдать за объектом и т.д. Конечно, чаще всего дети выражают готовность выполнить просьбу, в результате чего они неосознанно становятся участниками организации террористического акта [12, 13].

Целями деятельности экстремистско-террористических движений в глобальном пространстве являются популяризация своих идей и действий, создание атмосферы страха и запугивание людей, дезинформация вербовка новых членов в свои ряды. Активное использование ресурсов глобального пространства экстремистами и террористами обусловлено тем, что здесь практически неограниченно можно оказывать воздействие на сознание пользователей. Причем, краеугольным камнем такого воздействия выступает подрыв доверия общества к институтам власти, политическим и силовым структурам, а также усиление социальной напряженности и обострение конфликтных ситуаций.

Следует обратить внимание, что на формирование экстремистско-террористических умонастроений большой отпечаток наложили глобализационные процессы, затронувшие все важные сферы жизнедеятельности человека, включая социально-политическое и экономическое разви-

тие общества. В результате усугубилась и без того сложная ситуация, связанная с увеличением радикально настроенной публики, большую часть которой составила молодежная аудитория, которая выказывает наибольшую уязвимость перед всякой идеологией [5, 11].

Начало глобализации было ознаменовано верой людей в развитие гармоничного и справедливого мироустройства, где каждый будет в достатке и благополучии. Однако, очень скоро стало понятно, что чуда ждать не придется и никаких положительных изменений обычным людям глобализация не принесла. В выигрыше в очередной раз оказались крупные и развитые государства и корпорации, которые установили свои миропорядок. Нагрянул очередной кризис. Именно он и спровоцировал проникновение экстремистских и террористических проявлений в широкую аудиторию.

Глобализация, которая пошла по пути стирания национально-культурных границ, встретила сопротивление со стороны этносов, которые в самом негативном аспекте проявили нетерпимость к иной национальности, расе и вероисповедания. Таким образом, большая масса людей и стала адептами экстремистской и террористической идеологии [5, 8, 13].

Наряду с указанным, среди причин побуждающих людей к экстремистско-террористической деятельности следует назвать социальную нестабильность, финансовый, банковский и экономический кризис, снижение уровня жизни и т.п. Люди перестали поддерживать мирные способы решения проблем. В широких массах стала пропагандироваться установка на решительное, кардинальное, безальтернативное и насильственное решение проблем.

Сегодня противодействие данному феномену актуально может быть как никогда ранее, ввиду вовлечения в указанное явление большого числа молодежной аудитории. И перед государством, его институтами и обществом ставится вопрос: каким образом можно отвлечь молодежь от участия в экстремистско-террористических движениях и группировках? Решение данного вопроса, по нашему мнению, находится в плоскости выявления и устранения причин, обуславливающих вовлечение молодежи в деструктивные группировки [6].

Первой причиной следует назвать социально-психологический фактор. Молодежь является той социально-возрастной группой, которая в наибольшей степени демонстрирует готовность в проявлении максимализма и крайностей в поведении, как в группе, так и на уровне индивидуальной личности. Она легко увлекается идеями о своей исключительной роли в осуществлении радикальных политических проектов ввиду отсут-

ствия у нее стабильных социальных позиций и интересов. В то же время для молодежи характерно отсутствие стабильного социального потенциала, экономических и ценностных установок и ориентиров [3, 8, 11]. В поисках своего места в обществе и, не выражая готовности к критическому осмыслению происходящих событий, молодые люди становятся участниками крупных социальных происшествий и инцидентов.

Следующая причина состоит в конфликте поколений, который существует испокон веков. Опыт предшествующих поколений молодежью воспринимается как негативный, поддерживающий неверные ориентиры развития страны и навязывание чуждых ей (молодежи) ценностей. В результате воспитание нравственных ориентиров у молодежи обуславливается решительным неприятием предшествующих социально-культурных мировоззрений и подстрекательством к экстремистскому поведению [4, 7, 12].

Можно также выделить и группу социально-политических факторов, которые служат причинами распространения экстремизма и терроризма в молодежной среде, где молодежь становится объектом воздействия с трех сторон: властвующих структур, оппозиции и деструктивных сил.

Выводы. В заключении отметим, что лица, вынашивающие экстремистские идеи и выражающие готовность к совершению террористических преступлений живут с нами в одном обществе. Следует понимать, что каждый человек может стать жертвой информационно-психологического воздействия со стороны последователей идеологии экстремизма и терроризма. Вместе с тем, посредством глобализации обусловилось развитие информационного медиапространства, которое выступило главным источником насаждения экстремизма и терроризма. Государство, в лице его органов и структур, ответственно за происходящее на его территории. Однако, оно не является единственным институтом, ответственным за происходящие в обществе и сознании людей процессы. Главная задача государства в деле противодействия экстремизму и терроризму заключается в создании условий для функционирования антитеррористической деятельности, к которой активно подключаются все без исключения институты гражданского общества, СМИ, население. Только таким путем возможна победа над деструктивными идеологиями экстремизма и терроризма.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[2] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[3] Абидов Р.Р. Террористический акт по уголовному законодательству российской федерации: вопросы регламентации ответственности и проблемы, в современной следственной и судебной практике // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 72-74.

[4] Арипшев А.М., Люев Р.Х. Актуальные тенденции противодействия террористической идеологии // В сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2020. Сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского конкурса. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2020. С. 125-127.

[5] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[6] Ашурбекова М.И., Черкесова Д.У. Экстремизм в социальных сетях: формы проявления и пути противодействия // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 37-40.

[7] Воскобойникова И.А., Семкина Е.Н., Богатырева О.В. Причины и факторы, способствующие формированию экстремистских проявлений в молодежной среде в современной России // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2020. № 3-4. С. 45-51.

[8] Гедгафов М.М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163-165.

[9] Дёшина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети интернет социально-демографическая группа // Обзор. НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54-61.

[10] Кормазов А.В., Бозиева Ю.Г. Доминирующие факторы, инспирирующие распространение идеологии терроризма в молодежной среде: проблемы и пути локализации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 51-55.

[11] Кучмезов Р.А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 60-63.

[12] Курбанов Р.Ш. Вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность: характер проблемы и методы противодействия // В сборнике: Динамика развития культуры и искусства народов Северного Кавказа и профилактика ксенофобии, национализма и этносепаратизма. Материалы Региональной научно-практической конференции. Дагестанский гуманитарный институт. 2015. С. 135-139.

[13] Молоков В.В. Распространение идей экстремизма и терроризма с использованием сети интернет и технологии противодействия этому явлению // В сборнике: Современные системы безопасности - Антитеррор. Материалы конгрессной части XII специализированного форума. 2016. С. 44-49.

[14] Насибуллин И.Р. Экстремизм среди подростков и молодежи в эпоху развития интернет-технологий // В сборнике: Духовная безопасность в обществе риска: от концептуализации понятия к эффективным проектам. Материалы межрегиональной научно-практической конференций. 2018. С. 140-142.

[15] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.07.2002 N 114-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[2] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006 N 35-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[3] Abidov R.R. Terroristicheskij akt po ugolovnomu zakonodatel'stvu rossijskoj federacii: voprosy reglamentacii otvetstvennosti i problemy, v sovremennoj sledstvennoj i sudebnoj praktike // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2019. T. 15. № 3. S. 72-74.

[4] Aripshiev A.M., Lyuev R.H. Aktual'nye tendencii protivodejstviya terroristicheskoy ideologii // V sbornike: Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2020. Sbornik statej XXIX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Pod obshchej redakciej G.YU. Gulyaeva. 2020. S. 125-127.

[5] Al'zhanov A.S., Altybasarova M.A. Vozniknovenie ekstremizma v sovremennyh usloviyah i puti ego resheniya // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii. 2017. № 4 (56). S. 83-86.

[6] Ashurbekova M.I., Cherkasova D.U. Ekstremizm v social'nyh setyah: formy proyavleniya i puti protivodejstviya // V sbornike: Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: vzglyad molodyh uchenyh. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2018. S. 37-40.

[7] Voskoboynikova I.A., Semkina E.N., Bogatyreva O.V. Prichiny i faktory, sposobstvuyushchie formirovaniyu ekstremistskih proyavlenij v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii // Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tehnicheskij institut». 2020. № 3-4. S. 45-51.

[8] Gedgafov M.M. O nekotoryh aspektah profilaktiki prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti organami vnutrennih del v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 3. S. 163-165.

[9] Dyoshina E.I., Merkulova A.N. Molodezh' kak naibolee podverzhennaya vliyaniyu ekstremizma i terrorizma v seti internet social'no-demograficheskaya gruppa // Obzor. NCPTI. 2019. № 1 (16). S. 54-61.

[10] Korkmazov A.V., Bozieva YU.G. Dominiruyushchie faktory, inspiriruyushchie rasprostranenie ideologii terrorizma v molodezhnoj srede: problemy i puti lokalizacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 51-55.

[11] Kuchmezov R.A. Sinergeticheskij effekt globalizacii i ego proyavlenie v radikalizacii molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 3. S. 60-63.

[12] Kurbanov R.SH. Vovlechenie molodezhi v ekstremistskuyu deyatel'nost': harakter problemy i metody protivodejstviya // V sbornike: Dinamika razvitiya kul'tury i iskusstva narodov Severnogo Kavkaza i profilaktika ksenofobii, nacionalizma i etnoseparatizma. Materialy Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Dagestanskij gumanitarnyj institut. 2015. S. 135-139.

[13] Molokov V.V. Rasprostranenie idej ekstremizma i terrorizma s ispol'zovaniem seti internet i tekhnologii protivodejstviya etomu yavleniyu // V sbornike: Sovremennye sistemy bezopasnosti - Antiterror. Materialy kongressnoj chasti HII specializirovannogo foruma. 2016. S. 44-49.

[14] Nasibullin I.R. Ekstremizm sredi podrostkov i molodezhi v epohu razvitiya internet-tekhnologii // V sbornike: Duhovnaya bezopasnost' v obshchestve riska: ot konceptualizacii ponyatiya k effektivnym proektam. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencij. 2018. S. 140-142.

[15] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostranenyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 117-120.

МЕШЕВ Ислам Хаснбиевич,
заместитель начальника кафедры физической подготовки,
кандидат педагогических наук, майор полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в изучении правовой политики Российского государства в сфере противодействия терроризму. Проблема терроризма, как негативного социального феномена, является одной из основных практически для всех развитых государств. Являя собой угрозу для политической, социальной и экономической стабильности государств, терроризм получил довольно широкое распространение во всем мире. Преступления террористической направленности посягают на государственную, общественную и личностную безопасность. Террористическая деятельность направлена на умышленное нанесение как можно большего морального, физического, экономического и политического ущерба общественной и государственной безопасности, при этом преследуя цель избежание наказания. В нашем исследовании мы постарались раскрыть сущность терроризма, получившего широкое распространение посредством политического, социального и экономического аспектов, масштабы действия которого сравнимы с мировыми войнами. Вместе с тем, нами проанализированы признаки терроризма, в число которых входят чрезвычайность, неожиданность, насилие, агрессия и злонамеренность. Все указанные компоненты выступают ресурсной базой для террористов, не желающих считаться с правами и свободами других людей. А характеризуя современный терроризм в качестве уголовно наказуемого деяния, мы отметили, его расширение до масштабов мультипреступного явления. Так, создавая новые и реорганизуя уже имеющиеся террористические организации под лозунгом единого террористического пространства, лидеры которой позиционируют себя как легитимная власть, стали представлять главную угрозу национальной безопасности Российского государства. И борьбу с данным феноменом целесообразно осуществлять в нескольких направлениях – предотвращение, выявление и пресечение действий с террористической подоплекой, совершаемых в отношении государственных, общественных и иных деятелей, а также посредством разработки антитеррористических мер и общегосударственных комплексных программ, в структуру которых войдут правовые, идеологические и иные аспекты.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, нормативно-правовое регулирование, угроза, безопасность.

MESHEV Islam Khasanbievich,
deputy head of the department of physical training,
candidate of pedagogical sciences, major of the police
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DEVELOPMENT OF CYBERTERRORISM IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE INFORMATION SPACE

Annotation. The purpose of this study is to study the legal policy of the Russian state in the field of countering terrorism. The problem of terrorism, as a negative social phenomenon, is one of the main ones for almost all developed countries. As a threat to the political, social and economic stability of states, terrorism has become quite widespread throughout the world. Terrorist crimes infringe on state, public and personal security. Terrorist activities are aimed at deliberately causing the

greatest possible moral, physical, economic and political damage to public and state security, while pursuing the goal of avoiding punishment. In our study, we tried to reveal the essence of terrorism, which has become widespread through political, social and economic aspects, the scale of which is comparable to world wars. At the same time, we analyzed the signs of terrorism, which include extremeness, surprise, violence, aggression and malicious intent. All of these components act as a resource base for terrorists who do not want to reckon with the rights and freedoms of other people. While characterizing modern terrorism as a criminal offense, we noted its expansion to the scale of a multi-crime phenomenon. Thus, creating new and reorganizing existing terrorist organizations under the slogan of a single terrorist space, whose leaders position themselves as a legitimate government, began to pose the main threat to the national security of the Russian state. And the fight against this phenomenon is advisable to carry out in several directions - prevention, detection and suppression of actions with a terrorist background, committed against state, public and other figures, as well as through the development of anti-terrorist measures and nationwide comprehensive programs, the structure of which will include legal, ideological and other aspects.

Key words: terrorism, counteraction, legal regulation, threat, security.

Постановка проблемы. Характеризуя правовую систему Российской Федерации, следует отметить ее ориентированность на принципы и стандарты, присущие правовому государству, для которого особой значимостью наделяются вопросы поиска эффективных инструментов и способов защиты прав и свобод человека и гражданина, законных интересов государства и общества, правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом, решением которых уполномочены заниматься компетентные органы государства [7, 13, 14].

Проблема противодействия терроризму, как негативного социального феномена сегодня представляется одной из главных задач, стоящих перед всяким развитым государством. Последствия указанных преобразований в мировом сообществе выразились в политической нестабильности, повлекшей за собой разрастание указанного феномена.

Терроризм сегодня следует рассматривать сквозь призму политического, социального и экономического аспектов, получившего широкое распространение. Масштабы его действия сравнимы с мировыми войнами, обусловленные бесконтрольным распространением оружия массового уничтожения. Преступления террористической направленности посягают на государственную, общественную и личностную безопасность. Иными словами, террористическая деятельность направлена на умышленное нанесение как можно большего морального, физического, экономического и политического ущерба общественной и государственной безопасности, а вместе с тем исполнителями террористических преступлений преследуется цель избежание наказания [4, 12].

Методология исследования. Обращаясь к Закону «О противодействии терроризму», в котором закрепляется понятия «терроризм» отметим, что под «терроризмом понимается идеология

насилия и инструмент воздействия на государственную власть, мирное население в целях его устрашения и пропаганды идеологии насилия» [1]. Таким образом, можно заключить, что указанный феномен, являясь антигуманными в социальном аспекте, носит преступный характер в юридическом аспекте [9].

Согласно требованиям Закона «О полиции» на плечи сотрудников правопорядка ложится обязанность «по противодействию терроризму и обеспечения правового режима контртеррористической операции (КТО), а также принимать участие в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания людей» [2]. Оперативные подразделения системы МВД России «наделяются компетентностью в вопросах предупреждения террористических преступлений и возможностью получить важную оперативную информацию для принятия превентивных мер с целью недопущения террористического акта» [2, 10].

Таким образом, обеспечение государственной и общественной безопасности является главной задачей практической деятельности органов и структур МВД России.

Квалифицируя современный терроризм в качестве уголовно наказуемого деяния, следует отметить, его расширение до масштабов мультипреступного явления. Создание новых и переформатирование уже имеющихся террористических организаций под лозунгом единого террористического пространства (в частности, террористические организации ИГИЛ, Исламский джихад, Имарат Кавказ и пр., запрещенные на территории РФ), лидеры которой позиционируют себя как легитимная власть, представляют главную угрозу национальной безопасности Российского государства. Терроризм угрожает миру и безопасности, как внутри государства, так и за его пределами, препятствует установлению дипломатических связей между государствами и сохранению территории

альной целостности страны, а также создает помехи политической, экономической и социальной стабильности, осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь. Терроризм носит открытый характер, качественно обезличен и его идеи по большей части анонимно продвигаются в глобальном информационном пространстве. Традиционные СМИ, утратив уникальность в создании информационных ресурсов, уступили позиции сети Интернет, которая стала главным создателем и транслятором публикаций террористической направленности. И главным оружием террористов стала пропаганда и призывы своих идей посредством глобального информационного пространства. И что чаще всего делают потребители с понравившимся контентом? РЕПОСТЯТ! Что, как известно, приводит к еще более широкому распространению указанных материалов. Таким образом, распространение искусственно созданных слухов выступает реальной угрозой безопасности всего государства [4, 5, 8].

В числе главных признаков терроризма следует отметить чрезвычайность, неожиданность, насилие, агрессию и злонамеренность. При этом, формируется террористическое мировоззрение и поведение внутри личности. Выражается оно в агрессивном поведении, в нетерпимости к мнению оппонента, в склонности к принятию немирных методов разрешения конфликтов, отрицание компромисса в качестве ценностной ориентации в каждодневной деятельности, а также нежелание считаться с правами и свободами личности.

Сегодня на международном уровне в полной мере признается общественная опасность, которая содержится в террористических проявлениях и каждое государство стремится к разработке эффективных мер по предупреждению данного феномена. Так, на международном уровне приняты ряд нормативных документов по предупреждению и противодействию терроризму, в числе которых Международные конвенции ООН о борьбе с захватом заложников, о борьбе с бомбовым терроризмом, о борьбе с финансированием терроризма, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма и т.д. Главным постулат в указанных документах выступают заявления о том, что «никакие политические, идеологические, философские, расовые, этнические, религиозные и иные мотивы не могут служить оправданием террористической деятельности. Лица, причастные к совершению террористического акта и других преступлений, указанных в конвенциях, должны

быть привлечены к ответственности в строгом соответствии с законодательством и понести наказание с учетом тяжести совершенных деяний» [7, 11].

В Российской Федерации основу противодействия терроризму составляют нормы Конституции РФ. Вместе с тем, государство на своем уровне реализует антитеррористическую деятельность согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», в котором содержатся основные положения по «противодействию указанному феномену, по устранению причин и условий его возникновения и распространения, по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений террористической направленности, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий данного явления» [1]. Вместе с тем, в рамках указанного Закона регламентированы «принципы противодействия терроризму и правовые основы применения Вооруженных сил страны в борьбе с терроризмом, которые занимают центральное место в деятельности системы противодействия терроризму» [1].

Кроме того, Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 утверждена Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, в которой в числе основных угроз национальной безопасности страны называется также распространение международного терроризма [3]. Основным направлением государственной национальной политики в данной сфере выступает противодействие пропаганде террористических идей в средствах массовой информации и электронных коммуникаций, а также определение полномочий и ответственности руководителей и должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления в сфере профилактики терроризма, что способствует сохранению межнационального и межрелигиозного мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений [3].

Противодействие терроризму, осуществляемое в последние десятилетия в нашей стране, хотя и ознаменовано значительными успехами, все же имеет и ряд нерешенных проблем, решение которых нашло отражение в положениях Федерального закона «О противодействии терроризму» и отдельных законодательных актов РФ в части реализации дополнительных мер по противодействию терроризму и обеспечению общественной безопасности, которыми внесены изменения и дополнения в ряд законодательных актов, в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан и ограждения их от вовлечения в преступную деятельность [1, 4].

В числе ключевых изменений и дополнений следует назвать [5, 8, 10, 13, 14]:

- регламентирование порядка взаимодействия федеральных и территориальных органов исполнительной власти при проверке информации об угрозе совершения террористических актов;

- формирование на федеральном уровне коллегиального органа, координирующего взаимодействие федеральных и территориальных органов исполнительной власти, а также местного самоуправления по вопросам противодействия терроризму;

- формирование органов в составе федеральных и территориальных органов исполнительной власти по профилактике терроризма, а также минимизации и ликвидации его последствий.

Вместе с тем, следует отметить ведущую роль в противодействии терроризму правоохранительных органов, в обязанности которых входит проведение «неотложных» процедур по пресечению террористических угроз до прибытия специализированных служб. И в результате скоординированных действий отдельных служб и подразделений МВД России и органов внутренних дел создаются предпосылки для дальнейшего повышения результативности мероприятий по противодействию терроризму [6, 9, 12].

Наряду с указанным, в целях предупреждения терроризма, необходимо выявить и устранить факторы, обуславливающие его распространение. Принципами предупреждения терроризма выступают законность, комплексность, оптимальность и оперативность, а к числу методов предупреждения террористических угроз можно отнести регулятивные, информационно-пропагандистские и режимные методы [6, 12].

Суть регулятивного метода предупреждения терроризма состоит в установлении нормативно-правовых норм, и общих предписаний, регламентирующих деятельность граждан, государственных органов и общественных организаций, а также устанавливающих виды и меры ответственности за террористические преступления.

Содержанием информационно-пропагандистского метода является воспитание у граждан правовой и политической культуры, формирование антитеррористического поведения и готовности к осуществлению антитеррористической деятельности.

И наконец, сущность режимного метода состоит в установлении средств и способов физической и технической защиты режимных объектов [6, 9, 10, 12].

Следует отметить, что предупреждение терроризма целесообразно осуществлять в нескольких направлениях – предотвращение, выявление и пресечение действий с террористической подоплекой, совершаемых в отношении государственных, общественных и иных деятелей.

Приоритетная задача государства в деле противодействия терроризму состоит в задержании организаторов и исполнителей террористических актов и предание их суду. Эффективная система противодействию терроризму состоит в разработке антитеррористических мер и общегосударственных комплексных программ, в структуру которых войдут правовые, идеологические и иные аспекты [9, 13, 14].

Выводы. Терроризм сегодня получил настолько широкомасштабное распространение, что позволяет ему оказывать свое негативное воздействие на политическую, социальную и экономическую стабильность. Диапазон его действия можно сравнить с мировыми войнами, с присущим им бесконтрольным распространением оружия массового уничтожения. Объектом посягательств преступлений террористической направленности выступают государственная, общественная и личная безопасность, которым умышленно наносится как можно больше морального, физического, экономического и политического ущерба, а вместе с тем преследуется цель избежание наказания.

В заключении следует акцентировать внимание правоохранителей и правоприменителей на вопросах нормативного регулирования противодействия терроризму, который признается проблемой, как научного, так и практического характера, не теряющей своей актуальности и требующей тщательного изучения и решения. При этом, анализируя признаки терроризма, в числе которых были названы чрезвычайность, неожиданность, насилие, агрессия и злонамеренность, можно обобщить, что все это является ресурсной базой террористов, не желающих считаться с правами и свободами других людей. В целях противодействия терроризму борьбу с ним целесообразно осуществлять в нескольких направлениях – предотвращение, выявление и пресечение действий с террористической подоплекой, совершаемых в отношении государственных, общественных и иных деятелей, а также посредством разработки антитеррористических мер и общегосударственных комплексных программ, в структуру которых войдут правовые, идеологические и иные аспекты. Главная задача государства в этом направлении заключается в задержании организаторов и исполнителей террористических актов и предание их суду.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006г. № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 30.04.2021 г.).

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения 26.04.2021).

[3] Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kodeks.ru/news/read/strategiya-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossii-na-period-do-2025-goda-novye-polojeniya> (дата обращения 30.04.2021 г.).

[4] Абазов А.Б. Общественная опасность терроризма в Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 11-12.

[5] Айол А. А. Современные аспекты совершенствования нормативного правового регулирования вопросов противодействия терроризму в Российской Федерации // Педагогика высшей школы. 2016. № 3.1 (6.1). С. 24-27.

[6] Бечелов З.Ш., Абазова М.В., Курманова М.К. Противодействия современному терроризму // В сборнике: Актуальные проблемы и приоритетные инновационные технологии развития АПК региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. 2015. С. 325-327.

[7] Дмитриева Э.С. Анализ российских и зарубежных правовых актов о терроризме // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 61-67.

[8] Камергоев Б.М. Роль государственного управления в области обеспечения безопасности по противодействию терроризму // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 114-120.

[9] Кормазов А.В., Бондарь А.Г. Преступления, характеризующиеся террористической направленностью // В сборнике: Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2019. С. 159-161.

[10] Кучмезов Р.А. О некоторых проблемах противодействия терроризму и экстремизму в России // Вестник научных конференций. 2016. № 5-1(9). С. 72-75.

[11] Магомедов М.Н. Роль субъектов гражданского общества в противодействии идеологии

экстремизма и терроризма // Закон и право. 2020. № 6. С. 108-110.

[12] Хачидогов Р.А. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Наука и общество. 2015. № 1 (20). С. 102-105.

[13] Шхагапсоев З.Л., Аккаева Х.А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия терроризму // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 103-105.

[14] Щерблыкина И.В., Старшинов Я.В. Правовое регулирование противодействия терроризму в Российской Федерации и некоторые направления совершенствования законодательства // Военное право. 2018. № 1(47). С. 50-54.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006g. № 35-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (data obrashcheniya 30.04.2021 g.).

[2] Federal'nyj zakon «O policii» ot 07.02.2011g. № 3-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa <https://base.garant.ru/12182530/> (data obrashcheniya 26.04.2021).

[3] Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666 «Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda» [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://kodeks.ru/news/read/strategiya-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossii-na-period-do-2025-goda-novye-polojeniya> (data obrashcheniya 30.04.2021 g.).

[4] Abazov A.B. Obshchestvennaya opasnost' terrorizma v Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2018. № 1. S. 11-12.

[5] Ajol A. A. Sovremennye aspekty sovershenstvovaniya normativnogo pravovogo regulirovaniya voprosov protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii // Pedagogika vysshej shkoly. 2016. № 3.1 (6.1). S. 24-27.

[6] Bechelov Z.SH., Abazova M.V., Kurmanova M.K. Protivodejstviya sovremennomu terrorizmu // V sbornike: Aktual'nye problemy i prioritetye innovacionnye tekhnologii razvitiya APK regiona. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. 2015. S. 325-327.

[7] Dmitrieva E.S. Analiz rossijskih i zarubezhnyh pravovyh aktov o terrorizme // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2019. T. 7. № 2 (26). S. 61-67.

[8] Kamergoev B.M. Rol' gosudarstvennogo upravleniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti po protivodejstviyu terrorizmu // Voprosy rossijskogo i

mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 8-1. S. 114-120.

[9] Korkmazov A.V., Bondar' A.G. Prestupleniya, harakterizuyushchiesya terroristicheskoj napravlenost'yu // V sbornike: Problemy i perspektivy v mezhdunarodnom transfere innovacionnyh tekhnologij. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 159-161.

[10] Kuchmezov R.A. O nekotoryh problemah protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu v Rossii // Vestnik nauchnyh konferencij. 2016. № 5-1(9). S. 72-75.

[11] Magomedov M.N. Rol' sub"ektov grazhdanskogo obshchestva v protivodejstvii ideologii eks-

tremizma i terrorizma // Zakon i pravo. 2020. № 6. S. 108-110.

[12] Hachidogov R.A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nauka i obshchestvo. 2015. № 1 (20). S. 102-105.

[13] SHkhagapsoev Z.L., Akkaeva H.A. Ugolovno-pravovaya politika Rossijskoj Federacii v sfere protivodejstviya terrorizmu // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 5. S. 103-105.

[14] SHCHEblykina I.V., Starshinov YA.V. Pravovoe regulirovanie protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii i nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Voennoe pravo. 2018. № 1(47). S. 50-54.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в рассмотрении дифференцированного подхода к понятиям «экстремизм» и «терроризм» и обнаружить их общие и отличительные характеристики. Несмотря на то, что большая часть исследователей использует данные понятия в синонимичном порядке, мы постарались исследовать различные объекты и различный характер их общественной опасности. Нами установлено, что в основу терроризма положена идеология насилия, точнее сознательное ее использование для достижения устрашающего эффекта и достижения целей террористической деятельности, в то время как преступную деятельность экстремистов составляет идейная составляющая, целью которой выступает пропаганда вражды и ненависти к представителям противоположной национальности, конфессии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений. Стремление экстремистов состоит в разжигании конфликтов на указанных выше основаниях. Отсюда, данные преступления признаются на уровне государства особо опасными. В рамках проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что направленность экстремистской деятельности заключается в разработке средств и методов сопротивления существующим устоям, осуществлении борьбы в защиту своих критических взглядов, а также решимости отвергать любые компромиссы. Экстремизм в своем проявлении руководствуется призывами к выбору кардинальных мер для достижения своих целей, преследующих изменение содержания политических институтов. Обуславливая же направленность террористической деятельности, следует отметить существование специфических мотивов и целей, присущих данным преступлениям. Природу терроризма составляет насильственное воздействие радикальных политических групп и их приверженцев и последователей на сознание широких народных масс и структуру органов власти для продвижения, в том числе силовыми методами, своей идеологии.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, насилие, идеология, преступная деятельность.

NASTUYEV Eduard Borisovich,
Senior Lecturer of the Department of Physical Training,
police lieutenant colonel
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EXTREMISM AND TERRORISM: A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Annotation. The purpose of this study is to examine a differentiated approach to the concepts of extremism and terrorism and to discover their common and distinctive characteristics. Despite the fact that most of the researchers use these concepts in a synonymous order, we tried to investigate various objects and the different nature of their social danger. We have established that terrorism is based on the ideology of violence, more precisely, its conscious use to achieve a frightening effect and achieve the goals of terrorist activities, while the criminal activity of extremists is an ideological component, the purpose of which is to promote hostility and hatred towards representatives of the

opposite nationality, confession, a certain social group or representatives of certain political views and beliefs. The aspiration of the extremists is to incite conflicts on the above grounds. Hence, these crimes are recognized at the state level as especially dangerous. As part of the study, we came to the conclusion that the focus of extremist activities is to develop means and methods of countering existing foundations, to fight in defense of their critical views, as well as the determination to reject any compromises. Extremism in its manifestation is guided by calls for the choice of drastic measures to achieve its goals, which pursue a change in the content of political institutions. Determining the direction of terrorist activity, it should be noted that there are specific motives and goals inherent in these crimes. The nature of terrorism is the violent influence of radical political groups and their adherents and followers on the consciousness of the broad masses and the structure of government bodies to promote, including by force, their ideology.

Key words: *extremism, terrorism, violence, ideology, criminal activity.*

Постановка проблемы. На сегодняшний день, наверное, трудно будет найти человека, который бы ни разу не сталкивался с понятиями «экстремизм» и «терроризм». Однако не многие понимают, в чем проявляется их отличие, и какое наказание грозит за эти преступления.

Разбираясь в терминологии данных понятий, отметим происхождение экстремизма из латинского языка «*extremus*», в переводе означающий крайний и получивший интерпретацию в качестве приверженности индивида к крайним взглядам в контексте общественной и политической жизни; относительно терроризма следует также отметить его происхождение от латинского «*terro*», означающий страх, ужас.

Основу терроризма составляет идеология насилия, точнее сознательное ее использование для достижения устрашающего эффекта и достижения целей террористической деятельности [12, 15].

В части касающейся проявления экстремизма следует отметить его направленность на «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российского государства, публичное оправдание террористической деятельности, возбуждение межнациональной, межрелигиозной и социальной розни и ненависти, нарушение основных прав и свобод граждан на идеологической основе» [2, 4, 6]. Так, преступную деятельность экстремистов составляет идейная составляющая, целью которой выступает пропаганда вражды и ненависти к представителям противоположной национальности, конфессии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений. Стремление экстремистов состоит в разжигании конфликтов на указанных выше основаниях. Отсюда, данные преступления признаются на уровне государства особо опасными.

Методология исследования. Для того, чтобы адекватно дифференцировать понятия «терроризм» и «экстремизм» необходимо разобратсь в объектах их посягательства и выявить

их общие и отличительные черты. Многие ученые и практики едины во мнении о том, что экстремизм и терроризм являются звеньями одной цепи, когда экстремизм выступает в роли подготовительного теоретического обоснования, а терроризм – практического исполнения [7, 8, 11]. Однако, есть и большая часть исследователей, для которых данные понятия выступают синонимичными и употребляемыми с приставкой «исламский». Причиной тому служит исторический ход популяризации и распространения исламской религии. Несмотря на то, что происходило это большей частью мирным путем, все же не удалось избежать проявления негативных факторов и явлений. В результате, исламские религиозные каноны исказились до такой степени, что исламскую религию начали воспринимать в качестве ключевого концепта возникновения терроризма и экстремизма.

Следует подчеркнуть, что использование приставки «исламский» к террористической и экстремистской деятельности возмущает практически весь исламский мир, так как данное обстоятельство подрывает доверие к религии, к ее последователям и исламизм воспринимается, как нечто негативное, несущее зло и раздор. Вместе с тем, с каждым годом растет и популярность террористической и экстремистской идеологии, что обуславливается глубокими экономическими, политическими, религиозными и социальными кризисами. В обществе происходит потеря чувства личности и групповой самоидентификации [9, 10, 15].

В свете складывающейся мировой обстановки, обусловившейся произошедшей глобализацией общества, которая была спровоцирована приверженцами западной идеологии и которая привела к глубокому экономическому, политическому, религиозному и социальному кризису, завершившимся мировым кризисом, детерминировала происхождение терроризма и экстремизма.

Основным концептом глобализации выступило политизирование религии, в результате чего и было спровоцировано возникновение мотивиро-

ванного терроризма и экстремизма. Таким образом, религиозный терроризм и экстремизм стали главным орудием противодействия глобализации и сыграли большое значение в противостоянии «Восток-Запад». Терроризм в данном случае выступил в роли глубоко законспирированной деятельности, нацеленной на реализацию экстремистских идеологий.

Прежде чем обусловить разграничение понятий «терроризм» и «экстремизм» рассмотрим научные подходы к данной проблеме. Юридическая наука выработала две основные точки зрения на дифференциацию террористической и экстремистской деятельности [8, 14].

Как мы и отмечали выше, приверженцы первой точки зрения объясняют террористическую деятельность как результат проявления радикального экстремизма. Представителями данного направления экстремизм характеризуется в качестве социально-политического феномена, транслирующего крайние формы политической борьбы, главной из которых выступает терроризм. Вместе с тем, определяя терроризм, последователи первой точки зрения, выделяют в его структуре специфические виды насилия, используемые в процессе экстремистской деятельности.

Вместе с тем, анализ международно-правовых документов и законодательных актов РФ, позволяет сделать вывод о взаимосвязанности и взаимообусловленности терроризма и экстремизма. Терроризму присущи все признаки экстремизма, однако он обладает и специфическими признаками, проявляющимися во взаимосвязи с экстремизмом, что вполне делает закономерным квалифицировать данные явления в качестве преступлений, одновременно признаками терроризма и экстремизма.

Противоположная точка зрения состоит в разграничении данных понятий, хотя в правовом содержании данных понятий в российском законодательстве довольно четко можно проследить их дифференциацию.

Федеральный закон от 25 июля 200 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] в четкой регламентации дает характеристику экстремистской деятельности, формулирует ее и содержит исчерпывающий перечень преступлений, относящихся к данной сфере. В указанном законе «экстремистскими признаются преступления, совершаемые против личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, безопасности человечества по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [2, 13]. При квалификации экстремизма

как социально-правового явления, исследователи указывают на его предрасположенность к насаждению радикальных политических идей, критических взглядов и немировых путей их реализации, в частности посредством осуществления террора. Отсюда, данные понятия имеют соотношение как родовое и видовое.

Установив расхождения в мотивах и целях террористических и экстремистских преступлений, становятся понятными и различия в характере общественной опасности этих деяний.

Так, основная направленность экстремистской деятельности заключается в разработке средств и методов противоборства существующим устоям, осуществлении борьбы в защиту своих критических взглядов, а также решимости отвергать любые компромиссы. Экстремизм в своем проявлении руководствуется призывами к выбору кардинальных мер для достижения своих целей, преследующих изменение содержание политических институтов.

Перечисленные ранее мотивы экстремистской деятельности (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы) выступают в отечественной уголовной практике квалифицированным составом преступления (п. «б» ч.2 ст. 116, п. «з» ч.2 ст. 117 УК РФ) [1-5].

Обусловливая направленность террористической деятельности, отметим существование специфических мотивов и целей, присущих данным преступлениям. Правоведы, объясняя природу терроризма, все больше склоняются к осуществлению насильственного воздействия радикальных политических групп и их приверженцев и последователей на сознание широких народных масс и структуру органов власти для продвижения, в том числе силовыми методами, своей идеологии [16].

Исследователи, отмечая политические мотивы и насильственные способы осуществления террористической и экстремистской деятельности в числе главных специфических черт терроризма, все же не ставят его во главу угла при разграничении понятий «терроризм» и «экстремизм». Насилие в данном случае имеет непосредственное отношение к достижению главной цели террористического акта – оказанию давления, а если необходимо вплоть до уничтожения, устрашения, психологического подавления для подчинения чужой воли своим замыслам. Вместе с тем, при универсализации квалификационных составляющих террористических преступлений, необходимо выяснить имели ли место указанные методы насильственного воздействия на сознание и поведение людей и власти [6, 8, 9, 10].

Исследуя внесенные в УК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05 мая 2014 года №130-ФЗ изменения, указывающие «в числе главных целей террористического акта дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений» [4, 5], вполне объясняет отсутствие общего мотива у всех преступлений террористического содержания. В целом же мотивом может быть, как политическая составляющая, так и любая другая [7, 13, 14].

Однако, несмотря на то, что политический мотив выделяется в качестве ключевого критерия совершения террористических и экстремистских преступлений, объединять их как часть и целое не является целесообразным [9]. И здесь нужно руководствоваться специальной целью (присущей только террористическим преступлениям, но никак не экстремистским), о которой говорится в Законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что объясняет второстепенность политического мотива при совершении экстремистских преступлений. Политическим мотивом обладает важностью при совершении террористических преступлений [4].

Анализ ст.205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» отчетливо свидетельствует о содержании в них дифференциации понятий террористическая и экстремистская деятельность и подразделении их на два самостоятельных вида преступной деятельности [5].

И, наконец, для правоприменителей является важным необходимость более четкого определения экстремизма, который, по сути, действием не является. Сущностно его основа состоит в приверженности к идеологии, что делает экстремизм шире, чем экстремистскую деятельность, а следовательно он и являет собой большую угрозу. Отсюда, можно заключить, что экстремистская деятельность состоит в тиражировании крайних (радикальных) взглядов, то есть идеологии, представляющей наибольшую общественную опасность и побуждающую к преступным действиям ее приверженцев. Поэтому осуществляя борьбу в данном направлении, следует понимать, что противодействие деятельности – это по существу противостояние следствию существующей идеологии [9, 15]. При этом, для общества и государства на передний план должно выйти именно предотвращение названной деятельности, что предполагает локализацию экстремистской идеологии у ее приверженцев.

Заключение. В рамках исследования мы пришли к выводу о том, что направленность экстремистской деятельности заключается в разработке средств и методов сопротивления существующим устоям, осуществлении борьбы в защиту своих критических взглядов, а также решимости отвергать любые компромиссы. Экстремизм в своем проявлении руководствуется призывами к выбору кардинальных мер для достижения своих целей, преследующих изменение содержания политических институтов. Преступная деятельность экстремистов состоит в идейной составляющей, целью которой пропаганда вражды и ненависти к представителям противоположной национальности, конфессии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений. Стремление экстремистов состоит в разжигании конфликтов на указанных выше основаниях. Отсюда, данные преступления признаются на уровне государства особо опасными. Основу терроризма составляет идеология насилия, точнее сознательное ее использование для достижения устрашающего эффекта и достижения целей террористической деятельности. Поэтому, обуславливая направленность террористической деятельности, отметим существование специфических мотивов и целей, присущих данным преступлениям. Природу терроризма составляет насильственное воздействие радикальных политических групп и их приверженцев и последователей на сознание широких народных масс и структуру органов власти для продвижения, в том числе силовыми методами, своей идеологии. Стало быть, терроризм в данном случае выступает в роли глубоко законспирированной деятельности, нацеленной на реализацию экстремистских идеологий.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.06.2021 г.).

[2] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[3] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.05.2014 № 130-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162576/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[6] Азарова Д.О., Симонова Ю.И. Экстремизм как предикативный фактор терроризма // В сборнике: Парадигма науки глазами молодых в условиях модернизации общественного сознания. Материалы XIII международной научной конференции, посвященной памяти основателей Костанайского филиала Челябинского государственного университета Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова. 2019. С. 10-14.

[7] Бжиев Р.Б. Терроризм и экстремизм: современное понимание и актуальные проблемы противодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 29-31.

[8] Богмацера Э.В., Ильичёв И.Е. Терроризм: истоки, понятие, угрозы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 12-29.

[9] Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (43). С. 17-24.

[10] Кучмезов Р.А. О некоторых проблемах противодействия терроризму и экстремизму в России // Вестник научных конференций. 2016. № 5-1(9). С. 72-75.

[11] Майстренко Г.А. Проблема разграничения понятий «терроризм» и «экстремизм» в законодательстве Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 132-135.

[12] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Некоторые вопросы соотношения понятий «экстремизм» и «терроризм» в контексте противодействия на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 28-30.

[13] Можегова А.А. О разграничении экстремистских и террористических преступлений по уголовному праву Российской Федерации // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 3. С. 52-55.

[14] Тарчоков Б.А. Современный терроризм. Новые угрозы в условиях глобализации // Государственная служба и кадры. 2020. № 3. С. 118-120.

[15] Фролов М.Г. К вопросу о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» // Вестник

Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 165-168.

[16] Хачидогов Р.А. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Наука и общество. 2015. № 1 (20). С. 102-105.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 01.06.2021 g.).

[2] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.07.2002 N 114-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[3] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006 N 35-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[4] Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 05.05.2014 № 130-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162576/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[5] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[6] Azarova D.O., Simonova YU.I. Ekstremizm kak predikativnyj faktor terrorizma // V sbornike: Paradigma nauki glazami molodyh v usloviyah modernizacii obshchestvennogo soznaniya. Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati osnovatelej Kostanajskogo filiala CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta T.ZH. Atzhanova i A.M. Rodnova. 2019. S. 10-14.

[7] Bzhiev R.B. Terrorizm i ekstremizm: sovremennoe ponimanie i aktual'nye problemy protivodejstviya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. №3. S. 29-31.

[8] Bogmacera E.V., Il'ichyov I.E. Terrorizm: istoki, ponyatie, ugrozy // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2018. № 3. S. 12-29.

[9] Kuleshova G.P. Terrorizm i ekstremizm: sootnoshenie ponyatij // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2017. № 3 (43). S. 17-24.

[10] Kuchmezov R.A. O nekotoryh problemah protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu v Rossii //

Vestnik nauchnyh konferencij. 2016. № 5-1(9). S. 72-75.

[11] Majstrenko G.A. Problema razgranicheniya ponyatij "terrorizm" i "ekstremizm" v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 4. S. 132-135.

[12] Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H. Nekotorye voprosy sootnosheniya ponyatij "ekstremizm" i "terrorizm" v kontekste protivodejstviya na sovremennom etape // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2019. T. 15. № 3. S. 28-30.

[13] Mozhegova A.A. O razgranichenii ekstremistskih i terroristicheskikh prestuplenij po ugovnomu

pravu Rossijskoj Federacii // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 52-55.

[14] Tarchokov B.A. Sovremennyy terrorizm. Novye ugrozy v usloviyah globalizacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 3. S. 118-120.

[15] Frolov M.G. K voprosu o razgranichenii ponyatij "ekstremizm" i "terrorizm" // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2017. № 5. S. 165-168.

[16] Hachidogov R.A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nauka i obshchestvo. 2015. № 1 (20). S. 102-105.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ТАКОВ Асланбек Заурбиевич,
преподаватель кафедры огневой подготовки,
старший лейтенант полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Целью данного исследования было изучение факторов, распространения экстремизма в молодежной среде, главными из которых являются интернет, глобализация и информатизация всех сфер человеческой жизнедеятельности, обусловившие нивелирование государственных границ в контексте социальной коммуникации. Всемирная паутина привлекает приверженцев крайних взглядов своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей. Высокие технологии позволяют сделать всеобщим достоянием любую провокационную информацию экстремистского содержания или подрывную идею. В рамках данного исследования нами установлено, что российский экстремизм характеризуется вовлечением в нее молодежи в возрасте 14-30 лет, особой социально-демографической группы, наиболее подверженной влиянию деструктивных идеологий. Целями деятельности экстремистских движений в социальных сетях и мессенджерах являются популяризация своих идей и действий, создание атмосферы страха и запугивание людей, дезинформация, вербовка новых членов в свои ряды. Активное использование указанных ресурсов экстремистами обусловлено тем, что здесь практически неограниченно можно оказывать воздействие на сознание пользователей. Причем, главным аспектом такого воздействия выступает подрыв доверия общества к институтам власти, политическим и силовым структурам, а также усиление социальной напряженности и обострение конфликтных ситуаций. Интернет-пространство способствует анонимности пользователей, что является очень привлекательным фактором для навязывания молодежи деструктивных установок. Вместе с тем, экстремисты, перебравшись в пространство виртуальной реальности, в большой степени обезопасили себя от социального давления и цензуры, которым они подвергались в реальности.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, противостояние, идеология, убеждения, интернет, глобализация, информатизация.

TAKOV Aslanbek Zaurbievich,
lecturer at the Department of Fire Training,
police first lieutenant
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

INTERNET AS A FACTOR OF EXTREMISM SPREADING IN YOUTH ENVIRONMENT

Annotation. The purpose of this study was to study the factors, the spread of extremism in the youth environment, the main of which are the Internet, globalization and informatization of all spheres of human life, which led to the leveling of state borders in the context of social communication. The World Wide Web attracts adherents of extreme views with its accessibility, weak control by the state and law enforcement agencies, anonymity, and almost unlimited access to a wide range of users. High technologies make it possible to make any provocative information of extremist content or subversive idea into the public domain. Within the framework of this study, we have established that Russian extremism is characterized by the involvement in it of young people aged 14-30, a special

socio-demographic group most susceptible to the influence of destructive ideologies. The goals of the activities of extremist movements in social networks and messengers are to popularize their ideas and actions, create an atmosphere of fear and intimidate people, misinformation, and recruitment of new members into their ranks. The active use of these resources by extremists is due to the fact that here it is possible to exert almost unlimited influence on the consciousness of users. Moreover, the main aspect of such an impact is the undermining of public confidence in the institutions of power, political and security structures, as well as an increase in social tension and exacerbation of conflict situations. The Internet space contributes to the anonymity of users, which is a very attractive factor for imposing destructive attitudes on young people. At the same time, the extremists, having moved into the space of virtual reality, to a large extent secured themselves from the social pressure and censorship to which they were subjected in reality.

Key words: *extremism, youth, confrontation, ideology, beliefs, internet, globalization, informatization.*

Введение. Экстремизм в нашей стране берет начало с 1990-х годов, выступив в роли серьезной и устойчивой угрозы, проявляющейся многоаспектно. Экстремизм для достижения своих целей использует различные националистические и религиозные противостояния, чтобы воспрепятствовать развитию гражданского общества, обострить конфликтность в обществе и продемонстрировать угрозу национальной безопасности. Таким образом, сложившийся в обществе климат благоприятствует возникновению противоправных посягательств, в частности распространения идеологии экстремизма и ее реализации [1].

Постановка проблемы. Экстремизм выступает в качестве приверженности крайним взглядам, выражающейся большей частью в борьбе враждебной настроенности между различными сообществами людей. На сегодняшний день экстремизм выступая одной из острейших проблем современной России, демонстрирует возрастающую жестокость, совершаемых преступлений, которые начали носить серийный, а в иных случаях ритуальный характер. Кроме того, увеличилось экстремистские угрозы, также возросло число национальностей, социальных групп и молодежных субкультур, ставших жертвами экстремизма. Все это представляет серьезную угрозу конституционному строю, государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Методология исследования. Российский экстремизм характеризуется вовлечением в нее молодежи в возрасте 14-30 лет, особой социально-демографической группы, наиболее подверженной влиянию деструктивных идеологий, деформирующих личность и повышающих уровень преступности в государстве [3, 10].

Глобализация и информатизация общества, затронув все сферы человеческой жизнедеятельности, ознаменовали нивелирование государственных границ в контексте социальной коммуникации и обусловили проявление новых форм

молодежного экстремизма. Вербовщики получили в свои руки дополнительные инструменты для воздействия на сознание, установки и поведение пользователей интернет-пространства из молодых людей. И если ранее можно было наблюдать очаги распространения экстремизма в границах одного города, района или страны, то сегодня благодаря современным коммуникационным технологиям экстремистская деятельность приобрела общепланетарные масштабы. Высокие технологии позволяют сделать всеобщим достоянием любую провокационную информацию экстремистского содержания или подрывную идею. При этом, главную угрозу, по мнению экспертов, представляет неконтролируемое вирусное распространение учебных пособий, практических материалов и инструкций, содержащие четкие предписания как вести себя молодежи в различных ситуациях.

Молодое поколение демонстрируя зависимость от интернета и создавая свои сообщества в глобальной сети по интересам, мировоззрению, установкам и ценностным ориентирам. Всемирная паутина привлекает экстремистские группировки своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей. Отсюда, в сети можно наблюдать неуклонный рост материалов экстремистского содержания, что детерминирует глобальную сеть в качестве благодатной почвы для насильственного насаждения идеологии экстремизма [11, 13]. Последние тенденции таковы: российская студенческая молодежь покидает пределы страны с целью присоединиться к экстремистским организациям и группировкам.

Сегодня практически любой человек, имеющий персональный компьютер, ноутбук или любой электронный гаджет с выходом в Интернет может беспрепятственно пополнить ряды экстремистских группировок. Крупнейшими площадками распространения экстремизма сегодня выступают известные социальные сети (Facebook, Twitter,

Instagram, ВКонтакте, Одноклассники и др.) и мессенджеры (WhatsApp, Telegram др.). Посредством социальных сетей и мессенджеров вербовщики имеют возможность получить практически любую информацию о пользователях и провести мониторинг для выяснения наиболее уязвимых группах молодежи, на которую можно направить пропаганду экстремистского содержания, а впоследствии уже выйти с ними на связь лично.

Как известно, целями деятельности экстремистских движений в социальных сетях и мессенджерах являются популяризация своих идей и действий, создание атмосферы страха и запугивание людей, дезинформация, вербовка новых членов в свои ряды. Активное использование указанных ресурсов экстремистами обусловлено тем, что здесь практически неограниченно можно оказывать воздействие на сознание пользователей. Причем, главным аспектом такого воздействия выступает подрыв доверия общества к институтам власти, политическим и силовым структурам, а также усиление социальной напряженности и обострение конфликтных ситуаций [9].

В числе причин, по которым «молодежь является наиболее уязвимой группой для экстремистских группировок, следует назвать:

- недостаточная экономическая, политическая и духовная социализация;
- мировоззренческая неустойчивость;
- социально-психологическая незрелость;
- склонность к проявлению различных форм социального протеста;
- неумеренность в выборе способов и средств достижения жизненных целей» [7, 12].

В результате у молодежной публики формируется приятие экстремистских идей и признание насильственных методов в качестве единственно верных.

Интернет-пространство способствует анонимности пользователей, что является очень привлекательным фактором для навязывания молодежи деструктивных установок. Вместе с тем, экстремисты, перебравшись в пространство виртуальной реальности, в большой степени обезопасили себя от социального давления и цензуры, которым они подвергались в реальности.

Ученые и практики выделяют «два вида экстремистского поведения в молодежной среде:

1. Экстремисты, действующие на территориях и продвигающие идеи суверенитета отдельных регионов в составе РФ и борьбы за их национальную независимость.

2. Экстремисты, проявляющие свою независимость и пренебрежение к устоявшимся в обществе правилам, законам, ценностным ориентирам, а также ненависть к другой расе или вере» [4, 13].

Следует обратить внимание, что на формирование экстремистской идеологии оказали большое влияние также глобализационные процессы, затронувшие все важные сферы человеческой жизнедеятельности.

Глобализация обусловила стирание национально-культурных границ, что вызвало негодование со стороны этносов, которые в самом негативном аспекте проявили нетерпимость к иной культуре, национальности, расе и вероисповеданию. Таким образом, большая масса людей примкнула к экстремистским идеологиям [8, 12].

Следует отметить, что одной из главных задач, решаемых экстремистскими группировками с помощью всемирной сети, является широкая пропаганда идеологических посылов обществу в целях его устрашения. Отследить подобные сайты практически невозможно, так как злоумышленники постоянно копируют сайты и меняют сетевые и физические адреса серверов, используют адреса электронной почты, зарегистрированные за рубежом. Все это затрудняет противодействие данному явлению правоохранительным органам [2, 11].

За последние десятилетия в нашей стране накопился довольно богатый опыт противодействия экстремистской деятельности. На законодательном уровне следует указать Конституцию РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Через всю нормативно-правовую базу РФ красной нитью проходит необходимость противодействия экстремистским и террористическим угрозам. Данное положение можно охарактеризовать в качестве приоритетного направления политики государства в вопросах обеспечения национальной безопасности [3, 5, 10].

Главной целью системы противодействия экстремистским идеологиям является снижение уровня вовлеченности в указанные группировки молодежной аудитории. Причем работа должна проводиться адресно и направлена на упреждение данного явления. Следует помнить, что важным фактором, облегчающим вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность, является повышенный интерес к информации экстремистского содержания, транслируемой во всемирной паутине и социальных сетях. Технические возможности, которые обуславливают анонимность, использование никнеймов и широкую трансляцию информационного массива через множество формально друг с другом не связанных аккаунтов, открывают большие возможности для воздействия на сознание молодежи. В этой связи целесообразным и перспективным направлением противодействия идеологии экстремизма является

учреждение в учебных заведениях Центров противодействия указанному явлению, на базе которых у молодежной аудитории будут формироваться устойчивые мировоззренческие ориентиры, вызывающих нетерпимость к деструктивным идеологиям [13, 14]. Для достижения указанной цели необходима разработка единой стратегии образовательного процесса, которая будет включать учебную, воспитательную, методическую, научную деятельность. При этом обязательно морально-психологическое и информационное обеспечение указанной деятельности [13]. В Центре для решения задач противодействия идеологии экстремизма должны проводиться следующие мероприятия:

- правовое информирование по вопросам профилактики и противодействия экстремизму в молодежной среде;
- формирование у молодежной аудитории целостной картины мира и воспитание уважительного отношения к иным культурам и иным мировоззренческим системам;
- формирование навыков распознавания манипулятивных техник, как в живом общении, так и виртуальном;
- формирование позитивных установок на социально одобряемую личностную самореализацию [4, 9, 13].

Заключение. В заключении еще раз, обобщая общественную опасность экстремизма, отметим, что глобализация и информатизация стали основными факторами его распространения, что явилось одним из самых серьезных вызовов современному миру, и первостепенное значение приобрели меры противодействия указанному феномену. Российский экстремизм характеризуется вовлечением в нее молодежи в возрасте 14-30 лет, для которой характерна зависимость от интернета, в пространстве которого ими создаются свои сообщества по интересам, мировоззрению, установкам и ценностным ориентирам. Всемирная паутина привлекает экстремистские группировки своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей. Отсюда, в сети можно наблюдать неуклонный рост материалов экстремистского содержания, что детерминирует глобальную сеть в качестве благодатной почвы для насильственного насаждения идеологии экстремизма.

Список литературы:

[1] Абазов А.Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 270-272.

[2] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[3] Ашурбекова М.И., Черкесова Д.У. Экстремизм в социальных сетях: формы проявления и пути противодействия // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 37-40.

[4] Воскобойникова И.А., Семкина Е.Н., Богатырева О.В. Причины и факторы, способствующие формированию экстремистских проявлений в молодежной среде в современной России // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2020. № 3-4. С. 45-51.

[5] Гедгафов М.М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163-165.

[6] Дёшина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети интернет социально-демографическая группа // Обзор. НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54-61.

[7] Коркмазов А.В., Бозиева Ю.Г. Доминирующие факторы, инспирирующие распространение идеологии терроризма в молодежной среде: проблемы и пути локализации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 51-55.

[8] Коршунова Н.В. Понятие экстремизма и противодействие этому явлению в образовательной сфере // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 31-37.

[9] Курбанов Р.Ш. Вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность: характер проблемы и методы противодействия // В сборнике: Динамика развития культуры и искусства народов Северного Кавказа и профилактика ксенофобии, национализма и этносепаратизма. Материалы Региональной научно-практической конференции. Дагестанский гуманитарный институт. 2015. С. 135-139.

[10] Арипшев А.М., Люев Р.Х. Актуальные тенденции противодействия террористической идеологии // В сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2020. сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского кон-

курса. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2020. С. 125-127.

[11] Молоков В.В. Распространение идей экстремизма и терроризма с использованием сети интернет и технологии противодействия этому явлению // В сборнике: Современные системы безопасности - Антитеррор. Материалы конгрессной части XII специализированного форума. 2016. С. 44-49.

[12] Насибуллин И.Р. Экстремизм среди подростков и молодежи в эпоху развития интернет-технологий // В сборнике: Духовная безопасность в обществе риска: от концептуализации понятия к эффективным проектам. Материалы межрегиональной научно-практической конференций. 2018. С. 140-142.

[13] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

[14] Тарчоков Б.А. Влияние криминальной субкультуры на формирование антиобщественного поведения в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 27-30.

Spisok literatury:

[1] Abazov A.B. Obshchestvennaya opasnost' ekstremizma v Rossijskoj Federacii // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. Т. 6. № 4. С. 270-272.

[2] Al'zhanov A.S., Altybasarova M.A. Vozniknovenie ekstremizma v sovremennyh usloviyah i puti ego resheniya // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[3] Ashurbekova M.I., SHerkesova D.U. Ekstremizm v social'nyh setyah: formy proyavleniya i puti protivodejstviya // V sbornike: Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: vzglyad molodyh uchenyh. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2018. С. 37-40.

[4] Voskoboynikova I.A., Semkina E.N., Bogatyreva O.V. Prichiny i faktory, sposobstvuyushchie formirovaniyu ekstremistskih proyavlenij v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii // Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tehnicheskij institut». 2020. № 3-4. С. 45-51.

[5] Gedgafov M.M. O nekotoryh aspektah profilaktiki prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti

organami vnutrennih del v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 3. С. 163-165.

[6] Dyoshina E.I., Merkulova A.N. Molodezh' kak naibolee podverzhennaya vliyaniyu ekstremizma i terrorizma v seti internet social'no-demograficheskaya gruppy // Obzor. NCPTI. 2019. № 1 (16). С. 54-61.

[7] Korkmazov A.V., Bozieva YU.G. Dominiruyushchie faktory, inspiriruyushchie rasprostranenie ideologii terrorizma v molodezhnoj srede: problemy i puti lokalizacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. Т. 14. № 3. С. 51-55.

[8] Korshunova N.V. Ponyatie ekstremizma i protivodejstvie etomu yavleniyu v obrazovatel'noj sfere // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 1. С. 31-37.

[9] Kurbanov R.SH. Vovlechenie molodezhi v ekstremistskuyu deyatel'nost': harakter problemy i metody protivodejstviya // V sbornike: Dinamika razvitiya kul'tury i iskusstva narodov Severnogo Kavkaza i profilaktika ksenofobii, nacionalizma i etnoseparatizma. Materialy Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Dagestanskij gumanitarnyj institut. 2015. С. 135-139.

[10] Aripshiev A.M., Lyuev R.H. Aktual'nye tendencii protivodejstviya terroristicheskoy ideologii // V sbornike: Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2020. sbornik statej XXIX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Pod obshchej redakciej G.YU. Gulyaeva. 2020. С. 125-127.

[11] Molokov V.V. Rasprostranenie idej ekstremizma i terrorizma s ispol'zovaniem seti internet i tekhnologii protivodejstviya etomu yavleniyu // V sbornike: Sovremennye sistemy bezopasnosti - Antiterror. Materialy kongressnoj chasti XII specializirovannogo foruma. 2016. С. 44-49.

[12] Nasibullin I.R. Ekstremizm sredi podrostkov i molodezhi v epohu razvitiya internet-tekhnologij // V sbornike: Duhovnaya bezopasnost' v obshchestve riska: ot konceptualizacii ponyatiya k effektivnym proektam. Materialy mezhtselevoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. С. 140-142.

[13] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostraneniyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

[14] Tarchokov B.A. Vliyanie kriminal'noj subkul'tury na formirovanie antiobshchestvennogo povedeniya v molodezhnoj srede // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. Т. 13. № 4. С. 27-30.

ЭКСТРЕМИЗМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в научном осмыслении феномена «экстремизм» и анализе криминологических аспектов противодействия данному явлению. Современный экстремизм представляет серьезную угрозу, как нравственным и духовным устоям общества, так и основам государственности, проявляющимся в сохранении целостности многонациональной страны. Под угрозу экстремизма также подпадает сохранение государственного суверенитета и национальная безопасность Российской Федерации. Сегодня на территории РФ свою деятельность осуществляют множество различных националистических, фашистских, религиозных и иных экстремистских организаций, выступающих под лозунгами защиты интересов людей. Данный феномен, проникнув во все сферы социально-политической жизни, обусловил разлом общества и провал проводимых социально-экономических и политических реформ, отсюда и подрыв политической стабильности. Непосредственным объектом посягательства экстремизма в РФ выступает конституционный строй и интересы личности, то есть носит исключительно политизированный характер. Причем, в смысловую нагрузку дефиниции закладывается обнаружение умысла и осуществление подготовительной деятельности. В данной статье мы также постарались раскрыть причины совершения экстремистских преступлений на территории РФ, главными из которых нами выделены конфликты социального характера, порождающих радикальные противостояния. Социальное и имущественное неравенство, обострило экстремистскую деятельность и повлияло на утрату гражданами чувства патриотизма, соблюдения правил межличностного общения и общежития, в результате чего масштабность конфликтов начала разрастаться и носить также националистический оттенок. В результате современным обществом все больше утрачивается способность к конструктивным ненасильственным способам разрешения общественно-политических конфликтов и вера в наличие созидательного инструмента для сглаживания возникающих обострений.

Ключевые слова: экстремизм, идеология, противодействие, предупреждение, факторы распространения.

TAMBIEV Sergey Arsenovich,
lecturer at the department of special technical training,
police Major
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EXTREMISM: CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION

Annotation. The purpose of this study is to scientifically comprehend the phenomenon of “extremism” and analyze the criminological aspects of countering this phenomenon. Modern extremism poses a serious threat to both the moral and spiritual foundations of society and the foundations of statehood, manifested in the preservation of the integrity of a multinational country. The preservation of state sovereignty and the national security of the Russian Federation are also under the threat of extremism. Today, on the territory of the Russian Federation, many different nationalist, fascist, religious and other extremist organizations carry out their activities, acting under the slogans of protect-

ing the interests of people. This phenomenon, having penetrated into all spheres of socio-political life, caused a breakdown in society and the failure of the ongoing socio-economic and political reforms, hence the undermining of political stability. The immediate object of the encroachment of extremism in the Russian Federation is the constitutional system and the interests of the individual, that is, it is of an exclusively politicized nature. Moreover, the detection of intent and the implementation of preparatory activities are laid in the semantic load of the definition. In this article, we also tried to reveal the reasons for committing extremist crimes on the territory of the Russian Federation, the main of which we have identified are conflicts of a social nature that give rise to radical confrontations. Social and property inequality, exacerbated extremist activity and influenced the loss of citizens' sense of patriotism, compliance with the rules of interpersonal communication and community life, as a result of which the scale of conflicts began to grow and also bear a nationalist connotation. As a result, modern society is increasingly losing the ability to constructive non-violent ways of resolving socio-political conflicts and belief in the availability of a creative tool to smooth out the emerging exacerbations.

Key words: *extremism, ideology, counteraction, prevention, factors of distribution.*

Постановка проблемы. Политические и экономические преобразования, проводимые в нашей стране с конца XX века, коренным образом изменили все сферы жизнедеятельности российского общества. В стране начала складываться новая модель права, призванная обеспечить стабильное и упорядоченное развитие социально-экономических и политико-правовых отношений. Таким образом, для дальнейшего прогрессивного развития общества необходимо эффективное функционирование экономики, политики и права, для чего и была принята в 1993 году Конституция РФ, в которой нашли закрепление все происходящие в общественном развитии процессы. Выступая одним из значимых политико-правовых актов и Основным законом государства, Конституция РФ обладает особой уникальностью, определяющей значимые фундаментальные положения [1, 6, 12].

Действие Конституции РФ распространяется «на все органы государственной власти, институты гражданского общества и является фундаментом политической и социально-экономической систем, обеспечивающих стабильность созданного государственно-политического устройства, определяющих их динамическое и поступательное развитие, а также способствующих проведению реформ без коренных трансформаций базисной составляющей» [1]. Отсюда, первоочередное внимание законодателя и государства должно быть направлено на создание государственно-правового механизма защиты основных положений, провозглашенных Конституцией РФ. На этом основании преступления, совершаемые против основ конституционного строя и безопасности государства, рассматриваются в числе наиболее опасных противоправных посягательств.

Следующим орудием противодействия преступности выступила новая редакция Уголовного кодекса РФ, где законодателем были решены вопросы об ответственности за не известные

ранее деяния, в частности преступления экстремистской направленности, получившие в современных условиях широкое распространение [2].

Таким образом, эффективное противодействие указанным деяниям невозможно без их комплексного уголовно-правового и криминологического изучения.

Методология исследования. Прежде чем дать характеристику понятию «экстремизм» следует отметить, что как социально-политическое явление он существовал задолго до появления самого термина. Первые его проявления начались в период возникновения государства и расчленения общества на классы. Так, на ранних этапах формирования человеческого общества к людям начало приходить понимание выгоды обладания властью. В обществе стали нарушаться моральные барьеры, традиции, общепринятые правила поведения, интересы других людей, в результате чего экстремизм находил все большее укрепление и упрочение. При этом, первоначально экстремизмом не преследовались цели насаждения идеологической, расовой, национальной, религиозной розни между людьми и сообществами, он носил чисто политический оттенок. Однако, экстремистские идеи в руках жаждущих власти проявлялись в применении самых жестоких и крайних мер, включая насилие и физическое уничтожение людей [15].

Сегодня в глобализирующемся мире данный феномен не потерял своей актуальности, более того он с каждым годом совершенствуется. При этом, «масштабы его распространения вынуждают активизироваться законодателей всех стран мира ужесточать меры борьбы с данным феноменом, причем процессы глобализации только усугубляют необходимость решения проблем гармонизации российского, международного и зарубежного законодательства в контексте сглаживания существующих различий в правовых системах. Необходимость этого обусловлена эффективно-

стью использования международного и зарубежного опыта правовой регламентации ответственности за экстремистские преступления при устранении пробелов в российском законодательстве» [8, 11, 12].

Любая форма экстремистских проявлений положениями международного права, подготовленными под эгидой ООН, квалифицируется в качестве угрозы международному сообществу и мировой безопасности. В международном нормативно-правовом регулировании «преступлениями экстремистского содержания выступают деяния, направленные на осуществление:

- незаконного захвата воздушного судна;
- посягательства на дипломатических агентов, находящихся под международной защитой;
- захвата заложников;
- посягательства на ядерную безопасность, безопасность морского судоходства и стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе;
- бомбового терроризма;
- финансирования терроризма» [3, 4, 5].

По нашему мнению, данный перечень не может быть исчерпывающим, ввиду того, что обделены вниманием вопросы, касающиеся назначения ответственности за действия призывного характера к осуществлению экстремистской и террористической деятельности.

Вместе с тем, в ряде международных правовых актов, участниками которых является и Российская Федерация, содержатся положения, закрепляющие основные цели и принципы противодействия экстремизму, относя терроризм и иные формы проявления экстремизма к противоправным деяниям, вне зависимости от мотивов и лиц, их совершивших. И в числе основных направлений международного сотрудничества по вопросам противодействия экстремизму названы действия профилактического, оперативно-розыскного и следственного характера, а также оказание правовой помощи [7, 14].

При определении целей экстремизма следует отметить возможность посягательства на общественную безопасность и для осуществления эффективного противодействия данному явлению нормы международного права следует дополнить нормами об ответственности за преступления экстремистской направленности, содержащимися в главах 24 «Преступления против общественной безопасности» и 29 «Преступления против конституционного строя и безопасности государства» УК РФ [2].

Вместе с тем, масштабами современного экстремизма продиктована необходимость не ограничиваясь посягательствами на конституционный строй и общественную безопасность госу-

дарства закрепления еще одной цели – подрыв мировой безопасности. Признавая данную цель по легитимным основаниям, под защиту норм уголовного законодательства ставятся мир и безопасность человечества путем помещения их в соответствующий раздел УК РФ.

Современное проявление экстремизма представляет серьезную угрозу, как нравственным и духовным устоям общества, так и основам государственности, проявляющимся в сохранении целостности многонациональной страны. Под угрозу экстремизма также подпадает национальная безопасность Российской Федерации [15, 16].

Характеризуя современный этап развития общества, первое, что привлекает внимание, это развитие информационно-коммуникационных технологий, которые проникли во все сферы человеческой жизнедеятельности и создали благоприятные условия для производства, хранения и передачи большого информационного массива экстремистского содержания, наносящего непоправимый ущерб государственной и общественной безопасности [13, 16]. В глобальной сети экстремистские группировки активно занимаются насаждением своей идеологии и вербовкой в свои ряды новых членов. При этом, доступность и анонимность глобального информационного пространства играет на руку, как приверженцам экстремистских движений, так и потребителям транслируемого экстремистского контента.

Главной чертой современного экстремизма следует назвать вовлечение в данную идеологию преимущественно молодежной публики возрастной категории от 16 до 30 лет, которая демонстрирует готовность и желание совершить противоправные действия экстремистской направленности [9, 10]. Причиной тому является, прежде всего, возрастающая зависимость молодых людей от глобальной сети, и в частности социальных сетей, где пользователи создают свои группы и сообщества по интересам, мировоззрению и ценностным установкам. При этом, слабый контроль глобального пространства со стороны правоохранительных органов еще более усугубляет процессы распространения экстремистских идеологий.

В свете изложенного становится очевидной необходимость совершенствования способов и методов борьбы с данным явлением.

Сегодня на территории РФ свою деятельность осуществляют множество различных националистических, фашистских, религиозных и иных экстремистских организаций, выступающих под лозунгами защиты интересов людей. Данный феномен, проникнув во все сферы социально-политической жизни, обусловил разлом общества и провал проводимых социально-экономических и

политических реформ, отсюда и подрыв политической стабильности [8, 15].

Непосредственным объектом посягательства экстремизма в РФ выступает конституционный строй и интересы личности, то есть носит исключительно политизированный характер. Причем, в смысловую нагрузку дефиниции закладывается обнаружение умысла и осуществление подготовительной деятельности.

В процессе определения общественной опасности указанного деяния в дефиницию следует включить: «публичные высказывания экстремистских взглядов и убеждений, основанных на превосходстве по расовой, социальной, национальной и религиозной принадлежности, разжигание розни по указанным признакам и отрицание ценности мировоззренческих установок других народов и народностей; популяризация радикальных способов и средств достижения целей, как в устной форме, так и посредством трансляции в СМИ, распространение материалов экстремистского содержания с целью привлечения в свои ряды неофитов» [8, 9, 13].

Определяя круг лиц, потенциально способных к совершению действий экстремистского характера, законодатель в их числе перечисляет общественные объединения, институты гражданского общества, иные организации, должностные лица и граждане.

Раскрывая причинный комплекс экстремистских преступлений на территории РФ, следует отметить, в первую очередь, конфликты социального характера, на основе которых постоянно возникают радикальные противостояния. Социальное и имущественное неравенство (обнищание населения, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, безработица), которое с каждым годом только обостряется, в том числе по причине мирового экономического, политического и демографического кризисов, породило и обострило экстремистскую деятельность. Именно социально-экономический фактор повлиял на утрату гражданами чувства патриотизма, соблюдения правил межличностного общения и общечеловеческих, в результате чего масштабность конфликтов начала разрастаться и носить также националистический оттенок [7, 8].

Таким образом, экстремистская активность, получив широкую поддержку со стороны большей части гражданского населения и различных институтов гражданского общества, пропагандируя насильственные способы изменения власти и ситуации в стране, привела к повышенной социальной напряженности. Досадно, что современное общество все больше утрачивает способность к конструктивным ненасильственным способам разрешения общественно-политических конфлик-

тов, а вместе с тем, подрывается вера в наличие созидательного инструмента для сглаживания возникающих обострений. Причиной тому, по нашему мнению, служат резкие перемены, произошедшие в политике, экономике и праве, при этом не отмечается и произошедшая глобализация, затронувшая указанные сферы человеческой жизнедеятельности, которые и повлекли за собой процесс тяжелой и длительной адаптации к новым условиям.

Еще одной из фундаментальных причин, обусловивших рост экстремистской активности, следует назвать миграционные процессы, которые в РФ вылились в такие негативные тенденции, как: увеличение коррупции, демографический кризис, возникновение межнациональных и религиозных конфликтов, ухудшение благосостояния коренных жителей территорий, криминализация общества, международное противостояние.

Анализируя роль правоохранительных и правоприменительных органов следует отметить, что наиболее эффективным методом борьбы с данным феноменом выступает предупреждение.

Предупреждение преступления представляет собой процесс, направленностью которого выступает выявление и локализация причин преступного поведения с учетом криминологических особенностей личности правонарушителя, жертвы преступления и уровня латентности конкретной разновидности преступного поведения.

Особая роль в предупреждении любой преступности ложится на политику, выработанную государством, целью которой выступает противодействие общественно-опасным деяниям. Именно государство является ответственным за противодействие экстремизму и все иницируемые им меры и мероприятия должны соответствовать масштабам явления в контексте выполняемых правовых действий по защите общества. Главным образом, указанные меры противодействия должны быть направлены на защиту государственного суверенитета от внешних угроз. При этом, следует подчеркнуть, что для эффективного предупреждения преступления необходима слаженная работа общеорганизационной и правоохранительной структур в их карающем и праввосстановительном аспектах, а основной его задачей выступает снижения уровня преступности [7, 8, 9].

Осуществляя противодействие экстремизму, правоохранители в своей деятельности используют стереотипные методы и приемы, не учитывающие особенностей новых видов преступлений. А исследуя масштабы, до которых разрастается экстремизм, вполне объяснима тревога правоохранительных структур практически всех государств. Также сбивающим фактором выступает отсутствие наработанных методик противодей-

ствия криминализации данного феномена и несовершенство нормативно-правового регулирования. Для достижения результатов в вопросах противодействия данному явлению необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование экстремизма на законодательном уровне довольно затруднительно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права [7, 8, 9].

Вместе с тем, для правоприменителей является важным необходимость четкого определения экстремизма, который, по сути, действием не является. Основу экстремизма составляет приверженность к идеологии, что является более широким понятием, чем экстремистская деятельность, а, следовательно, он представляет собой большую угрозу. Отсюда, можно заключить, что экстремистская деятельность состоит в тиражировании крайних (радикальных) взглядов, то есть идеологии, представляющей наибольшую общественную опасность и побуждающую к преступным действиям ее приверженцев. Поэтому осуществляя борьбу в данном направлении, следует понимать, что противодействие деятельности – это по существу противостояние следствию существующей идеологии [9, 15]. При этом, политика государства должна быть направлена именно на предотвращение названной деятельности, что предполагает локализацию экстремистской идеологии у ее приверженцев.

Выводы. Таким образом, проведенное нами исследование позволило установить, что субъектом преступлений экстремистского содержания выступает социально-демографическая группа, которая отличается довольно низким образовательным и культурным уровнем, не имеющая постоянного источника дохода. Отсюда, основная причина экстремизма кроется в социальной напряженности, возникшей по причине политических и экономических реформ, ослабивших, в том числе, геополитическое положение России на международной арене. Данные факторы и послужили причиной мотивами отсутствия у людей общественно-значимых интересов и ориентиров, а также наличия большого количества свободного времени, энергии и сил, что спровоцировало их к осуществлению криминальной самореализации. Однако, не следует думать, что экстремизм – это жребий исключительно малообеспеченной части населения, которые выступают лишь в роли участников экстремистских акций. Организаторами же этих движений являются весьма обеспеченные граждане, которые выступают материальной и ресурсной базой для рассматриваемой преступной деятельности в целях последующего передела и наращивания своего капитала.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.06.2021 г.).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 05.05.2021 г.).

[3] Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90). Заключена в Страсбурге 27 января 1977 года // Собрание законодательства РФ. 2018. 3. Ст. 202.

[4] Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196). Заключена в Варшаве 16 мая 2005 года // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2393.

[5] Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята в г. Нью-Йорке 15 декабря 1997 г. Резолюцией 52/164 на 72-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 3513.

[6] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[7] Выстропов В.Г. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с организацией деятельности экстремистской организации // Юристы-Правоведь. 2018. № 2 (85). С. 79-82.

[8] Выстропов В.Г. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 210-213.

[9] Гедгафов М.М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163-165.

[10] Дамаскин О.В. Молодежный экстремизм: криминологические аспекты противодействия // Военное право. 2020. № 2(60). С. 177-186.

[11] Грибунов О.П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 14-21.

[12] Коркмазов А.В., Бозиева Ю.Г. Доминирующие факторы, инспирирующие распространение

ние идеологии терроризма в молодежной среде: проблемы и пути локализации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 51-55.

[13] Кучмезов Р.А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 60-63.

[14] Мухтаров Д.Д. Проблемные вопросы производства криминалистических экспертиз // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 318-319.

[15] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.

[16] Факов А.М. Превентивные меры предупреждения современных экстремистских проявлений // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Пенза, 2020. С. 142-144.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 01.06.2021 g.).

[2] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya 05.05.2021 g.).

[3] Evropejskaya konvenciya o presechenii terrorizma (ETS № 90). Zaklyuchena v Strasburge 27 yanvarya 1977 goda // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. 3. St. 202.

[4] Konvenciya Soveta Evropy o preduprezhdenii terrorizma (CETS № 196). Zaklyuchena v Varshave 16 maya 2005 goda // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2019. № 20. St. 2393.

[5] Mezhdunarodnaya konvenciya o bor'be s bombovym terrorizmom. Prinyata v g. N'yu-Jorke 15 dekabrya 1997 g. Rezolyuciej 52/164 na 72-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 35. St. 3513.

[6] Al'zhanov A.S., Altybasarova M.A. Vozniknovenie ekstremizma v sovremennyh usloviyah i puti ego resheniya // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii. 2017. № 4 (56). S. 83-86.

[7] Vystropov V.G. Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij, svyazannyh s organizaciej deyatel'nosti ekstremistskoj organizacii // YUrist'-Pravoved". 2018. № 2 (85). S. 79-82.

[8] Vystropov V.G. Kriminalisticheskij analiz sub'ektov prestuplenij, svyazannyh s organizaciej ekstremistskoj deyatel'nosti // Ugolovnaya yusticiya. 2018. № 11. S. 210-213.

[9] Gedgafov M.M. O nekotoryh aspektah profilaktiki prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti organami vnutrennih del v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 3. S. 163-165.

[10] Damaskin O.V. Molodezhnyj ekstremizm: kriminologicheskie aspekty protivodejstviya // Voennoe pravo. 2020. № 2(60). S. 177-186.

[11] Gribunov O.P. Teoreticheskie osnovy i praktika realizacii kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2017. № 3-2. S. 14-21.

[12] Korkmazov A.V., Bozieva YU.G. Dominiruyushchie faktory, inspiriruyushchie rasprostranenie ideologii terrorizma v molodezhnoj srede: problemy i puti lokalizacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. Т. 14. № 3. S. 51-55.

[13] Kuchmезov R.A. Sinерgeticheskij effekt globalizacii i ego proyavlenie v radikalizacii molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. Т. 14. № 3. S. 60-63.

[14] Muhtarov D.D. Problemnye voprosy proizvodstva kriminalisticheskikh ekspertiz // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 9 (148). S. 318-319.

[15] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostranenyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. Т. 13. № 4. S. 117-120.

[16] Fakov A.M. Preventivnye mery preduprezhdeniya sovremennyh ekstremistskikh proyavlenij // V sbornike: Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya. Sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2 ch. Penza, 2020. S. 142-144.

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич,
кандидат экономических наук, полковник полиции
начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

ТАРЧОКОВА Мемунат Адиевна,
доцент кафедры технической механики и физики
Кабардино-Балкарский государственный
аграрный университет им. В.М. Кокова

Научная специальность: 12.00.02

О ФАКТОРАХ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Целью данного исследования было изучение влияния глобализационных процессов на формирование экстремистской среды. В результате анализа возможностей, которых достигли современные технологии на современном этапе и предопределили возникновение новых средств и методов коммуникации и развития мирового сообщества на основе единого социально-экономического пространства, нами было установлено, что главным продуктом глобализации выступило повышение угрозы насильственного насаждения идеологии экстремизма. В нашем исследовании мы постарались раскрыть движущие силы, обуславливающие расцвет экстремизма и рассмотрели причины столкновения либерального и социалистического идеалов глобализации, приведшие к широкому распространению экстремизма в мировом пространстве. Вместе с тем, результатом глобализации стала доступность и анонимность глобального информационного пространства, которой не преминули воспользоваться, как приверженцы экстремистских движений, так и потребители транслируемого экстремистского контента. Это обусловило рост материалов экстремистского содержания в глобальном пространстве и числа его потребителей, особенно среди молодежной аудитории. Наибольший пессимизм вызывает, что главной чертой современного экстремизма выступает вовлечение в данную идеологию преимущественно молодежной публики возрастной категории от 16 до 30 лет, которая демонстрирует готовность и желание совершить противоправные действия экстремистской направленности. А слабый контроль глобального пространства со стороны правоохранительных органов еще более усугубляет процессы распространения данного негативного явления.

Ключевые слова: глобализация, идеология экстремизма, современные технологии, насильственное насаждение.

TARCHOKOV Beslan Alekseevich,
Candidate of Economic Sciences, Colonel of Police
Head of the Department of Internal Affairs in Special Conditions,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TARCHOKOVA Memunat Adibovna,
Associate Professor of the Department of Technical Mechanics and Physics
Kabardino-Balkarian State Agrarian University. V.M. Kokova

ON THE FACTORS DETERMINING MODERN EXTREMISM IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Annotation. The aim of this study was to study the influence of globalization processes on the formation of an extremist environment. As a result of analyzing the possibilities that modern technol-

ogies have reached at the present stage and predetermined the emergence of new means and methods of communication and the development of the world community on the basis of a single socio-economic space, we found that the main product of globalization was the increase in the threat of forcible imposition of the ideology of extremism. In our study, we tried to reveal the driving forces behind the flourishing of extremism and examined the reasons for the collision of the liberal and socialist ideals of globalization, which led to the widespread spread of extremism in the world. At the same time, the result of globalization has become the availability and anonymity of the global information space, which both adherents of extremist movements and consumers of broadcast extremist content did not fail to take advantage of. This led to the growth of materials with extremist content in the global space and the number of its consumers, especially among the youth audience. The greatest pessimism is caused by the fact that the main feature of modern extremism is the involvement in this ideology mainly of the youth audience of the age group from 16 to 30 years old, which demonstrates the readiness and desire to commit illegal actions of an extremist orientation. And the weak control of the global space by law enforcement agencies further aggravates the spread of this negative phenomenon.

Key words: *globalization, ideology of extremism, modern technologies, violent planting.*

Постановка проблемы. В процессе формирования человеческого общества уже на ранних этапах пришло понимание выгоды обладания властью над людьми, что обусловило возникновение экстремизма. Нарушались моральные барьеры, традиции, общепринятые правила поведения, интересы других людей. Экстремистские идеи в руках жаждущих власти проявлялись в применении самых жестоких и крайних мер, включая насилие и физическое уничтожение людей. Сегодня в глобализирующемся мире данный феномен не потерял своей актуальности, более того он с каждым годом совершенствуется.

Вместе с тем, возможности, которых достигли современные технологии на современном этапе, предопределили возникновение новых форм коммуникации и развитие мирового сообщества на основе единого социально-экономического пространства, где главным продуктом глобализации выступило повышение угрозы насильственного насаждения идеологии экстремизма [3, 8].

Глобальное информационное пространство, выступая в роли основного канала насаждения экстремистских идей, выступает транслятором радикальных идеологий, призывающих к агрессивным формам поведения, общения и противостояния, что являет собой угрозу для конституционного строя и безопасности общества и государства.

Методология исследования. Положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и «Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025» года определяют «экстремизм в роли общественно опасного деяния, совершаемого из побуждений политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной неприязни, в результате которых происходит обострение межнациональных, межкон-

фессиональных и межрелигиозных конфликтов» [1, 2].

При определении целей экстремизма следует отметить его разрушительный характер, деструктивность, преследуемых им целей и антисоциальность [1].

Характеризуя современный этап развития общества, первое, что привлекает внимание, это развитие высоких технологий, которые проникнув во все сферы человеческой жизнедеятельности, создали благоприятные условия для производства, хранения и передачи большого массива информационного ресурса экстремистского содержания, наносящего непоправимый ущерб государственной и общественной безопасности [3, 4]. В глобальной сети экстремистские группировки активно занимаются насаждением своей идеологии и вербовкой в свои ряды новых членов, и что вызывает беспокойство – у пользователей глобального пространства данный факт не вызывает отторжения. При этом, доступность и анонимность глобального информационного пространства играет на руку, как приверженцам экстремистских движений, так и потребителям транслируемого экстремистского контента. В результате можно наблюдать неуклонный рост материалов экстремистского содержания в глобальном пространстве и числа потребителей этого материала.

Главной чертой современного экстремизма следует назвать вовлечение в данную идеологию преимущественно молодежной публики возрастной категории от 16 до 30 лет, которая демонстрирует готовность и желание совершить противоправные действия экстремистской направленности [9, 10]. Причиной тому является, прежде всего, возрастающая зависимость молодых людей от глобальной сети, и в частности социальных сетей, где пользователи создают свои группы и сообщества по интересам, мировоззрению и ценностным установкам. При этом, слабый контроль глобаль-

ного пространства со стороны правоохранительных органов еще более усугубляет процессы распространения экстремистских идеологий.

В свете изложенного становится очевидной необходимость совершенствования способов и методов борьбы с данным явлением.

Современные глобализационные процессы, происходящие в мире, обусловили целую систему перемен в мировоззрении людей, которые нашли выражение в толерантном отношении к экстремистским идеологиям, в том числе к их самому негативному проявлению – терроризму. Иными словами, глобализация сыграла роль ключевого фактора, детерминирующего экстремистскую среду. Так, глобально меняющаяся Картина Мира отобразилась на развитии общества многоаспектно, что проявилось, как в положительном, так и негативном аспекте [5, 11].

В числе главных достижений глобализации следует выделить динамичное развитие информационных систем, либерализацию пограничных режимов, а также упрощение трансграничного движения финансовых ресурсов, в то же время, как мы отмечали, присутствует и негативный аспект, который выразился в активном стремлении ряда государств распространить (большей частью насильственными методами) в мировом пространстве свои культурные и правовые ценности, которые вызвали у коренных жителей отторжение и стали источником активизации экстремистской деятельности. Данное обстоятельство обусловило распространение экстремизма за пределы национальных границ одного государства, что детерминировало его в проблему общемирового масштаба [3, 10].

Начиная со второй половины XX века глобализация проникла и стала неотъемлемой частью социально-экономического и политического пространства. Этот период войдет в мировую историю как период наибольшего расцвета экстремизма и повышением степени организованности экстремистской деятельности. Именно в этот период началось обострение политической обстановки по оси «Восток-Запад» и соперничество «двух глобальных общественных идеалов – либерального и социалистического (коммунистического), завершившегося победой первого над вторым» [12]. Каждый из этих режимов стремился к продвижению своих идеалов в мировое пространство, достижению универсализма и стиранию национально-культурных особенностей. В результате изменились законы мировой экономики, которые продемонстрировали свое влияние в одностороннем порядке, когда богатые страны и транснациональные корпорации пришли к еще большему наращиванию своих финансовых и материальных ресурсов, а бедные к еще большему разорению.

Такое положение, конечно, не могло устраивать восточную периферию и в результате повсеместно начали происходить социально-политические потрясения, которые и стали основой распространения экстремистских идей. В результате мир раскололся по конфессиональному признаку: христианство-ислам [5, 7, 10].

Что касается нашей страны, социалистическая глобализация здесь началась еще в 1920-х гг. и продолжалась более полувека. Ее лозунгом провозглашался своеобразный план спасения. В свою очередь, либеральная глобализация, имеющая англосаксонские корни, продемонстрировала наибольшую жизнеспособность.

Большую роль в реализации, как либерального, так и социалистического идеалов, сыграли созданные в свое время международные организации-институты – Лига Наций, ООН, ЮНЕСКО, ежегодный мировой экономический форум в Давосе, Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Результатом столкновения указанных режимов стало жесткое геополитическое противостояние, повлекшее широкое распространение экстремизма и терроризма в мировое пространство и которые в руках Соединенных Штатов стали орудием давления на геополитических противников.

Таким образом, англосаксонская модель продемонстрировала большую гибкость на международной арене и неразборчивость в средствах при ослаблении геополитических противников. В последующем экстремизм после окончания Холодной войны стали инструментом объединения Запада и всего остального «цивилизованного» мира.

С течением времени под лозунгами глобализации на широкую публику стали активно навязывать идеологию политкорректности, построенной изначально на образе врага, в роли которого выступили «группы террористов, фашистов, сексистов, гомофобов, ксенофобов и прочих представителей разного рода мракобесия, а также некоторые государства, обычно не во всем склонные следовать навязываемым правилам глобальной экономической и политической игры» [11, 12]. Подобные государства наделили статусом «приверженцев экстремистских идеологий» и таким образом, в свое время были уничтожены режимы Саддама Хусейна в Ираке и Муаммара Каддафи в Ливии. Также в их отношении были приняты экономические санкции, осуществлена информационно-идеологическая дискредитация, на основе которой внутренняя оппозиция получила поддержку и военное вмешательство. Все это сопровождалось предлогом установления демократического режима. В результате Ближний Восток, признанный врагом демократий выступил

главным актором в деле сплочения всего «цивилизованного мира» и укрепления военно-политического авторитета Соединенных Штатов. Отсюда, вполне обоснованно выглядит политика Штатов, направленная на преследование экстремистов в любой точке планеты вне зависимости от того, будет ли нарушен суверенитет того или иного государства [8].

Таким образом, глобализация выступила благоприятной средой для продвижения идей экстремизма и в ход пошли все возможные пути и инструменты для достижения целей экстремизма. Особенно возможности глобальной сети позволили принять на себя роль основного канала массовой информации. Представители экстремистских движений в глобальном пространстве имеют неограниченные возможности для трансляции и насаждения радикальных идеологии. Используя тактику «ожидания» и выжидая наступление кризиса в какой-либо географической точке, экстремисты используют сеть для продвижения своих идеи и вербовки в свои ряды неопитов. И, как мы уже обращали внимание, особой группой риска информационного воздействия является молодежная аудитория, работа с которой должна стать приоритетной задачей политики государства [6, 10].

Сегодня в виртуальном пространстве масштабы, до которых разрослись экстремистские движения, вызывают тревогу у правоохранительных структур практически всех государств. Они не совершаются в рамках границ одного государства, проявляются в общемировом пространстве, требуют значительных усилий и серьезных мер противодействия. Для достижения весомых результатов необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование глобального информационного пространства на законодательном уровне невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права [3, 10].

Выводы. В заключении отметим, что результатом глобализации и развития высоких технологий стала доступность и анонимность глобального информационного пространства, которой не преминули воспользоваться, как приверженцы экстремистских движений, так и потребители транслируемого экстремистского контента. Это обусловило рост материалов экстремистского содержания в глобальном пространстве и числа его потребителей. Вместе с тем, глобализационные процессы обострили экономическое, политическое и социальное противостояние по оси «Восток-Запад», сыграв роль ключевого фактора, детерминирующего экстремистскую среду и соперничество двух глобальных общественных

идеалов – либерального и социалистического (коммунистического). В конечном итоге, динамика и концепты глобализации, усилив мировое неравенство, спровоцировали рост международной преступности и нарастание социальной напряженности в отсталых странах, а ее достижениями и плодами смогла воспользоваться лишь небольшая группа высокоразвитых государств.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 30.04.2021 г.).

[2] Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kodeks.ru/news/read/strategiya-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossii-na-period-do-2025-godapovue-polojeniya> (дата обращения 30.04.2021 г.).

[3] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[4] Гедгафов М.М. О некоторых аспектах профилактики преступлений экстремистской направленности органами внутренних дел в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 163-165.

[5] Душина Т.В., Семкина Е.Н. Особенности проявления идеологии и практики экстремизма и терроризма в современной российской глобализирующейся действительности // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 10(75). С. 12-15.

[6] Журтов А.Б., Ордоков М.Х. Экстремизм: понятие, социально-экономические, политические и исторические причины явления, тенденции его развития // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). С. 398-399.

[7] Малахова С.И. Экстремизм как порождение глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 223-233.

[8] Наминов Г.В. Распространение экстремистской идеологии среди молодежи посредством интернета. Экстремизм в молодежной среде // В сборнике: Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие. Сборник научных трудов по материалам XX Международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 258-264.

[9] Павлинова Е.Ю. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Закон и власть. 2019. № 2. С. 50-53.

[10] Семедов С.А. Современный международный терроризм как главная угроза миропо-

рядку // В книге: Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы. Коллективная монография. Москва, 2016. С. 102-127.

[11] Тарчоков Б.А. Международный терроризм как форма реакции на завышенную динамику глобализации общества // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 145-148.

[12] Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // В сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115-117.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.07.2002 № 114-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (data obrashcheniya 30.04.2021 g.).

[2] Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666 «Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda» [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://kodeks.ru/news/read/strategiya-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossii-na-period-do-2025-goda-novye-polojeniya> (data obrashcheniya 30.04.2021 g.).

[3] Al'zhanov A.S., Altybasarova M.A. Vozniknovenie ekstremizma v sovremennyh usloviyah i puti ego resheniya // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii. 2017. № 4 (56). S. 83-86.

[4] Gedgafov M.M. O nekotoryh aspektah profilaktiki prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti organami vnutrennih del v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. № 3. S. 163-165.

[5] Dushina T.V., Semkina E.N. Osobennosti proyavleniya ideologii i praktiki ekstremizma i terrorizma v sovremennoj rossijskoj globaliziruyushchejsya dejstvitel'nosti // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 10(75). S. 12-15.

[6] ZHurtov A.B., Ordokov M.H. Ekstremizm: ponyatie, social'no-ekonomicheskie, politicheskie i istoricheskie prichiny yavleniya, tendencii ego razvitiya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 4(143). S. 398-399.

[7] Malahova S.I. Ekstremizm kak porozhdenie globalizacii // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 6. S. 223-233.

[8] Naminov G.V. Rasprostranenie ekstremistkoj ideologii sredi molodyozhi posredstvom interneta. Ekstremizm v molodezhnoj srede // V sbornike: Ekstremal'nye situacii, konflikty, social'noe soglasie. Sbornik nauchnyh trudov po materialam XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, 2020. S. 258-264.

[9] Pavlinova E.YU. Problemy protivodejstviya ekstremizmu v seti internet // Zakon i vlast'. 2019. № 2. S. 50-53.

[10] Semedov S.A. Sovremennyy mezhdunarodnyj terrorism kak glavnaya ugroza miroporyadku // V knige: Geopoliticheskie ugrozy i ukreplenie gosudarstva kak otvet na global'nye vyzovy. Kollektivnaya monografiya. Moskva, 2016. S. 102-127.

[11] Tarchokov B.A. Mezhdunarodnyj terrorism kak forma reakcii na zavysheennyu dinamiku globalizacii obshchestva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 5. S. 145-148.

[12] Fakov A.M. Global'noe informacionnoe prostranstvo kak faktor nasil'stvennogo rasprostraneniya ekstremizma // V sbornike: Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodezhi. Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 115-117.

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «**JURCOMPANI**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ХАЖИРОКОВ Валерий Ахмедович,
кандидат юридических наук, майор полиции
начальник кафедры физической подготовки
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К СИЛОВОМУ ЗАДЕРЖАНИЮ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Аннотация. Известно, что в процессе практической деятельности сотрудники полиции сталкиваются с правонарушителями, совершающими действия противоправного характера. Отсюда, они довольно часто сталкиваются с необходимостью применения силового задержания, что влечет за собой использование физической силы в адрес правонарушителя, уклоняющегося от ответственности или оказывающего силовое сопротивление задержанию. Таким образом, целью данного исследования явилось изучение правовых аспектов формирования профессиональной готовности сотрудников полиции к выполнению силового задержания правонарушителей. Вместе с тем, нами рассмотрены компоненты, составляющие профессиональную готовность сотрудников полиции к применению силового задержания в адрес правонарушителя и установлено, что правильное и правомерное использование физической силы и принудительных мер выступают ключевыми концептами административного принуждения. Как известно меры административного принуждения, применяемые сотрудниками полиции, направлены на защиту интересов личности, государства и общества от противоправных посягательств со стороны антиобщественных элементов, а также на обеспечение и поддержание общественной безопасности граждан и самого сотрудника. Таким образом, профессиональная компетентность сотрудника полиции включает в себя такие компоненты, как результат образованности сотрудника, опыт практической деятельности и высокий уровень физической подготовленности на момент выполнения задачи. При этом достижение надлежащего уровня профессионализма обусловлено сохранением здоровья и жизни сотрудника полиции, чтобы иметь возможность применить к правонарушителю, совершившему административное правонарушение, меры силового воздействия. И главная задача, стоящая перед сотрудниками полиции при применении мер силового воздействия, состоит в адекватной оценке опасности и характере действий правонарушителя.

Ключевые слова: сотрудник полиции, пресечение, общественный порядок, физическая сила, силовое задержание, правонарушитель, профессиональная готовность.

KHAZHIROKOV Valery Akhiedovich,
PhD in Law, Police Major
head of the department of physical training
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL ASPECTS OF FORMING THE PROFESSIONAL READINESS OF POLICE EMPLOYEES TO FORCE DETENTION OF THE OFFENDER

Annotation. It is known that in the process of practical activity, police officers are faced with offenders who commit illegal actions. Hence, they are quite often faced with the need to use forceful detention, which entails the use of physical force against the offender, who evades responsibility or resists the detention by force. Thus, the purpose of this study was to study the legal aspects of the formation of the professional readiness of police officers to carry out the forceful arrest of offenders. At the same time, we examined the components that make up the professional readiness of police

officers to use forceful detention against the offender and found that the correct and lawful use of physical force and coercive measures are key concepts of administrative coercion. As you know, the measures of administrative coercion used by police officers are aimed at protecting the interests of the individual, the state and society from unlawful encroachments by antisocial elements, as well as ensuring and maintaining public safety of citizens and the employee himself. Thus, the professional competence of a police officer includes such components as the result of the employee's education, practical experience and a high level of physical fitness at the time of the task. At the same time, the achievement of an appropriate level of professionalism is due to the preservation of the health and life of a police officer in order to be able to apply forceful measures to an offender who has committed an administrative offense. And the main task facing police officers in the application of forceful measures is to adequately assess the danger and nature of the offender's actions.

Key words: *police officer, restraint, public order, physical force, forceful arrest, offender, professional readiness.*

Постановка проблемы. Стремительная и динамичная глобализация современного мира обусловила развитие инновационных технологий, всех видов человеческой жизнедеятельности и самого человека в том числе. Соответственно, не стоит на месте и преступность, которая также имеет тенденцию к совершенствованию способов и средств совершения противоправных деяний. Реалии сегодняшнего дня отчетливо свидетельствуют о том, что в нашей стране сложилась довольно нестабильная криминогенная обстановка. Особую значимость данная проблема приобретает в свете трансформирующейся преступности и криминала, который имея в арсенале практически все современные технические средства, не гнушается применять в противостоянии с сотрудниками холодное и огнестрельное оружие. В свете изложенного обуславливается необходимость постоянного повышения требований со стороны Министерства внутренних дел РФ к физической подготовке сотрудников полиции, в частности к формированию у них готовности к силовому задержанию правонарушителя.

Криминалитет всегда должен помнить, что «любое правовое государство обладает широким спектром правовых средств, обеспечивающих защиту собственных и общественных интересов и общественного порядка, значительная роль которых отводится мерам административного пресечения, применяемым сотрудниками полиции» [1]. Обращаясь к юридической терминологии, разберемся в понятиях «пресечение» и «общественный порядок».

Пресечение исходит из прекращения противоправных действий насильственными методами, то есть подавления и устранения угрозы их совершения при строгом соблюдении принципа защиты законных интересов законопослушных граждан, лиц, совершивших антиобщественный поступок, и государства. В этом аспекте необходимо максимально тщательно проанализировать характер, масштаб и интенсивность применяемых мер, которые должны отличаться, прежде всего, своей

достаточностью. Таким образом, насильственные преступления находятся в зоне наибольшей опасности.

Общественный порядок можно квалифицировать в качестве сложившейся в обществе устойчивой системы отношений между людьми, основными концептами которой выступают правила поведения, правила общежития, соблюдение обычаев и традиций, нравственные устои, не противоречащие законодательным нормам. В результате общественный порядок можно представить совокупностью взаимопересекающихся и взаимообуславливающих норм права, норм морали, норм неправовых обычаев, традиций ритуалов, норм общественных организаций [5].

Методология исследования. Как известно, законодательством на плечи сотрудников полиции возложены «обязанности по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности, жизни и здоровья граждан и общества в целом» [1], что зачастую влечет за собой необходимость применения силового задержания в отношении правонарушителей, совершающих подобные деяния. Правильное и правомерное применение насильственного воздействия на правонарушителей составляет одну из существенных мер административного принуждения, которую сотрудники полиции применяют для защиты интересов личности, государства и общества от противоправных посягательств со стороны антиобщественных элементов, а также для обеспечения и поддержания общественной безопасности, как граждан, так и самого сотрудника [3, 4].

Вопросы применения физической силы сотрудниками полиции не теряют своей актуальности, ввиду того что может повлечь за собой ущемление прав граждан. И действия сотрудников должны носить обоснованный и законный характер. В каждом случае необоснованного осуществления силового задержания находит отражение в подрыве доверия к правоохранительным органам со стороны гражданского населения. Таким образом, при выполнении своих професси-

ональных обязанностей сотрудники полиции должны демонстрировать высокий уровень служебно-этических качеств и строгое соблюдение принципов правового государства.

Профессиональная компетентность сотрудника полиции включает в себя такие компоненты, как результат образованности сотрудника, опыт практической деятельности и высокий уровень физической подготовленности на момент выполнения задачи. На повышение уровня профессиональной компетентности оказывают влияние длительное обучение и непрерывная служебная деятельность [1]. При этом достижение надлежащего уровня профессионализма обусловлено сохранением здоровья и жизни сотрудника полиции, чтобы иметь возможность применить к правонарушителю, совершившему административное правонарушение, меры силового воздействия. И главная задача, стоящая перед сотрудниками полиции при применении мер силового воздействия, состоит в адекватной оценке опасности и характере действий правонарушителя.

Для правомерного применения насильственных мер сотрудники полиции должны действовать в соответствии с заранее разработанными алгоритмами действий в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, чтобы минимизировать ошибки, которые могут привести к негативным последствиям, как для правонарушителя, так и для граждан, а вместе с тем и самого сотрудника.

Случаями, в которых «сотрудник полиции наделяется правом применить силовое задержание, являются:

- пресечение преступлений и административных правонарушений;
- доставка в ближайшее территориальное отделение полиции лиц, совершивших административное правонарушение;
- преодоление противодействия правонарушителя, который отказывается соблюдать законные требования сотрудника;
- отражение нападения на гражданина или сотрудника;
- задержания лица на месте преступления;
- задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление;
- освобождения заложников, зданий, транспортных средств и т.п.;
- защиты объектов, находящихся под охраной;
- блокирования движения лиц, совершающих антиобщественные деяния» [1].

В указанных случаях важная роль отводится достижению сотрудниками полиции высокого уровня профессиональной компетентности в разрезе физической подготовленности, которая обеспечивает их готовностью осуществлять задержание

лиц совершивших преступления и административные правонарушения и способностью сохранить жизнь и здоровье, как мирных граждан, так и самих сотрудников [2, 7]. Так, актуализируется вопрос о необходимости формирования силовой выносливости у сотрудников полиции.

Формирование силовой выносливости в целях обеспечения готовности к силовому задержанию правонарушителя осуществляется на занятиях по профессионально-прикладной физической подготовке, которые организуются в подразделениях в соответствии с Приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [2]. Данный документ регламентирует порядок организации, цели и задачи физической подготовки в подразделениях ОВД: «занятия формируют определенные знания, умения, практический опыт и навыки, которые будут применяться сотрудниками ОВД при решении оперативно-служебных задач, связанных с применением физической силы при пресечении противоправных деяний и задержании лиц, которые их совершают» [2].

Известно, что основными требованиями к готовности сотрудников полиции к силовому задержанию выступают наличие целеустремленности, организованности, высокого уровня мастерства и способности творчески подходить к решению оперативных и служебных задач.

Готовность к силовому задержанию правонарушителя состоит в правомерном применении физической силы и сотрудник полиции должны действовать в соответствии с заранее разработанными алгоритмами действий в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, чтобы минимизировать ошибки, которые могут привести к негативным последствиям, как для правонарушителя, так и для граждан, а вместе с тем и самого сотрудника.

В процессе учебно-тренировочных занятий по профессионально-прикладной физической подготовке сотрудники полиции совершенствуют свои силовые способности в целях формирования готовности к силовому задержанию для успешного преодоления сопротивления, оказываемого злоумышленником при задержании и непосредственно для самого задержания правонарушителя. Отсюда, можно заключить, что именно силовые качества (силовая выносливость) являются одним из главных компонентов физических способностей сотрудников полиции, которые необходимо постоянно совершенствовать [4, 5, 10].

Относительно готовности к силовому задержанию, следует отметить, что ее можно квалифи-

цировать в качестве результата согласованной работы центральной нервной системы и поверхностных отделов двигательного аппарата, в том числе скелетно-мышечной структуры. При этом, чтобы совершенствовать силовых возможности, необходимо выполнять тренировку на пределе мышечных напряжений или в зонах близких к проявлению максимальных мышечных усилий [3, 6].

С точки зрения выполняемой сотрудниками полиции служебной деятельности и важности силовой подготовки, значимость приобретает формирование скоростных и силовых качеств, что обуславливает целесообразность построения тренировочного процесса таким образом, чтобы обеспечивалась большое разнообразие скоростно-силовых упражнений, которые обеспечат действительное выполнение профессиональных задач.

Как мы выше указывали развитию такого профессионально значимого качества как силовая выносливость, выразителем которой выступает способность длительное время преодолевать препятствия, в подразделениях ОВД придается особое значение. В процессе физической подготовки сотрудников полиции для развития силовой выносливости традиционно используются метод максимальных повторений и метод повторных усилий, которые положены в основу метода круговой тренировки, популярность которой растет с каждым днем, так как выступает наиболее оптимальным способом развития силовой выносливости [9, 12]. В целом же суть всех круговых тренировок силовой направленности заключается в том, чтобы в одном упражнении было задействовано как можно больше групп мышц, тем самым увеличивая эффективность упражнений [8, 14]. Эталонным считается, когда один тренировочный цикл состоит не менее чем из 5-7 элементов, а именно простых по техническому аспекту упражнений, дающих хороший эффект в круговом тренинге. Указанный эффект достигается за счет простоты и увеличения числа повторений, которое становится возможным в результате того, что занимающиеся обладают твердыми знаниями техники выполнения упражнения и на ней уже не заклиниваются [10, 11, 13].

Основным мотивом применения метода круговой силовой тренировки сотрудниками ОВД выступает ее направленность на эффективное развитие двигательных качеств. При этом развитие силовых качеств выступает в тесной взаимосвязи с планом тренировок, в структуру которого вводятся упражнения, нацеленные на достижение максимального эффекта для мышечных групп и жиросжигания, т.е. способствующие правильному сбросу жировой массы и увеличению мышечной. При этом, обязательным условием выполнения

данного комплекса является предварительное изучение этих упражнений занимающимися [14].

Заключение. Обобщая изложенное, отметим, что процесс формирования профессиональной готовности у сотрудников полиции к силовому задержанию правонарушителя ориентирован на овладение ими наиболее рациональной системой движений. При этом, в целях обеспечения законности в процессе применения мер физического воздействия следует принимать во внимание степень опасности для жизни и здоровья лиц, в отношении которых эти меры применяются.

Таким образом, все изложенное свидетельствует о том, что в условиях возрастающих требований к профессионально-прикладной подготовке сотрудников полиции, требуется ее постоянное совершенствование в целях совершенствования у них готовности к выполнению силового задержания в адрес правонарушителя. При этом, сотрудники должны всегда помнить, что готовность к силовому задержанию правонарушителя состоит в правомерном применении физической силы и свои действия им необходимо осуществлять в соответствии с заранее разработанными алгоритмами, адекватных сложившейся чрезвычайной или экстремальной ситуации, чтобы минимизировать ошибки, которые могут привести к негативным последствиям, как для правонарушителя, так и для граждан, а вместе с тем и самого сотрудника. И главная задача, стоящая перед сотрудниками полиции при применении мер силового воздействия, состоит в адекватной оценке опасности и характере действий правонарушителя, так как структуру их профессиональной компетентности составляют результат образованности и опыт практической деятельности и высокий уровень физической подготовленности на момент выполнения задачи. Для повышения уровня профессиональной компетентности сотрудники полиции находятся постоянно в процессе обучения и непрерывной служебной деятельности. При этом достижение надлежащего уровня профессионализма обусловлено сохранением здоровья и жизни сотрудника полиции, чтобы иметь возможность применить к правонарушителю, совершившему административное правонарушение, меры силового воздействия.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения 26.04.2021).

[2] Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный

ресурс] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71647620/> (дата обращения 07.04.2021).

[3] Архипов Д.В. Применение физической силы сотрудниками полиции при пресечении административного правонарушения // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 5. С. 133-138.

[4] Басистов Д.Г., Ишбулатова А.Р. Правомерное применение физической силы сотрудниками полиции // В сборнике: Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сборник статей. Редколлегия: С.Н. Баркалов [и др.]. Орёл, 2017. С. 52-55.

[5] Дадов А.В. Эффективность обучения сотрудников полиции применению физического воздействия // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 210-212.

[6] Дадов А.В. Эффективность обучения сотрудников полиции применению физического воздействия // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 210-212.

[7] Костюк А.В. Правовые аспекты применения физической силы сотрудниками полиции // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 4. С. 292-295.

[8] Матюшинец П.Г., Кутимский А.М. К вопросу правомерности применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками ОВД // В сборнике: Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Материалы двадцать первой всероссийской научно-методической конференции. 2016. С. 287-289.

[9] Мешев И.Х. Методика подбора упражнений для развития силовой выносливости в практике физической подготовки сотрудников ОВД // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 1. С. 93-95.

[10] Прилепин Е.П. Применение физической силы сотрудниками полиции при выполнении служебных обязанностей // Образование и наука в современных условиях. 2016. №1(6). С. 414-418.

[11] Сокуренок В.С. Использование метода круговой тренировки для совершенствования силовой выносливости сотрудников органов внутренних дел // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № Т20. С. 3666-3670.

[12] Струганов С. М., Гальцев С. А., Гаврилов Д. А. Физические качества как основополагающие показатели формирования профессионально-прикладных умений и навыков курсантов образовательных организаций системы МВД России и сотрудников силовых ведомств // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 2. С. 203-206.

[13] Черкесов Р.М. Использование метода круговой тренировки для развития силовой выносливости и ее роль в общем функциональном состоянии слушателей образовательных организаций МВД России // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 196-199.

[14] Ярославский М.А. Цели и средства функциональной тренировки // В сборнике: Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 299-304.

Spisok literatury:

[1. Federal'nyj zakon «O policii» ot 07.02.2011 № 3-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa <https://base.garant.ru/12182530/> (data obrashcheniya 26.04.2021).

[2] Prikaz MVD Rossii ot 1 iyulya 2017 g. № 450 «Ob utverzhdenii Nastavleniya po organizacii fizicheskoy podgotovki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71647620/> (data obrashcheniya 07.04.2021).

[3] Arhipov D.V. Primenenie fizicheskoy sily sotrudnikami policii pri presechenii administrativnogo pravonarusheniya // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2017. № 5. S. 133-138.

[4] Basistov D.G., Ishbulatova A.R. Pravomernoe primenenie fizicheskoy sily sotrudnikami policii // V sbornike: Sovershenstvovanie fizicheskoy podgotovki sotrudnikov pravooxranitel'nyh organov. Sbornik statej. Redkollegiya: S.N. Barkalov [i dr.]. Oryol, 2017. S. 52-55.

[5] Dadov A.V. Effektivnost' obucheniya sotrudnikov policii primeneniyu fizicheskogo vozdejstviya // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2020. № 2. S. 210-212.

[6] Dadov A.V. Effektivnost' obucheniya sotrudnikov policii primeneniyu fizicheskogo vozdejstviya // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2020. № 2. S. 210-212.

[7] Kostyuk A.V. Pravovye aspekty primeneniya fizicheskoy sily sotrudnikami policii // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2020. Т. 16. № 4. S. 292-295.

[8] Matyushinec P.G., Kutimskij A.M. K voprosu pravomernosti primeneniya fizicheskoy sily i boevyh priemov bor'by sotrudnikami OVD // V sbornike: Podgotovka kadrov dlya silovyh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii. Materialy dvadcat' pervoj vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. 2016. S. 287-289.

[9] Meshev I.H. Metodika podbora upravlenij dlya razvitiya silovoj vynoslivosti v praktike fizicheskoy

podgotovki sotrudnikov OVD // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 1. № 1. S. 93-95.

[10] Prilepin E.P. Primenenie fizicheskoy sily sotrudnikami policii pri vypolnenii sluzhebnyh obyazannostej // Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyah. 2016. №1(6). S. 414-418.

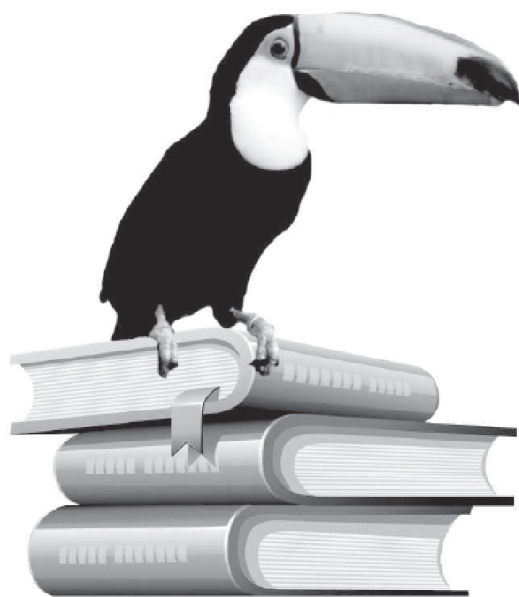
[11] Sokurenko V.S. Ispol'zovanie metoda krugovoy trenirovki dlya sovershenstvovaniya silovoy vynoslivosti sotrudnikov organov vnutrennih del // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept. 2014. № T20. S. 3666-3670.

[12] Struganov S. M., Gal'cev S. A., Gavrilov D. A. Fizicheskie kachestva kak osnovopolagayushchie pokazateli formirovaniya professional'no-prikladnykh

umenij i navykov kursantov obrazovatel'nykh organizacij sistemy MVD Rossii i sotrudnikov silovykh vedomstv // Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2015. № 2. S. 203-206.

[13] СHerkesov R.M. Ispol'zovanie metoda krugovoy trenirovki dlya razvitiya silovoy vynoslivosti i ee rol' v obshchem funktsional'nom sostoyanii slushatelej obrazovatel'nykh organizacij MVD Rossii // Problemy v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 196-199.

[14] YAroslavskij M.A. Celi i sredstva funktsional'noj trenirovki // V sbornike: Fizicheskoe vospitanie i sport: aktual'nye voprosy teorii i praktiki sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2018. S. 299-304.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ХАМУРЗОВ Азамат Тoleвич
преподаватель кафедры огневой подготовки,
майор полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru, 8-928-691-95-41

ГАЗДИЕВА Елизавета Хасбулатовна
студентка 3 курса Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,
e-mail: gazd@yandex.ru, 8-928-691-95-41

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам международного сотрудничества в правоохранительной сфере по проблемам противодействия экстремизму и терроризму. Для достижения результатов в решении данной проблемы необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права. В нашем исследовании мы установили, что экстремизм и терроризм стали прямыми продуктами глобализации и являются неизбежным спутником всякого развитого государства. На современном этапе человечество вступило в новую эпоху – эпоху глобализации и информатизации и люди стали все чаще подвергаться насильственному насаждению идеологии экстремизма и терроризма. Целями деятельности экстремистко-террористических организаций в глобальном пространстве выступили популяризация своих идей и действий, создание атмосферы страха и запугивание людей, дезинформация вербовка новых членов в свои ряды. Также мы проанализировали концепты и источники формирования экстремистской среды и терроризма в условиях глобализации. Различия в мировоззрениях и ценностях людей становятся камнем преткновения и выступают благоприятной почвой для продвижения экстремистских и террористических идей. Последствием указанных преобразований в мировом сообществе стала политическая нестабильность, повлекшая за собой разрастание экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: противодействие, экстремизм, терроризм, глобализация, международное сотрудничество.

KHAMURZOV Azamat Tolevich
Lecturer of the Department of Fire Training, Police Major
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GAZDIEVA Elizaveta Khasbulatovna
3rd year student of the Faculty of Law
FSBEI HE "Ingush State University"

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

Annotation. The article is devoted to the issues of international cooperation in the law enforcement sphere on the problems of countering extremism and terrorism. To achieve results in solving this problem, it is necessary to combine the efforts of the leading states of the world, because effective regulation is impossible in a single country, from which it follows that law-making activities should be carried out within the framework of international law. In our research, we have established that extremism and terrorism have become direct products of globalization and are an inevitable

companion of any developed state. At the present stage, humanity has entered a new era - the era of globalization and informatization, and people have become increasingly exposed to the forcible imposition of the ideology of extremism and terrorism. The goals of the activities of extremist-terrorist organizations in the global space were to popularize their ideas and actions, create an atmosphere of fear and intimidate people, misinformation and recruitment of new members into their ranks. We also analyzed the concepts and sources of the formation of an extremist environment and terrorism in the context of globalization. Differences in the worldview and values of people become a stumbling block and serve as a fertile ground for the promotion of extremist and terrorist ideas. The consequence of these transformations in the world community was political instability, which entailed the growth of extremism and terrorism.

Key words: counteraction, extremism, terrorism, globalization, international cooperation.

Постановка проблемы. Проблемы экстремизма и терроризма не теряют своей актуальности в последние несколько десятилетий. Ее масштабы распространились на все мировое сообщество, чему способствовала произошедшая глобализация, затронувшая все сферы человеческой жизнедеятельности. Глобализация объединяет все страны, и современный мир претерпевает значительные изменения, особенно касающиеся политической сферы. Процесс глобализации в одних странах происходит с большей скоростью, в других с отставанием. Вместе с тем, если в одном случае она порождает сходства между государствами, то в других лишь усугубляет различия, в результате которых разжигаются конфликты на национально-этнической и религиозной почве. Различия в мировоззрениях и ценностях людей становятся камнем преткновения и выступают благоприятной почвой для продвижения экстремистских и террористических идей. Таким образом, возникновение экстремизма и терроризма обусловились процессами глобализации общества, явив миру одну из самых значимых проблем современности. Причем в самые короткие сроки, данные явления приняли статус международного, поставив своей целью распространение угрозы выживания человечества. Отсюда, следует понимать, что в числе наиболее значимых объектов, подвергаемых экстремистско-террористическим атакам, входит личная и общественная безопасность [1]. При этом, агрессивные проявления, направленные в сторону запугивания, как отдельных личностей, так и целых народов, происходит посредством игнорирования демократических принципов [2], устоявшихся в правовом обществе и государстве.

Обоснование. Глобальное медиапространство привлекает экстремистско-террористические группировки своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей. Отсюда, можно наблюдать неуклонный рост материалов экстремистского содержания и террористической направленности в медиапро-

странстве, также стремительно растет число пользователей этого пространства. Глобальная сеть является сегодня благодатной почвой для насаждения идеологии терроризма и экстремизма. Преступления экстремистско-террористической направленности в количественном аспекте стоят на втором месте после экономических преступлений в сети [11]. Сегодня практически любой человек, имеющий персональный компьютер, ноутбук или любой электронный гаджет с выходом в Интернет может беспрепятственно пополнить ряды экстремистских и террористических организаций.

Наряду с указанным глобализация ознаменовала слияния информационных и коммуникационных технологий, посредством которых оптимизировались процессы обработки, накопления и передачи информации. Данные технологии явились движущей силой для политических, экономических, социальных и культурных преобразований в обществе и обусловили интенсификацию социальных отношений, основной целью которых явилось установление конструктивного взаимодействия между странами и народностями. Однако данный процесс ушел немного в другое русло, где глобализация, явившись, как реальной, так и потенциальной угрозой противоправной деятельности в информационном пространстве явила миру еще один побочный эффект – появление такого феномена, как экстремизм и терроризм, борьба с которыми стала приоритетом номер один в мире [3]. Сюда же наслоиился и мировой кризис, который обусловился социально-экономическими, политическими, экономическими, демографическими, экологическими и гуманитарными проблемами. Под угрозой оказалось существование жизни вида *Homo sapiens* на планете в целом. Современный человек достиг предельно допустимых значений дисбаланса с окружающей средой, игнорируя морально-этические нормы и ценности [2, 4].

Таким образом, глобальная сеть, которая создавалась в целях улучшения жизнедеятельности людей, в контексте расширения международной коммуникации, обеспечения комфорта при

достижении мирового согласия и взаимопонимания между пользователями, стала также объектом корысти и противозаконных действий. Этой проблемой стали озадачены правоохранные структуры большинства государств. В результате ее обсуждение было вынесено на международный уровень и в декабре 2019 года Генеральная Ассамблея ООН впервые одобрила идею разработки международной конвенции о противодействии использованию всемирной компьютерной сети в преступных целях. Этот документ предположительно должен был способствовать координации действий государств в данной сфере [5, 12].

В ответ Российская Федерация отметила, что указанная проблема давно носит глобальный характер и затрагивает все страны без исключения. Сегодня мир не обладает универсальным инструментом решения этого вопроса. На международном уровне ситуация осложнена отсутствием единой терминологической базы и всеобъемлющего международно-правового регулирования. Вместе с тем, было заявлено, что предложение ряда стран в качестве возможного решения Конвенцию Совета Европы о киберпреступности невозможно принять, ввиду ее недостаточности. И что еще делает ее неприемлемой – допущение возможности нарушения принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

Наше государство поощряет разработку универсальных принципов и норм, обеспечивающих заинтересованные стороны для эффективного международного сотрудничества в борьбе с криминализацией всемирной информационно-коммуникационной сети.

Отсюда, напрашивается вывод, что любые инновации в интернет пространстве создают предпосылки для расширения сферы ее криминализации. Возникли сложности и у представителей правоохранных структур в расследовании таких дел, так как высокая анонимность глобального пространства позволяет виртуальному преступнику не оставлять следов преступления, в результате чего его обнаружение и нейтрализация практически невозможны [6, 7, 11].

Важно также отметить относительную ненаказуемость и высокий уровень латентности данного вида преступлений, которые только повышают их привлекательность как вид деятельности.

Осуществляя противодействие экстремизму и терроризму правоохранители в своей деятельности используют стереотипные методы и приемы, не учитывающие особенностей новых видов преступлений. Также сбивающим фактором выступает отсутствие наработанных методик противодействия криминализации глобальной сети и

несовершенство нормативно-правового регулирования. А исследуя масштабы, до которых разросся экстремизм и терроризм в глобальном пространстве, вполне объяснима тревога правоохранных структур практически всех государств. Для достижения результатов в вопросах противодействия данному феномену необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование данного феномена на законодательном уровне в условиях глобализованного информационного пространства невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права [3, 10]. В этом направлении на сегодняшний день удалось реализовать ряд мероприятий. Так, генеральная Ассамблея ООН:

- 5 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», состоящей из правил, норм и принципов ответственного поведения государств в виртуальном пространстве;

- 17 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/187 «Противодействие использованию ИКТ в преступных целях», в которой содержится план запуска открытого политического дискурса по противодействию киберпреступности, с целью выработки конкретных практических решений в условиях отсутствия действенных международно-правовых инструментов противодействия данному явлению [5, 8].

Заключение. На законодательном уровне в Российской Федерации следует последовательно и динамично развивать накопленный зарубежными правоохранителями практический опыт, а именно:

- совершенствовать современную систему идентификации пользователей информационного контента, не подлежащего разглашению;

- консолидировать правовые нормы, отвечающие национальным интересам России и регулирующие деятельность пользователей в глобальном пространстве [1, 6].

Список литературы:

[1] Абазов А.Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 270-272.

[2] Альжанов А.С., Алтыбасарова М.А. Возникновение экстремизма в современных условиях и пути его решения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2017. № 4 (56). С. 83-86.

[3] Ганюшкина Е.Б. Механизмы межправительственного сотрудничества по борьбе с терро-

ризмом // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 80-84.

[5] Долматов А.В., Долматова Л.А. Проблемы и правовые средства противодействия деструктивным информационным воздействиям в сети интернет // В сборнике: Менеджмент XXI века: социально-экономическая трансформация в условиях неопределенности. Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2020. С. 312-322.

[6] Ерохин Д.В. Международно-правовые основы противодействия терроризму // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2 (55). С. 185-190.

[7] Кормазов А.В., Ковтун Н.А. Основные методы распространения идеологии терроризма через интернет, использование социальных сетей экстремистскими группировками // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 108-111.

[8] Малахова С.И. Экстремизм как порождение глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 223-233.

[9] Молоков В.В. Распространение идей экстремизма и терроризма с использованием сети интернет и технологии противодействия этому явлению // В сборнике: Современные системы безопасности - Антитеррор. Материалы конгрессной части XII специализированного форума. 2016. С. 44-49.

[10] Репин Р.О. Распространение экстремизма и терроризма в сети интернет // В сборнике: Актуальные вопросы современных научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Вострецова. 2019. С. 222-226.

[11] Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // В сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115-117.

[12] Яковлев М.Д. Глобализация и вызовы современного мира // В сборнике: Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIV научной конференции с международным участием. 2020. С. 555-566.

Spisok literatury:

[1] Abazov A.B. Obshchestvennaya opasnost' ekstremizma v Rossijskoj Federacii // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 6. № 4. S. 270-272.

[2] Al'zhanov A.S., Altybasarova M.A. Vozniknovenie ekstremizma v sovremennyh usloviyah i puti ego resheniya // Nauchnaya diskussiya: voprosy sociologii, politologii, filosofii, istorii. 2017. № 4 (56). S. 83-86.

[3] Ganyushkina E.B. Mekhanizmy mezhpravitel'stvennogo sotrudnichestva po bor'be s terrorizmom // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 5. S. 80-84.

[5] Dolmatov A.V., Dolmatova L.A. Problemy i pravovye sredstva protivodejstviya destruktivnym informacionnym vozdeystviyam v seti internet // V sbornike: Menedzhment XXI veka: social'no-ekonomicheskaya transformaciya v usloviyah neopredelennosti. Sbornik nauchnyh statej po materialam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg. 2020. S. 312-322.

[6] Erohin D.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy protivodejstviya terrorizmu // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 2 (55). S. 185-190.

[7] Korkmazov A.V., Kovtun N.A. Osnovnye metody rasprostraneniya ideologii terrorizma cherez internet, ispol'zovanie social'nyh setej ekstremistскими группировками // Nauka i obrazovanie: hozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 9 (124). S. 108-111.

[8] Malahova S.I. Ekstremizm kak porozhdenie globalizacii // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 6. S. 223-233.

[9] Molokov V.V. Rasprostraneniye idej ekstremizma i terrorizma s ispol'zovaniem seti internet i tekhnologii protivodejstviya etomu yavleniyu // V sbornike: Sovremennye sistemy bezopasnosti - Antiterror. Materialy kongressnoj chasti XIII specializirovannogo foruma. 2016. S. 44-49.

[10] Repin R.O. Rasprostraneniye ekstremizma i terrorizma v seti internet // V sbornike: Aktual'nye voprosy sovremennyh nauchnyh issledovaniy. Materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod obshchej redakciej A.I. Vostrecova. 2019. S. 222-226.

[11] Fakov A.M. Global'noe informacionnoe prostranstvo kak faktor nasil'stvennogo rasprostraneniya ekstremizma // V sbornike: Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodezhi. Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 115-117.

[12] YAKovlev M.D. Globalizaciya i vyzovy sovremennogo mira // V sbornike: Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti. Materialy XIV nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2020. S. 555-566.

КИБЕРТЕРРОРИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Цель данного исследования состоит в изучении новых вызовов в развитии кибертерроризма в глобальном информационном пространстве. Стремительный научно-технический прогресс погрузил современный мир в информационное пространство, интегрированное с новейшими цифровыми технологиями. Электронные технологии совершенствовались и распространились во все сферы деятельности государства, человека и общества. В результате обострилась новая гонка между странами за достижение и удержанием информационного превосходства. Все это обусловило повышение кибертеррористических угроз, которые по своей значимости сравнимы с традиционными формами проявления терроризма. В рамках данного исследования мы проанализировали такой феномен, как кибертерроризм обособив его от такой формы терроризма, как использование информационного оружия в преступных целях. Также определив в качестве исходного понятия «киберпреступность» мы раскрыли направленность кибертеррористических атак, совершаемых в глобальном информационном пространстве. Киберпреступником является пользователь персонального компьютера, который при использовании сети общего пользования нарушает законодательство. Наибольшее число атак киберпреступниками совершаются на средства коммуникации, информационную сферу, программное обеспечение и т.п.

Таким образом, кибертерроризм, выступая новой формой терроризма, сформировался в результате использования компьютерных сетей и достижений высоких технологий. Глобализация вынесла данную проблему за пределы компетенции одного государства, общественную опасность которой признали на международном уровне. Сегодня данное явление признано в качестве противозаконных действий, совершаемых в глобальном информационном пространстве, нарушающих основы конституционного строя и создающие угрозу национальной безопасности. Данный феномен вызывает тревогу у правоохранительных структур практически всех государств и для достижения значительных результатов в вопросах противодействия ему необходимо объединение усилий ведущих государств мира, потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование киберпространства на законодательном уровне невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права.

Ключевые слова: глобальное информационное пространство, кибертерроризм, киберпреступность, угроза, противодействие.

KHACHIDOGOV Ruslan Aslanovich,
Senior lecturer at the Department of Fire Training,
police captain,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CYBER TERRORISM IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE: NEW CHALLENGES AND COUNTERACTIONS

Annotation. The purpose of this study is to study new challenges in the development of cyber terrorism in the global information space. Rapid scientific and technological progress has plunged the modern world into an information space integrated with the latest digital technologies. Electronic

technologies have improved and spread to all spheres of activity of the state, individuals and society. As a result, a new race between countries to achieve and maintain information superiority has intensified. All of this has led to an increase in cyber-terrorism threats, which are comparable in importance to traditional forms of manifestation of terrorism. Within the framework of this study, we analyzed such a phenomenon as cyber terrorism, isolating it from such a form of terrorism as the use of information weapons for criminal purposes. Having also defined "cybercrime" as the initial concept, we revealed the direction of cyber terrorist attacks carried out in the global information space. A cybercriminal is a user of a personal computer who violates the law when using a public network. The largest number of attacks by cybercriminals are carried out on communication media, information sphere, software, etc.

Thus, cyber terrorism, being a new form of terrorism, was formed as a result of the use of computer networks and the achievements of high technologies. Globalization has brought this problem beyond the competence of one state, the social danger of which was recognized at the international level. Today, this phenomenon is recognized as illegal actions committed in the global information space, violating the foundations of the constitutional order and posing a threat to national security. This phenomenon is alarming for law enforcement structures of almost all states and in order to achieve significant results in countering it, it is necessary to combine the efforts of the leading states of the world, because in a single country effective regulation of cyberspace at the legislative level is impossible, from which it follows that lawmaking should be carried out in the framework of international law.

Key words: *global information space, cyber terrorism, cybercrime, threat, counteraction.*

Постановка проблемы. Сегодня современный мир представляет собой погруженность в информационное пространство, интегрированное с новейшими цифровыми технологиями. Научно-технический прогресс достигнул небывалых размеров. Электронные технологии совершенствовались и распространились во все сферы деятельности государства, человека и общества. В результате обострилась новая гонка между странами за достижением и удержанием информационного превосходства. Все это обусловило повышение кибертеррористических угроз, которые по своей значимости сравнимы с традиционными формами проявления терроризма. При этом, масштабы распространения данного явления обусловились произошедшей глобализацией, которая лишь усилила зависимость общества от стабильной и надежной работы информационных и телекоммуникационных систем. В конечном счете, глобализацией был ознаменован стремительный рост технического прогресса, который и стал ресурсной базой для развития преступных действий, связанных с электронной обработкой информации, что привело к активизации кибертеррористической деятельности. Кибертеррористические акты, совершаемые террористическими организациями, провоцируют рост международной напряженности, подрыв доверия между государствами и служат основой возникновения глобальных экономических и политических кризисов, притом, что традиционные теракты не приводят к таким печальным последствиям. Отсюда, кибертерроризм следует отнести к одной из главных угроз мировому сообществу и выходит на перед-

ний план в качестве одной из актуальных проблем в обеспечении национальной безопасности.

Методология исследования. Для определения такого феномена как кибертерроризм необходимо, прежде всего, отделить такую форму терроризма от преступного использования информационного оружия. Таким образом, исходным понятием здесь выступит определение «киберпреступность». Киберпреступником является пользователь персонального компьютера, который при использовании сети общего пользователя нарушает законодательство. Наибольшее число атак киберпреступниками совершаются на средства коммуникации, информационную сферу, программное обеспечение и т.п. Сегодня угроза кибератак достигла небывалых размеров, в рамках которых происходит «несанкционированное вмешательство в работу компонентов компьютерных сетей общего доступа, направленное на нарушение работы элементов инфраструктуры политически значимых институтов общества, причинение морального и материального ущерба, а также социально-опасных последствий. Несанкционированное вмешательство состоит в проникновении в систему с целью ее изучения ради интереса, риска или острых ощущений, а также с целью кражи информации и финансовых ресурсов, вымогательства, намеренного повреждения компьютеров и систем, приводящих к политической или экономической дестабилизации» [12, 13].

Таким образом, кибертерроризм следует рассматривать как «преднамеренную атаку на компьютерную информацию, систему или сеть целью которой является создание угрозы государственной и международной безопасности, запуги-

вание общества или провокации военного конфликта в каком-либо регионе» [9, 13]. Выступая в качестве многоаспектного явления, кибертерроризм находит выражение в политически мотивированном акте, совершаемом в виртуальном пространстве, в целях преднамеренного создания опасности для жизни и здоровья людей, нарушения общественной безопасности и провокации военного характера.

Как мы указывали, кибертерроризм, выступая новой формой терроризма, сформировался в результате использования компьютерных сетей и достижений высоких технологий. Глобализация вынесла данную проблему за пределы компетенции одного государства, общественную опасность которой признали на международном уровне [1, 8]. Сегодня данное явление признано в качестве противозаконных действий, совершаемых в глобальном информационном пространстве, нарушающих основы конституционного строя и создающие угрозу национальной безопасности.

Кибертерроризм, представляя собой серьезную угрозу всему человечеству, можно определить в качестве одного из разрушительных видов современного оружия – ядерного, химического, бактериологического. Он сегодня вышел на такой прогрессивный уровень, когда преступники имеют возможности осуществить вмешательство в данные, вмешательство в систему, незаконный перехват информации и незаконный доступ к информационным системам. Компьютерные мошенники в глобальном пространстве осуществляют общение и обмена опытом в области высоких технологий и усиливают ресурсный потенциал для расширения сферы данного явления [6, 14].

Используя глобальную сеть в своих преступных целях, террористические организации осуществляют в социальных сетях и различных медиаресурсах пропаганду своей деятельности, что позволяет им завербовать в свои ряды новых членов. А принимая во внимание, охват глобальной сетью практически всех сфер человеческой жизнедеятельности, то сегодня мы можем наблюдать сформировавшуюся у пользователей стойкую компьютерную зависимость. В результате пользователи становятся приверженцами радикальных взглядов, деформированных форм взаимодействия и общения между людьми и могут дублировать преступные действия кибертеррористов [7, 9].

Вместе с тем, пользователями глобальной сети являются несовершеннолетние граждане, которые в силу возраста и излишней любознательности легко подвергаются деструктивному влиянию извне. К детям можно обратиться с «безобидной» просьбой – передать информацию или предмет, понаблюдать за объектом и чаще

всего они не оказываются их выполнить. Отсюда, ребенок неосознанно становится участником организации террористического акта.

Следует также отметить, что информационные технологии, нашедшие широкое применение в виде электронной коммерции, аукционов, банкингов и т.п., изменили характер преступных посягательств. Компьютерные преступления совершаются в виде мошенничеств, краж, взломов, псевдопредпринимательской деятельности и других традиционных противоправных деяний [2, 6]. Глобальное пространство с каждым годом аккумулирует в сети все больше преступников, совершающих кибертеррористические атаки, ввиду анонимности, которая позволяет виртуальному преступнику не оставлять следов преступления, в результате чего его обнаружение и нейтрализация практически невозможны. К тому же приобрести средства для осуществления подобных преступных деяний (компьютеры, гаджеты, подключение к сетям) значительно проще и дешевле, чем приобрести традиционные виды вооружения [3, 14].

Принимая во внимание, существование большого числа систем, не обладающих достаточно основательной степенью защиты, то цели кибертерроризма достигаются легче, чем может показаться на первый взгляд. И самой большой угрозой для человечества выступают кибератаки, которые могут осуществляться на энергосистему, электросистему, информационную, финансовую и транспортную системы, водные ресурсы государства. Наряду с указанным следует также отметить, что серьезной проблемой выступает защита персональных данных, коммерческой, банковской и корпоративной тайны. Отсюда, мы видим, что кибератаки отличаются необратимостью своих последствий [2, 10].

Отдельно следует назвать высокий уровень латентности данных преступлений и отсутствие национальных границ, которые позволяют оставаться кибертеррористу незамеченным. Используя в качестве орудия преступления гаджет с выходом в Интернет и при наличии специального программного обеспечения кибертеррорист из любой точки земного шара может взломать любую систему.

Таким образом, высокие достижения, облегчив повседневную жизнь людей с одной стороны, породили проблемы, главной из которых выступает кибертерроризм, требующие особого решения, с другой стороны [4, 10].

Масштабы, до которых разросся кибертерроризм, вызывает тревогу у правоохранительных структур практически всех государств. Для достижения значительных результатов в вопросах противодействия данному феномену необходимо объединение усилий ведущих государств мира,

потому как в отдельно взятой стране эффективное регулирование киберпространства на законодательном уровне в условиях глобализованного информационного пространства невозможно, из чего следует, что правотворческая деятельность должна вестись в рамках международного права [3, 5]. В этом направлении на сегодняшний день удалось реализовать ряд мероприятий. Так, генеральная Ассамблея ООН:

- 5 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», состоящей из правил, норм и принципов ответственного поведения государств в виртуальном пространстве;

- 17 декабря 2018 года приняла российскую резолюцию № 73/187 «Противодействие использованию ИКТ в преступных целях», в которой содержится план запуска открытого политического дискурса по противодействию киберпреступности, с целью выработки конкретных практических решений в условиях отсутствия действенных международно-правовых инструментов противодействия данному явлению [5, 10, 11].

На законодательном уровне в Российской Федерации следует последовательно и динамично развивать накопленный зарубежными правоохранителями практический опыт, а именно:

- совершенствовать современную систему идентификации пользователей информационного контента, не подлежащего разглашению;

- консолидировать правовые нормы, отвечающие национальным интересам России и регулирующие деятельность пользователей в глобальном пространстве [1, 6].

Заключение. Таким образом, кибертерроризм выступая одной из масштабных проблем современности, в эпоху глобализации обуславливает рост кибертеррористических атак, которые в дальнейшем в связи с ростом высоких достижений будут только совершенствоваться. Посягательствами кибертеррористических атак выступают общественные отношения, политическая и экономическая безопасность государства, что обуславливает необходимость создания эффективных мер по предупреждению, противодействию и локализации данного явления.

Список литературы:

[1] Алейникова А.В. Кибертерроризм. Проблемы противодействия кибертерроризму // В книге: Проблемы управления, экономики, политики и права в глобализирующемся мире. Сборник тезисов докладов Фестиваля науки ЮРИУ РАНХиГС. 2018. С. 35-38.

[2] Гриценко А.А. Кибертерроризм, как актуальная проблема современного мира // В сбор-

нике: Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 2020. С. 196-199.

[3] Жуков А.З. Пути совершенствования методов по противодействию кибертерроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. №4. С. 67-70.

[4] Камергоев Б.М. Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве. Понятие и механизмы противодействия // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 158-160.

[5] Магомедов М.Н. Приоритетные направления противодействия кибертерроризму на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 105-107.

[6] Малик Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 169-173.

[7] Моторина Т.С., Шамсудинова В.В. Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации // Научные исследования XXI века. 2020. № 3 (5). С. 168-172.

[8] Растегари С. Противодействие кибертерроризму: правовые основы // Современное право. 2020. № 11. С. 133-137.

[9] Расулев А. Противодействие кибертерроризму: международно-правовые и уголовно-правовые аспекты // Вестник юридических наук. 2018. № 4. С. 93-95.

[10] Семиш Д.С. Кибертерроризм и киберэкстремизм как современная угроза безопасности граждан в информационном пространстве // Студенческий вестник. 2020. № 22-2 (120). С. 91-92.

[11] Тарчоков Б.А. О противодействии угрозам кибертерроризма в глобальном информационном пространстве // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 148-150.

[12] Факов А.М. Кибертерроризм в социальных сетях как реальная угроза безопасности государства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144). С. 445-446.

[13] Федорович В.Ю. Что такое «киберпреступление»? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 15-17.

[14] Шогенов Т.М. Локализация кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 242-245.

Spisok literatury:

[1] Alejnikova A.V. Kiberterrorizm. Problemy protivodejstviya kiberterrorizmu // V knige: Problemy upravleniya, ekonomiki, politiki i prava v globaliziruyushchemsya mire. Sbornik tezisov dokladov Festivala nauki YURIU RANHiGS. 2018. S. 35-38.

[2] Gricenko A.A. Kiberterrorizm, kak aktual'naya problema sovremennogo mira // V sbornike: Novaya nauka: istoriya stanovleniya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa. 2020. S. 196-199.

[3] ZHukov A.Z. Puti sovershenstvovaniya metodov po protivodejstviyu kiberterrorizmu v Rossijskoj Federacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. №4. S. 67-70.

[4] Kamergoev B.M. Kiberterrorizm v global'nom informacionnom prostranstve. Ponyatie i mekhanizmy protivodejstviya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 1. S. 158-160.

[5] Magomedov M.N. Prioritetnye napravleniya protivodejstviya kiberterrorizmu na sovremennom etape // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 2. S. 105-107.

[6] Malik E.N. Kiberterrorizm kak mirovaya ugroza: vyzovy i mery bor'by // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2020. № 1 (85). S. 169-173.

[7] Motorina T.S., SHamsudinova V.V. Kiberterrorizm kak ugroza informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauchnye issledovaniya XXI veka. 2020. № 3 (5). S. 168-172.

[8] Rastegari S. Protivodejstvie kiberterrorizmu: pravovye osnovy // Sovremennoe pravo. 2020. № 11. S. 133-137.

[9] Rasulev A. Protivodejstvie kiberterrorizmu: mezhdunarodno-pravovye i ugolovno-pravovye aspekty // Vestnik yuridicheskikh nauk. 2018. № 4. S. 93-95.

[10] Semish D.S. Kiberterrorizm i kiberekstremizm kak sovremennaya ugroza bezopasnosti grazhdan v informacionnom prostranstve // Studencheskij vestnik. 2020. № 22-2 (120). S. 91-92.

[11] Tarchokov B.A. O protivodejstvii ugrozam kiberterrorizma v global'nom informacionnom prostranstve // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 1. S. 148-150.

[12] Fakov A.M. Kiberterrorizm v social'nyh setyah kak real'naya ugroza bezopasnosti gosudarstva // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 5(144). S. 445-446.

[13] Fedorovich V.YU. CHto takoe "kiberprestuplenie"? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 15-17.

[14] SHogenov T.M. Lokalizaciya kiberterrorizma v usloviyah globalizacii informacionnogo prostranstva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2019. № 6. S. 242-245.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЧЕРКЕСОВ Азамат Юрьевич
преподаватель кафедры огневой подготовки,
капитан полиции
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: amv_1978@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения информационного экстремизма и терроризма в контексте влияния глобализационных факторов и противодействия данному явлению. Распространение экстремизма и терроризма является актуальной проблемой последних десятилетий всякого развитого общества и государства. Их рост в различных частях нашей планеты обусловил значительное увеличение методов и средств пропаганды и распространения экстремистских и террористических организаций, в которые практически ежедневно вербуются неофиты. Вместе с тем, широкое распространение получил информационный экстремизм и терроризм, который стал серьезной угрозой для национальной и международной безопасности. В результате данное явление выдвинуло на передний план пути противодействия ему в качестве приоритетной задачи современного государства. Также известно, что действия экстремистских и террористических организаций посягают на территориальную целостность и безопасность государства, что самым негативным образом отражается на реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, а наряду с этим оказывают существенное влияние на конституционные основы общества и государства. Отсюда, современный мир столкнулся с проблемой распространения информационного экстремизма и терроризма, которые выступают в роли скрытого оружия против человечества. Большой информационный массив, распространяемый в глобальном пространстве, носит либо антиглобалистский характер, либо в целом антизападный. Таким образом, можно заключить, что глобализация стала благоприятной средой для продвижения идей экстремизма и терроризма в медиапространстве, потребителем которого в основном выступает молодежь, которая при выборе своей жизненной позиции может отдавать предпочтение, как принятым и одобряемым обществом моделям поведения, так и асоциальным, антиобщественным явлениям и тем самым пополнить ряды экстремистских и террористических организаций.

Ключевые слова: глобализация, информационный экстремизм, информационный терроризм, противодействие, безопасность общества и государства.

CHERKESOV Azamat Yurievich
Lecturer of the Department of Fire Training, police captain
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GLOBALIZATION FACTORS FAVORING THE DISTRIBUTION OF INFORMATION EXTREMISM AND TERRORISM: PROBLEMS AND WAYS OF COUNTERACTION

Annotation. The article is devoted to the problem of the spread of information extremism and terrorism in the context of the influence of globalization factors and counteraction to this phenomenon. The spread of extremism and terrorism is an urgent problem of the last decades of any developed society and state. Their growth in various parts of our planet has led to a significant increase in the methods and means of propaganda and dissemination of extremist and terrorist organizations,

into which neophytes are recruited almost every day. At the same time, informational extremism and terrorism became widespread and became a serious threat to national and international security. As a result, this phenomenon has brought to the fore the ways of countering it as a priority task of the modern state. It is also known that the actions of extremist and terrorist organizations infringe on the territorial integrity and security of the state, which in the most negative way affects the implementation of constitutional rights and freedoms of man and citizen, and at the same time have a significant impact on the constitutional foundations of society and the state. Hence, the modern world is faced with the problem of the spread of information extremism and terrorism, which act as a hidden weapon against humanity. The large amount of information disseminated in the global space is either anti-globalization in nature, or generally anti-Western. Thus, we can conclude that globalization has become a favorable environment for promoting the ideas of extremism and terrorism in the media space, the consumer of which is mainly young people, who, when choosing their life position, can give preference to both accepted and approved by society models of behavior, and asocial, antisocial phenomena and thereby join the ranks of extremist and terrorist organizations.

Key words: globalization, informational extremism, informational terrorism, counteraction, security of society and state.

Постановка проблемы. На протяжении последних десятилетий проблема распространения идеологии экстремизма и терроризма не теряет своей актуальности ввиду того, что масштабы ее распространения достигли общемирового значения. Такому положению дел способствовали произошедшие глобализационные процессы, затронувшие все сферы человеческой жизнедеятельности.

Глобализация, которая объединила практически все страны, обусловила значительные метаморфозы, произошедшие в современном мире, особенно коснувшиеся политической сферы. Следует понимать, что глобализационные процессы не проходили одновременно: в одних государствах они протекали с большей скоростью, в других с отставанием. Вместе с тем, если в одном случае они акцентировали сходства между государствами, то в других лишь усугубили различия, в результате которых произошло разжигание конфликтов на национально-этнической и религиозной почве. Различия в мировоззрениях и ценностях людей стали камнем преткновения и выступили благоприятной почвой для продвижения экстремистских и террористических идей [5, 8].

Экстремизм и терроризм став серьезной угрозой для национальной и международной безопасности вышли на передний план в качестве приоритетной задачи современного государства. Они оказывают существенное влияние на конституционные основы общества и государства, действия экстремистских и террористических организаций посягают на территориальную целостность и безопасность государства, что самым негативным образом отражается на реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Методология исследования. Анализ конституционных норм показывает, что в Основном законе отсутствует прямое упоминание об экстремистской и террористической деятельности,

однако исследуя расширительное толкование Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов, обнаруживаются заложенные в них конституционные основы противодействия экстремизму и терроризму. В частности, статья 114 (ч.1, подп. «е») Конституции РФ закрепляет положение, согласно которому «Правительство РФ осуществляет меры по противодействию преступности» [1], а, следовательно, и по борьбе с экстремизмом и терроризмом, поскольку данные явления отнесены к «противоправным действиям против общественной безопасности» [2].

Экстремизм и терроризм, получившие широкое распространение в эпоху глобализации и явившись существенной составляющей глобализационных процессов, превратились в значительный фактор нагнетания страха, используя в своем арсенале методы социально-психологического и информационного воздействия через массы на субъекты политики.

Так, глобализация, которая выступает в роли, как реальной, так и потенциальной угрозы противоправной деятельности, развернувшейся большей частью в глобальном информационном пространстве (сети Интернет) явила миру еще один побочный эффект – появление такого феномена, как информационный экстремизм и терроризм, борьба с которыми стала приоритетом номер один в мире. При этом, став неотъемлемой частью социально-экономического и политического пространства современное проявление экстремизма и терроризма в условиях глобализации претерпели значительные изменения. Указанные трансформации обострили, прежде всего, политическую обстановку по оси «Север-Юг» [7, 11].

Законы мировой экономики продемонстрировали действие в одностороннем порядке, когда богатые страны и транснациональные корпорации еще больше обогатились, а бедные еще более обнищали, что спровоцировало еще больший раз-

рыв в уровне их развития. Отсюда, южная периферия стала заложником системы и перестала мириться со своим положением в мировом пространстве. В результате повсеместно начали происходить социально-политические потрясения, которые и стали основой распространения идеологии международного экстремизма и терроризма, причем в их самом негативном аспекте – информационном [5, 7, 8].

Обращаясь к Закону «О противодействии экстремистской деятельности» и Закону «О противодействии терроризму», в которых закрепляются понятия «экстремизм» и «терроризм» следует отметить, что «под экстремизмом понимается организация и подготовка действий, а также подстрекательство к их осуществлению. Терроризм же представляет собой идеологию насилия и инструмент воздействия на государственную власть, мирное население в целях его устрашения и пропаганды идеологии насилия. Таким образом, можно заключить, что указанные феномены, являясь антигуманными в социальном аспекте, носят преступный характер в юридическом аспекте» [3, 4, 14].

Сегодня мир столкнулся с проблемой распространения информационного экстремизма и терроризма, которые выступают в роли скрытого оружия против человечества. Информация стала объектом манипулирования. Информация ставит сегодня в большой выигрыш ее обладателя, как материальный, так и моральный.

Большой информационный массив, распространяемый в глобальном пространстве, носит либо антиглобалистский характер, либо в целом антизападный. Цели экстремизма и терроризма в эпоху глобализации также разрослись до общепланетарных масштабов и состоят в оказании сопротивления западной цивилизации. Популяризация радикальных взглядов и терроризма сегодня является одним из главных методов политической борьбы путем широкого использования глобального охвата при помощи современных СМИ, через которые в массы транслируется лозунг «Либо мир станет таким, каким его сделаем мы, либо он перестанет существовать» [8, 9].

Таким образом, глобализация стала благоприятной средой для продвижения идей экстремизма и терроризма в медиапространстве. Иными словами, информационный экстремизм и терроризм стал прямым продуктом глобализации. Желание вести информационную войну стало движущей силой в поисках точек «уязвимости» массового сознания, в результате чего актуализировалась проблема информационного экстремизма. Причем его концентрация и активность намного выше там, где отсутствует здоровая государственность.

Наращиванию агрессивных экстремистских и террористических тенденций в обществе способствуют средства массовой информации. Глобальная сеть сегодня по праву относится к основному каналу массовой информации. Ее негативное воздействие на пользователей информационных ресурсов сложно переоценить. Особенно пагубное влияние оказывается на молодежную аудиторию, которая не отличается устойчивостью идеологических приоритетов, ценностных ориентации и смысловых ориентировок. Посредством сети Интернет экстремистские и террористические организации без труда вербуют в свои ряды новых членов, в основном из молодежной среды, пропагандируя свои разрушительные идеи. Психологический аспект ярко свидетельствует о том, что при выборе своей жизненной позиции молодые люди могут отдавать предпочтение, как принимаемым и одобряемым обществом моделям поведения, так и асоциальным, антиобщественным явлениям и тем самым пополнить ряды экстремистских и террористических организаций [8, 10].

Информационное поле глобального пространства большей частью содержит деформированные формы взаимодействия и общения между людьми, а также контент, формирующие у людей негативные оценочные установки, что во многом способствует насаждению экстремистских и террористических идеологий [12, 14].

Представители экстремистских и террористических движений в глобальном пространстве транслируют радикальные идеологии, призывающие к агрессивным формам поведения, общения и противостояния, оправдывая, при этом, совершаемые преступления и террористические атаки, позиционируя их как единственно эффективные в складывающихся обстоятельствах.

Таким образом, тотальная информатизация всех сфер человеческой жизнедеятельности открыла широчайшие горизонты личностного развития, и в то же время выступила прочной платформой для формирования новой опасности и негативных факторов, которые обнажили уязвимые места постиндустриального общества в контексте информационного противодействия, нашего выхода в межгосударственных войнах, а также в «выяснении отношений» внутриэлитных группировок [3, 7].

Новые рычаги воздействия приобретает также организованная преступность. Используя тактику «ожидания» и выжидая наступление кризиса в какой-либо географической точке, экстремисты и террористы используют сеть для продвижения своих идей и вербовки в свои ряды новых членов. Как мы говорили, особой группой риска информационного воздействия является моло-

дежная аудитория, работа с которой должна стать приоритетной задачей политики государства [11, 13]. По нашему мнению, эффективную работу по противодействию идеологии экстремизма и терроризма можно провести только с помощью убеждения – обращения к разуму людей с применением весомых аргументов, взывания к логике, привлечения авторитетного мнения и примеров.

Заключение. Таким образом, можно резюмировать, что масштабы информационного экстремизма и терроризма обусловились глобализационными процессами, которые обострили экономическое, политическое и социальное противостояние в мировом сообществе. Информационное пространство сегодня является той сферой человеческой жизнедеятельности, в которой создается, преобразуется и потребляется информация, в том числе экстремистского и террористического содержания. Отсюда экстремизм и терроризм, получив широкое распространение во всем мире, может беспрепятственно наращивать число своих последователей, в особенности из числа молодежи, что детерминирует данную проблему в качестве общепланетарной угрозы государственной и общественной безопасности. Глобальное медиапространство привлекает экстремистско-террористические группировки своей доступностью, слабым контролем со стороны государства и правоохранительных структур, анонимностью, а также практически неограниченным доступом к широкому кругу пользователей, что обуславливает неуклонный рост материалов экстремистского содержания и террористической направленности в сети Интернет.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.06.2021 г.).
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.06.2021 г.).
- [3] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 30.05.2021 г.).
- [4] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения 30.05.2021 г.).
- [5] Арипшев А.М., Люев Р.Х. Актуальные тенденции противодействия террористической идеологии // В сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2020. сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского конкурса. Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2020. С. 125-127.
- [6] Кормазов А.В., Бондарь А.Г. Преступления, характеризующиеся террористической направленностью // В сборнике: Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2019. С. 159-161.
- [7] Кучмезов Р.А. О некоторых проблемах противодействия терроризму и экстремизму в России // Вестник научных конференций. 2016. № 5-1(9). С. 72-75.
- [8] Настуев Э.Б. Совокупность мер противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма среди молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 117-120.
- [9] Свеженцева О.Л., Никольский А. Актуальные проблемы информационного терроризма // В сборнике: Информационная безопасность граждан, общества, государства: правовые аспекты. Сборник материалов научно-практической конференции. Составители А.В. Самойлов, М.А. Салихова. 2016. С. 100-104.
- [10] Таков А.З., Карданова Д.А. Использование современных технологий в противодействии преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 364-366.
- [11] Тарчоков Б.А. Международный терроризм как форма реакции на завышенную динамику глобализации общества // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 145-148.
- [12] Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // В сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115-117.
- [13] Хачидогов Р.А. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Наука и общество. 2015. № 1 (20). С. 102-105.
- [14] Шхагапсоев З.Л., Тарчоков Б.А. Противодействие информационным террористическим угрозам, как важное направление национальной безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 222-224.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 01.06.2021 g.).

[2] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 01.06.2021 g.).

[3] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.07.2002 № 114-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya 30.05.2021 g.).

[4] Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006 g. № 35-FZ [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (data obrashcheniya 30.05.2021 g.).

[5] Aripshev A.M., Lyuev R.H. Aktual'nye tendencii protivodejstviya terroristicheskoj ideologii // V sbornike: Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2020. sbornik statej XXIX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Pod obshchej redakciej G.YU. Gulyaeva. 2020. S. 125-127.

[6] Korkmazov A.V., Bondar' A.G. Prestupleniya, karakterizuyushchiesya terroristicheskoj napravlenost'yu // V sbornike: Problemy i perspektivy v mezhdunarodnom transfere innovacionnyh tekhnologij. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 159-161.

[7] Kuchmezov R.A. O nekotoryh problemah protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu v Rossii // Vestnik nauchnyh konferencij. 2016. № 5-1(9). S. 72-75.

[8] Nastuev E.B. Sovokupnost' mer protivodejstviya rasprostraneniyu ideologii religioznogo ekstremizma sredi molodezhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 117-120.

[9] Svezhenceva O.L., Nikol'skij A. Aktual'nye problemy informacionnogo terrorizma // V sbornike: Informacionnaya bezopasnost' grazhdan, obshchestva, gosudarstva: pravovye aspekty. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii. Sostaviteli A.V. Samojlov, M.A. Salihova. 2016. S. 100-104.

[10] Takov A.Z., Kardanova D.A. Ispol'zovanie sovremennyh tekhnologij v protivodejstvii prestupnosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 4. S. 364-366.

[11] Tarchokov B.A. Mezhdunarodnyj terrorizm kak forma reakcii na zavysheennuyu dinamiku globalizacii obshchestva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 5. S. 145-148.

[12] Fakov A.M. Global'noe informacionnoe prostranstvo kak faktor nasil'stvennogo rasprostraneniya ekstremizma // V sbornike: Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodezhi. Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 115-117.

[13] Hachidogov R.A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nauka i obshchestvo. 2015. № 1 (20). S. 102-105.

[14] SHkhagapsoev Z.L., Tarchokov B.A. Protivodejstvie informacionnym terroristicheskim ugrozam, kak vazhnoe napravlenie nacional'noj bezopasnosti gosudarstva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2019. № 5. S. 222-224.

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-372-378

ПЛОТНИКОВ Иван Николаевич,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры административного
финансового и корпоративного права
юридического факультета Новосибирского
государственного университета экономики управления,
e-mail: ai-plotnikovv@ngs.ru

«САМОЗАНЯТОСТЬ» - ОДНА ИЗ ПРИЧИН КРИЗИСА В РОССИИ

Аннотация. Проводится теоретический анализ самозанятости в Российской Федерации в современных условиях, причины роста и ее влияние на социальные, политические и экономические проблемы в нашем государстве. Рыночная стихия и тотальная коммерциализация, куда государство всё глубже и глубже бросает нашу страну, заставляют по-новому относиться ко многим фактам, например, к таким как самозанятость. Для нашего государства теневой рынок самозанятых оборачивается, прежде всего, огромными ни с чем не сопоставимыми бюджетными потерями. Теневой рынок труда самозанятых граждан делает, прежде всего, неконкурентоспособными представителей малого и среднего бизнеса, осуществляющими аналогичные виды деятельности. Самозанятость, и это факт, неразрывно связана с коррупцией, которая, как коронавирус, как раковая опухоль проникает во все сферы государственного организма, разъедает его, порождая чувства неравенства, несправедливости, нежелание работать, социальную аномию, моральное разложение, понижает степень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью, снижает индекс счастья. В этой связи неслучайно руководство нашего государства и в прошедшем, и в текущем году неоднократно выражало и выражает озабоченность, неудовлетворение проблемами самозанятости в нашей стране.

Ключевые слова: самозанятость, теневые отношения, самозанятые граждане, взятки, коррупция, налоги.

PLOTNIKOV Ivan Nikolayevich,
candidat of sociological sciences, A
soc. Associate Professor of the Department
of Administrative Financial and Corporate Law

«SELF-EMPLOYMENT» - ONE OF THE REASONS FOR THE CRISIS IN RUSSIA

Annotation. A theoretical analysis of self-employment in the Russian Federation is carried out in modern conditions, the reasons for growth and its impact on social, political and economic problems in our state. The market element and total commercialization, where the state is increasingly abandoning our country, are forcing a new attitude to many facts, such as self-employment. For our state, the shadow market of the self-employed turns into, first of all, huge budget losses with nothing comparable. The shadow labor market of self-employed citizens makes, first of all, representatives of small and medium-sized businesses who carry out similar activities uncompetitive. Self-employment, and this fact, is inextricably linked to corruption, which, like a coronavirus, as a cancerous tumor penetrates into all spheres of the state body, corrodes it, giving rise to feelings of inequality, injustice, unwillingness to work, social anomia, moral decomposition, reduces the degree of subjective well-being and satisfaction with life, reduces the index of happiness. In this regard, it is no coincidence that the leadership of our State, both in the past and this year, has repeatedly expressed and expresses concern and dissatisfaction with the problems of self-employment in our country.

Key words: self-employment, shadow relations, self-employed citizens, shadow economy, bribes, corruption, taxes.

Введение. В данной работе проводится теоретический анализ «самозанятости» в Российской Федерации, ее влияние на социальные и экономические проблемы, а, возможно, и на экономический кризис в нашей стране. Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время все больше и больше граждан России получают статус самозанятых, особенно ярко это стало проявляться в период роста безработицы, связанной с пандемией.

Цель исследования: Показать это на примере эмпирических исследований в сибирском регионе и не только, где «самозанятость», теневые отношения в этой сфере давно вызывают озабоченность российской общественности. Также, проводя исследование данной проблемы в рамках конкретного института, возможно выявить некоторый инвариант, адекватно отражающий наиболее общие и значимые аспекты теневых отношений, присущих экономической сфере в целом. С учетом нарастающей тенденции этот феномен является, явной причиной экономического кризиса в России, возможно, даже угрозой безопасности нашей экономики, именно в этом, прежде всего, заключается новизна нашего исследования.

Основная часть. Взятый курс, руководством нашего государства, на борьбу с бедностью, предполагает колоссальные расходы. Тех средств, которое государство ранее выделяло на эту проблему, было явно недостаточно. Любые сбережения, накопления, в любом случае когда-то заканчиваются, даже если есть возможность их регулярно пополнять. Колоссальные, ни с чем несравнимые денежные средства потрачены, тратятся, и в обозримом будущем будут тратиться на борьбу с коронавирусом. Законно сейчас возникает риторический вопрос: «Где взять?» Где взять, найти неиссякаемый источник, способный стабильно, бесперебойно, достойно выполнять не только социальные функции государства, но и пополнять бюджеты всех уровней, которые существенно истощены в связи с коронавирусом в стране. Поднять цены на нефть, газ другие природные ресурсы, давно уже не реально. В очередной раз повысить, увеличить налоги, не просто опасно, а крайне опасно. Неисчерпаемым резервом пополнения государственной казны, бюджетов всех уровней, является на сегодняшний день, громадная армия, а может быть, и целый фронт неплательщиков налогов, как модно в последнее время их стали называть «самозанятыми». К глубокому сожалению, тема самозанятости, точнее ее экономические последствия, мало исследована, мало изучена, а точнее практически не изучена, и в очередной раз в маташке России применяется

наполеоновский принцип: «поскорее вяжемся в бой, а там куда выведет».

Для начала необходимо определить главное – понятие «самозанятый гражданин». На сегодняшний день в российском законодательстве нет легального определения данного понятия. Власти, к сожалению, по-разному трактуют, казалось бы, на первый взгляд, такие простые понятия, как «самозанятость», «самозанятый» гражданин». Например, на официальном сайте пенсионного фонда Российской Федерации дается такое определение: «Самозанятое население-это индивидуальные предприниматели, главы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой, и не являющиеся индивидуальными предпринимателями». [8] Федеральная налоговая служба определяет главное понятие «самозанятый», гражданин в налоговом законодательстве - «это физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд».[9] Поэтому юридически получается, самозанятые граждане – это, прежде всего, индивидуальные предприниматели, которые фактически осуществляют трудовую деятельность, которая приносит им прибыль. С моральной, нравственной стороны это наши граждане, друзья, товарищи, пользующиеся всеми благами нашего общества, финансируемые бюджетными и внебюджетными фондами, но не вносящие в эти фонды ни единой копейки своих денежных средств. С этой точки зрения, определение «самозанятый» явно не подходит. В любом случае отсюда следует, что государство имеет право взимать с «самозанятого» населения налоги, и предлагается регистрация их в качестве ИП с выбором патентной системы налогообложения либо иной, например, упрощенной (УСН). Но в силу того, что большинство самозанятых действуют в «тени», по сути дела занимаются «теневой экономикой», у государства нет возможности осуществлять контроль над их доходами.

К горькому сожалению, «теневая экономика», «теневые отношения» и т.д. пугают не только наших чиновников, но и власть. Самая главная причина заключается в том, что мы, наше государство, напрочь проиграли кампанию борьбы с теневым рынком труда, истоки которой берут начало еще с далеких 60-х с появления «цеховиков», «фарсовщиков» и т.д... Как снежный ком эта проблема из года в год только нарастала. К примеру, по данным Росстата, в России в 2012 году доля теневой экономики составляла около 15%, в середине 2013 года до 20%, в 2015 году

22%, а к концу 2019 года, уже более 23%, то есть практически четверть трудоспособного населения не платят налоги. Основными причинами являются:

Во-первых, граждане России в меньшей степени начинают доверять государству, и в большей степени начинают полагаться на себя (люди стремятся заработать, чтобы выжить, на том, на чем умеют: животноводство, гаражные мастерские, репетиторство, салоны красоты на дому и так далее).

Во-вторых, в настоящее время, да и в предыдущие годы, по многим причинам официальная экономика не создает новые рабочие места, поэтому соискатели работы не вступают в борьбу за малочисленные рабочие места, а сами организуют себе работу, тем самым обеспечивая себе доход.

В-третьих, немислимо высокая налоговая нагрузка вынуждает все работающее население скрывать свои доходы, уходя в «тень».

Причины можно перечислять до бесконечности, но важно отметить, что в строй «самозанятых» встают наиболее подготовленные, одаренные, грамотные, талантливые, способные создать конкуренцию на рынке труда наши граждане. С учетом нарастающей тенденции этот феномен является одной из причин экономического кризиса в России, а по мнению многих аналитиков, возможно, даже одной из угроз, безопасности нашей экономики.

Исходя из вышесказанного, автор позволит себе понятия «самозанятость», «самозанятых» рассматривать, прежде всего, как граждан, занимающихся теневой трудовой деятельностью. «Самозанятость», «теневые отношения» - это относительно устойчивые формы любых общественных взаимосвязей, находящиеся вне внешнего социального контроля. Они бывают как легальными (т.е. юридически не противоречащими существующим в стране законам), так и нелегальными, в том числе криминальными, могут учитываться или не учитываться официальной статистикой. Процесс распространения «самозанятости», «теневых отношений» в социальных, экономических, политических, правовых, образовательных, научных, культурных, и др. сферах общественной жизни называется теневизацией. [5, с.29]. Самозанятость «теневые отношения», по мнению автора, имеют место во всех сферах общественной жизни всех стран. Самозанятость это, прежде всего, теневые отношения, которые сегодня пронизывают все сферы трудовой жизнедеятельности, в значительной степени определяя лицо современных обществ. В то же время отсутствие единого нормативно-правового понимания

такого явления, как «самозанятость», приводит к тому, что количество «самозанятых» оценивается очень разрозненно (от 15млн, до более, чем 27 млн человек). [4,с.142].

На пути к раскрытию тайн теневых отношений возникает масса трудностей, которые связаны не только с очевидной нехваткой информации для расчетов, но и с концептуальными сложностями, расхождением в понимании того, что они собою представляют. Существует немалая путаница в употреблении терминов, когда теневые отношения отождествляется то с неформальной, то с криминальной экономикой, а иногда и с коррупцией. Однако исследуются они в основном с позиций экономической и правовой наук. Хотя то, что мы повсеместно называем экономическим фактором, как справедливо замечает К. Полани, «вплетено в социальную ткань, а единственные мы, современные люди, выдёргиваем из этой ткани нити и сплетаем на их основе отдельную систему». [6, с.159].

Пополнение государственной казны любыми легальными, законными, доступными средствами, методами практически исчерпывает себя. Взятый курс на пополнения бюджета государства, за счет инвестиций, мягко говоря не оправдывает себя. Анализ официальной, реальной в данном случае статистики показал, сколько в настоящее время в нашей стране трудоспособного населения, и сколько из них реально платят налоги. Силовые, порою репрессивные методы не оправдали себя, а только усугубили проблему. Поиски выхода из тупика методом проб и ошибок породили установление специального налогового режима: «Налог на профессиональный доход» - федеральный закон от 27.11.2018 года №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». [7] Складывается впечатление, что государство наконец-то пошло войной на «самозанятых», тем самым стремясь воплотить в жизнь главную мечту налоговой службы - «платить должны все».

Первые исследования показали позитивные тенденции выхода из «тени» так называемых «самозанятых», о чем свидетельствуют СМИ, а также неоднократные выступления, заявления бывшего главы Федеральной налоговой службы М. В. Мишустина, со слов которого после принятия закона за 10 месяцев более 250 тысяч «самозанятых», изъявили желание платить налоги. На этом положительная статистика заканчивается.

Главная цель данного закона: дать четкое понятное определение «самозанятого» лица (также СЗЛ), то есть чем оно занимается и какие

имеет обязательства перед государством. Федеральный акт, в данном случае, не является поголовным принудительным призывом. Тут тонкая грань. Гражданам дается возможность декларировать свои доходы на льготных условиях (ставка 4 и 6 %), заявляя о себе добровольно. И в то же время кто этого не сделает, подвергается риску быть уличенным в теневой деятельности со всеми негативными налоговыми последствиями, которые реализовать явно сложно, а порою просто не возможно. Поэтому видимо данный закон, прежде всего, наверное, учитывает государственные интересы, а затем уже и населения. Согласно представленному закону, статус «самозанятого» определяется по следующим критериям:

- не должен быть работником или работодателем;
- иметь годовой доход не более 2,4 млн. руб.;
- определенная профессиональная деятельность недопустима.

Какие виды деятельности подходят?

Проще говорить об этом, перечисляя род занятий:

- репетиторы;
- юристы;
- сиделки;
- парикмахеры;
- настройщики компьютеров;
- люди, выполняющие ремонты (квартир, автомашин, бытовой техники);
- оказывающие услуги по уборке, переезду;
- сдающие в аренду квартиры, гаражи, дачи и т.п.

Необходимо также отметить, что к «самозанятым» могут относиться не только физические лица, но и индивидуальные предприниматели.

Какие виды деятельности не подходят?

Есть виды деятельности по закону о «самозанятых» в России, которые исключают получение статуса. К ним относят:

- продажа алкоголя, сигарет и прочей подакцизной продукции;
- товарно-посредническая деятельность (перепродажа);
- работа в сфере добычи и переработки полезных ископаемых;
- продажа недвижимости/транспортных средств;
- предпринимательство в сфере агентской деятельности, поручений и подобное;
- по реализации прав требований (долгов);
- по которым получают натуральный доход (не в денежной форме);
- отдельные виды лицензионной деятельности или деятельность, где предусмотрено членство в саморегулируемых организациях.

Каких перемен ожидать, когда вступит в полную силу закон о «самозанятых» можно говорить после завершения эксперимента.

Но сейчас уже можно говорить о пользе и вреде.

Из плюсов:

- гражданам предлагается льготная налоговая ставка;
- в госбюджет ожидаются дополнительные поступления;
- простота отчетности.

Из минусов:

- первоначально было мало регионов задействовано в эксперименте (можно считать, что данный вопрос наконец решен положительно);
- длительный срок апробации;
- ограниченный размер доходов (в месяц доход не более 200 тыс. руб.);
- ограничения в видах деятельности.

Для изучения теневых отношений в трудовой деятельности нами были проведены несколько глубинных интервью по интересующей нас тематике, прежде всего, в сибирском регионе, в том числе непосредственно с «самозанятыми». Нами проведены анкетные обследования, как в городской, так и сельской местности, а также непосредственно в крупных городах: в г. Новосибирске, Барнауле, Томске и других. В целом было опрошено более 300 человек. Хотя предварительные данные об общественном мнении не могут служить основанием для категорических выводов, но даже результаты выборочных обследований, как показывает опыт, в целом адекватно отражают степень распространенности «самозанятости» в российском обществе.

За основу исследования не случайно взяты сибирские регионы, именно эти территории вот уже длительное время в связи с удаленностью от центра не подлежат никакому анализу, исследованию, в том числе в вопросах «самозанятости». Складывается впечатление, что Сибирь не нужна России либо нужна в качестве сырьевого придатка. Неопровержимыми фактами является из года в год нарастающая миграция за Урал, ближе к центру катастрофически падающий уровень жизни, по сравнению с центром. Чтобы как-то выжить, растет число желающих уйти в «тень», то есть «самозанятых».

Исследования показали:

1. В настоящее время на федеральном уровне к закону относятся с некой опаской, согласно последним новостям, около 30-45%.

2. Более 60% опрошенных положительно относятся к принятию закона о «самозанятых», считая его своевременным.

3. Готовы платить предполагаемые налоги около 30% физических лиц, при этом без каких-либо условий.

4. Около 18% опрошенных считают данный закон не доработанным, «сырым», наспех принятым.

5. Исследование на федеральном уровне показывает, что темпы регистрации «самозанятых» после принятия закона увеличиваются, особенно в Татарстане.

6. В Сибири более 60% «самозанятых», проживающих в сельской местности, не готовы платить налоги, так как из-за отсутствия денег клиенты рассчитываются с ними за работу в основном продуктами питания, кормами, дровами, выполнением каких-либо работ.

7. Более 90% опрошенных считают, что эксперимент по «самозанятости» необходимо проводить не только в регионах-донорах, но и в регионах, которые находятся на дотациях.

8. Главная задача закона - вывести бизнес из «тени», считают 87% опрошенных.

9. Не повлияет данный закон на увеличение сборов налогов, считают 43% опрошенных.

10. Рост цен на услуги «самозанятых» неизбежным считают 57% опрошенных.

11. Люди – это «новая нефть» - 72%.

Основные проблемы, прямо либо косвенно влияющие на кризисные явления в экономике:

- многие фирмы, предприятия, учреждения, организации после принятия закона начали оформлять своих сотрудников как «самозанятых» при помощи различных схем с единой целью - уменьшить налогообложение.

- авторы разработки и принятия данного закона не предусмотрели, каким образом будут взыскиваться налоги с «самозанятых» в сельской местности, где из-за отсутствия денежных средств расчеты за работу, услуги, осуществляются продуктами питания, дровами, кормами и т.д.

- на 1 июля прошедшего года в России зафиксировано всего лишь 7% сдающих жилье в аренду, за рубежом эта цифра составляет более 50%.

- нет механизма реализации данного закона, заинтересованности граждан платить налоги, стимулов выхода из «тени».

- нарастающее недовольство экономической политикой властей, при которой богатые богатеют, бедные беднеют.

- карательные меры ФНС и многие другие.

Реальность: Быть индивидуальным предпринимателем в настоящее время в России не просто дорого, а очень дорого. Во-первых, нужно платить страховые взносы, которые составляют около 30 тысяч рублей в год, во-вторых, налоги

6% от дохода, в-третьих, каждому индивидуальному предпринимателю, нужна онлайн-касса. А она очень дорогая, так-так нужно платить оператору фискальных данных, менять фискальный накопитель и делать много чего еще. Поэтому представителей самых нужных, жизненно необходимых профессий (сантехники, электрики, и т.д.), оформившихся в качестве ИП, тем самым вышедшим из «тени», практически нет.

Исследования показали, что «самозанятые» могут параллельно работать и по трудовому договору, но не по тому виду деятельности, по которому они признаются «самозанятыми». В качестве примера можно привести трудовую деятельность инженера на предприятии в учреждении, организации, который, работая в штате, может в свободное время ремонтировать, к примеру, компьютеры или другую технику, получая при этом дополнительный легальный доход. Но при этом он не может оказывать услуги по ремонту компьютеров, техники в данном случае своему работодателю. Парадокс, не правда ли? Более того так называемые «самозанятые» не могут оказывать услуги, а также выполнять работы для заказчика, который был его работодателем менее двух лет назад.

Анализ причин, выявленных в ходе исследования, по которым миллионы, а возможно, десятки миллионов «самозанятых» не хотят регистрировать ИП, как было указано выше, так как это порождает необходимость платить страховые взносы, которые очень высоки. Хотя новое налогообложение «самозанятых» позволяет их освободить от уплаты страховых взносов, но нет страховых взносов - нет страхового стажа для получения пенсии. Но не это главное!

Любыми доступными и недоступными средствами и методами, и как можно скорее, необходимо повысить уровень доверия граждан к государству. С этой целью необходимо создать благоприятные условия для развития бизнеса, сделать легальный бизнес выгоднее нелегального, существенно снизить налоговую нагрузку, защитить свободу конкуренции, обеспечить защиту прав собственности, а также гарантии равенства всех перед законом.

Одной из важнейших задач также является стимулирование развития малого бизнеса. Не секрет, что малый бизнес на сегодняшний день является важнейшим сектором развития экономики любого государства. К глубокому сожалению, в России на конец прошедшего года доля малого и среднего бизнеса составила в пределах 20% ВВП. В наиболее развитых странах мира - США, Англии, Франции малый бизнес составляет порядка 50%, а в Японии, Китае - более 60%.

Ожидаемо одной из важнейших проблем выхода бизнеса из тени является очень высокий уровень коррупции в нашей стране. Темпы борьбы с ней не устраивают ни власть, ни бизнес, ни политиков, ни граждан России. Практически на сегодняшний день в нашем государстве нет ни одного института власти, не запачканного взятками, этой «заразой» поражены, прежде всего, верхние эшелоны власти. Это серьезнейшая угроза, и с ней надо считаться. Не случайно президент Российской Федерации, В.В. Путин, выступая на расширенной коллегии ФСБ, в текущем году, в очередной раз поставил задачу по усилению борьбы с коррупцией. Видимо, настало время государству коренным образом поменять характер отношений с теневой экономикой, перестроиться и настроиться не на борьбу с ней, а на ее урегулирование и очищение от коррупционной составляющей, что сделать очень трудно, но необходимо.

Заключение. Было бы несправедливо не отметить ряд положительных моментов в вопросах «самозанятости». Прежде всего, так называемая «самозанятость» имеет ярко выраженные социальные функции. Она не дает расти уровню безработицы в стране, падению уровня жизни, способствует самовывживанию, сглаживает перепады в экономической конъюнктуре с помощью перемещения ресурсов между секторами экономики, подпитывает легальный сектор экономики и так далее. На этом налоговый «кураж» не заканчивается, но всё это требует многих других комплексных, а не только социологических исследований. К более глубокому проведению исследований, по данной теме, и выработке практически значимых мер и реальных предложений, прежде всего и целью, пополнения государственной казны, необходимо привлекать философов, экономистов, юристов, психологов, педагогов и других учёных, а также специалистов-практиков. Тем не менее, полученные на сравнительно небольшом полигоне результаты эмпирического исследования, в совокупности со многими другими источниками информации, приводят к выводу о том, что отношения такого рода в российском обществе не только дисфункциональны, но и социально опасны. Подрывая нашу экономику, они ставят под угрозу национальную безопасность нашего государства.

Негативные функции «самозанятых», их теневые отношения в сфере трудовой деятельности состоят в следующем:

1. ухода в «тень», наиболее подготовленных трудовых ресурсов;
2. углублении социально-классовых различий в трудовой деятельности;
3. дегуманизации рынка труда;

4. снижении общего качественного уровня труда и девальвации трудовых отношений в целом;
5. уклонении от уплаты налогов, и другие.

Следовательно, соответствуя антиобщественным интересам отдельных социальных групп, в целом они не только дисфункциональны, но и опасны, как и отмечалось выше. В качестве инварианта, адекватно отражающего наиболее общие и значимые специфические функции «самозанятых», присущие именно экономической сфере в целом, можно выделить следующие:

1) углубление отчуждения подавляющего большинства населения от государственной власти, явно выраженное недоверие к ней (особенно ярко это выражено в последние 2-3 года);

2) нарастающее углубление отчуждения подавляющего большинства населения от благ и услуг, предоставляемых различными социальными институтами этой сферы (образования, здравоохранения, культуры, правопорядка, пенсионного обеспечения, и т.п.) в пользу меньшинства, присвоившего основную долю общественного богатства и социальных благ;

3) способствование росту паразитарных элементов в структуре российского общества;

4) увеличение социальной дифференциации и классовых интересов;

5) колоссальное увеличение в обществе социальной несправедливости и уменьшение свободы в действиях для большинства Российских граждан;

6) ни с чем, несравнимое востребование в нашем обществе запроса на реальные, осязаемые и скорейшие перемены, а особенно на справедливость.

В настоящее время, с 1 января 2020 года, новый налоговый режим для «самозанятых» введен еще в 19 регионах России, а позднее, в период пандемии, во всех субъектах Российской Федерации. Пока первые дни недели не фиксируют массового выхода из тени так, называемых «самозанятых». Причин здесь не просто много, а очень много, начиная со смены руководства ФНС и заканчивая коронавирусом, но это уже тема другого исследования.

Есть робкий оптимизм, что начатая борьба с самозанятостью позволит все же увеличить сбор налогов в текущем году. Существенным позитивным явлением в этой связи является назначение председателем правительства М.В. Мишустина, который ещё будучи главой Федеральной налоговой службы, был одним из инициаторов налогообложения самозанятых. Создав, по мнению мировых экспертов, аналитиков, одну из лучших в мире налоговую службу, если не лучшую, Михаил Владимирович, зная данную проблему не пона-

слышке не только в теоретическом, но и в практическом аспектах, позволит создать наилучшие условия выхода из «тени» самозанятых. Неслучайно, и из уст руководителя нашего государства в последнее время стали подниматься вопросы самозанятости с конкретными предложениями, к примеру, самозанятыми признаются граждане России с 16-летнего возраста и другие. Классификация теневых отношений в сфере труда, разработанная автором применительно к социальной и экономической сфере, вполне применима при изучении аналогичных проблем в других сферах, социальных институтах и областях общественной жизни.

Список литературы:

- [1] Барабин В.В. Военно-политическая деятельность государства в системе национальной безопасности. – М., 2007.
- [2] Бекряшев А.К. Теневая экономика: Учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД РФ, – 2004.
- [3] Бойков В.Э. Серая экономика: масштабы развития и влияние на массовое сознание // Социологические исследования. – 2011. – № 11.
- [4] Гимпельсон В.Е. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам R13 выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб. Росстат. М., 2018.
- [5] Дробижева А.П. Социальные аспекты теневой экономики. – М., 2012.
- [6] Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир. – М.: Логос, 1999.
- [7] Федеральный закон от 27.11.2018 года №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима » в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике

Татарстан (Татарстан)». Российская газета, №270, 30.11. 2018.

- [8] Пенсионный фонд России [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.03.2018)
- [9] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998№146-ФЗ «Российская газета», № 148-149, 06.08.1998.

Spisok literatury:

- [1] Barabin V.V. Voenno-politicheskaya deyatelnost' gosudarstva v sisteme nacional'noj bezopasnosti. – M., 2007.
- [2] Bekryashev A.K. Tenevaya ekonomika: Uchebnoe posobie. – Omsk: Omskaya akademiya MVD RF, – 2004.
- [3] Bojkov V.E. Seraya ekonomika: masshtaby razvitiya i vliyanie na massovoe soznanie // Sociologicheskie issledovaniya. – 2011. – № 11.
- [4] Gimpel'son V.E. Rabochaya sila, zanyatost' i bezrobotica v Rossii (po rezul'tatam R13 vyborochnyh obsledovanij rabochej sily). 2018: Stat.sb. Rosstat. M., 2018.
- [5] Drobizheva A.P. Social'nye aspekty tenevoj ekonomiki. – M., 2012.
- [6] Polani K. Dva znacheniya termina «ekonomicheskiy» // Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir. – M.: Logos, 1999.
- [7] Federal'nyj zakon ot 27.11.2018 goda №422-FZ «O provedenii eksperementa po ustanovleniyu special'nogo nalogovogo rezhima » v gorode federal'nogo znacheniya Moskve, v Moskovskoj i Kaluzhskoj oblastyah, a takzhe v Respublike Tatarstan (Tatarstan)». Rossijskaya gazeta, №270, 30.11. 2018.
- [8] Pensionnyj fond Rossii [Elektronnyj resurs] (data obrashcheniya: 10.03.2018)
- [9] Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 31.07.1998№146-FZ «Rossijskaya gazeta», № 148-149, 06.08.1998.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-379-383

УДК 342

ВАСИЛЬЕВА Евгения Николаевна,*соискатель кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru*

ЕДИНСТВО ЗАДАЧ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И ИСКУССТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. В статье рассматривается единообразие задач правовой политики (политики права) и искусства в установлении сбалансированного и гармоничного миропорядка и правопорядка. Установление справедливости в сфере общественных отношений декларируется как в Основном Законе, так и в произведениях искусства, которая в идеале востребована всей человеческой общностью. Нахождение путей и способов формирования упорядоченности отношений человека, общества и государства представляет собой такую социокультурную проблему, изучению которой должны уделять внимание теоретическое правоведение и социогуманитарные науки в междисциплинарном контексте.

Ключевые слова: правовая политика, искусство, справедливость, правопорядок.

VASILYEVA Evgeniya Nikolaevna,*Candidate of the Department of Theory and History of State and Law
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan*

THE UNITY OF THE TASKS OF THE LEGAL POLICY AND ART: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DISCOURSE

Annotation. The article considers the uniformity of the tasks of legal policy (the policy of law) and art in establishing a balanced and harmonious world order and law and order. The establishment of justice in the sphere of public relations is declared both in the Basic Law of Russia and in works of art, which is ideally in demand by the entire human community. Finding ways and means of forming the order of relations between a person, society and the state is a socio-cultural problem that theoretical jurisprudence and socio-humanitarian sciences should pay attention to in an interdisciplinary context.

Key words: legal policy, art, justice, law and order.

Доктрина современной правовой политики (политики права) России, расширяясь одновременно в различные сферы социогуманитаристики, обнаруживает необходимость междисциплинарного диалога с такой духовно-практической областью человеческой деятельности как искусство. Право и искусство как обособленные социокультурные феномены сопряжены в единстве своих целей и задач по установлению справедливого, гармоничного и сбалансированного миропорядка. Последний в юридической науке (с учетом предмета ее исследований) интерпретируется в качестве право- и законопорядка, что в соответствии с различными типами правопонимания, находит свое отражение при обосновании той или иной теоретической конструкции [9].

Правовая политика, построение концепции которой приходится на «золотой век» русского правоведения с середины XIX в., обосновывалась в трудах отечественных юристов в качестве мировоззренческой универсалии, способной использовать закон и, в целом, право для установления справедливости в обществе. Плеяда русских правоведов: С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Д.Г. Гурвич, Г.Ф. Шершеневич, Ю.Э. Янсон и многие другие, придавали изучению права широкий социокультурный диапазон, сосредотачиваясь на «назревших вопросах правовой жизни» (Б.А. Кистяковский).

Понимание правовой политики (политики права) известным правоведом и политическим деятелем С.А. Муромцевым в качестве «искус-

ства управления делами общества», принципиально модифицировало представление о праве в сугубо нормативистском его предназначении («право – воля суверена»), хотя и не отрицало его полностью. Правовая политика, по мнению С.А. Муромцева, – теория искусства, должна определять «что должно быть и к чему следует стремиться», установить цели, задачи, приемы и способы, которыми должны руководствоваться законодатели и судьи [5].

Паттерны правовой политики, моделируемые юридической наукой с середины XIX в., приобрели свою популярность в современном теоретическом правоведении и получили свое развитие в трудах Саратовской научной школы (Н.И. Матузов, А.В. Малько, В.А. Рудковский, О.Ю. Рыбаков и др.)

Правовая политика [12, 13] – «стратегия и тактика развития права» (А.В. Малько) и ее методологическое значение получают воплощение в социальной действительности как: 1) явление правовой реальности; 2) юридическая категория; 3) научная теория; 4) публичная, динамичная и имеющая прогнозируемый характер деятельность, подчиняющая позитивное право – естественному в условиях абсолютного признания, соблюдения и защиты государством прав и свобод человека и гражданина [7]. В этом смысле правовая политика базируется на Основном Законе и основной ее задачей, как и собственно самого права, является повышение качества жизни российских граждан, [8] установление сбалансированного порядка в сфере общественных отношений и создание надлежащих условий для самореализации и развития личности.

Со времен Л. Фейербаха, утвердившего человека «центром всей методологии», социальное познание изменяет направления познания всего того, что связано с человеком и необходимо ему. В этой связи получает свое развитие и семиотика, изучающая свойства знаковых систем и знаков, в числе которых можно рассматривать символы, знаки и «языки искусства» (В.П. Кохановский). Через последние в сознании, в том числе правовом сознании, отражаются смыслы и значения мира культуры, в том числе правовой культуры, оказывающей чрезвычайно важное воздействие на развитие человека.

В междисциплинарном (право, культурология, этика и др.) контексте можно утверждать, что человеческое развитие представляет собой постоянное совершенствование чувственной сферы и становится возможным при сознательном движении к гуманизации собственных эмоций. Данная проблема является актуальной для всего социума, но особенно для юридического образования, в котором на современном этапе

правокультурные процессы находятся в кризисном состоянии. [10] Такое развитие осуществляется посредством восприятия искусства, которое способно гармонизировать чувства, возвышать их. Другая задача искусства состоит в том, чтобы придать чувствам эстетику, так как чувство прекрасного одухотворяет человека, вносит в его внутренний мир гармонию, формирует эстетически ценностные ориентации, развивает его эстетический вкус. Искусство воспитывает наше ощущение меры и гармонии, что позволяет обеспечить социализацию и правовую культуру.

Искусство противостоит утилитарности жизни. Создавая предметы искусства, художник не задумывается об их удобстве или практической пользе, так как искусство в первую очередь направлено на духовное воздействие. Задача искусства помочь сформировать личность, вовлечь человека в духовную сферу посредством приоритета духовного над материальным. Обыденное в искусстве приобретает черты высокой духовности, потребности и интересы личности переключаются в духовную сферу.

Искусство действует на человеческое подсознание. Если в творческом процессе эмоции переходят из бессознательного в сознательное, то при восприятии искусства происходит обратный процесс. В. Волошинов утверждает, что «всякий художественный образ всегда апеллирует к бессознательному, но в такой форме, что обманывает и успокаивает сознание. Это благородный обман: он позволяет изжить общечеловеческие комплексы» [2].

Человеку свойственны некоторые особенности, которые невозможно найти в дикой природе, к примеру, воображение, абстрактное мышление, память и чувства. Эти способности можно развивать только с помощью искусства.

Аристотель писал: «от прочих животных человек отличается тем, что имеет знания о добре и зле, о справедливости и несправедливости» [1].

Понимание социумом справедливости менялось вместе с обществом: Ф. Энгельс писал: «Справедливость греков и римлян находила справедливый рабство; справедливость буржуа 1798 года требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым» [4].

Через понятие справедливости общество формирует представление о должном поведении людей. Сегодня жить справедливо означает жить в соответствии с нормами общественного поведения, которые закреплены в законе. Однако регулятором человеческого сознания выступает совесть.

Совесть — это личностное осознание собственной ответственности перед обществом. Однако также можно говорить о коллективной

совести, которая является общим чувством ответственности за то или иное событие, возникающее в социуме (Пример: память о жертвах Холокоста в Германии). Таким образом, совесть, действуя на уровне подсознания, инициирует человека к соблюдению моральных норм.

Следование принципам морали и соблюдение нравственных законов также объясняется через моральную мотивацию. Теория моральной мотивации разработана Г. Гумницким, который утверждал, что моральный поступок является реализацией морального мотива. Гумницкий выделяет следующие виды морального мотива: 1) мотив долга, 2) мотив гуманности, 3) мотив справедливости (определяющие мотивы); и вторичные мотивы (контрольные), например, совесть [3].

Для создания мотивации у личности необходим моральный идеал - представление о том, как в идеале должно поступать моральное общество, моральный индивид. Стремление к такому идеалу является моральной целью, но без моральных представлений (морального сознания) такое стремление и поступки остаются бессмысленными. Аналогично рассуждают и представители юридической науки, обращая свое внимание на необходимость моральных и нравственных установок права. [11]

В идеале, задача искусства в гуманизации человека, совершенствовании его нравственных идеалов. Однако не раз отмечалось и обратное влияние искусства. Ж.-Ж. Руссо в работе «Способствовало ли восстановление наук и искусств восстановлению нравов...» делает вывод о пагубном влиянии искусства на общественную мораль. Он пишет: «когда изысканность и утонченный вкус свели искусство к определенным правилам, в наших нравах воцарилось пошлое и обманчивое однообразие, и кажется, что все умы отлиты по одному образцу» [6].

С развитием социума искусство из «отражения действительности» становилось «другой реальностью», привилегированным возможным миром, более «истинным», чем существующий социальный мир.

В этом смысле, социально-правовая реальность делится на ту, что существует, и ту, что должна существовать. Этот разрыв говорит о неидеальности устройства общества и права, в которой можно выделить эпохи, когда реальность искусства и права (как представление о том, какой реальность должна быть) вступали в конфликт.

Существует два принципиальных пути взаимодействия искусства и социально-правовой реальности. К примеру, искусство может строго придерживаться своих границ путем ухода от социума в связи с критикой. Искусство также может испытывать стремление к прорыву границ

и попытке непосредственно воздействовать на повседневные практики и участвовать в них.

К первому типу взаимодействия искусства и правовой повседневности следует отнести просветительское представление об искусстве как отличной от повседневного мира реальности. Это представление является следствием развития книгопечатания и усиливающейся секуляризации общественной жизни. В связи с этим, граница между искусством и тем миром, где живет реципиент печатного текста, становится явной, очевидной для него. Со временем наличие границы стало отличительной чертой искусства, что отражается и на правопонимании.

Процессы изменения сложившейся социальной, в том числе правовой, ситуации сначала накапливаются в искусстве, чтобы потом войти в объективную реальность и стать частью повседневности. Может показаться, что методы, например, авангардного искусства, противопоставлены обыденности, но это не так. Искусство стало общественным достоянием, вышло из музеев и галерей в город. Русский авангард стремился к изменению мира, вследствие чего деятели авангарда активно работали с городской средой. Такое восприятие искусства получило дальнейшее распространение и развитие во второй половине XX в. в практике хэппенинга и перформанса. Это искусство, нарушающее собственные рамки, которое стремится быть неискусством и стать самим обществом.

С этим напрямую связана политическая и правовая роль современного искусства. Искусство легитимизирует власть, изображая тех, кто находится у власти. Парадный портрет или статуя способны закрепить в сознании общества факт правления, убедить в необходимости и важности правителя. С другой стороны, в случае явного социального конфликта, искусство может выступить оружием против власти, растерявшей поддержку собственного народа. Таким образом, во времена стабильности и процветания искусство помогает укрепить общество, сплотить народ вокруг власти. Во времена политических кризисов и реализации назревших перемен искусство помогает укрепить дух революционеров или реформаторов, убедить остальных в необходимости перемен.

Тесная связь между искусством и политикой образовалась в XX в., когда Модернизм, зародившийся в конце XIX в. и активно развивавшийся в XX, изменил то, как искусство взаимодействует с политикой. Одно из достижений модернизма это высвобождение художественной формы от каких-либо ограничений, что способствовало формированию большого количества новых направлений и медиа в XX в. Искусство освободилось от

давления общества и государства, установив полную открытость самовыражения. Такое искусство неразрывно связано с демократическим строем, так как в авторитарных и тоталитарных государствах искусство зачастую вынуждено выполнять роль пропаганды, выражая волю правящей силы.

В демократическом правовом обществе искусство отделено от государства и общества. Задача искусства — обнаружение своей собственной, внутренней истины, которая выше всякой политической истины, но находится в пределах, очерчиваемых правом.

Эстетическая свобода, свобода самовыражения, свобода художественного вкуса являются следствием свободы граждан и общества. Демократичность искусства отражается в признании всех возможных подходов к творчеству равноправными.

Другая задача искусства заключается в духовном совершенствовании личности, а через это в построении правового государства. Однако искусство в реалиях XXI в. способно к воздействию не только на личность, но напрямую на социально-политические институты. Объединяя в себе социальный протест и образность, искусство способно поддержать существующую идеологию и совершить революцию. С точки зрения права особое значение имеет возможная роль искусства в демократизации общества и формирования правового государства.

Искусство укрепляет права и свободы личности, так как собственным примером показывает, что люди равны, искусство доступно всем и потому несет в себе саму идею равенства и свободы. В современном мире этот процесс демократизации особенно заметен.

Таким образом, публичность и политизированность современного искусства, в частности российского искусства, направлена на то, чтобы заставить общество обратить внимание на ту или иную социальную или политическую проблему. В эпоху постмодерна искусство вступает в активную борьбу с властью за обеспечение граждан правами и свободами, необходимую для построения правового общества и возможность реализации принципа верховенства права.

Учитывая взаимосвязь эмоций и морали, искусство является инструментом воспитания моральных качеств. Искусство кристаллизует эмоционально-идейную и этическую культуру человека, оно способно воспитывать высокие чувства и убеждения, в т.ч. и нравственные.

Один из возможных способов влияния искусства на личность заключается в способности искусства к моделированию. Человеческие поступки зачастую являются следствием полученного опыта. Опыт можно в т.ч. получить через

моделирование ситуаций. Искусство способно преподать человеку важный моральный урок, поставить его в условия, в которых он вряд ли бы смог сам оказаться. Кроме наглядности, искусство способно к эмоциональному убеждению. Оно предлагает человеку сделать осознанный моральный и правовой выбор, прочувствовать всю ответственность за тот или иной поступок. Искусство участвует в закладывании принципов правового государства, продвигая идеи справедливости, равенства и свободы, реализуемые через следование закону и моральным принципам. Искусство всегда было способно провести границу между справедливым и несправедливым и, используя аспект эмоционального восприятия, донести эти идеи, убедить личность.

Таким образом, для получения объективных и всесторонних знаний о взаимодействии правовой политики и искусства в современной реальности, использование принципа развития предмета исследования и иных методологических средств социогуманитаристики в целом становится научной потребностью, удовлетворение которой сегодня возможно в междисциплинарном контексте.

Список литературы:

- [1] Аристотель. Политика. - СПб., 1865. - Кн. 1. - Гл. 1. - С. 7 - 8.
- [2] Волошинов В.Н. Фрейдизм. - М., 1993. - С. 58.
- [3] Гумницкий Г. Основы этики. - Ч. 1. - С. 51.
- [4] Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. Т. 18. - С. 273.
- [5] Муромцев. С.А. Определение и основное разрешение права / Муромцев С. А.; вступ. ст., коммент. Ю. И. Гревцова. - 2-е изд., доп. - СПб.: Издательский дом СПбГУ; Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2004. - 224 с.
- [6] Руссо Жан-Жак. «Рассуждение о науках и искусствах, получившее премию Дижонской академии в 1750 году, на тему, предложенную этой же академией: Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» // Историко-педагогический журнал - 2012. - № 2. - С. 55.
- [7] Рыбаков О.Ю. Методологическое значение теории правовой политики // Юридическая наука. - 2017. - № 4. - С. 50 - 53.
- [8] Степаненко Р.Ф. Правовое содержание социально-экономической категории «качество жизни»: аналитический дискурс // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. - 2021. - Т. 25. - № 2. - С. 376 - 394.
- [9] Степаненко Р.Ф. Справедливость и законорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. - 2020. - № 6. - С. 79 - 89.
- [10] Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. Правово-культурные процессы в юридическом образова-

нии: проблемы и перспективы // Вестник ТИСБИ. - 2021. - № 2. - С. 5 - 12.

[11] Хамидуллина Ф.И. «Основы нравственности» как комплексная юридическая конструкция // Право и государство: теория и практика. - 2018. - № 1 (157). - С. 71 - 75.

[12] Малько А.В., Костюков А.Н., Кроткова Н.В. Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9

[13] Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145 - 159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

Spisok literatury:

[1] Aristotel'. Politika. - SPb., 1865. - Kn. 1. - Gl. 1. - S. 7 - 8.

[2] Voloshinov V.N. Frejdzizm. - M., 1993. - S. 58.

[3] Gumnickij G. Osnovy etiki. - Ch. 1. - S. 51.

[4] Marks K., Engel's F. - Soch. T. 18. - S. 273.

[5] Muromcev. S.A. Opredelenie i osnovnoe razreshenie prava / Muromcev S. A.; vstup. st., komment. Yu. I. Grevcova. - 2-e izd., dop. – SPb.: Izdatel'skij dom SPbGU; Izd-vo yurid. fakul'teta SPbGU, 2004. - 224 s.

[6] Russo Zhan-Zhak. "Rassuzhdenie o naukah i iskusstvah, poluchivshee premiyu Dizhonskoj akademii v 1750 godu, na temu, predlozhennuyu etoj

zhe akademiej: Sposobstvovalo li vozrozhdenie nauk i iskusstv uluchsheniyu нравов?" // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal - 2012. - № 2. - S. 55.

[7] Rybakov O.Yu. Metodologicheskoe znachenie teorii pravovoj politiki // Yuridicheskaya nauka. - 2017. - № 4. - S. 50 - 53.

[8] Stepanenko R.F. Pravovoe sodержanie social'no-ekonomicheskoy kategorii "kachestvo zhizni": analiticheskij diskurs // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki. - 2021. - T. 25. - № 2. - S. 376 - 394.

[9] Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Gosudarstvo i pravo. - 2020. - № 6. - S. 79 - 89.

[10] Stepanenko R.F., Soldatova A.V. Pravokul'turnye processy v yuridicheskom obrazovanii: problemy i perspektivy // Vestnik TISBI. - 2021. - № 2. - S. 5 - 12.

[11] Hamidullina F.I. "Osnovy нравственности" как kompleksnaya yuridicheskaya konstrukciya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2018. - № 1 (157). - S. 71 - 75.

[12] Mal'ko A.V., Kostyukov A.N., Krotkova N.V. Pravovaya politika v sovremennoj Rossii: aktual'nye problemy teorii i praktiki (Obzor materialov «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9

[13] Mal'ko A.V., Gur'ev V.V., Zatonskij V.A., Krotkova N.V. Pravovaya kul'tura, pravovaya politika i prava cheloveka (Obzor materialov nauchno-prakticheskoy konferencii) // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 2. С. 145 - 159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-384-387

УДК 347.635.3
ББК 67.404.5

МАРКОВСКИЙ Александр Викторович,

магистрант

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,
г. Чита,

e-mail: sorcerer-asy@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Автором статьи анализируются в нормативно-правовых источниках и судебной практике актуальные вопросы правового регулирования отношений по уплате и взысканию алиментов в России, предложены пути совершенствования обозначенных проблем, в целях защиты прав несовершеннолетнего ребёнка.

Ключевые слова: алименты, взыскание алиментов, законный представитель несовершеннолетнего, субъективные имущественные права несовершеннолетних, судебная защита по делам о взыскании алиментов.

MARKOVSKY Alexander Viktorovich

master student of Transbaikal state university, Chita

ACTUAL ISSUES OF PROTECTING THE LEGAL INTERESTS OF MINORS IN ALIMINARY LEGAL RELATIONS

Annotation. The author of the article analyzes the current issues of legal regulation of relations for the payment and recovery of alimony in Russia in regulatory sources and judicial practice, suggests ways to improve the identified problems in order to protect the rights of a minor child.

Key words: alimony, alimony recovery, legal representative of a minor, subjective property rights of minors, judicial protection in cases of alimony recovery.

Для России как социально ориентированного государства чрезвычайно важной является работа, связанная с заботой о будущем поколении. Она включает в себя приложение сил и средств, необходимых для духовного и нравственного воспитания представителей подрастающего поколения. Государство выступает в роли регулятора общественных отношений, его законодательные органы власти готовят и принимают нормативно-правовые акты, связанные с охраной детства [6, с.35].

На уровне главного закона страны сегодня установлено, что охрана прав материнства и детства являются приоритетными направлениями государственной политики. В качестве гаранта защиты прав детей выступает судебная власть. В соответствии со ст. 2 ГПК РФ определены цели применения норм гражданского судопроизводства [3]. Они сводятся к защите законных интересов и субъективных прав. В научно-исследовательской работе Р.Е. Гукасяна отмечается, что интерес является социальным явлением, его защита представляется возможной через применение субъективного права [4, с.19]. А.В. Малько в своей работе предпринимает попытку провести черту между

законным интересом и субъективным правом. Как пишет автор, субъективное право представлено в виде особой дозволенности, ее обеспечение достигается за счет конкретной юридической необходимостью со стороны других лиц. Если такая дозволенность не подразумевает достижения юридически нужного поведения других лиц, то с позиции законодателя она не будет рассматриваться как субъективное право.

Что касается законного интереса, то здесь автор приходит к выводу о том, что им является юридическое дозволение, которое исходит из смысла объективного права, в определенной степени гарантируется государством [6, с.36]. В качестве предмета судебной защиты по делам, связанным с взысканием задолженности по алиментам, выступает не только субъективное право несовершеннолетнего, но и законный интерес.

К формированию законного интереса у ребенка приводит поведение родителей, лиц, их заменяющих. Е.М. Ворожейкин пишет, что родители или опекуны, должны установить наличие законного интереса ребенка [2, с.16]. Подлинные интересы несовершеннолетнего могут пониматься по-другому родителями или опекунами. П.

1 ст. 65 СК РФ указывает на то, что родительские права не могут реализоваться и противоречить при этом законным интересам детей [12]. Поэтому по факту с реализацией таких прав неумышленный вред интересам несовершеннолетнего лица.

В качестве примера здесь необходимо привести дело из судебной практики. Оно касалось лишения родительских прав и взыскания алиментов на ребенка с ответчика. О своем нежелании не взыскивать алименты в судебном слушании истец не заявил. Ответчиком по делу проходила мать ребенка. Было установлено, что мать ребенка не имеет стабильного заработка и ведет аморальный образ жизни.

При пересмотре дела в ВС РФ было установлено, что суд нижестоящей инстанции нарушил требования ч. 3 ст. 70 СК РФ, алименты не взыскал. Коллегия ВС РФ заключила, что требование по взысканию алиментов, предусмотренное законом, не может зависеть от желания или нежелания другого родителя взыскать такие алименты в пользу ребенка. Вне зависимости от наличия желания или нежелания суд обязан взыскать алименты [8].

С учетом такой позиции ВС РФ необходимо согласиться с точкой зрения Р.Е. Гукасяна, который при рассмотрении подобных судебных споров рекомендует руководствоваться интересами, а не волей. Дело в том, что если при рассмотрении таких споров приоритет будет отдаваться воле, то это будет осуществляться вопреки интересам ребенка. В подобных случаях интересы несовершеннолетнего лица должны защищаться вопреки воле [4, с.21].

Защищаются интересы и права несовершеннолетнего лица со стороны законного представителя, анализ судебной практики позволяет убедиться в том, что большая часть судей не принимает во внимание отказ представителя ребенка в том, чтобы взыскивать алименты. В данном случае предполагается, что отказ приведет к нарушению прав и интересов ребенка.

Возьмем еще один пример из судебной практики - постановление Ульяновского областного суда. Судебной инстанцией была рассмотрена жалоба, связанная с установлением факта отцовства и взысканием алиментов. При рассмотрении дела истец отказался от иска, данный факт был принят во внимание судом, поэтому возникла задача по установлению факта того, не противоречит ли данный отказ правам и интересам других лиц, является ли он законным. Суд при принятии решения по такому вопросу должен убедиться, что воля истца была свободно заявлена, мотивов принуждения к такому отказу не было.

С учетом рассмотренного примера из судебной практики необходимо констатировать, что отказ от иска, связанного с взысканием алиментов, часто встречается в судебной практике, является нежелательным с точки зрения прав и законных интересов несовершеннолетнего лица. В практике могут возникать и такие ситуации, при которых по тем или иным причинам стороны могут не иметь желания оформлять отношения в части исполнения алиментных обязательств. И это не будет противоречить законодательству. Фактически размер алиментных платежей при этом может быть даже выше, чем тот, который установлен законом. Поэтому не всегда правильным будет применение только судебного решения для исполнения алиментных обязательств.

В то же время нельзя исключать и такой ситуации, при которой судебное решение позволит установить такие особенности исполнения алиментных обязательств, которые поставят несовершеннолетнего лицо в невыгодное положение, хотя они и будут соответствовать требованиям закона.

Если родители ребенка замешаны в конфликтной ситуации, то выдвижение требования о взыскании алиментов может носить необдуманный характер. Допускается, что родитель, который выставляет такое требование, осознает, что размер алиментов по закону будет меньше размера реального материального обеспечения. И если суд в такой ситуации не примет отказ истца от иска, то это не будет соответствовать интересам ребенка и самого государства, которое заинтересовано в том, чтобы несовершеннолетние дети имели достойное материальное обеспечение.

Для предупреждения нарушения прав ребенка путем участия в защите прав и интересов законного представителя требуется использование жестких инструментов контроля. Обстоятельства, которые служат мотивом для отказа от иска, должны проверяться на предмет объективности. В исследовании Н.В. Ченцова обращается внимание на то, что суд должен защитить права и законные интересы, в то же время он не должен допустить недобросовестного использования прав со стороны участников судебного процесса [13, с.11]. При рассмотрении дел по взысканию алиментов требуется учитывать субъективное право несовершеннолетнего лица и его законные интересы, связанные с получением содержания в форме алиментов [5].

От государства требуется разработка механизма, который позволит пресечь вероятный конфликт интересов законного представителя и несовершеннолетнего [8, с.112]. В качестве примера необходимо провести сравнение с уголовно-про-

цессуальным законодательством. В нем есть определенные полномочия суда, через которые законный представитель может быть отстранен от участия в разбирательстве.

Такие полномочия могут быть реализованы судом при условии, что есть основания полагать, что действия представителя противоречат интересам представляемого (ч. 2 ст. 428 УПК РФ). В соответствии с позицией ВС РФ к таким действиям относится невыполнение обязанностей законного представителя, злоупотребление процессуальными правами [10]. Похожая норма есть и в семейном законодательстве, по смыслу которого родители не могут представлять интересы детей, если орган опеки и попечительства установил наличие противоречия между интересами родителей и интересами ребенка. Если такие разногласия имеются, то должен быть назначен представитель для защиты прав и интересов ребенка (п. 2 ст. 64 СК РФ).

У суда нет полномочий для отстранения законного представителя ребенка, однако судом при рассмотрении дела может быть установлен конфликт интересов. При выявлении такого факта суд может предпринять действия для того, что пресечь конфликт интересов. Сделано это может через привлечение к участию в деле третьей стороны - органа опеки и попечительства. В своем исследовании О.С. Батова констатирует, что активность органов правосудия имеет тенденцию к снижению, все же при этом суд обязан создать условия для полного исследования обстоятельств дела. Когда мы говорим о делах, связанных с защитой прав детей, то подразумеваем закрепленное за судом право на собирание доказательств по смыслу гражданско-процессуального законодательства.

Автор ссылается на ст. 272 ГПК РФ, в которой говорится о том, что судья обязывает органы опеки и попечительства подготовить заключение об обоснованности и соответствии усыновления интересам ребенка. Делаться это должно еще на стадии подготовки дела к рассмотрению [1, с. 139]. В процессуальном законодательстве относительно дел по алиментным обязательствам аналогичных норм не приводится.

Поэтому и факты об имущественных правах ребенка при рассмотрении таких дел должным образом не проверяются. Нельзя исключать, что отказ от иска со стороны законного представителя может быть связан с конфликтом интересов, направлен на достижение собственных целей, а не достижение имущественного благополучия представляемого.

С учетом значимости проверки соответствия действий представителя интересам несовершен-

нолетнего и высокой степени социальной важности дел, связанных с алиментными обязательствами, предлагается подготовить и внести поправки в действующую редакцию ГПК РФ. Изменения должны быть направлены на установление обязательного требования со стороны суда получения от органов опеки, прокурора, заключения с указанием сведений об обоснованности действий законного представителя и их соответствии интересам ребенка.

Данные изменения должны быть внесены в ст. 173 ГПК РФ. Если такие изменения будут закреплены в законе, то это будет сигналом для законного представителя о том, что совершение им действий в обход интересов ребенка противоречит закону, более того, совершение таких действий будет пресечено со стороны органов опеки и попечительства, органов прокуратуры. Поэтому в любом случае права и интересы несовершеннолетнего лица нарушены не будут.

В заключение следует отметить, что в делах по взысканию алиментов фигурирует публичный интерес. В достойном материальном обеспечении несовершеннолетних лиц заинтересовано государство. Тем самым государство проявляет свою заботу о будущем поколении. И возможность учета такого интереса представляется реальной при условии, что суда при рассмотрении дел по алиментным обязательствам будут проявлять активные действия. Это позволит не допустить нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, а также гарантировать получение ими имущественного содержания даже при условии развода родителей. Не стоит рассматривать действия, предусмотренные ст. 39, в частности, отказ от иска, в качестве безоговорочного нарушения прав несовершеннолетнего лица. Поэтому абсолютный запрет на реализацию таких прав установлен быть не должен.

С учетом мнения суда, органов опеки и попечительства, органов прокуратуры при рассмотрении каждого дела должна проводиться проверка на соответствие действий представителя интересам представляемого лица. Только тогда мы можем говорить о возможности обеспечения баланса между публичными и частными интересами. Поучительной с точки зрения практики является позиция ЕСПЧ, выраженная в Постановлении от 25.03.04 г. по делу «Леонид Шофман против России» [11], а также в Постановлении от 2.06.05 г. по делу «Знаменская против России» [9]. В этих решениях содержится однозначная позиция, которая предусматривает, что социальные и биологические реалии должны превалировать над юридическими презумпциями.

Список литературы:

- [1] Батова О.С. Пути устранения противоречий гражданского процессуального и семейного законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 139-144.
- [2] Ворожейкин Е.М. Обеспечение и защита прав и интересов несовершеннолетних субъектов семейных правоотношений // Сов. юстиция. 1972. № 16. С. 15-17.
- [3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.
- [4] Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Гукасян Р.Е.; Отв. ред.: Вилкут М.А. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – 190 с.
- [5] Как изменить способ уплаты алиментов, взыскиваемых по решению суда? [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс» (дата обращения 27.08.2021)
- [6] Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 2018. № 3. С. 35-38.
- [7] Марковский А.В. Актуальные проблемы российского права в области алиментных обязательств // Образование и право. 2021. № 5. С. 111-114.
- [8] Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
- [9] Постановление ЕСПЧ от 02.06.2005 «Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 8.
- [10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
- [11] Решение ЕСПЧ от 25.03.2004 «По вопросу приемлемости жалобы № 74826/01 «Леонид Шофман (Leonid Shofman) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 1.
- [12] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. N 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1 ст. 16.
- [13] Ченцов Н.В. Защита государственных интересов в гражданском судопроизводстве : (Теоретические проблемы) : автореферат дис. ... доктора юридических наук : МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1990. – 25 с.

Spisok literatury:

- [1] Batova O.S. Puti ustraneniya protivorechiy grazhdanskogo protsessual'nogo i semeynogo zakonodatel'stva pri rassmotrenii sporov, svyazannykh s vospitaniem detey // Zhurnal rossiyskogo prava. 2016. № 6. S. 139-144.
- [2] Vorozheykin E.M. Obespechenie i zashchita prav i interesov nesovershennoletnikh sub»ektov semeynykh pravootnosheniy // Sov. yustitsiya. 1972. № 16. S. 15-17.
- [3] Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
- [4] Gukasyan R.E. Problema interesa v sovet'skom grazhdanskom protsessual'nom prave / Gukasyan R.E.; Otv. red.: Vikut M.A. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1970. – 190 s.
- [5] Kak izmenit' sposob uplaty alimentov, vzyskivaemykh po resheniyu suda? [Elektronnyy resurs] // SPS Konsul'tant plyus» (data obrashcheniya 27.08.2021)
- [6] Mal'ko A.V. Sub»ektivnoe pravo i zakonnyy interes // Pravovedenie. 2018. № 3. S. 35-38.
- [7] Markovskiy A.V. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava v oblasti alimentnykh obyazatel'stv // Obrazovanie i pravo. 2021. № 5. S. 111-114.
- [8] Obzor praktiki razresheniya sudami sporov, svyazannykh s vospitaniem detey (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 20 iyulya 2011 g.) // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2012. № 7.
- [9] Postanovlenie ESPCh ot 02.06.2005 «Delo «Znamenskaya (Znamenskaya) protiv Rossiyskoy Federatsii» (zhaloba № 77785/01) // Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. 2006. № 8.
- [10] Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 1 fevralya 2011 g. №1 «O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh» // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2011. № 4.
- [11] Reshenie ESPCh ot 25.03.2004 «Po voprosu priemlemosti zhaloby № 74826/01 «Leonid Shofman (Leonid Shofman) protiv Rossiyskoy Federatsii» // Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. 2005. № 1.
- [12] Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 g. N 223-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 1 st. 16.
- [13] Chentsov N.V. Zashchita gosudarstvennykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve : (Teoreticheskie problemy) : avtoreferat dis. ... doktora yuridicheskikh nauk : MGU im. M. V. Lomonosova. – Moskva, 1990. – 25 s.

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-388-392

МЕЛЬНИК Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
e-mail: melnik55@mail.ru

О ВНЕДРЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ РАЗРАБОТОК ПРИ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(рецензия на книгу: «Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. 416 с.»)

Аннотация. В рецензии не только обращено внимание, но и фактически дана оценка результатов многолетних научных изысканий авторского коллектива (руководитель В.Н. Галузо) относительно развития наиболее дискуссионного раздела юридической науки – теории доказывания (уголовно-процессуальное доказывание, гражданско-процессуальное доказывание, арбитражно-процессуальное доказывание и административно-процессуальное доказывание).

Ключевые слова: наука, право, юриспруденция, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция, конституционное судопроизводство, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное доказывание, административный процесс.

MELNIK Valery Vasilyevich,
LLD, professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

ON THE INTRODUCTION OF FUNDAMENTAL DEVELOPMENTS IN LAW ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

(review of the book: «Evidence in law enforcement through justice in the Russian Federation: Monograph. Fifth edition, revised and updated / Under the editorship of V.N. Galuzo. Moscow: TEIS, 2021. 416 p.)

Annotation. The review not only draws attention, but also actually evaluates the results of many years of scientific research of the author's team (head V.N. Galuzo) regarding the development of the most controversial section of legal science – the theory of proof (criminal procedural proof, civil procedural proof, arbitration procedural proof and administrative procedural proof).

Key words: science, right, law, legislation, regulatory legal act, Constitution, constitutional legal proceedings, criminal proceedings, criminal proceedings, criminal procedure proof, administrative process.

Опубликование пятого издания монографии «Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации» [1] не может быть оставлено без внимания научной общественностью по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, немногочисленному авторскому коллективу (руководитель В.Н. Галузо) на протяжении нескольких лет (с 2012 г.) удалось обосновать необходимость преемственности в использовании действительно выдающихся достижений ученых – специалистов в области советской уго-

ловно-процессуальной науки и криминалистики [2].

Во-вторых, в рецензируемой монографии достаточно убедительно проведено разграничение между понятиями «судопроизводство» и «правосудие». Причем, на основании положений Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями) и иных нормативных правовых актов, как правило, по юридической силе приравненных к федеральному конституционному закону РФ и федеральному закону РФ, обосновано принципиально важное

положение: при имеющихся пяти видах судопроизводств (конституционное, уголовное, гражданское, арбитражное и административное) только по четырем осуществляется правосудие (уголовное, гражданское, арбитражное и административное). При конституционном судопроизводстве так называемое конституционное правосудие исключено, что следует из буквального толкования положений ст. 3 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 12 июля 1994 г. При административном судопроизводстве осуществляется административное правосудие, причем исключительно в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г., но не Федеральным законом РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г.

В-третьих, именно отсутствие фундаментальных разработок и не позволяет обособить теорию доказывания в трех видах доказывания: гражданское, арбитражное и административное. Отсутствие таковых (фундаментальных разработок) как следствие подтверждено несовершенством гражданско-процессуального законодательства, арбитражно-процессуального законодательства и административно-процессуального законодательства о доказывании (соответственно, ГПК РФ, АПК РФ и КоАП РФ).

В-четвертых, советская теория доказательств в уголовном процессе может быть положена в основу теории доказывания гражданского процесса, арбитражного процесса и административного процесса.

Структурно монография состоит из пяти разделов.

В первом разделе «Основные положения», включающем одну главу «Сущность доказывания при правоприменении посредством правосудия» с четырьмя параграфами (страницы 32-47), обосновано несколько суждений: «... что процессуальное доказывание осуществляется лишь при производстве четырех видов судопроизводств: гражданское, уголовное, административное и арбитражное. Что же касается конституционного судопроизводства, ошибочно отождествляемого в юридической литературе с конституционным правосудием, то здесь процессуальное доказывание не осуществляется. Именно поэтому относительно деятельности Конституционного Суда РФ ... использован термин «процессуальное производство» (страницы 37); «В данном случае исследователям следовало бы сфокусировать внимание на разработку фундаментальных положений именно теории доказывания. ... представляется, что таковые выработаны относительно теории доказывания в уголовном процессе. И это под-

тверждается по большей части вынужденными заимствованиями положений теории доказывания в уголовном процессе, допускаемыми видными представителями гражданско-процессуальной науки, арбитражно-процессуальной науки, административно-процессуальной науки и даже конституционно-процессуальной науки ...» (страница 39); «Проведенный анализ юридической литературы и положений ряда нормативных правовых актов позволяет ... высказать суждение о недопустимости отождествления конституционного судопроизводства и конституционного правосудия. Более того, использование термина «конституционное правосудие», ввиду его бессодержательности, является ошибочным, а потому недопустимым. Конституционный Суд РФ, как впрочем, и конституционные (уставные) суды отдельных субъектов Российской Федерации (каковые в этих субъектах Российской Федерации учреждены), ввиду своей исключительной компетенции, не осуществляют правосудие. Правосудие осуществляют лишь суды общей юрисдикции и арбитражные суды» (страницы 45-46); «Таким образом, недопустимо отождествление терминов «административно-процессуальное доказывание» и «административное судопроизводство». Административно-процессуальное судопроизводство в Российской Федерации следовало бы урегулировать в гипотетическом нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ, - в Административно-процессуальном кодексе РФ. В таком случае не потребовалось бы включать положения об административно-процессуальном доказывании в Федеральный закон РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г.» (страница 47).

Во втором разделе «Доказывание в уголовном процессе», включающем четыре главы («Глава 2. Теория доказывания в уголовном процессе»; «Глава 3. Цель, предмет и пределы доказывания в уголовном процессе»; «Глава 4. Уголовно-процессуальное доказывание как вид государственной деятельности»; «Глава 5. Доказательства (средства доказывания) в уголовном процессе») (страницы 48-166), обосновано несколько суждений: «Анализ научной юридической литературы, посвященной уголовно-процессуальному доказыванию, позволяет нам высказать следующее принципиально важное суждение: развитие уголовно-процессуальной науки относительно уголовно-процессуального доказывания, разумеется условно, можно представить в виде трех этапов. 1. 60 - 70-е годы прошлого столетия – конец прошлого столетия. Теоретическим обоснованием для уголовно-процессуального доказывания являлась теория доказательств. 2.

Конец прошлого столетия – 2001 г. Теоретическим обоснованием для уголовно-процессуального доказывания являлась теория доказательств и доказывание. 3. 2001 г. – настоящее время. Теоретическим обоснованием для уголовно-процессуального доказывания является теория доказывания. Иначе говоря, теоретический фундамент уголовно-процессуального доказывания видоизменялся следующим образом: от теории доказательств в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР), минуя теорию доказательств и доказывание в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР), к теории доказывания в уголовном процессе Российской Федерации (РФ) (страницы 56-57); «Таким образом, основу теории доказывания в уголовном процессе Российской Федерации составляет теория познания (гносеология)» (страница 59); «Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство представляет совокупность нормативных правовых актов с разной юридической силой, а также решений судебных органов (Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ), содержащих уголовно-процессуальные нормы» (страница 72); «Содержание истины в уголовном производстве (или границы уголовно-процессуального доказывания) ограничено определенными рамками гносеологического порядка. Такие рамки установлены и в УПК РФ в виде предмета и пределов доказывания ...» (страница 84); «От предмета доказывания зависят пределы доказывания, ибо применительно к очерченным им обстоятельствам определяется круг относимых к уголовному делу доказательств» (страница 86); «Таким образом, между понятиями «уголовно-процессуальная деятельность» и «уголовно-процессуальное доказывание» существует родовидовая связь. Иначе говоря, всякое уголовно-процессуальное доказывание является уголовно-процессуальной деятельностью, но не всякая уголовно-процессуальная деятельность может рассматриваться в качестве уголовно-процессуального доказывания» (страница 95); «Таким образом, уголовно-процессуальное доказывание может быть представлено в виде системы: сбор, проверка и оценка доказательств» (страница 107); «Таким образом, уголовно-процессуальное доказывание непосредственно осуществляют процессуальные органы, что предопределено приоритетом субординационного метода в регулировании уголовно-процессуальных отношений. Участники уголовного процесса оказывают лишь содействие процессуальным органам при осуществлении уголовно-процессуального доказывания» (страница 123); «Таким образом, определение понятия «доказательство» через пять существенных признаков [любые фактические данные (сведения);

сведения, имеющие значение для уголовного дела; сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом РФ; сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом РФ; сведения, имеющие определенный процессуальный носитель] позволяет идентифицировать его в системе иных понятий теории доказывания» (страница 133).

В третьем разделе «Доказывание в гражданском процессе», включающем две главы («Глава 6. Теория доказывания в гражданском процессе»; «Глава 7. Доказательства в гражданском процессе») (страницы 167-190), обосновано несколько суждений: «Основу гражданско-процессуального доказывания в Российской Федерации, как одного из видов государственной деятельности, составляет исключительно теория доказывания. Все иные названия (теория доказательств, теория доказательств и доказывание и др.) представляются несовершенными» (страница 172); «Особенность ГПК РФ, как федерального закона РФ, в том, что это нормативный правовой акт, специально предназначенный для регулирования доказывания. В соответствии с правилами комплексного право-применения, все иные нормативные правовые акты с равной или меньшей юридической силой, не могут противоречить ГПК РФ. Название главы 6 ГПК РФ должно быть видоизменено: вместо названия «Доказательства и доказывание» использовать исключительно название «Доказывание». Нуждаются в корректировке и отдельные статьи главы 6 ГПК РФ (в первую очередь, путем приведения в соответствие их названий правилам формальной логики)» (страница 175); «Анализ положений статьи 55 ГПК РФ позволяет нам выделить пять существенных признаков понятия «доказательство»: это любые сведения о фактах; это сведения, имеющие значение для гражданского дела; это сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом РФ; это сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом РФ; это сведения, имеющие определенный процессуальный носитель. Соответственно ... определен исчерпывающий перечень доказательств в гражданском процессе: объяснения сторон; объяснения третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключение эксперта. Положения абзаца второго ч. 1 ст. 55 ГПК РФ детализированы соответственно в статьях 68, 69, 71, 73, 77, 86 ГПК РФ» (страница 181); «Таким образом, базовой статьей ГПК РФ, в которой приведен исчерпывающий перечень видов доказательств в гражданском процессе, является статья 55. Все иные статьи ГПК РФ, в которых речь идет об отдельных видах доказательств, не должны про-

тиворечить статье 55 этого же федерального закона РФ» (страница 185).

В четвертом разделе «Доказывание в арбитражном процессе», включающем две главы («Глава 8. Теория доказывания в арбитражном процессе»; «Глава 9. Доказательства в арбитражном процессе») (страницы 191-212), обосновано несколько суждений: «Основу арбитражного процессуального доказывания в Российской Федерации, как одного из видов государственной деятельности, составляет исключительно теория доказывания. Все иные названия («институт доказывания», «теория доказывания и доказательств», «судебное доказывание», «судебное познание» и др.) представляются несовершенными» (страница 197); «Особенность ГПК РФ-3, как федерального закона РФ, в том, что это нормативный правовой акт, специально предназначенный для регулирования доказывания. В соответствии с правилами комплексного правоприменения, все иные нормативные правовые акты с равной юридической силой, не могут противоречить ГПК РФ-3. При этом является обоснованным пользование исключительно аббревиатурой – «АПК РФ-3». Название главы 7 АПК РФ–3 должно быть видоизменено: вместо названия «Доказательства и доказывание» использовать исключительно название «Доказывание». Нуждаются в корректировке и отдельные статьи главы 7 АПК РФ–3 (в первую очередь, путем приведения в соответствие их названий правилам формальной логики)» (страница 200); «Анализ положений статьи 64 АПК РФ-3 позволяет нам выделить пять существенных признаков понятия «доказательство»: это сведения о фактах; это сведения, имеющие значение для дела; это сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом РФ; это сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом РФ; это сведения, имеющие определенный процессуальный носитель. Соответственно нами определен исчерпывающий перечень доказательств в арбитражном процессе: письменные доказательства; вещественные доказательства; объяснения лиц, участвующих в деле; заключение эксперта; консультация специалиста; показания свидетелей; аудио- и видеозаписи; иные документы и материалы. Положения части 2 ст. 64 АПК РФ-3 детализированы соответственно в статьях 75, 76, 81, 87, 88, 89 АПК РФ-3» (страница 203); «Таким образом, базовой статьей АПК РФ-3, в которой приведен исчерпывающий перечень видов доказательств в арбитражном процессе, является статья 64. Все иные статьи АПК РФ-3, в которых речь идет об отдельных видах доказательств, не должны противоречить статье 64 этого же федерального закона РФ» (страница 204).

В пятом разделе «Доказывание в административном процессе», включающем две главы («Глава 10. Теория доказывания в административном процессе»; «Глава 11. Доказательства в административном процессе») (страницы 213-236), обосновано несколько суждений: «Основу административно-процессуального доказывания, как одного из видов государственной деятельности, составляет исключительно теория доказывания. Все иные названия (теория доказательств, теория доказывания и доказательств и др.) представляются несовершенными» (страница 221); «Особенность КРФоАП, как федерального закона РФ, в том, что это нормативный правовой акт, специально предназначенный для регулирования доказывания. В соответствии с правилами комплексного право-применения, все иные нормативные правовые акты с равной юридической силой, не могут противоречить КРФоАП. При этом является обоснованным пользование исключительно аббревиатурой – «КРФоАП». Нуждается в коренном преобразовании и Кодекс РФ об административных правонарушениях (КРФоАП). Что же касается Федерального закона РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г., то он не предназначен для регулирования административно-процессуального доказывания. Иначе говоря, недопустимо отождествление терминов «административное судопроизводство» и «административное правосудие» (всякое административное правосудие является административным судопроизводством, но не всякое административное судопроизводство является административным правосудием)» (страница 224); «Анализ положений части 1 ст. 26.2 КРФоАП позволяет нам выделить пять существенных признаков понятия «доказательство»: это любые фактические данные; это сведения, имеющие значение для дел об административных правонарушениях; это сведения, полученные из источников, предусмотренных федеральным законом РФ; это сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом РФ; это сведения, имеющие определенный процессуальный носитель. Соответственно нами определен исчерпывающий перечень доказательств в административном процессе: протокол об административном правонарушении; объяснения правонарушителя; показания потерпевшего; показания свидетелей; заключение эксперта; вещественные доказательства; документы; показания специальных технических средств. Положения части 2 ст. 26.2 КРФоАП детализированы соответственно в статьях 26.3, 26.4, 26.6, 26.7, 26.8 КРФоАП» (страница 228); «Таким образом, базовой статьей КРФоАП, в которой приведен исчерпывающий

перечень видов доказательств в административном процессе, является статья 26.2. Все иные статьи КРФоАП, в которых речь идет об отдельных видах доказательств, не должны противоречить статье 26.2 этого же федерального закона РФ» (страница 230).

В рубрикаторе «Заключение» сформулированы основные выводы (всего 42), конкретизирующие содержание соответствующих разделов (страницы 237-244).

О достаточной теоретической базе исследования свидетельствует то, что авторы критически проанализировали и использовали 880 публикаций по избранной теме исследования (страницы 245-289).

Особенность рецензируемой монографии состоит и в заимствовании опыта зарубежных публикаций, а именно в наличии рубрикатора «Послесловие» (на русском и английском языках), в котором указана цель переиздания монографии (страницы 290-291).

Несомненно, облегчают поиск необходимого материала два рубрикатора: «Алфавитно-предметный указатель» (страницы 292-300) и «Именной указатель» (страницы 301-306).

Трудно переоценить значение рубрикатора «Приложения», представленного в виде двух подрубрикаторов: «К главам 1-11» (страницы 307-335); «Законодательство» (страницы 336-414).

Помимо рубрикатора «Послесловие», с целью доступности монографии для читателя из зарубежных правовых государств в ней представлены на английском языке: заглавие (страница 2), оглавление (страницы 12-18) и библиографический указатель (страница 415).

Таким образом, в пятом издании монографии «Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации» ее авторам удалось успешно внедрить фундаментальные разработки в наиболее сложный раздел юридической науки, ныне в соответствии с прика-

зом Министра науки и высшего образования РФ «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» № 118 от 24 февраля 2021 г. представленной в виде всех научных специальностей: «5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки»; «5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки»; «5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки»; «5.1.4. Уголовно-правовые науки»; «5.1.5. Международно-правовые науки».

Список литературы:

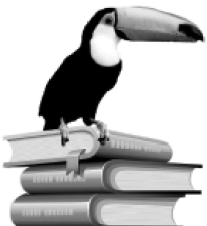
[1] Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. 416 с.

[2] Мельник В.В. От теории доказательств в советской России к теории доказывания в Российской Федерации. Рецензия на книгу Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография. М.: ТЕИС, 2012. 184 с.) // Государство и право. 2013. № 4. С. 120-122.

Spisok literatury:

[1] Dokazyvanie pri pravoprimerenii posredstvom pravosudiya v Rossijskoj Federacii: Monografiya. 5-e izd., ispr. i dop. / Pod red. V.N. Galuzo. M.: TEIS, 2021. 416 s.

[2] Mel'nik V.V. Ot teorii dokazatel'stv v sovet'skoj Rossii k teorii dokazyvaniya v Rossijskoj Federacii. Recenziya na knigu Dokazyvanie v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii (teoriya i pravoprimeritel'naya praktika): Monografiya. M.: TEIS, 2012. 184 s.) // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 4. S. 120-122.

Юрическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-393-396

ПОПОВА Мария Дмитриевна,
студентка Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: 206031@edu.fa.ru

ШЕХМАТОВА Елизавета Сергеевна,
студентка Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: 202373@edu.fa.ru

Научный руководитель:
АЛЛАЛЫЕВ Руслан Мурадович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права и государства
Юридического института Российского университета дружбы народов,
доцент кафедры международного права
АНО ВО «Открытый университет экономики, управления и права»,
e-mail: allalyev_rm@pfur.ru

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ США

Аннотация. В статье авторы исследуют сущность судебного прецедента как источника права в США. Выделена структура прецедента, его элементы – *ratio decidendi* и *obiter dictum* и проанализированы их особенности. В статье рассмотрен принцип действия судебного прецедента *stare decisis*, а также описывается его «применение по вертикали», обусловленного спецификой строения судебной системы США. Прогнозируется усиление в ближайшей перспективе роли судебного прецедента в правовой системе Соединенных Штатов.

Ключевые слова: судебный прецедент, правовая система, источник права, *ratio decidendi*, *obiter dictum*, *stare decisis*, судебная система, Верховный суд, апелляционные суды.

POPOVA Maria Dmitrievna,
student of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

SHEKHMATOVA Elizaveta Sergeevna,
student of the Financial University under
the Government of the Russian Federation

Scientific advisor:
ALLALYEV Ruslan Muradovich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law
and State of the Law Institute of the Peoples ' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department of International Law
of the Open University of Economics, Management and Law

JUDICIAL PRECEDENT AS A SOURCE OF LAW IN THE US LEGAL SYSTEM

Annotation. The authors made an attempt to analyze the essence of judicial precedent as a source of law in the United States. The structure of the precedent is highlighted, its elements are *ratio decidendi* and *obiter dictum*, and the features of each are listed. The article considers the principle of operation of the judicial precedent *stare decisis*. It is emphasized that in the United States,

stare decisis is applied vertically and is determined by the specifics of the US judicial system, its two-part structure. It is predicted that the role of judicial precedent in the United States legal system will strengthen in the near future.

Key words: *judicial precedent, legal system, source of law, ratio decidendi, obiter dictum, stare decisis, judicial system, the Supreme court, courts of appeals.*

Поскольку Соединенные Штаты Америки создавались переселенцами из Европы, многие элементы американской государственности заимствовались из Старого света. Так, американская правовая система стала продолжением традиции английского права, однако самостоятельному развитию правовых институтов США положило принятие федеральной конституции [10]. После получения независимости в колониях возник «конфликт» между приверженцами общего права и сторонниками кодификации. Французский ученый-правовед Рене Давид видел причины «победы» общего права в сохранении английской традиции, английского языка и английского происхождения населения страны [3]. В законах некоторых штатах даже было оговорено, что общее право является «действующим правом».

Р. Давид был уверен, что американская правовая система прошла самообытный путь становления. Право США, по мнению Давида, не может в полной мере считаться английским правом, так как оно отделено от английского права всем тем, что отделяет образ жизни и цивилизацию Америки от образа жизни и цивилизации Англии [3]. Чаще всего к особенностям именно американской правовой выделяют:

Преобладание правового прецедента над другими источниками права;

Отсутствие явных границ между публичным и частным правом, а также четкого деления на отрасли;

Приоритет процессуального права над материальным;

Двухуровневую судебную систему (федеральную и система штатов).

Под данным судебным прецедентом подразумевают решение компетентного органа (как правило, высших судебных инстанций) по конкретному делу, становящееся обязательным правилом при рассмотрении аналогичных дел [9]. Обязательной к исполнению становится только та правовая позиция, которая составляет основу судебного решения, его мотивы - *ratio decidendi*. По мнению В.Н. Сафонова, *ratio decidendi* имеет вид фразы, состоящей из одного-двух предложений, содержащих обоснование решения. Эта фраза отнюдь не всегда является ясным и четко сформулированным юридическим суждением, для *ratio decidendi* присущи «мягкие и гибкие» формулировки. Решение, как правило, точно

определено, в то время как обоснование этого решения зачастую размыто и не отличается ясностью. Это приводит, с одной стороны, к возможности по-разному толковать прецедент, подстраивать его под конкретные обстоятельства, а с другой – такие «неточные» формулировки не будут использованы в дальнейшей судебной практике [8].

Помимо этой обязательной части в структуре судебного прецедента имеют место быть дополнительные аргументы (*obiter dictum*), прямо не влияющие на становление правовой нормы, однако имеющие убеждающую силу. *Obiter dictum* включает в себя мнения, побочные рассуждения, отступления, замечания, только косвенно относящиеся к делу. Некоторые ученые выделяют три вида *obiter dictum*:

Решения, принимаемые судом в отношении отсутствующих в данном деле фактов или обстоятельств или фактов и обстоятельств, реально существующих, но не имеющих прямого отношения к делу;

Утверждения суда, основанные на доказанных фактах, но не используемые при обосновании решения;

Мнения судей, которые остались в меньшинстве при решении данного дела [1].

Таким образом, процесс структурирования судебного прецедента сложен и требует профессиональной подготовки судей. Вместе с тем, американские юристы часто считают бессмысленным попытки разграничения *ratio decidendi* и *obiter dictum*, так как стараются не обращать внимание на то, что судьи говорят, а учитывают лишь то, что они делают [5].

При применении судебного прецедента в качестве источника права долгое время используется принцип *stare decisis*, который заключается в обязанности суда рассматривать прошлые решения как руководство для разрешения подобных дел в будущем. Принцип применяется по вертикали, т.е. «связывает суды решениями только вышестоящих судов» - *vertical stare decisis* [7]. Таким образом, обязательные прецеденты создаются высшими судебными инстанциями, а значит только за ними закреплено право осуществлять правотворческую деятельность. Нижестоящие суды, следовательно, обязаны подчиняться прецедентам вышестоящих судов, в то время как собственные решения первых имеют только убеждающий характер. С течением времени принцип

терял свою значимость, и в настоящий момент носит «рекомендательный» характер. Так, «американской версии» судебного прецедента характерен ряд особенностей, которые М.Н. Марченко классифицировал следующим образом:

Постепенно ослабляется требование соблюдения принципа *stare decisis* по отношению к высшим судебным инстанциям США, в первую очередь к Верховному суду страны, который изначально не был связан своими решениями (для сравнения – Палата лордов в Великобритании отказалась следовать своим решениям лишь в 1966 г.). Таким образом, в отношении судебной системы США можно говорить только о *vertical stare decisis*, когда принцип *horizontal stare decisis* («горизонтальное» действие судебного прецедента) никогда не существовал в Соединенных Штатах;

Принцип *stare decisis* распространяется на все нижестоящие суды не только в отношении правовых норм, складывающихся в судебном процессе и вынесении решений, но и в отношении толкования высшими судебными инстанциями законов и конституционных актов;

В Соединенных Штатах отсутствует высшая судебная власть на федеральном уровне, которая обобщала и систематизировала бы материалы судебной практики, разрешала спорные вопросы, противоречия. В США нет компетентного органа для издания разъяснений и руководств по вопросам применения судебных прецедентов;

Допустимы уклонения американских судов в процессе правоприменения от существующих судебных прецедентов [6].

При анализе применения судебного прецедента на практике необходимо разобраться с общими особенностями функционирования американской судебной системы. В силу федеративного устройства США судебная система имеет двухчастную организацию. Первую часть составляет совокупность федеральных судов, а вторую – суды штатов. В целом и федеральная судебная система, и региональная судебная система представляют собой аналогичные пирамиды судов: сначала идут суды первой инстанции (*trial courts*), далее – апелляционные суды среднего звена (*courts of appeals*) и, наконец, на вершине судебной иерархии стоит высший апелляционный суд (верховные суды – *supreme courts*) [7]. В связи со сложившимся порядком, важно отметить, что федеральная судебная система и судебная система штатов являются независимыми друг от друга и имеют юрисдикцию по разным категориям дел, а потому, прецеденты, создаваемые федеральными судами, не являются обязательными для исполнения судами штатов и наоборот. Однако бывают и исключения, когда федераль-

ные суды могут использовать право штатов при решении дела (*diversity cases*) и наоборот – штаты могут основываться на прецедентах, созданных федеральными судами [7].

Применение на практике судебного прецедента в качестве источника права отличается от использования иных источников права, как, например, нормативных правовых актов, нормативных договоров, законов и т.п. Существуют пути обхода обязательного использования того или иного судебного прецедента. Более того, иногда это является необходимым в зависимости от обстоятельств дела. Так называемый *overruling* предполагает, что суды того же или более высокого уровня имеют право не использовать существующий прецедент, а создать новый. Подобный способ обхода применения конкретного судебного прецедента приводил к противоречивости и громоздкости прецедентного права в целом, поскольку *overruling* применялся ретроспективно, т.е. без отмены уже имеющегося прецедента по подобному делу. Подразумевалось, что новый прецедент не заменял старый, а действовал наряду с ним [3]. *Prospective overruling* – более совершенный в этом понимании способ не применять существующий судебный прецедент. Согласно практике использования *prospective overruling* суд в качестве исключения может отойти от общего правила пересмотра прецедента и придать новому правилу исключительно перспективное значение, в случае если старый прецедент влеч за собой негативные последствия для тяжущихся сторон. Стоит отметить, что в современном мире принято ретроспективное изменение прецедентов.

С одной стороны, краеугольная роль судебного прецедента в США является обоснованной. Во-первых, Конституция США требует конкретизации своих положений в силу их общего и зачастую неопределенного характера. Это связано в том числе со «старостью» документа, принятого более 200 лет назад. В решениях Верховного суда США содержится толкование почти всех «аспектов деятельности федеральной законодательной власти» [4]. Во-вторых, в США отсутствует орган конституционного надзора, а данную функцию исполняет Верховный суд.

С другой стороны, роль судебного прецедента постепенно ослабляется. Об этом свидетельствует, во-первых, развитие различных способов обхода обязательного использования судебного прецедента (*overruling* и *prospective overruling*), а во-вторых, наряду с прецедентом лидирующее значение среди источников американской правовой системы приобрело статутное право – нормы права, создаваемые законодательными органами (нормативные правовые акты),

причем как федеральными, так и органами штатов.

Глобальный экономический кризис порождает кризисы в развитии права. Именно поэтому последние 50 лет судьи в системах общего права, решая споры, всё больше идут по пути самоограничения. Активное правотворчество в судах было актуально, когда общественное развитие опережало инициативы законодателя. В период же стагнации судья не будет брать на себя роль первопроходца-реформатора и создавать принципиально новые подходы к оценке общественных отношений. Во многом это оправдывается тем, что судья является заложником той экономической (а, следовательно, и идеологической) системы, в которой он функционирует, и апеллировать он может только к ценностям этой системы, даже если сам считает её морально устаревшей. Поэтому можно предположить, что в долгосрочной перспективе роль статутного права в англосаксонской правовой семье будет только возрастать.

Список литературы:

[1] Воробьева Ю.В. Особенности судебного правотворчества в странах общего права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). – С. 238–245.

[2] Газимагомедов М.А. Правотворчество как явление в судебной системе США: некоторые теоретические аспекты развития американского прецедентного права // Образование и право. 2015. № 11(75). – С. 44–53.

[3] Давид Р. Основные правовые системы современности. Сравнительное право / перевод с французского. – М.: Прогресс, 1967. – 496 с.

[4] Дворецкая Е.С. К вопросу о значении прецедента как источника права в американской юриспруденции // Вестник науки и образования. 2019. № 12–1 (66). – С. 90–93.

[5] Марченко М.Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 1999. № 4. – С. 26–41.

[6] Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). – С. 96–107.

[7] Петрова Е.А. Правило stare decisis как основа судебного правотворчества в США // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). – С. 246–254.

[8] Сафонов В.Н. Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование: монография. – М.: Проспект, 2018. – 288 с.

[9] Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 516 с.

[10] Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 528 с.

Spisok literatury:

[1] Vorob'eva Yu.V. Osobennosti sudebnogo pravotvorchestva v stranah obshchego prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 3 (41). – S. 238–245.

[2] Gazimagomedov M.A. Pravotvorchestvo kak yavlenie v sudebnoj sisteme SSHA: nekotorye teoreticheskie aspekty razvitiya amerikanskogo precedentnogo prava // Obrazovanie i pravo. 2015. № 11(75). – S. 44–53.

[3] David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. Sravnitel'noe pravo / perevod s francuzskogo. – M.: Progress, 1967. – 496 s.

[4] Dvoreckaya E.S. K voprosu o znachenii precedentnogo prava v amerikanskoj yurisprudencii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2019. № 12–1 (66). – S. 90–93.

[5] Marchenko M.N. Osnovnye istochniki anglosaksonskogo prava: ponyatie, precedent // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 11. Pravo. 1999. № 4. – S. 26–41.

[6] Marchenko M.N. Sudebnyj precedent: raznoobrazie ponyatij i mnogoobrazie form proyavleniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 6 (114). – S. 96–107.

[7] Petrova E.A. Pravilo stare decisis kak osnova sudebnogo pravotvorchestva v SSHA // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 3 (41). – S. 246–254.

[8] Safonov V.N. Konstitucionnoe pravotvorchestvo v deyatel'nosti Verhovnogo suda SSHA. Istoriko-pravovoe issledovanie: monografiya. – M.: Prospekt, 2018. – 288 s.

[9] Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov / pod red. A.S. Pigol'kina, YU.A. Dmitrieva. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurajt, 2020. – 516 s.

[10] Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 528 с.

ДАНИЛЕВСКАЯ Инна Леонидовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права РАН,
e-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru
SPIN-код: 6990-8150
AuthorID: 820045

О КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕЯХ М.А. РЕЙСНЕРА

Аннотация. Исследования истоков становления эпохи советского конституционализма по-прежнему не теряют своей актуальности. Особый интерес представляет обращение к конституционным идеям, которые являются одной из необходимых теоретических составляющих конституционализма. Некоторые из них находят воплощение в конституциях, формируют нормативно-правовой фундамент, другие так и остаются нереализованными. Но их изучение дает возможность понять существовавшие системы представлений о политико-правовых ценностях конкретного периода, оценить тенденции и практику конституционного развития. Методология исследования – историко-правовой, формально-юридический методы. В статье рассматривается ряд конституционных идей одного из членов Конституционной комиссии по разработке первой советской Конституции – русского, советского учёного - государствоведа, марксиста, соавтора первых советских декретов, профессора Михаила Андреевича Рейснера. Он предложил Конституционной комиссии свою оригинальную, смелую, деполитизированную концепцию формы федеративного государственного устройства молодой советской республики, в которой, по замыслу ученого, основу составляли бы социально-хозяйственные организации, распределение власти должно было способствовать развитию экономики, культуры, инициативе местных властей в социальной сфере. Автор приходит к выводу, что в своих подходах ученый стремился поставить на первое место естественную основу федерации - экономические интересы, нивелировать укрепление всевластия диктатуры пролетариата, централизации власти, жесткое идеологическое наполнение Основного Закона.

Ключевые слова: Конституция 1918 г., советский конституционализм, М.А. Рейснер, конституционные идеи, диктатура пролетариата, федерация.

DANILEVSKAIA Inna Leonidovna,
PhD in Law, senior research assistant of constitutional law
and constitutional justice sector of the Institute
of State and law of the Russian Academy of Sciences,

ON THE CONSTITUTIONAL IDEAS OF M.A. REISNER

Annotation. Research into the origins of the formation of the era of Soviet constitutionalism is still relevant. Of particular interest is the appeal to constitutional ideas, which are one of the necessary theoretical components of constitutionalism. Some of them are embodied in constitutions, form the regulatory and legal foundation, while others remain unfulfilled. But their study makes it possible to understand the existing systems of ideas about the political and legal values of a particular period, to assess the tendencies and practice of constitutional development. Research methodology - historical and legal, formal legal methods. The article examines a number of constitutional ideas of one of the members of the Constitutional Commission for the development of the first Soviet Constitution - a Russian, Soviet scientist - state scientist, Marxist, co-author of the first Soviet decrees, Professor Mikhail Andreyevich Reisner. He proposed to the Constitutional Commission his original, bold, depoliticized concept of the form of the federal state structure of the young Soviet republic, in which, according to the scientist, socio-economic organizations would form the basis, the distribution of power should contribute to the development of the economy, culture, initiatives of local authorities in the social sphere. The author comes to the conclusion, that in his approaches the scientist tried to put in

the first place the natural basis of the federation - economic interests, to level the strengthening of the omnipotence of the dictatorship of the proletariat, centralization of power, rigid ideological content of the basic law.

Key words: *Constitution of 1918, Soviet constitutionalism, M.A. Reisner, constitutional ideas, dictatorship of the proletariat, federation.*

В истории становления и развития советского конституционализма знаковой страницей стало принятие в 1918 г. первой советской Конституции РСФСР. В сложное, переломное время отечественной истории за рекордно короткие сроки (работа над конституционным проектом продолжалась около четырех месяцев) был создан документ, отразивший конституционные основы начала советской эпохи, бескомпромиссный и жёсткий классовый характер идеологических установок, ставших правовым фундаментом и формулой жизни общества на долгие десятилетия. Первая советская Конституция, открыв новый этап конституционного развития страны, стала конституционной моделью последующих открыто идеологизированных советских конституций тоталитарного социализма, основанных на принципах марксизма-ленинизма [1, с. 45; 49].

Разработка основного закона в апреле 1918 г. была поручена Конституционной комиссии, в состав которой, согласно рекомендации ВЦИКа, вошли представители различных партийных фракций – большевиков, левых эсеров, максималистов. Как отмечалось в научной юридической литературе советского периода, в политическом отношении состав Конституционной комиссии не представлял собой «единого, партийно-выдержанного, большевистского целого» и руководителям Комиссии – И.В. Сталину и Я.М. Свердлову пришлось вести «исключительно напряженную, насыщенную большевистской принципиальностью и идейностью» борьбу против противников диктатуры пролетариата [2, с. 70], одним из которых считался член Конституционной комиссии, профессор Михаил Андреевич Рейснер – русский, советский учёный, государствовед, публицист, историк и философ права, автор научных трудов по истории политических учений, теории государства и права, социальной психологии. За свой конституционный проект, который после его обсуждения Комиссией, был назван «антиленинским», «эклектическим» и направленным против диктатуры пролетариата, поскольку отрицал марксистско-ленинские положения о том, что Конституция должна выражать действительное соотношение сил в классовой борьбе [2, с. 71; 3, с. 106], проф. Рейснер был отнесен советскими исследователями к ярким представителям «лево коммунистических» взглядов и воззрений, рассматривающих разработку конституционных норм с точки

зрения буржуазного права. Доклад ученого об основах конституции был подвергнут критике, поскольку в нем отрицалось установление диктатуры пролетариата как орудия для осуществления исторической задачи строительства социализма, а также необходимость мощной, всероссийской, централизованной на демократических началах, политической власти рабочего класса [2, с. 76].

Отметим, что М.А. Рейснер с 1905 г. был большевиком, деятельно участвовал в революционной борьбе, вел переписку с В.И. Лениным, в качестве эксперта принимал участие в Кенигсбергском процессе 1904 г. против немецких социал-демократов, помогавшим русским революционерам, что впоследствии принесло ему европейскую известность. Идеи и научные разработки М.А. Рейснера нашли воплощение в раннем советском законодательстве [4, с. 33-35]. Как ученый, М.А. Рейснер оценивал критически дооктябрьский российский правовой нигилизм, всевластную администрацию, стоящую над судом и самоуправлением, называя преобразование русского «полицейского государства» в правовое государство по западному типу «невольным научным подлогом колоссальных размеров» [5; с. 65, 78].

После октябрьской революции М.А. Рейснер занимался законопроектной работой и развитием советского законодательства. Как представитель Народного комиссариата юстиции РСФСР, в котором он руководил отделом законодательных предположений, М.А. Рейснер был включен в состав Конституционной комиссии, наряду с другими представителями от шести народных комиссариатов.

Какие же конституционные идеи были предложены в основу советской Конституции профессором М.А. Рейснером?

Так, в подготовленном М.А. Рейснером по поручению Конституционной комиссии докладе об основных началах конституции советской республики, он обозначил три решающих для Конституции РСФСР вопроса: о федерации, о демократии и о Советской власти.

Проблеме устройства федерации была посвящена большая часть доклада. До принятия первой советской Конституции федерализация осуществлялась по направлениям «естественного» и «управляемого» федерализма: в первом случае республики образовывались в силу установления на территории советской власти, уведомляя об этом центральные органы власти,

затем издавался акт о признании; второе направление реализовывал Народный комиссариат по делам национальностей, управляя процессом федеративного строительства путем инициирования создания из центра субъектов федерации [6, с. 189].

Проводя сравнительный анализ между социалистической и монархической федерациями, проф. М.А. Рейснер приходил к выводу, что национальный принцип, как идеологическое начало, даже в рамках современного буржуазного общества может играть второстепенную или временную роль, учитывая, что под понятием «национальность» можно объединить любые идеологии общественных классов, которые враждуют между собой, и этим создать иллюзии единого национального интереса. По мнению проф. М.А. Рейснера, только идеал духовной культуры – языка, науки, просвещения, искусства, мог внести в понятие национальности объединяющее и положительное содержание. Но при этом им подчеркивалось, что культура – это не национальная исключительность и не национальное государство, культура не сопоставима с государственной властью или принуждением. Рассматривая примеры взаимного противостояния различных народов, в т.ч. в целях защиты от революционных домогательств социалистически настроенного пролетариата, он отмечал вторичность национального начала и принципа и их последующую трансформацию в культурное самоопределение наций. Взвешивая черты современных демократических федераций, построенных на территориальном принципе: наличие хозяйственных центров, организованных при помощи крупнокапиталистического или мелкобуржуазного хозяйства, деление властей на центральных, областных и местных, ограничивающее единый народный суверенитет и единый народ, как объединяющее начало, от имени которого издается национальное законодательство, М.А. Рейснер полагал, что для социалистической республики их можно использовать только с весьма существенными изменениями [7, с. 70 - 72].

Исходя из того, что в социалистической республике отсутствует национальная государственность, область не имеет капиталистических интересов, из-за которых крупная территория может стать единственным субъектом федерации, нет замкнутости и сепаратизма, а также нет оснований к скрытой централизации, он предлагал «без предвзятой идеологии» дать возможность в конституции свободно устанавливать так называемую «естественную основу федерации», за которой стоят «могущественные областные экономические интересы», считая целесообразным разделять федеративную республику на

отдельные области, каждая из которых, если требуется, будет состоять из меньших федеративных коммун. Идея советской федерации, по мысли М.А. Рейснера, должна была основываться не на национальных принципах, а на принципах представительства хозяйственно-профессиональных интересов различных групп трудящихся, объединенных в те или иные партийные, профессиональные, производственные организации.

В этой конституционной идее был отражен подход ученого о том, что лишь после решения вопроса о хозяйственном самоопределении, могут быть подняты вопросы о самоопределении национальном. Он полагал, что в свободной стране национальные права не должны быть привязаны к определенному клочку земли, а создание местной, политической автономии должно строиться, прежде всего, на основе хозяйственного начала. Величайшей защитой свободы он считал такое разделение властей, когда у местной власти наиболее широкий круг вопросов ведения, хотя она и ограничена границами местного управления. «Не национальность должна стоять на первом месте, а свобода. Только там, где господствует свобода, развивается и национальность, а следовательно, и духовная культура получает свое особое, неподражаемое выражение», - заключал М.А. Рейснер [8, с. 31].

Он доказывал, что при организации федерации должны учитываться существующие в Республике основные силы трех категорий. Первую составляли соединения и союзы социально-экономического значения: профессиональные союзы, производительные и кооперативные ассоциации, которые следовало централизовать в союзы специального характера. Ко второй категории он относил «истинную основу» нового общественного строя - союзы и установления коммунального характера, примерами которых были Петроградская и Кронштадтская коммуны. В третью категорию входили политические организации революционного и классового характера, законодательные, правительственные и судебные органы.

На примере Кронштадтской коммуны, в сфере деятельности которой были в основном только экономические, социальные и культурные интересы, М.А. Рейснер заключал, что задачи политические не составляют её органического содержания, они были навязаны эпохой борьбы, следовательно, построение государственной власти должно основываться на реальных интересах трудящихся. Он был убежден, что на первом месте стоит близкий массам экономический и культурный интерес и на этой основе должна быть построена федерация. Сущность российской Республики он видел в союзах и организациях рабочих, крестьян, батраков и всех трудящихся,

объединенных в классовые, трудовые, профессиональные и политические союзы, которые образуют коммуны, возглавляемые Советом депутатов, образующимся из выборных представителей. Коммуны, в свою очередь, составляют особый федеративный союз – провинцию, возглавляемую Съездом коммунальных советов. Несколько провинций образуют областной союз – областную республику, из которых состоит Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. По мысли М.А. Рейснера, решить у нас государственные вопросы с помощью территориального построения федерации невозможно, т.к. «наш федерализм есть не союз территориальных государств или штатов, а федерация социально-хозяйственных организаций» [7, с. 74 - 80]. При этом ни о какой диктатуре пролетариата не было и речи, только экономические факторы страны, интересы населения конкретной местности, её специфика, сфера производства, обмена и потребления должны были стать основой федерализации по концепции, предлагаемой проф. М.А. Рейснером.

Анализируя состав Советов и развитие демократии, М.А. Рейснер приходил к выводу о том, что Советы представляют собой в подавляющем количестве федерацию социально-экономических групп, которые через своих представителей дают выражение собственным интересам. Таких групп он выделял три: социально-классовая группа рабочих, крестьян и батраков; профессиональная группа, в которую входили фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, союзы почтово-телеграфных, железнодорожных и других служащих; группа экономических организаций, представляющих кооперативы, земельные комитеты и подобные учреждения. В третью группу он относил политические партии, которые, как было отмечено, состояли из представителей интеллигенции и, в основном, разделяли идеи большевиков и левых эсеров. Определяющим являлось то, что Советы ученый не рассматривал в качестве орудий классовой борьбы, реализующих руководящую роль по отношению к остальным трудящимся. Напротив, Советы являлись инструментом социального примирения [9, с. 121], нейтрализации и, в итоге, в них складывалась гармония между названными социально-экономическими группами на основе главного – общего интереса, который реализовывался Советом. В этом М.А. Рейснер усматривал новое содержание федерации профессий, классовых, политических и экономических организаций, поскольку компетенция Советов отражала, как он полагал, существующую политическую тенденцию, при которой каждая социалистическая община могла разви-

ваться в сфере материальной и духовной культуры, не решая политических задач.

Ещё одной конституционной идеей стало предложение М.А. Рейснера включить в конституцию отдельный раздел о призыве к великой федерации будущего – федерации вселенной, называемой «высший федеративный Союз Соединенных Социалистических Федеративных Республик», в который советская Республика войдет как полноправный член в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов [7, 80].

Эти конституционные идеи проф. М.А. Рейснера вызвали оживленные прения среди членов Конституционной комиссии, получили своих сторонников, в частности, его позицию поддержали профессор, историк М.Н. Покровский, максималист А.И. Бердников, левый эсер А. Шрейдер, но в конечном счете они не были реализованы в Основном Законе, в них усмотрели и «разоружение пролетариата» и «поддержку контрреволюции» [3, с. 111]. Конституционная комиссия большинством голосов (пяти против трех) приняла за основу общих положений конституции проект И.В. Сталина [2, с. 84], в котором основная задача Конституции заключалась в установлении диктатуры пролетариата в виде мощной Всероссийской власти в целях полного подавления буржуазии и водворении социализма, а основой учреждения Советской республики стал союз свободных наций в виде федерации советских национальных республик.

Можно отчасти согласиться с оценкой английского историка Э. Карра о том, что в идеях М.А. Рейснера и его сторонников присутствовал оттенок непрактичности и утопизма, [10, с. 117] однако проф. М.А. Рейснер, как выдающийся ученый и практик, не был идеалистом, погруженный в условия революционной среды и противоречия советской политики, он видел и предвидел назревающие проблемы государственно-правового устройства, в частности усиление диктатуры, централизацию, концентрацию политической власти Советов, которые возможно было разрешить или видоизменить на уровне конституционного регулирования. Конституцию, как документ, М.А. Рейснер мыслил достаточно «эластичной и гибкой», находя в этих свойствах основного закона возможность избежать новой ломки, если идеологическая организация политических форм будет мешать новой жизни [7, с. 79]. Позднее он назовет науку о конституции больше политической, чем юридической, подчеркивая, что следует конституцию постоянно критиковать и работать над её усовершенствованием [11, с. 151 - 152].

Анализируя ряд конституционных идей М.А. Рейснера сегодня, учитывая современные возни-

кающие проблемы, связанные с государственным устройством, можно отметить как заслуживающий внимания его подход о «центре тяжести федеративного устройства», который, по мнению ученого, находится не в союзном происхождении того или иного органа республики, а в распределении власти и компетенции между центральными и местными учреждениями [12, с. 374].

Список литературы:

[1] Хабриева Т.Я. Избр. труды в 10 т. Т. 5: Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. – М., 2018. – 504 с.

[2] Ронин С.Л. Первая советская конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 года). – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР. – 1948. – 123 с.

[3] Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства (1918 г.). – М.: Типография ВПШ при ЦК ВКП (б). – 1949. – 176 с.

[4] Сафронова Е.В., Скибина О.А. М.А. Рейснер: страницы личной и творческой биографии // Платон. – 2016. – № 1. – С. 30 - 36.

[5] Рейснер М.А. Русский абсолютизм и европейская реакция. – СПб.: «Дело», 1906. – 102 с.

[6] Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917 - 1940 гг.) / под общ. ред. Ю.Л. Шульженко: монография. – М.: ИГП РАН, МАЭП, 2010. – 544 с.

[7] Доклад члена комиссии М.А. Рейснера об основных началах Конституции Р.С.Ф.С. Республики. Приложение № 10. – С. 70 - 80 // Цит. по: Плотников А.А. Разработка и принятие Конституции РСФСР 1918 года: историко-правовой анализ опыта создания советской государственности: учеб. пособие. – Архангельск: Поморский гос. ун-т. – 2002. – 84 с.

[8] Рейснер М.А. Революция и федерация. – Пг.: Книгоиздательство И.Р. Белопольского. – 1917. – 32 с.

[9] Чистяков О.В. Конституция РСФСР 1918 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1984. – 206 с.

[10] Эдвард Карр. История Советской России. – Кн. 1. – Т. 1, 2. Большевицкая революция. 1917–1923 / пер. с англ.; предисл. А.П. Ненарокова. – М.: Изд-во «Прогресс», - 1990. – 768 с.

[11] Рейснер М.А. Основы Советской Конституции. – М.: Издание Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – 1920. – 238 с.

[12] Рейснер М.А. Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р.: в 3 ч. – М. – Пг., 1923. – 419 с.

Spisok literatury:

[1] Habrieva T.Ya. Izbr. trudy v 10 t. T. 5: Konstitucionnaya reforma v sovremennom mire. «Cvetnye revolyucii» i «arabskaya vesna» v konstitucionnom izmerenii. – M., 2018. – 504 s.

[2] Ronin S.L. Pervaya sovetskaya konstituciya (k istorii razrabotki Konstitucii RSFSR 1918 goda). – M.: Yurid. izd-vo MYu SSSR. – 1948. – 123 s.

[3] Chugaev D. Pervaya Konstituciya Sovetskogo gosudarstva (1918 g.). – M.: Tipografiya VPSH pri CK VKP (b). – 1949. – 176 s.

[4] Safronova E.V., Skibina O.A. M.A. Rejsner: stranicy lichnoj i tvorcheskoj biografii // Platon. – 2016. – № 1. – S. 30 - 36.

[5] Rejsner M.A. Russkij absolyutizm i evropejskaya reakciya. – SPb.: «Delo», 1906. – 102 s.

[6] Sovetskij gosudarstvennyj stroj: realii, proekty, idei, spory (1917 - 1940 gg.) / pod obshch. red. Yu.L. Shul'zhenko: monografiya. – M.: IGP RAN, MAEP, 2010. – 544 s.

[7] Doklad chlena komissii M.A. Rejsnera ob osnovnyh nachalah Konstitucii R.S.F.S. Respubliki. Prilozhenie № 10. – S. 70 - 80 // Cit. po: Plotnikov A.A. Razrabotka i prinyatie Konstitucii RSFSR 1918 goda: istoriko-pravovoj analiz opyta sozdaniya sovet-skoy gosudarstvennosti: ucheb. posobie. – Arhan-gel'sk: Pomorskij gos. un-t. – 2002. – 84 s.

[8] Rejsner M.A. Revolyuciya i federaciya. – Pg.: Knigoizdatel'stvo I.R. Belopol'skogo. – 1917. – 32 s.

[9] Chistyakov O.V. Konstituciya RSFSR 1918 goda. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta. – 1984. – 206 s.

[10] Edvard Karr. Istoriya Sovetskoj Rossii. – Kn. 1. – T. 1, 2. Bol'shevistskaya revolyuciya. 1917–1923 / per. s angl.; predisl. A.P. Nenarokova. – M.: Izd-vo «Progress», - 1990. – 768 s.

[11] Rejsner M.A. Osnovy Sovetskoj Konstitucii. – M.: Izdanie Akademii General'nogo Shtaba Rabo-che-Krest'yanskoj Krasnoj Armii. – 1920. – 238 s.

[12] Rejsner M.A. Gosudarstvo burzhuazii i R.S.F.S.R.: v 3 ch. – M. – Pg., 1923. – 419 s.

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДЕЛАХ ПРИЗРЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. *Забота о несовершеннолетних со стороны государства в Российской Империи являлась одним из ведущих направлений социальной политики. Социальное призрение детей-сирот, а также детей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах, признавалось значимым с точки зрения общественного прогресса, в силу чего вызывало интерес не только представителей императорской фамилии, но и передовой российской общественности. Статья посвящена организационным и правовым основам социальной деятельности российского государства в отношении несовершеннолетних в начале XX столетия. Автор анализирует результаты государственной политики предшествующего периода в данном вопросе, рассматривает деятельность учреждений, в задачу которых входила забота о нуждах малообеспеченных несовершеннолетних, делает вывод относительно изменений социальной политики после крушения монархии в России.*

Ключевые слова: *социальное призрение, несовершеннолетние, социальная помощь, правовые основы, организационные основы, учреждения социального призрения, монархия, Временное Правительство.*

YUSHIN Georgy Sergeevich,
Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University

LEGAL AND ORGANIZATIONAL BASIS OF SOCIAL ACTIVITY OF THE RUSSIAN STATE IN CASES OF PRESENTING MINORS IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Annotation. *Caring for minors by the state in the Russian Empire was one of the leading areas of social policy. The social care of orphans, as well as children in difficult life circumstances, was recognized as significant from the point of view of social progress, due to which it aroused the interest not only of representatives of the imperial family, but also of the advanced Russian public. This article is devoted to the organizational and legal foundations of the social activity of the Russian state in relation to minors at the beginning of the twentieth century. The author analyzes the results of the state policy of the previous period in this matter, examines the activities of institutions whose task was to take care of the needs of low-income minors, and draws a conclusion regarding the changes in social policy after the collapse of the monarchy in Russia.*

Key words: *social charity, minors, social assistance, legal foundations, organizational foundations, institutions of social charity, monarchy, Provisional Government.*

Поддержка несовершеннолетних со стороны российского государства и общества имеет давние исторические корни, представляет собой одну из традиционных гуманистических особенностей характера русского народа. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что призрение детей и подростков на уровне государства началось со второй половины XVIII в. [13]. Основной целью специ-

альных учреждений, действовавших от имени правительства, была социальная поддержка несовершеннолетних, не сводимая исключительно к обеспечению их первичных потребностей – предоставлению жилья, пропитания и проч., но заключавшаяся также в образовательной и воспитательной функциях. Таковы были принципы деятельности Императорского человеколюбивого общества, оказывавшего помощь детям, которые

остались без родительской опеки [12, с. 59-60], равно как и иных подобных ему общественных организаций.

Социальная помощь нуждающимся детям имела различные направления. В русском языке глагол «призреть», «призрывать» использовался в значении «обратить взор со вниманием, сочувствием, милосердием» [Максимов]. Как следствие, выражение сочувствия государства по отношению к несовершеннолетним могло приобретать различные формы. В частности, значимым направлением работы организаций подобного рода являлось решение «жилищного вопроса» для тех несовершеннолетних, которые не имели крова. Данной проблемой, как известно, занималось «Братолюбивое общество» под председательством княгини Н. Б. Трубецкой. Государственные учреждения социальной помощи нуждающимся детям и подросткам в России с момента своего возникновения стремительно развивались и к началу XX в. существовали в виде приютов, яслей и детских садов, организаций образовательно-воспитательной направленности как для постоянного, так и для временного пребывания в них несовершеннолетних, профессиональных и ремесленных школ, организаций исправительного профиля, а также учреждений для детей, имеющих ограниченные возможности здоровья, и, наконец, богаделен и больниц. Несмотря на содействие делу заботы о несовершеннолетних со стороны государства, многие учреждения социального призрения были результатом инициативы передовых представителей российской обществу. С организационной точки зрения ряд заведений, в первую очередь, приюты, в начале XX столетия обладали достаточно стройной системой призрения несовершеннолетних. Так, их обучение осуществлялось на основе программы, которая утверждалась Министерством народного просвещения для начальных народных училищ. Дети в приютах в обязательном порядке знакомились с такими значимыми предметами, как Закон Божий, история России и др. Помимо отлаженной системы функционирования, приюты в значительной степени финансировались за счет частной инициативы, а не только государственных дотаций, в результате чего иные организации, целью которых являлось социальное призрение несовершеннолетних, вскоре также начали функционировать в форме приютов [6, с. 47]. К началу XX в. та практика, которая уже существовала в области социального призрения несовершеннолетних, начала меняться с учетом реалий конкретно исторического времени [11, с. 16]. При этом организацию и развитие системы социального призрения порастающего поколения в России можно подразделить на три основных этапа, а

именно: 1) церковный, когда ведущую роль в деле попечения о нуждах несовершеннолетних играли религиозные учреждения, что определяло характер воспитания и образования детей и подростков; 2) государственный, начало которому было положено в XVIII в., и продолжавшийся до первой половины XIX в., когда призрение несовершеннолетних было вверено преимущественно казенным учреждениям, подготовка в которых определялась в зависимости от того сословия, к которому принадлежал ребенок, так как принадлежность к определенному сословию предполагало наличие комплекса прав и обязанностей его носителя; 3) общественный, охватывавший период со второй половины XIX в. по начало XX в., в рамках которого преобладающим являлось участие российской обществу, действовавшей уже на равных с государством и церковью [10, с. 106].

Таким образом, на исследуемом этапе развития социального призрения несовершеннолетних реализовывалась практика совместного участия в данном вопросе государства и общества при сохранении роли церкви. Рассматривать призрение несовершеннолетних в качестве организованной системы в начале XX в. позволяет ряд следующих аспектов исследуемого явления. В первую очередь, на данном этапе государство заняло уже довольно прочную позицию в вопросе социального обеспечения нуждающихся. Кроме того, четкую структуру приобрели связи между субъектами и объектами социального призрения несовершеннолетних. Так, субъектом этих отношений выступало государство, объектами, в свою очередь, другие организации и учреждения, посредством деятельности которых реализовалась забота о детях и подростках. Если говорить о конкретных субъектах со стороны государства, принимавших участие в деле социальной защиты несовершеннолетних, то, как указывают З.У. Колокольникова и О.Б. Лобанова, следует отметить Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны, действовавшее с середины 1850-х гг. вплоть до революции 1917 г., и Императорское человеколюбивое общество, функционировавшее до 1918 г. [5].

Значимым организационным моментом является также сформированность самой идеи значимости призрения нуждающихся несовершеннолетних как движущей силы работы всей системы их социального обеспечения. Следует также отметить, что к началу XX столетия среди учреждений и организаций, в задачу которых входило призрение несовершеннолетних, складывается определенная иерархия, деятельность их становится более «прозрачной» в силу того, что практически все ее направления становятся регламентированными законодательно [11, с. 16].

Таким образом, социальное призрение несовершеннолетних в начале XX столетия представляло собой в известной степени четко организованную систему помощи нуждающимся детям и подросткам со стороны государства, усилия которого в данном направлении в значительной мере поддерживались представителями российской общественности. В исследуемый период забота о несовершеннолетних уже понималась в качестве одной из наиболее значимых мер обретения социальной стабильности и благополучия населения страны.

В целях успешного функционирования социального призрения как системы его задачи были закреплены за отдельными государственными институтами. К началу XX в. это были Приказ общественного призрения, деятельность которого распространялась на целый ряд губерний, а также Комитет Главного попечительства о детских приютах, воссозданный высочайшим указом от 18 октября 1896 г. после его ликвидации 17 мая 1869 г. В течение периода приостановления деятельности Комитета его функции по социальному призрению несовершеннолетних перешли в ведение Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. В своей деятельности Комитет пришел к выводу о значимости поддержания истинно русского духа в приютах как основы воспитания подрастающего поколения [9, с. 4]. Вопросы организации финансирования детских приютов, а также иных учреждений для несовершеннолетних, решаемые за счет поддержки на государственном и административном уровне, в исследуемый период требовали обязательного участия общественности. Это объяснялось тем, что государственного финансирования было недостаточно для функционирования организаций социального призрения.

Несмотря на положительную динамику в области социальной заботы о несовершеннолетних со стороны государства, следует отметить, что специализированные учреждения, на базе которых могла бы осуществляться подготовка кадров для работы в сиротских домах, приютах и иных организациях данного профиля, в исследуемый период отсутствовали. Как справедливо заметил выдающийся ученый и судебный деятель С.К. Гогель, специальных школ, которые готовили бы кадров для работы в благотворительных учреждениях, в России не было. Высшая социальная школа была практически оформленной «... в лице образовавшегося уже Юридического факультета Психоневрологического института», где преподавались такие дисциплины, как «... социология, политическая экономия, социальная политика и общественная гигиена», что позволяло ученому судить о зарождении социальной школы и ее дальнейших перспективах [8, с. 67-68].

Анализ организационных и правовых основ социального призрения несовершеннолетних позволил некоторым исследователям прийти к выводу о том, что к началу XX в. усилиями царствующего дома Романовых система заботы о детях и подростках была приближена к европейской [4]. Наряду с уже существовавшими учреждениями открывались новые, например, в декабре 1904 г. в Петербурге начал действовать Союз для борьбы с детской смертностью в России. Причиной возникновения данной социальной проблемы и, как следствие, открытия организации, способствовавшей ее устранению, являлись «губительные условия», в которых находились новорожденные дети [1, с. 173]. Высокая смертность обуславливалась также отказом определенной части русского населения от грудного вскармливания. Союз обладал правом учреждения своих отделов на всей территории России. Организация имела собственный устав, в котором были прописаны правила, на основании которых действовали открываемые при ней ясли и приюты, а также санитарные и лечебные учреждения. В то же время, деятельность Союза не ограничивалась исключительно задачами сохранения жизни и здоровья новорожденных детей: он имел и образовательно-воспитательные цели, реализуемые на основе действовавших при нем учреждений социального призрения сирот.

Другой организацией данного профиля являлось открытое в 1913 г. Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества, учрежденное Указом императора Николая II, которое было вверено Марии Федоровне [3, с. 57]. Основная задача Попечительства состояла в управлении теми организациями, которые осуществляли заботу о матерях и новорожденных, а также в их поддержке в финансовом и материальном плане. Иными словами, в исследуемый период практика социальной помощи несовершеннолетним со стороны государства динамично развивалась, соответствовала интересам государства и российского социума. При этом правящая династия Романовых не ограничивала частную инициативу, что объяснялось осознанием нехватки государственных средств на поддержку учреждений, реализовавших социальную помощь нуждающимся детям. Вместе с тем, отсутствие ограничений со стороны государства в области организации частных социальных благотворительных учреждений привело к их широкому распространению на территории Российской Империи. Однако, государственные учреждения социальной помощи частная инициатива так и не сумела полностью вытеснить: в ряде губерний и областей страны они действовали до революции 1917 г. [2, ф. 6787, оп. 1, д. 113]. С крушением

монархии система социального призрения несовершеннолетних не прекратила свое существование. Временное правительство, придя к власти, вынуждено было столкнуться с необходимостью реформирования прежней «царской» модели помощи нуждающимся категориям населения России, в том числе – несовершеннолетним. В частности, первым шагом к трансформациям сложившейся системы управления делами социального призрения было проведение в Петербурге Первого Съезда русских деятелей по призрению 8-13 марта 1910 г. Данное мероприятие способствовало обмену опытом между участниками, выработка единой линии дальнейшей работы в области социального призрения являлась результатом проведения Съезда, о чем были поставлены в известность земские и городские управы.

Второй Всероссийский Съезд по общественному призрению был проведен весной 1914 г. Министерством внутренних дел, в рамках которого были подведены результаты работы в области борьбы с нищетой в России. Несмотря на то, что по итогам Съезда было выпущено два тома, посвященных разработке стратегии по искоренению нищенства среди малообеспеченных социальных слоев населения, ее так и не удалось претворить в жизнь в результате начавшейся империалистической, а впоследствии и гражданской войны.

Следует отметить, что за период пребывания у власти Временного Правительства ему не удалось существенно изменить ситуацию в области социального призрения несовершеннолетних. Однако, значимым шагом в рамках его деятельности следует признать учреждение в мае 1917 г. Министерства государственного призрения, при котором был создан Отдел по охране материнства и младенчества. Именно Министерство стало главным органом в области социального призрения в России. Кроме того, даже в названии его подчеркивался государственный характер и масштаб помощи нуждающимся.

Подводя итоги анализу организационных и правовых основ социального призрения, реализуемого российским государством в отношении несовершеннолетних в начале XX в., следует отметить, что, с одной стороны, получили дальнейшее развитие уже существовавшие формы и виды поддержки нуждающихся детей и подростков, с другой – возникли новые организации, специализирующиеся на социальной помощи. Правительство стремилось оказывать содействие делу призрения несовершеннолетних, что закреплялось серией указов, учреждавших новые организации социального призрения, а также регламентировавшие их деятельность. В то же время, роль государства в исследуемом вопросе стала

дополняться частной инициативой, позволившей значительно увеличить численность организаций социального призрения несовершеннолетних. В свою очередь, после свержения монархии помимо создания Министерства государственного призрения серьезных изменений в области социальной поддержки несовершеннолетних не произошло, несмотря на значительные попытки Временного Правительства реформировать систему, сложившуюся в Российской Империи.

Список литературы:

- [1] Антология социальной работы: в 5 т. Т.1: История социальной помощи в России / Сост. М. В. Фирсов. – М.: Сварог, 1994. – 278 с.
- [2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Министерство государственного призрения Временного Правительства. 1917. Фонд 6787.
- [3] Иванова Н. П. История благотворительности в России: вторая пол. XIX - нач. XX в. – СПб.: [б. и.], 2000. – 119 с.
- [4] Иеромонах Мефодий (Зинковский). Попечение о сиротах Царственного Дома Романовых // Азбука веры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/popechenie-o-sirotah-tsarstvennogo-doma-romanovyh/ (дата обращения: 09.02.2021).
- [5] Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Трудовое воспитание детей-сирот в учреждениях общественного призрения в Енисейской губернии в конце XIX– начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Выпуск 3 (144). – С. 16-22.
- [6] Корочкова Л.Н. Развитие российских благотворительных организаций в области социально-педагогической помощи несовершеннолетним: история и современные тенденции: дисс. ... канд. пед. наук. – Уфа, 2007. – 220 с.
- [7] Максимов Е.Д. Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1900. № 1. – С. 40-58.
- [8] Мельников В.П. История социальной работы в России: учебное пособие / В.П. Мельников, Е.И. Холстова. – М.: Дашков и Ко, 2004. – 344 с.
- [9] Россия. Комитет главного попечительства детских приютов. Положение о детских приютах. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1840. – 112 с.
- [10] Скляр Т.В. Социальная деятельность в делах призрения малолетних детей в России (XVI-XX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. – С. 103–107.
- [11] Социальная защита детства: учебное пособие / С.В. Митросенко, О.Б. Лобанова, З.У.

Колокольникова, Т.В. Газизова, С.А. Коваль. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 98 с.

[12] Чеснокова Ю.В. Развитие системы при-зрения детей в России в IX-XVIII веках // Юри-дическая наука в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам работы четвертого междунар. круглого стола. – Ростов н/Д: ООО «КОНВЕРТ», 2018. – С. 59–62.

[13] Чеснокова Ю.В. Формирование системы социальной защиты несовершеннолетних в Рос-сии в пореформенный период // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 3 (23). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/chesnokova_yuv_2018_3_02_.pdf (дата обра-щения: 09.02.2021).

Spisok literatury:

[1] Antologiya social'noj raboty: v 5 t. T.1: Istoriya social'noj pomoshchi v Rossii / Sost. M. V. Firsov. – М.: Svarog», 1994. – 278 с.

[2] Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). Ministerstvo gosudarstvennogo prizreniya Vremennogo Pravitel'stva. 1917. Fond 6787.

[3] Ivanova N. P. Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii: vtoraya pol. XIX - nach. XX v. – SPb.: [b. i.], 2000. – 119 s.

[4] Ieromonah Mefodij (Zinkovskij). Popechenie o sirotah Carstvennogo Doma Romanovyh // Azbuka very. [Electronic resource] - Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/popechenie-o-sirotah-tsarstvennogo-doma-romanovyh/ (data obrashcheniya: 09.02.2021).

[5] Kolokol'nikova Z.U., Lobanova O.B. Tru-dovoe vospitanie detej-sirot v uchrezhdeniyah obshchestvennogo prizreniya v Enisejskoj gubernii v konce XIX– nachale XX veka // Vestnik Tomskogo

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. Vypusk 3 (144). – S. 16–22.

[6] Korochkova L.N. Razvitie rossijskih blagotvoritel'nyh organizacij v oblasti social'no-pedagogicheskoy pomoshchi nesovershennoletnim: istoriya i sovremennye tendencii: diss. ... kand. ped. nauk. – Ufa, 2007. – 220 s.

[7] Maksimov E.D. Nachalo gosudarstvennogo prizreniya v Rossii // Trudovaya pomoshch'. 1900. № 1. – S. 40-58.

[8] Mel'nikov V.P. Istoriya social'noj raboty v Rossii: uchebnoe posobie / V.P. Mel'nikov, E.I. Holstova. – М.: Dashkov i Ko, 2004. – 344 s.

[9] Rossiya. Komitet glavnogo popechitel'stva detskikh priyutov. Polozhenie o detskikh priyutah. – SPb.: Tip. Ministerstva vnutrennih del, 1840. – 112 s.

[10] Sklyar T.V. Social'naya deyatelnost' v delah prizreniya maloletnih detej v Rossii (XVI-XX veka) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2008. – S. 103–107.

[11] Social'naya zashchita detstva: uchebnoe posobie / S.V. Mitrosenko, O.B. Lobanova, Z.U. Kolokol'nikova, T.V. Gazizova, S.A. Koval'. – Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2019. – 98 s.

[12] Chesnokova Yu.V. Razvitie sistemy prizreniya detej v Rossii v IX-XVIII vekah // Yuridicheskaya nauka v XXI veke: sb. nauch. st. po itogam raboty chetvertogo mezhdunar. kruglogo stola. – Ростов н/Д: ООО «КОНВЕРТ», 2018. – С. 59–62.

[13] Chesnokova Yu.V. Formirovanie sistemy social'noj zashchity nesovershennoletnih v Rossii v poreformennyj period // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Наука. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2018. Т. 6. № 3 (23). [Electronic resource] - Access mode: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/chesnokova_yuv_2018_3_02_.pdf (data obrashcheniya: 09.02.2021).

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «**JURCOMPANI**»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИВАНОВ А.А.,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru*

МАТИЕНКО Т.Л.,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru*

ЭРИАШВИЛИ Н.Д.,

*профессор кафедры гражданского права и
гражданского процесса имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru*

Научная специальность:

12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

**12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право.**

**О ВАЖНОМ ЗНАЧЕНИИ РИМСКОГО ПРАВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Аннотация. Доказывается важнейшее значение базовых основ римского права в современной юриспруденции. Причем, как для теоретической разработки (науки), так и для правоприменительной практики. Настоятельно рекомендуется расширять сферы изучения римского права.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, древнеримская цивилистика, западноевропейские и российские традиции изучения римского права, юридическое образование, догма римского права.

IVANOV A.A.,

*doctor of jurisprudence,
Professor of the Moscow University of the Ministry
of Interior of Russia, L.L.D., Assistant Professor*

MATIYENKO T.L.,

*doctor of jurisprudence,
Professor of the Moscow University of the Ministry
of Interior of Russia, L.L.D., Assistant Professor*

ERIASHVILI N.D.,

*doctor of economic Sciences,
candidate of jurisprudence, candidate of historical Sciences,
Professor, laureate of the prize of the government
of the Russian Federation in science and technology*

**ON THE IMPORTANCE OF ROMAN LAW FOR MODERN
JURISPRUDENCE**

Annotation. *The most important significance of the basic principles of Roman law in modern jurisprudence is proved. Moreover, both for theoretical development (science) and for law enforcement practice. It is strongly recommended to expand the scope of the study of Roman law.*

Key words: *Civil law regulation, ancient Roman civilization, Western European and Russian traditions of studying Roman law, legal education, the dogma of Roman law.*

Гражданское право представляет из себя фундаментальную юридическую науку, изучающую закономерности гражданско-правового регулирования общественных отношений. Особое место науки гражданского права обеспечивается ее предметом, местом в системе юридических наук и значением для кардинальных преобразований современного российского общества.

Гражданско-правовое регулирование охватывает важнейшие, ключевые сферы жизни общества – собственность, имущественный оборот, защиту личных неимущественных прав граждан и т.д.; гражданское право является базовой отраслью права, определяющей содержание и развитие целой группы отраслей – трудовое право, семейное право, гражданско-процессуальное право, а также ряда комплексных отраслевых образований (предпринимательского права, медицинского права и др.); гражданское право, сосредоточивая основные категории и ценности частного права, призвано выражать и развивать эти категории и ценности и в сочетании с другими, смежными, отраслями обеспечивать достойное положение частного права как одной из важнейших основ гражданского общества, утверждение и развитие передовой товарно-рыночной экономики.

Гражданское право является догматической отраслью знаний, т.е. наукой, осваивающей действующие юридические нормы, правоотношения, меры защиты и другие элементы гражданско-правовых отношений. Вместе с тем наука гражданского права призвана обеспечивать и углубленное изучение рассматриваемой отрасли – ее экономические, социальные, политические основания, юридическую логику ее норм и институтов, ее построение (конструкции), ее функции, место и роль в общественной жизни [1].

Как отрасль права гражданское право регулирует имущественно-стоимостные и связанные с ними личные неимущественные отношения, отличающиеся самостоятельностью и независимостью их участников в целях осуществления ими своих гражданских прав, интересов и потребностей.

В этом ряду чрезвычайно высоко значение древнеримской цивилистики. И это не случайно, так как в основе современного гражданского права прочно лежат положения, выработанные тысяче-

летней практикой древнейших государств, блестяще переработанные Древним Римом. Доведя их до максимально возможного уровня технико-правового совершенства, римская юриспруденция «передала» этот бесценный опыт государствам, возникшим позже Рима и на его прочных государственно-правовых традициях.

Западноевропейские страны ощутили потребность в стройных началах правового регулирования уже с XII-XIII вв., следствием чего стала активная рецепция римского права. В России же с ее вековыми традициями крепостничества и натурального хозяйствования, совершенным отсутствием элементов гражданского общества и общей неразвитостью торгового оборота, конструкции римского права, направленные на обеспечение частной собственности, то есть интересов отдельного человека (индивида), долгое время были совершенно не востребованы.

Однако при широко развернутых кодификационных работах первой половины XIX в. вопрос об изучении и восприятии римского права в России встал чрезвычайно остро. Вдруг потребовались какие-то общие теоретические начала, четкий категориально-понятийный аппарат, которых в дореформенной России совершенно не было. Именно в это время началось изучение основ римского права, уже не только хорошо известного странам Западной Европы, где оно являло собой саму правовую основу общественной жизни, но и, прежде всего, переосмысленного и приспособленного к условиям современного общества. С тех пор российское классическое юридическое образование стало связываться именно с усвоением основных начал римского права и латинского языка. Как отметил по этому поводу Н.Л. Дювернуа: «только от юристов, которые образовывались в такой школе, можно требовать, чтобы они были действительно юристами не по одному только имени» [2].

Именно познание римского права и включение некоторых его элементов в формирующуюся российскую правовую систему позволили отечественной юриспруденции и ее представителям, в буквальном смысле этого слова, заговорившим на одном языке со своими западными коллегами, сблизиться с многоопытной европейской правовой наукой. С ее прочными правовыми традициями, основанными на тех же незыблемых основах римского права.

В советское время изучение римского права началось довольно поздно, только во второй половине прошлого века. Но и тогда оно рассматривалось, в большей степени, с точки зрения историко-правовых подходов, как сфера, в условиях социалистического хозяйства не имеющая никакой практической ценности, но явившаяся основой (критикуемого) буржуазного права.

Современное российское общество открывает для себя многие положения римского права, сформировавшегося за пятьсот лет до нашей эры, блестяще «поднятого» дооктябрьскими правоведами, только сейчас – по прошествии двух с половиной тысяч лет. И такое обращение к римскому праву обусловлено переходом к рыночной экономике, основанной на частной собственности во всех ее проявлениях. Очень ярко об этом высказался Ф.Энгельс: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [3]. Происходит унификация того или иного законодательства, очевидны тенденции сближения правовых систем государств отдельных регионов и союзов (например, в рамках СНГ или стран Европейского сообщества).

Среди важнейших особенностей гражданского права следует отметить прежде всего его яркую частно-правовую сущность. На это указывает даже само название этой отрасли права, которая сложилась как средство обеспечения и защиты индивидуальных интересов членов очень тесной общины (цивитас), но для реализации гармонии складывающихся в ней отношений.

Основой гражданского права (*ius civile*, частное, гражданское право), получившего свое название с созданием в середине V в. до н.э. Законов XII таблиц, было право квиритов (*ius Quiritium*) – древнейшая система римского права, выступающая как собственно национальное право граждан римской общины (квиритов) и характеризующееся сакральностью происхождения и сущности, а также крайней строгостью и предельным формализмом. Гражданское право, базируясь на древнейших законах и на решениях народных собраний, постановлениях сената и интерпретационной деятельности магистратов, распространялось исключительно на всех полноправных римских граждан – патрициев и плебеев, всех остальных относил к чужакам (врагам), и в лучшем случае, позволяя им жить «по своему праву»: «То право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется гражданским правом».

Частное право (*ius privatum*, от «свой, собственный, частный») в Древнем Риме представляло собой совокупность правовых норм и отношений, выражающих и защищающих частные интересы отдельных лиц и при этом основывавшихся на началах юридического равенства и самостоятельности участников общественных отношений, неприкосновенности их частной собственности, свободы договора, независимой судебной защиты нарушенных прав. По словам Домиция Ульпиана (170-228 гг.) в сфере права, «... которое относится к пользе отдельных лиц» находятся отношения вещного и обязательственного права, а также нормы семейного, наследственного и, в значительной мере, процессуального права.

Говоря о непревзойденном значении римского права для современной цивилистики, следует также обязательно отметить его базовые термины и понятия. Практически весь язык современного гражданского права в виде его понятийно-категориального аппарата и значительная часть терминологии публичного права была разработана еще древнегреческими философскими школами и древнеримскими юридическими мыслителями. Подавляющее большинство юридических понятий и категорий присутствует практически в неизменном виде и в современной жизни в виде правовых терминов, которыми мы, совершенно не замечая того, ежедневно оперируем, вступая в те или иные правовые отношения.

Четкость определений римского права, совершенство юридических конструкций стала результатом богатейшей и активной правовой жизни древнеримского государства на всем протяжении его существования. Это стало возможным в условиях существования определенного культа права, имевшего для римлян сакральное содержание.

Между тем, уделяя основное внимание частным вопросам правового регулирования и стремясь к совершенству конструкций отдельных институтов, римские юристы не придавали какого-либо важного значения обобщениям. Поэтому римляне сознательно уходили от создания каких-либо дефиниций. Об этом очень ярко сказал в свое время один из известнейших правоведов Древнего Рима Яволен: «Всякое определение в гражданском праве опасно, ибо мало случаев, когда оно не может быть опровергнуто» (D. 50. 17. 202).

Однако с позиции сегодняшнего дня у нас имеется несколько иной взгляд на рассматриваемую проблему. Во-первых, приведенные слова Яволена относились к римскому праву в пору его стремительного развития или, по крайней мере, ко времени его непосредственной реализации. Во-вторых, учитывая начала состязательности и

равенства сторон, пронизывающих гражданское право и процесс в Древнем Риме, эти слова всецело отражали имеющиеся реалии, демократизм права, существование многочисленных механизмов защиты прав и интересов субъектов права, благодаря которым можно было оспорить практически любое юридически значимое решение. В третьих, создаваемые правоведами практические комментарии отдельных правовых проблем, положений толкования норм и ситуаций, чрезвычайно востребованные для ежедневных нужд активного торгового оборота, так или иначе, приводили к выявлению определенных закономерностей и тенденций правового регулирования, были насыщены обобщающими выводами и, в конечном счете, содержали в себе общие принципы и правила (*regulae*), достаточно высокой степени абстракции. «Правило – краткое выражение того, что есть; не из правила выводится право, а из существующего права – правило» (Павел). Так, в стремлении максимально возможно раскрыть особенности того или иного юридического института и явления, правоведа доходило до самых их «элементарных частиц», до той правовой «первоматерии», которая была их основой и быть подвергнутой дальнейшему анализу сама по себе уже не могла. Так, не стремясь к тому и не понимая этого, и даже не догадываясь об этом, римские юристы создавали догму права на все последующие времена, в том числе и в виде того, что сейчас именуется категориями и понятиями права.

В Дигестах Юстиниана, основе древнеримского Свода римского гражданского права (*Corpus juris civilis*), имеется немало положений, содержащих определенные дефиниции и абстрактные конструкции юридических институтов, которые можно рассматривать как основы общей теории права. И, представляется, это далеко не случайно. Как теория государства и права является базой всей современной юриспруденции, так и римское право является таким же надежнейшим и естественным фундаментом для самой теории права.

И даже несмотря на то, что иногда разрабатываемые доктриной понятия и категории иногда не находят своего непосредственного воплощения (отражения) в законодательных предписаниях, они тем не менее имеют важнейшее значение в деле освоения соответствующего учебного материала и надлежащей ориентации в сложных практических вопросах правового регулирования общественных отношений. Служат надежным связующим звеном между поколениями юристов, между юристами различных стран, между теоретиками и практиками. В настоящее время россий-

ское право стремительно наполняется новыми институтами и явлениями, ранее совершенно невостребованными правовой практикой, а поэтому в большинстве своем известными разве что некоторым юристам-теоретикам. Сейчас в условиях теснейшей день ото дня интеграции самых различных правовых систем настоящий специалист в области юриспруденции просто не вправе не знать важнейших основ современного права европейских стран, базой которого является именно римское право.

Сейчас институты римского права имеют качество своеобразной догмы цивилистики и потому могут выступать определенными канонами соответствующей сферы общественных отношений. Освоение этих догм с помощью четких и ясных дефиниций является прочным подспорьем для усвоения специфики и основ юриспруденции. И не только римского права, но и определенных аспектов современного частного-правового блока отраслей права.

Подводя итоги сказанному, с сожалением следует отметить, что в рамках подготовки юристов в специализированных вузах системы МВД России далеко не всегда учитывается важность понимания обучающимися глубинных корней современного права, его базовых институтов и конструкций. Отмеченное выше со всей очевидностью указывает на то, что те или иные аспекты римского права должны быть включены в материал рабочих программ и учебно-методических комплексов соответствующих дисциплин, тем более при преподавании отраслей частного-правового блока юридических наук.

Список литературы:

[1] Гражданское право / Алексеев С.С., Гонгало Б.М., Мурзин Д.В. и др. / Под общ. ред. С.С. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 34-35.

[2] Дювернуа Н.Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 54.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 412.

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskoe pravo / Alekseev S.S., Gongalo B.M., Murzin D.V. i dr. / Pod obshch. red. S.S. Alekseeva. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2009. S. 34-35.

[2] Dyuvernuia N.L. Znachenie rimskogo prava dlya russkikh yuristov. Yaroslavl', 1872. S. 54.

[3] Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 21. S. 412.

ВОПРОСЫ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В СТАТЬЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА И К. КАУТСКОГО «ЮРИДИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

Аннотация. Представленное исследование посвящено анализу взглядов марксистов на будущее права. В статье исследуются взгляды Фридриха Энгельса на предмет понимания права, изложенные им в работе «Юридический социализм». В данной работе Ф. Энгельс предвосхищает развитие теологического правовопонимания, свойственного для всех европейских стран, объединённых католицизмом. В ходе настоящего исследования автор приходит к выводу, что основоположники марксизма не утверждали, что в следующей после капиталистической общественно-экономической формации не будет права, они только констатировали, что там точно не будет буржуазного права. Данное видение взглядов марксистов в корне меняет представление о марксистской концепции будущего права, сложившееся в отечественной науке.

Ключевые слова: Марксизм, капитализм, социализм, коммунизм, революция, юриспруденция, право, закон.

KRIZHUS Igor Konstantinovich,
Senior Lecturer
Department of Theory and History of State and Law
Siberian Federal University

QUESTIONS OF LAW AND STATE IN THE ARTICLE BY F. ENGELS AND K. KAUTSKY «LEGAL SOCIALISM»

Annotation. The presented research is devoted to the analysis of the views of Marxists on the future of law. The article examines the views of Friedrich Engels on the understanding of law, expressed by him in his work “Legal Socialism”. In this paper, F. Engels anticipates the development of the theological understanding of law, characteristic of all European countries united by Catholicism. In the course of this study, the author concludes that the founders of Marxism did not claim that there would be no law in the next socio-economic formation after the capitalist one; they only contended that there would definitely be no bourgeois law there. This vision of the views of Marxists radically changes the idea of the Marxist concept of the future of law, which has developed in Russian science.

Key words: Marxism, capitalism, socialism, communism, revolution, jurisprudence, law, law.

Введение. В 1880-е годы в марксистском теоретическом журнале Социал-демократической партии Германии «Die Neue Zeit» была опубликована серия статей, пытающихся противостоять анализу политической экономии, исходящей из Катедер-социализма (нем. Kathedersozialismus, от Katheder — кафедра), разновидность буржуазного социализма. Возник в Германии в 60–70 гг. XIX в. в качестве реакции представителей официальной нем. буржуазной науки (главным образом политической экономии) на рост социалистической сознательности рабочего класса. Большинство представителей катедер-социализма занимали профессорские кафедры университетов. В 1872 г.

они объединились в Союз социальной политики с целью борьбы против марксизма и проповеди с университетских кафедр о необходимости вмешательства государства в экономические и социальные отношения якобы для введения «социализма» сверху [1] и других реформистских тенденций в рамках немецкой буржуазной социал-демократической мысли. В январе 1887 г. в статье «Юридический социализм» [4] были изложены противоречия, связанные с юридическими требованиями социальной реформы, сделанными австрийским профессором Антоном Менгером.

Оригинальная рукопись «Juristen-Sozialismus» была подготовлена Ф. Энгельсом в

октябре 1886 г., но после того, как он заболел, он решил, что она будет завершена редактором Die Neue Zeit Карлом Каутским. Статья была опубликована анонимно: ни Энгельс, ни Каутский не желали публично связываться с Катедер-социализмом. Однако подлинное авторство «Juristen-Sozialismus» было открыто в 1904 г. французским журналом Mouvement Socialiste.

В некоторых важных аспектах «Юридический социализм» формирует континуум с «Критикой Готской программы» (1875) Маркса и «Критикой проекта социал-демократической программы» Энгельса (1891). Вместе с тем, он также представляет собой отход от этих двух основных работ в том плане, что он более полемичен и явно рассматривается в политической практике, характерной для юридического мировоззрения.

Основная часть. Какие же обстоятельства обусловили написание соответствующей работы Ф. Энгельсом? Статья «Юридический социализм» была задумана Энгельсом в октябре 1886 г. в связи с выходом в свет книги австрийского буржуазного социолога и юриста А. Менгера «Право на полный трудовой доход в историческом освещении», в которой делалась попытка доказать «неоригинальность» экономической теории Маркса и якобы заимствование им своих выводов у английских социалистов-утопистов (Томпсона и др.). В критикуемой Ф. Энгельсом работе А. Менгера, якобы было доказано, что Маркс был плагиатором и термин «прибавочная стоимость» использовался еще до Маркса, хотя и в другом смысле.

Поэтому цель написания и публикации статьи «Юридический социализм» заключалась в том, чтобы отразить нападки на экономическую теорию Маркса, критику реформизма и противодействовать их влиянию на рабочее движение. Так же, не считая возможным пройти мимо этих клеветнических измышлений Менгера, а также фальсификации им существа самого учения Маркса, Энгельс решил дать ему отповедь в печати. В статье «Юридический социализм» Ф. Энгельс предвосхищает развитие теологического правопонимания, свойственного для всех европейских стран, объединенных католицизмом.

В соответствии с материалистическим пониманием общественного развития, старый класс видным представителем которого являлось духовенство, уступал главенствующую роль новому классу – буржуазии. Если ранее церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления, то смена общественно-экономических отношений должна была породить новую систему научного познания мира. По словам Ф. Энгельса, «скроенное по мерке феодализма католическое мировоззрение не могло больше удовлетворять этот новый класс, так как оно не соответствовало

созданным им новым условиям производства и обмена» [4, с. 496].

По мнению Ф. Энгельса, религиозное мировоззрение со времен французской революции было заменено юридическим, которое должно было стать классическим мировоззрением буржуазии. Однако это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство.

Но буржуазия породила своего антипода, пролетариат, а с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще раньше, чем буржуазия окончательно завоевала политическую власть.

Рабочий класс, который вследствие превращения феодального способа производства в капиталистический был лишен всякой собственности на средства производства и для которого под воздействием механизма капиталистического способа производства это отсутствие собственности стало состоянием, неизменно передающимся по наследству всем последующим поколениям, – этот класс не может в юридической иллюзии буржуазии найти исчерпывающее выражение своих жизненных условий. Он может сам вполне осознать эти свои жизненные условия только в том случае, если будет рассматривать вещи такими, какие они есть в действительности, а не сквозь юридически окрашенные очки. А в этом помог ему Маркс, своим материалистическим пониманием истории, доказав, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете определяются экономическими условиями их жизни, их способом производства и обмена продуктов. Тем самым, было выдвинуто мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата; отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах. И это пролетарское мировоззрение совершает теперь свое победное шествие по всему миру [4, с. 498].

Центральная часть статьи посвящена полемике с А. Менгером о влиянии развития экономического базиса, уровне развития производственных отношений на общественное сознание и мировоззрение. Так, в статье критикуются измышления профессора права А. Менгера [1], который полагал, что уже во времена упадка Римской империи существовали экономические предпосылки современного социализма, что еще никогда экономические условия не были так благоприятны для социализма, как во времена римских императоров.

Полемизируя с утверждением А. Менгера о заимствовании Марксом термина «прибавочная стоимость», Энгельс пишет, что и эта «дополни-

тельная стоимость» Томпсона ни в коем случае не совпадает с прибавочной стоимостью Маркса, а охватывает всю стоимость, прибавленную трудом к сырью, следовательно, равняется сумме стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости в Марксовом смысле.

Точно так же обстоит дело с юридическим социализмом г-на Менгера. В предисловии г-н Менгер заявляет, что «в юридической переработке социализма» он видит «важнейшую задачу философии права нашего времени». «Правильное разрешение этой задачи будет существенно содействовать тому, чтобы неизбежные изменения нашего правопорядка совершались путем мирной реформы. Только тогда, когда социалистические идеи будут превращены в трезвые юридические понятия, практические государственные мужи будут в состоянии понять, насколько необходимо преобразование существующего правопорядка в интересах страдающих народных масс» [3].

Сказанное, конечно, не означает, что социалисты отказываются от выставления определенных требований правового характера. Активная социалистическая партия без таких требований невозможна, как вообще всякая политическая партия. Требования, вытекающие из общих интересов какого-либо класса, могут быть осуществлены только путем завоевания этим классом политической власти, после чего он придает своим притязаниям всеобщую силу в форме законов. Каждый борющийся класс должен, поэтому, формулировать свои притязания как требования правового характера в виде программы. Но притязания каждого класса меняются в ходе общественных и политических преобразований, они различны в каждой отдельной стране, в зависимости от ее особенностей и уровня ее социального развития. Поэтому и требования правового характера, выдвигаемые отдельными партиями, при всей общности их конечной цели не во всякое время и не у всякого народа полностью одинаковы. Они представляют собой переменный элемент и время от времени пересматриваются, как это можно наблюдать у социалистических партий различных стран. При таких пересмотрах принимаются в расчет фактические отношения; в то же время ни одной из существующих социалистических партий не приходило в голову сделать из своей программы новую философию права, и этого не произойдет и в будущем. По крайней мере то, что совершил г-н Менгер в этой области, способно только отпугнуть от такого начинания.

Наиболее остро в работе освещен вопрос о самостоятельности юриспруденции, определяется ее бытие. По словам Ф. Энгельса, «борьба обоих мировоззрений, само собой разумеется,

еще продолжается, и не только между пролетариатом и буржуазией, но и между свободно мыслящими рабочими и рабочими, находящимися еще во власти старых традиций. В общем старое мировоззрение защищают обычные политики, с помощью обычных аргументов. Однако существуют ещё и так называемые ученые юристы, делающие из юриспруденции особое призвание» [4].

Здесь же в работе имеется примечание, отсылающее к статье Ф. Энгельса о «Людвиге Фейербахе» [4, с. 312], в которой указано: «У политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно. Поскольку в каждом отдельном случае экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива и поскольку при этом следует, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права, постольку теперь кажется, что юридическая форма – это все, а экономическое содержание – ничто. Государственное и гражданское право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий».

Притом и политическая экономия относится к так называемым наукам и к тому же с несколько большим основанием, чем философия права, ибо она занимается фактами, а не как последняя, одними лишь представлениями [4, с. 499].

Далее, «политико-экономическое обрамление» у Маркса представляет собой – и это особенно, удручает нашего юриста – не только чисто экономическое исследование. Оно носит по преимуществу исторический характер. Оно показывает ход общественного развития от феодального способа производства средних веков до современного развитого капиталистического способа производства, исчезновение прежних классов и классовых противоположностей и образование новых классов с новыми противоположными интересами, которые, между прочим, выражаются и в новых правовых требованиях [4].

Необходимо отметить, что А. Менгер впервые ясно формулировал суть юридического социализма (Juristen-sozialismus) против которого была направлена вышеуказанная статья Ф. Энгельса и К. Каутского. А. Менгер призывал «утопические социалистические идеи очистить от бесконечных экономических и филантропических рассуждений и превратить их в трезвые понятия права».

Однако ошибочность такого подхода и критиковалась Энгельсом, в связи с жесткой детерминированностью права экономическим базисом.

В противоположность революционному социализму, предполагающему классовую борьбу и диктатуру пролетариата, юридический социализм путь к социализму понимает либо как юридическое (правовое) перерождение капитализма в новый, социалистический строй либо как юридическое перерастание в социализм. Поэтому «юридический социализм» – это термин, введенный Ф. Энгельсом для обозначения школы «социализма», которая ошибочно утверждает, что переход от капитализма к социализму может и должен осуществляться только правовым порядком, т.е. законодательным или вообще легальным путем.

Статья Энгельса направлена против идеалистических положений буржуазной науки, определяющих право, согласно которому юридические установления представляются первичными по отношению к действительно существующим экономическим отношениям, все еще распространен. Его носители утверждают, что вначале принимаются правовые нормы, а затем уже на их основе возникают экономические отношения.

Такое идеалистическое представление было опровергнуто Энгельсом: «Поскольку товарообмен в масштабе общества и в своём наиболее развитом виде вызывает, особенно благодаря системе авансирования и кредита, сложные договорные отношения, которые могут быть даны только обществом в целом, как правовые нормы, установленные государством, – постольку создавалось представление, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим фактам, а формальным установлениям, вводимым государством» [4, с. 496].

Буржуазия, по мнению Ф. Энгельса, хотела строгого правопорядка, единообразного законодательства, до конца доведенной централизации, осуществления на деле тех стройных норм, которые возведены были у классиков и больше обещали действительность абсолютных монархий, чем воспроизводили подлинное состояние их. Ф. Энгельс назвал эту идеологию буржуазии, борющейся за свое господство, «юридическим социализмом», имея в виду и просветителей Франции, и просветителей других стран. «Религиозное знамя развевалось в последний раз в XVII столетии в Англии, а меньше чем через пятьдесят лет во Франции появилось в своём настоящем виде новое мировоззрение, которое должно было стать классическим мировоззрением буржуазии, – юридическое мировоззрение» [7].

«Юридический социализм», а с ним и буржуазный классицизм проповедовали свободу, равенство и братство людей, – в сущности, формаль-

ные, через юридический закон и перед лицом юридического закона. Чем суровее толковался этот правовой порядок, тем сильнее была иллюзия, будто он означает свободу, братство, равенство на деле, будто строгая тождественность одного гражданина и другого гражданина перед законом означает их полнейшее равенство в реальных жизненных отношениях.

Буржуазное юридическое мировоззрение складывалось в ходе борьбы буржуазии против феодальных отношений и абсолютизма. Ф. Энгельс под юридическим мировоззрением понимал «классическое мировоззрение буржуазии», которое приходит на смену теологическому мировоззрению средних веков.

Гносеологические представления о праве как первооснове общества связаны с тем, что правовые формы простого товарного производства, выраженные еще римским правом, оказались необходимыми и для отношений капиталистического товарного хозяйства. Поскольку эти правовые формы пережили смену общественных формаций и разных политических систем, возникла иллюзия, будто они и есть наиболее прочная и совершенная основа общества.

В период становления капитализма существенно возросла роль права как в экономике, так и в политике, что также способствовало упрочению позиций юридического мировоззрения. Хотя последнее подчеркивало важность правовых начал и законности в жизни общества, выступало с антифеодальным требованием «заменить правление людей правлением закона», оно в искаженном виде изображало действительные закономерности общественного развития.

Буржуазный взгляд на юриспруденцию абсолютизировал правовую форму общественных отношений, маскируя их реальное социальное содержание: на деле буржуазный закон скрывал за юридическим равноправием фактическое неравенство, за формулой свободы договора – экономическое принуждение и т.д. На подобном мировоззрении был основан и т.н. юридический социализм А. Менгера и др. – реформистская теория о возможности перерастания капитализма в социализм исключительно путем совершенствования законов.

Следует отметить, что ошибочность такой позиции была продемонстрирована неудачной практикой построения социализма «сверху» в бывшей Российской Империи. Для перехода от капитализма к социализму, а тем более – коммунизму, нужны именно объективные причины, т.е. изменения экономического базиса, обусловленные его эволюцией.

Рассматриваемая работа Ф. Энгельса и К. Каутского оставила заметный след в истории раз-

вития политико-правовой теории К. Маркса и Ф. Энгельса. В ней сделан акцент на зависимость права от экономической основы общества, и показано отношение теоретиков марксизма на второстепенную и зависимую роль правового мировоззрения.

Эпоха ранних буржуазных революций идеологически выступает как период противоречивого перехода от теологического к юридическому мировоззрению. Энгельс говорит о двух крупных вехах в идеологическом развитии человечества: о типе общественного сознания, к которому объективно тяготело феодальное средневековье, находившее в католической церкви «свой наиболее общий синтез и свою высшую санкцию», и об объективных мыслительных формах, порождаемых капиталистическим хозяйственным укладом [8].

Теологическое и юридическое мировоззрения противоположны друг другу и вместе с тем находятся в отношении исторической преемственности. «Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер,— замечает Энгельс.— Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством».

Основные философско-правовые завоевания XVI—XVII вв. по духу своему, прежде всего «контртеологичны»; они обретенны в непрекращающейся полемике со средневековым пониманием общества и государства. Каноническое право средневековья еще постоянно витает перед умственным взором философов-новаторов, и многие из идей, установок, понятий, фигурирующих в их концепциях, возникают путем радикального переосмысления этого права. Вовсе не случаен тот факт, что раннебуржуазное правосознание рождается в горниле Реформации (т.е. в религиозных спорах с господствующей римско-католической церковью); что Спиноза пишет не просто «политический», но «Богословско-политический трактат»; что философско-правовая интерпретация Писания занимает более половины политических текстов Гоббса; и т.д. Победоносным антиподом мировоззрения, утверждавшегося средневеково-католической церковью, оказывается еще не атеизм, а абстрактное свободомыслие, антиавторитарное сознание (будь то христианское, деистическое или иррелигиозное), которое ставит во главу угла идею личной независимости и удовлетворяется политико-юридической иллюзией общественной жизни. Сколь бы ограниченным ни казалось это явление по мерке позднейших социальных теорий, сколь

бы неубедительными ни выглядели сегодня такие процедуры, как отождествление гражданского общества и государства, объяснение политических институтов из некогда состоявшегося «первоначального договора», изображение частной собственности как вещественной кристаллизации индивидуального «трудолюбия и бережливости» и т.д. — это не только простительно для мыслителей XVI—XVII вв., но и составляет их историческую заслугу.

Политико-юридическая иллюзия общества играла огромную роль в критических расчетах с феодализмом. В отличие от консервативного «юридического фетишизма» первой половины XIX столетия она, по словам Маркса, служила для возвышения антифеодальной борьбы, «для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности» [3, с. 121].

Проблема теологического и юридического мировоззрения не впервые возникает в марксистской литературе. До сих пор, однако, в центре внимания исследователей оказывалось юридическое мировоззрение как «классическое мировоззрение буржуазии». Весьма важно отметить, что Ф. Энгельс и К. Каутский трактовали правовую идеологию широко, как любые требования отдельных социальных групп, классов, независимо от их действительности или иллюзорности и одновременно подчеркивали их исторически изменчивый характер [7, с. 1174].

Рассматриваемая статья Ф. Энгельса И. К. Каутского была использована в ранних публикациях советских авторов для обоснования их научных концепций. Заметную роль в процессе зарождения и становления советской теории права сыграл П.И. Стучка. По его собственной оценке, «решающее значение» для всего его подхода к праву имела статья Ф. Энгельса и К. Каутского «Юридический социализм». Содержащаяся в этой статье трактовка юридического мировоззрения как классического мировоззрения буржуазии, по мнению Стучки, стала одним из основных доводов «для необходимости нашего нового правопонимания, и новой оценки права» [6, с. 76].

Основными началами такого нового, революционно-марксистского правопонимания Стучка считал:

- 1) классовый характер всякого права;
- 2) революционно-диалектический метод (вместо формальной юридической логики);
- 3) материальные общественные отношения как базис для объяснения и понимания правовой надстройки (вместо объяснения правовых отношений из закона или правовых идей).

Признавая при этом «необходимость и факт особого «советского права», Стучка усматривал

эту особенность в том, что «советское право» есть «пролетарское право».

Эта идея вытеснения права (как буржуазного явления) планом (как социалистическим средством) имела широкое распространение и, по сути дела, отражала внутреннюю, принципиальную несовместимость права и социализма, невозможность юридизации социализма и социализации права.

В классово-социологическом подходе Стучки понятия «система», «порядок», «форма» лишены какой-либо юридической специфики и собственно правовой нагрузки. Отсюда и присущие его позиции сближения или даже отождествления права с самими общественными, производственными, экономическими отношениями. Для большинства советских марксистских авторов послереволюционного времени, как и для Стучки, классовый подход к праву означал признание наличия о марксистской концепции, так называемого пролетарского права.

По-другому классовый подход к праву был реализован в трудах Е.Б. Пашуканиса, прежде всего, в его книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» [5, с. 129]. В этой работе он ориентировался по преимуществу на представления о праве, имеющиеся в «Капитале» и «Критике Готской программы» Маркса, «Анти-Дюринге» Энгельса, «Государстве и революции» Ленина.

Для Пашуканиса буржуазное право – это исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право. С этих позиций он отвергал возможность «пролетарского права». По характеристике Пашуканиса, всякое юридическое отношение есть отношение между субъектами. «Субъект – это атом юридической теории, простейший, неразложимый далее элемент» [5, с. 62].

Правопонимание при таком негативном подходе к праву вообще с позиций коммунистического отрицания его как буржуазного феномена, по сути, предстает как правоотрицание. Познание права подчинено здесь целиком целям его преодоления. Это антиюридическое мировоззрение в том или ином виде нашло свое воплощение и реализацию в правовом нигилизме всей послереволюционной теории и практики социальной регуляции.

Заключение. На основе положений Ф. Энгельса, в том числе изложенных в рассматриваемой статье, в советской науке была начата критика юридического социализма, критика, выдвинувшая на первое место революционную (а не эволюционную, или консервативную) роль права и классовый характер всякого права. Дума-

ется, что советские авторы, в целом правильно понимая изложенные тезисы Ф. Энгельса, ошибочно считали «буржуазное» право последний его формой выражения и отрицали существование права в следующей общественно-экономической формации.

Это обусловлено неправильным пониманием положения марксистов, согласно которому переход от капитализма к социализму возможен только революционным путем в ходе трансформации общественного базиса.

Безусловно, такой переход может и должен осуществляться и при помощи правовых средств, т.е. законодательным или вообще легальным путем. Но, в любом случае, невозможно трансформировать общественный базис «сверху».

Но, так как в нашей стране преждевременно, без объективных на то предпосылок была поставлена цель на построение социализма и коммунизма в дальнейшем, то руководители отечественного государства того времени, сами того не желая, встали на путь «юридического социализма», пытаясь при помощи пролетарского законодательства создать социализм на совершенно неподготовленной почве.

Так же указанное отрицание права на следующей общественно-экономической формации возникло из-за неправильного понимания права, только с позитивистских начал, опосредующих право только такой политической организацией общества как государство.

При любой общественно-экономической формации, в силу наличия там экономических отношений, последние обязательно находят отражение в правовой форме. В любом обществе действуют нормативно-регулятивные средства в качестве регулятора общественных отношений и то, что они будут обеспечиваться не государством, а другой политической организацией общества, не лишает их других признаков права.

Ни Маркс, ни Энгельс не утверждали, что в следующей после капиталистической общественно-экономической формации не будет права, они только констатировали, что там точно не будет буржуазного права. Поэтому, несмотря на внешнюю принадлежность советских теоретиков права к материалистической концепции, последняя была ими не до конца понята, что сделало их, в итоге, последователями позитивистской концепции.

Однако в отличие от позитивистского противопонимания, жестко связывающего появление права с государством, материалистическая теория признает наличие длительного исторического периода существования права без государства. Более того, можно говорить о периодах, когда право носит бесклассовый характер, затем клас-

совый, а потом, в силу закона цикличности развития – опять будет носить бесклассовый характер.

Действительную причину возникновения и развития права материалистическая теория видит в экономических отношениях, а не в государстве. Эволюция права, возникшего в связи с необходимостью регулирования экономических отношений, складывающихся между индивидуумами, будет зависеть от уровня развития данных отношений. Сложно представить общество, в котором отсутствуют отношения между индивидуумами по поводу производства и распределения материальных и духовных благ, а соответственно и право, как их регулятора. Поэтому, даже в связи с гипотетическим отмиранием государства, право никак не может исчезнуть, просто оно будет обеспечиваться иной политической организацией общества, как, например, в догосударственный период своего существования.

Список литературы:

[1] Dr. Anton Menger. «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung». - Stuttgart, Cotta, 1886.
 [2] Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1969 - 1986.
 [3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 8. - 705 с.
 [4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 21. - 745 с.
 [5] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий / Коммунистическая Академия. Секция общей теории права и государства; Е. Пашуканис.

– 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1926. - 129 с.

[6] Стучка П.И. Курс советского гражданского права. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1927. - Т. 1. - 230 с.

[7] Сырых В.М. Материалистическая теория права. Избранное. – М.: РАП, 2011. - 1260 с.

[8] Философия эпохи ранних буржуазных революций / отв. ред. Т.И. Ойзерман. – М.: Наука, 1983. - 584 с.

Spisok literatury:

[1] Dr. Anton Menger. «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung». - Stuttgart, Cotta, 1886.
 [2] Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. v 30-ti t. – 3-e izd. – М.: Sovet. jencikl., 1969 - 1986.
 [3] Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. – 2-e izd. – М.: Gospolitizdat, 1957. – Т. 8. - 705 s.
 [4] Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. – 2-e izd. – М.: Gospolitizdat. 1957. – Т. 21. - 745 c.
 [5] Pashukanis E.B. Obshhaja teorija prava i marksizm. Opyt kritiki os-novnyh juridicheskikh ponjatij / Kommunisticheskaja Akademija. Sekcija ob-shhej teorii prava i gosudarstva; E. Pashukanis. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Izd-vo Kommunisticheskoy Akademii, 1926. - 129 s.
 [6] Stuchka P.I. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. – М.: Izd-vo Kommunisticheskoy Akademii, 1927. - Т. 1. - 230 s.
 [7] Syryh V. M. Materialisticheskaja teorija prava: Izbrannoe. – М.: RAP, 2011. - 1260 s.
 [8] Filosofija jepohi rannih burzhuaznyh revoljucij / отв. red. T.I. Oj-zerman. – М.: Nauka, 1983. - 584 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
 учебных и методических
 пособий, монографий,
 научных статей.

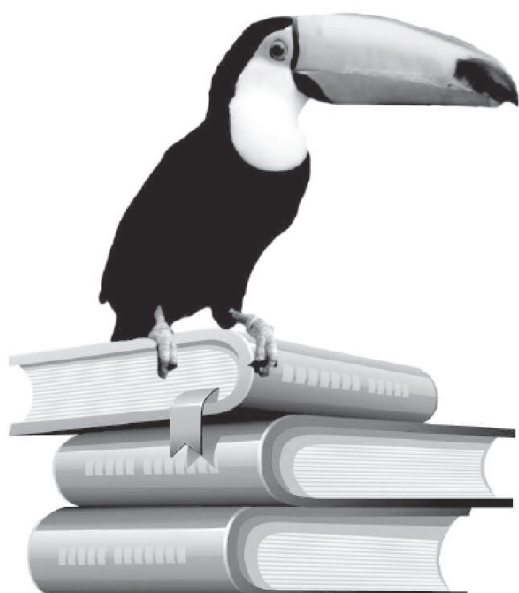
Профессионально.

В максимально
 короткие сроки.

Размещаем
 в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в

ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется **БЕСПЛАТНО**, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на **ДОГОВОРНОЙ** основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за **ПЛАТУ**.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:
- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматике и стилистике языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое – 3,5 см, правое, верхнее, нижнее – по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;
2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;
3. Название статьи (буквы – прописные);
4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);
5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (/ /), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (/ /) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References), в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (<http://translit.ru/?direction=ru&account=lc>);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (/ /);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07

ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. Актуальность исследования вызвана ... Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

**MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER
EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО № 6 • 2021

Annotation. The relevance of the research is caused by ... Purpose: ... The research methodology is ... As a result, it is justified ... First, ... Second, ... The authors conclude that ... In this connection, it is important to note ...

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи

.....

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (дата обращения 30.07.2018).

[8].....

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: <http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/> (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov> (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N2. P. 68-75. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1177/1045159515602256> (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8]

ОБРАЗОВАНИЕ *и* ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Сдано в набор 10.09.2021. Подписано в печать 24.09.2021.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Печ. л. 53,25.
Тираж 1200 экз. Заказ № 109.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.